

У ЧЭН-ЭНЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ЗАПАД

РОМАН

ТОМ II

*Перевод с китайского
А. Рогачева*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

Примечания
А. РОГАЧЕВА

Переводы стихов под редакцией
А. АДАЛИС и И. ГОЛУБЕВА

Оформление художника
Г. ФИШЕРА



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

повествующая о том, как Сунь У-кун искал на трех островах небожителей средство для возрождения дерева жизни и как бодисатва Гуань-инь оживила это дерево святой водой*

Идет по лезвию ножа
Избравший праведности путь,
О кончике вершка в пути,
Рожденный в мире, не забудь!
Ведь осторожность словом «жэнь»
Передается с давних пор.
Да, осторожность для людей —
Главнейшая из всех опор.
Подумать надо много раз,
Как гнев терпением побеждать.
Не спорят славные мужи
О том, как доблесть передать,
И добродетельный мудрец
Несет ее до наших дней,
А сильные оставят нам
Своих детей — еще сильнее.
Но все уходит в пустоту —
Небытие таится в ней¹.

Итак, праведник Чжэнь-юань, взяв за руку Сунь У-куна, сказал:

— О твоих способностях и храбрости я много слышал. Но на сей раз ты перешел всякие границы и, что бы ты ни делал, к каким бы волшебным способам ни прибегал, сейчас ты из моих рук не уйдешь. Я сам отправлюсь с вами в Индию, поведу вашего Будду и добьюсь, чтобы ты вернул нам дерево жизни. Смотри не пускай в ход свою магию.

¹ Здесь и дальше стихи в обработке Н. Павлович.

— Ах, учитель, вы словно дите малое! — рассмеявшись сказал Сунь У-кун. — Возродить дерево жизни совсем не трудно. Знал бы я раньше, что вы этого хотите, давно бы кончились все раздоры.

— В таком случае, — сказал праведник, — я согласен помириться с тобой.

— Освободите моего учителя, — сказал Сунь У-кун, — а я верну вам дерево жизни. Согласны?

— Если ты обладаешь волшебной силой, способной вернуть мне дерево жизни, то я готов восемь раз поклониться * тебе и назвать тебя своим братом.

— Все это не так важно, — сказал Сунь У-кун. — Вы только освободите моих товарищей, а я верну вам ваше дерево целым и невредимым.

Праведник поверил Сунь У-куну и тут же приказал освободить Сюань-цзана, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна.

— Учитель, — обратился Ша-сэн к Сюань-цзану. — Что за штуку собирается выкинуть наш брат?

— Какую там еще штуку, — сказал Чжу Ба-цзе. — Это значит «сыграть на человеческих чувствах»! Дерево погибло, откуда же взять средство, чтобы оживить его! Хвастовство одно! Он хочет освободиться и отправиться в путь. А до нас ему никакого дела нет!

— Нет, он не посмеет бросить нас, — возразил Сюань-цзан. — Мы спросим, где это он собирается достать такое волшебное средство.

— Сунь У-кун, ты зачем обманываешь праведника: хочешь освободить нас? — обратился к своему ученику Сюань-цзан.

— Я вовсе не обманываю, — запротестовал Сунь У-кун. — А говорю сущую правду.

— Куда же ты думаешь отправиться? — снова спросил Сюань-цзан.

— Еще в древности люди говорили, что «всякая помощь исходит от моря», — отвечал на это Сунь У-кун. — Так вот я и думаю отправиться к Великому Восточному морю, объеду три острова небожителей и десять материков, побываю у бессмертных духов и мудрых старцев и попрошу у них средство для оживления умерших. Ручаюсь вам, что дерево оживет.

— Когда же ты думаешь вернуться обратно? — спросил Сюань-цзан.

— Да дня через три, не позднее, — сказал в ответ Сунь У-кун.

— Ну, если так, то пусть будет по-твоему, — согласился Сюань-цзан. — Даю тебе три дня сроку. Вернешься, все будет в порядке, удержишься — я стану читать известное тебе заклинание.

— Слушаюсь, учитель, — поспешил согласиться Сунь

У-кун и, оправив на себе одежду из шкуры тигра, вышел из ворот. Подойдя к праведнику, он промолвил:

— Почтенный, вы можете быть совершенно спокойны. Я непременно вернусь. Только смотрите, чтобы о нашем учителе заботились как следует. Три раза в день он должен пить чай и шесть раз получать пищу. Если он хоть в чем-нибудь будет испытывать недостаток, вы будете иметь дело со мной. Помните, что как-то раз я уже разбил у вас котел. Если у учителя загрязнится одежда — пусть ее стирают. Следите за цветом его лица, предупреждаю, шутить не буду. И смотрите, чтобы он не похудел, иначе мы вас не оставим в покое.

— Ладно, ладно, отправляйся, — ответил праведник. — И можешь быть спокоен — голодать ему не придется.

О, прекрасный Царь обезьян! Совершив прыжок в воздухе, он вскочил на облако, покинул Учжуангуань и отправился к Великому Восточному морю. Он летел по воздуху, как молния, и был стремителен, как метеор. Вскоре он прибыл к острову страны бессмертных Пэнлай. Остановив облако, он внимательно посмотрел вниз и увидел чудесную картину.

Сонм мудрецов. Благословенный край, —
Волшебный остров на море Пэнлай;
Но никнут волны здесь у берегов,
И свет и тени яшмовых дворцов
Восходят до небесной высоты:
Их отблески по морю разлиты.
Здесь заросли бамбука на холмах,
В прозрачной дымке, в солнечных лучах.
Ван-му — царица неба — ходит там
И персики подносит мудрецам.

Сунь У-кун не мог охватить взором той волшебной красоты, которая открылась перед его глазами. Наконец он спустился на землю этой благодатной страны и пошел вперед. Вдруг он заметил перед входом в белую пещеру трех старцев небожителей, которые в тени сосны играли в шашки. На главном месте за шашечной доской сидел дух звезды Долголетия и наблюдал за игрой духов звезд: звезды Счастья и звезды Благополучия. Сунь У-кун подошел к ним и сказал:

— Прошу вас, уважаемые братья, принять мой поклон!

Старцы убрали шашки и, отвечая на приветствие, спросили:

— По какому делу вы явились, Великий Мудрец?

— Да вот хотел поиграть с вами в шашки, — сказал Сунь У-кун.

— Я слышал, что вы отказались от даосизма и исповедуете буддизм, — промолвил дух звезды Долголетия. — Мне стало так же известно, что вы ушли из мира и сопровождаете Танского монаха в Индию за священными книгами, что вам каждый день приходится проделывать большие расстояния, пре-

одолевать горы и пересекать реки. Как же вам удалось выбрать свободное время, чтобы поиграть с нами?

— Не хочется мне обманывать вас, почтенные старцы,— сказал тогда Сунь У-кун.— В пути мы встретили препятствие. Вот я и пришел просить вашей помощи. Не знаю только, согласитесь ли вы помочь нам.

— Что за препятствие и где именно вы его встретили? — спросил дух звезды Счастья.— Расскажите, пожалуйста, более подробно, может быть, мы что-нибудь и придумаем.

— Да, препятствие возникло у нас в то время, когда мы проезжали мимо монастыря Учжуангуань, на горе Ваньшоушань,— сказал Сунь У-кун.

— Учжуангуань — обиталище великого праведника Чжэньюаня! — изумленно воскликнули старцы.— Может быть, вы съели плоды с дерева жизни?

— А что же тут особенного? — сказал на это Сунь У-кун.

— Ну и обезьяна! — воскликнули старцы,— не разбирается даже в том, что хорошо, что плохо. Тот, кто понюхает плод жизни, доживает до трехсот шестидесяти лет. Кто съест его — проживет сорок семь тысяч лет. Эти плоды называются плодами бессмертия. В нашем учении нет ничего подобного. Истину эту Чжэньюань познал без особого труда, и он может теперь быть вечным, как небо. А нам, чтобы воспитать в себе духовные силы, укрепить энергию и научиться обуздывать свои страсти, нужно потратить уйму сил и времени. Как же ты можешь говорить, что эти плоды ничего не стоят. Ведь в Поднебесной всего одно священное дерево.

— Священное, священное! — передразнил Сунь У-кун.— Да я это священное дерево вырвал с корнем.

— Как с корнем? — изумились старцы.

— Позавчера, когда мы пришли в монастырь Учжуангуань, праведника там не было, оставались двое послушников, которые вышли встречать нашего учителя. Они преподнесли ему два плода жизни. Однако наш учитель, ничего не зная о существовании таких плодов, принял их за новорожденных младенцев и, несмотря на уговоры, решительно отказался съесть их. Послушники отнесли плоды к себе в комнату и съели, даже не подумав угостить нас. Тогда я выкрал три плода, и вместе с братьями мы съели их. Тут послушники, не разобравшись в чем дело, начали всячески поносить и оскорблять нас, называя ворами. Меня это возмутило, я выдернул их дерево с корнем и повалил на землю. Плоды куда-то исчезли, ветки поломались, листья облетели, корни вышли наружу, и дерево засохло. Послушники попытались было запереть нас в монастыре, но я открыл все ворота, и мы ушли. На следующее утро в монастырь вернулся праведник. Договориться с ним по-хорошему мы не могли, и между нами началась борьба. Праведник при помощи волшебства захватил нас в свой рукав. Затем нас свя-

зали и начали бить. Избивали весь день. А ночью мы снова бежали. Однако праведник догнал нас и захватил, как и в первый раз. Причем в руках у него не было ни цуня¹ железа и отбивался он опахалом. Я и мои братья, обладая волшебным оружием, так и не могли ничего с ним сделать. На этот раз он приказал завернуть в полотно моего учителя и побратимов, а меня велел бросить в котел с кипящим маслом. Однако я тут же перевоплотился и избежал наказания, а котел разбил. Видя, что со мной не так-то легко справиться, он немного струсил, и, наконец, мы договорились. Я попросил его освободить моего учителя и побратимов, а за это обещал ему вернуть к жизни священное дерево. Памятуя о том, что «всякая помощь исходит из моря», я решил отправиться в вашу волшебную страну и навестить вас, почтенные братья. Если у вас есть какое-нибудь средство, с помощью которого можно возродить священное дерево, назовите его. Этим вы поможете Танскому монаху избавиться от беды.

— Ты, обезьяна, не умеешь распознавать людей,— выслушав Сунь У-куна, с горечью сказали старцы.— Праведник Чжэнь-юань — предок земных святых. Мы же принадлежим к божествам. А ты хоть и являешься небесным существом, но сейчас ты не у дел, всего-навсего член секты Тай-и, и не входишь даже в число божеств. Как же тебе удалось уйти от праведника? Если бы ты убил какое-нибудь животное или насекомое, рыбу или змею, то их можно было бы оживить эликсиром, который мы делаем из проса. Но дерево жизни, священное дерево, как мы можем оживить его? Нет, такого средства мы не имеем.

Услышав это, Сунь У-кун нахмурил брови, и на лбу его появились тысячи морщин.

— Возможно, оно есть в другом месте,— сказал, заметив это, дух звезды Счастья.— Зачем же сразу расстраиваться?

— Я могу, конечно, поискать,— сказал Сунь У-кун.— Мне ничего не стоит обшарить все моря и уголки вселенной и побывать на всех тридцати шести небесах*. Но Танский монах весьма строг в своих правилах и не очень великодушен. Он отпустил меня всего на три дня. Если же я не возвращусь в назначенный срок, он будет читать заклинание о сжатию обруча.

— Это замечательно! — воскликнули смеясь старцы.— Если не обуздать тебя, ты можешь пробуравить все небо.

— Успокойтесь, Великий Мудрец, и не сердитесь,— сказал тут дух звезды Долголетия.— Этот святой, хоть и относится к высшим божествам, однако водит знакомство и с нами. Мы давно не виделись с ним, и сейчас отправимся к нему в монастырь. Ну, а там замолвим за вас словечко и попросим вашего учителя не читать псалма. Так что не беспокойтесь о том,

¹ Цунь — мера длины, равная 3,2 сантиметра.

сколько дней вам придется странствовать, мы расстанемся с ним лишь тогда, когда вернетесь вы.

— Вот за это я чрезвычайно признателен вам,— обрадованно воскликнул Сунь У-кун.— Пожалуйста, отправляйтесь поскорее, а я поеду по своим делам.

О том, как они расставались, мы распространяться не будем.

Скажем лишь, что духи трех звезд сели на волшебное облако и в какой-нибудь миг очутились у монастыря Учжуангуань. В этот момент обитатели монастыря услышали высоко в небе курлыканье журавлей*. Оно извещало о прибытии духов.

Все небо загорелось сверканьем облаков,
И аромат разлился нежней, чем от цветов,
И в легкий пух и перья оделись облака.
Как поступь ног священных по облаку — легка! —
Луань* взлетела в небо: нет крыльев зеленой,
И ярко-алый феникс поднялся вслед за ней;
Тогда мудрец явился, окутан в аромат,
Сиял благоволеньем его блаженный взгляд.
И борода белела, упавшая на грудь,
На посох опирался он, собираясь в путь.
И кажется, печали совсем не ведал он,
Могуществом, здоровьем и счастьем наделен.
Как звезды долголетен, он осушал моря,
И полем стало море, свой урожай даря;
Владыкой долголетия тот дух небесный был,
И тыкву он и свиток у пояса носил.
Себе обитель духи повсюду обретут.
И материк и остров даруют им приют.
Приносят духи счастье, куда бы ни пришли,
В них мир, и долголетье, и радость для земли.

Послушники поспешили сообщить о прибытии духов.

— Учитель,— сказали они.— Со священных островов прибыли духи трех звезд.

Праведник, беседовавший в это время с Сюань-цзаном и его учениками, услышав это, спустился с лестницы встретить гостей. Увидев духа звезды Долголетия, Чжу Ба-цзе подошел к нему и, схватив за руку, смеясь сказал:

— Эй, кроткий старикашка! Давненько мы не виделись. А ты такой же чудак, как и раньше, все ходишь без шляпы.

Он нахлобучил свою монашескую шапку на голову духа звезды. Долголетия и, похлопав его рукой, расхохотавшись, сказал:

— Вот замечательно! Ну прямо вновь испеченный вельможа с пожалованным ему головным убором!

— Ах ты негодник,— рассердился дух звезды Долголетия, сорвав с себя шляпу.— Никак не научишься вести себя!

— Я-то что,— сказал Чжу Ба-цзе.— А вот ты и тебе подобные — настоящие рабы.

— Негодник ты,— сказал дух звезды Счастья,— как ты осмеливаешься других называть рабами.

— Почему же, если вы не рабы,— продолжал смеясь Чжу Ба-цзе,— вас называют «увеличивающий долголетие», «увеличивающий счастье» и «увеличивающий жалованье»?

Тут Сюань-цзан отогнал Чжу Ба-цзе и, поспешно оправив на себе одежду, приветствовал духов трех звезд* почтительным поклоном. Наконец после того как духи звезд приветствовали праведника как старшего, все уселись и начали беседу.

— Давно мы не видались с вами,— заметил дух звезды Благополучия,— но никак не могли почтить вас своим визитом раньше. И вот сейчас, узнав, что Великий Мудрец Сунь У-кун учинил беспорядок в вашей обители, мы решили навестить вас.

— Значит, Великий Мудрец побывал в вашей волшебной стране? — спросил праведник.

— Да,— отвечал дух Долголетия.— Он хотел достать у нас какое-нибудь средство, чтобы оживить священное дерево. Но поскольку у нас ничего подобного не было, он отправился искать в другое место. Он очень боится, что не управится за три дня и не вернется в назначенный срок, а его учитель начнет читать заклинание о сжатии обруча. Вот мы и прибыли, во-первых, навестить вас, а во-вторых, попросить о том, чтобы вы не ограничивали его сроком.

— Смею вас заверить, что не стану читать заклинание! — поспешил успокоить их Сюань-цзан.

В этот момент Чжу Ба-цзе снова пробрался вперед и, схватив за руку духа звезды Счастья, стал выпрашивать у него фрукты. Желая найти что-нибудь, он стал шарить у духа в рукавах, поднимая полы его кафтана.

— Чжу Ба-цзе,— укоризненно улыбнулся Сюань-цзан.— Ну разве это порядок?

— Тут дело не в порядке,— ответил Чжу Ба-цзе.— Ведь говорят: «Поищи — достигнешь благополучия и счастья».

Однако Сюань-цзан и на этот раз велел ему выйти. С неохотой покидая зал, Дурень с ненавистью смотрел на духа звезды Счастья.

— Негодник! — сказал дух звезды Счастья,— чем я тебя прогневил, что ты с такой ненавистью смотришь на меня?

— Никакой ненависти я к тебе не питаю,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Это называется: «Посмотри назад и увидишь счастье».

Выйдя из зала, Дурень встретил послушника, который нес четыре чайных ложечки и колокол, употребляемый праведником вместо чашки при приеме пищи. Выхватив у него все это, он вбежал в зал и, держа в руках цимбалы, начал беспорядочно колотить по колоколу.

— Этот монах становится все более непочтительным,— сказал праведник.

— Да какая же это непочтительность? — рассмеялся Чжу Ба-цзе,— это называется «Счастье и радость круглый год».

Однако оставим пока Чжу Ба-цзе и расскажем о том, как Сунь У-кун, покинув волшебную страну, вскоре прибыл на священный остров Фанчжан *. Это было удивительно красивое место.

Величественный остров,
Блаженный рай — Фанчжан;
Он был небесным духам
Для обитанья дан.
Сиял пурпурным светом
Великолепный трон,
Был путь к трем сферам неба
Тем светом озарен.
Неслось благоуханье
Деревьев и цветов,
Как радужная дымка
Плывущих облаков.
Золотоперый феникс
Хранил святой чертог:
Среди полей струился
Нефритовый поток;
Чжи * — древний знак священный
Там сеяли весной,
А персика и сливы
Зрел урожай двойной.
Бессмертье небожитель
Вкушал в плодах святых,
И силу долголетия
Он получал от них.

Сунь У-кун опустился на облаке вниз, но ему было не до того, чтобы любоваться красотами природы. Вдруг он ощутил изумительный аромат и услышал крик журавля. Здесь, несомненно, была обитель праведника.

Был радугами воздух
Окрестный осиян,
И веял светоносный
И радужный туман.

Был дивен алый феникс —
Он в клюве нес цветы,
Луань легко порхала,
Спустившись с высоты.

Под звуки чудных песен
Царило счастье там,
Бессмертье утвердилось,
Подобное горам.

Отшельник, отрок с виду,
Но телом был силен,
И эликсир бессмертья
Хранил в сосуде он.

На поясе висела
Волшебная печать.
Резьба Чжуань * покрыла
На ней металла гладь.

Печать древнее солнца,
И с ней мудрец не раз
Являлся, знаменуя
Счастливым день и час.

Освобождал от бедствий,
Спасал от горя мир,
И приходил он гостем
На Персиковый пир.

Когда свой двор на праздник
Звал император Ди,
В нефритовую заводь
Отшельник приходил.

Он просвещал монахов,
Как гнет страстей стряхнуть,
И открывал пред ними
Огромный светлый путь.

Поздравить с днем рожденья,—
Моря переплывал.
Для поклоненья Будде
Линшань * он посещал.

Великий император
Дунхуа наречен
И к лику лучезарных
Подвижников причтен.

Встретив праведника, Сунь У-кун скромно произнес:
— Разрешите приветствовать вас, святейший!
Праведник послесил ответить на приветствие и вежливо
обратился к Сунь У-куну:
— Простите, Великий Мудрец,— сказал он,— что не вы-
шел встретить вас. Не зайдете ли в мою обитель попить чаю?
И, поддерживая Сунь У-куна под руку, он ввел его во дво-
рец Нефритовой заводи. Дворец был поистине великолепен:
сколько прудов и роскошных построек вы могли увидеть там!
Как только праведник со своим гостем уселись, из-за бирюзо-
вых ширм появился отрок.

В даосскую одежду
Тот отрок был одет,
От пояса лучился
И рассыпался свет.

Медведицы созвездьем
Платок его блистал,
В сандалиях священных
Всходил на перевал.

Он истинную сущность
Раскрыл души своей:
Отбросил оболочку
И смысл постиг вещей.

Начала ведал духа,
В блаженство погружен,
И знал его хозяин —
Не ошибался он.

Бежав от искушений,
От бренной суеты,
Всходил он по ступеням
Небесной чистоты.

От циклов воплощений
Уже освобожден,
Священный персик в небе
Держал три раза он.

Из-за лазурной ширмы
Вдруг облако плывет:
То Дун Фан-шо блаженный,
Сияя, предстает.

— Да этот маленький разбойник, оказывается, здесь, — со смехом воскликнул Сунь У-кун. — Ведь у праведника нет персиков, которые ты мог бы утащить!

— А ты, старый разбойник, зачем явился сюда? — почти-тельно кланяясь, спросил Дун Фан-шо. — Ведь у моего учителя нет эликсира бессмертия, так что украсть тебе ничего не удастся.

— Перестань говорить глупости, Мань-цин, и принеси чаю.

Мань-цин было даосское имя Дун Фан-шо. Приказание было тотчас выполнено. После чаю Сунь У-кун сказал:

— Я прибыл к вам по важному делу и хочу просить вашей помощи. Не знаю только, согласитесь ли вы оказать мне ее?

— А что у вас за дело? — поинтересовался праведник. — Пожалуйста, говорите — я сочту своим долгом помочь вам.

— Я сопровождаю Танского монаха на Запад, — начал Сунь У-кун, — и вот, когда мы проезжали монастырь Учжуангуань на горе Ваньшоушань, послушники обошлись с нами невежливо, тогда я в гневе вырвал с корнем дерево жизни. Теперь мы не можем двигаться дальше, так как праведник Чжэнь-юань не отпускает Танского монаха. Это и привело меня к вам. Не дадите ли вы мне какого-нибудь средства, чтобы оживить священное дерево, — я так надеюсь на ваше великодушие!

— Ах ты обезьяна, — сказал праведник. — Куда бы ты ни попал, везде натворишь зло. Праведник Чжэнь-юань из Учжуангуань носит священное имя «Равный миру» и является родственником земных бессмертных. Как же ты посмел оскорбить его? А священное дерево жизни, которое ты загубил, приносит плоды бессмертия. Украсть и съесть эти плоды — большое преступление. А ты загубил дерево и хочешь, чтобы праведник оставил это безнаказанным.

— Я с вами совершенно согласен, — промолвил Сунь У-кун. — Мы пытались бежать, но праведник настиг нас и,

словно платок или полотенце, втянул в рукав своей одежды. Он беспрестанно ворчит, и мне не оставалось ничего другого, как пообещать ему достать средство оживить священное дерево.

— У меня есть пилюля бессмертия, — отвечал праведник, — но она помогает только живым существам. А дерево — это душа, вскормленная землей и напоенная небом. Если бы это было простое дерево, то еще можно было бы что-нибудь сделать. Но ведь гора Ваньшоушань, на которой оно растет, благословенная земля, существовавшая еще в прежнем мире, а монастырь Учжуангуань — священная обитель на материке Годанья *. Да и само дерево жизни — священное, оно растет с момента сотворения мира. Как же можно вернуть его к жизни? Нет у меня никаких средств для этого.

— В таком случае, — промолвил Сунь У-кун, — мне остается только распротиться с вами.

Праведник предложил Сунь У-куну выпить чашу эликсира жизни, но тот наотрез отказался.

— Дело у меня срочное, и задерживаться я никак не могу, — сказал он.

С этими словами он поднялся на облако и отправился на волшебный остров Инчжоу, поражавший своей красотой.

Деревья были хороши,
В цветах пурпурных лес,
Дворцы на острове Инчжоу *
Вставали до небес.

И твердым, как железо, был
Суровый камень скал,
Ручей зеленою волной
Среди теснин играл.

Фазаны, к морю обратясь,
Там пели песнь свою.
И тысячу блаженных лет
Жил феникс в том краю.

В миру живущим красота
Блаженства не ясна:
Здесь миллиарды лет цвела
Счастливая весна.

На острове Великий Мудрец увидел седовласых, седебородых небожителей с юными лицами. Они сидели в тени роскошных деревьев, под красной скалой, играли в шашки и потягивали вино, разговаривали, смеялись и пели песни.

Все было в священном сиянье,
И плыл с облаков аромат.
И фениксы пестрые пели
В пещерах подземных палат,

Вдали журавли пролетели,
Кружась над вершинами скал,
Вкушали отшельники лотос —
Он сладостно их опьянял.

Указ императорской силы
В блаженном краю не имел,
Одним заклинаням подвластен
Был этих счастливых удел.

Свой возраст они исчисляли,
Как возраст небес и земли;
Живя беззаботно, привольно,
Покой бесконечный нашли.

Плоды им несли обезьяны,
Спеша по стопам их святым,
Стада белоснежных оленей
Почтительно кланялись им.

И вот в самый разгар веселья Сунь У-кун вдруг громко крикнул:

— А что это вы даже замечать меня не хотите!

Бессмертные, увидев его, поспешили к нему навстречу и приветствовали.

— Как беззаботно вы живете, братья мои,— смеясь сказал Сунь У-кун девяти старцам.

— Если бы вы, Великий Мудрец, вели себя достойно и не учинили в небесных чертогах дебош, то жили бы еще более беззаботно,— отвечали старцы.— Но теперь, говорят, вы на правильном пути и идете поклониться Будде. Что же привело вас сюда?

Тут Сунь У-кун уже в который раз поведал историю о гибели священного дерева.

— Сам беду накликал! — придя в ужас, воскликнули старцы.— А средства оживить священное дерево у нас нет.

— Тогда пожелаю вам всего хорошего,— сказал Сунь У-кун.

Старцы задержали его, предлагая выпить нектара и поест зерен драгоценного лотоса. Однако Сунь У-кун отказался присесть и стоя выпил бокал эликсира и съел кусок корня лотоса. Затем он покинул остров Инчжоу и направился к Восточному морю. Еще издали заметив гору Лоцзяшань, он спустился на своем облаке прямо к горе Путоянь и увидел в зарослях красного бамбука бодисатву Гуаньинь, которая читала небожителям Муча, Лун-ную и другим священные книги и закон Будды. Об этом рассказывается в стихах:

Обитель духа моря высока,
Над нею счастья реют облака;
Важнее то, что можно встретить в ней
Необычайных множество вещей.
Из малого начало все берет —
Об этом здесь разумный узнает.

Такая мысль важней речей пустых
И мелких мыслей, заключенных в них.
Познав закон, четыре мудреца
Прошли свой путь успешно до конца,
А шестеро других, простых людей
Тенета с жизни сбросили своей.
Лес молодой был полон красоты:
Плоды благоухали и цветы.

Между тем бодисатва давно уже заметила Сунь У-куна и послала духа — стража горы встретить его.

— Куда путь держишь, Сунь У-кун? — выходя из леса, крикнул дух.

— А, это ты дух Медведя, — откликнулся Сунь У-кун. — Ты что же это называешь меня по имени! Или позабыл о том, как когда-то у горы Черного ветра я сохранил тебе жизнь? Как же! Ты ведь живешь теперь на священной горе, приобрелся к учению Будды и служишь самой бодисатве. Где уж тебе помнить о почительности!

Сунь У-кун говорил сухую правду. Дух Черного медведя, который действительно встал на путь Истины, был хранителем горы Путоянь в обители бодисатвы и получил звание духа, однако всем этим он был обязан Сунь У-куну.

— Великий Мудрец, — сказал он улыбаясь. — Еще в старину говорили: «Кто старое помянет — тому глаз вон». Зачем же ты вспоминаешь о том, что давно прошло? Бодисатва послала меня встретить тебя.

Сунь У-кун подтянулся, вместе с духом вошел в лес Пурпурного бамбука и склонился перед бодисатвой.

— Где находится сейчас Танский монах? — спросила бодисатва.

— В стране Годанья на горе Ваньшоушань, — ответил Сунь У-кун.

— На этой горе стоит монастырь Учжуангуань, обитель праведника Чжэнь-юаня, — продолжала бодисатва, — вы виделись с ним?

— Да, мы побывали на этой горе, но поскольку не знали самого праведника, я погубил там дерево жизни, и вот теперь праведник не отпускает моего учителя.

— Ах ты гадкая обезьяна, до сих пор не можешь научиться вести себя! — с притворным изумлением промолвила бодисатва, хотя знала уже обо всем случившемся. — Да знаешь ли ты, что дерево жизни священо и существует с момента сотворения мира. А сам праведник Чжэнь-юань является предком земных бессмертных. Я сама поклоняюсь ему. Как же ты дерзнул пойти на такое дело?

— Уверю вас, что все это мне действительно не было известно, — сказал, не переставая отбивать поклоны, Сунь У-кун. — В тот день, когда мы прибыли в монастырь, самого праведника не было и нас встретили два послушника. Случайно

Чжу Ба-цзе узнал, что у них есть какие-то диковинные фрукты и захотел отведать их. Ну, я выкрал три плода, и мы с братьями съели их. Узнав об этом, послушники стали всячески поносить нас. Это вывело меня из терпения, и я вырвал с корнем их дерево. На следующий день, когда мы были в пути, праведник догнал нас и посредством волшебства втянул в рукав своей одежды. Потом нас связали и стали избивать плетью. Нас били целый день. Однако ночью нам снова удалось бежать, но он опять догнал нас, и мы очутились у него в рукаве. Несмотря на все мои старания, нам не удалось избавиться от него, и я вынужден был пообещать им оживить дерево. Я объездил моря, побывал на трех островах в надежде найти там какое-нибудь средство, однако никто из бессмертных не мог помочь мне в этом деле. Тогда я решил прийти поклониться вам, милостивая бодисатва. Умоляю вас явить свое милосердие и пожаловать мне какое-нибудь средство, чтобы Танский монах мог продолжать свой путь на Запад.

— Почему же ты сразу не обратился ко мне, а решил прежде отправиться на острова? — спросила бодисатва.

Услышав это, Сунь У-кун обрадовался и подумал:

«Ну, мне, кажется, повезло! У бодисатвы, несомненно, есть какое-то средство!»

И он продолжал умолять бодисатву помочь ему.

— Сладкая вода из росы, которая находится в этой бутылке, — сказала тогда бодисатва, — возвращает к жизни священные деревья и растения.

— А это испытанное средство? — спросил Сунь У-кун.

— Да, оно проверено, — отвечала бодисатва.

— Каким же образом его проверили? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Когда-то великий Лао-цзюнь заключил со мной пари: он отломал ветку ивы и бросил ее в одну из своих печей, где выплавлял эликсир бессмертия. Ветка, конечно, обгорела и засохла. После этого он вернул ветку мне, и я поставила ее в этот кувшин. Через сутки на ветке появились листья и она вновь стала зеленой.

— Тогда мне, можно сказать, повезло! — радостно воскликнул Сунь У-кун. — Если обгоревшая ветка вновь зазеленела, то и дерево можно будет оживить.

— Вы охраняйте лес, — промолвила бодисатва, обращаясь к остальным небожителям, — а я отправлюсь вместе с ним.

И, держа в руках волшебную бутылку, бодисатва поднялась в воздух. Впереди летели два белых попугая, распевая чудесные песни. Сунь У-кун последовал за бодисатвой.

Об ее надбровье,
Об ее челе
Как поведать можно
Любям на земле!

Будду не хулила
Никогда она,
И небесной силой
Оттого полна.

Помогает в горе
И хранит от бед,
И с собой приносит
Утешенья свет.

В смене воплощений
Свергла гнет страстей,
Суета мирская
Не властна над ней.

Сладкою росой
Дева окропит.
Вечной жизни древо
Оживотворит.

И вот, когда остававшийся в монастыре праведник вел с тремя старцами беседу на священные темы, перед ними вдруг спустился на облаке Сунь У-кун и сказал:

— Бодисатва явилась! Скорее выходите!

Три духа звезд, праведник, Сюань-цзан и все ученики, покинув главный зал, поспешили приветствовать бодисатву. Остановив радужное облако, бодисатва поздоровалась с праведником Чжэнь-юанем, а затем поклонилась духам трех звезд. После этого она села на возвышение, а Сунь У-кун подвел Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-эна, чтобы они поклонились ей. Затем бодисатву приветствовали остальные обитатели монастыря. Когда церемония с поклонами была закончена, Сунь У-кун сказал:

— Великий праведник, тотчас же прикажите приготовить жертвенник для возжигания фимиама и просите бодисатву оживить ваше дерево.

Склонившись перед бодисатвой в благодарственном поклоне, праведник промолвил:

— Разве смеем мы беспокоить бодисатву нашими ничтожными делами?

— Танский монах — мой ученик, — отвечала на это бодисатва. — И раз Сунь У-кун нанес вам оскорбление, я считаю своим долгом вернуть к жизни ваше драгоценное дерево.

— В таком случае, — сказали тут три старца, — нечего спорить, попросим лучше бодисатву пройти в сад и посмотреть, что там происходит.

Между тем праведник приготовил жертвенник с фимиамом, и после возжигания благовоний бодисатву пригласили пройти в сад, который успели привести в порядок. За бодисатвой последовали три старца. И вот, когда в саду собрались все, в том числе Сюань-цзан и остальные обитатели монастыря, они уви-

дели священное дерево: оно лежало на земле с вывернутыми корнями, с опавшими листьями и засохшими ветвями.

— Сунь У-кун, протяни руку! — приказала бодисатва.

Тот послушал выполнить приказание. Тогда бодисатва обмакнула ивовую ветвь в сладкую росу, написала на ладони Сунь У-куна заклинание о воскрешении мертвых и велела ему увлажнить этой росой корни дерева. Сунь У-кун выполнил и это ее приказание. В тот же миг из-под дерева забила ключом прозрачная вода.

— Эту воду нельзя держать в посуде, сделанной из материала, относящегося к пяти элементам природы, то есть из металла, дерева, воды, огня и земли, — сказала тут бодисатва. — Ее можно черпать только нефритовым ковшом. Надо поднять дерево и опрыскать его сверху донизу этой водой. Тогда кора и корни отойдут, вырастут ветви и на них появятся листья. А когда ветви зазеленеют, появятся плоды.

— Эй, люди! — крикнул Сунь У-кун, — скорее несите нефритовый черпак.

— Откуда мы его возьмем! Ведь мы живем в захолустье, — сказал праведник. — У нас есть только нефритовые чашки и бокалы. Годятся они?

— Неважно, — сказала бодисатва, — были бы они из нефрита. Принесите, попробуем!

Праведник велел принести чашки и бокалы. Послушники принесли тридцать чашек и пятьдесят бокалов и стали черпать ими воду из источника. Тем временем Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэнь бережно подняли дерево, а корни засыпали землей. После этого нефритовые сосуды с водой преподнесли бодисатве. Опустив в воду ивовую ветвь, бодисатва тщательно опрыскала ею все дерево, произнося при этом заклинание.

Вскоре на дереве появились ветви, покрытые зеленой листвой, образующей густую тень, а затем и двадцать три плода жизни. Увидев это, Цин-фынь и Мин-юе в один голос воскликнули:

— Позавчера, когда у нас пропали плоды, мы насчитали всего двадцать две штуки. Откуда же взялась двадцать третья?

— Сердце человека познается не сразу, — произнес Сунь У-кун. — Позавчера я утащил три плода. Но один из них упал; дух почвы сказал мне, что эти плоды при соприкосновении с землей уходят в нее. Чжу Ба-цзе не поверил мне и стал кричать, что я обманул их и утаил один плод. В общем, все дело так запутали, что лишь теперь с трудом разобрались.

— Я знала, что плоды дерева жизни не должны соприкасаться ни с одним из пяти элементов, потому и попросила нефритовый сосуд, — промолвила бодисатва.

Все это привело праведника в неопикуемый восторг. Он тут же приказал принести золотую колотушку и сбил с дерева

десять плодов жизни. После этого, желая отблагодарить всех за хлопоты и угостить своим сокровищем, он пригласил бодисатву и трех старцев в зал и устроил роскошный пир. Послушники расставили столы и принесли всевозможные яства. Бодисатва заняла главное место, старцы сели слева от нее, а Танский монах — справа. Праведник Чжэнь-юань уселся напротив бодисатвы. После этого каждый из них съел по одному плоду жизни. Об этом пиршестве сложены стихи:

Гора Ваньшоушань прекраснее звезды —
Раз в девять тысяч лет священные плоды
На древе жизни созревали там,
Даруя долголетье мудрецам.

Когда же древо сломано легло,
Росы прикосновение помогло,—
Вновь древо зеленеет и живет,
Вкушают старцы вновь бессмертья плод.

Здесь повстречались у Святой горы
Все четверо монахов. С той поры
Вкусивший от бессмертного плода
Состариться не может никогда.

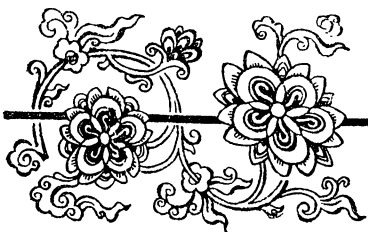
Бодисатва и три старца съели по одному плоду жизни. Танский монах, узнав о том, что плоды эти священны, не стал отказываться и тоже съел один плод. По плоду досталось Сунь У-куну и его товарищам. Вместе со всеми съел один плод также и сам праведник Чжэнь-юань. И, наконец, остальные обитатели монастыря разделили между собой один плод. После этого Сунь У-кун поблагодарил бодисатву за помощь и проводил ее до горы Путоянь, проводил он также и трех старцев до волшебной страны Пэнлай.

Между тем праведник Чжэнь-юань распорядился, чтобы накрыли столы, принесли вина и постной пищи и заключил с Сунь У-куном братский союз.

Не зря говорят, что если не подерешься, так и не узнаешь как следует друг друга. Случилось так, что чужие люди породнились. Сюань-цзан и его ученики остались очень довольны. Час был поздний, и все удалились на покой.

О событиях последующего дня и о том, как паломники расстались с хозяевами и продолжали свой путь, вы узнаете из следующей главы.





ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

из которой вы узнаете о том, как дух Трупа трижды презреждал путь Сюань-цзану и как Сюань-цзан, разгневавшись на прекрасного Царя обезьян, прогнал его от себя

На следующее утро Сюань-цзан и его ученики собрали свои вещи и хотели отправляться в путь, но праведник Чжэнь-юань решительно отказался отпустить их. Побратавшись, праведник с Сунь У-куном очень сдружились. Снова был устроен пир. Так Сюань-цзан с учениками прожил в монастыре еще дней шесть.

А надо вам сказать, что Сюань-цзан, съев плоды жизни, как бы полностью переродился: он почувствовал себя бодрым, жизнерадостным и очень сильным. Все его помыслы были направлены к тому, чтобы побыстрее получить священные книги: ему очень не хотелось задерживаться. Наконец они двинулись в путь.

И опять через некоторое время перед ними выросла высокая гора.

— Ученики мои,— сказал тогда Сюань-цзан,— гора эта сурова и неприступна, боюсь, что наш конь не одолеет ее. Нам следует быть очень осторожными.

— Не беспокойтесь, учитель,— сказал Сунь У-кун.— Мы все отлично понимаем.

Идя впереди и держа наперевес посох, прекрасный Царь обезьян прокладывал в горах путь. Вскоре они поднялись на вершину. Тут перед ними раскрылись необозримые пространства:

Все громоздились пики
И уходили ввысь
И горные потоки

Стремительно неслись.
Олени и архары
Скакали по горам,
Бродили стаей волки,
Скрывались тигры там,
И кабаны стадами
Средь зарослей паслись,
А сколько было зайцев
И золотистых лис!
И злобные гадюки
Ползли из пышных трав,
Гнилой туман из пасти
Выбрасывал удав,
Все змеи извергали
Тяжелый, душный смрад.
Кустарник цепкий стлался
Средь каменных громад.
И выпрямляли сосны
Величественно стан,
Смоковницы теснились
В густых сетях лнан,
И вдаль, до горизонта
Плыл аромат травы;
Касались эти горы
Небесной синевы.
Медведицы созвездья
Они достичь могли,
До Северного моря
Их тени пролегли.

Эта картина повергла Сюань-цзана в ужас, но тут Великий Мудрец Сунь У-кун, размахивая своим посохом, издал такой страшный крик, что волки и гады от страха попрятались, а тигры и барсы разбежались в разные стороны. Когда путники, углубившись в горы, достигли самых высоких вершин, Сюань-цзан вдруг обратился к Сунь У-куну:

— Я сильно проголодался. Ты попросил бы где-нибудь немного еды.

— Да вы что, с ума сошли? — улыбнулся Сунь У-кун. — Ведь здесь нет ни деревень, ни постоянных дворов, где же это я вам пищу достану? Тут и за деньги ничего не купишь.

Такой ответ очень расстроил Сюань-цзана.

— Эх ты обезьяна! — сказал он сердито. — Вспомни то время, когда ты на горе Усиншань был заточен Буддой в каменный ящик. Тогда ты мог лишь говорить, но не имел возможности двигаться. Ведь ты спас свою жизнь только благодаря мне. Затем ты был посвящен в монахи и стал моим учеником. Почему же ты постоянно проявляешь нерадивость?

— Как же это я проявляю нерадивость? — удивился Сунь У-кун. — Ведь я служу вам верой и правдой.

— В таком случае почему ты не хочешь достать мне еды? Разве могу я идти голодным? Кроме того, этот туман и вредные испарения помешают нам добраться до храма Раскатов грома.

— Ладно, учитель, не сердитесь,— сказал тут Сунь У-кун.— Я знаю, вы человек гордый и самолюбивый и если чем-нибудь вам не угодить, вы, чего доброго, начнете читать свои заклинания. Сойдите с коня и спокойно сидите здесь, а я пойду посмотрю, где тут есть жилое, и может быть что-нибудь достану.

Одним прыжком Сунь У-кун очутился на облаке и, приложив руку к глазам, стал внимательно осматриваться. В западном направлении он так ничего и не обнаружил. Кругом стояла мертвая тишина: ни деревень, ни поселений не было видно. Один только лес темнел. Сунь У-кун долго осматривал местность и вдруг к югу увидел высокую гору. Склон, ее обращенный к солнцу, был усеян какими-то ярко-красными пятнами. Тут Сунь У-кун опустил на своем облаке и сказал:

— Учитель, сейчас я принесу вам поесть!

Когда Трипитака заинтересовался, что ему удалось найти, Сунь У-кун сказал:

— Здесь нет жилья и попросить подаяния не у кого. Зато на горе, что к югу, видны какие-то красные пятна, видимо, персики. Сейчас отправлюсь туда и принесу вам несколько штук.

— Персики — самая лучшая пища для монахов,— обрадованно сказал Сюань-цзан.

Мы не будем подробно рассказывать о том, как Сунь У-кун, захватив чашку для сбора подаяний, сделал прыжок и на чудесном луче молнии понесся по воздуху, так что только ветер свистел в ушах. Через какой-нибудь миг он уже был на южной горе и рвал персики.

Не зря говорят, что «Когда гора высока, на ней водятся оборотни, а если горные хребты обрывисты, там можно встретить духов». Так и на этой горе был свой оборотень. Полет Великого Мудреца за персиками растрожил его. Восседая на облаке, гонимом северным ветром, этот оборотень вдруг увидел Сюань-цзана и пришел в неопишуемый восторг.

«Ну, мне отчаянно повезло! — подумал он.— Последнее время только и говорят о Танском монахе, который едет за священными книгами. Этот монах подвергался перевоплощениям. Он совершенствовался в течение десяти поколений, и тот, кто съест хотя бы кусочек его тела, станет бессмертным».

Оборотень приготовился было схватить Сюань-цзана, но, обнаружив, что с обеих сторон его охраняют, не решился приблизиться к нему.

«Кто же это охраняет его», — подумал он, и тут же решил, что это Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Конечно, они не обладают какими-либо необычными способностями, однако Чжу Ба-цзе был небесным полководцем, а Ша-сэн — распорядителем церемоний. Нет сомнения в том, что они все еще могущественны. Не решаясь приблизиться к Сюань-цзану, оборотень подумал:

«Сыграю-ка я над ними штуку. Посмотрим, что они станут делать!»

О, чудесный дух! Он остановил свое облако, спустился в ущелье и, встряхнувшись, превратился в прелестную девушку, с круглым, как луна, лицом. У нее были очень красивые брови и глаза, зубы сверкали белизной, губы адели. Держа в одной руке глиняный сосуд, а в другой — зеленую фарфоровую бутылку, девушка направилась прямо на восток, туда, где сидел Танский монах,

У самого обрыва
Монах сдержал коня,—
Красавица предстала,
Улыбкою маня.

Приоткрывались ручки
Движеньем рукава,
И ножка из-под юбки
Видна была едва;

Казались капли пота
Росою на цветке,
Чернели брови ивой,
Склоненною к реке;

Увидел он, решившись
Внимательней взглянуть,
Что странникам навстречу
Красотка держит путь.

— Чжу Ба-цзе, Ша-сэн,— промолвил Сюань-цзан.— Вы слышали, как Сунь У-кун говорил о том, что здесь нет людей? А ну-ка, взгляните, кто это там идет?

— Учитель,— сказал Чжу Ба-цзе.— Побудьте пока с Ша-сэнном, а я мигом разужаю, в чем там дело.

Положив грабли, Чжу Ба-цзе поправил на себе одежду и с важным видом, степенно, пошел навстречу женщине. Верно говорят: то, что издали кажется туманным, вблизи приобретает отчетливую форму. К ним приближалась настоящая красавица!

Чернели брови
Ивой у воды,
В очах миндалевидных
Свет звезды;
Лицом прекрасна,
Как луна, бела,
Она была
Приятно весела;
Напоминала
Ласточку она,
И щебетала иволгой,—
Нежна,—
Как яблони
Раскрывшийся бутон,
Как шао-яо *,
Что солнцем озарен.

Увидев женщину, Дурень тотчас же воспылал к ней страстью и стал молоть всякую чепуху.

— Красотка, куда путь держите? И что это у вас в руках? — спросил Чжу Ба-цзе.

Ему и в голову не приходило, что перед ним дух-оборотень.

— Почтенный монах, — поспешила ответить женщина. — В этом горшке ароматная каша, а в зеленом кувшине — жареная лапша. Пришла я сюда лишь только потому, что дала обет помогать монахам.

Чжу Ба-цзе остался очень доволен ее ответом и вихрем помчался к Сюань-цзану.

— Учитель, — сказал он. — Поистине «Небо заботится о достойных людях». Проголодавшись, вы послали нашего брата поискать для вас какой-нибудь пищи, но мы даже не знаем, куда эта обезьяна отправилась за персиками. Кроме того, много их не съешь, так как от них может сильно заболеть живот. А тут пришел человек с подаением.

— Ты, негодник, — недоверчиво сказал Сюань-цзан, — вечно лезешь со всякими глупостями! С тех пор как мы покинули монастырь Учжуангуань, мы не встретили ни одного хорошего человека, кто же станет заботиться о монахах и приносить им подаение?

— Вот кто! — воскликнул Чжу Ба-цзе.

Увидев женщину, Сюань-цзан поспешил встать и, сложив на груди руки, промолвил:

— О благодетельница! Где ваш дом, из какого вы рода и что за обет дали?

Сюань-цзан тоже не сумел распознать оборотня. А тот стал всячески изощряться и рассказывать всякие небылицы.

— Учитель, — сказал он, — эти горы называются «Хребет белого тигра». Его избегают и змеи и звери. Вот к западу отсюда и живет моя семья. Мои родители сейчас находятся дома. Они любят читать священные книги и делают добрые дела. Монахи всех окрестных монастырей благодетельствованы ими. У них долгое время не было детей, но они горячо молились, и небо послало им меня. Я хотела найти себе мужа и уйти жить к нему. Но родители боялись, что на старости лет у них не будет опоры, и решили принять зятя к себе в дом, чтобы спокойно дожить до конца дней своих.

— Дорогая, — сказал, выслушав ее, Сюань-цзан. — Что-то нескладно у вас получается. В священных книгах сказано: «Если у тебя живы отец и мать, не уезжай от них далеко. А если поедешь, то держи себя строго». Ты говоришь, что родители твои живы и нашли тебе мужа, значит, обет, данный тобой, мог выполнить твой муж. Почему же ты одна бродишь по горам? Женщине это не пристало.

Выслушав это, красавица усмехнулась и стала убеждать монаха в правдивости своих слов.

— Учитель, в ущелье на северном склоне горы мой муж с работниками полет сейчас посевы. Вот я и отправилась туда отнести им обед. Ведь сейчас страдная пора и нанять работников очень трудно. А родители у меня старые, мне и приходится самой относить еду. Увидев вас, я поняла, что вы — странствующие монахи и вспомнила, что мои родители всю жизнь делали людям добро, потому я и решила отдать обед вам. Если не брезгуете, то сделайте милость: примите от меня этот скромный дар.

— О небо, небо! — воскликнул Сюань-цзан. — Мой ученик только что отправился за персиками и вот-вот должен вернуться. А если мы съедем обед твоего мужа, то он, узнав об этом, станет ругать тебя, ну и вина, естественно, ляжет на нас, монахов.

Видя, что Танский монах решительно отказывается принять угощение, женщина очень вежливо произнесла:

— Дорогой учитель! Мои родители благодетельствовали многих монахов. Но должна вам сказать, что мой супруг — человек еще более добродетельный. Всю жизнь он строит мосты, прокладывает дороги и всегда помогает старикам и бедным. Если он узнает, что я накормила вас, то станет относиться ко мне еще лучше. Мы не то, что другие.

Между тем Сюань-цзан, решительно отказываясь от предлагаемой ему пищи, окончательно расстроил Чжу Ба-це. Дурень надулся и сердито ворчал:

— Много монахов на свете, но вряд ли найдешь среди них более бестолкового, чем этот. Мы могли бы поесть сейчас втроем, еда, можно сказать, у нас в руках, так нет же, ему непременно нужно дожидаться обезьяны, чтобы и ее накормить.

Наконец терпение у Чжу Ба-це лопнуло, и он, схватив обеими руками горшок, хотел разом все съесть.

Между тем Сунь У-кун, набрав на вершине южной горы персиков и сложив их в миску, сделал прыжок в воздухе и в тот же миг очутился рядом с учителем. Пристально взглянув на женщину своими огненными глазами, он тотчас же признал в ней духа-оборотня и, поставив на землю миску, схватил свой посох.

— Сунь У-кун! — испуганно воскликнул Сюань-цзан, схватив его за руку. — Кого это ты собираешься бить?

— Учитель, — сказал тогда Сунь У-кун. — Не думайте, что женщина, которую вы видите, — хороший человек. Это — дух, он обманул вас.

— Ах ты обезьяна, — отвечал на это Сюань-цзан. — Ты, конечно, доказал свою прозорливость, но это вовсе не значит, что сейчас должен болтать всякий вздор. Эта женщина явилась сюда с благими намерениями и изъявила желание накормить нас, как же смеешь ты после этого называть ее оборотнем?

— Учитель, ничего вы не знаете,— промолвил Сунь У-кун.— Когда я был духом в пещере Водного занавеса и думал о том, как поесть человеческого мяса, я прибегал точно к таким же уловкам: либо превращался в золото и серебро, либо принимал вид столика, а иногда притворялся пьяным или же становился красавицей. И если находился какой-нибудь дурак, который влюблялся в меня, я заманивал его в пещеру и здесь делал с ним все, что было моей душе угодно: или поджаривал, или варил. А если не мог съесть сразу, то вялил про черный день. Запоздай я сейчас немного, учитель, и вы, безусловно, попали бы к нему в ловушку.

Однако Сюань-цзан никак не мог поверить тому, что говорил Сунь У-кун, и твердил свое.

— Ну, теперь мне все понятно,— сказал Сунь У-кун.— Просто вы не устояли перед такой красавицей и в вас проснулись человеческие страсти. Ну что ж, в таком случае велите Чжу Ба-цзе срубить несколько деревьев. Ша-сэнь же пусть наберет травы, а я буду за плотника и сооружу вам уютное гнездышко. Наслаждайтесь в свое удовольствие. А мы пойдем каждый своей дорогой. Зачем тащиться за какими-то там священными книгами и переживать разные трудности.

Сюань-цзан, будучи по натуре человеком мягким и добрым, не мог снести подобного оскорбления, и весь зарделся.

А Сунь У-кун, между тем, решил показать себя. Он размахнулся и ударил оборотня посохом по голове. Однако оборотень тоже умел прибегать к различным волшебным способам. Как только Сунь У-кун занес над его головой посох, он применил способ «освобождение от телесной оболочки», встряхнулся и, прежде чем Сунь У-кун успел ударить его, выпустил душу из тела, которое так и осталось лежать на земле бездыханным. Перепуганный насмерть Сюань-цзан весь дрожал и читал про себя молитвы.

— Эта обезьяна продолжает безобразничать,— бормотал он.— Никакие увещевания не действуют на нее. Взяла вот и ни за что, ни про что погубила человеческую жизнь.

— Не сердитесь, учитель,— промолвил Сунь У-кун.— Вы лучше посмотрите, что находится в горшке.

И вот, когда Сюань-цзан, поддерживаемый под руку Ша-сэнем, приблизился к горшку, то вместо каши из ароматного риса обнаружил там ползающих червей, которые тащили свои хвосты, а вместо лапши увидел зеленых лягушек и жаб, которые ползали вокруг. Тут Сюань-цзан призадумался над словами Сунь У-куна и готов был уже поверить тому, что тот сказал. Однако подстрекательства Чжу Ба-цзе, который никак не мог успокоиться, оказали свое действие.

— Как можно было принять эту женщину за оборотня? — говорил Чжу Ба-цзе.— Ведь она из местных поселян и встретила нас только потому, что несла мужу в поле обед. Посох

нашего брата чересчур тяжел и стоило Сунь У-куну прикоснуться им к женщине, как она тут же отдала богу душу. Сунь У-кун ничуть не боится заклинания о сжатии обруча. Посредством волшебства он затуманил ваши глаза и совершил это превращение. Он делает все это для того, чтобы вы не читали своего заклинания.

Слова Чжу Ба-цзе оказались роковыми. Сюань-цзан поддался на подстрекательства Дурня и, щелкнув пальцами, стал читать заклинание.

— Ой, больно! — закричал Сунь У-кун. — Умоляю вас, остановитесь. Если хотите что-нибудь сказать мне, пожалуйста говорите.

— Какие тут еще могут быть разговоры, — возмутился Сюань-цзан. — Отрекшийся от мира должен совершать только добрые дела, читать молитвы и никогда не забывать о добродетели: «Подметая пол, надо стараться не причинить вреда даже муравью и жалеть мотылька, полетевшего на огонь». Как же ты смеешь на каждом шагу творить зло? Вот и сейчас ты ни за что, ни про что убил человека. Зачем же тебе идти за священными книгами? Возвращайся лучше обратно!

— Куда же вы меня посылаете, учитель? — спросил Сунь У-кун.

— Отныне я не желаю считать тебя своим учеником, — отвечал Сюань-цзан.

— Боюсь, что без меня вы никогда не доберетесь до Индии, — произнес Сунь У-кун.

— Моя судьба в руках неба, — смиренно отвечал Сюань-цзан. — Если мне суждено, чтобы какой-нибудь дух сварил и съел меня, — значит так и будет. Разве сможешь ты предотвратить мою смерть? Еще раз говорю тебе — иди обратно!

— Вернуться, конечно, можно, ничего хитрого в этом нет, — сказал Сунь У-кун. — Беда лишь в том, что я не успел отблагодарить вас за оказанную мне милость.

— О какой милости ты говоришь? — спросил Сюань-цзан.

Тогда Великий Мудрец встал перед Сюань-цзаном на колени и, отбивая поклоны, промолвил:

— За то, что я учинил дебош в небесных чертогах, меня подвергли тягчайшему наказанию: наш святейший Будда заточил меня под гору Усиншань. Но, к счастью, бодисатва Гуаньинь постригла меня в монахи, и благодаря вам, учитель, я был освобожден из заточения. И теперь, если я не буду следовать с вами до Индии, значит, я «поступил неблагородно и не отплатил за оказанную мне милость» и меня, неблагодарного, будут поносить во веки веков.

У Танского монаха было доброе сердце. Видя искреннюю печаль Сунь У-куна, он изменил свое решение и сказал:

— Ну, если все это правда, то на сей раз я помилую тебя.

Смотри только, больше не безобразничай. Иначе я буду читать заклинание не менее двадцати раз!

— Как вам будет угодно,— согласился Сунь У-кун.— Вы можете читать хоть тридцать раз, но людей я убивать не буду.

После этого Сунь У-кун помог монаху сесть на коня и поднес ему персики. Сюань-цзан съел несколько штук и немного утолил голод.

Однако вернемся к оборотню, которому удалось спасти свою жизнь и взлететь на небо. Вы уже знаете о том, что Сунь У-кун не убил волшебника, так как душа его успела покинуть телесную оболочку. И теперь, сидя на облаке, волшебник от злости скрежетал зубами.

— Вот уже несколько лет я слышу о необычайной силе Сунь У-куна,— кипя ненавистью, размышлял он,— и сегодня убедился, что не зря о нем такая слава идет. Танский монах не опознал во мне оборотня и совсем было собрался отведать моего угощения. Стоило ему только понюхать мое зелье, и он был бы у меня в руках. Так надо же было явиться этому Сунь У-куну и испортить все дело. Но мало этого. Он чуть было не прикончил меня. Выходит, я зря трудился. Нет, не могу я так просто отпустить этого монаха. Спустишь-ка я еще раз вниз и сыграю с ними еще одну штуку.

О, чудесный волшебник! Он опустил на склон горы, встряхнувшись всем телом и мигом превратился в дряхлую старуху с палкой в руках, которая, плача, медленно пошла вперед.

— Учитель, беда,— испуганно вскрикнул Чжу Ба-цзе.— Эта старушка, несомненно, кого-то ищет.

— Кого же это она может искать? — спросил Сюань-цзан.

— Женщина, которую убил наш брат, конечно, приходится ей дочерью. Вот она и ищет ее,— сказал Чжу Ба-цзе.

— Не болтай глупостей! — крикнул на него Сунь У-кун.— Той женщине было не больше восемнадцати лет, а старухе, пожалуй, все восемьдесят. Что же, по-твоему, она родила, когда ей было уже за шестьдесят? Нет, тут что-то нечисто. Погодите, я выясню, в чем дело.

И, зашагав вперед, Сунь У-кун подошел прямо к старухе:

На грудь старухи мнимой опускались,
Как две сосульки, две седые пряди;
Она едва плелась, трясясь, хромая,
С опаской боязливой в мутном взгляде.

Как чайный лист сухой — лицо в морщинах,
Беспомощное, все иссохло тело,
Вперед далеко выдвинулись скулы
И нижняя губа ее висела.

Как с молодостью старости равняться!
Уж складки кожи на кошель похожи,
Который бережливою рукою,
Как лотоса листок, умело сложен.

Сунь У-кун тотчас же понял, что перед ним дух, и без дальнейших рассуждений взмахнул своим посохом. Однако дух, как и в первый раз, встряхнулся, душа его покинула телесную оболочку, а на дороге осталась лежать убитая старуха. Увидев это, Сюань-цзан сошел с коня и, распростершись у дороги, стал читать заклинание о сжатии обруча. Читал он его не мало, не много двадцать раз.

Посмотрели бы вы, что творилось с бедной головой Сунь У-куна! Она стала похожа на тыкву-горлянку. А он сам от нестерпимой боли катался по земле.

— Учитель, пощадите! — не выдержав, взмолился он. —

Если вы хотите что-нибудь сказать мне, говорите, пожалуйста!

— Что-нибудь сказать, — повторил Сюань-цзан. — Когда монах следует добрым советам, он не попадает в ад. Ведь я как будто убедил тебя, почему же ты снова сотворил зло? Как можно убивать одного за другим ни в чем не повинных людей?

— Да ведь это волшебник, — сказал Сунь У-кун.

— Все это ерунда, — возмутился Сюань-цзан. — Что-то много волшебников у тебя развелось. Ты просто не стремишься к добру и на уме у тебя одно зло. Сейчас же убирайся!

— Что же, — отвечал Сунь У-кун, — раз вы гоните меня, я могу уйти. Одно только меня беспокоит.

— Что же именно? — спросил Сюань-цзан.

— Учитель, — вмешался в разговор Чжу Ба-цзе, — он хочет поделить с вами вещи. Неудобно ведь возвращаться с пустыми руками после того, как он столько лет сопровождал вас. Дайте ему из своего узла что-нибудь старое — рубашку или шапку.

От негодованья Сунь У-кун даже подскочил.

— Я тебя, скотина! — заорал он. — С тех пор как я стал монахом, мне чужды и зависть и корыстолюбие. Как же ты смеешь говорить о каких-то вещах!

— Почему же в таком случае ты не уходишь? — спросил Сюань-цзан.

— Что же, не стану обманывать вас, учитель, — сказал Сунь У-кун. — Пятьсот лет назад, когда я жил в пещере Водного занавеса, на горе Цветов и плодов и был в зените славы, я победил духов — повелителей семидесяти двух пещер, и мне подчинялись сорок семь тысяч духов. В те времена я носил корону из червонного золота, желтый кафтан с синим поясом и туфли для хождения по облакам. В руках у меня был посох желаний с золотыми обручами. В общем, я был, как говорится, настоящим человеком. Но когда я понял, что от преступления можно спастись через нирвану, дал монашеский обет и сделался вашим учеником, на голове моей очутился этот обруч. Возвращаться с ним в свои владения мне неудобно. И если вы, учитель, не хотите, чтобы я сопровождал вас, прочитайте, пожалуйста, заклинание об освобождении меня от этого обруча и наденьте его на кого-нибудь другого. Тогда я смогу спокойно

возвратиться к себе домой, ведь часть пути я все же сопровождал вас. Так неужели в вас нет хоть капли жалости ко мне?

— Сунь У-кун,— сказал изумленный Танский монах.— Я знаю только заклинание о сжатию обруча, ни о каком другом заклинании мне бодисатва не говорила.

— Тогда,— сказал Сунь У-кун,— вам придется идти со мной и дальше.

Сюань-цзан вынужден был согласиться.

— Ну, ладно, вставай. Еще раз прощаю тебя. Но смотри, чтобы впредь этого больше не было!

— Можете не сомневаться! — заверил Сунь У-кун.

И он снова помог Сюань-цзану сесть на коня, а сам пошел впереди.

Но вернемся к оборотню. Итак, второй удар Сунь У-куна не причинил ему никакого вреда. Находясь в воздухе, этот оборотень восхищался провидением Сунь У-куна.

«Чудесный Царь обезьян! — думал он.— У него действительно дар провидца. В любом превращении он сразу же распознает меня. А монахи идут довольно быстро. Если они перейдут эту гору и уйдут на сорок ли к западу, то выйдут из моих владений. А вдруг их там поймают другие духи? После этого меня просто засмеют, и я потеряю всякое уважение. Попробую-ка еще разок подшутить над ними».

О, чудесный волшебник! Остановив на вершине северный ветер, он на склоне горы встряхнулся и превратился в почтенного старца:

Как у Пэн-цзу *, глава его седа,
У духов звезд такая ж борода,
Вложил он в уши, как глухой,— нефрит,—
Пусть это било легкое звенит!

Сверкал, как звезды, взор его живой,
А посох был с драконьей головой.
Был на халате журавлиный пух...
Так шел старик, псалмы читая вслух.

Увидев старца, Танский монах пришел в восторг.

— Амитофо! — воскликнул он.— Да эта Западная страна — поистине благодатный край. Старик, который едва волочит ноги, и тот считает своим долгом выполнять закон Будды и читает псалмы.

— Погодите, учитель,— заметил тут Чжу Ба-цзе.— Как бы этот старик не стал источником новой беды.

— Это почему же? — удивился Танский монах.

— Наш брат убил его дочь и жену и теперь он, конечно, пошел искать их. Если нас впутают в это дело, учитель, то придется вам поплатиться собственной жизнью. Ну, а меня как соучастника сошлют куда-нибудь в отдаленные места на военную службу. Ша-сэна обвинят в подстрекательстве и отправят на принудительные работы. Зато наш брат, Сунь У-кун,

прибегнет к волшебству, станет невидимым и скроется. Ему не придется переживать бедствий, какие выпадут на нашу долю.

— Какой же ты дурень,— сказал, выслушав его, Сунь У-кун.— Ведь своей глупой болтовней ты можешь напугать учителя. Сейчас пойду узнаю, что это за старец.

Спрятав под одеждой посох, он пошел навстречу старцу.

— Почтенный господин,— обратился он к нему,— куда путь держите? И почему это вы на ходу псалмы читаете?

На сей раз волшебник просчитался, решив, что Сунь У-кун ведет себя как обыкновенный человек и, не задумываясь, ответил:

— Почтенный отец! всю свою жизнь я провел в этих местах, занимался благотворительными делами и любил читать буддийские священные книги. Судьба не послала мне сына, была у меня единственная дочь. Я взял к себе в дом зятя. И вот сегодня дочь отправилась на поле относить мужу обед и не вернулась. Очевидно, попала в пасть тигру. Жена пошла искать ее и тоже не вернулась. И вот сейчас я сам отправился на поиски. Если они действительно погибли, соберу их останки и похороню на семейном кладбище.

— Ну, вот что,— рассмеялся Сунь У-кун.— Ты, выдающий себя за моего предка. Жизнь тебе надоела, что вздумал надувать меня? Нет, провести меня не удастся. Я отлично знаю, кто ты.

Волшебник был так поражен, что не мог даже слова вымолвить. А Сунь У-кун, между тем, схватил свой посох, но тут же остановился.

«Если я не убью его, он наверняка причинит нам неприятности. А если убью, учитель снова начнет читать заклинание. Но ведь он может воспользоваться случаем и схватить учителя, а тогда хлопот не оберешься... Нет, правильнее все-таки убить его,— решил, наконец, Сунь У-кун.— Ну, пусть учитель читает заклинание. Но ведь не зря говорит пословица: «Тигр не ест своих детенышей». Уж как-нибудь я постараюсь уговорить его. Может быть, и обойдется».

Тут Великий Мудрец произнес заклинание, и перед ним предстали местные духи — хранители земли и гор.

— Этот волшебник,— сказал он им,— третий раз обманывает нашего учителя. Но сейчас я хочу наконец разделаться с ним. Вы поднимитесь в воздух и будьте свидетелями. Уходить никому не разрешаю.

Ни один из духов не посмел нарушить приказа. Все они поднялись на облако и стали наблюдать за тем, что происходит на земле.

А Великий Мудрец в это время взмахнул своим посохом и ударил волшебника. Тот сразу же испустил дух. Сидевший на коне Сюань-цзан задрожал от ужаса и не мог вымолвить ни слова, в то время как Чжу Ба-цзе только расхохотался.

— Ну и молодец Сунь У-кун! — крикнул он.— До чего разошелся! Не прошло еще и полдня, как он успел убить трех человек!

Танский монах хотел было произнести заклинание, но Сунь У-кун подбежал к нему и крикнул:

— Учитель! Погодите! Вы лучше взгляните, что осталось от этого волшебника.

Сюань-цзан посмотрел и увидел груды истлевших белых костей.

— Сунь У-кун! — с изумлением воскликнул он.— Ведь ты его только что убил, как же мог он так быстро превратиться в груды костей?

— Это была душа, скрывшаяся в трупe, оборотень, который заманивал людей и причинял им зло, но сейчас он потерпел поражение. И вот, когда я убил его, он предстал в своем настоящем виде. На хребте у него написано: «Женщина — скелет».

Выслушав это, Сюань-цзан наконец поверил Сунь У-куну. Но тут опять вмешался Чжу Ба-цзе:

— Учитель,— не отставал он.— Рука у Сунь У-куна тяжелая, а посох такой, что и подумать о нем страшно. Сунь У-кун убил человека, но, опасаясь, как бы вы не стали произносить заклинание, тут же превратил его в груды костей, чтобы ввести вас в заблуждение.

Будучи от природы человеком доверчивым, Танский монах послушался Чжу Ба-цзе и стал читать заклинание. Обезумев от боли, Сунь У-кун опустился на колени и взмолился:

-- Остановитесь! Остановитесь! Если вы хотите что-нибудь сказать мне, так прошу вас, говорите скорее!

— Обезьяна ты! Какие тут еще могут быть разговоры! Тот, кто отрекся от мира и совершает добрые дела, подобен весенней траве. Ты не замечаешь, как с каждым днем она становится все выше и выше. Тот же, кто творит зло, подобен точильному камню. Ты не замечаешь, как с каждым днем он становится все меньше. Ты убил подряд трех человек. Но в этом глухом и пустынном месте свидетелей нет и некому донести на тебя. Ну, а что будет, когда мы попадем в город, где много народу? Ведь если ты и там начнешь действовать своим злосчастным посохом и без разбору избивать людей, то натворишь таких бед, что трудно будет рассчитывать на спасение. Короче говоря, сейчас же убирайся!

— Вы напрасно сердитесь на меня, учитель,— выслушав его, сказал Сунь У-кун.— Неужели вы не понимаете, что этот старец был злым духом? Ведь он намеревался причинить вам зло. Убив его, я вас же избавил от беды. А вы не хотите этого понять, прислушиваетесь к словам Дурня и каждый раз прогоняете меня. Пословица гласит: «Теперь можно до трех раз». И если бы я сейчас не ушел от вас, то был бы

самым презренным и ничтожным монахом. Я уйду! Но помните, что без меня вам будет трудно.

— Ну что за низкая обезьяна! — возмутился Сюань-цзан. — С каждым днем она становится наглее! Что ж, по-твоему, только ты человек, а У-нэн и У-цзин не люди?

Эти слова привели Сунь У-куна в полное отчаяние.

— О небо! — воскликнул он. — Вспомните то время, когда вы отправились в путь из Чанъани и сопровождал вас только Лю Бо-цинъ — охотник. Ведь после того как вы достигли горы Усиншань, освободили меня и я поклонился вам, как своему учителю, я проникал в древние пещеры, входил в дремучие леса, вылавливал злых духов и оборотней, умирал Чжу Ба-цзе, поймал Ша-сэна и каких только мук и трудностей не перетерпел за это время! А вы потеряли прозорливость, ничего не хотите понимать и только знаете, что прогонять меня. Недаром говорит пословица: «Когда нет птиц — лук прячут, когда заяц умирает — варят собаку»*. Ладно! Пусть будет по-вашему! Но как быть с заклинанием о сжатию обруча?

— Я больше не буду его произносить, — отвечал Сюань-цзан.

— Ну, этому трудно поверить, — усомнился Сунь У-кун. — Когда вы попадете в безвыходное положение, из которого вас не смогут выручить ни Чжу Ба-цзе, ни Ша-сэн, вы, конечно, вспомните обо мне и снова прибежете к заклинанию. И где бы я ни находился в этот момент, пусть за сотни тысяч ли, оно все равно окажет свое действие, и я снова вернусь к вам. Так не лучше ли сейчас отказаться от вашего намерения?

Но чем больше говорил Сунь У-кун, тем сильнее сердился Танский монах. Он слез с коня и велел Ша-сэну достать из узла бумагу и кисть. Затем, зачерпнув в ручье воды, растер на камне тушь и написал Сунь У-куну бумагу об отставке.

— Вот возьми этот документ, обезьяна, — сказал он. — Отныне я не желаю считать тебя своим учеником! Лучше мне провалиться в преисподнюю, где подвергаются самым жестоким пыткам, нежели увидеть тебя снова.

— Учитель, не нужно давать клятвы, — сказал Сунь У-кун, поспешно взяв бумагу. — Я и так уйду.

Затем он сложил бумагу, спрятал ее в рукав и кротко обратился к Сюань-цзану:

— Учитель, мы прошли с вами не малый путь. Кроме того, я получил от бодисатвы наставления. Жаль, что все дело рухнуло и я не смогу выполнить данного мне поручения. А теперь прошу вас сесть, учитель, и принять мои поклоны. Тогда я с легким сердцем покину вас.

Однако Танский монах отвернулся от него и тихо проговорил:

— Я честный монах и не хочу принимать почести от таких злодеев, как ты!

Тогда Великий Мудрец выдернул из головы три волоска, подул на них волшебным дыханием и крикнул:

— Изменитесь!

В тот же миг появилось еще три Сунь У-куна. Они окружили Сюань-цзана, склонились перед ним и ему волей-неволей пришлось принять поклоны.

После этого Великий Мудрец выпрямился, встряхнулся, водворил волоски на место и обратился к Ша-сэну.

— Уважаемый брат,— сказал он.— Ты человек хороший, но смотри, остерегайся наветов Чжу Ба-цзе. В пути ведите себя очень осторожно. Если случится беда и какой-нибудь злой дух захватит нашего учителя, то ты скажи, что его главным учеником является Сунь У-кун, а западные волшебники слышали о моей силе и не осмелятся причинить зло нашему учителю.

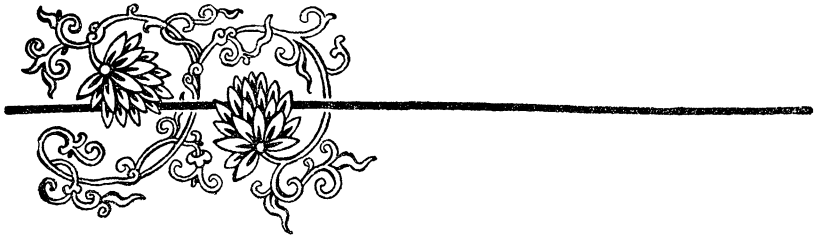
— Я — честный монах! — сказал тут Сюань-цзан.— И не хочу, чтобы при мне упоминали твое злодейское имя. Можешь уходить от нас.

Окончательно убедившись в том, что Сюань-цзан не изменит своего решения, Великий Мудрец понял, что надо уходить.

Перед учителем в слезах
Он положил поклон,
Беречь учителя в пути
Ша-сэна просит он.
И на лужайке истоптал
В отчаянье траву,
На землю глядя, средь лиан,
Он преклонил главу.
Был у него особый дар:
Взмываться колесом,
На землю опускаться вновь
Стремительным броском;
Свободно, как никто другой,
Моря пересекал
И не страшился на пути
Он высочайших скал.
Исчез он сразу.. не успеть,
Казалось, и мигнуть,
Как воротился Сунь У-кун
Опять на старый путь.

С трудом преодолевая боль разлуки со своим учителем, Великий Мудрец совершил стремительный прыжок и полетел к пещере Водного занавеса на горе Цветов и плодов. Одинок сидя на облаке, он тяжело переживал свалившуюся на него беду. Вдруг до него донесся шум воды. Взглянув вниз, Великий Мудрец увидел, что под ним бушуют воды Великого Восточного моря. Тут он снова вспомнил о Танском монахе, и по лицу у него неудержимо потекли слезы. Остановив свое облако, он долго оставался на месте и наконец полетел дальше.

Чем же закончилось его путешествие, вам расскажет следующая глава,



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ,

повествующая о том, как на горе Цветов и плодов собрались духи и волшебники и как Сюань-цзан повстречал в лесу Черной сосны оборотня

Итак, Великий Мудрец, изгнанный Танским монахом, тяжело переживал свое горе и, как вы уже знаете, неожиданно увидел воды Восточного моря.

«А ведь я целых пятьсот лет не бывал в этих местах», — подумал Сунь У-кун,

Вздымаются волны,
Бурля и вскипая,
И нет им конца,
Ни конца нег, ни края..

Путь Млечный задело
Свирепой волною,
Бушует вода
Под корою земною...

Прибой кровожадней
Могучего зверя —
Он пену с размаха
Бросает на берег...

Вода, сверхъестественной
Силой влекома,
Гремит, как раскаты
Весеннего грома.

Вода ненасытная
Берег кромсает,
А ветер неистовый
Волны бросает...

Счастливый старик,
Оседлавший дракона,

Нахмуясь, летит
Над пучиной бездонной.

На аисте быстром
Промчавшейся тенью,
Прислужник святого
Изведал волнение!..

На бреге пустынном
Ни дома, ни крова,
Ни лодок рыбацких
Средь моря пустого:

Здесь тысячи лет
Без конца, неизменно
Вздымает снега
Исполинская пена,

А в месяц шестой
Забывают о лете.
Рождающий осень —
Господствует ветер...

Здесь только порхают
Над берегом птицы
Да белая чайка
Над морем резвится:

Кричит, веселится
Она на просторе —
Других рыбаков
Не знавало здесь море...

Лишь рыбы морские
Не ведают грусти;
Кричат, пролетая,
Печальные гуси...

Сунь У-кун встряхнулся всем телом и сразу же очутился у горы Цветов и плодов, где и снизился на своем облаке на землю. Осмотревшись вокруг, он не увидел ни растений, ни цветов. Исчез и волшебный туман. Горные пики обрушились, лес стоял обожженный.

Что же, вы думаете, здесь произошло? А произошло здесь вот что. Когда Сунь У-кун учинил бунт в небесных чертогах, божественный Эрлан * и его семь братьев с горы Мэйшань * разрушили владения Сунь У-куна, не оставив здесь камня на камне. Об этом печальном событии сохранились старинные стихи:

В два ручья точил он слезы,
Пред горой священной стоя —
Горевал о том, что дело
Уничтожено святое;

Говорил он сам когда-то,
Что гора неуязвима,
Но теперь зияют раны
На его земле любимой,

Враг Эрлан, достойный гнева,
Вторгся к нам, разрушил царство,
И народ мой обмануло
Злого недруга коварство.

И могилы древних предков
Беззаконно осквернили:
Дела нет чужим до предков,
Почивающих в могиле.

Вещий пар, скрывавший небо,
Вдруг развеялся печально,
И туман, скрывавший землю,
Нынче в край умчался дальний.

На горах восточных тигры
Не выходят на поляны,
А на западных — умолкли
Вопли белой обезьяны;

Больше в северных ложбинах
Не найти следов лисицы;
По долинам, по ущельям
Кабарга уже не мчится.

Повалили наши сосны,
Грязью стал песок красновый,
И последний кедр уныло
Зеленеет у обрыва;

А каштаны, ель, софора,
Можжевельник и цебрела,
Сливы, груши, абрикосы —
Все погибло, все сгорело.

Нет кудрадни и тута,—
Не накормишь шелкопряда;
Места нет гнездиться птицам —
Нет ни леса, нет ни сада.

Стало прахом то, что было
Драгоценными камнями,
Высохли ручьи в ущельях,
Не покрыты склоны мхами.

Перепутались лнаны...
Где же радостные птицы.
И куда бежали звери?
Даже барс спешит укрыться.

Журавли бегут и змеи,
Общим ужасом гонимы...
Он тогда свои злодеяния
Вспомнил с мукой нестерпимой.

И вот, скорбя по поводу этого нового несчастья, обрушившегося на его голову, Сунь У-кун вдруг услышал, что из впадины на склоне горы, поросшей колючим кустарником, доносятся какие-то неясные звуки. Вслед за тем оттуда выскочило

несколько обезьян. Они подбежали к Сунь У-куну, окружили его и, земно кланяясь, воскликнули:

— Отец наш, Великий Мудрец! Неужели вы вернулись?

— Почему у вас не слышно ни шума, ни веселья? — спросил прекрасный Царь обезьян. — Все вы куда-то спрятались. Я давно здесь сижу и до сих пор никого не видел.

Услышав это, обезьяны заплакали.

— После того как вас увели на небо, мы попали в беду; ни днем, ни ночью не дают нам покоя охотники. Они гоняются за нами с луками и арбалетами, с желтыми соколами и злыми собаками, расставляют сети, ловят нас на крючья. Вот почему мы боимся даже нос высунуть и забыли о прежних играх и забавах. Мы стараемся забиться в самые отдаленные уголки пещеры. Когда нас начинает мучить голод, мы украдкой выходим на склон горы и питаемся травой, жажду утоляем родниковой водой. Но сейчас, услышав ваш голос, мы осмелились встретить вас и просить вашей помощи и защиты.

Рассказ обезьян поверг Великого Мудреца в еще большее отчаяние.

— Сколько же вас осталось на этой горе? — спросил он.

— Да всех, старых и малых, не больше тысячи, — отвечали те.

— Но прежде, — сказал Великий Мудрец, — в моем подчинении было сорок семь тысяч духов, куда же они делись?

— Как только вас не стало здесь, — сказали тут обезьяны, — нашу гору поджег бодисатва Эрлан, и половина ее обитателей погибла в огне. Спаслись лишь те, которые успели броситься в колодец, в воду горных потоков или же укрыться под железным мостом. Когда огонь перестал бушевать и дым немного рассеялся, мы вышли и увидели, что все наши плодовые деревья обгорели и нам нечем больше поддерживать свое существование. Тогда половина из тех, кто остался в живых, разбрелась по другим местам. Ну, а мы остались здесь влачить жалкое существование. Но за последние два года, после того как появились охотники, нас стало вдвое меньше.

— Зачем же они на вас охотятся? — спросил Сунь У-кун.

— При мысли об этом нас охватывает гнев, — отвечали обезьяны. — Они убивают нас отравленными стрелами, сдирают с нас шкуру, отделяют мясо от костей, а затем готовят из своих жертв различные блюда в сое, в уксусе или же делают рассолы. В общем, готовят из нас всякие приправы и закуски. Тех же, кто попадает в сети, они берут живыми, обучают прыгать через обруч, стоять на голове, бить в барабан, заставляют ходить по улицам, бить в гонги и проделывать самые невероятные номера для увеселения прохожих.

Все это привело Великого Мудреца в неопишное негодование.

— Кто у вас тут в пещере сейчас главный? — спросил он.

— Да еще остались полководцы Ма и Лю и генералы Бэнь и Ба, которые управляют нами,— отвечали обезьяны.

— Пойдите доложите, что я вернулся,— приказал Великий Мудрец.

Обезьяны тотчас же бросились в пещеру.

— Наш отец, Великий Мудрец вернулся! — доложили они.

Ма, Лю, Бэнь и Ба поспешили встретить Сунь У-куна и, поклонившись ему, пригласили его войти в пещеру. Когда Великий Мудрец занял центральное место, обезьяны выстроились перед ним в ряд и, отдав соответствующие почести, обратились к нему со следующими словами:

— Отец наш, Великий Мудрец! Мы слышали о том, что вы получили помилование и отправились с Танским монахом в Индию за священными книгами. Каким же образом вы очутились здесь?

— Дорогие мои! — отвечал на это Великий Мудрец. — Поскольку вы находитесь в полном неведении, я должен сказать вам, что этот Танский монах не разбирается в том, что хорошо и что плохо. На протяжении всего пути я сражался со всякими оборотнями и чертями, применил все свои способности, чтобы победить злого духа, а монах, несмотря на это, обвинил меня в злодеяниях и не пожелал больше считать меня своим учеником. Он навсегда прогнал меня и даже выдал мне об этом свидетельство.

— Ну и повезло нам! — в один голос весело закричали обезьяны, хлопая в ладоши. — Да к чему вам быть каким-то монахом? Очень хорошо, что вы вернулись. Хоть несколько лет еще поживем в свое удовольствие!

— Давайте сюда вина из орехов кокосовой пальмы, — раздалась крики, — выпьем в честь нашего отца!

— Погодите, — сказал тут Великий Мудрец. — Пить пока не будем. Вы лучше вот что скажите мне: в какое время сюда приходят охотники?

— Да разве можно тут говорить о времени, — отвечали Ма и Лю. — Они не дают нам ни дня покоя.

— А почему же их сегодня нет? — спросил Великий Мудрец.

— Явятся еще, — отвечали те.

— Ну-ка, ребята! — приказал тут Сунь У-кун. — Соберите мелких пережженных камней и в каждую кучку складывайте от тридцати до шестидесяти штук.

Обезьяны, шумя, как рой пчел, бросились выполнять приказ. Вскоре работа была закончена. Тогда Великий Мудрец приказал:

— А теперь спрячьтесь в пещеру, я должен применить волшебство.

После этого Сунь У-кун взобрался на вершину горы и, внимательно осмотревшись, вдруг заметил в южной стороне

огромное количество всадников,— их было более тысячи человек. Все они были вооружены мечами и копьями и имели при себе соколов и собак. С барабанами и гонгами всадники мчались прямо к горе. Вид у всадников был поистине грозный, это были настоящие удальцы:

Лисьи шкуры защищали
Плечи всадников могучих,
Золотой парчой расшитой
Покрывались грудь и стан;

Кони были, как драконы,
Грозно прыгали по кручам,
И резьбой блистали луки,
Стрелы полнили колчан.

Были всадники свирепы,
Словно тигры на охоте,
Устремясь толпой огромной,
За собой собак вели;

Сотни вил для ловли зайцев
Сто корзин для разной дичи,
Сто шестов, натертых клеем,
Сто сетей они несли.

Так велел Нью-тоу* хитрый
По дорогам ставить сети,
Так Янь-ван ловил веревкой
Беглецов из адских стен.

Словно звезды в поднебесье,
Замелькали люди эти:
Закричали, зашумели,
Всех захватывая в плен.

Увидев, что всадники окружают гору, Великий Мудрец задрожал от охватившего его гнева. Пошевелив пальцами и произнеся заклинание, он вдохнул в себя воздух и тут же с силой выдохнул его из себя в северо-западном направлении. Поднялся бешеный ураган.

Перевертывая землю,
Подымал он тучи пыли,
Лес валил, кружил деревья,
Волны бурные вздымал.

Мрак настал во всей вселенной,
Волны по морю ходили,
И луна и солнце скрылись,
Тигром ветер налетал.

Он рычал, ломая сосны,
И в бамбуковую рощу
Он ворвался с горьким стоном,
Словно раненый дракон.

И рычало в гнѣе небо,
Извергая град разящий,
С неба камни полетели,
Пыль и пыль — со всех сторон.

Ветер подхватил камни, собранные обезьянами, и понес их прямо на всадников.

Летели камни в головы людей.
Слепила пыль глаза лошадей,
Целительные гуань-гуй *, жэнь-шень
В сраженьѣ пригодились в этот день,
И обагрила кровь тогда песок...

Фу-цзы *, как путь домой еще далек!
И даже с чудной помощью бинь-лач,
Ты не увидишь свой родной очаг.
На склонах мертвые лежат тела,
И нет лекарства, чтобы смерть ушла.

Об этом написаны еще и такие стихи:

Лежат повсюду трупы лошадей...
О, сколько перебито здесь людей!
Для них домой не будет возвращенья,
Летают души, полные смущенья,
Пристанища нигде не находя.
И жалок жребий бывшего вождя,
Который, разобратъся не умея,
Горячей кровью заплатил своею.

Великий Мудрец опустилсѣ на облаке и от восторга захопал в ладоши.

— Вот так удача! — смеясь воскликнул он. — После того как я принял постриг и стал учеником Танского монаха, он при всяком удобном случае читал мне наставления, говоря: «Если ты тысячу дней будешь совершать добрые дела, этого все равно будет недостаточно, стоит же тебе хоть один раз сотворить зло, оно окажется в избытке». Когда я убил нескольких духов, он счел это злодеянием. А вот сейчас, не успел я вернуться домой, как тут же расправился со всеми этими охотниками. Ребятки! — крикнул он. — Выходите!

Убедившись в том, что ураган пронесся, и услышав голос Великого Мудреца, обезьяны одна за другой повыскакивали из своего убежища.

— Ступайте на южный склон горы, — приказал им Великий Мудрец, — и снимите с убитых одежду. Постирайте ее: она вся в крови, и надевайте, когда будет холодно. Трупы побросайте в пучину. С лошадей сдерите шкуру и сшейте себе ботинки. Мясо засолите впрок. Луки, стрелы, пики, мечи возьмите себе, будете проделывать военные упражнения. Знамена принесите мне. Пригодятся.

Обезьяны бросились выполнять приказ. Великий Мудрец изорвал знамена врагов, выстирал их и сделал одно огромное разноцветное знамя, на котором написал: «На горе Цветов и плодов, а также в пещере Водного занавеса вновь восстановлен порядок. Великий Мудрец, равный небу».

Знамя водрузили на шесте у входа в пещеру. После этого Сунь У-кун каждый день созывал духов и оборотней, а также делал запасы продовольствия. О своем монашеском звании он нигде не упоминал. Гуманность его была велика, волшебные силы — могучи. Через некоторое время Сунь У-кун отправился к царям-драконам четырех морей, занял у них живительного дождя и чудесной росы и оросил ими гору, которая снова зазеленела. Затем он посадил ивы, тополя, сосны, кипарисы, персики, сливы, финики и множество других деревьев. Обезьяны зажили припеваючи, наслаждаясь покоем. Но об этом мы сейчас распространяться не будем.

Вернемся теперь к Сюань-цзану. Как вы уже знаете, поверив коварным словам Чжу Ба-цзе, он дал волю своим страстям и прогнал Сунь У-куна. И вот он сел на коня, и они двинулись дальше. Чжу Ба-цзе шел впереди, а Ша-сэн — за ним, неся коромысло с вещами. Перейдя хребет Белого тигра, они вдруг увидели перед собой поросший лесом холм. Бирюзовые кипарисы и зеленые сосны были увиты ползучими растениями.

— Ученики мои, — сказал Сюань-цзан, — сейчас начинается опасная горная дорога. К тому же и лес здесь дремучий и густой, так что следует соблюдать осторожность. В этих местах, надо полагать, водится много разной нечисти.

При этих словах Дурень приободрился, велел Ша-сэну взять коня под уздцы и, орудуя своими граблями, провел Танского монаха в сосновый лес. Вдруг Сюань-цзан остановил лошадь и сказал:

— Чжу Ба-цзе, я что-то сильно проголодался, нельзя ли где-нибудь здесь попросить подаяния?

— Хорошо, учитель, — отвечал Чжу Ба-цзе, — я пойду поищу.

Сюань-цзан сошел с коня, а Ша-сэн, опустив свою ношу на землю, достал из узла чашку для сбора подаяний и передал ее Чжу Ба-цзе.

— Ну, я пошел, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Куда же ты думаешь идти? — поинтересовался Сюань-цзан.

— Пусть это вас не тревожит, — сказал Чжу Ба-цзе. — Если бы даже мне пришлось высечь из льда огонь или же выжаты из снега масло, чтобы добыть вам пищу, я сделал бы это.

Выйдя из леса, Чжу Ба-цзе прошел более десяти ли на запад, но не встретил ни одной живой души. Это было

глухое место — пристанище волков и тигров. Шел он долго и очень устал.

«Когда с нами был Сунь У-кун,— с горечью размышлял он,— он выполнял любое желание учителя. А теперь все работы легли на меня. Вот уж не зря говорится: «Цену хвороста и пшена узнаешь лишь тогда, когда сам возьмешься за хозяйство; родительскую ласку может оценить лишь тот, кто сам воспитывает детей». Но ведь мне действительно не у кого просить подаяние».

Чжу Ба-цзе стало клонить ко сну.

«Если я сейчас вернусь с пустыми руками, учитель не поверит мне, что я проделал такой большой путь. Лучше уж я пробуду здесь подольше, потом легче будет ответ держать. А сейчас надо поспать здесь в траве».

И, обхватив голову руками, Дурень улегся спать. Он говорил сам себе, что скоро встанет, но кто не знает, что стоит усталому путнику склонить голову, как он засыпает.

Однако оставим пока Чжу Ба-цзе спящим и вернемся к Сюань-цзану. Встревоженный длительным отсутствием Чжу Ба-цзе, он не находил себе места. Уши у него горели, глаза беспокойно бегали.

— У-цзин,— не выдержав, обратился он к Ша-сэну.— Куда это Чжу Ба-цзе запропастился?

— Да разве вы, учитель, не понимаете,— сказал на это Ша-сэн.— Здесь, в западной стране, очень многие занимаются благотворительными делами и помогают монахам, а у Чжу Ба-цзе живот огромный, разве ему теперь до вас? Вот когда он сам наестся вдосталь, тогда и придет.

— Пожалуй, ты прав,— сказал Сюань-цзан.— Но если он не скоро вернется, где мы встретимся с ним? Время позднее, а здесь оставаться нельзя. Надо позаботиться о ночлеге.

— Все это не так уж страшно,— сказал Ша-сэн.— Вы, учитель, побудьте здесь, а я пойду найду его.

— Ладно,— согласился Сюань-цзан.— Бог с ней, с едой, главное — найти пристанище.

Ша-сэн взял свой посох и, выйдя из леса, отправился на поиски Чжу Ба-цзе. Сюань-цзан с тяжелым чувством остался один в лесу. Чтобы подбодрить себя немного, он встал, сложил вещи в одно место, привязал коня к дереву, снял шляпу, воткнул в землю посох, расправил рясу и стал медленно прохаживаться по лесу. Он делал все, чтобы хоть немного разогнать тоску. Здесь росла трава, благоухали цветы, но не было слышно пения птиц, возвращающихся в свои гнезда. В лесу этом были узкие тропинки, густо поросшие травой, и Сюань-цзан, поглощенный своими невеселыми думами, сбился с дороги. Он пошел просто для того, чтобы развеять свою грусть и вместе с тем надеясь найти Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Но те

ушли в западном направлении, а Сюань-цзан повернул на юг.

Выйдя на опушку, Сюань-цзан увидел перед собой золотое сияние. Оно исходило от купола чудесной пагоды, сверкавшего в лучах заходящего солнца.

«А ведь мои ученики не выполняют заповедей Будды,— подумал Сюань-цзан.— Покидая Китай, я дал обет у каждого храма возжигать фимиам, при встрече с Буддой — совершать поклоны, а если попадетя пагода, приводить ее в порядок. И вот перед нами пагода, окруженная золотым сиянием. Как же мы не пошли этим путем? Около пагоды, несомненно, расположен монастырь, в котором проживают монахи. Отправлюсь-ка я туда. Место здесь пустынное, так что с вещами и конем, я думаю, ничего не случится. А если в монастыре этом можно будет остановиться на ночлег, я подожду моих учеников, и мы все вместе отправимся туда».

Но тут нашего Сюань-цзана подстерегала беда. Он подошел к пагоде, и его взору открылась удивительная картина:

Перед ним открывались скалы,
В десять тысяч чжан¹ высоты,
Упирались вершинами в небо
Удивительные хребты.

Уходили вглубь их породы,
Пики высились до небес,
У дороги теснились деревья,
Спал в ползучих лианах лес.

Колебались под ветром травы,
Даже тень их была длинна,
В синих тучах вода копилась,
Угасала порой луна.

А поваленные деревья
Перекидывались мостом,
Засыхали, свиваясь, лозы
Над прозрачным горным ручьем.

По ветвям обезьяны сновали,
С гор слетали стаи сорок,
Подымался бамбук багряный,
Охраняя горный поток.

Глянешь издали — видишь иней,
Словно в храме трех островов,
А вблизи — с красотой Пэнляя
Состязалась прелесть лесов.

Здесь чудесные пели птицы,
Лили сосны густой аромат
И гуляли дикие звери
У дверей подземных палат;

А кругом зеленели травы,
Распускались цветы у воды.
Это — знаменье, что Трипятаке
Здесь нельзя пройти без беды.

¹ Чжан — мера длины, равная 3,2 метра.

Вскоре Сюань-цзан очутился у ворот пагоды, на которых висела пестрая бамбуковая занавеска. Замедлив шаги, он приподнял занавеску и вошел внутрь. И что же он увидел! Развалясь поперек кровати, сделанной из камня, здесь спал безобразный на вид дух.

Разверзта пасть. Синеет темный лик,
И отвратительный белеет клык,
А цвет волос взлохмаченных багрян,
Как будто кто-то вылил в них румян.
И загнут нос, как попугая клюв.
Звездоподобен взор его, блеснув,
А ноги скрученные сплетены,
Как корни, что сползают с вышины.
Был желтый шелковый халат на нем,
Как риза, весь в узоре золотом,
И оборотень меч в руках держал,
И лезвием огнистым угрожал.
На камне этот злобный дух сидел,
Был камень ложа гладок, чист и бел.
Лукавый дух был — небольших чинов:
Таких, как он, не счесть, что муравьев.
Он старым был — таких не счесть, как пчел,
Но сколько он величья приобрел!
Все звали его старшим и отцом.
Он каждый месяц угощал винцом
И разливал на новоселье чай.
Когда же власть являл он невзначай,
В одно мгновенье, облетал он мир..
Даосы — жизни варят эликсир,
Удавы и драконы в чаше спят,
И птицы в диких зарослях свистят.
Где боги обработали поля,
Родит там перлы белые земля;
А здесь ведет в пещеру тесный вход;
Хотя неглавный ад пришельца ждет,
Но якша * Нью-тоу правил в том аду
Всем мимо проходящим на беду.

Увидев это чудовище, Сюань-цзан от страха даже оступился: тело его ослабло, ноги подкосились. Он хотел тут же скрыться, но дух, который все знал, все видел и все слышал, открыл в этот момент свои огненные глаза и крикнул:

— Эй, ребятки, посмотрите, кто это там у ворот?

Один из духов, вытянув шею, выглянул и, увидев лысого монаха, бросился докладывать об этом своему повелителю:

— Великий князь, за воротами какой-то монах. У него круглая голова и полное лицо. Уши его свисают прямо на плечи! * Кожа у него нежная. Замечательный монах!

Услышав это, волшебник рассмеялся от удовольствия.

— «Когда мухи садятся змее на голову, это все равно, что пища сама лезет в рот», — сказал он. — Вы вот что, ребятки, схватите его да тащите сюда поскорее. А я уж вас поблагодарю как следует.

Не успел он договорить, как его подчиненные бросились выполнять приказ. Сюань-цзану хотелось бы сейчас стрелой лететь по воздуху, однако от страха он едва волочил ноги. К тому же горная дорога была крута и опасна, а лес утонул во мраке. Духи быстро схватили Сюань-цзана и потащили обратно.

Когда дракон застрянет на мели,
То потешаются над ним и раки;
Когда покинет тигр дремучий лес,
То на равнине рвут его собаки.

Пусть встретят даже добрые дела
Различные преграды и препоны,
Но кто в таких же затруднениях был,
Как Трипитака, к цели устремленный?

Положив монаха у входа, духи вбежали внутрь.

— Великий князь! — радостно воскликнули они. — Мы при-тащили монаха.

Между тем старый волшебник уже успел бросить взгляд на Сюань-цзана. Гордо посаженная голова монаха и его величаявая осанка произвели на волшебника отличное впечатление.

«Благородные монахи, несомненно, люди высшего порядка, — подумал он про себя, — и с ними действовать просто нельзя. Если я не проявлю все свое могущество, он может и не покориться мне».

И он тотчас же принял грозный вид. Огненные усы и борода его стали торчком, кроваво-красные волосы поднялись дыбом, глаза вот-вот готовы были выскочить из орбит.

— Тащите его сюда! — загремел волшебник.

Все духи-прислужники в один голос откликнулись:

— Слушаемся! — и тут же втащили Сюань-цзана.

Не зря говорит пословица: «Когда идешь под низким карнизом, приходится нагибать голову». Так и Сюань-цзану ничего другого не оставалось, как сложить руки для приветствия и совершить перед волшебником поклоны.

— Откуда ты явился, монах? И куда путь держишь? Выкладывай все начистоту да поскорее!

— Я — Танский монах, — отвечал Сюань-цзан. — По повелению Танского императора иду на Запад за священными книгами. Проходя через эти горы, я счел своим долгом прийти приветствовать вас, но своим приходом как будто обеспокоил вашу милость и очень прошу извинить меня. Когда я достану на Западе книги и вернусь в Китай, я на вечные времена занесу в историю ваше имя.

Выслушав его, волшебник только расхохотался.

— Я так и думал, что ты — птица высокого полета, — за-

явил он,— и не ошибся! Ты пришел очень кстати! Сейчас я тебя съем! Это чудесно! Ведь я мог прозевать тебя. Но, видно, суждено было нам встретиться, а тебе попасть ко мне на стол. Теперь-то уж я не отпущу тебя! Ну-ка! — приказал он своим подчиненным.— Связать монаха!

В тот же миг духи ринулись на Сюань-цзана, схватили и привязали его к столбу.

— Кто же еще с тобой идет? — снова спросил волшебник, держа меч наготове.— Не мог же ты отважиться пуститься в путь один?

Увидев в его руках меч, Сюань-цзан смиренно ответил:

— Великий князь! Со мной идут два моих ученика. Одно-го из них зовут Чжу Ба-цзе, другого — Ша-сэн. Оба они отпра-вились сейчас за подаянием. В лесу у меня остался белый конь и кое-какие вещи.

— Вот это удача! — воскликнул волшебник.— Два ученика да еще конь. Значит, всех вас четверо. Что же, на раз еды вполне хватит.

— Так мы пойдем притащим их,— сказали тут подчинен-ные духи.

— Никуда не надо ходить,— отвечал им волшебник.— За-кройте только передние ворота. Когда эти двое вернутся с подаянием, они, конечно, станут искать своего учителя и, не-сомненно, придут сюда, к нашим воротам. Пословица гово-рит: «Легче всего торговать тогда, когда покупатель приходит сам». Обождите, мы всех их потихоньку выловим.

Духи послушно закрыли передние ворота.

Однако оставим пока попавшего в беду Сюань-цзана и посмотрим, что делал в это время Ша-сэн. Разыскивая Чжу Ба-цзе, он прошел уже более десяти ли, однако не встретил на своем пути ни одного селения. Не зная, что делать, он остановился на вершине горы и стал осматриваться. Вдруг он услышал, что кто-то разговаривает. Он пошарил в траве своим посохом и обнаружил там спящего Дурня, который разговаривал во сне.

— Ну и хорош же ты! — сказал Ша-сэн, схватив его за ухо.— Ведь учитель послал тебя за подаянием, как же ты пос-мел уснуть?!

— А сколько сейчас времени? — спросил Чжу Ба-цзе, с трудом приходя в себя.

— Вставай скорей! — торопил Ша-сэн.— Учитель сказал, что без еды можно пока обойтись, а самое главное— это найти ночлег.

Разобравшись, наконец, в том, что ему сказал Ша-сэн, Чжу Ба-цзе взял чашку для подаяний, сунул под мышку грабли и отправился с Ша-сэном в обратный путь. Но в лесу они учителя не нашли.

— Все из-за тебя, Дурня,— стал ругать своего собрата

Ша-сэн.— И подаяния не собрал, и учителя потеряли. Его, конечно, уташил какой-нибудь дух.

— Не говори глупостей, дорогой брат,— сказал, смеясь, Чжу Ба-цзе.— В таком замечательном месте не может быть никаких злых духов. Учителю, видно, надоело сидеть, вот он и пошел пройтись и посмотреть местность. Пойдем поищем его.

Захватив коромысло с вещами и ведя на поводу коня, они вышли из леса и пустились на поиски своего учителя. Видно, и на этот раз Танскому монаху не суждено было умереть. Поискав его немного, они вдруг увидели в южной стороне золотое сияние.

— Ну, брат, счастливому всегда везет! — воскликнул Чжу Ба-цзе.— Ты посмотри, куда ушел наш учитель. Это сияние излучает пагода, и кто бы мог осмелиться пройти мимо и не поклониться ей? Там для нашего учителя, несомненно, приготовили угощение, и он чувствует себя великолепно. Надо поторопиться, авось и нам что-нибудь перепадет.

— Еще неизвестно, что нас там ждет — беда или удача,— с сомнением заметил Ша-сэн.— Что ж, пойдем посмотрим.

И они храбро подошли к воротам пагоды. Однако ворота были крепко заперты. Тут они увидели плиту из белого нефрита с выгравированной надписью из шести иероглифов: «Пещера Боюэ, на горе Ванцзышань».

— Брат,— сказал тут Ша-сэн.— Это вовсе не монастырь. Это обитель какого-то духа. И если наш учитель попал сюда, то вряд ли мы его когда-нибудь еще увидим.

— Не бойся,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Привяжи коня и стереги вещи, а я постараюсь что-нибудь разузнать.

И Дурень, держа свои грабли наготове, подошел к воротам и крикнул:

— Эй, вы там! Открывайте!

Оборотни быстро отодвинули засов и раскрыли ворота. Но, увидев Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, мигом повернули обратно и бросились к своему повелителю:

— Великий князь! Покупатели пришли!

— Где же они? — спросил волшебник.

— Они стоят у ворот: один с длинной мордой и огромными ушами, да и у другого какой-то зловещий вид.

— Это, конечно, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн! Я знал, что они придут! — обрадовался дух.— Нашли все же! Да! Умеют искать. Как же это они пришли сюда? Смотрите держитесь с ними осторожнее. Дайте-ка мне одеться,— приказал волшебник.

Он надел на себя желтый халат и боевые доспехи, взял меч и вышел из ворот.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн ждали. И вот перед ними выросла зловещая фигура духа.

Пугал
 Он ярко-красной бородой,
 Сверкал,
 Блистал кольчугой золотой;
 Доспехи защищали
 Грудь и стан...
 Когда он выходил
 На океан,
 Вздымались волны
 До небесных туч,
 Когда ж, в безделье,
 Он стоял, могуч,
 Прижавшись к лону каменному
 Скал,
 С его дыханьем
 Ветер вылетал.
 Держал волшебник
 В пламенных руках
 Свой меч,
 На жертвы наводящий страх.
 Но как же это чудище
 Зовут?
 Пусть «Хуан-пао»¹ иероглифы
 Прочтут.

— Вы откуда явились, монахи? И как смеее шуметь возле наших ворот? — крикнул волшебник Желтый халат.

— Эй, сынок *,— сказал на это Чжу Ба-цзе,— ты что же, своего отца признавать не хочешь? Я ученик Танского монаха и вместе с ним следую в Индию. А мой учитель — побратим императора и зовут его Трипитака. Так вот, если он у вас,— освободите его сейчас же, чтобы мне не пускать понапрасну в ход свои грабли и не врываться к вам с боем.

— Так, так, так,— смеясь сказал волшебник.— Есть у нас тут один Танский монах. Но мы ничем не обидели его. Я даже приготовил для него пампушек с человеческим мясом, может, и вы согласитесь отведать их? Заходите.

Тут Дурень, приняв все за чистую монету, уже хотел было войти, но Ша-сэн вовремя удержал его.

— Ведь он обманывает тебя,— сказал он.— Слыханное ли это дело есть человеческое мясо?

Тут только Чжу Ба-цзе опомнился и, взмахнув своими граблями, хотел нанести удар прямо в лицо волшебнику. Однако тот успел отклониться и отразил удар своим мечом. Обладая волшебной силой, оба они взметнулись под облака и там продолжали бой. Ша-сэн тоже не выдержал, оставил вещи и коня и поспешил на помощь товарищу. И вот между двумя грозными монахами и гнусным колдуном завязался отчаянный бой.

Посох взлетал,
 Только меч отбивал его яро,
 Грабли взлетали,
 Меча принимая удары.

¹ Хуан-пао — в переводе «Желтый халат».

Дух показал,
Что в бою он не ведает страха,
Мощь проявили в сраженье
Два танских монаха.

Девятизубые грабли
Были достойны хваленья.
Меч же волшебника злого
Рубил в испугленье.

Бились они, налетая
И слева и справа:
«Желтый халат» был увертлив
И скор на расправу.

Блеском серебряным
Меч загорался булатный,
Сила ударов волшебных
Была необъятна.

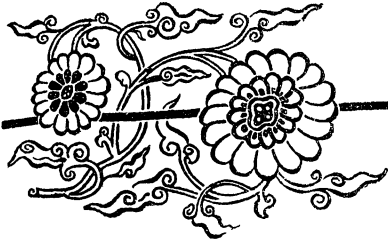
Воздух вокруг
Затянули пары и туманы
Словно в горах разрушались
Хребты-великаны.

Здесь чародей
Утверждал свою честь дерзновенно,
Бился другой за учителя
Веры священной.

Противники схватывались уже несколько десятков раз, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Все они, конечно, дорожили своей жизнью, но им трудно было покончить миром.

Однако, если вы хотите знать, как в конце концов был спасен Танский монах, прочитайте следующую главу.





ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ,

из которой вы узнаете о том, как паломники, избавившись от гибели прибыли в государство Баосянго и как Чжу Ба-цзе, преисполненный благодарности за оказанный прием, возвратился в горы для борьбы с волшебником

Когда не можешь ты смирять
Нелепые мечты,
То как же истины достичь
Рассчитываешь ты?

В служенье Будде мы растим
Природных чувств зерно,
Но как переродиться вновь,
Когда в душе темно?

Возможно праведником стать,
Уразумев Закон,
Иначе будешь сотни раз
В пороки погружен.

О совершенствованье чувств
Помысли в жизни сей,
Чтоб смылась скверна всех грехов
С больной души твоей,

Бесчисленные, как песок
На гангских берегах,
Грехи твой омраченный дух
Отяготят в веках.

Итак, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн уже более тридцати раз схватывались с волшебником, но все еще нельзя было сказать, кто окажется победителем. Почему же так случилось? А вот почему. Волшебник, конечно, был так могуч, что даже двадцать таких монахов, как Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не могли бы справиться с ним. И только потому, что Танскому монаху не

суждено было умереть и он находился под покровительством духов и защитников буддизма, в воздухе появились духи тьмы и света Лю-дин и Лю-цзя, пять защитников буддизма, духи — хранители четырех стран света и восемнадцать духов — хранителей буддизма. Они помогли Чжу Ба-цзе и Ша-сэну. Однако оставим пока сражающихся противников и поговорим о Сюань-цзане. Убитый горем, сидел он в пещере волшебника и думал о своих учениках. Что-то они делают теперь? Из глаз у него текли непрошеные слезы.

«У-нэн,— думал он,— в каком селении ты встретил добрых людей и где утоляешь сейчас свой голод подаянием? А ты, У-цзин,— продолжал он размышлять,— удастся ли тебе найти У-нэна? Может быть, вы уже встретились? Но как вы узнаете о том, что я попал в лапы волшебника и мне грозит смертельная опасность? Когда же наконец я встречу вас,— когда мы освободимся от этих бедствий и отправимся в путь?»

И вот, когда он увидел так, полный горестных раздумий и тревог, он вдруг увидел, как из внутреннего помещения вышла женщина. Опираясь на столб, к которому привязывали смертников, она сказала:

— Отец преподобный! Как вы сюда попали и почему привязаны?

Сюань-цзан полными слез глазами украдкой взглянул на женщину, ей было лет тридцать.

— Милостивая госпожа,— промолвил он.— Зачем спрашивать человека, обреченного на смерть? Я пришел к вам по собственной воле и, если вы хотите съесть меня, ешьте скорее.

— Я не ем людей,— отвечала женщина.— Моя родина расположена в трехстах с лишним ли к западу отсюда. Называется она Баосянго. Я — принцесса, третья дочь правителя этой страны. Зовут меня Бай Хуа-сю. Тринадцать лет назад, в ночь на пятнадцатый день восьмой луны, в тот момент, когда я любовалась луной, меня унес бешеный ураган, вызванный волшебником. Волшебник сделал меня своей женой. С тех пор я живу здесь. Родила двоих детей. О своих родных я не имею никаких сведений и потеряла всякую надежду вернуться когда-нибудь домой. Я часто вспоминаю о своих родителях, но лишена даже возможности повидаться с ними. А вы откуда пришли и как попали к нам?

— Я иду в Индию за священными книгами,— отвечал Сюань-цзан.— И вот неожиданно забрел сюда. Волшебник хочет еще поймать двух моих учеников, зажарить нас всех и съесть.

— Успокойтесь, почтенный отец,— с улыбкой промолвила женщина.— Раз вы идете за священными книгами, я выручу вас. Баосянго лежит как раз на пути, ведущем в Индию. Так вот, если вы согласитесь отнести письмо к моим родителям, я уговорю волшебника освободить вас.

— Милостивая госпожа,— закивал головой Сюань-цзан.— Если только вы спасете мне жизнь, я с радостью отнесу ваше письмо.

Тогда принцесса ушла во внутреннее помещение, написала письмо и вручила его Сюань-цзану, освободив монаха от веревки. Взяв письмо, Сюань-цзан сказал:

— Милостивая госпожа! Благодарю вас за величайшее благодеяние, оказанное мне. Проходя через вашу страну, я непременно побываю у вашего отца. Опасаюсь лишь одного. Прошло уже много лет, возможно, ваши родители не захотят даже принять меня. Как мне тогда поступить? Если так случится, и я невольно нарушу свое обещание, вы не ругайте меня.

— Не тревожьтесь,— отвечала на это принцесса.— У моего отца всего три дочери. Поэтому, узнав о письме, он непременно выразит желание повидать вас.

Сюань-цзан запрятал глубоко в рукав переданное ему письмо, поблагодарил еще раз и хотел уходить. Но принцесса задержала его.

— Через передние ворота не ходите,— предостерегла она.— Там сейчас целая толпа духов: они размахивают знаменами, кричат, бьют в барабаны и гонги, помогая своему повелителю вести бой с вашими братьями. Идите лучше через задние ворота. Если вам встретится сам хозяин, это еще ничего. Он разберется, в чем дело. А вот его подчиненные могут схватить вас и причинят вам вред. Лучше я сама пойду и улажу это дело. Может быть, князь согласится отпустить вас. Тогда вы обождете своих учеников, они разыщут вас, и вы спокойно отправитесь дальше все вместе.

Выслушав ее, Сюань-цзан земно поклонился и выразил полную готовность исполнить любое ее приказание. Затем он вышел через задние ворота и, не решаясь пускаться в путь один, укрылся в зарослях кустарника.

Между тем принцесса, задумав хитрый план, поспешила за ворота и стала пробираться через толпу младших духов. За воротами стоял невообразимый грохот. Это дрались в высоте Чжу Ба-цзе и Ша-сэн с волшебником.

— Господин Желтый халат!— изо всех сил закричала принцесса.

Услышав ее голос, волшебник покинул поле боя, спустился на облаке вниз и, бросив оружие, подошел к жене.

— Что тебе надобно, женушка?— спросил он.

— Господин мой,— отвечала женщина.— Сейчас, когда я спала у себя в комнате, во сне ко мне явился святой человек в золотых латах.

— Что за святой мог явиться сюда?— спросил волшебник.

— Когда я была маленькой,— сказала на это принцесса,— и жила у себя во дворце, я мечтала о достойном муже и дала обет, что если найду такого, то отправлюсь на знаме-

нитую гору, поклонюсь святым местам и сделаю подношение монахам. Но, став твоей женой и проводя время в удовольствиях, я позабыла об этом. И вот во сне ко мне явился святой и потребовал, чтобы я выполнила свой обет. Когда он крикнул, я проснулась и поняла, что это был сон. Я тотчас же пошла к тебе, мой господин, чтобы рассказать об этом, но неожиданно увидела привязанного к столбу монаха. Умоляю тебя, мой господин, выполни мое скромное желание и сжался над ним. Тогда я смогу выполнить данный мною обет и поднести подаяние этому монаху. Не знаю только, согласишься ли ты на это.

— Очень уж ты суеверна у меня, женушка,— сказал волшебник.— А впрочем, не такое уж это важное дело. Если мне захочется поестъ человеческого мяса, я достану сколько мне будет нужно. А этого монаха можешь отпустить. Пусть идет на все четыре стороны.

— Господин мой,— промолвила принцесса,— я уже отпустила его, он вышел через задние ворота.

— Тогда в чем же дело? — спросил волшебник: — Отпустила — и ладно. А через какие ворота — это все равно.

Затем он схватил свой стальной меч и громко крикнул:

— Эй, Чжу Ба-цзе, иди сюда! Я тебя не боюсь, но сражаться с тобой не буду. Из уважения к моей жене я сохраню жизнь вашему учителю. Он ушел через задние ворота, ищите его там и отправляйтесь дальше. Но если когда-нибудь вы снова попадете в мои владения, пеняйте на себя; пощады не будет!

Услыхав эти слова, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, словно их освободили из ада, ринулись обратно в лес, взяли под уздцы коня, схватили носилки с вещами и моментально скрылись. Обойдя кумирню, они подошли к задним воротам и позвали своего учителя. Узнав их по голосу, Сюань-цзан тотчас же откликнулся. Раздвинув кустарники, Ша-сэн помог учителю выйти и сесть на коня. И вот:

Синеликий демон, угрожая,
Встал пред ними, страшный злобной силой,
Бай Хуа-сю появилась, к счастью,—
Путников от смерти защитила.

Так и рыба, изрыгнув из пасти
Золотой крючок,— уходит в море,
Резво бьет хвостом по волнам синим,
Весело играет на просторе.

Итак, они отправились дальше, Чжу Ба-цзе, как и раньше, шел впереди, а Ша-сэн следовал позади. Выйдя из соснового леса, они очутились на широкой дороге. В пути Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не переставали ссориться, обвинять друг друга то в одном, то в другом, Сюань-цзан едва успевал мирить их.

С наступлением вечера они пораньше устраивались на ночлег, а на рассвете, с первым криком петуха, снова пускались в путь. И так, привал за привалом, они незаметно прошли еще двести девяносто девять ли.

И вдруг они увидели перед собой прекрасную страну. Это и была страна Баосянго — чудесный край:

Далекая дорога
И цепи гор вдали,
А край богат все так же,
Хоть он за сорок ли.

Луна сияет ярко,
Блаженны облака;
Колеблются туманы
Дыханьем ветерка.

Прекрасная картина:
Здесь, у подножья скал,
Ручей на перекатах
Белее яшмы стал.

Тропинками повсюду
Исчерчены поля,
В ростках душистых злаков
Кормилица-земля.

На трех ручьях немного
Увидишь рыбаков,
На две горы лесистых
Один лишь сборщик дров.

Железною стеною
Там город окружен,
И рвом с водой кипящей
Надежно защищен.

И, в счастье соревнуясь,
Здесь весел каждый дом,
Высокий спорит терем
С блистательным дворцом.

Террасы высотой
В десятки тысяч чжан;
Как пестрые знамена,
Дворцы Хуанчайдянь,

На золотых ступенях
У яшмовой стены,
На лестницах дворцовых —
Придворные чины.

Колокола и флейты,
Свирель и барабан
Гаремное томленьё
Развеют, как туман,

В садах императрицы
В росе стоят цветы,
Каналы государя
Прозрачны и чисты.

Сгибает ветер ветви
Прибрежных тонких ив,
Над водами каналов
Причудливо склонив.

В повозках пятиконных
На стогнах городских,
Блистают горожане
В одеждах дорогих;

В местах уединенных
Приволье для стрелков:
Они одной стрелою
Пронзают двух орлов.

Полночных развлечений
Построены дома,
И песни оглашают
Дворцы и терема.

Такое сладострастье,
Такая красота
Веселью не уступят
Люянского моста.

Идя за книгой, старец
И плакал и скорбел
О славном Танском царстве,
Кляня его удел.

Ученики же старца,
Узрев его печаль,
Безмолвно устремились
Умом и сердцем вдаль.

Сюань-цзан и его ученики не могли налюбоваться красотами страны Баосянго. Наконец они собрали свои вещи и, ведя коня, отправились в гостиницу при почтовой станции, где и остановились. После этого Сюань-цзан пешком отправился к воротам дворца и обратился к дворцовой страже:

— Я — монах, посланец Танского императора, — промолвил он. — У меня есть письмо к вашему государю. Покорнейше прошу доложить обо мне.

Дежурный у ворот чиновник поспешил к своему повелителю.

— Великий государь, — произнес он. — Сюда прибыл почтенный священнослужитель, посланец Танского императора: он хочет засвидетельствовать вам свое почтение и передать какую-то бумагу.

Государя очень обрадовало это известие, и он тут же распорядился ввести Сюань-цзана во дворец. Когда Трипитаку подвели к трону, он трижды громко приветствовал государя. Находившиеся на приеме чиновники в один голос с одобрением говорили, что сразу, дескать, видно выдающегося представителя великой страны, поскольку лишь такой

человек может с подобным благородством и так свободно воздавать почести.

— По каким делам вы прибыли сюда, почтенный отец? — спросил Сюань-цзан правитель страны.

— Я — житель Танского государства и последователь учения Будды, — отвечал на это Сюань-цзан. — По велению моего императора, я следую сейчас на Запад за священными книгами. По этому случаю мне выдана специальная бумага, которую я и хотел в соответствии с существующим порядком представить вашему величеству и просить выдать мне разрешение на дальнейшую поездку. Вот почему я и решил побеспокоить вас, государь.

— Если у вас действительно есть бумага, выданная самим Сыном Неба, то покажите ее нам, — промолвил правитель.

Тогда Сюань-цзан, взяв обеими руками бумагу, развернул ее и почтительно положил на столик перед государем. В бумаге говорилось:

«Настоящая бумага выдана Сыном Неба, по воле неба управляющим Великой Танской империей, в стране Джамбудвипа. Несмотря на мои скромные способности, мне, как наследнику, пришлось принять на себя управление страной, а также стать слугой святых. В результате я попал в чрезвычайное опасное положение. Однажды, по той причине что я не смог оказать помощь обратившемуся ко мне дракону реки Цзинхэ с просьбой спасти ему жизнь, дракон погиб и попал в преисподнюю. Оттуда ко мне прибыл посланец ада. И только потому, что в небесной книге не был точно указан год моей смерти, я по милости владыки ада был возвращен к жизни. По этому случаю я велел отслужить молебен, чтобы помочь душам умерших перейти в другой мир. И вот помогавшая всем страждущим бодисатва Гуаньинь явилась ко мне в золотом сиянии и сказала, что на Западе у Будды есть священные книги, которые помогут бесприютным душам умерших перейти в царство мрака. Настоящей бумагой повелеваю преподобному отцу Сюань-цзану отправиться в дальний путь за священными книгами и псалмами. Просьба оказывать всякое содействие подателю сей бумаги, который будет проезжать по западным странам, дабы он мог выполнить возложенную на него миссию. Выдано в тринадцатый год правления Чжэньгуань, Великой Танской династии, в присутствии императора. Бумага скреплена императорской печатью».

Прочитав бумагу, правитель страны Баосянго взял императорскую печать и, скрепив ею свою подпись, передал Сюань-цзану. Сюань-цзан поклонился государю и поблагодарил его за оказанную милость.

— А теперь я хочу передать вам письмо от ваших родственников, — сказал Сюань-цзан.

— Что за письмо? — обрадовался государь.

— Письмо от вашей третьей дочери-принцессы, ваше величество,— отвечал Сюань-цзан,— которую похитил волшебник из пещеры Боюэ. Мы встретились с ней совершенно случайно, и она попросила меня передать вам письмо.

Услышав это, государь залился горячими слезами.

— Тринадцать лет я не видел моей дочери,— промолвил он.— Скольких гражданских и военных чиновников отстранил я за это время от должности! Сколько казнил служанок и евнухов! Но все они твердили одно: что принцесса вышла из дворца и заблудилась. Где только ее не искали! Бесчисленное количество жителей нашей страны было привлечено к ответу, однако, где принцесса, установить так и не удалось. Кто мог знать, что ее захватил волшебник? Вот почему эта весточка о ней привела меня в такое отчаяние и даже вызвала слезы.

Тем временем Сюань-цзан вынул из рукава письмо и почтиительно передал его императору. Но как только император прочел обычные слова обращения с пожеланием благополучия, у него сразу же опустились руки, и он не мог читать дальше. Тогда он приказал позвать ученого из императорской академии и, когда тот явился, передал ему письмо и приказал читать вслух. Все гражданские и военные чиновники, а также находившиеся в покоях рядом с залом государыня с придворными дамами, затаив дыхание, приготовились внимательно слушать.

«Ваша непочтительная дочь Бай Хуа-сю,— начал читать ученый,— сто раз склоняет свою голову перед великолепным тронном своего высокодобродетельного отца и желает ему много лет здравствовать. Кланяюсь я также своей матери-государыне, а также всем вашим государственным и военным сановникам, которые присутствуют у вас на приеме. Я чувствую глубокую признательность за те многочисленные заботы, которыми была окружена в вашем доме и за которые не смогла отплатить вам, хотя всегда старалась выказывать вам свое почтение и уважение. Но вот тринадцать лет тому назад, в пятнадцатый день восьмой луны, в ту прекрасную ночь, когда по вашему высочайшему повелению я готовила пир во дворце и все собравшиеся гости веселились и любовались луной, откуда-то налетел благовонный ветер, из которого вышел князь демонов. Глаза у него были огненные, лицо — синее, волосы — черные. Он схватил меня и на волшебном луче унес в пустынный горный край. Избавиться от него или перечить ему я, конечно, не могла, и он, пользуясь своей силой, заставил меня стать его женой. Так я и живу с ним вот уже тринадцать лет и родила от него двух оборотней. Я знаю, что одно упоминание об этом заслуживает осуждения и может нанести ущерб правам и обычаям нашей страны. Возможно, мне и не следовало сообщать вам об этом. Но я боюсь, что могу умереть, и вы даже не

узнаете, что случилось со мной, станете меня упрекать и осуждать. И вот неожиданно для меня преподобный монах Танской империи тоже был схвачен этим волшебником. Я писала это письмо со слезами на глазах, затем набралась смелости, помогла ему освободиться и пересылаю с ним эту весточку вам. Я хотела еще высказать вам свое заветное желание и почтительно просить вас, государь-отец, пожалеть свою дочь и направить к пещере Боюэ на горе Ваньцзышань войско, чтобы расправиться с волшебником, спасти меня и вернуть ко двору. Буду век благодарна вам за вашу милость. Ваша недостойная дочь Бай Хуа-сю нижайше кланяется вам».

Ученый кончил читать. Государь горько заплакал. Заплакала и государыня. Даже чиновники и все, кто присутствовал здесь, тяжело переживали это горе. Наконец государь перестал плакать и обратился ко всем военным и гражданским чинам с просьбой повести войска, выловить волшебника и освободить его дочь принцессу Бай Хуа-сю. Он несколько раз спросил, кто возьмется за это дело, но все молчали. Поистине это были деревянные полководцы и сановники.

Правителя охватило отчаяние, и он снова залился горячими слезами. Тогда сановники опустили перед ним на колени и промолвили:

— Не отчаивайтесь, ваше величество. С тех пор как исчезла принцесса, прошло тринадцать лет и все это время никто ничего не знал о ней. Лишь благодаря тому что она встретила Танского монаха, ей удалось прислать нам письмо. Неизвестно еще насколько оно достоверно. Кроме того, все мы, ваши подданные, простые смертные. Мы изучили военные книги и тактику, знаем, как разбивать лагерь и расставлять войска, можем охранять государство от нашествий врагов. А этот волшебник умеет летать на облаках и тумане; как же мы можем пойти против него? Как можем спасти вашу дочь! Вот паломник, идущий за священными книгами, принадлежит к высшему разряду священнослужителей. Учение его настолько могущественно, что он может подчинять себе тигров и драконов, добродетели его так велики, что он в силах противостоять всяким духам и оборотням, кроме того, ему, конечно, известно, как покорять духов. Ведь еще в древние времена говорили: «Тот, кто любит болтать о чужих грехах — сам греховодник». Поэтому следует попросить этого почтенного монаха усмирить волшебника и спасти принцессу. Это — единственно правильный выход из положения.

Тогда правитель обратился к Сюань-цзану:

— Почтенный отец, если вы знаете, как расправиться с волшебником, освободите мою дочь и привезите ее сюда, незачем вам идти на поклонение Будде. Вы можете отрастить волосы, а я готов признать вас своим братом. Будем вместе

управлять страной и наслаждаться богатством и счастьем. Как вы на это смотрите?

— Я еще не до конца постиг учение Будды и потому не могу подчинять злых духов,— поспешил почтительно ответить Сюань-цзан.

— Если вы не умеете усмирять духов, как же вы отважились отправиться в Индию? — спросил государь.

Сюань-цзану пришлось признаться в том, что с ним вместе идут его ученики.

— Одному мне, конечно, рискованно было бы пускаться в такой путь, ваше величество,— почтительно отвечал он.— Но у меня есть два ученика, которые без труда преодолевают непроходимые горы и перебрасывают мосты через реки. Лишь благодаря им я и смог добраться сюда.

— Что же вы за монах, если не знаете правил,— сердито сказал государь.— Вы должны были прибыть вместе со своими учениками? Может быть, я и не преподнес бы им каких-либо особых даров, но на скромное подаяние они все же могли рассчитывать.

— Мои ученики так безобразны,— сказал тогда Сюань-цзан,— что я не осмелился привести их ко двору из опасения, как бы они своим присутствием не оскорбили ваше царское достоинство.

— Вы только послушайте, что говорит этот монах,— рассмеявшись, сказал государь.— Неужели я испугался бы?

— Не знаю даже, как и сказать вам,— промолвил Сюань-цзан.— Старшего моего ученика зовут Чжу Ба-цзе. У него длинная морда и отвратительные клыки. Тело его покрыто щетиной, а уши как веера. Вдобавок ко всему у него огромный живот. Когда Чжу Ба-цзе идет, подымается ветер. Второй мой ученик — монах. Зовут его Ша У-цзин. Рост у него два чжана. Плечи широченные. Лицо синее, рот, как лохань. Глаза у него горят, зубы, как зубья у бороны. Вот почему я и не решился привести своих учеников сюда.

— Ну, после того как вы уже описали нам их наружность,— сказал государь,— нам нечего бояться их. Давайте позовем их сюда.

И он тотчас же отправил посланца с императорской биркой в гостиницу за Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. Когда Дурень услышал о том, что их приглашают ко двору, он, обращаясь к Ша-сэну, сказал:

— Дорогой брат! Помнишь, ты говорил, что не надо брать письма? А теперь сам можешь убедиться, какую пользу оно принесло нам. Государь, вероятно, велел принять нас, как полагается принимать людей, доставивших письмо и уж конечно устроил пир в честь нашего учителя. А поскольку аппетит у нашего учителя не велик, то он и вспомнил о нас. Ну что ж, поедим как следует, а завтра тронемся в путь.

— Дорогой брат,— сказал на это Ша-сэн,— ведь ты не знаешь, что там произошло. Однако делать нечего, придется идти. Вещи и коня мы оставим в гостинице; с собой же захватим только оружие.

Порешив на этом, они вместе с посланцем отправились ко двору и вскоре предстали перед тронном правителя. Они громко приветствовали его, но не двинулись с места. Сановники, все как один, пришли в ужас.

— То, что эти монахи так безобразны, еще можно было бы стерпеть,— говорили они между собой.— Но как бесцеремонно они ведут себя, ведь они не совершили перед нашим правителем ни одного поклона и стоят как ни в чем не бывало!

— Уважаемые господа! — сказал тут Чжу Ба-цзе.— Не осуждайте нас. На первый взгляд вид наш действительно вызывает отвращение. Однако если привыкнуть к нам, то ничего страшного нет.

А надо вам сказать, что и сам правитель трона, увидев до чего они безобразны, испугался не на шутку, когда же Дурень заговорил, царь задрожал от страха и почувствовал слабость в ногах. К счастью, один из придворных чинов поддерживал его. Окончательно растерявшись, Танский монах опустился перед правителем на колени и, не переставая отбивать поклоны, говорил:

— Ваше величество, я достоин смерти, велите казнить меня. Я ведь говорил, как безобразны ученики мои, и поэтому не осмелился взять их с собой ко двору, опасаясь, что они могут нанести вред вашему царскому величеству. Так оно и случилось. Они напугали вас, ваше величество.

Тут только государь, не переставая дрожать, подошел к Сюань-цзану и через силу проговорил:

— Спасибо вам, преподобный отец, что вы заранее предупредили меня об этом. Если бы вы ничего не сказали мне, я умер бы от страха.

Много времени прошло, пока, наконец, правитель успокоился и заговорил:

— Почтенные отцы Чжу Ба-цзе и Ша-сэн! Кто из вас наиболее искусен в усмирении злых духов?

Дурень, не разобравшись толком, в чем дело, сразу же ответил:

— Я умею покорять духов.

— Как же вам удалось научиться этому? — спросил государь.

— Когда-то я был небесным полководцем,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Но, нарушив законы неба, был сослан на землю. Теперь же я встал на путь Истины, сделался монахом и из Китая прибыл сюда. Я первый вступил в борьбу с этим волшебником.

— Если вы — сошедший на землю небесный полководец,— сказал на это государь,— то вы несомненно владеете искусством превращений.

— Этим как раз я не могу похвастаться,— произнес Чжу Ба-цзе.— Хотя некоторые превращения мне известны.

— Ну-ка, совершите хотя бы одно из них, я посмотрю,— попросил государь.

— Какое именно превращение вы хотели бы видеть? — спросил Чжу Ба-цзе: — Я выполню ваше желание.

— Ну, сделайте больше! — сказал государь.

А надо сказать, что Чжу Ба-цзе действительно владел искусством тридцати шести превращений. И вот он проделал движение руками, произнес: «Увеличивайся!» — затем согнулся и сразу же увеличился до девяти чжанов, став похожим на духа, расчищающего путь умершим. Выстроившиеся возле трона двумя рядами сановники, глядя на него, задрожали от страха. А один из них даже окаменел и замер, вытаращив глаза. В этот момент какой-то полководец спросил:

— Почтенный отец! Но без конца вы, вероятно, не можете увеличиваться?

Тут Дурень снова стал рассказывать всякие удивительные вещи.

— Я могу, например, превращаться в восточный и в западный ветер,— сказал он.— Если поднимется южный ветер, то в синем небе я могу сделать большое отверстие.

— Прекратите свое волшебство! — испуганно воскликнул государь.— Я уже знаю, что вы умеете.

И вот, когда Чжу Ба-цзе принял свой обычный вид, государь снова спросил его:

— Ну, а если вы отправитесь на бой с волшебником, каким оружием вы будете с ним сражаться?

Тут Чжу Ба-цзе вытащил из-за пояса свои грабли и сказал:

— Вот этими граблями.

— Да с таким оружием вы в два счета окажетесь победленным,— рассмеялся государь.— На моих складах есть хлысты, когти, молотки, мечи, копыя, алебарды, большие топоры, рапиры, сабли, рогатины, пики, серпы и прочее оружие. Вы можете взять что хотите. А ваши грабли разве оружие?

— Вам, ваше величество, вероятно неизвестно, что эти грабли, хотя и грубы на вид, но я не расстаюсь с ними с малых лет. Когда я был полководцем в небесном водном дворце и в моем подчинении находилось восемьдесят тысяч воинов, эти грабли были моим единственным оружием. Вот и теперь, очутившись на земле и охраняя нашего учителя, я укрощаю этими граблями диких зверей в горах, усмиряю водяных драконов.

Услышав это, государь остался очень доволен и приказал девятой наложнице принести вина из императорских складов, чтобы достойно проводить Чжу Ба-цзе. Он собственноручно наполнил кубок и, поднося его Чжу Ба-цзе, промолвил:

— Почтенный отец! Пусть этот кубок вина послужит благодарностью за тот труд, который вы берете на себя. Когда же вы расправитесь с волшебником и освободите мою дочь, я в благодарность устрою вам великолепный пир и щедро вознагражу вас деньгами.

С виду Дурень был неуклюж и неотесан, однако знал правила приличия. Приняв от царя кубок, он обратился к Сюань-цзану с такими словами:

— Учитель! Этот кубок следовало бы, конечно, вначале поднести вам, но, поскольку государь милостиво пожаловал его мне, я не смею нарушить его волю и прошу вас разрешить мне выпить его. Это поможет мне успешно завершить начатое дело и выловить волшебника.

С этими словами Дурень мигом осушил кубок. Затем государь снова наполнил кубок и преподнес его Сюань-цзану.

— Я не пью вина,— смиренно отвечал тот,— а вы, братья, пейте, пожалуйста!

Тогда вперед выступил Ша-сэн и принял кубок. В этот момент у ног Чжу Ба-цзе появилось облако, и он вознесся ввысь.

Увидев это, государь сказал:

— Оказывается, почтенный отец Чжу Ба-цзе может летать на облаках!

Тем временем Дурень уже исчез из виду. А Ша-сэн, выпив вино, обратился к Сюань-цзану.

— Учитель,— сказал он,— боюсь, что Чжу Ба-цзе не справится один с волшебником. Даже когда мы вдвоем вели с ним бой, и то едва выдерживали его натиск. А Чжу Ба-цзе один и вовсе не устоит.

— Ты совершенно прав, ученик мой,— отвечал на это Сюань-цзан.— Отправляйся ему на помощь.

Тут Ша-сэн оседлал облако и бросился вдогонку за Чжу Ба-цзе. Правитель заволновался:

— Почтенный учитель,— сказал он Сюань-цзану, схватив его за руку,— вы-то хоть не улетайте, а побудьте со мной.

— К моему великому сожалению,— признался Сюань-цзан,— я и полшага не пролечу на облаке.

Однако не будем распространяться о том, как, оставшись вдвоем, они вели беседу. Вернемся лучше к Ша-сэну, который, догнав Чжу Ба-цзе, сказал ему:

— Дорогой брат, а вот и я.

— Ты зачем явился? — спросил Чжу Ба-цзе.

— А меня послал учитель в помощь тебе,— отвечал Ша-сэн,

— Вот это правильно! — обрадовался Чжу Ба-цзе. — Очень хорошо, что ты пришел. Если мы вдвоем как следует возьмемся за этого волшебника, он, несомненно, окажется в наших руках. Большой заслуги тут, конечно, нет, но все же в этой стране мы оставим о себе славную память.

Так на облаке счастья они
Оставляли столицу,
На сияющем в тучах луче
Миновали границу.

— Вот это правильно! — обрадовался Чжу Ба-цзе. — И у горной пещеры спустились
По царскому слову,
Чтоб искусно добиться плененья
Волшебника злого.

Вскоре Чжу Ба-цзе и Ша-сэн прибыли к пещере и спустились на землю. Чжу Ба-цзе схватил свои вилы и что было сил хватил ими по воротам, пробив дыру величиной с кадушку. Перепуганные стражники поспешили открыть ворота, но, увидев Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, опрометью бросились назад.

— Великий князь, — доложили они, — беда! Опять этот длинномордый, с большими ушами, и тот, у которого злое вид, явились сюда и разбили наши ворота.

— Это Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, — сказал, сильно встревоженный волшебник. — Ведь я помиловал их учителя, как же посмели они снова явиться сюда, да еще ломать мои ворота!

— Может быть, они забыли что-нибудь из своих вещей, — сказали оборотни.

— Что за глупости! — рассердился волшебник. — Если даже они и забыли что-нибудь, зачем ломать ворота?! Нет, тут что-то не так.

Говоря это, он быстро надел боевые доспехи, взял меч и, выйдя из пещеры, крикнул:

— Эй вы, монахи! Ведь я помиловал вашего учителя, почему же вы снова явились сюда и ломаете наши ворота?!

— Ах ты гнусный волшебник! — заорал Чжу Ба-цзе. — Хорошенькими делами ты здесь занимаешься! Нечего сказать!

— О каких это делах ты говоришь?!

— Ты обманом выкрал третью принцессу государства Баосянго. Силой заставил ее стать своей женой и держишь ее здесь уже тринадцать лет. Ты должен немедленно освободить ее. Мы пришли сюда по воле государя этой страны для того, чтобы схватить тебя. Иди в пещеру и скажи, чтобы тебя связали, а то нам неохота возиться с тобой.

Выслушав это, волшебник рассвирепел. Он стоял с грозным видом — один, как гора, скрипел зубами, дико вращал вытаращенными глазами, словом, выглядел как настоящий герой. Взмахнув своим мечом, он нацелился прямо в голову Чжу Ба-цзе. Однако тот успел уклониться от удара и, пустив

в ход грабли, ринулся на своего противника. За ним и Ша-сэн, взмахнув своим посохом, вступил в бой. И вот в горах разыгралось сражение, которое нельзя было даже сравнить с предыдущим:

Нередко ложь рождает возмущенье,
И возникает гнев от оскорбленья.
Князь демонов стальным мечом разил,
И граблями мопах отважный бил.
Сражался ими Чжу Ба-цзе отменно,
Вздыхался посох смелого Ша-сэна.
Противясь этим воинам небесным,
Князь демонов рубил мечом чудесным:
Не ведал он ни совести, ни страха;
Противились ему два праведных монаха.
Враги ходили — взад-вперед — неспешно,
Один сказал: «Теперь умрешь ты, грешный,
За то, что нарушаешь ты законы!»
Другой ему ответил оскорбленно:
«Ты не в свое не вмешивайся дело,
И мне защита слабых надоела!»
Один сказал: «Принцессу взяв коварством,
Над всем ты посмеялся государством!»
А тот в ответ: «Тебе-то что за дело!»
Меж ними битва снова закипела.
Из-за письма, что передано было,
Сраженье разгорелось с новой силой.

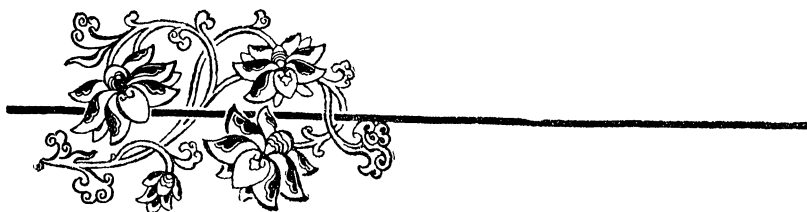
Уже раз девять схватывались они на склоне горы, и Чжу Ба-цзе почувствовал, что теряет силы. Ему стало грудно орудовать своими граблями. Почему же они вдвоем не могли справиться с волшебником? А объяснялось это очень просто. В первый раз, когда они сражались, им незримо помогали духи, охранявшие учение Будды, они находились здесь потому, что в пещере был Сюань-цзан. Теперь же эти духи находились в столице государства Баосянго, охраняя Танского монаха.

— Ша-сэн,— не выдержал наконец Дурень,— ты подерись с ним, а я немного отдохну.

И, не обращая внимания на то, что Ша-сэн удерживал его, он ринулся прямо в заросли густой травы и терновника. Колючки раздирали ему кожу на голове, царапали лицо, но он не чувствовал боли. Как подкошенный повалился Чжу Ба-цзе в траву и тут же уснул. Однако он немного высунул ухо, чтобы слышать, что делается, и сквозь сон до него доносился шум боя.

Между тем, увидев, что Ша-сэн остался в одиночестве, волшебник ринулся на него. Ша-сэн, не ожидая этого, совершил оплошность, и волшебник утащил его к себе в пещеру. Тут Ша-сэну связали ноги.

Однако о том, что случилось дальше с Ша-сэном, вы узнаете из следующей главы.



ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ,

повествующая о том, как злой дух посягнул на истинное учение и как конь-дракон вспомнил о мятущейся обезьяне

Мы остановились на том, что волшебник приказал связать Ша-сэна. Однако он не убил его, не подверг избиению и даже не выругал. Взяв в руки свой стальной меч, он стал размышлять:

«Танский монах относится к высшему разряду людей и с ним следовало обращаться по определенному этикету. В конечном счете я должен был сохранить ему жизнь. А его ученики, которых он прислал, ничего со мной не сделают. Постой-ка! — вдруг вспомнил он.— Вероятно, моя жена отправила к себе на родину письмо, и, таким образом, тайна оказалась раскрытой. Сейчас пойду узнаю у нее, как было дело».

И, приняв грозный вид, волшебник решил убить принцессу. Между тем принцесса, ничего не подозревая, закончила свой туалет и спокойно вышла в парадное помещение. Увидев рассвирепевшего мужа, который зло вращал глазами, тербил брови и скрежетал зубами, принцесса все же с улыбкой приветствовала его.

— Господин мой,— промолвила она,— вы чем-то удручены?

— Ты — низкая женщина, с сердцем собаки,— не выдержав, стал ругаться волшебник.— Ты нарушаешь все нормы людских отношений*. Ведь когда я привез тебя сюда, я не сказал тебе ни одного плохого слова. Я одел тебя в шелка, подарил золотые украшения, в общем, доставил тебе все, что ты желала. С каждым днем, я все больше люблю тебя. Почему же ты думаешь только о своих родителях и не чувствуешь никакой привязанности к мужу?

Услышав это, перепуганная принцесса упала на колени перед волшебником.

— Господин мой,— сказала она,— почему это ты вдруг вздумал говорить о разводе?

— Не знаю, кто из нас хочет этого: ты или я,— сердито ответил волшебник.— Я хотел поступить с тем лысым ослом по своему усмотрению, почему же ты, не сказав мне ни слова, освободила его? Теперь я все понимаю. Ты тайком написала своему отцу письмо и решила отослать его с монахом. Вот поэтому эти монахи снова явились сюда, напали на мою пещеру и требуют, чтобы я тебя отдал им. Разве все это не твоих рук дело?

— Господин мой,— произнесла женщина,— напрасно ты ругаешь меня. Разве осмелилась бы я послать какое-то письмо?

— Так ты еще вздумала отпираться! — заорал волшебник.— Да я только что поймал одного из этих монахов, и он сейчас здесь. Разве это не явное доказательство твоей виновности?

— О ком ты говоришь? — спросила принцесса.

— О втором ученике Танского монаха — Ша-сэне,— отвечал волшебник.— Никому не хочется умирать, и каждый, конечно, старается свалить вину на другого.

— Господин мой,— сказала принцесса,— ты не сердись. Давай спросим этого монаха. Если окажется, что такое письмо действительно было, тогда можешь убить меня; я охотно приму смерть. Но если никакого письма не было, зачем меня убивать?

Однако волшебник не пожелал больше разговаривать с ней, протянул свои синие, огромные, как веяльная плетушка, руки и, схватив принцессу за волосы, подтащил к себе, повалил на пол и занес над ней меч. Но прежде чем убить ее, он все же решил спросить Ша-сэна.

— Эй ты, Ша-сэн! — крикнул он.— Как это вы с Чжу Ба-цзе осмелились явиться сюда? Не иначе как эта женщина отправила к себе на родину письмо и ее отец послал вас сюда.

Взглянув на рассвирепевшего волшебника и на меч, занесенный над принцессой, Ша-сэн подумал:

«Я, конечно, знаю, что она отправила письмо, но ведь она спасла нашего учителя от смерти, тем самым совершив великое благодеяние. Если я скажу волшебнику правду, он убьет принцессу. А так, конечно, не платят за добро. За все время, что я нахожусь с Танским монахом, я ничего еще не сделал, чтобы отблагодарить его. И вот сейчас, раз уж я все равно привязан, я пожертвую своей жизнью, чтобы отплатить за великую милость, оказанную моему учителю». Подумав так, Ша-сэн тотчас же обратился к волшебнику.

— Эй ты! — крикнул он.— Не будь таким невежественным! Из-за какого это письма ты вздумал лишить принцессу

жизни! Мы явились сюда совсем по другой причине. Это произошло потому, что ты захватил нашего учителя и не хотел отпускать его, а он случайно увидел здесь принцессу. Когда же он прибыл в Баосянго, то, явившись ко двору, чтобы получить разрешение на дальнейший проезд, разговорился с государем. Тот спросил учителя, не встречал ли он где-нибудь его дочери-принцессы и описал ее наружность. Учитель в свою очередь рассказал о том, как выглядит принцесса и какие у нее манеры. Тут государь понял, что это и есть его дочь. Тогда он преподнес нам по бокалу вина и попросил отправиться сюда, схватить тебя и вернуть принцессу во дворец. Все это — истинная правда. Так что письмо, о котором ты говоришь, тут ни при чем. Если же тебе непременно хочется убить кого-нибудь, убивай меня, зачем же губить жизнь невинного человека и совершать преступление против законов неба?!

Услышав, как смело и решительно говорит Ша-сэн, волшебник выронил из рук меч и, поднимая принцессу, сказал:

— Я был очень груб и оскорбил тебя. Прости, пожалуйста, и не сердись.

Он заботливо разгладил на ней платье, осторожно поправил прическу и, всячески стараясь загладить свою вину, нежно подняв принцессу, унес ее в помещение. Здесь он усадил ее и принес ей извинения, совершив поклоны. Ну, а принцесса, как всякая женщина, видя, что волшебник всячески старается оказать ей почести, решила воспользоваться этим.

— Господин мой,— сказала она,— если ты действительно любишь меня, вели ослабить веревки у этого монаха.

Волшебник сразу же приказал развязать Ша-сэна и запереть его. Ша-сэн очень обрадовался такому обстоятельству.

«Еще в старину говорили,— подумал он:— «Делая добро другим,— делаешь добро и себе». Если бы я не выручил ее, разве догадалась бы она попросить волшебника освободить меня от веревок?»

Между тем волшебник велел устроить пир, чтобы извиниться перед принцессой за причиненное ей беспокойство. И вот, захмелев, он вдруг надел новое платье, взял в руки меч и, поглаживая принцессу, сказал:

— Ты оставайся дома, женушка, пей и закусывай. Только хорошенько смотри за детьми да монаха не выпускай. Я же, пользуясь тем, что Танский монах сейчас в Баосянго, хочу побывать там и познакомиться со своими родственниками.

— С какими же родственниками ты хочешь знакомиться? — спросила принцесса.

— С твоим отцом-государем,— отвечал волшебник.— Ведь я как-никак прихожусь ему зятем, а он мне тестем. Почему бы нам и не познакомиться?

— Нельзя тебе ходить туда,— сказала принцесса.

— Почему же это? — удивился волшебник.

— Да потому, что страна, которой правит мой отец, не завоевана им в битвах и сражениях,— сказала принцесса.— Царство досталось ему по наследству от предков и еще в младенческом возрасте он вступил на престол. Он никогда надолго не покидал свою страну и никогда не был таким свирепым, как ты. К тому же весь твой облик так безобразен, что он, увидев тебя, может напугаться. Нет, уж лучше тебе туда не ходить.

— Но я могу принять другой, более пристойный вид, и все будет в порядке,— сказал волшебник.

— Ну-ка прими, я посмотрю,— предложила принцесса.

О, чудесный волшебник! Он тут же встряхнулся и превратился в статного красавца.

Он был красив. Не гнулся стройный стан;
Речь,— как у тех, что носят важный сан.
Казалось, что ему немало лет.
И духом был он, как Цзы Цзянь * — поэт;

Пань Аню * был подобен красотой.
Тому, которому народ простой,
Когда его на улице встречал,
В восторге лучшие плоды бросал.

Любил сорочью шапку надевать
И выпускать волос густую прядь;
Носил он разноцветные шелка,
И рукавом покачивал слегка,

Блестящий пояс ярко был расшит...
Поистине — великолепный вид!
И даже пестрой вышивкой сапог
Красавец этот похвалиться мог.

Увидев его, принцесса пришла в восторг.

— Ну как, женка, хорош я теперь? — спросил смеясь волшебник.

— Хорош, очень хорош! — воскликнула принцесса.— В таком виде ты можешь идти ко двору. Государь, мой отец, конечно, не откажется от такого родственника; он созовет гражданских и военных сановников и устроит в честь твоего прибытия роскошный пир. Только смотри, будь осторожен и хорошенько следи за тем, чтобы случайно не принять свой настоящий вид. Если обман раскроется, получится большая неприятность.

— Об этом можешь не тревожиться,— сказал волшебник.— Я знаю, что делать.

И вы только взгляните: он взобрался на облако и в тот же миг очутился в стране Баосянго. Подойдя к воротам дворца, он обратился к начальнику стражи:

— Доложите, пожалуйста, государю о том, что прибыл его зять.

Один из стражей поспешил к государю.

— Великий государь! Сюда прибыл твой зять, муж третьей принцессы. Он ждет у ворот дворца.

В этот момент государь как раз беседовал с Сюань-цзан. Услышав, что прибыл третий зять, он, обращаясь к своим приближенным, сказал:

— У меня есть только два зятя, откуда же взялся третий?

— Третий зять,— сказали на это сановники,— не кто иной, как сам волшебник!

— Что получится,— растерянно произнес государь,— если мы пригласим его сюда?

Между тем Сюань-цзан, услышав это известие, пришел в полное замешательство.

— Ваше величество,— промолвил он,— ведь это же колдун! Если бы он не умел превращаться в призрак, он не мог бы быть колдуном. Ему известно и прошлое и настоящее. Он обладает искусством ездить на облаках и тумане. Пригласите вы его или нет, он все равно войдет, Лучше уж пригласить. Будет меньше неприятностей.

— Введите его,— приказал государь.

Волшебника ввели в зал. Подойдя к трону, он, грациозно изогнувшись, отдал полагающиеся почести. Когда сановники увидели перед собой статного, красивого мужчину, никому из них и в голову не пришло, что перед ними волшебник. Он ничем не отличался от простого смертного, да к тому же с виду был прекрасным человеком.

А государь, увидев перед собой такого красавца, готов был принять его за одного из великих мужей, которые отвечают за управление государством.

— Дорогой зять,— сказал он, обращаясь к нему.— Скажите, пожалуйста, где ваш дом, из какой страны вы прибыли, когда успели жениться на принцессе — моей дочери и почему только сейчас пришли познакомиться со мной?

— Дорогой тесть,— отвечал, земно кланяясь, волшебник,— ваш покорный слуга — властелин пещеры Боюэ на горе Ваньцзышань, которая лежит к востоку от вашей страны.

— А далеко эта гора отсюда? — снова спросил государь.

— Совсем недалеко, всего триста ли,— отвечал волшебник.

— Триста ли? — удивился государь.— Как же моя дочь попала туда и как вы поженились?

Тут волшебник стал придумывать весьма сложную историю:

— Дорогой тесть,— сказал он.— С малых лет я увлекался охотой из лука и верховой ездой. Охота — мое главное занятие. Тринадцать лет тому назад в сопровождении нескольких

деятков слуг я отправился на охоту с соколами и собаками. Вдруг мы увидели полосатого тигра, который нес на спине женщину. Тигр спускался с горы. Тут я натянул свой лук, пустил стрелу и подстрелил тигра. Женщину мы отвезли в мой владения, выкупали ее в теплом источнике, и она пришла в себя. Таким образом нам удалось спасти ей жизнь. Мы стали расспрашивать, откуда она родом, но она ни разу не назвала вашего имени. Если бы она хоть упомянула о том, что является третьей дочерью государя, разве я осмелился бы жениться на ней. Я счел бы своим долгом явиться к вам во дворец и просить какой-нибудь должности, чтобы прославить свое имя. Но она говорила, что она дочь простых родителей, потому я и оставил ее у себя. Она оказалась очень умной, способной девушкой, мы понравились друг другу, поженились по обоюдному желанию, и теперь уже много лет состоим в браке. Я хотел убить тигра и пригласить на пир родственников, но моя жена попросила не убивать его. Причину своей просьбы принцесса изложила в нескольких строках, в которых очень хорошо была показана ее нравственная сущность. Строки эти гласили:

Милостью земли и неба
Мужем и женой мы стали,
Без свидетелей и сватов
Нашу свадьбу мы сыграли.

Жениху с невестой ноги
Красный шнур вязал когда-то,
А для нас был тигр свирепый
За свидетеля и свата.

— Выслушав ее, я приказал отпустить тигра, и он умчался вместе со стрелой, которую я выпустил в него. Я даже не знал, что он остался жив. Живя в горах, он все эти годы совершенствовался, стал волшебником и кормился тем, что вылавливал сбившихся с дороги путников. Мне стало известно, что за это время там проходило несколько паломников за священными книгами, все это были монахи из страны Танов. Несомненно, что этот тигр погубил и последнего Танского монаха, завладел его бумагами и, приняв его облик, явился к вам во дворец, чтобы обмануть вас, дорогой тесть. Да вот этот разукрашенный чурбан,— воскликнул он, указывая на Сюань-цзана,— и есть тот самый тигр, который тринадцать лет тому назад утащил вашу дочь. Не думайте, что это паломник за священными книгами.

И вот слабовольный и не очень далекий государь не только не распознал волшебника, но, наоборот, принял все его рассказы за истинную правду.

— Дорогой зять мой! — сказал он. — Как же вам удалось узнать в монахе тигра, который утащил мою дочь?

— Уважаемый тень,— отвечал волшебник,— я живу в горах, и питаюсь тиграми, и сплю на их шкурах. Я, можно сказать, ложусь и встаю вместе с ними. Как же мне не знать их!

— В таком случае заставьте этого тигра принять свой настоящий вид! — сказал государь.

— Прикажете принести мне полчашки чистой воды,— попросил волшебник,— и я заставлю его принять свой настоящий вид.

Государь приказал принести воды и передал ее зятю. Волшебник подошел к Сюань-цзану и, применив способ «черные глаза устанавливают тело», произнес заклинание и, набрав в рот воды, прыснул ею на Сюань-цзана и крикнул: «Изменись!». В тот же миг тело монаха поднялось вверх, а сановники, будучи простыми смертными, увидели перед собой полосатого тигра.

Вздмалась голова,
На лбу пятно белело,
Броски огромных лап
Несли громаду тела.

Как молнии небес,
Сверкал тигриный взор,
А шкуру испещрял
Причудливый узор.

Как крючья, круто
Когти изгибались:
В добычу, как мечи,
Они вонзались.

Вгрызались зубы,
Словно зубья пилы:
Тигр — в ярости
На кошку походил.

Остервенясь,
Казался нравом злобным
Он диким, желтым буйволам
Подобным.

Как лук, натянут был
Язык шершавый..
Зверь тяжело дышал
Смертельною отравой;

Вздмал стальную шерсть,
Как острую щетину,
Как будто сотни спиц
Унизывали спину.

Был страшен этот зверь:
Огромный, полосатый,
И рык его потряс
Дворцовые палаты.

При виде тигра у государя душа ушла в пятки, а сановники разбежались кто куда. Однако нашлось несколько

отважных полководцев, которые вместе с подчиненными им командирами ринулись вперед и начали напропалую колотить тигра. И если бы Сюань-цзану суждено было умереть, то на этот раз будь на его месте даже двадцать монахов, они все были бы превращены в кровавое месиво. Но, к счастью, в этот момент появились духи — хранители учения Будды, духи Лю-дин и Лю-цзя и духи-стражи, которые, находясь в воздухе, охраняли Сюань-цзана. Поэтому оружие, с которым на него бросились воины, не причинило ему ни малейшего вреда. Воины бушевали до вечера и, наконец, взяли тигра живым, связали его железными прутьями и посадили в железную клетку.

Между тем государь вызвал главного казначея и приказал ему устроить в честь зятя пир, желая отблагодарить его за то, что он избавил их от смертельной опасности и разоблачил монаха. В тот вечер сановники очень поздно покинули дворец. Волшебник вошел в зал Серебряного спокойствия. Во дворце были огобраны восемнадцать красавиц, которые играли, пели, танцевали, приглашая волшебника пить вино и веселиться. Волшебник восседал на почетном месте. По обеим сторонам от него расположились обворожительные, изящные девушки. Волшебник изрядно выпил и ко второй страже совсем опьянел. Тут он забыл о всякой предосторожности. Вскочив на ноги, он расхохотался, принял свой настоящий облик и у него возникли злодейские намерения. Он протянул свои огромные лапы к находившейся рядом с ним девушке, игравшей на пиба *, схватил ее и в один миг откусил ей голову. Остальные семнадцать девушек, обезумев от страха, бросились бежать сломя голову.

Дамы при дворе
От страха растерялись,
И в испуге
Падают красотки,
Каплями дождя ночного,
Что в саду стекают
По решетке,
Окружающей цветущий лотос.
Разбежались милые подруги;
Как цветы гортензий
Под дыханьем ветерка весенним,
Задрожали,
Помышляя только о спасенье.
Лютни и пиба
Поразбивали,
Лютни и пиба
Они сломали,
Спотыкаясь, падая
В смятенье.
Прижимаясь в ужасе
Друг к другу,
Не поймут,
Куда им скрыться

От беды жестокой:
К северу бежать им
Или к югу,
К Западу стремиться,
Иль к востоку.
Спотыкаясь, падая,
Бежали,
Красоту теряя
В столкновенье.
Каждая бежала,
Что есть силы,
Помышляя только
О спасенье.

Была глубокая ночь, и девушки не осмеливались даже крикнуть, чтобы не потревожить государя. Мы не будем говорить о том, как они, дрожа от страха, спрятались, притаившись около стены, а вернемся лучше к волшебнику. Оставшись один, он то и дело наливал себе вина. Выпьет чашку, схватит какого-нибудь человека и в два счета проглотит его, упиваясь кровью.

Между тем в городе прошел слух, что Танский монах оказался тигром-оборотнем. Разговоры об этом распространились, пока, наконец, не дошли до гостиницы «Золотой павильон». А там в этот момент никого не было, кроме коня Сюань-цзана, который в это время жевал заданный ему корм. А как вы знаете, читатель, конь этот был не простым конем, а сыном царя драконов Западного моря. За нарушение небесных законов ему отрезали рога и превратили его в животное. Впоследствии он был превращен в белого коня, который должен был везти Сюань-цзана на Запад за священными книгами.

Услышав о том, что Танский монах совсем не монах, а оборотень-тигр, конь подумал: «Наш учитель, несомненно, хороший человек, не иначе как какой-нибудь волшебник превратил его в тигра и хочет погубить его. Что же теперь делать? Как быть? Нашего старшего брата давно уже нет с нами, а от Чжу Ба-цзе и Ша-Сэна тоже никаких вестей».

Дождавшись второй стражи, он вскочил на ноги.

— Если я не спасу Танского монаха,— сказал он себе,— то никогда не смогу искупить своей вины.

И, не в силах сдерживать себя, он разорвал повод, которым был привязан, и сбросил с себя седло и сбрую. Затем он потянулся и поспешил принять свой прежний вид, превратившись в дракона. Взлетев в облака, он поднялся прямо на девятое небо и стал осматриваться. Об этом сложены стихи, которые гласят:

Трипитака пошел на Запад;
Он Будде желал поклониться;
В руки волшебника злобного
На пути попался нечаянно.

Тот превратил его в тигра,—
Как ему освободиться!
Белый конь его вздыбился,
Чтобы сбросить хозяина.

И вот сын царя драконов увидел зал Серебряного спокойствия. Он был ярко освещен и, казалось, сиял. Там были зажжены восемь фонарей с восемью свечами. Дракон спустился пониже и, присмотревшись внимательно, увидел, что волшебник, восседая на почетном месте, попирая священные законы, пьет вино и закусывает человеческим мясом.

— Ну, негодяй, пришла твоя смерть, выдал ты себя с головой,— смеясь сказал дракон.— Смотри, как он ликует! Да, в пожирании людей ты большой знаток. Однако где же может быть учитель? Пока что мне удалось встретить только эту низкую тварь. Сыграю я сейчас с ним штуку. Главное — расправиться с волшебником, а спасти учителя я еще успею.

О, прекрасный молодой дракон. Он встряхнулся и сразу же превратился в одну из придворных девушек, очаровательную и грациозную. Плавно она поспешила в зал и, склонившись перед волшебником, пожелала ему всяческого счастья и благополучия.

— Зять,— сказала она,— надеюсь, вы не причините мне вреда, я пришла наливать вам вино.

— Ну что ж, наливай,— согласился волшебник.

Тогда дракон взял кувшин и налил в чашку волшебника вино. Но налил он так, что вино было на три — пять фыней¹ выше краев и тем не менее не разливалось. Это оказалось возможным потому, что дракон владел способом умирения воды. Увидев это, волшебник очень удивился.

— Так вот что ты можешь делать,— сказал он.

— Я могу налить еще на несколько фыней выше,— сказал дракон.

— Ну-ка, наливай, наливай,— попросил волшебник.

Тогда дракон начал лить, а вино в чашке все поднималось и поднималось, пока не достигло высоты тринадцатизэтажной башни. Несмотря на то что этот столб был узким и высоким, из него не вылилось ни капли. Тут волшебник вытянул морду, выпил вино и, подтянув к себе убитую им жертву, откусил от нее.

— Ты петь умеешь? — спросил он.

— Умею немножко,— сказал дракон и тут же спел песенку.

— А танцевать ты можешь? — спросил волшебник.

— Немного могу,— отвечал дракон.— Однако танцевать с пустыми руками как-то некрасиво.

¹ Фынь — мера длины, равная 0,1 цуня.

Тогда волшебник скинул с себя кафтан и, вытащив из висевших у него на поясе ножен меч, передал его дракону. Тот взял меч, осторожно проделал им три выпада вверх, четыре вниз, пять влево, шесть вправо, а затем прибегнул к «способу цветущего меча». Увидев это, волшебник от злости заскрежетал зубами. А дракон, схватив меч, нарисовал им в воздухе иероглиф-цветок и намеревался с силой ударить волшебника. Но тот вовремя уклонился в сторону. Волшебник не растерялся и, схватив стоявший рядом огромный фонарь, отразил удар. А надо сказать, что фонарь был сделан из кованого железа и вместе с подставкой весил около девяноста цзиней.

После этого оба противника покинули зал Серебряного спокойствия. Дракон принял свой настоящий вид и, взметнувшись на облако, вступил в бой с волшебником. Этот бой во тьме был поистине удивительным.

Один из них был чародеем,
В горах Ваньцзышань рожденным,
Другой же низринутым с неба
Был Западных вод драконом.

Один из них свет своих подвигов
Метал, словно молнии, бурно,
Другой источал свою силу,
Подобную туче пурпурной.

Один был, как слон белоклыкий,
Что к людям приходит и внемлет..
Лисой с золотыми когтями
Другой опустился на землю.

И первый поддерживал небо,
Нефритовой высясь колонной,
Другой же поддерживал море,—
Он балкой лежал золоченой.

Драконом серебряным в небе
Летал, в высоте извивался,
А желтый волшебник, взмывая
И падая вниз,— кувырчался.

И меч остановки не ведал,
Разил он, как будто играя,
И в вихре качался фонарик,
Метался от края до края.

Раз девять они уже схватывались, и дракон почувствовал, что слабеет. Волшебник же был по-прежнему полон энергии. Не имея сил противостоять своему противнику, дракон бросил в него меч. Но волшебник знал способ улавливания меча. Он схватил одной рукой меч, второй швырнул в меня фонарем и продолжал драться. Наконец дракон промахнулся, и волшебник схватил его за заднюю ногу. Тут дракон опрометью бросился вниз и, на его счастье, ему удалось

укрыться в реке и спасти свою жизнь. И вот, когда он скрылся в воде, волшебник, бросившийся за ним, потерял его из виду и, не найдя его, взял меч и фонарь и вернулся в зал Серебряного спокойствия. О том, как он там продолжал пить вино и затем уснул, мы пока говорить не будем.

Вернемся теперь к дракону. Опустившись на дно реки, он выждал там с полстражи¹ и, не слыша никакого подозрительного шума, решился выглянуть наверх. Он взобрался на облако и вернулся в гостиницу. Здесь он снова принял вид коня и прошел в конюшню. Но вид у него был жалкий; он весь был мокрый, с израненными ногами.

Однако мы не будем пока говорить о тяжелом положении Сюань-цзана и о том поражении, которое потерпел молодой дракон, а вернемся сейчас к Чжу Ба-цзе. Покинув Ша-сэна, он поспешил укрыться в траве и, свернувшись там клубком, захрапел. Проспал он до глубокой ночи. Проснувшись, никак не мог понять, где находится. протирая глаза, он с трудом пришел в себя и начал внимательно прислушиваться. И тут понял, что находится в отдаленных горах, где не слышно ни лая собаки, ни крика петуха. Взглянув на Большую Медведицу, он определил, что сейчас должна быть уже третья стража, и подумал:

«А ведь надо идти выручать Ша-сэна. Вот уж поистине правильно говорится: «Из одной шелковинки нельзя сделать нитки, одной ладонью нельзя хлопать в ладоши». Хотя, стой! Отправлюсь-ка я в город проведать учителя... Затем соберу в помощь себе храброе войско, а завтра вернусь сюда выручать Ша-сэна».

И вот наш Дурень вспрыгнул на облако и, очутившись в городе, сразу же прибыл в гостиницу. Вокруг было тихо. На небе сверкала луна. Чжу Ба-цзе осмотрел все помещение, но Сюань-цзана нигде не обнаружил. Он нашел только коня, который спал в стойле. Конь был весь мокрый, а на задней ноге у него зияла огромная черная рана.

«Вот уж не везет, так не везет,— подумал, окончательно встревожившись Чжу Ба-цзе.— Этот конь ведь никуда не ходил, почему же он весь в поту и на ноге у него рана? Наверное, какой-нибудь злодей напал на учителя и поранил коня».

А конь, узнав Чжу Ба-цзе, вдруг обратился к нему человеческим голосом:

— Брат, это ты!

Услышав это, Чжу Ба-цзе от страха повалился на землю, но тут же вскочил на ноги и бросился бежать. Однако конь вскочил и зубами схватил Чжу Ба-цзе за полу,

¹ В старом Китае ночное время делилось на стражи. Стража равна ум часам.

— Дорогой брат,— промолвил он,— не бойся меня.

— Брат,— сказал тогда, не переставая дрожать Чжу Ба-цзе,— почему это ты сегодня заговорил человеческим голосом? Вероятно, произошло какое-нибудь большое несчастье?

— Знаешь ли ты о том, что с учителем стряслась беда? —

— Ничего не знаю,— сказал Чжу Ба-цзе.

— Вижу, что ты ничего не знаешь,— отвечал дракон.— Когда вы с Ша-сэном показали перед государем свои способности, у него появилась мысль захватить этого волшебника, и он попросил вас взяться за это дело, обещая щедрое вознаграждение. Однако волшебник оказался сильнее вас. Хорошо еще, что в гостиницу вернулся один человек и я услышал от него, что произошло. Спросить его, я, конечно, не мог, однако услышал, что волшебник под видом красивого и благородного человека проник во дворец, чтобы познакомиться со своим тестем. Там он превратил нашего учителя в полосатого тигра, которого придворные схватили и посадили в железную клетку. У меня сердце разрывалось на части. Вас с Ша-сэном здесь не было, и я боялся, что если упущу момент, то жизнь учителя окажется в опасности. Поэтому я и решил принять вид дракона и спасти учителя. Однако, прибыв ко двору, учителя я нигде не нашел. А в зале Серебряного спокойствия увидел волшебника. Тут я принял вид придворной дамы и обманул волшебника. Он заставил меня танцевать с мечом. Улучив момент, я хотел ударить его, но ему удалось вернуться и ускользнуть. Тогда он обеими руками схватил фонарь и нанес мне удар. Я бросил в него меч, однако он ловко поймал его. Затем он швырнул в меня фонарем и поранил мне заднюю ногу. Тут уж мне пришлось думать о спасении своей жизни, и я, ринувшись вниз, скрылся на дне реки. Вот откуда у меня на ноге рана.

— Неужели все это правда? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Зачем же мне обманывать тебя? — удивился дракон.

— Что же теперь делать? Как быть? — в раздумье произнес Чжу Ба-цзе.— А двигаться ты можешь?

— Могу, а что?

— Если ты можешь двигаться, уходи в море,— сказал Чжу Ба-цзе.— А я заберу свои вещи и вернусь в деревню Гаолаочжуан, к родному очагу.

Услышав это, дракон схватил зубами полу одежды Чжу Ба-цзе и решительно отказался отпустить его.

— Брат,— со слезами на глазах сказал он.— Ты не должен быть таким нерадивым учеником.

— Ну, а что же, по-твоему, я должен делать? — спросил Чжу Ба-цзе.— Ша-сэна захватил волшебник, а я с ним справиться не могу. Чего же нам еще ждать? Надо расходиться по домам.

Дракон долго думал и наконец снова заговорил:

— Дорогой брат! Не говори так. Если хочешь спасти учителя, надо позвать кого-нибудь на помощь.

— Кого же ты хочешь, чтобы я позвал? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Не теряй времени, — отвечал дракон, — отправляйся на облаке на гору Цветов и плодов и позови сюда нашего старшего брата Сунь У-куна. Он обладает силой усмирения волшебников. Пусть он придет сюда, спасет нашего учителя и заодно отомстит за те поражения, которые потерпели мы с тобой.

— Лучше я позову кого-нибудь другого, — сказал на это Чжу Ба-цзе. — С этой обезьяной я не в ладах. Когда мы еще были на горе Белого тигра и он убил там волшебника — Белую кость, он рассердился на меня за то, что я надоумил учителя прочесть псалом о сжатии обруча. Я хотел просто пошутить и вовсе не думал, что учитель примет все всерьез, начнет читать псалом и прогонит Сунь У-куна. Ты знаешь, как это тревожит меня. Да потом он ни за что не согласится идти сюда. Если в чем-нибудь перечить ему, он пустит в ход свой посох. А когда он, ни с чем не считаясь, начнет размахивать им, то мне живым не выбраться оттуда.

— Зачем он станет бить тебя? — сказал на это дракон. — Все же он гуманный и справедливый Царь обезьян. Когда увидишь его, не говори, что с учителем стряслась беда. Скажи только, что учитель соскучился без него. В общем, замани его как-нибудь сюда. А вот когда он узнает, что произошло, то он разозлится и схватится не на жизнь, а на смерть с этим волшебником: тогда волшебнику конец, а учитель будет спасен.

— Ладно, ладно, — сказал Чжу Ба-цзе. — Раз ты принимаешь все это так близко к сердцу, придется мне пойти, а то выходит — мне до всего этого никакого дела нет. Я отправлюсь на гору Цветов и плодов. Если Сунь У-кун согласится прийти сюда, вернусь вместе с ним. Если же он откажется, я не вернусь, не жди меня больше.

— Ладно, иди, иди, — сказал дракон. — И непременно приведи его сюда.

Тут Дурень подхватил свои грабли, заправил за пояс рясу и, прыгнув вверх, оседлал облако и отправился прямо на восток. И на этот раз не суждено было Танскому монаху погибнуть. Дурень плыл с попутным ветром. Огромные уши служили ему парусами, и вскоре он достиг Восточного моря. Здесь он опустил на землю и, даже не замечая времени, углубился в лес и стал искать дорогу. И вот в тот момент, когда он продвигался вперед, он вдруг услышал голоса. Внимательно присмотревшись, он увидел в горной долине Сунь У-куна. Вместе с ним там было множество оборотней. Сунь У-кун сидел вверху, на каменной скале, а перед ним стройными рядами расположились более тысячи двухсот обезьян, которые восклицали;

— Да здравствует отец наш, Великий Мудрец!

«Вот это почет! — подумал Чжу Ба-цзе.— Что же удивительного в том, что он не хотел быть монахом и все время рвался к себе домой? Так вот, оказывается, в каком хорошем месте он живет, а какое хозяйство! И к тому же столько обезьян, которые ухаживают за ним. Да если бы у меня была такая гора, я ни на минуту не остался бы монахом. Однако как же мне быть? — думал он.— Раз уж я прибыл сюда, хочешь не хочешь, а придется повидаться с ним».

А надо сказать, что Дурень все же побаивался Сунь У-куна и не осмеливался прямо и открыто предстать перед ним. Прячась в траве, он тайком проскользнул в толпу обезьян и вместе с ними начал отбивать перед Царем обезьян земные поклоны. Но он не учел, во-первых, того, что Сунь У-кун сидел высоко и ему все было видно, а, во-вторых, забыл про весьма зоркие глаза своего старшего брата.

— Что это там за дикарь и как безобразно он кланяется? — громко спросил Сунь У-кун.— Откуда он взялся? Приведите-ка его сюда.

И только он это сказал, как обезьяны набросились на Чжу Ба-цзе, вытолкнули вперед и поставили перед Сунь У-куном.

— Ты откуда пришел? — обратился к нему Сунь У-кун.

— Я не осмеливаюсь обратиться к вам, — опустив голову, сказал Чжу Ба-цзе.— Я совсем не чужой, а ваш хороший знакомый.

— Все мои подчиненные обезьяны, — сказал на это Сунь У-кун, — совершенно одинаковы. У тебя же морда совсем другая. Да и выглядишь ты каким-то увальнем. Конечно, ты оборотень и неизвестно откуда пришел. Ну, а раз ты пришел со стороны и хочешь быть моим подчиненным, то прежде всего расскажи о себе, кто ты такой? Когда ты сообщишь мне свое имя, я, может быть, оставлю тебя здесь, и ты будешь жить, как и все остальные. Но я могу и не оставить тебя здесь. Как же ты посмел явиться сюда и нарушить церемонию?

— И не стыдно тебе, — обиделся Чжу Ба-цзе, надув губы и опустив голову.— Взгляни на меня! Сколько лет я был твоим нареченным братом, а ты даже не хочешь признавать меня и называешь чужеземцем.

— Ну-ка, подними голову, дай мне посмотреть на тебя, — сказал смеясь Сунь У-кун.

Тут Чжу Ба-цзе вытянул свою морду и крикнул:

— Ну, видел? Если не признаешь меня, хорошо, что хоть физиономию мою признал!

— Чжу Ба-цзе! — не удержавшись, расхохотался Сунь У-кун.

Услышав это, Чжу Ба-цзе даже подскочил.

— Ну, конечно, это я, Чжу Ба-цзе, — закричал он. «Раз узнал, так и разговаривать будет легче», — подумал он.

— Почему же ты оставил Танского монаха и явился сюда? — спросил Сунь У-кун. — Ты, видно, оскорбил учителя, и он прогнал тебя? Есть у тебя какое-нибудь свидетельство об отставке? Дай-ка, я посмотрю.

— Учителя я не оскорблял, — сказал Чжу Ба-цзе. — Никакой бумаги он мне не давал и не прогонял меня.

— Почему же в таком случае ты пришел сюда?

— Учитель соскучился по тебе, — сказал тут Чжу Ба-цзе, — и послал меня за тобой.

— Вообще он меня не приглашал, да и не соскучился по мне, — сказал на это Сунь У-кун. — Он перед небом дал клятву, что отказывается от меня навсегда и в доказательство этого своей собственной рукой написал мне свидетельство. Почему же это он вдруг заскучал обо мне и послал тебя в такую даль за мной? Нет, нечего мне идти туда.

Чжу Ба-цзе растерялся.

— Но он действительно соскучился по тебе, — поспешил он заверить Сунь У-куна.

— Что же это он вдруг заскучал? — спросил Сунь У-кун.

— Вот, например, когда мы идем, — сказал Чжу Ба-цзе, — учитель обращается ко мне, а я не слышу. Ша-сэнь тоже прикидывается глухим. Тут учитель всегда вспоминает о тебе и говорит, что мы никуда не годимся. Он считает тебя умным и сообразительным. Если тебя позвать, ты всегда откликнешься. На каждый вопрос у тебя готово десять ответов. В общем, учитель ощущает твое отсутствие. Поэтому он и послал меня за тобой. Очень прошу тебя — пойдем со мной. Ты не должен огорчать учителя и, кроме того, подводить меня, я ведь шел за тобой издалека.

Выслушав его, Сунь У-кун спрыгнул со скалы и, схватив Чжу Ба-цзе за руку, сказал:

— Дорогой брат! Раз уж ты пришел издалека, давай прогуляемся.

— Время не ждет, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Учитель не хочет задерживаться в пути, и мне не до прогулок.

— Нет, раз уж ты попал сюда, ты должен посмотреть, какие у нас здесь красивые места, — сказал Сунь У-кун.

Дурень не смел больше отказываться и пошел за Сунь У-куном. Шли они, обняв друг друга, а за ними следовали подчиненные Сунь У-куна. Они поднялись на вершину горы Цветов и плодов. Здесь было удивительно красиво. Возвратившись в свои владения, Великий Мудрец за короткое время успел навести образцовый порядок:

Синева была подобна
Зимородка оперению;
На горах водились тигры,
Жили в логовах драконы.

В облака вступали горы;
Раздавались в отдаленье
Журавлиный крик печальный,
Обезьяний визг и стоны.

По уграм клубились тучи,
И туман вставал в ущелье,
На закате в чашу леса
Солнца падало сиянье;

И звенели там потоки,
Словно кольца ожерелья,
И нежней казалось лютни
Струй спадающих журчанье.

На горах росли деревья
И, цвета и зеленая,
Перед цепью этой горной,
Шли подъемы и откосы;

Подымали горы миску,
Ту, в которой ночью феи
Умывались и плескались,
Мыли шелковые косы.

А внизу сходили горы
К Млечному Пути, откуда
Посылается на землю
Рек раздольное теченье;

И земля сливалась с небом,
И казалась светлым чудом,
Красотой, Пэнлаю равной,
Вызывая восхищенье.

Чистота и муть когда-то,
Разделясь, образовали
Небожителей бессмертных
Драгоценное жилище.

Кисть художника и краски
Воссоздали бы едва ли
Эти скалы, что сияют
Блеска солнечного чище.

Перед этою задачей
Отступил бы даже гений,
Свет гирляндами вздымался,
И вершина засияла;

Темно-красными лучами
По камням скользили тени,
Ароматов легких нити
Вдрузь сплелись зарею алой.

Рай земной такие горы —
И полны благословенья:
В красоте первоначальной
И утесы и долины.

Здесь растут на горных склонах
Вечно свежие растения,
Новые цветы одели
Неприступные вершины.

Чжу Ба-цзе смотрел, смотрел и никак не мог налюбоваться окружающей красотой. Чрезвычайно довольный всем виденным, он в восторге воскликнул:

— Дорогой брат, какое чудесное здесь место! Это, несомненно, самая красивая гора во всей Поднебесной!

— Ну что, брат,— спросил Сунь У-кун,— можно здесь жить?

— Что ты,— смеясь сказал Чжу Ба-цзе.— Это благословенная земля, а ты спрашиваешь, можно ли здесь жить.

Так, беседуя и шутя, они не заметили, как пролетело время. Спустившись с горы, они увидели около дороги нескольких обезьян, которые почтительно преподнесли им огромные гроздья темно-красного винограда, душистые груши и финики, отливающие желтизной пиба, дымчато-красные спелые сливы.

— Великий Мудрец,— промолвили обезьяны, встав на колени,— разрешите пригласить вас завтракать.

— У моего брата,— сказал смеясь Сунь У-кун,— неплохой аппетит и одними фруктами его, пожалуй, не накормишь. Ну, да ладно. Ты уж не побрезгуй тем, чем мы богаты. Может быть, они заменят тебе пироги?

— Хоть аппетит у меня действительно неплохой,— сказал на это Чжу Ба-цзе,— но я всегда уважаю обычаи тех мест, где мне приходится бывать. Давайте, я попробую, что у вас за фрукты.

И Чжу Ба-цзе вместе с Сунь У-куном принялись за еду. Между тем день уже был в самом разгаре, и Дурень начал беспокоиться о том, что они не успеют спасти Танского монаха.

— Дорогой брат,— стал он торопить Сунь У-куна,— учитель, верно, заждался нас. Нам следовало бы поторопиться.

— Почтенный брат мой,— отвечал на это Сунь У-кун.— Прошу тебя пройти в пещеру Водного занавеса и отдохнуть немного.

— Я очень признателен тебе, дорогой брат, за твою любезность и гостеприимство,— ответил Чжу Ба-цзе,— но учитель и так давно ждет нас. Уж лучше нам, пожалуй, не ходить в пещеру.

— В таком случае не смею больше задерживать тебя,— сказал Сунь У-кун.— Тогда мы здесь с тобой и распрощаемся.

— А разве ты не пойдешь со мной? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Зачем же мне уходить отсюда? — сказал Сунь У-кун.— Здесь я не подчиняюсь ни небу, ни земле. Живу в свое удовольствие, совершенно свободен, не бегаю, как мальчик на побегушках, и перестал быть монахом. Нет, я не пойду, иди

сам и скажи Танскому монаху, что раз он прогнал меня, так нечего и скучать.

Выслушав это, Дурень не решился больше настаивать, боясь, как бы Сунь У-кун не рассердился и не пустил в ход свой посох. Пробормотав несколько слов на прощанье, Чжу Ба-цзе отправился в обратный путь. Между тем Сунь У-кун послал вслед за ним двух проворных, сообразительных обезьян, чтобы узнать, как поведет себя Чжу Ба-цзе. Не пройдя и четырех ли¹, Дурень повернулся и, указывая пальцем на то место, где, по его мнению, должен был находиться Сунь У-кун, начал ругаться.

— Ах ты мерзкая обезьяна, — кричал он. — Тебе не нравится звание монаха, ты предпочитаешь быть оборотнем-обезьяной. Грязная ты обезьяна, я пришел с добрыми намерениями, а она, видите ли, не желает идти. Ну, не идешь — и черт с тобой!

Пройдя немного, Чжу Ба-цзе снова принимался ругаться. Услышав это, следившие за ним обезьяны опрометью бросились назад.

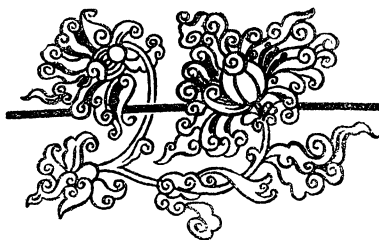
— Отец наш, Великий Мудрец, — докладывали они, — этот Чжу Ба-цзе очень нехороший человек. Он идет и все время ругает вас.

Услышав это, Сунь У-кун рассвирепел и, собрав своих обезьян, бросился догонять Чжу Ба-цзе. Догнав его, они повалили Чжу Ба-цзе на землю, схватили его и поволокли обратно.

Однако о том, как Сунь У-кун проучил Чжу Ба-цзе и удалось ли Дурню выбраться живым, вам, читатель, расскажет следующая глава.



¹ Ли — мера длины, равная 576 метрам.



ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

повествующая о том, как Чжу Ба-цзе, сохраняя верность, привел в возбуждение Царя обезьян и как Сунь У-кун мудростью покорил дужа

Верность долгу,
Глубокое чувство
В душе пробудила;
Так в учении Будды
Таится
Великая сила.
Всем явлениям
Самую сущность
Она возвращает,
Цзинь и Му* —
Элементы стихий,—
Усмирив,
Сочетает.
И бессмертье готовят
Былые источники страсти,
Чтобы вместе
Вошли мы
В миры
Бесконечного счастья.
Так к учению буддизма,
К вратам его
Мы приступаем;
Сутра —
Путь совершенства,
Который отныне
Мы знаем.
Будда
Этим путем
Посылает
Свой дух первородный.
Братья —
Старший и младший —
Встречаются
В дружбе свободной.
От пяти элементов
Все, демоны

Форму приемлют.
Шесть разрядов существ
Уничтожив,
В Далэйиньскую землю,
Устремились монахи,
Благочестьем к святыне влекомы,
Поклониться во храме
Раскатов великого грома.

Итак, обезьяны толпой с шумом налетели на Дурня, стали тащить его и в конце концов порвали ему халат.

— Ну, теперь все,— бормотал, читая про себя псалмы, Чжу Ба-цзе.— На этот раз они меня прикончат.

Обезьяны притащили Чжу Ба-цзе к пещере. Великий Мудрец сидел на крутой скале над обрывом.

— Ах ты грязная тварь.— стал он ругать Чжу Ба-цзе.— Ну, ушел ты от нас — и дело с концом, зачем же было оскорблять меня?

— Дорогой брат,— отвечал Чжу Ба-цзе, опустившись перед Сунь У-куном на колени.— Разве осмелился бы я ругать тебя! Да я откусил бы себе язык, если бы поступил подобным образом. Я говорил лишь, что ты не хочешь идти со мной и придется мне возвращаться одному и доложить об этом учителю. Тогда уж пусть он поступает, как хочет.

— Разве можно обмануть меня? — сказал тут Сунь У-кун.— Ведь сам подумай, стоит мне взять себя за левое ухо, и я все могу услышать, даже то, что говорят в обители Будды, если же я потяну книзу свое правое ухо, то могу услышать, как сам князь ада Янь-ван сводит в преисподней счета со своими судьями смерти. Как же ты мог подумать, что я не слышу твоих оскорблений?

— Дорогой брат,— сказал на это Чжу Ба-цзе,— ведь я знаю твой коварный характер, не иначе как ты опять изменил свой облик и следовал за мной, чтобы подслушивать.

— Ну-ка, ребятки! — крикнул тут Сунь У-кун.— Принесите мне дубинку, да побольше! Для начала всыпьте ему двадцать ударов спереди. Затем разукрасьте его спину еще двадцатью ударами. А потом я еще на прощанье угощу его своим посохом.

— Дорогой брат,— взмолился перепуганный Чжу Ба-цзе, повалившись на колени и непрерывно отбивая поклоны,— умоляю тебя, пощади меня ради нашего учителя.

— О каком это учителе ты вспомнил, любящий милосердие и долг сын мой? — сказал на это Сунь У-кун.

— Дорогой брат,— продолжал молить Чжу Ба-цзе,— если тебе не жаль учителя, то сделай это хотя бы ради бодисатвы.

Услышав имя бодисатвы, Сунь У-кун заколебался.

— Ну, вот что, брат,— сказал он,— я пока бить тебя не буду. Но смотри, говори всю правду и не вздумай меня обманывать. С Танским монахом случилось какое-то несчастье, а ты пришел сюда морочить мне голову. Не так ли?

— Да говорю же тебе, что ничего не произошло,— продолжал твердить Чжу Ба-цзе.— Он действительно по тебе соскучился.

— Ты что же это, негодяй, хочешь, чтобы тебя действительно побили! — вскипел Сунь У-кун.— Зачем ты водишь меня за нос! Вернувшись в пещеру Водного занавеса, я ни на минуту не забывал о нашем учителе, так как знал, что на каждом шагу его поджидают бедствия и несчастья. Так вот, если не хочешь быть битым, говори скорее, что случилось.

— Дорогой брат,— взмолился Чжу Ба-цзе, отбивая поклоны.— Я действительно хотел обмануть тебя. Мне и в голову не приходило, что ты обладаешь такой прозорливостью. Пощади меня, разреши мне встать, и я все расскажу тебе.

— Ну ладно, вставай и рассказывай! — приказал Сунь У-кун.

Обезьяны отпустили Дурня. Он тотчас же вскочил на ноги и стал дико озираться по сторонам.

— Ты что высматриваешь? — спросил его Сунь У-кун.

— Смотрю, где дорога пошире, чтобы удобнее было бежать.

— Куда же ты думаешь бежать? — спросил Сунь У-кун.— Ты можешь тронуться в путь на три дня раньше меня и все же я догоню тебя. Говори же скорее,— приказал он.— И смотри, если еще раз рассердишь меня, пощады не будет.

— Теперь я скажу тебе всю правду,— отвечал Чжу Ба-цзе.— После того как ты ушел от нас, мы вдвоем с Ша-сэном остались охранять учителя. Мы шли, шли и вот очутились у густого соснового леса. Учитель спешился и послал меня собирать подаяние. Я долго шел, но так никого и не встретил. Сильно утомившись, я прилег в траву и уснул. Кто мог подумать, что и Ша-сэн уйдет от учителя? Оказалось, что он отправился разыскивать меня. Ну, а ты знаешь, что учитель не может спокойно сидеть на месте. Оставшись один, он пошел прогуляться и, выйдя из леса, увидел золотую пагоду, от которой исходило сияние. Он принял пагоду за монастырь. Но оказалось, что там живет дух по прозвищу Желтый халат. Вот он и схватил нашего учителя. Когда же мы с Ша-сэном отправились на поиски, то нашли только коня и вещи, а учителя нигде не было. Тогда мы ринулись к обиталищу духа и вступили с ним в бой. Однако на наше счастье учитель повстречал свою спасительницу. Это была принцесса — третья дочь правителя страны Баосянго, которую также похитил дух. Она написала домой письмо и поручила нашему учителю отвезти его к отцу. А в благодарность за это уговорила духа освободить учителя. И вот, когда мы прибыли в главный город страны Баосянго и учитель передал письмо, правитель стал просить его усмирить духа и вернуть ему дочь. Ну, а ты, брат, сам знаешь, как наш учитель усмиряет духов. В общем, пришлось нам с Ша-сэном снова вступать с ним в бой. Однако оказалось, что дух

обладает огромной волшебной силой, поэтому ему и удалось захватить Ша-сэна. Потерпев поражение, я отступил и укрылся в траве. А дух тем временем, превратившись в статного, благородного человека, проник во дворец и заявил, что пришел познаться со своей родней. Пустив в ход свои чары, он превратил нашего учителя в полосатого тигра. И лишь благодаря случайности конь-дракон услышал об этом. Приняв свой настоящий вид, дракон ночью отправился на поиски учителя. Однако учителя он не нашел, зато встретил духа, который сидел в зале Серебряного спокойствия и распивал вино. Превратившись в придворную девушку, дракон подносил духу вино чашу за чашей, а затем стал исполнять танец с мечом и хотел зарубить духа, но тот успел увернуться, схватил фонарь и ранил дракона в ногу. А сейчас дракон послал меня за тобой. Он говорит, что ты благороден и справедлив, не станешь вспоминать старых обид и, конечно, не откажешься прийти на помощь учителю. Умоляю тебя, брат, вспомнить пословицу: «Кто хоть один день был моим учителем, тот всю жизнь будет моим отцом», и выручить нашего учителя из беды.

— Ах ты Дурень этакий! — выслушав его, сказал Сунь У-кун. — Ведь, уходя, я несколько раз наказывал тебе: если какой-нибудь дух захватит учителя, скажи ему, что у учителя есть старший ученик по имени Сунь У-кун. Почему же ты не сделал этого?

Чжу Ба-цзе подумал: «Лучше уж рассердить полководца, нежели просить его. Так я и сделаю!»

— Дорогой брат, — сказал он, — не следовало мне упоминать твоего имени. Услышав его, дух пришел в ярость.

— Что-то я не совсем понимаю, — сказал Сунь У-кун.

— Сейчас объясню, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Я сказал духу, чтобы он не безобразничал и не вздумал причинить какого-нибудь вреда учителю, не то придет наш старший брат Сунь У-кун, обладающий огромной волшебной силой, и расправится с ним. Выслушав все это, дух еще больше рассвирепел. «Какой там еще Сунь У-кун! — заорал он. — Очень я боюсь его! Пусть только посмеет показаться здесь: я шкуру с него сдеру, все жилы вытяну, кости разгрызу, а сердце съем. Правда, худосочен он, как всякая обезьяна, но все равно, я изрублю его и поджарю».

Услышав это, Сунь У-кун от ярости стал дергать себя за уши, тереть щеки и подпрыгивать.

— Значит, этот негодяй осмелился ругать меня! — закричал он.

— Конечно, Желтый халат действительно ругал тебя. И я счел своим долгом рассказать это тебе. Но ты успокойся, дорогой брат, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Почтенный мой брат, — отвечал Сунь У-кун, — встань! Я, честно говоря, не хочу идти, но раз этот дух позволил себе

так оскорбить меня, я должен усмирить его и отправлюсь вместе с тобой. Пятьсот лет тому назад я учинил дебош в небесном дворце, и с тех пор все небесные полководцы, завидев меня, низко кланяются и величают меня не иначе как Великим Мудрецом. А это чудовище посмело так оскорбить меня! Ну, ничего, сейчас я поймаю его и искромсаю на мелкие кусочки. Пусть знает, как ругать меня, а потом снова вернусь домой.

— Совершенно правильно, дорогой брат,— поддакнул Чжу Ба-цзе.— Ты только поймай этого духа и отомсти за нанесенное тебе оскорбление. А вернешься ты после этого или нет, это уж твое дело.

Тут Великий Мудрец соскочил со скалы и ринулся в пещеру. Он сбросил одеяние волшебника, оправил на себе шелковый халат, надел кафтан из тигровой шкуры, взял в руки железный посох и вышел. Испуганные обезьяны обступили его.

— Отец наш, Великий Мудрец,— запричитали они.— Куда же ты уходишь, провел бы с нами хоть еще несколько лет и дал бы нам возможность пожить в свое удовольствие.

— Что же это вы, дети мои, говорите! — воскликнул Сунь У-кун.— Я ведь должен охранять Танского монаха и являюсь его учеником, об этом знают все и на небе, и на земле. Ведь он не прогнал меня, а отпустил домой проведать вас и пожить с вами некоторое время. Но сейчас, раз уж так получилось, я должен покинуть вас; будьте осторожны, с усердием ведите хозяйство, вовремя сажайте ивы и сосны и следите за порядком. Ждите меня, я буду сопровождать Танского монаха в его поездке за священными книгами, затем доставлю его в Китай и после этого вернусь к вам. Вот тогда-то мы вместе будем наслаждаться дарами природы.

Обезьянам не оставалось ничего другого, как примириться. А Великий Мудрец, покинув свои владения, вместе с Чжу Ба-цзе взобрался на облако, и они отправились в путь. После того как они миновали Восточное море и достигли Западного, Сунь У-кун вдруг остановил свое облако.

— Ты потихоньку продвигайся дальше, а я спущусь вниз и очищу свое тело,— сказал он Чжу Ба-цзе.

— Надо торопиться! — отвечал на это Чжу Ба-цзе.— А ты выдумал еще какое-то очищение тела!

— Где уж тебе понять это? — сказал Сунь У-кун.— Побывав у себя дома, я снова стал ходить на оборотня. А учитель любит чистоту и, боюсь, будет относиться ко мне с отвращением.

Чжу Ба-цзе поверил Сунь У-куну и не стал возражать. Сунь У-кун миг выкупался, и они на облаке отправились дальше на Запад. Вскоре они увидели золотую пагоду, излучающую сияние.

— А вот и жилище волшебника,— сказал Чжу Ба-цзе, указывая на пагоду.— Ша-сэнь все еще там.

— Ну, вот что,— сказал Сунь У-кун.— Побудь в воздухе, а я спущусь вниз, посмотрю, что там происходит и подходящее ли это место для боя.

— Тебе незачем ходить туда,— сказал Чжу Ба-цзе,— духа нет дома.

— Я знаю,— сказал Сунь У-кун.

О, чудесный Царь обезьян! Он опустился на облаке у самой пещеры и здесь увидел двух мальчиков. Они играли, загоняя мяч в лунки палками с изогнутым концом. Одному из них было чуть побольше десяти, а другому лет восемь-девять. Сунь У-кун ринулся к ним и, не спрашивая кто они такие, схватил за волосы и потащил за собой. Перепуганные ребяташки подняли крик и встревожили находившихся в пещере духов. Те бросились к принцессе и сообщили ей, что какой-то человек утащил мальчиков. Читатель, конечно, догадался, что это были дети принцессы и духа. Услышав это, принцесса поспешила выйти из пещеры и тут увидела Сунь У-куна, который стоял на высоком утесе, намереваясь бросить вниз ее детей.

— Эй, благородный муж,— истошным голосом закричала перепуганная принцесса.— Ведь мы не ссорились, и я не сделала вам ничего плохого, почему же вы утащили моих детей?! Учтите, отец у них грозный и, если вы причините им хоть какой-нибудь вред, вам не поздоровится.

— Вы, верно, не знаете кто я такой,— сказал Сунь У-кун.— Я старший ученик Танского монаха и зовут меня Сунь У-кун. У вас в пещере сейчас находится мой брат монах Ша-сэн. Если вы освободите его, я верну вам ваших детей. Думаю, что такой обмен будет выгоден для вас, ведь я дам двух за одного.

Принцесса тут же позвала духов-стражей, отправилась вместе с ними к Ша-сэну и освободила его.

— Принцесса,— сказал ей Ша-сэн,— вам не следовало освобождать меня. Ведь дух, возвратившись домой, хватится меня и весь свой гнев обрушит на вас.

— Почтенный отец,— отвечала ему принцесса,— вы — мой благодетель. Вы доставили мое письмо отцу и тем спасли мне жизнь. Я сама думала отпустить вас. Но к пещере неожиданно явился ваш старший брат Сунь У-кун и требует, чтобы я немедленно освободила вас.

Как только Ша-сэн услышал имя Сунь У-куна, ему показалось, что голову его смазали елеем, а в сердце проникла благословенная роса. Радость Ша-сэна вздымалась до небес, грудь его наполнилась ощущением весны, он так обрадовался, словно нашел золото или драгоценный нефрит. Схватив свое монашеское платье, он выбежал из пещеры и поклонами приветствовал Сунь У-куна.

— Дорогой брат,— воскликнул он,— тебя послало само небо. Умоляю, спаси меня!

— Ах ты́ глупый Ша-сэн! — смеясь сказал Сунь У-кун. — Вспомни, замолвил ли ты за меня хоть словечко, когда учитель читал псалом о сжатию обруча? Только губами шлепал. Без меня захотели охранять учителя. Почему же сейчас не продолжаете свой путь, а застряли здесь?

— Не говори так, дорогой брат. Ты ведь знаешь: «Благородный человек не помнит старых обид». Мы — полководцы разбитой армии и похвалиться нам нечем. Так что ты уж помоги мне, будь милостив.

— Ну, подымайся сюда, — сжалился над ним Сунь У-кун.

Ша-сэн подтянулся и, сделав прыжок, очутился на скале. А Чжу Ба-цзе, находившийся в это время в воздухе, увидев вышедшего из пещеры Ша-сэна, спустился на своем облаке и обратился к Ша-сэну:

— Дорогой брат, — сказал он, — тебе много пришлось вытерпеть.

— О брат Чжу Ба-цзе! — увидев его, в свою очередь воскликнул Ша-сэн. — Откуда ты явился?

— Вчера, после того как мы потерпели поражение, — стал рассказывать Чжу Ба-цзе. — я ночью вернулся в город. Там я повстречал белого коня и узнал от него, что дух посредством колдовства превратил нашего учителя в тигра. Мы посоветовались и решили призвать на помощь старшего брата, с которым я и прибыл сюда.

— Ну, Дурень, хватит разглагольствовать, — прервал его Сунь У-кун. — Берите по одному из этих ребят, отправляйтесь в страну Баосянго и постарайтесь так раздражить духа, чтобы он примчался сюда. А уж когда он здесь появится, я разделюсь с ним.

— Да как же мы это сделаем? — спросил Ша-сэн.

— А вот как. Вы оба отправляйтесь на облаке в город, — сказал Сунь У-кун, — остановитесь там перед залом, в котором император дает аудиенцию, а ребят бросьте вниз, так чтобы они упали прямо к трону. Вас, конечно, начнут спрашивать, что это за ребята, а вы скажете, что это сыновья духа и что вы сами принесли их сюда. Как только дух услышит это, он непременно вернется домой. Мне же не следует появляться в городе, ведь нам придется напускать тучи, туман, ветер. И если мы начнем бой над городом, это напугает всех жителей дворца и население.

— Дорогой брат, — сказал смеясь Чжу Ба-цзе. — А ты все же хочешь отыгаться на нас.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Сунь У-кун.

— Ведь ребят поймал ты, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Они и сейчас перепуганы насмерть. Видишь, они уже охрипли от крика. А пройдет еще немного времени и они испустят дух. А если бросить их вниз, одно мокрое место останется. Волшебник, конечно, поспешит на выручку своих детенышей и

тут уж разделяется с нами. А ты выйдешь сухим из воды. Ведь против тебя улик не будет. Ну, не значит ли это, что ты хочешь отыграться на нас?

— Если он затеет с вами драку,— сказал на это Сунь У-кун,— вы постарайтесь завлечь его сюда. Здесь по крайней мере просторно. Вот тут-то я и вступлю с ним в бой.

— Совершенно правильно,— согласился Ша-сэн.— Наш брат говорит вполне справедливо. Итак, мы отправляемся.

И они, приняв грозный вид, двинулись в путь, захватив с собой детей. А Сунь У-кун соскочил со скалы и подошел к воротам пагоды.

— Эх ты, монах,— стала укорять его принцесса,— тебе, оказывается, верить нельзя. Ведь ты обещал отдать мне моих детей, как только я освобожу вашего монаха. Ну вот, ваш монах свободен, а детей моих ты почему-то не отдаешь... А сейчас ты еще зачем-то подошел к моим воротам.

— Не гневайтесь, принцесса,— отвечал улыбаясь Сунь У-кун.— Вы уже давно живете здесь, и сейчас мы взяли ваших детей, чтобы они навестили своего деда.

— Не будь столь бесцеремонным,— сказала принцесса.— Мой муж обладает необычайными способностями, и если ты напугаешь наших детей, то накличешь на себя его гнев.

— Дорогая принцесса,— сказал смеясь Сунь У-кун.— Как вы думаете, какие поступки людей следует считать преступными?

— Я знаю какие,— отвечала принцесса.

— Да что вы, женщины, можете знать? — возразил Сунь У-кун.

— Когда я жила во дворце,— сказала принцесса,— меня с малых лет обучали отец и мать. Помню, что в древних книгах говорится: «К пяти разделам уголовных наказаний относятся три тысячи преступлений. И самым тяжким из них считается непочтение к родителям».

— Так вот, вы как раз и повинны в этом преступлении,— сказал Сунь У-кун.— Стихи гласят:

Дал отец мне жизнь,
Вскормила мать
И о них всегда
Мне думать больно.
Жизнь они
Смогли мне даровать,
Изнурясь в работе
Подневольной.

Почитание родителей — источник всех дел и корень всякого добра. Как же вы могли соединить свою жизнь с жизнью духа и забыть о своих родителях? Разве не является это непочтением к родителям?

От этих справедливых упреков принцесса зарделась до ушей и, сгорая от стыда, растерянно произнесла:

— Вы совершенно правы, почтенный отец! Но разве я забыла родителей? Ведь дух похитил меня, и теперь я вынуждена подчиняться законам, которые установлены им. Ведь я и шага не могу сделать по собственной воле. А до родительского дома далеко и все это время не с кем было даже отправить весточку. Я хотела покончить с собой, но мысль о том, что родители никогда не узнают о постигшей меня судьбе и могут подумать, что я бежала от них, остановила меня. Выхода не было. Пришлось влечить жалкое существование. Невольно я превратилась в преступницу.

Излив душу, принцесса разрыдалась.

— Не отчаивайтесь так, принцесса,— стал утешать ее Сунь У-кун.— От Чжу Ба-цзе я узнал о том, что вы написали своим родителям письмо и спасли жизнь нашему учителю. Значит, вы не забыли отца и мать. Я пришел сюда, чтобы расправиться с духом и помочь вам вернуться домой. Вы найдете себе другого мужа и будете ухаживать за своими родителями до конца их дней. Каково ваше мнение?

— Ты очень добр,— сказала принцесса.— Но не ищи своей смерти. Вчера твои братья вступили в бой с моим супругом. Они дрались отважно и смело, но все же не смогли одолеть духа. А ты так тщедушен, совсем, как краб, кожа да кости. Как же ты осмелился сказать, что расправишься с духом? Откуда у тебя такие способности?

— Вам не понять этого,— сказал смеясь Сунь У-кун.— Разве можете вы распознать настоящего человека? Недаром говорит пословица: «Мал золотник, да дорог». С виду-то они действительно великаны, а что толку? В дороге им мешает ветер, на их одежду требуется много ткани. У них нет расчетливости. Сталкиваясь с опасностью, они робеют. В общем, зря они хлеб едят, пользы от них никакой. А вот я хоть и мал, зато как полновесный цзинь¹ полон необыкновенных нравственных качеств.

— Так вы действительно обладаете необыкновенными способностями? — недоверчиво спросила принцесса.

— О, вы еще не знаете, каким искусством я владею,— молвил Сунь У-кун.— Я могу усмирять духов и покорять волшебников.

— А вы не обманываете меня? — усомнилась принцесса.

— Что вы! — воскликнул Сунь У-кун.

— Каким же способом вы собираетесь усмирить духа? — спросила принцесса.

Не отвечая на вопрос, Сунь У-кун сказал:

— Вы вот что, скройтесь сейчас куда-нибудь подальше,

¹ Цзинь — мера веса, равная примерно 596 граммам.

ваше присутствие будет стеснять меня. Только мне кажется, что вы очень любите своего супруга и не хотите с ним расстаться.

— Как вы можете говорить подобные вещи! — воскликнула принцесса.— Он ведь силой держал меня здесь. Что могла я сделать?

— Но вы прожили вместе тринадцать лет,— сказал Сунь У-кун,— неужели же вы не питаете к нему никаких чувств? Поймите, что я шутить не стану. Мы будем драться и дубинами и кулаками, и лишь, когда я одолею его, вы сможете возвратиться к своему отцу во дворец.

Принцесса послушалась и решила укрыться в отдаленном месте. Таким образом, Великому Мудрецу самой судьбой было предназначено положить конец совместной жизни принцессы и духа. Спрятав принцессу в надежном месте, Царь обезьян встряхнулся, принял вид принцессы и, вернувшись в пещеру, стал дожидаться духа.

Между тем Чжу Ба-цзе и Ша-сэн прибыли в Баосянго и, достигнув дворца, бросили детей прямо к трону. От несчастных ребят осталось одно месиво: кровь брызнула фонтаном и кости разлетелись на мелкие кусочки. Перепуганные насмерть придворные побежали доложить императору.

— Беда! Беда! — воскликнули они.— С неба прямо к трону упало двое ребят.

— Это дети духа по прозвищу Желтый халат,— раздался сверху грозный голос Чжу Ба-цзе.— Мы с Ша-сэном привезли их сюда!

Между тем все еще пьяный дух находился в зале Серебряного спокойствия и никак не мог прийти в себя. Вдруг сквозь сон ему показалось, что кто-то называет его имя. Он перевернулся с боку на бок, поднял голову и увидел Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, которые, стоя на облаке, отчаянно бранились:

«То, что Чжу Ба-цзе здесь, меня не удивляет,— подумал дух.— Но Ша-сэн? Как очутился он здесь? Ведь я оставил его связанным у себя дома. Каким же образом ему удалось освободиться? Неужели это дело рук моей супруги? А дети как попали к ним? Все это натворил Чжу Ба-цзе, чтобы вызвать меня на бой. Если это так, то я должен драться с ними. Но, увы! Ведь я совсем пьян! Стоит ему разок ударить меня своими граблями и от моего величия не останется и следа. Тогда раскроется моя тайна! Отправлюсь-ка я лучше сейчас домой и узнаю, что с моими детьми. Ну, а с этими мальчишками поговорить еще успею».

О, чудесный дух! Не простившись даже с правителем страны, он вмиг очутился в своих владениях и пошел в пещеру разузнать что там творится. А тем временем всем стало известно, что появившийся во дворце гость — дух. Уцелевшие придворные дамы в пятую стражу явились к государю и доло-

жили о том, что дух съел одну из них, а также рассказали ему обо всем, что там происходило. То обстоятельство, что гость покинул дворец, ни с кем не простившись, еще больше убедило всех в том, что он дух. Не будем рассказывать, как государь приказал охранять превращенного в тигра Танского монаха.

Вернемся лучше к духу. Итак, он очутился у пещеры. Увидев духа, Сунь У-кун вмиг придумал хитроумный план, чтобы обмануть своего врага. Он тер глаза, плакал, топал ногами, бил себя в грудь. Пещера огласилась отчаянными воплями. Дух, ничего не подозревая, бросился к Сунь У-куну.

— Жenuшка,— воскликнул он, обнимая Сунь У-куна,— что случилось? Почему ты так убиваешься?

У Великого Мудреца была готова целая история. Изменив голос, плача и рыдая, он стал жаловаться:

— Господин мой! Недаром люди говорят: «Когда в доме не хватает мужчины, то нет хозяина для богатства жены; если у женщины нет мужа, жизнь ее лишена всякого смысла». Ведь ты вчера отправился ко двору знакомиться с моим отцом, почему же вернулся лишь сегодня? Утром Чжу Ба-цзе тайком освободил Ша-сэна и утащил наших детей. Я умоляла его, но он не пощадил меня. Он сказал, что хочет показать их дедушке. Но времени прошло уже очень много, а детей все нет, и я не знаю даже живы ли они. А тут ты еще задержался, я была совершенно одна. Все это и привело меня в такое отчаяние.

Выслушав это, дух расвирипел:

— Значит, там, во дворце, я видел моих детей!

— Конечно,— подтвердил Сунь У-кун.— Чжу Ба-цзе утащил их.

— Довольно, хватит! — в бешенстве заорал дух, мечась из стороны в сторону.— Он убил моих детей! Их нет больше в живых! Сейчас мне остается лишь отомстить за все и убить монаха. Не плачь, жена! Если ты плохо себя чувствуешь, пойдй отдохни и успокойся.

— Я-то здорова,— отвечал Сунь У-кун.— А вот мысль о судьбе наших детей причиняет мне нестерпимую боль.

— Не печалься,— стал утешать мнимую жену дух.— У меня есть одна драгоценная вещица: стоит потерять ею больное место, и все как рукой снимет. Но смотри будь осторожна, не нажимай ее пальцем, не то увидишь мой настоящий образ.

«Вот черт проклятый! — радуясь, подумал Сунь У-кун.— Вопреки ожиданиям он ведет себя вполне честно. Его никто не вынуждает силой, он сам во всем признается и приносит себя в жертву. Ладно, пусть покажет свою драгоценность, я нажму на нее и посмотрю, какой вид примет это чудовище».

И вот дух, поддерживая Сунь У-куна, прошел с ним в потайное место пещеры и вытащил у себя изо рта заветный шарик. Этот шарик был величиной с куриное яйцо и пред-

ставлял собой пилюлю, образованную из сожженных костей Сакья-муни и очищающую сердце человека.

«Чудесная вещица! — с удовлетворением подумал Сунь У-кун. — А сколько труда на нее потрачено, сколько лет ее плавили и шлифовали, сколько было неудач, прежде чем получили такую чудодейственную вещь? Видно, суждено ей попасть ко мне в руки».

Сунь У-кун взял шарик и притворился, что трет им больное место, а сам в это время надавил на него пальцем. Дух растерялся и бросился отнимать у него. Что же, вы думаете, обезьяна испугалась? Ничуть. Поспешно засунув шарик в рот, она тут же проглотила его. Дух в бешенстве сжал кулаки и набросился на Сунь У-куна. Защищаясь, Сунь У-кун в то же время потер себе лицо и принял свой настоящий вид.

— Ну что ты за невежда, — сказал он духу. — Посмотри хорошенько и скажи, узнаешь ли ты меня?

— Ха! — изумился дух. — Что за странный вид у тебя, жена?

— Я тебе покажу, мерзкая тварь, — зло сказал Сунь У-кун. — Какая я тебе жена. Что ж ты предка своего не признаешь?

— Как будто начинаю припоминать, — отвечал дух.

— Пока что я драться с тобой не буду, взгляни на меня хорошенько и скажи, узнаешь ли ты меня, — сказал Сунь У-кун.

— Лицо твое мне очень знакомо, вот только не могу припомнить, как тебя зовут. Кто же ты такой и откуда прибыл? Куда девал мою жену и как удалось тебе попасть в мой дом и выманить у меня мое сокровище? Ведь это наглость!

— Значит, не можешь узнать меня? — снова спросил Сунь У-кун. — Я старший ученик Танского монаха — Сунь У-кун. Пятьсот лет тому назад я уже был твоим предком.

— Что за вздор ты мелешь? — воскликнул дух. — Не может этого быть. Когда я схватил Танского монаха, у него было всего два ученика — Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. А твоего имени никто и не упоминал. Ты просто оборотень и явился неизвестно откуда, чтобы обмануть меня!

— Да, в то время я действительно не был вместе с ними, — сказал Сунь У-кун. — И случилось это потому, что учитель — человек добрый и сострадательный, не мог примириться с тем, что я погубил множество духов и оборотней, и прогнал меня. Поэтому-то ты и не знаешь, как зовут твоего предка.

— В тебе нет никакого чувства достоинства, свойственного великим мужам! — воскликнул дух. — Учитель тебя гонит, а ты с наглостью физиономией лезешь к нему.

— Смотри у меня, негодяй, — крикнул Сунь У-кун. — Разве ты не знаешь пословицы: «Кто хоть один день был моим учителем, тот всю жизнь будет моим отцом», или еще: «Между отцом и сыном не бывает вражды, которая бы длилась болес

одной ночи». Ведь ты причинил вред моему учителю, как же я могу не прийти ему на помощь? И не только ему ты причинил зло. А что ты обо мне говорил? Ты порочил мое доброе имя!

— Когда это я порочил твое имя? — удивился дух.

— Мне сказал об этом Чжу Ба-цзе, — отвечал Сунь У-кун.

— Не верь ему. У этого Чжу Ба-цзе морда острая, а язык как у старой бабы.

— Ну ладно, хватит попусту разговаривать, — произнес Сунь У-кун. — Скажи лучше, почему ты так плохо принимаешь гостя, прибывшего издалека. Если у тебя нет ни вина, ни закусок, подставь тогда свою голову — я стукну по ней посохом. Пусть хоть это будет вместо чая!

Услышав угрозы Сунь У-куна, дух громко расхохотался.

— Послушай, на этот раз ты промахнулся, — сказал он. — Я знаю, тебе хочется подраться, но ко мне лучше не суйся! В моем распоряжении более сотни оборотней, и, будь у тебя хоть сто рук, тебе все равно не выбраться отсюда!

— Ну, хватит болтать глупости, — перебил его Сунь У-кун. — Да будь у тебя хоть тысячи, даже десятки тысяч подчиненных, я их всех перебью. Ни один удар у меня не пропадет даром. Так что знайте, от вас здесь и следа не останется.

Услышав это, дух кликнул клич и в тот же миг со всех сторон — с горы, из-под горы, из пещеры, из-за пещеры — примчались духи и выстроились перед своим начальником. У каждого из них в руках было оружие. Они крепко-накрепко заперли все четверо ворот, чтобы Сунь У-кун не мог убежать.

Сунь У-кун с удовольствием смотрел на все эти приготовления и, держа посох наготове, крикнул:

— Изменись!

Тотчас же он превратился в существо с тремя головами и шестью руками, затем помахал своим посохом, и у него вместо одного оказалось три посоха. Размахивая ими, он легко прокладывал себе путь. Казалось, будто тигр ворвался в овечье стадо или же сокол влетел в курятник. Головы несчастных духов разлетались на части, из тел их летели клочья. Кровь текла рекой. А Сунь У-кун продвигался вперед совершенно свободно, будто перед ним никого не было. В конце концов остался один Желтый халат. Он бросился за Сунь У-куном, и, нагнав его у ворот, крикнул:

— Ах ты мерзкая обезьяна! Да ты настоящий разбойник! Как смел ты явиться сюда и так подло оскорблять всех?!

Сунь У-кун стал манить его рукой.

— Иди! Иди сюда! Вот когда я тебя одолею, тогда можно будет говорить о каких-то моих заслугах!

Тут дух взмахнул своим мечом и, нацелившись прямо в голову Сунь У-куна, нанес ему удар. Но Сунь У-кун смело ринулся навстречу противнику. И вот на горе, среди туч и тумана, разыгрался бой.

Владел Мудрец Великий силой чар,
Колдун имел такой же чудный дар:
Мудрец легко удары отражал,
Когда свой посох поперек держал.

Колдун же наискось мечом стальным
Размахивал над недругом своим.
Был грозен блеск взлетавшего меча,
Бросался посох в небо стгоряча.

Бойцы отходят, вновь бегут вперед...
Один другому место отдает;
Один внезапно свой меняет лик,
Другой же телом вырастает вмиг:

Тот огненный выкатывает глаз
И силу обезьяню напоказ
Являет в мощных жилистых руках,
Другой же — злобой вызывает страх:

То тигровую спину хищно гнет,
То глазом золотым во тьме блеснет;
По правилам они свой бой ведут
И нападенья очередь блюдут.

Трактатом «Сань-люе» * руководясь,
С врагом боролся обезьяний князь,
А колдуна трактат «Лю-тао» * пленял,
И правила его он применял.

Один противник — демонов слуга,
Другому — честь монаха дорога.
Рассвирепел владыка обезьян,
Колдун бросался, гневом обуян.

Они сражались насмерть в облаках
Лишь для того, чтобы святой монах
Вперед на Запад продолжал идти
И мог моленье Будде вознести.

Уже раз шестьдесят схватывались противники, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес.

«А меч у этого негодяя хорош, может даже поспорить с моим посохом, — восхищенно подумал Сунь У-кун. — Сейчас попытаюсь надуть его. Посмотрим, попадетсЯ ли он на мою удочку».

О, прекрасный Царь обезьян! Он поднял обеими руками посох и применил прием «лазутчика на высоте». Дух, ничего не подозревая, стал размахивать мечом во все стороны. В этот момент Сунь У-кун быстро повернулся и занял положение «все спокойно», избежав удара. А затем, снова применив прием «кража персиков под листьями», нацелился в голову духа и нанес ему такой удар, что от того и следа не осталось. Опустив посох, Сунь У-кун огляделся, но духа обнаружить не мог. Это привело его в смятение.

— Сынок мой! — воскликнул он. — Видишь, что я наделал! От тебя и следа не осталось. Если я убил тебя, то должна хоть кровь остаться. Почему же нет никаких следов? Уж не сбежал ли ты?

Подумав это, Сунь У-кун прыгнул на облако, осмотрелся кругом, но нигде ничего не увидел.

«Да ведь я все вижу, — подумал Сунь У-кун. — Как же это дух сумел скрыться от моих глаз... Понял! — решил наконец Сунь У-кун, — дух говорил, что знает меня и, кроме того, существо он неземное. Он дух, сошедший с неба».

При этой мысли Великий Мудрец пришел в ярость, схватил свой посох, сделал гигантский прыжок и сразу же очутился у Южных небесных ворот. Небесные стражники: Лю, Лун, Гоу, Би, Чжан, Бао, Дэн, Син и остальные, задрожали от страха при его появлении, выстроились двумя рядами и низко склонились. Таким образом Сунь У-кун беспрепятственно прошел прямо к дворцу Космического света, где повстречал четырех небесных наставников: Чжана, Хэ, Сюя и Цю.

— Что привело вас сюда, Великий Мудрец? — спросили они Сунь У-куна, приветствуя его.

— Мы вместе с Танским монахом прибыли в страну Баосянго и там встретили духа, — отвечал Сунь У-кун. — Этот дух похитил принцессу и совершил покушение на моего учителя. Пришлось мне вступить с ним в бой, но оборотень неожиданно исчез. Я думаю, что дух — существо неземное. Вот я и решил узнать, не исчез ли один из ваших духов.

Выслушав Сунь У-куна, небесные наставники пригласили его в зал Священного небосвода и здесь доложили о случившемся Нефритовому императору. Император разрешил произвести проверку. Они побывали во дворце девяти светил, двенадцати созвездий, созвездий пяти стран света, осмотрели Млечный Путь, звезды пяти гор и четырех рек, проверили на месте ли все небожители. Оказалось, что никто не покидал неба. Затем они проверили духов звезд, расположенных за Южной Медведицей, но когда стали проверять духов двадцати восьми созвездий, то оказалось, что их осталось только двадцать семь, не хватало духа созвездия Андромеды. Тогда небесные наставники доложили Нефритовому императору о том, что дух созвездия Андромеды спустился на землю.

— И давно он покинул небо? — спросил Нефритовый император.

— Он отсутствовал на четырех переключках. Если считать, что каждая переключка производится раз в три дня, то прошло ровно тринадцать дней.

— Тринадцать дней на небе равны тринадцати годам на земле, — промолвил Нефритовый император. — Таким образом он находится там уже тринадцать лет.

Он тут же отдал приказ вернуть исчезнувшего духа на небо.

Повинуясь приказу, двадцать семь духов вышли из небесных ворот и начали читать заклинания. Это встревожило духа созвездия Андромеды. Кстати, следует сказать вам о том, что когда-то, учинив бунт на небе, Великий Мудрец побил многих полководцев и в том числе этого духа. И вот сейчас, спасаясь от беды, дух скрылся в водах горного потока. Водяные пары скрыли облако, на котором находился Сунь У-кун, и потому он не мог увидеть духа. Услышав, что духи двадцати восьми созвездий читают заклинания, дух выглянул и вместе с ними поднялся на небо. Здесь путь ему преградил Великий Мудрец, который хотел вступить с ним в бой. Но духи уговорили Сунь У-куна оставить его в покое и под стражей привели к престолу Нефритового императора. Здесь провинившийся дух вынул табличку и, низко склонившись, приготовился выслушать приговор за содеянное им преступление.

— Дух созвездия Андромеды,— промолвил император,— ведь на небе так много чудесных мест! Почему же ты решил тайком бежать на землю?

Склонившись перед императором, дух созвездия Андромеды почтительно отвечал:

— Ваше величество! Смилуйтесь надо мной. Вы должны знать, что принцесса — дочь правителя страны Баосянго — была в свое время прислужницей в храме возжигания фимиама. Она согласилась стать моей женой. Но я опасался, что, вступив в связь, мы оскверним небесные чертоги. Тогда, помышляя о мирском, она решила сойти на землю и там перевоплотилась в новорожденную принцессу. Я же принял вид духа, поселился на горе и, похитив принцессу, прожил с ней тринадцать лет. Ведь каждый кусок пищи и каждый глоток воды предопределены заранее. Но вот сейчас в мои владения явился Великий Мудрец и в бою со мной одержал победу.

Выслушав духа созвездия Андромеды, Нефритовый император принял от него золотую табличку и отправил его во дворец Гушита прислуживать великому Лао-цзюню: разводить огонь, носить посох и выполнять различные поручения. При этом император предупредил его, что если он будет работать хорошо, то займет свое прежнее место, в противном случае его подвергнут суровому наказанию.

Распоряжение Нефритового императора доставило Сунь У-куну огромное удовольствие, он не утерпел, громким голосом приветствовал императора, а затем обратился к выстроившимся в ряд небожителям:

— Господа, я ухожу!

— А эта обезьяна так и осталась неотесанной,— смеясь говорили между собой небесные наставники.— Ей помогли усмирить духа, а она даже не поблагодарила за оказанную ей милость и ограничилась лишь приветствием.

— Спасибо, что она хоть бед не натворила,— сказал император,— и не нарушила спокойствия и благополучия на небесах.

Между тем Великий Мудрец спустился на облаке к пещере Лунного света на горе Ваньцзышань, разыскал там принцессу и стал рассказывать ей о том, что говорил дух, как он, охваченный земными страстями, устремился с небес на землю. Вдруг сверху донеслись отчаянные крики Чжу Ба-цзе и Ша-сэна:

— Дорогой брат! — кричали они.— Оставь нам хоть несколько духов, мы добьем их!

— Да от этих духов и помину не осталось,— крикнул в ответ Сунь У-кун.

— В таком случае,— сказал Ша-сэн,— теперь нам ничто не мешает доставить принцессу во дворец. Ну, братья, нечего зря время терять. Давайте применим способ «сокращения расстояния».

Тут в ушах у принцессы засвистел ветер, и через какое-нибудь мгновение она вместе со своими спутниками очутилась во дворце. Они все втроем провели принцессу в зал Золотых колокольчиков. Там она поклонилась родителям, поздоровалась с сестрами, после чего ее приветствовали придворные. Затем принцесса обратилась к отцу:

— Сунь У-кун благодаря своей магической силе покорил духа по прозвищу Желтый халат. Он выручил меня, помог мне вернуться домой.

— Что же это за дух по прозвищу Желтый халат? — поинтересовался император.

— Ваш зять,— отвечал Сунь У-кун,— дух созвездия Андромеды, а дочь — фея — служительница храма возжиганий фимиама. Однажды, охваченная земными помыслами, эта фея задумала сойти на землю к людям и принять человеческий образ. В том, что случилось, нет ничего особенного, так как все это записано в книге судеб, и свадьба вашей дочери с волшебником тоже была predetermined судьбой. Я отправился на небо и доложил о духе Нефритовому императору. После выяснения оказалось, что этот дух не был уже на четырех проверках и вот уже тринадцать дней, как покинул небо, а тринадцать дней на небе, как известно, равняются тринадцати годам на земле. Тогда император приказал духам двадцати восьми созвездий вернуть беглеца на небо и отправил его прислуживать во дворец Тушита. Я же спас таким образом вашу дочь и прибыл сюда.

Выслушав Сунь У-куна, государь поблагодарил его за оказанное им великое благодеяние и приказал привести Трипитаку. Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн вместе с чиновниками отправились во внутреннее помещение дворца. Там они вытащили железную клетку с тигром и освободили его от прово-

локи, которой он был окутан. Однако надо сказать, что Сунь У-кун, в отличие от всех остальных, видел перед собой не тигра, а человека. Дело в том, что Трипитака хоть и находился под действием чар духа, мог действовать, двигаться, все понимал, только был лишен рта и глаз.

— Учитель,— смеясь сказал Сунь У-кун,— ведь вы честный, порядочный монах, как же это вы приняли такой зловещий вид? Вы ругали меня за то, что я совершал злодеяния, даже прогнали меня. Все ваши помыслы и стремления были направлены к добру, как же после этого вы могли очутиться в столь ужасном виде?

— Послушай, брат,— сказал тут Чжу Ба-цзе.— Зачем насмехаться над учителем? Лучше помоги ему.

— А ты вот любишь подстрекать других,— отвечал на это Сунь У-кун,— и потому считаешься примерным и покладистым учеником. Но спасти учителя ты все же не смог,— пришлось позвать меня. Помнишь, мы договорились с тобой, что как только я расправляюсь с духом и отомщу ему за то, что он оскорблял меня, я тут же возвращусь к себе домой.

Тут к Сунь У-куну подошел Ша-сэн и, опустившись перед ним на колени, сказал:

— Дорогой брат! Еще в древности говорили: «Не смотри на монаха, а смотри на Будду». Раз уж ты, брат, пришел сюда, помоги нашему учителю, умоляем тебя. Если бы мы могли обойтись без твоей помощи, то не стали бы беспокоить тебя: ведь ты проделал такой длинный путь.

— Да разве мог я оставаться спокойным, если бы не спас учителя?! — воскликнул Сунь У-кун, помогая Ша-сэну встать.— Принесите поскорее воды,— приказал он.

Тут Чжу Ба-цзе стрелой ринулся в гостиницу, схватил вещи, коня, зачерпнул в золотую чашку для подаяний немного воды и, вернувшись, передал ее Сунь У-куну. Сунь У-кун произнес над чашкой заклинание, набрал в рот воды и прыснул на голову тигра. В тот же миг чары рассеялись, и Трипитака, освободившись от оболочки тигра, предстал в своем обычном виде. Только сейчас, внимательно приглядевшись, он узнал Сунь У-куна.

— Как ты очутился здесь? — воскликнул Трипитака, схватив Сунь У-куна за руку.

Тогда Ша-сэн подробно рассказал Трипитаке о том, как они просили Сунь У-куна помочь им победить духа, спасти принцессу и снять с учителя волшебные чары.

— Мой мудрый ученик,— сказал тогда Трипитака,— лишь благодаря тебе жизнь моя спасена! Теперь, когда мы, побывав на Западе, вернемся в Китай, я доложу Танскому императору о том, что тебе принадлежит главная заслуга в этом деле.

— Не стоит, не стоит говорить об этом,— отвечал смеясь Сунь У-кун.— Вы лучше не читайте больше вашего

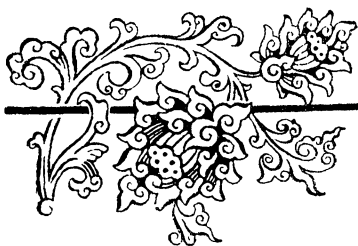
псалма, это будет для меня вполне достаточным вознаграждением.

После этого правитель страны сердечно поблагодарил Трипитаку и его учеников и устроил в честь их роскошный пир. По этому случаю был открыт Восточный зал. Когда пир закончился, паломники поблагодарили государя за оказанный им милостивый прием и тронулись в дальнейший путь на Запад. Государь со своей свитой далеко провожал их. Поистине можно сказать:

Государь домой вернулся,
Успокоилась столица,
А монах пошел на Запад,
Чтобы Будде поклониться.

Однако о том, что происходило в дальнейшем и когда паломники прибыли в Индию, вы прочтете в следующих главах.





ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ,

повествующая о том, как дух — страж времени на горе Пиндиншань предупредил об опасности и как у пещеры Лотоса Дурень попал в беду

Итак, Сунь У-кун вернулся к Танскому монаху, и с этого момента и учитель и ученики были охвачены единым стремлением: идти на Запад. Прошло много времени с тех пор, как они спасли принцессу страны Баосянго и правитель со своей свитой проводил их с почетом из города. Немало трудностей пришлось перенести им: они терпели голод и жажду, останавливались только на ночь, а с рассветом снова пускались в путь. Наконец наступила весна.

Закачал, как шелковинки,
Ветер ветви тонких ив,

Этот край неизъяснимо
Живописен и красив.

Здесь тепло цветы раскрыло,
Чтоб повеял аромат,

И во двор, к цветению яблонь,
Снова ласточки летят.

Это время заставляет
Снова птиц счастливых петь.

Хорошо на мир цветущий
С любованием глядеть!

Всюду светлые дороги
В красном мире пролегли,

Блещут пышные одежды,
Льется музыка вдали...

Дуют в дудочки травянок,
Ночь не кажется длинна,

Проходящая в беседе
За кувшинами вина.

И вот однажды, когда Трипитака и его ученики наслаждались окружающей природой, путь им снова преградила гора.

— Ученики мои,— молвил Трипитака,— будьте осторожны. Боюсь, что на этой горе живут оборотни. Как бы они не причинили нам вреда.

— Учитель,— отвечал Сунь У-кун,— монах не должен рассуждать как мирянин. Помните, что говорил о сутре Праджна-парамита * почтенный монах У-чао: «В сердце не должно быть забот. А когда в сердце нет забот, то нет и страха, и мечты уносятся далеко». Нужно только очистить свое сердце от скверны и омыть пыль с ушей своих. Тот, кто не испытал самых горчайших страданий, тот не может стать выше других. У вас нет каких-либо причин для беспокойства. Когда я с вами, пусть хоть само небо обрушится на землю,— вы будете в полной безопасности. Так стоит ли бояться каких-то оборотней!

Остановив коня и обернувшись к Сунь У-куну, Трипитака сказал:

В тот год, получивши указ, я пошел на Закат,
Чанъань я покинул, чтоб Будде с мольбой поклониться.
Там статуи золотом в пагодах Шэли * горят,
Седой волосок меж бровями у Будд серебрится.
Я много прошел не имевших названия рек,
Как волны, вставали хребтов непрерывных громады,
Я горы прошел, где еще не ступал человек...
Когда ж перестанут в пути мне встречаться преграды?

Выслушав это, Сунь У-кун расхохотался.

— Ведь добиться свободы не так уж трудно,— сказал он.— Если вы успешно выполните возложенную на вас миссию, то перед вами откроются все пути, вы сделаете все, что вам предначертано судьбой. И разве тогда вы не будете полностью свободны?

Трипитаке очень понравились слова Сунь У-куна, и, забыв все свои сомнения, он подстегнул коня и поспешил вперед. Въехав в горы, наши путники увидели, что места здесь необычайно суровые, изобилующие кручами.

Острые пики,
Грозные скалы,
В темных ущельях
Всюду обвалы;

В горных потоках
Игры дракона,
Хвост виден тигра
В чаше зеленой.

Вверх к небесам
Обращаются взоры:
Небо пронзили
Острые горы.

А обернешься —
В нижней долине
Воздух, как небо,
Светлый и синий.

Горы восходят
Лестницей тесной,
Падают горы
Кручей отвесной.

Смотришь — и в сердце
Вдруг удивленье:
Пиков, утесов
Нагроможденье.

Знахарь-искатель
Разных растений,
Все б устранился
Этих ступеней.

И дровосек
Пред отвесным обрывом
Вдруг отступает,
Став боязливым.

В дальнем ущелье,
На перевале,
Дикую лошадь
Люди встречали.

Мчатся архары,
Яки лавиной
С пастбищ нагорных
Сходят в долины.

Волчья свирепо
Мечется стая,
Чарам подвластна,
А не простая.

Тропы покрыты
Дикой травой,
Конь пропадает
В ней с головою.

Как без дороги
Не заблудиться!
Буде не сможем
Мы поклониться.

И вот, когда продвигаться вперед стало почти невозможно и Трипитака в нерешительности придержал коня, они вдруг увидели на зеленом склоне дровосека. И вы только взгляните, как этот дровосек был одет:

Из синего войлока шляпа
Имела затейливый вид,
И черный халат его — тоже,
Казалось, особенно шит.

И шляпа хранила от солнца,
От стужи — халат защищал;
Наточенный остро топорик
Старик, улыбаясь, держал.

С нарубленным хворостом шел он,
Вязанку неся за плечом,
И в стужу и в знойную пору
Старик не грустил ни о чем.

Был занят всегда размышленьем
И праздных он чувств не имел,
И звездных богов беспокоил
Такой необычный удел.

Доволен своею судьбою
Он был и в преклонных годах.
Какой же позор или слава
Его задержали в горах?

*

Рубя дрова в густом лесу на склоне,
Он увидел почтенного монаха,
Который путь с Востока направлял.

Тогда он тотчас прекратил работу,
Из лесу вышел быстрыми шагами
И поднялся на горный перевал.

— Почтенный монах, — крикнул он Трипитаке. — Остановитесь на минутку, я хочу вам кое-что сказать. В этих горах водятся свирепые чудовища, которые пожирают путников.

Услышав это, Трипитака задрожал от страха и едва не свалился с коня.

— Вы слышали, — обернулся он к ученикам, — что сказал дровосек. Кто из вас согласен пойти к нему и подробно расспросить обо всем?

— Не тревожьтесь, учитель, — сказал Сунь У-кун. — Я пойду и в один момент все разузнаю.

И он, широко шагая, стал подниматься в гору. Подойдя к дровосеку, он приветствовал его, как старшего брата, и стал расспрашивать. Ответив на приветствие, дровосек заинтересовался:

— Почтенный монах, что привело вас в эти горы?

— Не стану вас обманывать,— отвечал Сунь У-кун.— Мы идем из Китая в Индию за священными книгами. Видите, на коне сидит человек? Это наш учитель. Он не очень-то храбрый и как только услышал о том, что в этих горах водятся чудовища и оборотни, сразу же послал меня подробно расспросить вас об этом. Скажите, пожалуйста, какие здесь водятся демоны и оборотни и когда они стали таковыми? Только говорите прямо: сильны ли они, или же это всего-навсего птенцы желторотые? Тогда я могу послать горных духов и духов земли, чтобы они вернули их на прежнее место.

Выслушав его, дровосек поглядел на небо и громко расхохотался.

— Да ты, оказывается, сумасшедший,— сказал он.

— Отчего же сумасшедший?— удивился Сунь У-кун.— Я ведь правду говорю.

— Какая же это правда?— продолжал дровосек:— И как можешь ты говорить, что выгонишь духов.

— Что-то ты чересчур усердно расписываешь их могущество и своей глупой болтовней стараешься задержать нас. Не иначе как ты им сродни. А если не сродни, так сосед или добрый приятель.

— Ну ты, кажется, и впрямь спятил,— смеясь сказал дровосек.— Почему ты такой невежа? Я, можно сказать, из самых хороших побуждений решил предупредить вас, чтобы вы в пути были осторожнее, а ты ни с того ни с сего напустился на меня. Тут дело даже не в том, знаю я или не знаю, где водятся эти духи и оборотни, просто интересно, каким образом ты хочешь изгнать их отсюда.

— Если это небесные духи, я отошлю их к Нефритовому императору. Если земные— пусть отправляются в преисподнюю. Западные духи вернутся к Будде, а восточные— возвратятся к Лао-цзюню; северные— будут отосланы к Сюань-у*, южных прогоню к Шэнь-нуну*. Если здесь обитают духи из породы драконов, я отошлю их к владыке ада— Янь-вану. Ведь каждый из них имеет свое место, а у меня повсюду есть знакомые, которые выдадут им соответствующие бумаги, и они вмиг вылетят отсюда.

— Нет, ты действительно сошел с ума,— расхохотался дровосек.— Даже тот, кто обладает способностью передвигаться на облаках, знает колдовство, умеет изгонять нечистую силу и усмирять чертей, и то не осмелится связываться с этим злобным чудовищем.

— Откуда ты знаешь, что он злобный?— спросил Сунь У-кун.

— В шестистах ли от этой горы,— сказал дровосек,— есть гора Пиндиншань, а на этой горе— пещера, известная под названием «Цветы лотоса». Так вот, в этой пещере живут два повелителя демонов. Они рисуют кабаллистические знаки,

при помощи которых вылавливают проходящих монахов. Главная же цель их — изловить и сожрать Танского монаха. Так знай, если вы пришли не из Танской империи, то все обойдется благополучно. Если же вы имеете хоть какое-нибудь отношение к Танам, то даже не думайте продолжать свой путь.

— А мы как раз идем из Танской империи, — сказал Сунь У-кун.

— Ну, тогда вас наверняка съедят, — произнес дровосек.

— В таком случае нам повезло! — воскликнул Сунь У-кун. — Интересно только, как они будут есть нас? — спросил Сунь У-кун.

— А как бы ты хотел? — спросил дровосек.

— Если они начнут с головы, это будет одно удовольствие, — сказал Сунь У-кун. — А вот если с ног, худо нам придется.

— Не все ли равно, — удивился дровосек, — с ног они начнут или с головы.

— Да у тебя, я вижу, мало опыта, — отвечал Сунь У-кун. — Как только они откусят голову, я буду мертв. И после этого что бы со мной ни делали: пусть жарят, варят, — я не буду чувствовать. Но если они начнут с ног и будут грызть меня по кускам — вначале съедят ногу, потом дойдут до половины туловища, — это причинит мне ужасные страдания. Вот почему я и говорю, что это плохо.

— Да что ты, монах, — сказал дровосек, — разве у них есть столько времени. Как только они схватят вас, то сразу же сунут в котел, сварят и целиком сожрут.

— Ну, это еще лучше, — засмеялся Сунь У-кун. — Тут даже боли никакой не почувствуешь. Правда, душновато будет немного.

— Ты вот что, брось шутить, — сказал дровосек. — Повелитель духов всегда носит при себе пять драгоценностей и обладает огромной волшебной силой. Да если бы опорой Танского монаха был нефритовый столб, на котором держится небо, и золотые балки, подпирающие моря, то все равно человек, который решился сопровождать и охранять Танского монаха, обречен на сумасшествие.

— А сколько раз у него помутится рассудок? — спросил Сунь У-кун.

— Да раза три-четыре, — отвечал дровосек.

— Ну, это пустяки, об этом и говорить не стоит, — сказал Сунь У-кун. — У нас в год обычно раз восемьсот мутится сознание, а три-четыре раза мы даже и не заметим. Зато получим возможность следовать дальше.

О, чудесный Великий Мудрец! Он не проявил ни малейшего страха. Все его мысли были сосредоточены на том, что-

бы надлежащим образом охранять Танского монаха. Он оставил дровосека и быстро пошел назад.

— Особенно опасаться нечего, учитель,— сказал он Трипитаке.— Здесь действительно живет какой-то оборотень. Но поскольку народ в этих местах не отличается храбростью, то у них только и разговоров, что об этом оборотне. Ну, а со мной вам бояться нечего. Поехали дальше.

Слова Сунь У-куна успокоили Трипитаку, и он без всяких опасений последовал за ним. Вдруг дровосек исчез.

— Куда же скрылся дровосек, который предупреждал нас об опасности? — спросил Трипитака.

— Вот не везет, так не везет,— сказал Чжу Ба-цзе.— Среди бела дня повстречали привидение.

— Да он, наверное, ушел в лес за дровами,— сказал Сунь У-кун.— Обождите, я посмотрю.

Широко раскрыв свои огненные глаза, Великий Мудрец осмотрел все горы, однако дровосека нигде не было видно. Тут он взглянул вверх и увидел на облаке духа — стража времени. Сунь У-кун тотчас же бросился за ним на облако и, крепко выругавшись, крикнул:

— Почему ты не явился прямо ко мне? Зачем тебе понадобилось проделывать всякие штуки?

Перепуганный дух — страж времени поспешил отдать Сунь У-куну соответствующие почести и сказал:

— Великий Мудрец, я несколько запоздал. Вы уж простите меня. А что касается волшебной силы здешнего духа, то она действительно велика: он владеет искусством различных превращений, и вы можете полагаться только на свою хитрость, изворотливость и ум. Вам следует со всем усердием охранять Танского монаха. Если вы допустите хоть малейшую небрежность, вам нечего и думать о том, чтобы продолжать свой путь.

Сунь У-кун крепко запомнил все, что ему было сказано, и приказал стражу времени возвращаться обратно. Спустившись на облаке вниз, Сунь У-кун увидел, что учитель с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном продвигаются вперед.

«Если я расскажу учителю обо всем, что мне сообщил страж времени,— подумал Сунь У-кун,— он придет в отчаяние, станет плакать и делу ничем не поможет. Пословица говорит: «Когда неожиданно попадешь в омут, то поздно раздумывать, глубокий он или мелкий». Если учителя захватит волшебник, у меня прибавятся лишние хлопоты. Попробую-ка я поговорить с Чжу Ба-цзе, может быть, он первым вступит в бой с духом. И если ему удастся добиться победы, пусть эта заслуга принадлежит ему. Если же у него не хватит сил и дух одолеет его, я успею прийти на помощь и тогда проявлю все свои способности».

Однако он тут же подумал: «Боюсь только, что Чжу

Бацзе не захочет первым вступить в бой и будет всячески выкручиваться. А учитель, по обыкновению, начнет поддерживать его, даже если он и неправ. Ну, да ладно, попробую все же заставить его».

О, чудесный Мудрец! Он решил схитрить и начал так усиленно тереть глаза, что у него даже слезы показались. Увидев слезы на глазах у Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе сказал Ша-сэну:

— Послушай, бросай коромысла и доставай вещи. Мы с тобой разделим их.

— О каком дележе ты говоришь, брат? — удивился Ша-сэн.

— Разделим вещи и разойдемся по домам, — пояснил Чжу Ба-цзе. — Ты вернешься на реку Люшахэ и снова станешь оборотнем, я же возвращусь в селение Гаолаочжуан и буду как прежде жить в семье зятем. Коня мы продадим, а на вырученные деньги купим гроб и преподнесем его в знак почтения нашему учителю. В общем, нужно расходиться и оставить мысль о поездке в Индию.

— Что этот Дурень болтает? — насторожился Трипитака, услышав слова Чжу Ба-цзе. — Ведь мы спокойно идем вперед.

— Я вовсе не болтаю! — возразил Чжу Ба-цзе: — Разве вы не видите, что творится с Сунь У-куном? Он плачет! А уж если Великий Мудрец, которому открыты все ходы и выходы и на небе и под землей, которого ни топор, ни огонь, ни кипящее масло не берут, загрустил, значит, эти горы ничего хорошего не сулят и там действительно живет злой волшебник. Как же можно туда идти таким слабым людям, как мы?

— Ну, ты пока не болтай, — строго сказал Трипитака. — Сейчас я спрошу его. Сунь У-кун, что ты узнал, почему нам не скажешь, а один горюешь? То, что ты стараешься скрыть свои слезы, очень тревожит меня.

— Учитель, — отвечал Сунь У-кун, — человек, который предупредил нас сейчас об опасности, не кто иной, как страж времени. Он говорит, что здешний волшебник необычайно свиреп, а эти горы опасны и непроходимы. Лучше нам вернуться.

Эти слова привели Трипитаку в неописуемый ужас. Схватив Сунь У-куна за рукав, он сказал:

— Ученик мой, мы уже прошли половину пути. Как же можно говорить о том, чтобы возвращаться обратно?

— Я, конечно, сделаю все, что в моих силах, чтобы продолжать путь, — сказал Сунь У-кун. — Боюсь лишь одного, что духов здесь много и у меня одного не хватит сил справиться с ними. Правильно говорят: «Будь ты сделан хоть из железа, но когда тебя поместят в горн, из тебя получится всего лишь несколько гвоздей».

— Ты совершенно прав,— подтвердил Трипитака.— Одному, конечно, трудно. Даже в книге о военном искусстве говорится: «Один в поле не воин». Однако с нами идут еще Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Они ведь тоже мои ученики, и ты можешь распоряжаться ими по своему усмотрению. Надеюсь, что все вместе вы благополучно проведете меня через эти горы. А разве это не даст вам возможности вернуться к своему первоначальному чистому состоянию?

Сунь У-кун, который хитростью выудил у Трипитаки согласие, вытер слезы и сказал:

— Если вы хотите пройти через эти горы, надо, чтобы Чжу Ба-цзе выполнил два условия: тогда еще можно будет надеяться, что мы пройдем. Иначе и думать об этом нечего.

— Ну, если ты, брат, не пойдешь,— сказал Чжу Ба-цзе,— тогда нам надо расходиться. И нечего меня зря впутывать в это дело.

— Ученик мой,— молвил Трипитака,— я думаю, что вначале следовало бы спросить твоего старшего брата, чего именно он требует от тебя.

Тогда Чжу Ба-цзе обратился к Сунь У-куну:

— Дорогой брат, скажи, что я должен делать?

— Первое, что ты должен делать,— отвечал ему Сунь У-кун,— это оберегать учителя, второе — разведать дорогу.

— Оберегать учителя,— сказал Чжу Ба-цзе,— значит находиться при нем неотлучно, но, чтобы разведать дорогу, мне надо идти. Ты предлагаешь что-то совершенно невозможное: ты хочешь, чтобы я шел и в то же время сидел возле учителя. Как же я могу это сделать?

— Да я вовсе не хочу, чтобы ты выполнил и первое и второе условие,— сказал на это Сунь У-кун.— Хорошо, если ты выполнишь хоть одно.

— Что ж, в таком случае можно поговорить,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Но ты прежде объясни мне, что входит в мои обязанности? Может быть, одно из этих условий я и согласюсь выполнить.

— Когда учитель будет отправлять свои естественные потребности,— начал Сунь У-кун,— ты должен прислуживать ему; когда учитель станет собираться в путь, твой долг помочь ему сесть на коня. Если учитель захочет есть, собери подаяние и накорми его. Смотри: если только учитель хоть немного проголодается, побледнеет или похудеет, тебя будут бить.

— Нет, это трудно, очень трудно,— встревожился Чжу Ба-цзе.— Прислуживать учителю, помочь ему сесть на коня, это, пожалуй, можно. Я могу находиться при нем неотлучно и даже носить его на спине. Но вот с подаяниями дело обстоит хуже. Ведь здешний народ не знает, что я монах и иду за священными книгами. Меня могут принять за приبلудшую

свинью. Целая толпа нападет на меня с вилами и рогатиной, а потом зарежут и засолят впрок к новому году. В этом для меня нет ничего приятного.

— Ну, тогда иди разведай дорогу,— сказал Сунь У-кун.

— Что я для этого должен делать?— спросил Чжу Ба-цзе.

— Надо отправиться в горы,— сказал Сунь У-кун,— узнать, сколько живет там духов, есть ли пещеры. Зная это, мы сможем свободно пройти.

— Ну, это пустяки! Тогда я отправлюсь на разведку.

Одернув на себе одежду и вооружившись граблями, Чжу Ба-цзе храбро двинулся в горы. Глядя на него, Сунь У-кун не мог удержаться от смеха.

— Мерзкая ты обезьяна,— стал укорять его Трипитака,— почему у вас нет ни привязанности, ни жалости друг к другу? Только и знаете, что творить зло. Ты хитрый, как сайга: уговорил Чжу Ба-цзе пойти на разведку, а сам теперь насмеяешься над ним.

— Я вовсе не над ним смеюсь,— стал оправдываться Сунь У-кун.— А смеюсь потому, что Чжу Ба-цзе не будет разведывать дороги и не отважится встретиться с волшебником. Он просто-напросто укроется где-нибудь и с полдороги вернется. А нам постарается наплести что-нибудь.

— Ты думаешь, что так хорошо знаешь его?— сказал Трипитака.

— Я уверен, что именно так он и поступит,— заявил Сунь У-кун.— Если же вы сомневаетесь в этом, разрешите мне пойти за ним и посмотреть, что он будет делать. Я могу помочь ему бороться с духом и, кроме того, проверю, насколько искренне он служит Будде.

— Ну что ж, отлично!— согласился Трипитака.— Только смотри не подшучивай над ним.

Сунь У-кун обещал не делать этого и помчался вслед за Чжу Ба-цзе. На склоне холма он сделал магическое движение и тут же превратился в цикаду. Это было поистине удивительное превращение. Однако взгляните сами:

Она, паря, по воздуху плыла,
Прекрасный стан был тоньше, чем игла;
Перебираясь через тростники
Иль ползая по травке у реки,
Искала тень, что может дать цветок;
Все стрекотал веселый голосок.
Ее полет был как полет комет,
Из глаз ее всегда струился свет,
Средь насекомых — меньше всех она,
Но хитростью и ловкостью сильна,
В свободный час она стремилась в лес,
Чтоб самый след в густой траве исчез,
И даже сотни тысяч зорких глаз
Найти бы не смогли ее сейчас.

С жужжаньем Сунь У-кун полетел вперед, очень скоро нагнал Чжу Ба-цзе и примостился у него за ухом. Пройдя примерно ли восемь, Чжу Ба-цзе, ничего не подозревая, отбросил свои грабли и, обернувшись в сторону Танского монаха, начал, ожесточенно жестикулируя, ругать его.

— Тряпка ты, а не монах! — кричал он. — И этот негодник конюх, да и никчемный Ша-сэн тоже. Все они там идут и горя не знают. А меня, видите ли, послали разведать дорогу. Ведь все мы идем за священными книгами в надежде на возвращение к своей первоначальной чистой природе, а вот дорогу разведывать посылают одного меня. Ха-ха-ха! — расхохотался он. — Узнали, что тут живет волшебник, так надо бы пробраться тайком. Сейчас еще ничего не произошло, а они решили послать меня на поиски. Что за несчастная у меня судьба. Ладно! Где бы это мне пристроиться поспать? Сосну немного и вернусь. Уж как-нибудь выкручусь. Скажу, что осмотрел горы, — и делу конец.

Довольный пришедшей ему в голову мыслью, Дурень подхватил грабли и пошел дальше. Вскоре он увидел ложбину, походившую на залив и покрытую красной травой. Он сразу же бросился туда и, подложив под себя грабли, повалился на землю.

— Недурно я устроился, — сказал он потягиваясь, — даже сам бимавэнь вряд ли чувствует себя сейчас так хорошо, как я.

Сунь У-кун слышал все от слова до слова и, не в силах сдержатъ своего возмущения, взлетел вверх и решил сыграть с Чжу Ба-цзе штуку. Он встряхнулся всем телом и сразу же превратился в дятла.

Клюв заостренный, железный,
Крылья сизые легки,
И пронзают, словно гвозди,
Уцепившись, коготки.

Если голод подкрадется,
Не помеха — тишина,
Ведь гнилая древесина,
Словно лакомство, вкусна.

Он стволов звенящих, крепких
Не любил и избегал;
Куцый хвост и глаз лукавый
Эту птицу отмечал.

Треск по лесу раздавался,
Отзывался каждый сук,
Был для слуха неприятен
Этот дробный перестук.

Дятел был не велик и не мал и весил не более двух лян¹. У него был клюв крепкий, как красная медь, и черные, как

¹ Лян — мера веса, равная 37,2 грамма.

железо, лапы. Взмахнув крыльями, дятел слетел с дерева прямо на Дурня. Но тот уже спал. Тогда Сунь У-кун опустил ся и клюнул его в губу. Дурень сразу же вскочил и, не понимая, что случилось, заорал:

— Духи, духи! Они укололи меня пикой! Ох, как больно! Он потрогал рукой губу и почувствовал, что идет кровь.

— Вот несчастье! — сказал он. — Ничего радостного у меня не произошло, а рот почему-то красный¹. — Он посмотрел на свою выпачканную кровью руку и, бормоча что-то себе под нос, начал озираться по сторонам, но нигде ничего подозрительного не заметил. — Кто же мог кольнуть меня пикой? — удивился он.

Вдруг он посмотрел вверх и увидел дятла.

— Будь ты проклят! — зло выругался Чжу Ба-цзе. — Там бимавэнь не дает мне покою, тут ты пристаешь. А, теперь я понял, в чем дело. Дятел принял мою морду за ветку высохшего дерева, рассчитывая под корой найти жучков и полакомиться. Вот он и клюнул меня. Попробую-ка я спрятать лицо.

Тут Дурень снова повалился на землю и заснул. Тогда Сунь У-кун снова слетел вниз и клюнул Чжу Ба-цзе в ухо.

— Вот проклятый! — завопил Чжу Ба-цзе, испуганно вскочив на ноги. — Никак не хочет оставить меня в покое! Наверное, тут где-нибудь его гнездо и дятел боится, что я разорю его, — вот он и пристаёт ко мне. Ну ладно. Не буду спать здесь.

Сказав это, он взял свои грабли, спустился с холма и, выйдя на тропинку, пошел дальше. Глядя на него, Сунь У-кун так и покатывался со смеху.

«Вот дубина, — думал он. — Глазищи здоровые, а своего человека узнать не может».

Наш чудесный Мудрец встряхнулся, превратился в цикаду и снова устроился за ухом у Чжу Ба-цзе. А тот, углубившись в горы и пройдя еще пять ли, увидел перед собой ущелье, в котором стояли три гранитных квадратных глыбы, каждая величиной со стол. Опустив грабли, Чжу Ба-цзе встал перед ними и громко приветствовал.

«Ну и Дурень, — рассмеялся про себя Сунь У-кун. — Зачем он приветствует камни? Ведь они и говорить не умеют, и на приветствие не ответят. Чжу Ба-цзе, кажется, совсем одурел».

А у Дурня была своя мысль. Он решил прорепетировать, как будет вести себя по возвращении, и вообразил, что перед ним Трипитака, Ша-сэн и Сунь У-кун.

¹ Красный цвет — цвет радости.

— Когда я вернусь и встречу с учителем,— сказал он, обращаясь к камням,— и меня спросят, живет ли в этих краях волшебник, я скажу, что живет. Тогда они захотят узнать, что это за горы. Сказать, что эти горы вылеплены из глины, сделаны из земли, отлиты из олова, выплавлены из меди, выпечены из муки, склеены из бумаги и нарисованы кистью, нельзя, так как они будут считать меня еще бóльшим дурнем. Скажу лучше, что горы эти — каменные. Если спросят про пещеру, скажу, что она тоже каменная, а ворота обиты железом. Когда же меня спросят, где эта пещера, скажу, что надо пройти три перевала. Таким образом они поверят, что я тщательно все осмотрел. Если же они начнут интересоваться всякими мелочами: ну, спросят, например, сколько в ворота вбито гвоздей, я отвечу, что очень спешил и всего не запомнил. Вот все, что я им скажу. Ну, а теперь можно идти. Здорово я проведу этого бимавэня!

Радуясь тому, как ловко он все придумал, Дурень, волоча за собой грабли, пустился в обратный путь. Ему, конечно, и в голову не приходило, что сидевший у него за ухом Сунь У-кун все слышал. Как только Чжу Ба-цзе повернул обратно, он расправил крылья и полетел. Прибыл он раньше Чжу Ба-цзе и, приняв свой прежний вид, поклоном приветствовал Трипитаку.

— Ты уже вернулся? — сказал, увидев его, Трипитака, — а где же Чжу Ба-цзе?

— Он все придумывает, как бы провести вас,— отвечал смеясь Сунь У-кун.— Сейчас он тоже вернется.

— Его уши прикрывают ему глаза,— сказал Трипитака,— человек он недалекий. Где уж ему обманывать других. А вот ты наверное придумал какую-нибудь дьявольскую штучку, чтобы снова подвести его.

— Вот вы всегда так, учитель,— сказал Сунь У-кун.— Только и знаете, что покрывать его дурные наклонности. А ведь он заранее придумал, что скажет вам.— И Сунь У-кун рассказал все как было: о том, как Дурень завалился в траву поспать, как его клюнул дятел, как он, кланяясь камням, придумал историю о каменной горе, каменной пещере и воротах, обитых железом, а также, что здесь водятся духи.

Не успел Сунь У-кун договорить, как появился Чжу Ба-цзе. Опасаясь, как бы не забыть, что сказать, Дурень шел, опустив голову, все время повторяя придуманный заранее рассказ.

— Эй ты, Дурень! Что ты там бормочешь?! — крикнул Сунь У-кун.

Тут Чжу Ба-цзе поднял уши и, взглянув на своих спутников, сказал:

— Ну, кажется, я благополучно вернулся домой.— С этими словами он опустился перед Трипитакой на колени.

— Тебе, наверное, пришлось перенести немало трудностей, ученик мой,— молвил Трипитака, помогая ему подняться.

— Вы не ошиблись, учитель,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Тяжело приходится путникам, которые ходят по горам.

— Ну, а духи там есть?— спросил Трипитака.

— Есть,— отвечал Чжу Ба-цзе,— там их целая куча.

— Как же они тебя отпустили?— удивился Трипитака.

— Они даже называли меня своим предком, почтенным тестем,— сказал Чжу Ба-цзе.— Угощали супом из рисовой муки и постной пищей. А когда я поел, сказали, что проводят нас через горы, со знаменами и с барабанным боем.

— Не иначе как ты видел все это во сне,— перебил его Сунь У-кун.

Услышав это, Чжу Ба-цзе так перепугался, что стал даже казаться меньше ростом.

— Отец мой,— воскликнул он,— да откуда он знает, что я спал?

Тут Сунь У-кун подошел к Чжу Ба-цзе и сказал:

— Ну-ка, иди сюда и отвечай на мои вопросы.

Дурень еще больше перепугался и, весь дрожа, пролепетал:

— Пожалуйста, спрашивай. Но зачем хватать меня?

— Какие там горы?— спросил Сунь У-кун.

— Каменные,— отвечал Чжу Ба-цзе.

— А пещера какая?— продолжал Сунь У-кун.

— Тоже каменная.

— А ворота?— не унимался Сунь У-кун.

— Ворота обиты железом,— последовал ответ.

— А далеко это отсюда?

— Да три перевала надо пройти.

— Ну ладно, хватит, остальное я хорошо помню. Боюсь, что учитель тебе не поверит, лучше я скажу это вместо тебя.

— Эх ты, рожа!— закричал Чжу Ба-цзе.— Ведь ты никуда не ходил, что же ты знаешь и как можешь за меня говорить?

— А сколько гвоздей в воротах?— продолжал Сунь У-кун.— Скажу им, что я очень торопился и всего запомнить не мог. Ну что, правильно я говорю?

Эти слова повергли Дурня в полное смятение, и он повалился на землю.

— Ты даже приветствовал камни, разговаривал с ними, воображая, что это мы. Может быть, я неправду говорю?— продолжал Сунь У-кун.— А еще ты сказал: «Составлю-ка я сейчас план, как надуть их всех, а главное этого бимавэня».

Дурень ничего не мог сказать и продолжал отбивать земные поклоны.

— Дорогой брат,— говорил он,— неужели ты следовал за мной все время, пока я ходил разведывать дорогу?

— Я вот тебя, дубина стоеросовая!— закричал Сунь У-кун.— Здесь такое опасное место, тебя послали в горы на разведку, а ты решил отсыпаться. Если бы тебя не разбудил там дятел, ты все еще продолжал бы спать. А после того как он клюнул тебя, ты начал придумывать, как бы получше соврать. Ты совершил тяжкое преступление. Протягивай сейчас же свои поганые лапы, я всыплю тебе пять ударов, чтобы ты крепко запомнил все.

— Твой смертоносный посох слишком тяжел,— сказал Чжу Ба-цзе.— Стоит только притронуться им— и лопнет кожа, а уж если потянуть им, то жилы разорвутся. Если ты раз пять ударишь своим посохом, от меня одно воспоминание останется.

— Если боишься наказания, зачем врал?— сказал Сунь У-кун.

— Дорогой брат,— взмолился Чжу Ба-цзе,— никогда больше этого не будет.

— Ну, ладно,— смягчился Сунь У-кун.— Но три удара тебе все же полагаются.

— Отец родной,— продолжал молить Чжу Ба-цзе,— да я ведь и половины удара не вынесу.

Окончательно растерявшись, он схватил за одежду Три-питаку.

— Учитель,— умолял он,— замолвите за меня словечко.

— Когда Сунь У-кун сказал мне, что ты собираешься обмануть нас, я ему не поверил. Но теперь вижу, что он был прав. А раз так, то ты заслужил наказание. Беда лишь в том, что людей у нас останется мало. Вот что, Сунь У-кун, ты пока повремени. А когда перевалим через горы, накажешь его по заслугам.

— Ладно,— согласился Сунь У-кун.— Еще в древности говорили: «Слушайся отца и мать и будешь считаться почтительным сыном». Раз учитель не велит сейчас наказывать тебя, я повинуюсь. Но ты должен снова пойти в горы на разведку, однако смотри, если ты еще раз поступишь нечестно и попробуешь обмануть нас, тогда пощады для себя не жди.

Дурню не оставалось ничего другого, как отправиться в путь. Он храбро ринулся на большую дорогу. Но теперь на душе у него было очень беспокойно. Ему все казалось, что за ним по пятам, приняв другой вид, следует Сунь У-кун. Поэтому всякий встречающийся на пути предмет он принимал за Сунь У-куна. И вот, пройдя ли восемь, он встретил тигра, который бежал прямо к нему с горы, но он не испугался, так как и его принял за Сунь У-куна.

— Дорогой брат! — сказал он, взмахнув граблями. — Опять ты пришел подслушивать. Теперь уж я не буду больше врать.

Он прошел еще немного. И вдруг подул сильный ветер, раздался треск и перед самым носом Чжу Ба-цзе повалилось старое засохшее дерево.

Вздрыгнув от страха и колотя себя кулаком в грудь, Чжу Ба-цзе крикнул:

— Дорогой брат! Ну что ты вытворяешь! Говорю же я тебе, что больше обманывать не буду, зачем же ты превращаешься в какое-то дерево?

Пройдя еще немного, он увидел ворона с белой шеей, который несколько раз подряд прокричал у него над головой.

— Дорогой брат, — снова сказал Чжу Ба-цзе, — ну как тебе не стыдно! Раз я сказал, что не буду обманывать, значит, не буду. Зачем же ты превратился в ворона и пришел подслушивать?

А надо вам сказать, что на этот раз Сунь У-кун даже не думал следовать за Чжу Ба-цзе. И тот лишь сам нагонял на себя разные страхи и во всем пытался увидеть Сунь У-куна. Однако оставим пока Чжу Ба-цзе с его страхами и поговорим о другом.

Горы, которые сейчас встретились паломникам, назывались Пиндиншань, а пещера носила название пещеры Цветов лотоса. В этой пещере обитали два духа-оборотня: Золоторогий князь и князь с Серебряными рогами. В этот момент они как раз сидели в пещере и вели беседу.

— Брат, — сказал Золоторогий князь, — сколько времени мы уже не проверяли горы?

— Да пожалуй с полмесяца, — отвечал князь с Серебряными рогами.

— Ты бы пошел сегодня, брат, проверил за меня, — сказал Золоторогий.

— А почему именно сегодня? — спросил другой.

— Ты, видимо, не знаешь, — сказал Золоторогий. — Недавно я услышал о том, что из Китая на Запад следует побратим императора, Танский монах; он идет поклониться Будде. Вместе с ним идут три его ученика: Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. У них есть еще конь. Пойди посмотри, где они сейчас, и постарайся поймать их.

— Если нам захочется полакомиться человеческим мясом, мы можем поймать человека в любом месте, — сказал князь с Серебряными рогами. — Зачем нам этот монах? Пусть идет своей дорогой.

— Ничего ты, видно, не понимаешь, — произнес Золоторогий. — Когда я покидал небо, то много слышал об этом Танском монахе. Это не кто иной, как перевоплотившийся старец Цзинь-чан*, сошедший на землю. Он святой

человек, в течение десяти поколений он занимался самосовершенствованием. И ни в малейшей степени не растратил первозданного положительного начала. Тот, кто поест его мяса, обретет бессмертие.

— Ну, в таком случае,— сказал князь с Серебряными рогами,— нам не для чего заниматься созерцанием, творить добрые дела, затрачивать усилия для приведения в гармонию положительного и отрицательного, мужского и женского начал природы. Сейчас я отправлюсь в горы. Мы, конечно, должны поймать его.

— Уж больно ты горяч, брат,— сказал Золоторогий.— Не спеши и постарайся как следует разобраться в этом деле. Если ты вместо Танского монаха приведешь сюда кого-нибудь другого, тебе самому будет стыдно. Я помню, каков из себя Танский монах. Сейчас я нарисую его и его учеников, и ты захвати рисунки с собой. А там сравнишь и увидишь, Танский это монах или нет. — Он назвал имя и фамилию всех путников. Хорошо запомнив все и взяв с собой рисунки, князь с Серебряными рогами вышел из пещеры и, захватив с собой примерно тридцать подчиненных, отправился дозором по горам.

И вот несчастный Чжу Ба-цзе, с трудом пробираясь вперед, встретил целую толпу духов, преградивших ему дорогу.

— Эй, что ты за человек? — окликнули они его.

Дурень поднял голову, наострил уши и тут увидел, что перед ним духи: Придя в замешательство, он подумал: «Если я скажу им, что я монах и иду за священными книгами, они непременно схватят меня и уведут к себе. Скажу лучше, что я путник». Духи доложили об этом своему начальнику. Однако среди тридцати духов были такие, которые хорошо разбирались в делах. И вот один из них сказал:

— Начальник, а ведь этот монах похож на Чжу Ба-цзе.— И дух велел показать изображение.

Увидев рисунок, Чжу Ба-цзе окончательно растерялся и сказал:

— Не удивительно, что я все время ощущал какую-то слабость. Оказывается, они вызвали мою душу, чтобы передать мое изображение.

Один из подчиненных духов пикой подправил рисунок, а князь с Серебряными рогами, указывая на рисунок, сказал:

— Вот этот, на белом коне,— Танский монах. Тот, у которого лицо обросло шерстью,— Сунь У-кун.

— О небо! — взмолился Чжу Ба-цзе.— Хоть бы меня там не было. Я принесу тебе в жертву трех жертвенных животных* и двадцать четыре фэня вина,— бормотал он, принося обет.

— Вон тот, черный, с длинным лицом — Ша-сэн, а этот, с длинной мордой и большими ушами,— Чжу Ба-цзе.

Услышав свое имя, перепуганный Чжу Ба-цзе втянул голову в плечи.

— Ну-ка, монах, покажи свою морду,— приказал дух.

— Я отроду такой,— отвечал Чжу Ба-цзе.

Тогда дух приказал своим подчиненным взять крюк и вытянуть голову Чжу Ба-цзе. Тут Чжу Ба-цзе уже не на шутку переполошился и, вытягивая голову, сказал:

— Ну, мое это изображение, и ладно. Вот я! Если хотите посмотреть, смотрите, зачем же крюк?

Убедившись, что перед ним Чжу Ба-цзе, дух выхватил меч и взмахнул им. Однако Дурень успел защититься своими граблями и сказал:

— Сынок! Не будь невеждой! Ну-ка, познакомься с моими граблями!

— Этот монах лишь недавно принял постриг,— смеясь сказал волшебник.

— Сынок! — снова крикнул Чжу Ба-цзе.— А откуда это тебе известно?

— Раз ты орудуешь такими граблями,— сказал дух,— значит, ты работал на огородах и в поле. А потом украл эти грабли.

— Где уж тебе знать, щенок, что у меня за грабли? — рассердился Чжу Ба-цзе.— Разве можно сравнить их с обыкновенными граблями!

Огромные зубья похожи на когти дракона,
Остры, как у тигра, сверкают золотою резьбою,
Встречаясь с достойным противником, вихрь поднимают
И, с равным встречаясь, огнем раскаляются боя.

Сметая преграды, ловя чародеев-злодеев,
Те грабли в пути защищают святого монаха,
Движением тьму вызывают, рождая туманы:
И звезды и солнце скрываются в тучах от страха.

Ударят Тайшаньскую гору — пугаются тигры,
Моря взбаламутят — и в ужас приходят драконы,
Пускай ты владеешь немалой волшебною силой,
Но девятикратно проколот, падешь, пораженный.

Однако дух ничуть не испугался и, прекратив перебранку, выхватил свой семизвездный меч и начал биться с Чжу Ба-цзе. И вот на горе между ними разгорелась битва. Уже раз двадцать схватывались противники, однако все еще нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Чжу Ба-цзе рас- свирепел и бился не на жизнь, а на смерть. А дух, глядя на Чжу Ба-цзе, который грозно поднял уши, брызгал слюной, размахивал граблями и что-то выкрикивал, немного струсил и сделал знак остальным духам ринуться в бой.

Сражаясь с волшебником один на один, Чжу Ба-цзе еще держался. Но когда в бой ринулись остальные духи, он

растерялся, потерял способность отражать удары и, чувствуя, что терпит поражение, бежал с поля боя. Но тут с ним произошла беда. Дорога была неровная, а бежал он опрометью, запутался в зарослях и упал.

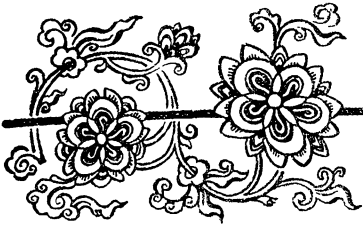
С трудом поднявшись, он хотел бежать дальше, но один из духов сбил его с ног, и Чжу Ба-цзе снова полетел кубарем. Тут на него навалилась толпа духов: один схватил его за щетину, другой — за уши, кто тащил за ноги, кто за хвост, и все вместе уволокли его в пещеру.

И, увы! Поистине можно сказать:

И с одним нечистым духом
Трудно справиться в напасти,
Как же трудно пересилить
Сразу тысячу несчастий!

О дальнейшей судьбе Чжу Ба-цзе вы узнаете из следующей главы.





ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

повествующая о том, как последователи ложного учения ввели в заблуждение Танского монаха и как высшие небесные силы помогли паломникам избавиться от гибели

Итак, дух доставил Чжу Ба-цзе в пещеру.

— Дорогой брат! Одного поймали!— сказал он своему начальнику.

— Тащите его сюда, я посмотрю,— отвечал тот,

— Да вот он, видите?

— На сей раз ты ошибся, дорогой брат,— молвил старший дух.— От этого монаха никакого толку не будет.

— Господин,— сказал, осмелев, Чжу Ба-цзе.— Раз я никуда не гожусь, отпустите меня. Ведь я не человек!

— Зачем его отпускать?— возразил второй дух.— Польза от него хоть и невелика, но все же он ученик Танского монаха. Зовут его Чжу Ба-цзе. Давайте разденем его, посадим в пруд, а потом очистим от шерсти и приготовим из него закуски. Когда же наступит пасмурная погода, мы будем попивать вино и закусывать им.

«Ну, теперь все пропало!— решил Чжу Ба-цзе.— Пойду на закуску чертям!»

Мы не будем подробно рассказывать о том, как духи потащили Чжу Ба-цзе к пруду и бросили его в воду.

Вернемся сейчас к Трипитаке. Он сидел на склоне холма, и на душе у него было очень тревожно. Уши у него горели, глаза беспокойно бегали.

— Сунь У-кун,— сказал он наконец,— что же это Чжу Ба-цзе так долго не возвращается?

— Вы до сих пор не знаете, что это за существо,— сказал Сунь У-кун.

— Что же он за существо? Расскажи.

— Если бы в этих горах были какие-нибудь духи, он и шагу не сделал бы, а изобразил бы из себя героя и прибежал к нам с какими-нибудь новостями. Видимо, никаких духов здесь нет, и он идет спокойно вперед.

— Где же мы встретимся? — забеспокоился Трипитака. — Ведь здесь кругом горы, глушь. Это не город, не селение.

— Не беспокойтесь, учитель, — сказал Сунь У-кун. — Садитесь, пожалуйста, на коня. Дурень ленив и, конечно, не мог уйти далеко. Подстегните коня, и мы скоро догоним его, а там пойдем все вместе.

Трипитака послушался Сунь У-куна и сел на коня, Ша-Сэн взял вещи, а Сунь У-кун, как всегда, отправился впереди.

Между тем старый дух сказал своему верному помощнику:

— Раз тебе удалось поймать Чжу Ба-цзе, значит, где-то здесь должен быть Танский монах. Сходи еще раз и поищи как следует. Только смотри непусти его.

— Я мигом, — отвечал тот и, взяв с собой пятьдесят духов, отправился в горы...

Идя по дороге, он вдруг заметил радужные облака и почувствовал, что воздух напоен чудесным ароматом,

— Танский монах здесь, — сказал дух.

— Где же он? — спросили остальные духи.

— Когда приближается безгрешный человек, появляется радужное сияние, когда скверный — воздух наполняется зловонием. А Танский монах — человек весьма почтенный, он — небожитель, сошедший на землю. Целых десять поколений он совершенствовал себя, и Танский император сделал его своим приближенным.

Однако остальные духи ничего не видели.

— А вот и он, — указывая на облака, сказал дух.

И как только он поднял руку, Трипитаку пробрала дрожь. Затем дух еще раз показал на него, и Трипитака снова задрожал. Так было три раза. Чувствуя в душе смутное беспокойство, Трипитака сказал:

— Ученики мои! Что это меня все время в дрожь бросает?

— Видимо, у вас желудок не в порядке, — сказал Ша-сэн. — Вот от этого и в дрожь бросает.

— Глупости ты говоришь, — сказал Сунь У-кун. — Просто мы зашли в дикие горы, и учитель слегка беспокоится. Ничего не бойтесь. Я со своим посохом пойду вперед и буду защищать вас.

И наш чудесный Сунь У-кун взмахнул своим посохом. Три раза он поднял его вверх, четыре раза опустил вниз,

пять раз взмахнул им влево и шесть раз вправо. Прodelьваемые им движения полностью соответствовали древним военным уставам и были до того совершенны и необычны, что наблюдавший все это Трипитака был поражен. Такое редко встретишь даже в войске больших государств. Дух, который видел все это с горы, был до того напуган, что у него душа ушла в пятки, и он едва слышно пролепетал:

— Я давно уже слышал о Сунь У-куне, но только сейчас мне удалось убедиться в том, что не зря о нем идет такая слава.

— Господин наш,— обступив своего повелителя, молвили духи.— С какой стати вы превозносите достоинства других и умаляете свои собственные?

— Волшебная сила Сунь У-куна необъятна,— отвечал старший дух.— Поэтому отведать мяса этого монаха нам не удастся.

— Раз вы не можете одолеть его,— отвечали духи своему начальнику,— давайте отправим посланцев к нашему повелителю с просьбой прислать сюда все наши силы; тогда мы вместе нападём на Сунь У-куна и заставим его сдаться.

— Вы, что же, не видите, что против его посоха не устоит и многотысячное войско,— сказал им повелитель.— А у нас в пещере наберется не больше пятисот воинов. Разве с такими силами мы справимся с ним?

— Ну, в таком случае нам действительно нечего думать о том, чтобы отведать Танского монаха. Да и этого Чжу Бацзе держать здесь нет смысла, надо его сейчас же освободить.

— Захватить мы его захватили, а вот как освободить будем? — спросил старший дух.— Как бы там ни было, Танского монаха нам непременно надо отведать, однако сейчас это невозможно.

— Что же, будем ждать еще несколько лет? — спросили младшие духи.

— Зачем тратить так много времени? — отвечал начальник.— Танского монаха можно заполучить лишь хитростью, а не силой. Если же мы будем надеяться на одну только силу, нам не то что отведать, а и понюхать мяса этого монаха не удастся. Надо тронуть его сердце. Только таким путем мы сможем захватить его.

— А наша помощь понадобится? — спросили младшие духи.

— Нет,— отвечал начальник.— Возвращайтесь обратно, только ни слова не говорите вашему повелителю, иначе сорвете все мои планы. Я знаю один способ, с помощью которого можно захватить Танского монаха.

Младшие духи удалились, а старший дух спрыгнул с горы и, встряхнувшись, превратился в странствующего даоса. Его платье вполне соответствовало его внешнему виду.

Был в даосскую одежду,
С пестрым поясом, одет;
Шапка в искрящихся звездах
Источала яркий свет.

Старец облачные туфли
Из волокон пальм носил,
И о том, что он отшельник,
Взор смиренный говорил.

Так, искусно притворившись
И принявши ложный вид,
Он личиной лицемерья
Был старательно укрыт.

Чувства ложные пытался
Выдавать он за свои,
И, казалось, был монахом,
Преисполненным любви.

И вот, превратившись в даоса, дух споткнулся прямо у дороги и упал. Из ушибленной ноги потекла кровь, и он застонал, призывая на помощь: «Помогите! помогите!»

А Трипитака тем временем, в сопровождении Великого Мудреца и Ша-сэна, спокойно продвигался вперед. Вдруг он услышал, что кто-то зовет на помощь.

— Боже милостивый! — удивленно воскликнул Трипитака. — Кто может звать на помощь в такой глуши? Здесь человеческого жилья нигде не найдешь. Видно, кого-то поранил дикий зверь. — И, подстегнув коня, Трипитака поехал вперед и крикнул: — Кто зовет на помощь, выходи!

Тогда дух выполз из травы и стал отбивать перед Трипитакой земные поклоны. Трипитака почувствовал себя очень неловко: перед ним был даос почтенного возраста. Поспешно сойдя с коня, Трипитака подошел к даосу и, поднимая его, сказал:

— Встаньте, пожалуйста!

— Больно, ох как больно! — стонал дух.

Трипитака отпустил его руку и увидел у него на ноге кровь.

— Вы откуда пришли, учитель, и почему у вас на ноге кровь?

Тут дух пустил в ход все свое красноречие.

— Учитель, к западу от этой горы расположен монастырь, оттуда я и пришел.

— Раз ты монах, почему ты не сидишь на месте, не чи-

таешь священные книги, не возжигаешь благовоний, а бродишь здесь без дела? — спросил Трипитака.

— Видите ли, — отвечал дух, — позавчера игумен, который живет к югу от этой горы, пригласил нас, монахов, к себе в монастырь, где собирался совершить моление об избавлении нас от бедствий и ниспослании счастья. Возвращались мы оттуда поздно вечером вместе с моим учеником. Дойдя до самого глухого места, мы повстречали огромного пятнистого тигра, который утащил моего ученика. Я же от страха бежал куда глаза глядят и, споткнувшись о камень, поранил ногу. О возвращении домой нечего было и думать. И вот сейчас словно само небо послало вас сюда. Умоляю вас, учитель, явите ваше великое милосердие и спасите меня. Как только мы доберемся до монастыря, я совершу жертвоприношение и отблагодарю вас за ваши милости.

— Учитель, — отвечал ему Трипитака, приняв все сказанное духом за истину. — Мы оба с вами монахи, только я — буддийский, а вы — даосский. И хоть платье у нас различно, однако принципы, которые мы проповедуем, одинаковы. Если бы я не оказал вам помощи, то не имел бы права называться монахом. Не знаю только, что делать, ведь вы не можете двигаться.

— Не то что двигаться, я встать не могу, — пожаловался дух.

— Ну ладно, — отвечал Трипитака. — Я пойду пешком, а вы садитесь на коня.

— Премного благодарен вам, учитель, за вашу доброту ко мне, но я даже на коня не в состоянии сесть.

— А я и не подумал об этом, — сказал Трипитака. — Ша-сэн! Положи вещи на коня, а сам понеси этого почтенного монаха до монастыря.

— Ладно, — согласился Ша-сэн, — понесу.

Но дух быстро обернулся к Ша-сэну и окинул его взглядом.

— Учитель, — сказал он, — тигр напугал меня до смерти, а этот монах еще страшнее. Я боюсь его.

— Неси тогда ты, — сказал Трипитака Сунь У-куну.

— Хорошо, — сразу же согласился тот.

Дух уселся Сунь У-куну на спину и удобно там устроился.

«Вот глупый даос, — усмехнулся про себя Ша-сэн, — не хочет, чтобы я его нес, а предпочитает Сунь У-куна. Вот погоди, отойдет он немного, так, чтобы учитель его не видел, трахнет тебя о камни, так ты и костей не соберешь».

«Подлая тварь, — думал в это время Сунь У-кун, тоже улыбаясь. — Как только ты осмеливаешься дразнить меня. Лучше бы поинтересовался, сколько мне лет. Своими дьяволь-

скими речами ты можешь морочить Танского монаха, а меня не обманешь. Я отлично знаю, что ты — дух здешних гор и что вы задумали съесть нашего учителя. Но наш учитель не обыкновенный человек, не так просто его съесть. Уж если вы решили полакомиться его мясом, то львиная доля должна достаться мне».

Между тем услышав, что Сунь У-кун что-то бормочет себе под нос, дух сказал:

— Учитель, я не дух какой-нибудь, я родился в хорошей семье, а потом стал даосским монахом. И вот теперь, на свою беду, повстречался с тигром.

— Если ты боишься зверей, почему не читаешь псалмы Северной звезды? — спросил Сунь У-кун.

Трипитака, который в этот момент как раз сидел на коня, услышал их разговор.

— Скверная ты обезьяна! — прикрикнул он на Сунь У-куна. — Ты что, забыл поговорку о том, что спасти жизнь одного человека ценнее, чем построить высокую пагоду. Твое дело нести его — и все. Нечего болтать о каких-то там псалмах!

— Да ведь врет он все, — сказал Сунь У-кун. — Будь моя воля, я ни за что не понес бы тебя, боюсь только, что учитель рассердится, он — человек высокой добродетели и милосердия, хотя иногда и совершает какие-то странные поступки. Хорошо, я понесу тебя, но смотри. Если захочешь справиться нужду, сразу же скажи мне. Не вздумай делать это у меня на спине. Одежду стирать здесь некому.

— Я человек старый, — отвечал дух, — и сам прекрасно все понимаю.

Итак Сунь У-кун, неся духа на спине, вместе со всеми продолжал свой путь. Они то спускались с горы, то снова подымались. Сунь У-кун все время нарочно замедлял шаг, стараясь пропустить учителя вперед. И вот, когда они прошли примерно около пяти ли и Трипитака с Ша-сэном скрылись в долине, в сердце Сунь У-куна начала закипать злость.

«Учитель — человек почтенного возраста, а ни в чем не разбирается. Когда отправляешься в такой дальний путь, даже собственные руки кажутся тяжелыми и ты рад бы избавиться от них, а тут еще тащи на себе этого дьявола. Да будь он не дьявол, а самый порядочный человек и то в мои годы нести его просто наказание. Прикончу его и дело с концом».

А надо сказать вам, что каждая мысль Сунь У-куна тут же становилась известной духу. Этот дух обладал волшебной силой, передвигающей горы. И вот, сидя на спине у Сунь У-куна, он произнес заклинание, и в воздухе моментально выросла гора Сумеру, которая, опустившись на Сунь У-куна,

придавила его. Однако Великий Мудрец подвигал головой и легко сдвинул гору на левое плечо.

— Эх ты, сынок,— сказал он смеясь,— решил придавить меня. Да я ничуть этого не боюсь. Для меня твоя гора все равно, что коромысло. Коромысло и то тяжелее.

«Одной горы, видимо, мало»,— подумал дух и тут же снова произнес заклинание. На этот раз в воздухе выросла гора Эмэй* и тоже опустилась на Сунь У-куна. Но Сунь У-кун снова пошевелил головой и сдвинул гору на правое плечо. После этого он выпрыгнул из расщелины и как метеор помчался вслед за своим учителем.

Все это так сильно напугало духа, что он даже вспотел. И вот, чтобы исправить положение, он снова произнес заклинание, поднял гору Тайшань* и придавил ею Сунь У-куна. В этот момент Сунь У-кун совсем обессилел и, когда дух опустился на его голову гору Тайшань, все его три души* громко застонали, из семи отверстий* полилась кровь.

А наш чудесный дух на облаке помчался догонять Трипитаку и, протянув руки с высоты, сразу же поймал его. Ша-сэн от неожиданности выронил вещи, но тут же, схватив свой посох, покоряющий демонов, бросился на духа. Тогда дух выхватил семизвездный меч, и между ними разгорелся ожесточенный бой.

Меч семизвездный и посох
От бешеной силы вращения
Свет испускали слепящий
На страшное поле сраженья.

Смерти владыкой казался
Боец круглоглазый и злобный,
Железнодорожный — другой,
По виду придворным подобный.

Первый хотел, захватив,
Уничтожить святого монаха;
Встав на защиту, другой
За наставника бился без страха.

На небе оба покрыли
Туманом и дымом чертоги,
Землю взрывая в борьбе,
Затемнили созвездий дороги.

Так они бились весь день.
Даже солнце от пыли тускнело,
Все непрогляднее мрак
Нависал над вселенною целой.

Девягь уж минуло схваток;
В бою — никакой перемены,
Но на десятой пришло
Пораженье монаха Ша-сэна.

Дух был разъярен и, когда вращал своим мечом, казалось, будто в воздухе летают метеоры. Ша-сэн совсем ослаб и не в силах был больше сопротивляться. Он хотел было бежать, но дух успел прижать его мечом и зажал под левую подмышку. Правой рукой он схватил Трипитаку, а ногами подцепил его вещи. Затем он раскрыл свою пасть и зубами схватил за гриву коня. Так он и примчался к пещере Цветов лотоса.

— Дорогой брат! — крикнул он громовым голосом. — Я притащил монахов!

— Давай их сюда, — обрадованно крикнул начальник, — я посмотрю!

— Ну как, нравятся они тебе? — спросил второй дух.

— Дорогой брат, — отвечал начальник, — снова ты поступил неправильно.

— Ты же сам говорил, что нужно поймать Танского монаха.

— Совершенно верно, — отвечал начальник. — Однако надо было поймать еще Сунь У-куна: только в этом случае мы могли бы отведать мяса Танского монаха. Иначе нечего об этом и думать. Царь обезьян обладает огромной волшебной силой, а также искусством многих превращений, и, если мы съедем его учителя, он, конечно, не простит этого нам. Он явится сюда и учинит здесь такое, что мы навсегда забудем о спокойной жизни.

— Ты, дорогой брат, очень любишь хвалить других. Если послушать тебя, выходит, что таких, как он, даже на небе мало, а на земле их и вовсе не найдешь. А, по-моему, сейчас он уже ничего не может сделать.

— Ну, в таком случае нам очень повезло, — выслушав его, отвечал начальник. — Давайте сюда монаха! На этот раз мы полакомимся. Тащите вина! И поднесите бокал вашему начальнику за его заслуги!

— Дорогой брат, — сказал тут второй дух, — прежде чем пить вино, прикажи выловить Чжу Ба-цзе из пруда.

И они отдали распоряжение подвесить Чжу Ба-цзе на восточной террасе. Ша-сэна подвесили на западной террасе, а Танского монаха — между ними. Коня отвели в конюшню, а вещи принесли в помещение.

— Ты весьма искусен, мудрый брат мой, — сказал улыбаясь старый дух. — Двумя приемами поймал сразу трех монахов. Хоть Сунь У-кун и придавлен горами, все же надо что-то придумать, чтобы поймать его и сварить вместе с ними.

— Вы присядьте, брат, и не беспокойтесь, — отвечал второй дух. — Для того чтобы поймать Сунь У-куна, нам незачем утруждать себя. Надо взять два талисмана и послать с ними кого-нибудь из наших людей: пусть они при помощи этих талисманов выловят Сунь У-куна.

— О каких талисманах ты говоришь? — спросил начальник.

— О моей тыкве-горлянке червонного золота и твоём кувшине из белоснежного нефрита.

— А кого мы пошлём? — спросил начальник, вынимая драгоценности.

— Я думаю, что надо послать Цзин Си-гуя и Лин Ли-чуна, — сказал второй дух. — Возьмите эти вещи, — приказал он посланцам, — и поднимитесь на самую высокую гору. Там переверните их дном кверху и крикните: «Сунь У-кун!» Если он отзовется, значит, попался и находится либо в тыкке, либо в кувшине. Тут вы, не мешкая, заклейте кувшин и тыкву заклиниванием великого Лао-цзюня, и Сунь У-кун тотчас же превратится в гной.

О том, как духи отправились ловить Сунь У-куна, мы распространяться не будем, а расскажем лучше о Великом Мудреце. Придавленный горами, он с горечью думал о Трипитаке.

— Учитель! — громко зывал он, — помнишь, как ты освободил меня из-под горы, которой я был придавлен, и сделал своим учеником? В то время бодисатва Гуаньинь милостиво повелела мне сопровождать тебя на Запад. Мы вместе занимались совершенствованием. У нас была одна судьба, мы познавали одно и то же. Кто же мог подумать, что мы окажемся в таком положении?! Злые духи встретились на нашем пути и придавили меня горой. Горе мне! Если тебе уж суждено умереть, так жаль, что приходится страдать также Ша-сэну, и Чжу Ба-цзе, и тому молодому дракону, который был превращен в коня. Не зря говорится: «Высокое дерево гнется от ветра, слава губит человека».

Сказав это, Сунь У-кун тяжело вздохнул, и слезы градом полились у него из глаз. Это сразу же встревожило местных духов земли и духов — хранителей пяти стран света. Все они окружили Златоглавого духа и стали спрашивать у него:

— Кому принадлежат эти горы?

— Нам, — отвечали духи земли.

— А кого они сейчас придавили? — последовал вопрос.

— Это нам неизвестно, — отвечали духи земли.

— Как же так? — воскликнули духи — хранители пяти стран света. — Да знаете ли вы, что под этими горами заключен Великий Мудрец по имени Сунь У-кун, который пятьсот лет тому назад учинил скандал на небе? Сейчас он вступил на путь Истины и стал учеником Танского монаха. Как же вы могли допустить, чтобы злой дух придавил его горой в ваших владениях? Вы сами себя сгубили. Думаете, он помилует вас, когда освободится? В лучшем случае он сделает вас, духов земли, посыльными и заставит бегать по почтовым станциям,

а горных духов отправит служить в войска. Да и нам, конечно, не даст покоя.

Тут духи гор и земли не на шутку перепугались.

— Но мы, право, ничего не знали об этом,— оправдывались они.— Услыхали, как этот дух произносит заклинание, ну и перенесли гору. Кто мог подумать, что он решил придавить Великого Мудреца?

— Ну ладно, не бойтесь,— сказали духи — хранители пяти стран света.— Не зря говорится в законе: «Преступление, совершенное по незнанию, не карается». Мы поможем вам освободить его, и он не станет нас бить.

— Вам не справиться с ним,— произнесли духи земли.— Как только он очутится на свободе, так тотчас же начнет драться.

— А знаете ли вы,— сказали духи — хранители пяти стран света,— что у него есть посох исполнения желаний с золотыми обручами. Этот посох наводит страх на всякого, кто его увидит. От одного его удара наступает смерть. Его прикосновение ранит. Если попытаешься поднять его — лопнут жилы; если притронешься к нему — трескается кожа.

Эти слова повергли духов земли в трепет и, посоветовавшись с духами — хранителями пяти стран света, они все вместе подошли к трем горам.

— Великий Мудрец,— молвили они,— духи гор и земли и духи — хранители пяти стран света пришли навестить вас.

Здесь надо сказать, что наш прекрасный Сунь У-кун не утратил своего воинственного духа и сохранял величавую осанку.

— Для чего же это вам понадобилось навещать меня? — громко спросил он.

— Мы пришли сообщить,— отвечали те,— что хотим освободить вас и надеемся на то, что вы простите нам нашу непочтительность.

— Ладно,— согласился Сунь У-кун.— Я вас не трону.

Он сказал это таким тоном, словно был начальником области и давал приказ об освобождении заключенных. Духи разом произнесли заклинание, и горы стали на свои места. Очувшись на свободе, Сунь У-кун вскочил на ноги, отряхнулся, поправил на себе одежду и, вытащив из уха свой посох, подзывал духов земли.

— Ну-ка, протягивайте ваши лисьи лапы,— крикнул он,— я всыплю каждому по два удара, чтобы отвести душу.

— Великий Мудрец,— в испуге закричали духи,— вы только что сами сказали, что прощаете нам нашу вину. А теперь, когда мы освободили вас, хотите нас бить.

— Вы что же это, милые мои,— сказал Сунь У-кун,— вы ходит, ничуть не боитесь меня, а боитесь каких-то там чертей?!

— Волшебник, который опрокинул на вас горы, обладает большой магической силой и высоким искусством магии. Он хорошо знает заклинания и вызвал нас к себе в пещеру, заставив каждого по очереди стоять на страже около него целый день.

Слова «стоять на страже» сильно встревожили Сунь У-куна и, устремив взор к небу, он воскликнул:

— О боже! После того как ты отделил небо от земли, гора Цветов и плодов произвела меня на свет. Я учился у лучших учителей и для меня открылись тайны вечной жизни. Я могу легко превращаться во что угодно, умею усмирять тигров и покорять драконов. Я учинил дебош в небесных чертогах, после чего мне было пожаловано звание Великого Мудреца. И, несмотря на все это, я не решался прибегать к услугам духов гор и земли. Как же этот нечистый оборотень осмелился вызвать духов гор и земли и, словно рабов, заставить их стоять у себя на страже! О небо! — в отчаянии воскликнул он. — Если ты создало меня, зачем тебе еще понадобилось производить на свет подобных тварей?!

Произнеся эту тираду, Сунь У-кун вдруг заметил над горным ущельем радужное сияние.

— Духи! — молвил он. — Раз вы находитесь в услужении у этого волшебника, вы должны знать, откуда исходит сияние.

— Это сияние излучает одна из драгоценностей волшебника, — отвечали духи. — И надо полагать, что дух вынул ее для того, чтобы поймать вас.

— Ну что ж, в таком случае позабудемся, — обрадовался Сунь У-кун. — А скажите, кто еще живет в этой пещере?

— В особом почете у этого волшебника даосы, — отвечали духи, — поскольку излюбленным его занятием является изготовление эликсира бессмертия.

— Тогда нет ничего удивительного в том, что он превратился в даоса и обманом захватил моего учителя, — отвечал Сунь У-кун. — Теперь же, — продолжал он, — возвращайтесь пока к себе и запомните, что удары остаются за мной. А с этим волшебником я сам как-нибудь справлюсь.

Духи тотчас же поднялись в воздух и рассеялись в разные стороны. А Сунь У-кун встряхнулся и превратился в праведника даоса. И вы только послушайте, как он был одет:

Он надел кафтан монаха,
Перештопанный кафтан,
Скорбно, траурно причесан,
Бил в овальный барабан.
Древним поясом Люй Гуна
Затянул он гордо стан,
Приклонившись у дороги,
Духов ждал Царь обезьян.
И дождался...Тотчас гневом
Был свирепо обуян.

Вскоре появились два духа,— это были слуги. Сунь У-кун выставил вперед свой посох, а духи, не заметив его, споткнулись и полетели на землю. Лишь поднявшись на ноги, они увидели Сунь У-куна.

— Какая неосторожность! — воскликнули духи.— Если бы наш повелитель не относился с почтением ко всякого рода паломникам, мы бы с тобой поговорили!

— О чем же это вы поговорили бы? — спросил Сунь У-кун.— Даосы должны встречать друг друга, как родные.

— А с какой стати ты здесь развалился, да еще заставляешь нас падать?

— Когда молодые послушники встречают такого почтенного даоса, как я,— сказал Сунь У-кун,— они должны пасть ниц перед ним и преподнести ему деньги.

— Когда мы приветствуем нашего начальника,— отвечали духи,— то и он ограничивается только двумя лянми. Почему же мы должны падать перед тобой ниц и преподносить деньги? Ты, конечно, не здешний, и у вас другие обычаи.

— Совершенно верно, я не здешний,— отвечал Сунь У-кун.— Я пришел с горы Пэнлайшань.

— Да ведь гора Пэнлайшань находится на морском острове и является обиталищем бессмертных.

— А я, что же, по-вашему, не бессмертный? — возмутился Сунь У-кун.

Эти слова показались духам забавными, и они, желая пролить веселый разговор, выступили вперед и воскликнули:

— О почтенный бессмертный! Не гневайся на нас за то, что мы глазами простых смертных не смогли распознать вас и оскорбили своими речами.

— Да я не сержусь,— отвечал им Сунь У-кун.— Недаром говорят: «Бессмертный не ходит по земле». Как же вы могли узнать меня? Я пришел к вам в горы для того, чтобы увести с собой одного человека, познавшего дао и достойного стать божеством. Кто из вас отправится со мной?

— Учитель! Я пойду,— сразу же отозвался дух Цзин Си-гуй.

— И я пойду! — подхватил Лин Ли-чун.

— А вы откуда? — спросил Сунь У-кун, продолжая притворяться, так как хорошо знал, кто они такие.

— Мы из пещеры Цветов лотоса,— отвечали те.

— А куда направляетесь?

— По приказу нашего повелителя мы идем захватить Сунь У-куна.

— Кого? — переспросил Великий Мудрец.

— Сунь У-куна,— повторили те.

— Не того ли Сунь У-куна, который сопровождает Танского монаха?

— Ты угадал! А ты и его знаешь?

— Как же, знаю,— отвечал им Сунь У-кун.— Эта обезьяна — существо весьма бесцеремонное. Я тоже зол на нее, поэтому пойду вместе с вами и помогу выловить ее.

— Зачем вам утруждать себя,— молвили духи.— Наши повелители владеют магическим средством и благодаря этому сумели переместить горы и придавили ими Сунь У-куна. Теперь он лишен свободы и даже шевелиться не может. Наши повелители дали нам два талисмана, в один из которых мы должны упрятать Сунь У-куна.

— Что же это за талисманы? — поинтересовался Сунь У-кун.

— У меня,— сказал Цзинь Си-гуй,— тыква-горлянка из червонного золота, а у него — кувшин из белоснежного нефрита.

— Каким же образом вы упрячете его туда? — продолжал спрашивать Сунь У-кун.

— Эти талисманы надо перевернуть дном кверху и тут же позвать: «Сунь У-кун!» Если он откликнется, значит попался. После этого отверстие надо заклеить листом бумаги, где написано заклинание великого Лао-цзюня, и попавший в ловушку мгновенно превращается в гной.

Выслушав их, Сунь У-кун даже испугался.

«Это уж чересчур,— подумал он.— Однако дух-страж говорил о пяти талисманах, а здесь только два. Интересно, какие же это еще три талисмана?»

— Ну-ка, уважаемые, покажите ваши талисманы! — попросил Сунь У-кун.

Духи, ничего не подозревая, вытащили из рукавов талисманы и обеими руками почтительно преподнесли их Сунь У-куну.

«А ведь замечательные вещицы,— подумал Сунь У-кун, глядя на талисманы, которые держал в руках.— Стоит мне дернуть себя за хвост, и я умчусь отсюда. Тогда и драгоценности будут мои. Нет, так нехорошо! Это называется грабеж среди бела дня. Ведь от подобного поступка пострадает мое доброе имя».

— А моей драгоценности вы не видели? — спросил он духов, возвращая им талисманы.

— А что у вас за драгоценность, учитель? Может быть, простым смертным на нее смотреть опасно?

Тут наш чудесный Сунь У-кун выдернул у себя из хвоста волосок и произнес заклинание:

— Изменись!

В тот же миг волосок превратился в огромную тыкву-горлянку червонного золота, длиной в один чи и семь цуней. Вытащив ее из-за пояса и передавая духам, Сунь У-кун сказал:

— Вы не видели моей тыквы?

Лин Ли-чун взял тыкву в руки, посмотрел и сказал:
— Учитель! Твоя тыква и велика и красива, однако пользы от нее никакой.

— Почему ты так думаешь? — спросил Сунь У-кун.

— Вот если взять наши талисманы, — отвечали духи, — так в каждый из них можно поместить тысячу человек.

— Конечно, ваша тыква, в которую можно улавливать людей, — тоже редкостная вещь, — отвечал им Сунь У-кун. — Но в мою тыкву может уместиться все небо.

— Все небо? — изумились духи.

— Да, все небо.

— Что-то не верится, — усомнились духи. — Ну-ка, покажи нам, что может сделать твоя тыква-горлянка. Тогда мы тебе поверим.

— Когда небо рассердит меня, — отвечал Сунь У-кун, — я в течение месяца могу упрячь его в мою тыкву-горлянку раз семь, а то и восемь. Если же оно мне не досажает, я за целые полгода ни разу не смогу этого сделать.

— Дорогой брат, — сказал тут Лин Ли-чун, — в этот волшебный талисман можно упрячь небо, сменяйся с ним.

— Да разве он согласится? — сказал Цзинь Си-гуй.

— Мы можем дать ему в придачу кувшин, — сказал Лин Ли-чун.

«Что ж, — подумал Сунь У-кун, — обменять тыкву на тыкву, да получить еще в придачу кувшин, — не так уж плохо».

— Ладно, — сказал Сунь У-кун, беря за руку Лин Ли-чуна. — Если я упрячу сюда небо, будем меняться?

— Упрячешь — будем, — отвечал тот. — Будь я подлецом, если откажусь от своего слова.

— Идет, — согласился Сунь У-кун.

После этого наш Великий Мудрец наклонил голову и, произнеся заклинание, вызвал духов дневной и ночной охраны и духов — хранителей пяти стран света.

— Отправляйтесь немедленно к Нефритовому императору, — приказал он, — и доложите ему, что я встал на путь Истины и охраняю Танского монаха в его паломничестве в Индию за священными книгами. На пути нам попала высокая гора, где моему учителю угрожает серьезная опасность. Местные духи обладают талисманом, который я хотел бы получить у них в обмен на мой. Пусть Нефритовый император разрешит мне запереть небо на один только час, и я выполню то, что задумал. Если же он вздумает отказать мне, я поднимусь во дворец Священного небосвода и устрою там разгром.

Дух дневной охраны в тот же миг очутился у Южных ворот неба и, пройдя во дворец Священного небосвода, передал Нефритовому императору все, что велел Сунь У-кун.

— Эта гадкая обезьяна даже говорить прилично не умеет, — сказал, выслушав его, император. — Но что поделаешь! Боди-

сатва Гуаньинь освободила его из заточения и отправила охранять Танского монаха. Я послал хранителей пяти стран света, четырех духов-стражей, которые по очереди должны были нести охрану. А сейчас он требует, чтобы я запер небо. Да разве это возможно?

И не успел он выразить сомнение, как в тот же момент перед ним предстал третий сын небесного князя — принц Ночжа.

— Ваше величество,— молвил он,— небо можно запереть.

— Каким образом? — спросил император.

— После того как кончился период хаоса,— сказал принц,— небесная твердь отделилась от земли. И хотя небо теперь совершенно чисто, оно все же достаточно прочно, чтобы поддерживать небесные чертоги. Небо, конечно, не следовало бы запираить. Но ведь Сунь У-кун охраняет Танского монаха в его паломничестве в Индию за священными книгами. Счастье его велико, как гора Тайшань, а его удачи глубоки, как море. Ему во что бы то ни стало нужно помочь.

— А как же вы сделаете это, принц? — спросил император.

— Я попрошу вас, ваше величество, отвечал принц Ночжа,— приказать полководцу Чжэнь У отдать нам черное вышитое знамя, которое висит у Северных небесных ворот. Это знамя мы вывесим у Южных небесных ворот, и оно закроет собою все: солнце, луну, звезды — воцарится тьма. Благодаря этому Сунь У-кун сможет обмануть духов. Таким образом мы и поможем ему.

— Хорошо, пусть будет по-вашему,— согласился император.

Получив указ, принц Ночжа тотчас же отправился к Северным воротам, и там все подробно передал Чжэнь У. Выслушав его, Чжэнь У отдал ему знамя.

Между тем дух-страж мигом вернулся к Великому Мудрецу и на ухо шепнул ему:

— Принц Ночжа взялся помочь вам.

Сунь У-кун взглянул на небо и увидел радужное сияние, которое всегда сопровождало появление небесной силы.

— Ну что ж, сейчас я покажу вам, как действует моя тыква-горлянка,— сказал Сунь У-кун, обернувшись к духам.

— Показывай скорее, чего медлишь? — торопили духи.

— Итак, начинаю,— сказал Сунь У-кун.

Духи уставились на него во все глаза, горя нетерпением посмотреть, как Сунь У-кун упрячет небо. А Сунь У-кун в это время подброял свою тыкву вверх. Превращенная из волоска, она была легкой, словно пушинка. Ветер подхватил ее и понес по воздуху. Только через час тыква опустилась на землю. В этот момент находившийся у Южных ворот принц Ночжа с шумом распахнул черное знамя, которое в тот же миг

скрыло солнце, луну и звезды. Земля и небо погрузились во мрак, туман окутал всю вселенную.

— Ведь только что был полдень, почему же вдруг наступили сумерки? — испуганно воскликнули духи.

— Да ведь солнце, луна и звезды у меня в тыкве-горлянке, — отвечал Сунь У-кун, — поэтому и темно.

— Откуда доносится ваш голос, учитель? — спросили духи.

— Я здесь, рядом с вами, — произнес Сунь У-кун.

Духи протянули руки и, ощупывая его, сказали:

— Голос ваш слышен, а вас совсем не видно. А где сейчас мы находимся? — спросили духи.

— Мы находимся на краю обрыва над морем Бохай, — сказал им Сунь У-кун: — Стоит вам оступиться, и вы полетите вниз и дна достигнете только через восемь дней. Так что смотрите, не двигайтесь.

— Ладно, хватит! — испуганно закричали духи. — Выпусти небо на волю, а то мы можем упасть в море и никогда больше не вернемся домой! Мы убедились в том, что твоя тыква-горлянка не бесполезная вещь.

Теперь, когда духи поверили ему, Сунь У-кун произнес заклинание. Принц, тотчас же свернул знамя, и на небе засияло солнце.

— Чудесно! Изумительно! — восторженно кричали духи. — Надо быть глупцом, чтобы отказаться от такого чудесного талисмана!

С этими словами Цзинь Си-гуй передал свою тыкву, а Лин Ли-чун вынул свой кувшин и тоже отдал его Сунь У-куну. Сунь У-кун же передал им свою тыкву. Однако Сунь У-кун решил довести дело до конца: он выдернул у себя пониже пупка волосок и, превратив его в медную монету, сказал духам:

— Ребята! Возьмите эту монетку и купите мне бумаги.

— Для чего она тебе понадобилась?

— Я хочу скрепить наш уговор подписями, — сказал Сунь У-кун. — Вы отдали мне два талисмана, обладающие чудодейственной силой вылавливания людей в обмен на мой волшебный талисман, обладающий силой вбирать в себя небо. Так вот, во избежание неприятностей, чтобы вы потом не раскаивались, я хочу, чтобы каждый из нас имел на руках документ о совершенной нами сделке.

— Да здесь не найдешь ни кисти, ни бумаги, — отвечали духи, — так что и думать нечего о том, чтобы написать какой-то документ. Мы можем дать только клятвенное обещание.

— Какое именно? — спросил Сунь У-кун.

— Если мы станем раскаиваться в том, что обменяли свои два талисмана, обладающие силой вылавливания людей, на один талисман, способный вмещать небо, пусть нас поразит чума, — торжественно произнесли духи.

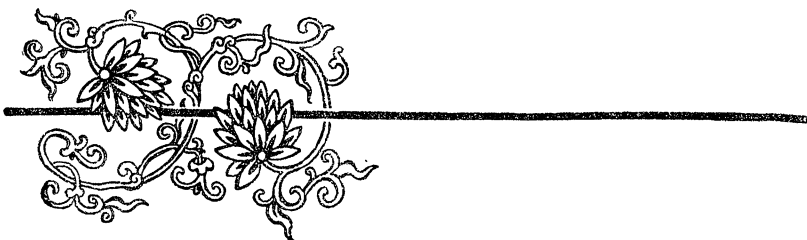
— И я никогда не раскаюсь в том, что совершил этот обмен,— сказал улыбаясь Сунь У-кун.— Если же у меня когда-нибудь появится сомнение, пусть и меня поразит чума.

Произнеся эту клятву, Сунь У-кун выпрямился, вильнул хвостом и, совершив прыжок, очутился у Южных ворот неба, где поблагодарил принца Ночжа за помощь.

О том, как принц Ночжа вернулся во дворец, доложил о выполнении данного ему поручения и отдал знамя полководцу Чжэнь У, мы здесь распространяться не будем.

Сунь У-кун долго стоял неподвижно в небесном пространстве, наблюдая за тем, что делают духи. Если вам интересно узнать, что случилось в дальнейшем, прочитайте следующую главу: она обо всем расскажет.





ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

повествующая о том, как, несмотря на всяческие ухищрения, князь демонов все же не смог достичь своей цели и как Великому Мудрецу обманным путем удалось заполучить талисманы

Итак, получив от Сунь У-куна тыкву, оба духа долго рассматривали ее. Когда же они наконец подняли голову, Сунь У-куна и след простыл.

— Послушай, брат,— сказал Лин Ли-чун,— оказывается, бессмертные тоже умеют врать. Когда он обменивал свой талисман, то говорил, что поможет нам обрести бессмертие. Почему же он скрылся, даже не попрощавшись с нами?

— Ну, сейчас у нас есть прекрасное средство, чтобы справиться с ним,— сказал на это Цзинь Си-гуй,— разве посмеет он скрыться от нас? Дай-ка мне эту тыкву, я попробую захватить в нее небо, посмотрим, что из этого выйдет.

Взяв тыкву, он подбросил ее вверх, но тыква тотчас же с шумом грохнулась на землю.

— Что случилось? — воскликнул с тревогой Лин Ли-чун.— Уж не превратился ли этот Сунь У-кун в бессмертного и не подсунил ли нам какую-нибудь подделку в обмен на наши талисманы?

— Ну, что ты болтаешь,— сказал на это Цзинь Си-гуй.— Сунь У-кун придавлен тремя горами, как же мог он выбраться оттуда? Ну-ка, дай мне тыкву, я попробую произнести заклинание, которое произносил он,— посмотрим, может быть, мне и удастся захватить небо в тыкву.

Взяв тыкву, он подбросил ее и произнес:

— Если только ты вздумаешь отказать мне, я явлюсь в зал Священного небосвода и учиню бунт.

Но не успел он договорить, как тыква снова с шумом упала.
— Ничего не выходит! — воскликнули они в один голос. — Конечно, это подделка!

Сунь У-кун все видел и слышал. Испугавшись, как бы о его проделке не узнали, он встряхнулся, вернул на место свой волосок, который превратил в тыкву, и в руках у духов ничего не осталось.

— Брат, дай-ка мне тыкву, — сказал Цзинь Си-гуй.

— Да ведь ты держал ее, — отвечал Лин Ли-чун. — Боже мой, да где же она?! — воскликнул он.

Тут оба духа в испуге заметались, стали искать тыкву на земле, в траве, в рукавах, за поясом. Но, увы, ее нигде не было.

— Как же так? Что теперь делать?! — в отчаянии вопрошали они, испуганно уставившись друг на друга. — Вручая нам эти талисманы, начальник велел выловить Сунь У-куна. А мы не только не выловили Сунь У-куна, но и лишились талисманов. Как же мы вернемся и что скажем? Да ведь нас теперь просто забьют до смерти! Что делать? Что делать?

— Бежать надо — вот что! — решительно сказал Лин Ли-чун.

— Бежать? Но куда? — спросил Цзинь Си-гуй.

— Куда глаза глядят, — отвечал Лин Ли-чун. — Ведь вернуться без талисманов, значит, обречь себя на верную гибель.

— Нет, бежать нам не следует, мы должны вернуться, — сказал Цзинь Си-гуй.

— Наши начальники хорошо к тебе относятся. Поэтому я свалю всю вину на тебя. Если они посмотрят на это дело не очень строго, мы останемся живы. В противном случае нас убьют, и наши души вернутся сюда. А сейчас надо постараться выйти из положения.

Договорившись, как им действовать, духи отправились к себе на гору. А Сунь У-кун встряхнулся, превратился в муху и полетел вслед за ними. Читатель, возможно, удивится, куда же Сунь У-кун девал свои талисманы? Может быть, он оставил их на дороге или спрятал в траве? Но в этом случае кто-нибудь мог увидеть их и забрать. Тогда все его труды пропали бы даром. Нет, он все же взял талисманы с собой. Вас, вероятно, удивляет, как могла муха унести с собой такие вещи? А дело, оказывается, обстояло вот как: эти талисманы точно так же, как посох, могли уменьшаться ровно во столько, во сколько уменьшался их владелец.

Итак, Сунь У-кун, жужжа, полетел за духами, очень быстро нагнал их и сел на одного. Вместе с ними он влетел в пещеру, где два повелителя духов распивали вино. Представ перед своими начальниками, духи-служители опустили на колени. А Сунь У-кун устроился на стоявшем около дверей шкафу и приготовился внимательно слушать.

— О повелители! — произнесли духи в один голос.

— Явились? — спросили старшие духи, отодвигая рюмки.

— А Сунь У-кун где? — последовал вопрос.

Тут духи стали отбивать поклоны, не решаясь даже слово вымолвить. На последующий вопрос они тоже не ответили и только продолжали отбивать поклоны. И лишь после того как начальники повторили свой вопрос несколько раз, духи, дрожа от страха, повалились на землю.

— О, сжальтесь над нами, мы совершили тяжкое преступление! Пощадите! — взмолились они.— Мы достигли уже половины горы, как вдруг повстречали бессмертного, прибывшего с острова Пэнлай. Он спросил нас, куда мы путь держим, мы ответили, что идем ловить Сунь У-куна. Бессмертный вывался нам помочь, сказав, что у него свои счеты с Сунь У-куном. Мы не стали просить его о помощи, но рассказали о том, что у нас есть волшебный талисман, при помощи которого можно поймать человека. А у бессмертного оказалась тыква, в которую он мог захватывать небо. И вот у нас появилось безумное желание. Стремясь увеличить свое могущество, мы решили обменять наши талисманы на волшебную тыкву. Сначала мы думали обменяться только тыквами, ну, а потом Лин Ли-чун отдал в придачу также и кувшин. Но кто мог подумать, что вещь, послушная бессмертному, станет совершенно негодной в наших руках? Как только мы попытались воспользоваться вымененным талисманом, он исчез куда-то бесследно, а вместе с ним и бессмертный. Умоляем вас простить нам наш смертный грех!

Услышав это, повелитель духов так и вскипел.

— Довольно! Хватит! — загремел он.— Да знаете ли вы, что этот бессмертный и был сам Сунь У-кун! Он просто надул вас! Волшебные силы этой обезьяны поистине огромны. У нее повсюду есть свои духи. Интересно знать, кто же это выпустил ее и помог ей обманным путем завладеть талисманом?

— Не гневайся, брат,— сказал тут второй повелитель духов.— Нельзя, конечно, разрешать этой обезьяне так безобразничать. Подумать только, ну, пусть даже она владеет необыкновенными способностями, так ведь можно было воспользоваться своим искусством и скрыться. Для чего же ей понадобилось обманным путем завладеть талисманами? Не будь я дух Западной страны, если не поймаю этого мошенника.

— Как же ты думаешь сделать это? — спросил первый повелитель духов.

— У нас есть пять талисманов,— отвечал тот.— Ну, пусть два пропали, но ведь осталось еще три. Вот с их помощью и нужно изловить эту обезьяну.

— Какие же это три талисмана? — поинтересовался первый дух.

— У нас еще есть семизвездный меч и веер из листа банана, — отвечал второй. — Они всегда при мне. И есть еще один талисман — это золотой шнур от занавеса, который находится у моей матери, в пещере Поверженного дракона, на горе, которая также называется горой Поверженного дракона. Надо немедленно отправить за ней двух духов, пусть приедет полакомиться мясом Танского монаха, а также попросить ее захватить с собой золотой шнур от занавеса, для того чтобы изловить Сунь У-куна.

— Кого же мы можем послать туда? — спросил один из повелителей.

— Этих никчемных негодяев мы, конечно, не пошлем, — сказал второй повелитель и крикнул Цзинь Си-гуою и Лин Ли-чуну, чтобы они убирались вон.

«Ну, нам здорово повезло! — подумали они. — Нас не только не побили, но даже не отругали. Мы прощены!»

— Пусть это сделают постоянные сопровождающие — Башаньху и Ихайлун.

Духи-служители низко склонились.

— Да смотрите, будьте поосторожнее! — приказал второй дух.

— Слушаемся, — отвечали те.

— Все сделайте как следует! — продолжал дух.

— Будет сделано! — последовал ответ.

— А вы знаете, где живет моя мать? — спросил начальник.

— Знаем, — хором отвечали духи.

— Ну, тогда отправляйтесь в путь сейчас же. Передайте моей матери поклон и пригласите ее отведать мяса Танского монаха. Да пусть непременно захватит с собой золотой шнур от занавеса, чтобы выловить Сунь У-куна.

Получив приказ, духи стремительно бросились выполнять его. Им и в голову не приходило, что все это время Сунь У-кун находился рядом с ними и слышал все, что здесь говорилось. Распустив крылья, он полетел за ними вслед и, нагнав их, уселся на духа по имени Башаньху. Когда они прошли уже около трех ли, Сунь У-кун решил убить духов, однако, поразмыслив немного, подумал:

«Убить их — дело не мудреное. Однако золотой шнур от занавеса находится у матери одного из начальников, а где она живет, я не знаю. Расспрошу-ка я их об этом, а потом убью».

Подумав так, он покинул свое место на спине духа, где вначале так было удобно устроился, и шагов на сто отстал, чтобы превратиться в духа-прислужника. Теперь на нем были лисья шапка и кафтан из тигровой шкуры.

— Эй вы, путники! — крикнул он, нагоняя духов. — Обождите меня!

— А ты откуда взялся? — обернувшись, спросил его Ихайлун.

— Что же это ты, брат, своих не узнаешь,— укоризненно сказал Сунь У-кун.

— А я не знаю тебя,— отвечал дух.

— Как это не знаешь,— притворился возмущенным Сунь У-кун.— А ну, посмотри хорошенько!

— Совершенно не знаю! Никогда и не видел!

— А что же, это, пожалуй, верно, вы и не могли видеть меня,— подтвердил Сунь У-кун.— Я из слуг, которые не состоят при хозяине в его доме.

— Да, мы не встречаемся с такими слугами. Куда же ты идешь? — спросили духи.

— Наш начальник сказал, что он отправил вас за его матерью, чтобы она отведала мяса Танского монаха и, кроме того, захватила с собой золотой шнур от занавеса для того, чтобы поймать Сунь У-куна. Однако, опасаясь того, что вы можете замешкаться, так как любите полодырничать и тем самым можете задержать выполнение порученного вам важного дела, он решил послать меня, чтобы я поторопил вас.

У духов рассказ Сунь У-куна не вызвал ни малейшего сомнения; они признали его своим и, выслушав, бросились вперед, в один миг пробежав девять ли.

— Быстрее, быстрее,— поторапливал их Сунь У-кун.— Сколько еще осталось?

— Да еще ли шестнадцать,— отвечали те.

— А сейчас сколько? — немного погодя, снова спросил Сунь У-кун.

— Вот там, в лесу Улиньцы, она как раз и живет,— сказал Ихайлун, указывая рукой вперед.

Посмотрев в том направлении, куда он указывал, Сунь У-кун увидел мрачный, густой лес и понял, что это и есть обитель старой ведьмы. Тогда он остановился, пропустил вперед духов, а сам вынул свой посох и, догнав их, нанес страшный удар в спину. Ничего не подозревая, несчастные духи не успели вернуться от удара и превратились в кровавое месиво. Сделав свое дело, Сунь У-кун оттащил трупы в сторону и спрятал их в траве. Затем он выдернул у себя волосок и, дунув на него, сказал:

— Изменись!

И волосок тотчас же принял образ духа Башаньху, а сам Сунь У-кун превратился в духа Ихайлуна. После этого он, в образе двух духов, отправился прямо в пещеру Поверженного дракона, чтобы пригласить старую ведьму в гости к сыну. Это говорило о его огромной волшебной силе, позволявшей ему производить семьдесят два превращения по своему желанию. Пройдя еще немного, он вскоре достиг леса и стал искать жилище старой ведьмы. Вдруг он увидел каменные двери, они были полуоткрыты. Не осмеливаясь сразу войти внутрь, он громко крикнул:

— Откройте! Откройте!

Этот крик переполошил привратницу и, выглянув из дверей, она спросила:

— Вы откуда пришли?

— Мы посланцы из пещеры Цветов лотоса на горе Пиндиншань,— отвечал Сунь У-кун,— и пришли за почтенной мамашей.

— Входите,— пригласила их привратница.

Когда они были уже перед вторыми воротами, Сунь У-кун быстро заглянул внутрь и увидел старуху, которая сидела посреди комнаты.

Растрепаны волос седые пряди,
Но звездный свет в ее сверкает взгляде.
Лицо давно изрезали морщины,
Зубов осталось меньше половины,
А кожа стала дряблой и багровой,
Но все ж казалась женщина здоровой,
И хризантему, что уже увяла,
Лицо ее сейчас напоминало.
И было что-то в старческой фигуре
Сосне подобно, выдержавшей бури;
Она блистала головным убором:
Платок был белым, с золотым узором,
А в уши серьги золотые вдеты,
И в них сияли ярко самоцветы.

Увидев ее, Великий Мудрец не решился войти внутрь и, оставаясь за вторыми дверями, тихонько заплакал. И что бы вы думали его опечалило? Неужели он испугался старухи? Конечно, нет. Если бы даже он испугался, то все равно из него трудно было бы выжать слезы. Ведь ему уже удалось обманом заполучить волшебные талисманы, он сумел перехитрить духов и убил их. Что же заставило его плакать?

Даже когда его опустили в котел с кипящим маслом и несколько дней подряд варили, он и то ни разу не заплакал. Но сейчас, вспомнив о тех трудностях, которые приходилось переносить в пути, он не мог сдержать слез.

«Я пустил в ход все свое уменье, чтобы превратиться в духа-служителя и пригласить эту старую ведьму,— раздумывал он.— И вот после всего я должен земно поклониться ей. За всю свою жизнь я кланялся только троице: Будде в Индии, бодисатве с Южного моря и еще на горе Усиншань я совершил четыре поклона перед учителем, когда он спас меня. Для него я самозабвенно трудился, разрывая от натуги свою печень и легкие, для него призывал на помощь всю свою сообразительность. Хотелось бы знать, сколько может стоить одна сутра. Вот сегодня мне приходится совершать поклоны перед этой ведьмой, но я не выдам себя. Как все это тяжело! Сколько унижений приходится терпеть, чтобы выручить учителя из беды!»

Подумав так, он пришел к заключению, что у него нет иного выхода и, быстро войдя в помещение, склонился до земли перед старой колдуньей.

— Почтенная мамаша, разрешите засвидетельствовать вам свое уважение,— произнес Сунь У-кун.

— Встань, сын мой! — сказала колдунья.

«Прекрасно, чудесно, замечательно! — подумал Сунь У-кун.— По тому, как она обратилась ко мне, видно, что все идет хорошо».

— Откуда ты? — спросила его колдунья.

— Из пещеры Цветов лотоса с горы Пиндиншань,— отвечал Сунь У-кун.— Наши повелители приказали пригласить вас, почтенная мамаша, отведать мяса Танского монаха, а также передать вам, чтобы вы захватили с собой золотой шнур, при помощи которого можно изловить Сунь У-куна.

— Вот уж поистине, сына моего можно назвать почтительным,— довольная, сказала колдунья и тут же распорядилась, чтобы ей подали носилки.

«Ну и дела,— подумал Сунь У-кун,— горные духи, оказывается, тоже передвигаются на носилках».

Из заднего помещения две служанки вынесли носилки, сделанные из душистых лиан, и поставили их около дверей. Носилки были завешаны зеленым шелком. Старая колдунья вышла из пещеры и села на носилки. За носилками шло несколько служанок, которые несли ящик с туалетными принадлежностями, зеркало, полотенца и коробки с ароматными веществами.

— А вы зачем идете? — обратилась к ним колдунья.— Неужели у моего сына не найдется, кому ухаживать за мной? Думаете, кому-нибудь нужны ваши лесть и болтовня? Марш домой и закройте покрепче дверь.

После этого все служанки вернулись в дом, остались только те, которые несли носилки.

— Эй, посланцы! — крикнула колдунья,— как вас зовут?

— Его зовут Башаньху,— поспешил ответить Сунь У-кун,— а меня — Ихайлун.

— Ну так вот, идите вперед и показывайте дорогу.

«Эх, нескладно получается,— подумал Сунь У-кун.— До священных книг далеко, а пока приходится прислуживать этой ведьме!»

Не смея что-либо возразить ей, он пошел вперед, громко возвещая о появлении колдуньи. Когда они прошли примерно около шести ли, Сунь У-кун присел на скалу и стал поджидать остальных. Наконец служанки с носилками подошли. Тогда Сунь У-кун сказал:

— Не мешало бы немного отдохнуть, каково ваше мнение? Плечи у вас небось давно болят.— Служанки, конечно, не подозревали, какая западня им готовится, и охотно согласились

опустить носилки на землю. А Сунь У-кун в это время стал позади носилок, выдернул у себя волосок, превратил его в большую жареную лепешку и стал ее грызть.

— Что это вы кушаете, уважаемый господин? — поинтересовались служанки.

— Даже сказать стыдно, — отвечал Сунь У-кун. — Мы проделали такой длинный путь, думали — нам хоть что-нибудь преподнесут. Я сильно проголодался. Но, увы! Хорошо еще, что захватил с собой лепешку. Вот поем немного и пойдем дальше.

— Дали бы и нам немного поесть, — попросили служанки.

— Ну что ж. Мы — люди свои, что тут считается, — согласился Сунь У-кун.

Служанки, ничего не подозревая, стали делить лепешку. А Сунь У-кун взмахнул своим посохом и изо всех сил ударил их по головам. Одну из них, которая пыталась оказать сопротивление, он убил наповал, другой же удалось отвести от себя, и он только ранил ее. Служанка застонала. Колдунья, услышав стон, выглянула из носилок посмотреть, что случилось. Тогда Сунь У-кун подскочил к ней и одним ударом проломил ей голову. Мозги разлетелись в разные стороны, хлынула кровь. Сунь У-кун вытащил колдунью из паланкина и стал рассматривать. Оказалось, что это была всего-навсего девятихвостая лисица.

— И это отвратительное создание называли почтенной мамашей. Да если ты называлась мамашей, так меня надо величать прапродителем всех предков!

После этого прекрасный Царь обезьян отыскал золотой шнур, спрятал его в рукав и радостно подумал:

«Пусть эти мерзкие духи выдумывают теперь что хотят, а три волшебных талисмана у меня в руках».

Затем он вырвал у себя еще два волоска, превратил их в Башаньху и Ихайлуна, а два других волоска превратил в служанок. Сам же он принял образ старой колдуньи и уселся на носилки.

Вскоре он прибыл к пещере Цветов лотоса. Превращенные из его волосков служанки побежали вперед и крикнули:

— Открывайте ворота! Открывайте ворота!

— Башаньху и Ихайлун вернулись? — спросил дух-привратник, выглядывая из ворот.

— Вернулись, — отвечали те.

— А где же почтенная мамаша? — спросил привратник.

— А вон паланкин, разве не видишь?

— Вы обождите, — сказал привратник. — Я пойду доложу.

— Почтенная мамаша пожаловала, господин, — сказал он, представ перед повелителями духов.

Услышав это, повелители приказали приготовить для воскурения фимиама и вышли навстречу гостю.

«Ну, все идет как нельзя лучше! — подумал довольный Сунь У-кун. — Теперь настал мой черед восстановить свою честь. Когда я в образе горного духа предстал перед колдуньей, мне пришлось совершить перед ней земной поклон. Теперь же я сам прибыл сюда под видом старой колдуньи, и они должны совершить передо мной, как перед матерью, четыре земных поклона. Как бы там ни было, а теперь мне должны поклониться оба начальника».

Итак, прекрасный Царь обезьян сошел с носилок, оправил на себе одежду и вернул на прежнее место все четыре волоска. Привратники внесли пустые носилки. Сунь У-кун с достоинством следовал за ними. Шел он грациозно и жеманно, стараясь подражать походке и манерам старой колдуньи. Так он вошел в пещеру и тут увидел толпу духов, которые вышли ему навстречу и опустились на колени. В это время заиграли флейты, загрохотали барабаны — пещера огласилась звуками музыки. Из огромной курильницы, изображающей гору Бошань *, вздымались клубы фимиама. Сунь У-кун проследовал в центральный зал и уселся на главном месте, повернувшись лицом к югу *. А повелители духов опустились перед мнимой мамашей на колени.

— Почтенная мамаша, разрешите приветствовать вас, — молвили они, земно кланяясь.

— Встаньте, дети, — с важностью отвечал им Сунь У-кун.

В этот момент висевший на балке под потолком Чжу Ба-цзе не выдержал и расхохотался.

— Тебе, вероятно, очень нравится висеть здесь, — сказал Ша-сэн.

— Да нет, не в этом дело, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— А в чем же? — поинтересовался Ша-сэн.

— Мы боялись, что как только придет колдунья, нас сразу поджарят и съедят, — сказал Чжу Ба-цзе. — А оказывается это вовсе не колдунья, а опять старая история.

— Что за старая история? — не понял Ша-сэн.

— Да бимавэнь пришел, — отвечал, смеясь, Чжу Ба-цзе.

— Откуда это тебе известно? — спросил Ша-сэн.

— Когда он сказал: «Встаньте, дети», то при этом нагнулся и сзади у него показался хвост. Меня подвесили выше тебя, поэтому мне все хорошо видно.

— Ну ладно, перестань болтать, — сказал Ша-сэн, — послушаем лучше, что они будут говорить.

— Послушаем! — согласился Чжу Ба-цзе.

Между тем Сунь У-кун обратился к хозяевам.

— По какому поводу вы пригласили меня сюда, детки? — спросил он.

— Дорогая мамаша, — отвечали духи. — Мы давно не имели случая засвидетельствовать вам своего уважения и выразить

сыновнюю почитательность. А сейчас мой брат поймал прибывшего из Китая Танского монаха. Однако мы не осмелились есть его сами и пригласили вас. Мы хорошенько его поджарим и дадим вам отведать, чтобы вы могли продлить свою жизнь.

— А мне, детки мои, совсем не хочется пробовать мясо Танского монаха,— сказал Сунь У-кун.— Я слышала, что есть такой Чжу Ба-цзе, у которого замечательные уши. Вот бы вы отрезали их и приготовили для меня. Это была бы отличная закуска к вину.

«Черт бы тебя побрал! — услышав это, всполошился Чжу Ба-цзе.— Так ты, оказывается, явился сюда за тем, чтобы отрезать мне уши! А я даже закричать не могу!»

Увы! Всего одна фраза, сказанная Дурнем, раскрыла тайну превращения Царя обезьян. В этот момент в пещеру вбежало несколько духов, они вместе с привратником обходили дозором горы.

— Господин наш! Беда случилась! — кричали они.— Сунь У-кун убил вашу матушку, а сам обманным путем проник сюда!

Услышав это, один из повелителей духов тотчас же взмахнул своим семизвездным мечом и ударил Сунь У-куна по лицу. Но тут произошло настоящее чудо! Великий Мудрец встряхнулся, в тот же миг пещеру озарило золотое сияние, а сам Сунь У-кун исчез. Этот способ представлял собой изумительный трюк! И заключался он в том, что, уплотняясь, Сунь У-кун принимал форму, а рассеиваясь — превращался в пар. У самого главного колдуна душа ушла в пятки. Все остальные духи в растерянности грызли ногти и покачивали головой.

— Дорогой брат,— сказал тут первый начальник.— Надо вернуть Сунь У-куну Танского монаха вместе с Чжу Ба-цзе, Ша-эном, конем и вещами. Иначе неприятностей не оберешься.

— Что это ты говоришь, брат? — возмутился второй начальник духов.— Сколько сил я потратил, чтобы захватить Танского монаха. А ты так испугался этого Сунь У-куна, что готов все вернуть ему обратно. Ну и трус же ты! Разве такой поступок достоин настоящего воина? Ты пока оставайся здесь и ничего не бойся. Ты говорил, что Сунь У-кун обладает огромной волшебной силой, но я встречался с ним всего один раз, и нам не пришлось познакомиться. Сейчас я надену боевые доспехи, и мы будем драться. Если он после трех схваток не одолеет меня, значит, суждено нам отведать мяса Танского монаха. Если же я после трех схваток не одолею его, тогда мы вернем Танского монаха Сунь У-куну.

— Пожалуй, ты прав, мой мудрый брат,— сказал первый начальник.

После этого они приказали принести боевое снаряжение, и слуги тотчас же выполнили приказ. Второй начальник надел боевые доспехи, подпоясался, взял меч и, выйдя из дверей, крикнул:

— Сунь У-кун, где ты?

А Сунь У-кун в это время сидел на облаке. Услыхав, что его зовут, он обернулся и увидел второго начальника духов. И вы только послушайте, какой на нем был наряд:

Всю грудь кольчуга чудная покрыла,
Блистал на шлеме феникс белокрылый,
И голенища белой кожи гладкой
Ложились ровной и красивой складкой;
Он жилы исполинского дракона
У пояса носил непринужденно;
Лицом, как дух Вершины Возлияний,
Он семизвездный меч имел для брани.
Ничем не отличался от Цзюй Лина,
И было в нем величье властелина,
А гнев его, и грозный и могучий,
Облек все небо в грозовые тучи.

— Сунь У-кун! — грозно крикнул он. — Немедленно верни нам наши талисманы и мать. Тогда я отдам тебе Танского монаха, и вы можете идти на все четыре стороны!

— Ах ты мерзкая тварь! — не выдержал Сунь У-кун. — Ты что же это, не признаешь своего деда? Сейчас же освободи моего учителя, братьев, верни коня и вещи и, кроме того, дай нам денег на дорогу. Не вздумай только артачиться, не то я тебя в бараний рог согну. Лучше не вынуждай меня действовать силой.

Услышав это, второй повелитель духов прыгнул в воздух и, размахивая мечом, ринулся на Сунь У-куна. Тот, в свою очередь, бросился на противника. И вот в воздухе разгорелся ожесточенный бой:

На шахматной доске
Вступая в состязанье,
Встречается король
С природным дарованьем.

Когда же игроки
Себе находят равных,
Как шахмат не любить,
Старинных, достославных!

С талантом королю
Приходится сразиться
И для такой игры
Немало потрудиться.

Вступили здесь в борьбу
Два звездных полководца:
Так тигров смертный бой
Средь Южных гор ведется.

Так в северных морях
Сшибаются драконы,
И блеск от чешуи
Скользит в воде зеленой.

Когда же тигры рвут
Когтями и зубами,
То россыпи зубов
Цепляются крючками.

Когда же чешуя
Огнем зажжется звездным,
Осколки полетят
Кругом дождем железным.

Враги же, в волшебстве
Стяжавши подкрепление,
Бросались то назад,
То снова в наступление.

И промаха они
Не делали ни разу:
То посох с ободком
Вздымался без отказа,

От вражьей головы
В трех фынях пролетая.
То грозного меча
Сверкала сталь литая,

На палец в глубину
Грозил пронзить он тело;
Величие бойца
Грозою прогремело.

Противник же его
В отваге непреклонной
Созвездьем южным был —
Медведицей студеной.

А перед ним — другой,
Чья доблестная сила,
И молнию и гром
Величием затмила.

Уже тридцать раз схватывались противники, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес.

«А этот негодяй, оказывается, в состоянии противостоять моему посоху,— с одобрением думал Сунь У-кун.— И все же вести с ним бой — значит попусту тратить время. Ведь у меня есть три волшебных талисмана. Возьму-ка я тыкву или кувшин и захвачу волшебника! Нет, так, пожалуй, нехорошо,— продолжал он размышлять.— Ведь недаром говорит пословица: «Вещи покорны желаниям своего хозяина». Если я позову его, а он не откликнется, я могу все дело испортить. Попробую-ка я использовать золотой шнур, чтобы поймать его».

И наш чудесный Великий Мудрец в одной руке держа посох и отражая меч противника, другой взял золотой шнур и с шумом накинул его на голову духу. Но тут следует сказать вот еще о чем: сила этого шнура проявлялась лишь в том случае, когда произносились заклинания,— одно называлось заклинанием крепкого охвата, другое — заклинанием слабого охвата. Если надо было захватить врага — произносили заклинание крепкого охвата, и тогда освободиться было невозможно. Когда же надо было выловить кого-нибудь из своих, произносилось заклинание слабого охвата для того, чтобы шнур не причинил вреда. Противник, узнав свой талисман, произнес заклинание слабого охвата и, распустив шнур, освободился от него. Затем он бросил шнур прямо на Сунь У-куна, и шнур обвинил Великого Мудреца. Когда же он попытался уменьшить себя, чтобы избавиться от веревки, второй начальник духов произнес заклинание крепкого охвата, и после этого Сунь У-куну даже нечего было думать о том, чтобы освободиться. Когда Сунь У-кун передвинул шнур до шеи, он был уже крепко охвачен золотой петлей.

Тогда дух дернул нить, подтянул Сунь У-куна к себе и несколько раз ударил его мечом по голове. Однако кожа на голове Сунь У-куна даже не покраснела.

— Вот так обезьяна! — удивился дух. — Ну и крепкая у тебя башка! Пока что я тебя рубить не стану. Отведу-ка я тебя к себе в пещеру, а там мы снова за тебя примемся! Ну-ка, отдавай быстрее остальные талисманы!

— Какие это талисманы ты с меня требуешь? — стал возражать Сунь У-кун.

Тогда дух тщательно обыскал его и нашел тыкву и кувшин. Приведя его в пещеру, он сказал:

— Ну, брат, поймал!

— Кого это ты поймал? — спросил первый начальник духов.

— Сунь У-куна, — отвечал второй. — Иди сюда, смотри!

Взглянув на Сунь У-куна, первый начальник тотчас же узнал его.

— Верно, это Сунь У-кун! — закричал он, весь сияя. — Привяжите его длинной веревкой к столбу около поперечной балки, — приказал он.

Сунь У-куна привязали к столбу, а оба начальника ушли во внутреннее помещение пить вино в честь победы. Увидев, что Сунь У-куна привязали к столбу и он висит рядом с ним, Чжу Ба-цзе пришел в неописуемый восторг и громко расхохотался.

— Что, дорогой брат! — крикнул он. — Так и не удалось отведать моих ушей!

— Эй, Дурень! — крикнул Сунь У-кун. — Тебе, видно, доставляет удовольствие висеть на этой балке? А я вот сейчас уйду отсюда и уж конечно спасу вас.

— Да что ты, спятил, что ли? Или совести у тебя совсем нет?! — крикнул Чжу Ба-цзе. — Ведь самому не уйти отсюда, а думаешь еще о том, чтобы помочь другим. Брось глупости болтать. Мы все вместе найдем здесь свою смерть. По крайней мере легче будет дорогу в ад отыскивать!

— Не говори ерунды! — сказал Сунь У-кун. — Смотри лучше, как я сейчас уйду отсюда!

— Ну что же, посмотрим, как ты это сделаешь! — съехидничал Чжу Ба-цзе.

Между тем, разговаривая с Чжу Ба-цзе, Сунь У-кун не выпускал из виду обоих начальников духов, которые во внутреннем помещении распивали вино. Около них суетились духи-служители, они приносили блюда с едой, чашки, подавали кувшины с вином. Из-за этой суматохи охрана пленников, естественно, была несколько ослаблена, и когда Сунь У-кун увидел, что рядом никого нет, он пустил в ход свою волшебную силу: вытащив посох, он дунул на него и сказал: «Изменись!» — и в тот же миг посох превратился в напильник. Подтянув к себе кольцо, охватывавшее его шею, Сунь У-кун провел по нему раз пять напильником и разрезал его на две части. Затем он разогнул кольцо по месту разрыва и освободился от пут. После этого он выдернул у себя волосок и, превратив его в свое подобие, привязал вместо себя к столбу. Сам же он встряхнулся, принял вид духа-прислужника и стал в сторонке.

— Ну, это черт знает что такое! — возмутился Чжу Ба-цзе. — Тот, кто привязан к столбу, поддельный Сунь У-кун, а вот я Чжу Ба-цзе настоящий.

— Что этот Чжу Ба-цзе кричит там? — перестав пить вино, в один голос спросили духи.

Тут Сунь У-кун, принявший образ горного духа, выступил вперед и сказал:

— Да этот Чжу Ба-цзе подстрекает Сунь У-куна принять другой вид и скрыться, а тот не хочет. Вот они и ругаются там.

— Мы думали, что Чжу Ба-цзе — честный парень, — сказали духи, — а он, оказывается, негодяй! Дай ему за это по роже раз двадцать!

Сунь У-кун послушно взял дубинку и приготовился бить.

— Смотри только бей полегче, — предупредил Чжу Ба-цзе. — Не то я снова закричу. Ведь я-то знаю тебя.

— Если я и принимаю каждый раз другой вид, то все это ради вас, — сказал Сунь У-кун. — С какой же стати ты хочешь выдать меня? Ведь ни один дух не может узнать меня, как же тебе это удалось?

— Хоть ты и изменил свою физиономию, — сказал на это Чжу Ба-цзе, — но зад у тебя остался таким, как и прежде. Может быть, ты станешь отрицать, что он у тебя красный? Вот почему я узнал тебя.

Услышав это, Сунь У-кун тотчас же проскользнул в заднее помещение, пробрался в кухню, потерял о дно котла, вымазал дочерна обе ягодицы сажей и вернулся обратно.

— Где болталась эта обезьяна, что пришла с черным задом? — снова рассмеялся Чжу Ба-цзе, увидев Сунь У-куна.

Между тем Сунь У-кун пробрался ближе к духам, чтобы как-нибудь выкрасть у них талисман. И поистине следует отдать должное его находчивости. Выступив вперед и дернув старшего духа за ногу, он сказал:

— Господин начальник! Посмотрите на Сунь У-куна, он все время извивается и уже перетер золотой шнур. Надо бы его на всякий случай привязать покрепче.

— Верно! — сказал дух, и с этими словами снял с себя пояс с изображением львов и ланей и передал Сунь У-куну.

Взяв пояс, Сунь У-кун подошел к своему двойнику и заменил шнур поясом. Шнур же он скатал и сунул себе в рукав. Затем он выдернул у себя волосок, дунул на него и, превратив в золотой шнур, почтительно передал его духу. Дух же в это время был занят вином и, не глядя, сунул подделку в карман. На этот раз волшебная сила Сунь У-куна помогла ему завладеть талисманом. После этого он тотчас же выбежал из пещеры и, приняв свой обычный вид, закричал:

— Эй вы, черти!

— Ты кто такой? И почему здесь орешь? — спросили духи-привратники.

— Бегите сейчас же и доложите этим негодьям, что пришел Кун У-сунь.

Когда привратники доложили о появлении Кун У-суня, первый начальник всполошился.

— Ведь мы изловили Сунь У-куна. Откуда же взялся еще какой-то Кун У-сунь! — воскликнул он.

— Бояться нам теперь нечего, дорогой брат, — сказал второй начальник. — Ведь волшебные талисманы в наших руках. Вот погоди, я возьму сейчас тыкву и пойду выловлю его.

— Только смотри, будь осторожнее, брат, — предупредил его первый начальник.

Захватив с собой тыкву, второй начальник вышел из пещеры и тут увидел перед собой существо как две капли воды похожее на Сунь У-куна, только пониже ростом.

— Ты откуда взялся? — спросил начальник.

— Я младший брат Сунь У-куна. Узнав о том, что вы захватили моего старшего брата, я пришел сориться с вами.

— Да, я действительно поймал его, — подтвердил начальник. — Сейчас он заперт у нас в пещере. Ну, раз уж ты явился сюда, мы померяемся с тобой силами. Однако я не хочу прибегать к помощи оружия. Я предлагаю тебе другое: сможешь ты откликнуться на мой зов?

— Подумаешь, испугал! — презрительно хмыкнул Сунь У-кун. — Да зови меня хоть тысячу, хоть десять тысяч раз, я откликнусь!

Тут дух, держа в руках свой волшебный талисман, прыгнул в воздух и, повернув тыкву дном кверху, крикнул: «Кун У-сунь!» Однако Сунь У-кун молчал.

«Если я отзовусь, — думал он, — то тут же попаду в тыкву».

— Что же ты не отвечаешь? — крикнул начальник.

— У меня что-то уши заложило, — сказал Сунь У-кун, — ничего не слышу. Ты крикни погромче.

— Кун У-сунь! — снова крикнул дух.

В это время Сунь У-кун что-то подсчитал на пальцах и подумал:

«Ведь мое настоящее имя Сунь У-кун, а дух позвал Кун У-суня. Поэтому, если я сейчас откликнусь, это не окажет никакого действия».

Подумав так, Сунь У-кун не удержался и откликнулся. И в тот же миг его как бы подхватило вихрем, и он очутился в тыкве. А надо вам сказать, что в тыкву попадал всякий, стоило ему только отозваться, независимо от того, правильно ли было названо его имя.

Итак, очутившись в тыкве, Великий Мудрец оказался в полном мраке. Он попробовал было стукнуть головой о крышку, но тыква была крепко-накрепко закупорена, Сунь У-кун заволновался.

«Как-то в горах я встретил двух духов, — припомнил он, — и они сказали мне, что тот, кто попадет в тыкву или кувшин, через час и три четверти превратится в гной. Неужели и со мной произойдет то же самое? Нет, — решительно отверг он эту мысль, — не может этого быть! Пятьсот лет назад я учинил буйство на небе и после этого попал в волшебную печь к Лао-цзюню, в которой пробыл сорок девять дней. Однако ничего из этого не вышло, только мои сердце и печень стали золотыми, легкие — серебряными, голова — медной, плечи — железными, глаза — огненными. Так разве могу я после этого в течение такого короткого времени превратиться в гной? Ладно, посмотрим, что будет».

Между тем второй начальник духов вернулся в пещеру и сказал:

— Ну, дорогой брат, принес.

— Кого принес? — спросил первый начальник.

— Кун У-суня, — отвечал тот. — Он у меня здесь, в тыкве.

— Присаживайся, мудрый брат мой, — радостно сказал первый начальник. — Только осторожно, не трясги тыкву. Встряхнем ее немного погодя, и как только услышим булькающие звуки, так и откупорим.

«В тыкве, кроме меня, никого нет, — подумал Сунь У-кун, — что же может тут булькать? А, булькать, видимо, буду я сам,

когда растворюсь. А не помочиться ли мне? Они подумают, что я превратился в жидкость, откроют крышку, а я воспользуюсь случаем и сбегу. Черт бы их побрал! Нет, пожалуй, это будет плохо,— продолжал он размышлять.— Я запачкаю мой халат. Подожду-ка я лучше, пока они начнут трясти, а сам в это время стану полоскать рот. Они услышат, откроют крышку, а я сбегу».

Приняв решение, Великий Мудрец успокоился и стал ждать. А духи снова начали пить вино и оставили тыкву в покое. Вдруг Великий Мудрец воскликнул:

— О небо! Да у меня уже посох растворился.

А духи и не думали трясти тыкву.

— Мать честная! — снова воскликнул Великий Мудрец.— Да я уже растворился наполовину!

— Когда он наполовину растворится,— сказал тут первый начальник,— можно считать, что все в порядке. Ну, давай откупорим тыкву и посмотрим, что там делается.

Услышав это, Великий Мудрец вырвал волосок и произнес: «Изменись!» — и волос тотчас же превратился в половину тела, которая укрепилась у отверстия тыквы. И как только второй начальник духов откупорил тыкву, Великий Мудрец вылетел на волю. Здесь он перевернулся, снова превратился в Ихайлуна и стал в стороне. А вы помните, вероятно, что Ихайлуна посылали за старой колдуньей. Между тем первый начальник духов повертел тыкву, заглянул в отверстие и увидел на дне половину тела. Не подозревая обмана, он крикнул:

— Закрывай, брат, скорее закрывай! Он еще не совсем растворился!

Второй начальник снова закупорил тыкву.

«Даже и не подозревают, что я здесь»,— злорадно улыбнулся Сунь У-кун.

Между тем первый начальник взял чайник с вином, налил полный бокал и, подойдя ко второму начальнику духов, обеими руками почтительно поднес бокал ему.

— Мудрый брат мой,— сказал он.— Прими от меня этот бокал.

— Дорогой брат,— отвечал тот,— ведь мы с тобой давно уже пируем здесь. Для чего же тебе понадобилось сейчас преподносить мне этот бокал?

— Я должен преподнести тебе не один, а несколько бокалов за твои заслуги,— отвечал первый начальник.— Ты поймал Танского монаха, Чжу Ба-цзе, Ша-сэна, связал Сунь У-куна и, наконец, поймал Кун У-суня.

Второй начальник духов не мог, конечно, отказаться от тех знаков внимания, которые оказал ему старший брат. Однако, как на зло, в одной руке у него была тыква, а принять бокал одной рукой он, конечно, не посмел. Тогда он передал тыкву

Ихайлуну и двумя руками принял поднесенный ему бокал. Ему и в голову не приходило, что перед ним, в образе Ихайлуна, стоит сам Сунь У-кун. Посмотрели бы вы, как бережно принял этот хитрец тыкву.

Осушив бокал, второй начальник духов хотел, в свою очередь, преподнести бокал своему старшему брату.

— Не надо,— остановил его первый начальник, ничего не подозревая, и они продолжали церемонно уступать друг другу.

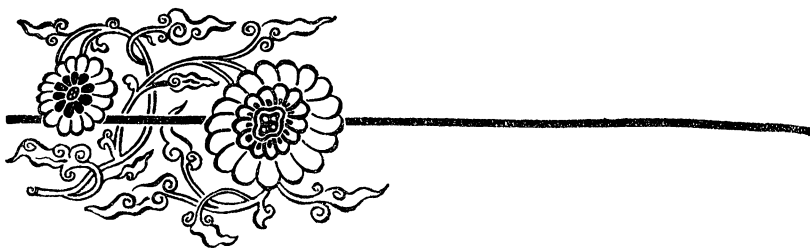
А Сунь У-кун, держа на голове тыкву, не сводил глаз со своих врагов. Он быстро сунул переданную ему тыкву в рукав, затем выдернул у себя волосок и, превратив его в точную копию тыквы, которую держал в руках, почтительно передал ее духу. А тот изрядно выпил и уже не мог различить — настоящая эта тыква или подделка. Не глядя, он взял у Сунь У-куна талисман.

После этого оба духа уселись на свои места и продолжали пить. А Великий Мудрец спокойно ушел.

«Какими бы чарами эти духи ни владели, а тыква в конце концов оказалась у меня в руках!» — радостно подумал он.

О том, какие трюки проделывал Сунь У-кун и как ему удалось спасти учителя и уничтожить духов, вы узнаете из следующей главы.





ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ,

повествующая о том, как последователи ложного учения проявили свое могущество, чтобы унижить последователей истинного учения, и как хитроумная обезьяна, завладев талисманами, победила злых духов

Всей сущностью своей мудра, светла,
Она Великий путь познать смогла,
Мирских цепей легко порвала звенья...
Учиться трудно перевоплощенью,
Бессмертие стяжать — еще трудней,
А выбор судеб предлагался ей.
Где чистота от грязи отступала,
Там и она дорогу избирала.
Прошло уж много калп,— она живет,
Блаженная, годам теряя счет;
Что для нее земные наши сроки!
На Западе она и на Востоке,
И свет, что ею в вечности зажжен,
Сквозь все века пронзает небосклон.

Эти стихи рассказывают о необыкновенном искусстве Великого Мудреца. Итак, вы уже знаете, что, завладев талисманом горного духа, Сунь У-кун спрятал его в рукав.

«Сколько бы ты ни старался, грязное чудовище,— думал он, злорадствуя,— а поймать меня тебе не удастся, так же как нельзя поймать отражение луны в воде. А вот мне поймать тебя так же легко, как растопить лед над огнем».

Проскользнув потихоньку за дверь со спрятанной в рукаве тыквой, Сунь У-кун принял свой обычный вид и громким голосом крикнул:

— Эй вы, духи, открывайте!

— Да ты кто такой? — послышался голос.— И как смеешь здесь орать?!

— Доложи своему паршивому хозяину, что сюда прибыл У Кун-сунь.

Услышав это, дух ринулся в пещеру.

— Почтенный господин! — доложил он. — У ворот стоит какой-то У Кун-сунь.

— Мудрый брат мой, — отвечал сильно встревоженный дух, — ведь это прямо беда! Мы растревожили все его гнездо. Сунь У-кун ведь перевязан золотым шнуром, в тыкве сидит Кун У-сунь, а теперь еще является какой-то У Кун-сунь. Видно, у этого Сунь У-куна есть братья, и все они решили явиться сюда.

— Не волнуйтесь, старший брат мой, — отвечал на это второй дух. — Моя тыква так велика, что вмещает тысячу человек. А сейчас там всего один Кун У-сунь. Так стоит ли бояться какого-то там У Кун-суня? погоди, я сейчас пойду взгляну, кто это там явился, и живо расправлюсь с ним.

— Смотри, действуй осторожно, — напутствовал его первый начальник.

И вы взгляните только! Держа в руках поддельную тыкву, дух, как и в прошлый раз, с надменным видом вышел из пещеры и грозно крикнул:

— Ты откуда взялся? И как осмеливаешься шуметь здесь?!

— А ты почему не желаешь признавать меня? — в свою очередь, крикнул Сунь У-кун:

Мой дом на горе Цветов и плодов,
А родина — грот водяной.
В небесных чертогах я поднял мятеж, —
С тех пор не ходил я войной.
Сейчас наказание снято с меня:
Монаха простой ученик,
Буддистом я стал и смиренно иду
За светом божественных книг.
Но, с дикими духами встретясь, могу
Подействовать силою чар,
Я мира хочу, но могу нанести
Противникам страшный удар.
Не будем сражаться, покой сохраним,
Лишь просьбу исполни мою!
Беда, если ярость проснется во мне:
Тогда вас обоих убью.
Ты Танского должен монаха вернуть,
Чтоб мы продолжали на Запад наш путь!

— Ну-ка, подойди сюда, — выслушав его, сказал дух. — Я не хочу с тобой драться. Скажи мне лучше, осмелишься ли ты отозваться, если я позову тебя?

— Осмелюсь конечно, — смеясь отвечал Сунь У-кун. — А вот сможешь ли ты откликнуться, если я позову тебя?

— У меня есть волшебный талисман — тыква, в которую можно захватывать людей, потому я и спрашиваю,— сказал на это дух.— А у тебя что есть?

— У меня тоже есть тыква,— отвечал Сунь У-кун.

— Ну-ка, дай я посмотрю!

— Вот, гляди, мерзкая тварь,— сказал Сунь У-кун, вынимая из рукава тыкву. Но, повертев ее в руках, он снова спрятал тыкву, боясь, как бы дух не вырвал у него талисман. Увидев тыкву, дух не на шутку перепугался.

«Откуда он взял ее? — раздумывал дух.— Ведь она точь-в-точь такая, как у меня... Даже тыквы, растущие на одном стебле, и то отличаются либо по форме, либо по размеру».

Стараясь ничем не выдать своего беспокойства, дух обратился к Сунь У-куну:

— У Кун-сунь, откуда ты взял свою тыкву?

— А ты где достал свою? — вопросом на вопрос ответил Сунь У-кун, так как не знал, откуда взялась эта тыква и потому не смог ответить на вопрос духа.

А дух, ничего не подозревая, подробно рассказал Сунь У-куну историю тыквы.

— В начальный период сотворения мира, когда только что закончился первозданный хаос и земля была отделена от тверди небесной, божественный владыка неба просветил богиню Нюй-ва *, научив ее плавить камни для того, чтобы починить небо и спасти мир. Когда богиня Нюй-ва починила пролом в небесном дворце, она увидела у подножия Куэньлуньских гор выющийся стебель, на котором росла тыква из пурпурного золота. Вот эту тыкву и хранит по сей день великий Лао-цзюнь.

Выслушав его, Великий Мудрец сказал:

— Ну, и моя тыква такого же происхождения.

— Откуда это тебе известно? — усомнился дух.

— Когда чистота была только что отделена от грязи,— сказал Сунь У-кун,— и на небе не было ни севера, ни запада, а на земле востока и юга, божественный владыка неба внушил Нюй-ва мысль починить небо. Когда пролом в небе был заделан, она дошла до Куэньлуня и на тыквенном стебле нашла две тыквы: одну — мужского начала, другую — женского. Тыква мужского начала попала ко мне, а женского — к тебе.

— Ладно, не все ли равно, которая из них мужского и которая женского начала,— сказал дух.— Будем считать настоящим талисманом ту из них, которая обладает способностью улавливать людей.

— Совершенно с тобой согласен,— молвил Великий Мудрец.— Уступаю тебе право первому произносить заклинание.

Дух очень обрадовался, подпрыгнул в воздух и крикнул:
— У Кун-сунь!

На этот зов Великий Мудрец откликнулся раз девять подряд, однако талисман не оказал никакого действия, и он по-прежнему оставался на земле.

— О небо! — опустившись на землю, топая ногами и колотя себя в грудь, застонал дух.— Обычай, установленные веками, не подвержены изменениям. Даже мой волшебный талисман, и тот испугался мужского начала.

— Ну что же, возьми пока свой талисман,— сказал смеясь Сунь У-кун.— Теперь моя очередь звать тебя!

И, сделав прыжок, он взвился в небо. Там, перевернув тыкву вверх дном, а горлышко направив на землю, где стоял дух, он крикнул:

— Дух с Серебряными рогами!

Дух не осмелился промолчать, откликнулся и тотчас же очутился в тыкве. А Сунь У-кун поспешил закупорить отверстие полоской бумаги, на которой было написано заклинание: «По срочному повелению великого божественного Лао-цзюня».

— Ну что ж, дружок.— торжествовал Сунь У-кун.— Придется тебе сегодня испытать нечто такое, чего ты никогда не испытывал.

После этого Сунь У-кун спустился на облаке вниз и, думая лишь о том, как спасти учителя, с тыквой в руках направился к пещере Цветов лотоса. Горная дорога, по которой он шел, изобиловала неровностями: то опускалась в долину, то подымалась вверх. К тому же Сунь У-кун, как все обезьяны, был колченогим, а поэтому шел, переваливаясь из стороны в сторону. Тыква при этом раскачивалась и из нее непрерывно доносилось бульканье. Читатель, возможно, удивится. Но мы постараемся рассеять его сомнения. Дело в том, что Великий Мудрец, прошедший однажды сквозь огонь, теперь уже не был подвержен его моментальному воздействию. А дух, хотя и обладал волшебной способностью летать на облаках, но тело его ничем не отличалось от тела простого смертного. Поэтому, попав в тыкву, он тотчас же расплавился. Однако Сунь У-кун не поверил этому.

— Сынок,— сказал он смеясь,— то ли ты справил малую нужду, то ли все время плюешься. Все эти штуки я сам проделывал. Но не беспокойся, я открою тыкву не раньше как деньков через семь-восемь, когда от тебя останется одна водичка. К чему спешить? Как вспомню о том, как счастливо удалось мне выбраться отсюда, так мне нет охоты заглядывать в тыкву по крайней мере в течение тысячи лет.

Беседуя сам с собой, Сунь У-кун незаметно добрался до пещеры. Здесь он еще раз потряс тыкву, но бульканье не прекращалось.

«А эта тыква похожа на сосуд, употребляемый при гада-нии,— подумал Сунь У-кун.— Попробую-ка я узнать, когда учитель наш освободится».

И он начал трясти тыкву, приговаривая:

— Вэнь-ван *, составитель книги Чжо-и, святой Конфуций, Царица неба — владычица персиков бессмертия, великий Гуй Гу-цзы *.

Увидев Сунь У-куна, духи-служители бросились к своему повелителю.

— Великий господин! — доложили они.— Беда! У Кун-сунь захватил в тыкву вашего лучшего друга и теперь га-дает!

Услышав это, начальник до смерти напугался. От страха у него даже подкосились ноги и, бросившись на землю, он, рыдая, запричитал:

— Мудрый брат мой! Мы с тобой самовольно покинули небо в надежде на то, что будем вести на земле жизнь, полную удовольствий и роскоши. Кто мог знать, что этот монах погубит тебя и так печально кончится наша братская любовь!

Тут все обитатели пещеры заголосили, вторя своему господину. А висевший под балкой Чжу Ба-цзе не удержался и сказал:

— Слушай, дух! Перестань хныкать, послушай лучше, что я скажу. Сунь У-кун, Кун У-сунь и, наконец, У Кун-сунь — все это лишь перестановка трех иероглифов одного и того же имени моего старшего брата. Он обладает способностью семидесяти двух превращений. Ему удалось проникнуть в твою пещеру, завладеть твоими талисманами и захватить твоего брата. Брат твой теперь уже мертв и нечего тебе так убиваться. Лучше помой живее котлы, прочисти очаги, приготовь шампиньоны, грибы, чайные побеги, молодые побеги бамбука, бобовый сыр, лапшу, древесные грибы и другие овощные блюда и пригласи нашего учителя вместе с нами отслужить панихиду.

Слова Чжу Ба-цзе привели в ярость первого начальника духов.

— Я думал, что Чжу Ба-цзе — честный парень,— сказал начальник,— а он, оказывается, негодяй! Он даже позволяет себе издеваться надо мной! Эй, слуги! — приказал он.— Хватит вам плакать. Снимите Чжу Ба-цзе и сварите его. Сначала я наемся досыта его мясом, а потом отправлюсь отомстить Сунь У-куну.

— Ну, что, достукался! — ворчал в это время Ша-сэн на Чжу Ба-цзе.— Сколько раз говорил тебе: не болтай зря. Вот видишь, теперь тебя за это сварят!

А надо вам сказать, что Дурень и сам не на шутку перепугался.

— Господин начальник! — крикнул тут один из духов.— Чжу Ба-цзе не сварится!

— Боже милостивый! — воскликнул Чжу Ба-цзе.— Кто это из моих старших братьев увеличивает свое счастье в будущей жизни, произнося такие слова? Ведь меня действительно трудно сварить.

— Надо с него содрать шкуру,— посоветовал другой дух.

— Зачем же? Меня и так можно сварить! — поспешил вмешаться Чжу Ба-цзе.— Кожа и кости у меня, правда, грубоваты, но в кипятке они сразу же разварятся. О, я бедный, несчастный!

В это время в пещере появился еще один дух.

— У Кун-сунь стоит у ворот и ругается на чем свет стоит,— сообщил он.

— Этот негодяй совершенно не желает считаться со мной,— испуганно сказал первый начальник.— Ребятки! — крикнул он.— Оставьте пока Чжу Ба-цзе в покое, пусть висит себе на балке, а вы лучше посмотрите, сколько у нас осталось волшебных талисманов.

— По-моему, штуки три,— ответил дух-распорядитель.

— Какие же именно? — спросил первый начальник.

— Семизвездный меч, банановый веер и кувшин для омовения рук.

— Ну, кувшин больше не годится,— сказал первый начальник.— Он действует лишь в том случае, когда люди откликаются на зов. Секрет этого заклинания Сунь У-куну уже известен, поэтому-то мой брат и оказался жертвой. Нет, этот талисман я не возьму. Несите мне поскорее меч и веер.

Дух-распорядитель выполнил приказание. Первый начальник взял веер, заткнул его за воротник, а меч зажал в руке. Затем он выстроил в ряд всех духов. Их оказалось более трехсот человек. Каждому из них он приказал взять пику или палицу, веревку или меч. Старый дух надел шлем и кольчугу, а поверх — блестящий пурпурного цвета халат. Духи были выстроены в боевом порядке и приготовились к бою с Великим Мудрецом.

А Великий Мудрец между тем, зная, что второй дух находится в тылке, крепко привязал ее к поясу и, держа посох наготове, тоже приготовился к битве. Старый дух с развевающимся знаменем в руках вышел из пещеры:

Шлем с кистями, искрометный;
Яркий пояс, многоцветный;
Из драконьей чешуи
Драгоценная кольчуга
Грудь охватывает туго:
Не страшны ему бои.

А поверх — халат пурпурный,
Словно алый пламень бурный;
Из округлых злых зрачков
Молнии свирепо блещут,
И усы стальные хлещут
Черным дымом завитков.

Семицветный меч железный
Подымает он над бездной,
Словно перышко, легко;
Рык его, подобный грому,
По всему лицу земному
Раздается далеко.

Он в движеньях, словно туча,
Что, закрыв утес могучий,
К морю, грозная, плывет;
Веер из листа банана
То раскроет он неожиданно,
То к груди легко прижмет.

Первый начальник тотчас же приказал своим подчиненным выстроиться в боевом порядке.

— Ты, обезьяна, совсем обнаглела! — гремел он. — Погибила моего младшего брата! Верного моего помощника! Убить тебя за это мало!

— Ты — низкое, подлое чудовище! Сам ищешь своей смерти! — заорал, в свою очередь, Сунь У-кун. — Что стоит жизнь какого-то там духа, когда мой учитель и мои братья вместе с конем подвешены к балке в твоей пещере? Разве могу я это стерпеть? Я пощажу твою собачью душу лишь в том случае, если ты сейчас же освободишь их и, кроме того, еще дашь нам денег на дорожные расходы и проводишь нас.

Такого оскорбления начальник духов не в силах был снести и, нацелившись прямо в голову Сунь У-куну, взмахнул мечом и нанес ему удар. Но Сунь У-кун успел поднять свой посох и ринулся на противника. И вот у пещеры разгорелся жесточенный бой:

Посох с золотыми ободками
И волшебный меч стальной, тяжелый,
Состязались ревностно в сраженье,
Землю покрывали облаками,
Затемняя и хребты и доли:
Задрожали люди от смятенья.

Был один боец охвачен мстью:
Не прощал врагу он смерти брата,
И теперь не ведал снисхожденья;
Для другого — было делом чести
Биться за того, чье имя свято,
Кто на Запад шел для поклоненья.

Оба ярой злобой пламенели,
Мстительные, бились испугленно,
Применив военное уменье;
Духи же от страха цепенели,
Как при схватке тигра и дракона,
Даже солнце спряталось в смущенье.

У того из глаз струилось пламя;
Шлифовались зубы у другого,—
Только яшмы слышалось скрипенье...
Были оба славными бойцами,
И взлетали в поединке снова
Меч и посох в яростном вращенье.

Уже раз двадцать схватывались противники, однако так и нельзя было сказать, кто победит. Тогда дух, указывая мечом на противника, крикнул:

— Ну, ребята, вперед!

И более трехсот духов ринулись вперед, окружив Сунь У-куна. Однако это нисколько не напугало нашего Мудреца. Он храбро орудовал своим посохом, разил врагов направо и налево, успевая в то же время отбивать удары, сыпавшиеся на него со всех сторон. Но у духов были свои, особые приемы боя, и постепенно они начали побеждать. Духи словно ватой обложили Сунь У-куна со всех сторон, тащили его, хватая за ноги и даже не думали отступить. Великий Мудрец заволновался и решил пустить в ход волшебство. Выдернув у себя пучок волос, он разжевал их на мелкие кусочки и, выплюнув, крикнул:

— Изменитесь!

В тот же миг появились тысячи Сунь У-кунов. Те, которые были побольше, действовали посохом, которые поменьше — работали кулаками. А самые маленькие, которым уже не оставалось места для действия, стали прокусывать духам жилы. Такого натиска духи не выдержали.

— О господин! — взмолились они. — Плохи наши дела! Сил больше нет. Куда ни глянешь, везде Сунь У-кун!

Так Сунь У-куну удалось отогнать духов. Бросив на произвол судьбы своего окруженного врагами начальника, они бежали куда глаза глядят.

Старый дух пришел в замешательство, однако тут же нашелся и, не переставая размахивать мечом, правой рукой вытащил из-за ворота банановый веер. Затем он взглянул на ярко пылающее солнце, на свой дворец и с треском раскрыл веер. В тот же миг всю землю обьяло пламя; здесь следует сказать, что банановый веер был талисманом, с помощью которого можно было вызывать огонь. Старый дух был жесток. Он несколько раз махнул веером, и пламя охватило небо.

Не был тот огонь ниспослан с неба,
И огнем домашней печи не был,
В очаге не бился утром рано;
Не вставал над головой вулкана;
Это был огонь иной, священный,
Слитый из пяти стихий вселенной.

Этот веер из листа банана
Наделен был силой талисмана,
Не был он созданием рукотворным:
В миг, когда сам хаос лег покорным,
Он возник, украсив мирозданье.
Взмах его рождал огня блистанье —
Огненное море в Поднебесной,
Мир пронзая молнией чудесной.
Алым шелком тот огонь клубился,
Красною зарею золотился,
Но ни струйки дыма не мелькало
На завесе золотисто-алой.

Ослепляло это пламя взоры,
Полымем охватывало горы,
И в лесах забушевало пламя,
Загорелись сосны фонарями,
И, жалея роскошь оперенья,
Птицы ввысь взлетали для спасенья,
И бежали звери по дороге,
Покидая норы и берлоги,
Даже камня расплавлялось тело —
Вся земля в том пламени горела.

Великий Мудрец пришел в ужас при виде этого зловещего зрелища.

— Дело дрянь! — воскликнул он. — Сам-то я еще выдержу, а вот волоски мои пропадут. В таком адском огне они сгорят в два счета!

Сунь У-кун встряхнулся, произнес заклинание и водворил выдернутый пучок шерсти на место. Лишь один волосок он оставил в виде собственного подобия, заставив его спастись от огня. Себя же он обезопасил заклинанием и, сделав прыжок вверх, ринулся к пещере Цветов лотоса. Все помыслы его были устремлены на то, чтобы спасти учителя. В миг очутился он у пещеры и, спустившись на облаке вниз, увидел множество духов. Боже, во что они превратились! Проломленные черепа, перебитые ноги, израненные тела. Эти несчастные существа испускали душераздирающие вопли. При виде их Сунь У-кун еще больше рассвирепел и, яростно размахивая своим посохом, ринулся вперед. И, увы! Он забыл о своем человеческом облике, который приобрел путем неисчислимых испытаний, и снова превратился в покрытое шерстью звероподобное существо. Покончив с духами, Великий Мудрец ворвался в пещеру. Но и тут все было охвачено огненным сиянием. От страха у Великого Мудреца подкосились ноги.

— Все кончено,— воскликнул он.— Огонь проник в пещеру и все сжег! Теперь уж мне не спасти учителя!

Однако постепенно Сунь У-кун стал приходить в себя и осмотрелся кругом. И вдруг, к своему великому удивлению, он обнаружил, что это не огонь, а золотое сияние. Тут он окончательно успокоился и, присмотревшись повнимательнее, увидел, что сияние это излучает кувшин, сделанный из белоснежного нефрита.

«Какой великолепный талисман! — с восхищением подумал он: — там, в горах, он тоже излучал сияние, я отобрал этот кувшин у духа, но через некоторое время он отнял его у меня и спрятал здесь».

С Сунь У-куном творилось что-то невообразимое. Он схватил кувшин и, забыв об учителе, бросился к выходу. Но не успел он выйти из ворот, как увидел перед собой старого духа, который, держа в руках меч и веер, приближался к пещере с южной стороны. Сунь У-кун хотел ускользнуть, но дух взмахнул мечом и ударил его. Великий Мудрец совершил прыжок в высоту и бесследно исчез.

Оставим его пока и расскажем о том, как старый дух, подойдя к пещере, увидел валявшихся на земле раненых и убитых. Он пришел в полное отчаяние и, устремив взор к небу, тяжело вздохнул:

— О горе! О несчастье!

О том, что произошло, сложены стихи:

Ненавистный и упрямый,
И подобный обезьяне,
Из чудесной оболочки
Он спустился в мир страданий.

И в таком перерожденье
Был удел его печальный;
Позабыл он, заблуждаясь,
Образ свой первоначальный.

Словно лебедь, потерявший
На пути родную стаю,
Горько плача, говорил он:
«Я тоскую, я страдаю!

Потеряв свою дружину,
Я плачусь за преступленья,
Но когда же я достигну
Искупленья и прощенья!

И для странника земного
Скоро ль кончатся дороги,
Чтоб вернуться просветленным
В те небесные чертоги!..»

Горю и стыду старого духа, казалось, не было предела. Едва волоча ноги, он с плачем поплелся в пещеру. Здесь все было как и прежде, все вещи стояли на своих местах, поражала лишь глубокая тишина: кругом не было ни души. Это еще больше опечалило старого духа. Он бес- сильно склонился на каменный стол, поставил свой меч и, заткнув за ворот веер, погрузился в глубокий сон. Не зря говорят: «Радость заставляет человека ликовать, грусть — навеивает сон».

Однако вернемся к Великому Мудрецу. Вскочив на облако, он долго в раздумье стоял перед горой, размышляя о том, как бы ему спасти учителя. Наконец он крепко-накрепко привязал к поясу кувшин, решив вернуться к пещере и разведать, что там творится. Очутившись у пещеры, он увидел, что ворота распахнуты настежь. Кругом стояла мертвая тишина. Осторожно ступая, Сунь У-кун вошел внутрь и неожиданно увидел старого духа, который, облокотившись на каменный стол, громко храпел. Из-за воротника у него торчал банановый веер, прикрывая половину головы, а рядом, у стола, стоял семизвездный меч. Сунь У-кун осторожно подошел к духу и потихоньку выдернул у него из-за воротника веер. Однако тут же бросился бежать к выходу. Дело в том, что ручка веера зацепилась за волосы духа, и тот, конечно, сразу же проснулся, поднял голову и, увидев, что Сунь У-кун выкрал веер, схватил меч и бросился за ним вдогонку. Но Сунь У-кун успел выбежать из пещеры. Воткнув веер за пояс, он начал обеими руками размахивать своим посохом и приготовился к бою с духом. Между ними разгорелся ожесточенный бой:

Князь духов был разгневан до предела,
И шапка на главе не усидела.
Он Сунь У-куна проглотить хотел:
«О злая тварь! Смирись, пока ты цел!
Весь полон ты насмешкой и обманом,
А нынче ты пришел за талисманом!
Не счесть мне слуг, погубленных тобой,
И потому — начнем смертельный бой!»
А Сунь У-кун отвечивал сердито:
«Чем только голова твоя набита!
Мой жалкий, неспособный ученик,
Из-за чего ты подымаешь крик?
Со мной, чье имя издавна почтенно,
Ты в смертный бой вступаешь дерзновенно?
Гранит крепче дюжины яиц,
И ты падешь передо мною ниц!»
Меч с посохом по воздуху летали,
И жалости враги в бою не знали,
Волчком вертелись, бились так и сяк,
Являя мастерство своих атак.
Учитель шел за свитками Писаний,
Чтоб Будде поклониться на Линшани; *

Из-за него великая вражда
Возникла у противника тогда,
Подобная вражде огня с металлом;
Все пять стихий в смятении немало —
Противники владеют силой чар.
Рождает бурю мастерской удар;
Уж в небе солнце начало садиться,
А на земле все так же битва длится.
Все ж наконец, совсем лишившись сил,
Владыка духов первым отступил.

Раз сорок схватывались противники. День клонился к вечеру. Наконец дух понял, что ему не устоять против Сунь У-куна. Мы не будем подробно рассказывать о том, как он бросился бежать на юго-запад, к пещере Поверженного дракона.

Расскажем лучше о Великом Мудреце. Он спустился на облаке, вбежал к пещеру Цветов лотоса и освободил Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, которые рассыпались в благодарностях перед своим спасителем.

— Куда же девались духи? — спросили они наконец.

— Второй начальник духов сидит в тыкке, и теперь от него осталась одна водичка, — отвечал Сунь У-кун. — Первого начальника я победил в бою, и он бежал на юго-запад, в направлении горы Поверженного дракона. Младших духов я перебил почти всех. Некоторые из них, раненые, прибежали в пещеру, и тут я добил их. Вот почему мне и удалось освободить вас.

Танский монах без конца выражал ему свою благодарность.

— Ученик мой! — говорил он: — Как много тебе пришлось потрудиться из-за меня.

— Верно, — отвечал Сунь У-кун смеясь, — поработать пришлось изрядно. Ведь вы страдали только от того, что были подвешены. Я же ни минуты не оставался в покое. Бегать мне пришлось куда больше, чем солдатам, обслуживающим почтовые станции. Лишь благодаря тому, что я выкрал у старого духа волшебный талисман, мне удалось изгнать его из пещеры.

— Брат, а ты дай нам взглянуть на твою тыкву, — попросил Чжу Ба-цзе. — Наверное, второй дух уже растворился там.

Великий Мудрец отвязал от пояса кувшин, затем вынул золотой шнур и веер и наконец достал тыкву.

— Только открывать ее пока не надо, — сказал он. — Ведь когда второй дух захватил меня в эту тыкву, я напустил слюны, а он подумал, что я растворился, и открыл крышку. Благодаря этому мне удалось выбраться на свободу. Нет, сейчас никак нельзя открывать крышки, иначе он ускользнет.

После этого учитель и ученики пришли в прекрасное расположение духа, разыскали в пещере рису, муки, овощей, разожгли очаг, приготовили себе постной пищи и наелись досыта. Затем они улеглись спать, и ночь прошла без особых происшествий.

Наступил следующий день. Тут следует еще сказать, что, когда старый дух прибыл к горе Поверженного дракона, он собрал там всех духов-служанок и рассказал им подробно о том, как была убита колдунья-мать, захвачен его брат, как были уничтожены все его подчиненные духи и как, наконец, у него украли волшебные талисманы. Выслушав все это, служанки зарыдали. Они долго плакали, пока наконец старый дух не сказал им:

— Хватит вам убиваться. У меня еще остался один талисман — семизвездный меч. Сейчас я хочу возглавить ваш отряд. Мы сначала пройдем за гору Поверженного дракона, там попросим помощи наших родичей и непременно отомстим Сунь У-куну.

Едва успел он это сказать, как появилась привратница.

— Господин начальник! Ваш дядюшка, живущий за горой, прибыл во главе отряда, — доложила она.

Услышав это, старый дух облачился в траурное платье и, низко кланяясь, вышел встречать своего родственника. Этот дядюшка приходился младшим братом его матери и звали его князь Ху Аци. Дозорные служанки сообщили ему, что Сунь У-кун убил его сестру, принял ее образ и, выкрав волшебные талисманы у его племянника, вот уже несколько дней подряд ведет бой за гору Пиндиншань. Услыхав об этом, дядюшка собрал отряд в двести воинов и поспешил на помощь племяннику. Однако сначала он решил побывать в доме у сестры, чтобы разузнать, что произошло. Когда он вошел в пещеру и увидел старого духа в траурной одежде, он не выдержал и расплакался. Вместе с ним заплакал и старый дух. Затем он совершил перед дядюшкой поклоны и рассказал обо всем, что здесь произошло. Выслушав это, дух Ху Аци рассвирепел. Он приказал своему племяннику снять траур, взять меч и собрать отряд из духов-женщин. Когда все было сделано, они, оседлав облака, что было мочи помчались на северо-восток.

Как раз в это время Великий Мудрец велел Ша-сэну приготовить завтрак, чтобы подкрепиться и выступить в путь. Вдруг до их ушей донеслось завывание ветра. Они вышли из пещеры и увидели отряд духов, мчавшийся прямо к ним. Великий Мудрец встревожился.

— Брат! — крикнул он Чжу Ба-цзе, поспешно вернувшись в пещеру. — К этому духу прибыло подкрепление!

От отчаяния Трипитака даже в лице изменился.

— Ученик мой! Что же теперь делать?! — воскликнул он.

— Ничего, успокойтесь, учитель, — сказал смеясь Сунь У-кун. — Дайте мне все их волшебные талисманы.

С этими словами Великий Мудрец крепко привязал к поясу тыкву и кувшин, золотой шнур положил в рукав, а веер заткнул за ворот и в руки взял свой посох. Ша-сэну он приказал оставаться в пещере и охранять учителя, Чжу Ба-цзе велел вооружиться граблями, а сам взял посох и вместе с Чжу Ба-цзе вышел навстречу противнику.

Дух тем временем тоже приготовился к сражению и выстроил свой отряд в боевом порядке. Сунь У-кун увидел перед собой князя Ху Аци. У князя было белое, как нефрит, лицо, обрамленное длинной бородой, жесткие, как сталь, брови и уши, словно два жала. Голову его покрывал шлем из литого золота. Сам он был одет в кольчугу, в руках держал алебарду.

— Вот я тебе покажу, низкая, подлая обезьяна! — загремел он. — Как ты посмела оскорблять людей! Ты украла волшебные талисманы, погубила моих родственников, перебила духов-воинов, а теперь еще осмелилась захватить пещеру! Сейчас же протягивай свою шею, и я казню тебя, чтобы отомстить за свой род!

— Ах вы мерзкие чудовища! — закричал, в свою очередь, Сунь У-кун. — Вы что же не знаете способностей вашего деда Суня? Ни с места! Сейчас вы познакомитесь с моим посохом!

Однако дух успел уклониться, избежал удара и, взмахнув алебардой, налетел на противника. И вот между ними в горах завязался бой. Они то на скакивали друг на друга, то отступали. После трех-четырех схваток дух почувствовал, что теряет силы, и бежал с поля боя. Сунь У-кун бросился было за ним вдогонку, но путь ему преградил старый дух, и Сунь У-куну пришлось вступить с ним в бой. После трех схваток он заметил, что дух Ху Аци вернулся и снова устремился в атаку. Но Чжу Ба-цзе своими граблями преградил ему путь. Тогда между ними также завязалась борьба. Они бились очень долго, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Наконец старый дух что-то крикнул, и его тотчас же окружили подчиненные.

Вернемся, однако, к Трипитаке. Как вам известно, он оставался в пещере Цветов лотоса и теперь слышал отчаянный шум и крики, потрясавшие землю.

— Ша-сэнь, — сказал он, не вытерпев. — Сходи разузнай, как там дела.

Ша-сэн взял посох, усмиряющий духов, и выбежал из пещеры. Издав боевой клич, он ринулся на духов, и ему удалось разогнать их. Дух Ху Аци понял, что дело плохо, повернул и бросился бежать. Но тут его нагнал Чжу Ба-цзе и, размахнувшись своими граблями, нанес ему такой удар, что у того сразу из девяти ран брызнула кровь. Только одна настоящая душа Ху Аци устремилась вперед! И когда Чжу Ба-цзе оттащил труп в сторону и снял с него одежду, он увидел перед собой оборотня-лисицу.

Увидев, что дядя убит, старый дух бросил Сунь У-куна и, взмахнув своим мечом, ринулся на Чжу Ба-цзе. Однако тот вовремя успел отразить удар граблями. И вот, когда бой был в самом разгаре, появился Ша-сэн. Взмахнув посохом, он ударил духа. Против такого натиска дух не мог устоять, взвился на облако и исчез в южном направлении. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн ринулись за ним.

А Великий Мудрец, заметив, что дух убегает, совершил прыжок в облака и здесь, направив на него свой волшебный талисман-кувшин, крикнул:

— Золоторогий князь!

Дух решил, что его зовет кто-нибудь из подчиненных духов, пострадавших в бою, откликнулся на зов и в миг очутился в кувшине. Сунь У-кун тотчас же запечатал его полоской бумаги с заклинанием: «По срочному повелению великого божественного Лао-цзюня». Вдруг Сунь У-кун заметил, что семизвездный меч упал на землю, и бережно поднял его.

— Дорогой брат,— обратился к нему Чжу Ба-цзе,— меч у тебя, а где же сам волшебник?

— Все в порядке! — отвечал смеясь Сунь У-кун.— Он у меня в кувшине.

Услышав это, Ша-сэн и Чжу Ба-цзе возликовали.

И так, покончив со всей этой нечистой силой, они вернулись в пещеру.

— Учитель,— радостно сообщили они Трипитаке,— теперь горы свободны. Вы можете садиться на коня, и мы отправимся дальше.

Трипитака не мог скрыть своей радости. После завтрака они собрали вещи, Трипитака сел на коня, и они двинулись в путь на Запад.

Неожиданно они увидели на дороге слепого старца, он подошел к ним, остановил коня Трипитаки и сказал:

— Куда путь держишь, монах? Возврати мне мои волшебные талисманы!

— Ну, все кончено! — испуганно сказал Чжу Ба-цзе.— Это старый дух явился за своим талисманом!

Однако, внимательно присмотревшись, Сунь У-кун при-

знал в нем великого Лао-цзюня и, выступив вперед, поспешил совершить перед ним поклоны.

— Почтенный старец,— молвил он,— куда путь держите?

Тут старец мгновенно вознесся на девятое небо в нефритовые чертоги и воссел на трон.

— Сунь У-кун,— сказал он,— верни мои волшебные талисманы!

— Какие талисманы? — спросил Сунь У-кун, поднявшись вслед за ним на небо.

— Тыква — это сосуд, в котором я хранил эликсир бессмертия,— молвил старец.— В кувшине я держал воду. Меч я использовал для переплавки духов, веером поднимал огонь, а шнур служил мне поясом. Один из этих духов прислуживал у моей золотой печи, другой — у серебряной. Они выкрали у меня эти талисманы, сбежали на землю, и я никак не мог узнать, где они находятся. Лишь благодаря тебе мне удалось установить это. Ты оказал мне огромную услугу.

— Нельзя сказать, чтобы ты, почтенный старец, отличался особой вежливостью! — сказал Сунь У-кун.— Распустил своих слуг, а они сошли на землю и превратились здесь в нечистую силу. Тебя следовало бы наказать за плохой надзор за подчиненными.

— Ты меня в это дело не впутывай, я тут ни при чем,— отвечал старец.— Это бодисатва с Южного моря три раза обращалась ко мне с просьбой одолжить ей этих подростков. Вот их-то она и превратила в духов для того, чтобы испытать вашу волю и решимость.

— А эта бодисатва, оказывается, вероломна,— сказал, выслушав его, Сунь У-кун.— Когда она освободила меня из заточения и велела мне охранять Танского монаха во время его паломничества за священными книгами, я говорил ей, что дорога эта трудная и сопряжена с большими опасностями. Она обещала мне в самые трудные моменты приходить нам на помощь. А теперь вместо этого подсылает к нам всякую нечисть. Может быть, это и нехорошо, но могу пожелать ей только одно — всю жизнь сидеть без мужа! Если бы вы сами не пришли за этими талисманами, почтенный старец, я никому не отдал бы их. Ну, а раз уж вы откровенно рассказали мне все, забирайте их себе.

Получив свои пять талисманов, старец раскрыл тыкву и кувшин, выпустил содержащийся в них дух бессмертных и, указав на него пальцем, превратил его в двух подростков, золотого и серебряного, которые тут же стали по обеим сторонам от него. Тотчас же воздух озарился золотым сиянием.

Легко ступая, вместе с Лао-цзюнем они направились во дворец Тушита и, забыв все заботы, в состоянии полного блаженства, поднялись на небо Дало *.

Если вы хотите узнать о том, что с нашими паломниками происходило дальше, как Великий Мудрец сопровождал Танского монаха и когда им удалось добраться до Запада, прошу вас обратиться к следующим главам.





ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

повествующая о том, как хитроумная обезьяна заставила подчиниться все существа и как через раскрытые двери она любовалась яркой луной

Итак, продолжим наш рассказ. Сунь У-кун опустился на облаке вниз и поведал своему учителю историю о том, как бодисатва попросила Лао-цзюня отпустить к ней подростков, находившихся у него в услужении, чтобы испытать волю паломников, и как Лао-цзюнь забрал у него свои волшебные талисманы. Трипитака преисполнился чувством глубокой благодарности к бодисатве Гуаньинь и, забыв все иные помыслы, твердо решил во что бы то ни стало, если даже это будет стоить ему жизни, добраться до Индии. Он сел на коня, которого Ша-сэн взял под уздцы, Чжу Ба-цзе взял носилки с вещами, а Сунь У-кун с посохом в руках пошел впереди. Они стали спускаться с горы. И снова им пришлось преодолевать неисчислимые трудности, терпеть голод и холод, спать под открытым небом.

Они долго шли, и вдруг перед ними выросла гора, преградившая путь.

— Ученики мои! — воскликнул Трипитака. — Взгляните! Перед нами опять возвышаются суровые горы. Надо соблюдать осторожность. Как бы снова на нас не напали злые духи!

— Учитель! — сказал на это Сунь У-кун. — Не следует поддаваться напрасному страху. Будьте смелее, сохраняйте спокойствие, и ничего с вами не случится.

— Ученик мой, — отвечал Трипитака. — Почему путь на Запад так труден? Почему до сих пор мы не можем достичь

своей цели? Ведь с тех пор как мы покинули Чанъань, уже четыре раза весна сменялась летом, а осень — зимой.

— Еще не наступило время! — со смехом отвечал Сунь У-кун. — Мы еще не вышли за двери!

— Нечего врать, дорогой брат! — вступил тут в разговор Чжу Ба-цзе. — Где это видано, чтобы у людей были такие двери?

— Дорогой мой, да мы все еще крутимся в комнате, — отвечал Сунь У-кун.

— Почтенный брат, — произнес с улыбкой Ша-сэнь. — Хватит пугать нас всякими громкими словами. Да разве бывают такие огромные комнаты? Для них и балок нигде не найдешь.

— Брат мой, — отвечал на это Сунь У-кун. — В здании, о котором я говорю, крышу заменяет небесный свод, окна — солнце и луна, балками служат горы, а наша земля образует огромный зал!

— Ладно! Хватит тебе! — перебил его Чжу Ба-цзе. — Мы, видно, крутимся на одном месте. Пошли лучше обратно!

— Ну, будет вам зря болтать! — рассердился Сунь У-кун. — Следуйте за мной!

Взяв наперевес свой посох, Сунь У-кун двинулся вперед. Перед Трипитакой открылись горные пейзажи удивительной красоты:

До рукояти звездного Ковша
Обрывистые горы достигали;
У дровосеков падала душа,
Когда, шутя, их демоны пугали.

Возвысья к совершенству, стаи лис
Охотникам грозили из тумана,
Деревьев кроны к тучам вознеслись,
В ущелье голосила обезьяна.

И жалобные крики журавлей
Все раздавались в зарослях сосновых,
Под крышею зеленою ветвей,
Средь горных пиков и хребтов суровых.

Звеня, бежал стремительный поток,
И до костей прохватывала стужа...
Когда же веял легкий ветерок,
Охватывал людей безумный ужас:

Пугалась задремавшая душа,
Казалось, угрожает ей вершина...
Взгляните, как привольно хороша
Хребтами окруженная долина!

Рычанье тигра, что идет на лов,
И горных птиц пленительное пенье...
Стада сайги на зелени лугов
И стадо легконогое оленей.

Но сколько б ни глядеть на этот край,
Вы б странников следов не увидали!
Одни следы шакальих, волчьих стай,
И Сакья-муни * выбрал бы едва ли
Для подвигов спасительных своих
Страну зверей и царство птиц лесных.

Когда они были уже далеко в горах, Трипитака от страха занемог и, остановив коня, обратился к Сунь У-куну:

Чтобы высоты мудрости увидеть,
Я не жалел усилий и труда,
Столицу приказал мне князь покинуть,
И я ушел, быть может, навсегда...
Мой путь неровен — ямы и ухабы,—
Препятствия повсюду ждут меня,
Но не замолк веселый колокольчик —
И тороплю я верного коня...
Я огибаю скалы и ущелья —
В горах ищу целебных трав ростки,
Взбираюсь за фулинем на утесы:
Здесь горы велики и высоки,
Хойсян ишу, фанцзи хочу увидеть,
Добыть мечтаю сладкое чжули ¹,
И думаю: «Когда же вновь предстану
Перед двором, оставшимся вдали?..» ²

— Вы бы лучше поменьше беспокоились, учитель,— сказал, ехидно улыбаясь, Сунь У-кун.— Нельзя так волноваться. Двигайтесь спокойно вперед — и все. А когда придет время и мне нужно будет проявить свою силу, можете быть уверены, что я сделаю это с успехом.

Любуясь горными пейзажами, наши странники не спеша продолжали свой путь и совсем не заметили, как солнце начало садиться.

От станции к станции
Десять ли,
Последний путник
Исчез вдали.

Семь тысяч уездов
И городов:
Ворота закрыты
Везде на засов.

И восемь есть рек —
Корабли везде
У пристаней спят
На тихой воде.

Есть пять управлений
И шесть палат;
Чиновники дружно
Домой спешат.

¹ Фулинь, хойсян, фанцзи, чжули — названия лекарственных растений.

² Перевод стихов И. Голубева.

И на море всюду
Закончен лов,
На башнях — удары
Колоколов...

Зажженные звезды
На небе видны,
И светится диск
Взошедшей луны.

Трипитака посмотрел вдаль и вдруг заметил в одной из долин многоярусные пагоды и различные строения.

— Ученики мои! — молвил он. — Уже наступил вечер. Но, к счастью, недалеко отсюда я вижу строения. Это, конечно, какой-нибудь монастырь. Я думаю, что нам нужно попроситься туда на ночлег. А завтра снова двинемся в путь.

— Вы совершенно правы, учитель, — согласился с ним Сунь У-кун. — Однако погодите, сейчас я выясню, что это за строения.

С этими словами Великий Мудрец поднялся в воздух и стал внимательно всматриваться. Действительно он увидел перед собой горный монастырь.

Конусообразны стены.
Гвозди вбиты у ворот,
Загибается кирпичный
Ярко выкрашенный свод.

Блещут гвозди золотые,
Сколь прекрасен этот храм!
Многоярусные башни
Устремились к небесам.

И дворцов великолепье
Затаилось между гор,
Чтоб не сразу их увидел
Любопытный вражий взор.

Семирусная башня
Укрывалась в толще туч,
И сиял от статуй Будды
Золотой небесный луч.

Храм Манджутры бодисатвы
Против храма Будды встал,
Прямо к храму Милосердья
Храм Майтрейи примыкал.

Роща сосен и бамбука
Украшала те места,
И паломников пленяли
Тишина и чистота.

Заплетала все дорожки
Ручейков веселых сеть,
И приятно было людям
На изящный сад смотреть.

А в покое созерцанья
Созерцатель наставлял,
Для занятий музыкальных
Был открыт особый зал.

Перед кафедрой, с которой
Толковал Закон монах,
Пальма бэйе * укрывала
Стан высокий в облаках.

Монастырь трех Будд великих
В небольшом стоял лесу,
Цепь фонариков сверкала
И качалась на весу.

Дивный запах благовоний
Наполнял и даль и ширь,
И казалось, что туманом
Был окутан монастырь.

Осмотрев все, Великий Мудрец спустился на облаке
вниз.

— Учитель,— сказал он.— Это действительно монастырь,
и будет очень хорошо, если мы попросимся туда на
ночлег.

Трипитака подстегнул коня, и вскоре наши путники очу-
тились около ворот монастыря.

— Учитель, а что это за монастырь? — поинтересовался
Сунь У-кун.

— Какой же ты странный,— сказал на это Трипитака.—
Я ведь только что остановил коня и не успел даже вынуть но-
ги из стремян, а ты спрашиваешь, что это за монастырь.

— Вы ведь с юности монах,— сказал Сунь У-кун,— и
прежде чем изучить священное писание, в свое время долж-
ны были, конечно, изучать конфуцианские книги. Следова-
тельно, вы человек образованный. Поэтому-то вам и оказал
свою милость Танский император, а вы не можете разобрать
даже таких крупных иероглифов!

— Ах ты подлая обезьяна! — вышел из себя Трипита-
ка.— Ты сам не знаешь, что говоришь. Я очень спешил, все
время подстегивал коня, а так как лицо мое было обращено
на Запад, то лучи солнца ослепили меня. Кроме того, эти
иероглифы над воротами покрыты пылью и грязью и их по-
чти не видно. Вот почему я не заметил их.

Услышав это, Сунь У-кун сделал магическое движение,

сразу стал выше на два с лишним чжана и, стерев рукой пыль с иероглифов, сказал:

— Ну, учитель, теперь читайте.

Над воротами была надпись из пяти иероглифов, которая гласила: «Монастырь драгоценного леса, построенный по высочайшему повелению». Приняв свой обычный вид, Сунь У-кун спросил:

— Учитель, а кто пойдет проситься на ночлег?

— Я пойду,— отвечал Трипитака.— У всех у вас чересчур уж безобразные физиономии, да и разговаривать вы вежливо не умеете. Вдобавок ко всему вы слишком заносчивы и характер у вас прескверный. Обидно будет, если из-за какой-нибудь стычки нас не пустят на ночлег.

— Ну, в таком случае не о чем больше толковать,— сказал Сунь У-кун,— и впрямь будет лучше, если вы сами пойдете.

Трипитака положил свой посох, снял головной убор, поправил на себе одежду и, молитвенно сложив руки, вошел в монастырь. Здесь, за перилами, покрытыми красным лаком, он увидел восседавших на высоком постаменте богов — хранителей ворот. Они были сделаны из глины и имели величественный и грозный вид.

С лицом железным он и бородой стальною,
Из глины слеплен, но живой на вид,
Казалось, что другой искусною рукою
Из сплавов дорогих прекрасно был отлит;

С глазами круглыми стоял он грозный справа;
Его ладонь — горой и, словно медь, красна;
А тот, что слева встал, вздымает величаво
Огромный свой кулак, чернее чугуна.

Их золотых кольчуг мерцают переливы,
Развевал ветер ленты по плечам.
Видать,— на Западе народ благочестивый:
Здесь на треножниках курится фимиам.

Увидев все это, Трипитака только головой покачивал да тяжело вздыхал.

«Если бы у нас в Китае,— думал он,— лепили из глины таких божеств, возжигали перед ними фимиам и возносили молитвы, мне не пришлось бы идти на Запад».

Не переставая вздыхать и продвигаясь дальше, Трипитака достиг вторых ворот и здесь увидел статуи четырех небесных стражей: Чиго, Довэнь, Цзэнчан и Гуан-му*, которые управляли ветром и дождем в четырех странах света — на востоке, севере, западе и юге. Пройдя вторые ворота, Трипитака увидел четыре огромные сосны. Каждая из них своей пышной, зеленой кроной напоминала раскрытый зонт. Впереди виднелся храм Будды. Почтительно сложив

ладони рук, Трипитака стал отбивать земные поклоны. Затем он обогнул статую Будды и, пройдя к задним дверям, увидел картину с изображением сидящей к нему спиной бодисатвы Гуаньинь, переправляющейся в Южное море. Вокруг, на стенах, была лепка, сделанная искусными мастерами. Лепка изображала море, легких рыбок, выскакивающих из воды, креветок, крабов, черепах. Пораженный представившейся ему красотой, Трипитака снова стал тяжело вздыхать, приговаривая:

«Как обидно! Даже рыбы почитают Будду, почему же люди не стремятся к самоусовершенствованию?»

Его грустные размышления прервал неожиданно появившийся монах. Увидев Трипитаку и решив по его благородной осанке и необычным манерам, что перед ним не простой человек, монах подошел к Трипитаке и, почтительно кланяясь ему, спросил:

— Откуда прибыли, учитель?

— Ваш покорный слуга,— отвечал Трипитака,— прибыл из Китая и по указу Танского императора следует в Индию, чтобы поклониться Будде и получить священные книги. На пути нам попался ваш монастырь, а поскольку время сейчас позднее, мы решили попроситься к вам на ночлег.

— Вы не обижайтесь на меня, учитель,— отвечал на это монах.— Я всего лишь подметальщик и звонарь. Настоятель сейчас у себя. Пойду доложу ему о вас. Если он разрешит, я вернусь и приглашу вас. Если откажет,—не обесцудьте.

— Простите, что доставил вам столько хлопот,— стал извиняться Трипитака.

Монах поспешил в келью настоятеля.

— Почтенный отец,— доложил он,— в монастырь пришел какой-то человек.

Услышав это, настоятель быстро оделся, поправил на себе головной убор пилу* и, накинув рясу, поспешил навстречу гостю.

— А что за человек пришел, тебе неизвестно?

— Взгляните, он стоит перед главным храмом,— отвечал служитель.

Трипитака стоял, прислонившись к воротам, с непокрытой головой, одетый в буддийскую одежду, сшитую из двадцати пяти полос разной материи. На ногах его были особые, монашеские, туфли, насквозь промокшие и покрытые грязью.

— Мало, видно, били тебя! — разгневался настоятель, обращаясь к монаху.— Ты что же, не понимаешь, что я имею священнический сан и могу встречать только сановных людей, приезжающих сюда возжечь фимиам. Зачем же ты

водишь меня в заблуждение? Ты только взгляни на его физиономию, и сам увидишь, что он не отличается особой честностью. Скорее всего это просто бродячий монах. А сейчас время позднее, вот он и решил напроситься к нам на ночлег. Да разве можем мы пустить его? Сказал бы ему, чтобы пристроился где-нибудь под верандой в передних помещениях, вместо того чтобы беспокоить меня!

С этими словами он повернулся и ушел обратно. Трипитака все это слышал, и глаза его наполнились слезами.

«Ну что я за несчастный человек! Правильно говорят люди: «Покидающие родные места подвергаются презрению». Я с малых лет покинул мир и постригся в монахи. Я никогда не поклонялся кумирам, не ел скоромного, не имел дурных мыслей. При чтении священных книг не таил в душе злобы или дурных побуждений. Я никогда не разрушал кирпича или черепицы на крышах храмов Будды и никогда не повредил позолоты на лицах священных архатов. И, несмотря на все это, я все же очень несчастный человек! Не знаю, в каком перевоплощении я согрешил перед небом и землей и за что небо посылает мне всю жизнь злых людей! Ну ладно! Можно было отказать нам в ночлеге — и дело с концом. Но зачем говорить такие оскорбительные слова и предлагать нам устраиваться где-то под верандой! Хорошо еще, что этого не слышал Сунь У-кун. Попробовал бы ты сказать все это ему, он угостил бы тебя своим посохом, осталось бы от тебя одно мокрое место! Ну, хватит! — сказал он тут. — Недаром говорит пословица: «Для людей прежде всего необходимо знание обрядов и музыки». Пойду попрошу его еще. Посмотрим, что он скажет».

С этими словами Трипитака пошел вслед за настоятелем и, остановившись в дверях кельи, увидел, что тот уже разоблачился и сидит там, шумно дыша; нельзя было понять, что он делает: то ли читает псалмы, то ли переписывает законы. Во всяком случае, стол его был завален всякого рода бумагами. Не смея войти внутрь, Танский монах остановился перед дверью и, почтительно склонившись, громко произнес:

— Почтенный настоятель! Ваш ученик приветствует вас и хочет обратиться к вам.

Монах, нисколько не скрывая, что появление непрошеного гостя не радует его, в ответ на приветствие лишь пробормотал:

— Откуда пришел?

— Ваш покорный слуга по повелению китайского императора Великих Танов следует на Запад, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги, — отвечал

Трипитака.— Сейчас уже поздно, и мы очень просим пустить нас переночевать. Завтра с рассветом мы двинемся дальше. Будьте милостивы, господин настоятель, приютите нас.

Выслушав его, настоятель только теперь поднялся со своего места.

— Так вы и есть Танский монах Трипитака? — спросил он.

— Ваш покорный слуга перед вами, — отвечал Трипитака.

— Вы говорите, что идете в Индию за священными книгами, — сказал хозяин, — почему же вы избрали такой странный путь?

— Я совсем не знаю здешних мест, — отвечал Трипитака.

— По прямой дороге на Запад, примерно в пяти ли отсюда, — продолжал настоятель, — есть постоянный двор: там можно остановиться на ночлег и поесть. А здесь у нас нет никаких удобств.

— Уважаемый господин настоятель, — сказал Трипитака, сложив почтительно ладони рук. — В старину говорили: «Буддийские и даосские монастыри — это почтовые станции для монахов. Если увидишь горный храм, то знай, что там для тебя найдется три шэна¹ риса». Что же побуждает вас отказать нам в приюте?

— Уж очень ты бойкий на язык, бродячий монах! — выйдя из себя, заорал настоятель.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился Трипитака.

— Древние люди говорили, — ответил на это настоятель, — «когда тигр входит в город, все закрывают ворота, хотя, может быть, он никого не укусит, но дурная слава уже давно закрепилась за ним».

— Я что-то не совсем понимаю, — произнес Трипитака.

— Сейчас объясню, — сказал настоятель. — Несколько лет назад к нашему монастырю пришли странствующие монахи, которые также расположились у ворот. Я увидел, что они продрогли; одежка на них была рваная, ноги — босые, голова — непокрытая. Меня охватила жалость, я пригласил их в келью, усадил на почетное место, распорядился, чтобы их накормили. Более того, я велел дать каждому из них старую одежду и оставил их пожить здесь на несколько дней. Кто мог подумать, что они, позарившись на привольное житье, проживут у нас несколько лет. Ну, и это еще ничего, жили бы себе и жили, так ведь начали творить всякие непотребные дела.

¹ Шэ н — мера объема, равная 1 литру.

— Что же именно они делали, позвольте вас спросить? — поинтересовался Трипитака.

— А вот послушай,— сказал монах.

Вдоль стен они слонялись от безделья,
Камнями разбивали черепицу
И, сняв ворота, путь перекрывали,
Чтоб грабежом удобней поживиться.

Из стен они выдергивали гвозди,
Зимой, ломая двери и решетки,
Их для костров своих они рубили,
Хоругви наши рвали на обмотки.

Елей в коптилки лили из лампы,
И, выменяв на редьку благовонья,
Они азартным играм предавались,
Воруя и с похмелья и спронеья!

Выслушав все это, Трипитака с горечью подумал:

«И монахи, оказывается, бывают беспутными!»

Ему хотелось плакать, но, боясь, как бы над ним не посмеялись, он потихоньку вытер слезы рукавом и, пересилив себя, поспешил покинуть монастырь и вернуться к своим ученикам. Увидев, что учитель едва сдерживает гнев и раздражение, Сунь У-кун спросил:

— Уж не побили ли вас здешние монахи, учитель?

— Нет, не побили,— отвечал Трипитака.

— Определенно побили,— вмешался Чжу Ба-цзе.— Ведь вы вот-вот заплачете.

— Может быть, они бранили вас? — снова спросил Сунь У-кун.

— Не бранили,— отвечал Трипитака.

— Почему же у вас такой расстроенный вид? — продолжал Сунь У-кун.— Уж не соскучились ли вы по родине?

— Ученики мои,— вместо ответа сказал Трипитака,— нам здесь будет неудобно.

— Наверное, здесь живут даосы? — рассмеялся Сунь У-кун.

— Даосы живут в монастырях, именуемых «гуань»,— сердито отвечал Трипитака,— а в монастырях под названием «сы» живут только буддийские монахи.

— Вы, наверное, не смогли ничего добиться,— сказал Сунь У-кун.— Ведь буддийские монахи одной с нами веры. Недаром говорится: «В буддийской общине все связаны друг с другом». Вы пока побудьте здесь, а я схожу в монастырь и посмотрю, что там делается.

С этими словами наш прекрасный Сунь У-кун потрогал свой посох с золотыми обручами, подтянул штаны и, держа посох наготове, направился прямо в храм Будды. Здесь, тыча пальцем в изображения трех будд, он громко сказал:

— Ведь вы всего-навсего глиняные фигуры, позолоченные сверху. Как же вы смеете не отвечать на обращенную к вам просьбу? Я — Сунь У-кун — сопровождаю Великого Танского монаха. Он идет на Запад поклониться Будде и попросить у него священные книги. Сейчас время позднее, и мы пришли к вам попроситься на ночлег. Немедленно извольте доложить мне ваши имена. Смотрите! Если вздумаете отказать нам в ночлеге, я одним ударом раздроблю ваши позолоченные тела и превращу вас снова в глину.

В этот момент в храм пришел служитель, чтобы возжечь вечерние благовония. Зажигая курительные свечи, он подошел к статуям и воткнул свечи в курильницу. Но тут до него донеслись угрозы Сунь У-куна. От страха служитель рухнул наземь, затем, поднявшись, взглянул на Сунь У-куна, но в ту же минуту снова упал. После этого он вскочил, мигом выкатился из храма и вбежал в келью настоятеля:

— Почтенный отец! Там пришел какой-то монах!

— Ну и бестолковые вы все! — рассердился настоятель. — Мало вас били! Ведь я сказал, чтобы этих монахов устроили под верандой, чего же ты опять лезешь ко мне? Если еще раз явишься, я велю всыпать тебе двадцать палок!

— Почтенный отец, — продолжал служитель, — это совсем другой монах, не тот, что был у вас. У него очень свирепый вид и нет спинного хребта.

— А каков он из себя? — заинтересовался настоятель.

— У него круглые глаза, острые уши, — сказал служитель. — А лицо его покрыто волосами, он напоминает бога Грома. В руках у него посох; от злости он скрежещет зубами. Сразу видно, что у него руки чешутся и он ищет повода, чтобы подраться.

— Пойду посмотрю, что за монах, — сказал настоятель.

Не успел он открыть дверь, как тотчас же увидел стремительно приближавшегося к нему Сунь У-куна. Он действительно был безобразен. Все лицо его было не то в буграх, не то во впадинах. Огненные глаза сверкали, лоб склонился как бы в поклоне. Безобразные зубы выдавались вперед и напоминали клешни краба, у которого наружу торчат только кости, а мясо находится внутри.

Увидев Сунь У-куна, настоятель быстро захлопнул дверь своей кельи. Однако Сунь У-кун высадил ее одним ударом и заорал:

— Немедленно подмести и приготовить мне помещение в тысячу цзяней¹. Я буду здесь ночевать!

Укрывшись во внутреннем помещении, настоятель шепнул служителю:

¹ Цзянь — комната.

— Откуда только взялся такой урод? Он и ведет себя так заносчиво для того, чтобы как-то прикрыть свое уродство. У нас здесь всех помещений, вместе с кельями, храмами, башней под колоколами и барабанами и обеими террасами будет не больше трехсот цзяней. А ему для спальни, видите ли, необходимо тысячу цзяней. Где же это мы возьмем их?

— Учитель,— сказал тут прислужник.— Я храбростью не отличаюсь. Уж лучше вы сами разговаривайте с ним.

— Почтенный монах,— дрожащим голосом молвил настоятель.— В нашем бедном монастыре вам будет неудобно, и мы не смеем задерживать вас здесь. Вы лучше поищите для себя ночлег где-нибудь в другом месте.

Тем временем Сунь У-кун превратил свой посох в огромный столб, поставил его посреди дворика и сказал:

— Ну, вот что, монах! Если ты считаешь, что здесь неудобно, выметайся отсюда!

— Да мы с малых лет живем в этом монастыре,— отвечал настоятель.— Он переходил по наследству от дедов к отцам, от отцов к сыновьям. От нас он должен перейти к нашим детям и внукам. А этот монах, не имеющий ни о чем понятия, хочет выселить нас отсюда.

— Почтенный отец,— взмолился слуга.— Прошу вас, не сочтите мои слова за грубость, но лучше переселяйтесь отсюда поживей. Он все равно пробьется сюда силой.

— Не говори глупостей! — рассердился настоятель.— Куда это мы пойдем? Ведь нас тут человек пятьсот. Нам просто некуда переселяться.

— Эй, монах! — услышав это, крикнул Сунь У-кун.— Раз вам некуда переселяться, выходите по одному, я угощу вас своим посохом.

— Ну, выходи,— сказал настоятель,— и прими за меня удары.

— Дорогой отец! — в отчаянии воскликнул слуга.— Как можете вы посылать меня под удары такого посоха?

— Не зря говорится,— сказал на это настоятель: — «Содержишь солдат тысячу дней, а используешь их один день». Как же ты можешь отказываться?

— Да этот посох, если упадет на человека, то придавит его.

— Что и говорить,— отвечал настоятель,— но если этот посох будет стоять во дворе, а ночью, забыв о нем, пойдешь куда-нибудь и натолкнешься на него, в голове наверняка дыра будет.

— Учитель,— сказал тогда слуга.— Вы знаете, как тяжел посох, и все же заставляете меня выходить.

С этими словами он резко повернулся и ушел к себе.

«Вот ведь беда какая, не могу я нарушить запрет,— подумал Сунь У-кун.— Если я убью хоть одного из них, учи-

тель снова обвинит меня в жестокости. Надо найти какой-нибудь предмет и стукнуть его посохом — пусть посмотрят, что из этого получится».

Оглядевшись вокруг, Сунь У-кун вдруг увидел стоявшую перед входом в жилые помещения статую льва. Взмахнув посохом, он с силой опустил его на статую: раздался страшный грохот, и каменный лев разлетелся на мелкие кусочки. Настоятель, видевший это из окна, от страха залез под кровать. Служитель же спрятался в котел, не переставая бормотать:

— Почтенный отец! Ну и тяжел этот посох! Нам не вынести его удара. Помилуй! Помилуй!

— Не бойтесь, монахи! — сказал тогда Сунь У-кун. — Я не буду вас бить. Скажите мне, сколько живет здесь всего монахов?

— Пятьсот человек, — отвечал дрожащим голосом настоятель, — а помещений всего двести восемьдесят пять.

— Ну, так вот, — продолжал Сунь У-кун. — Сейчас же соберите их всех: пусть приведут себя в порядок, наденут парадное платье и выйдут встретить моего учителя — Танского монаха. Если исполните мой приказ, я не стану вас бить.

— Отец наш, — отвечал настоятель. — Тогда мы не только выйдем ему навстречу, но и внесем его сюда на руках.

— Ну, поворачивайтесь живо! — торопил Сунь У-кун.

— Вот что, — сказал тогда настоятель слуге, — если даже у тебя от страха лопнет печень и разорвется сердце, все равно тебе придется пойти собрать всех монахов и подготовить их к встрече почтенного гостя.

Служителю ничего не оставалось делать, как пойти с риском для жизни созывать монахов. Однако он все же не осмелился выйти прямо в дверь, а выбрался через дыру, в которую лазили собаки. Очутившись перед главным храмом, он начал неистово бить в барабан и ударять в колокол. Монахи всполошились и прибежали к главному храму.

— Что случилось? Почему бьют в барабан? — слышались тревожные голоса. — Ведь еще рано!

— Немедленно переодевайтесь! — сказал слуга. — Выстраивайтесь в ряд и во главе с нашим настоятелем пойдете приветствовать прибывшего сюда почтенного отца — Танского монаха.

Монахи тотчас же привели себя в порядок, выстроились в ряд и приготовились к встрече почетного гостя. Одни из них накинули на себя ризы, другие — надели монашеские балахоны, тот, кто не имел и этого, надел простой халат. Самые бедные, у кого не было даже халатов, заменили их двумя куртками, подогнанными друг к другу.

— Ну и нарядились же вы?! — оглядев их, удивленно сказал Сунь У-кун.

— Почтенный отец! Пожалуйста, не бей нас! Дай слово молвить,— взмолились монахи, увидев свирепую обезьяну.— Эту ткань мы получили в качестве подаяния в городе, но так как у нас здесь нет портных, то пришлось нам самим смастерить себе нечто вроде одеяния.

Сунь У-кун лишь ухмыльнулся. Вместе с ним монахи вышли за ворота монастыря и опустились на колени. Настоятель, земно кланяясь Танскому монаху, громко произнес:

— Почтенный отец! Милости просим войти в наше скромное жилище.

— Ну, учитель,— сказал тут наблюдавший всю эту сцену Чжу Ба-цзе,— ничего вы не умеете делать. Вернулись вы отсюда со слезами и даже слюни распустили. Какой же это тайной обладает наш брат, что заставил встречать нас с поклонами?

— Ты, Дурень,— сказал на это Трипитака,— существо невежественное. Ведь недаром говорят, что черт, и тот боится злого человека.

Видя, что монахи стоят перед ним на коленях и отбивают земные поклоны, Трипитака почувствовал себя очень неловко и, поспешно подойдя к ним, сказал:

— Прошу вас, встаньте!

— Мы готовы стоять перед вами на коленях целый месяц,— отвечали монахи,— только заступитесь за нас, скажите вашему ученику, чтобы он оставил в покое свой посох.

— Смотри, не трогай их!— приказал Трипитака Сунь-У-куну.

— А я и не трогал,— отвечал Сунь У-кун.— Иначе от них ничего бы не осталось.

Лишь после этого монахи осмелились подняться с колен. Одни из них взяли под уздцы коня и повели его во двор, другие — подхватили вещи, третьи — понесли самого Танского монаха. Некоторые несли Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Вся эта процессия двинулась в монастырские ворота. Войдя во внутренние кельи, они расселись по старшинству, и монахи снова стали воздавать почести Трипитаке.

— Почтенный отец, прошу вас встать и больше не кланяться мне,— сказал Трипитака.— Вы просто убиваете этим меня, скромного монаха. Ведь мы все с вами братья по вере.

— Вы, почтенный отец, являетесь посланцем великой страны,— отвечал на это настоятель,— и наша вина в том, что мы вовремя не вышли встретить вас. Мы, жители горного захолустья, своими темными глазами не смогли распознать в вас высокого гостя и воздать вам надлежащие почести. Разрешите спросить вас, почтенный отец, какую вы вкушаете в пути пищу,— постную или скоромную, и чем бы мы могли угостить вас.

— Пищу мы едим только постную,— отвечал Трипитака.
— А ученики ваши, конечно, предпочитают скоромную? — продолжал настоятель.

— Нет, мы с малых лет едим постную пищу,— сказал Сунь У-кун.

— Бог ты мой! — воскликнул настоятель.— Человек с такой свирепой физиономией тоже питается постной пищей!

Тут один из монахов, который был посмелее, подошел и спросил:

— Сколько же вам, господин, надо сварить пшена, чтобы вы насытились?

— Эй ты, бестолочь! — вступил тут в разговор Чжу Ба-цзе.— Что ты все лезешь с вопросами? Накрывай на стол, чтобы было не меньше одного даня¹ на человека.

Эти слова привели монахов в полное замешательство. Они тут же бросились чистить котлы и разводить огонь. Во всех кельях начали расставлять еду и закуски, зажигали фонари, готовясь чествовать Танского монаха.

Когда трапеза была закончена и монахи убрали со стола посуду, Трипитака поблагодарил настоятеля.

— Мы доставили вашему монастырю много хлопот,— сказал он.

— Что вы, что вы,— возразил настоятель.— Уж вы извините нас за скромное угощение.

— Можно мне с моими учениками расположиться здесь на ночь? — спросил Трипитака.

— Не спешите, учитель,— отвечал настоятель.— Мы найдем для вас место поудобнее. Эй, служитель! — позвал он.— Сколько у нас там народу?

Служитель тотчас же отозвался.

— Пошлите двух человек, пусть дадут корму коню,— приказал настоятель.— Да распорядитесь убрать три комнаты, предназначенные для созерцания*. Велите приготовить гостям постели. Только поскорее, учитель хочет отдыхать.

Слуги поспешили в точности выполнить полученный наказ и пригласили Трипитаку пройти в отведенное для него помещение. Что касается учеников Трипитаки, то они, выйдя из кельи, тоже отправились отдыхать. Комнаты, где им предстояло провести ночь, были ярко освещены, на полу лежали четыре камышовых циновки.

Сунь У-кун позвал служителя и велел ему принести сена, затем привязал коня и отпустил служителя.

Трипитака уселся посреди комнаты. По обеим сторонам от него двумя рядами выстроились все пятьсот монахов, готовых служить ему.

— Прошу вас, уважаемые, вернуться в свои кельи,— ска-

¹ Дань — мера объема, равная 10 доу. 10 доу равны 103,54 литра.

зал, кланяясь им, Трипитака.— Мы сами тут как-нибудь управимся.

Однако монахи не решались уйти. Тогда вперед выступил настоятель и сказал:

— Они разойдутся уже после того, как вы, учитель, ляжете отдыхать! Устройте здесь все как следует.

— Да тут все уже устроено,— произнес Трипитака.— Очень прошу вас, идите отдыхайте.

Лишь после этого монахи решились уйти. Затем Трипитака вышел на улицу по малой нужде. Взглянув на луну, заливавшую все вокруг ярким светом, он позвал учеников.

Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн вышли и встали рядом со своим учителем. Трипитака же, пораженный сиянием луны, которая, словно огромный светильник, заливала бездонный, сверкающий перламутром небосвод и озаряла ярким светом всю вселенную, предался воспоминаниям и не мог удержаться, чтобы не сочинить экспромтом оду на старинный манер. Стихи гласили:

Зеркально ясен чистый свет луны,
Земля ж покрыта трепетною тенью,
А дивные дворцы — озарены;
В прозрачном небе — зеркала круженье,
Иль это блюдо блещет серебром,
На десять тысяч ли страна в сиянье,
Ночь — всплеск волны на море мировом;
Нет равных ей по силе обаянья.
Там — в сини — диск подвешен ледяной.
В гостинице, в селенье позабытом,
Усталый путник с думою одной
Сел под окном, холодным и раскрытым;
Вот старец одинокий задремал,
И вдруг пред ним в чудесном сновиденье
Сад ханских императоров предстал;
Старик от седины своей — в смущенье,
И к башням Цинь идет тогда Юй Лян:
Он, летописец Цинь, был и поэтом...
Уж в винной чаше плавает луна...
Не дремлет Юань Хун, носясь по свету.
Поет о снеге каждое окно,
Но стужа не страшит — вы снова юны...
В монастыре спокойно и темно,
И холодны, как лед, трепещут струны...
Мы эту ночь проводим без тревог,
Но где конец и странствий и дорог?

Когда Трипитака начал читать, Сунь У-кун подошел к нему и сказал:

— Учитель! Блеск луны вызвал у вас воспоминания о родине, но вы совсем не знаете открытых астрономами законов, установленных природой для небесных тел. Когда наступает тридцатый день месяца, блеск луны, являющийся мужским началом, исчезает, и вода, являющаяся женским началом, заливает ее диск. Поэтому луна темнеет, и от нее нет никакого

излучения света. Это называется — последний день лунного месяца. В этот момент луна соединяется с солнцем, и в промежутке между последним ее днем и первым днем новолуния она под действием солнечных лучей зачинает. В третий день месяца появляется первое положительное начало. В восьмой день зарождается второе положительное начало. И после этого на небе появляется серп луны. На пятнадцатый день все три положительных начала проявляются в полной мере и луна всплывает на небо в своем полном блеске. На шестнадцатый день зарождается первый признак отрицательного начала, а на двадцать второй день — второе отрицательное начало, и тогда луна снова принимает форму серпа. На тридцатый день все три отрицательных начала собираются вместе, и тогда луна полностью исчезает. Эти изменения луны испокон веков предопределены небом. Если мы сумеем воспитать в себе свои внутренние чувства до такого же совершенства, какое бывает на шестнадцатый день, в полнолуние, тогда мы без труда увидим Будду и свободно вернемся на родину.

Пусть меняет облик свой луна —
Ночью мир наш ею озарен,
Каждому испытывать дано
Будды всеобъемлющий закон!
Кто в святом горниле закален,
Кто большую силу обретет,
Тот достигнет западных небес —
Недоступных грешникам высот!

Выслушав это, Трипитака сразу как бы прозрел и понял истинный смысл сказанных Сунь У-куном слов. Это доставило ему огромную радость, и он искренне поблагодарил своего ученика.

Вдруг стоявший рядом Ша-сэн произнес:

— Хотя брат мой и прав, однако он сказал лишь о том, что первая фаза луны находится под влиянием положительного начала, а последняя — отрицательного и что это объясняется сочетанием элементов воды и металла. Но он совсем не упомянул о том, что:

Пусть связаны тесно огонь и вода —
Их разные судьбы по жизни вели,
Но пламени сила и сила воды
Зависят от матери общей — земли!
Когда же и тело, и мысль, и душа,
В гармонию слившись, познают покой,
Тогда уж не будут соперничать вновь
Речная вода и луна над рекой!¹

Услышав это, Трипитака снова почувствовал себя невежественным человеком. Поистине можно было сказать, что познание одной истины раскрыло перед ним тысячи других и

¹ Перевод стихов И. Голубева.

показало неверность утверждения, что человек, еще не родившийся, уже бессмертен.

Но тут к нему подошел Чжу Ба-цзе и, взяв его за руку, сказал:

— Да не слушайте вы, учитель, всю эту ерунду. Вы же не выпитесь. А что касается луны, то:

После ущерба луны —
Полнолуние следом.
Этот порядок и мне,
Без сомнения, ведом.

Жизнь у меня не всегда
Весела, беззаботна,
Так же и вы не всегда
Угощаете гостя охотно.

Чашку возьмете — слюна
Померщится в чашке!
Знаю, удел для себя
Приготовлю я тяжкий.

Все же другие себе
Уготовят блаженство.
Вам путешествие даст
Высоту совершенства.

Вам вознестись к небесам
И при жизни уж надо,
Преодолев без труда
Три последних разряда.

— Хватит! — прервал Трипитака. — Ученики мои, — сказал он, — нам предстоит тяжелый путь. Вы отдыхайте, а я почи- таю псалом.

— Мне кажется, что вам не следовало бы этого делать, учитель, — сказал Сунь У-кун. — С малых лет вы отрешились от мирской суеты и стали монахом. Разве есть какая-нибудь книга из священного писания, которую вы не читали? Танский император велел вам отправиться на Запад, поклониться Буд- де и попросить у него священные книги учения Большой ко- лесницы. Однако сейчас эту миссию вы еще не выполнили, Будду не видали и священных книг не получили. Какой же из псалмов собираетесь вы читать?

— С тех пор как я покинул Чанъань, — сказал на это Три- питака, — я каждый день вынужден переносить тяготы пути. И я боюсь, что забыл даже те священные псалмы, которые изучал в детстве. К счастью, сегодня у меня свободный вечер, и я хотел бы вспомнить то, что знал раньше.

— Ну, в таком случае мы отправимся спать, — сказал Сунь У-кун.

После этого все трое учеников улеглись на одной циновке и уснули. А Трипитака затворил дверь, высоко поднял сереб- ряную лампу, раскрыл священную книгу и стал читать. По-

истине это было время, когда раздалась

На башне дробь барабана —
Вестник ночного сна,

Стихли в жилищах люди —
Устали за день они,

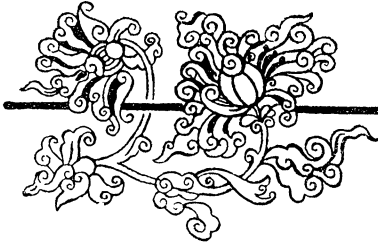
И в камышах прибрежных —
Спокойствие, тишина,

И на рыбачьих лодках
Уже не горят огни...¹

Если вы хотите узнать, как Трипитака покинул монастырь,
прочитайте следующую главу.



¹ Перевод стихов И. Голубева.



ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

повествующая о том, как умерший государь ночью посетил Танского монаха и как Сунь У-кун, применив волшебную силу, заманил в храм наследного принца

Итак, Трипитака не пошел спать, а остался в зале и при свете лампы стал поочередно читать то Лянхуай шуйчань, то сутру Павлина. Так он просидел за чтением до третьей ночной стражи. Наконец он спрятал книгу и только было собрался пойти к своей постели, как вдруг услышал за дверью какой-то странный шум,— казалось, воет ветер. Боясь, как бы не погас огонь, Трипитака поспешил заслонить свечу рукавом своей рясы. Пламя то ярко вспыхивало, то угасало. Трипитака почувствовал легкий трепет. Вдруг его охватила глубокая усталость, и, уронив голову на столик, он уснул. Однако разум его оставался совершенно ясным. Трипитака отчетливо слышал, как за окном воет ветер. О, что это был за ветер!

В неистовстве он гнал сухие листья,
Была свирепость в одичалом свисте,

И звезды робко меркли в небесах,
Он на земле кружил и пыль и прах;

Он рвал и разгонял по небу тучи,
И тучею вставал песок летучий.

Вдруг вихрь стихал — смолкал последний звук,
Лишь бормотал все жалобней бамбук;

Когда же вновь взлетал он с силой темной,—
Вставал на реках буйно вал огромный,

И ветер птиц от гнезд родимых гнал,
И гомон их, и крик не умолкал.

Метались рыбы, и пугались звери;
Вихрь окна в храме вырывал и двери;

Рождал он в духах, злых и добрых, гнев.
Светильники дымились, догорев.

Шатались колокольни и ограды,
И разбивались вдребезги лампы.

И были вазы ветром снесены:
Осколки их валялись у стены.

Разорваны хоругви были в клочья,
Угасло пламя. Мрак настал, как ночью.

Курильницы попадали ничком,
И пепел жертвенный развеялся кругом.

И вот после одного из таких бешеных порывов ветра Трипитаке вдруг послышалось, что кто-то у двери храма тихонько позвал его:

— Учитель!

Трипитака вскочил и, еще не совсем очнувшись от сна, выглянул за дверь. Там стоял человек. С его волос и одежды ручьями текла вода, из глаз лились слезы.

— Учитель, учитель! — непрерывно повторял незнакомец.

— Ты, вероятно, какой-нибудь злой дух, оборотень или черт, явившийся сюда ночью, чтобы подшутить надо мной, — сказал Трипитика. — Так знай же, что я не жаден, не корыстолюбив. Я — умудренный знаниями монах. По велению китайского императора Великих Танов я следую в Индию, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Меня сопровождают три моих ученика, все — доблестные герои. Они умеют усмирять драконов, покорять тигров и уничтожать злых духов. Если ты попадешься им на глаза, они сотрут тебя в порошок. Однако я — человек гуманный и желаю тебе только добра. Уходи-ка отсюда подобру-поздорову и не появляйся больше у дверей храма.

— Учитель! — отвечал незнакомец, прислонившись к стене. — Я вовсе не злой дух, не оборотень и не черт.

— Раз ты не злой дух, не оборотень и не черт, зачем ты появился здесь глубокой ночью?

— А вы всмотритесь в меня повнимательнее, учитель.

Трипитака последовал его совету, и, как вы думаете, кого же он увидел?

В высокой шапке
Появился он,
В халат свой золотистый
Облачен;
А на халате
Вышиты драконы
И фениксы

Дающие поклоны.
И вышиты на туфлях
Облака;
Сжимала скипетр яшмовый
Рука.
Семь звезд Ковша
На скипетре блистали;
Черты его
Того напоминали,
Кому был Дун-юэ *
Властительный удел,
А облик он такой,
Как бог Вэнь-чан *, имел.
Премудрый этот бог,
Высокопросвещенный,
К литературе нашей
Благосклонный.

От волнения Трипитака даже в лице изменился.

— Вы из какого царствующего дома, ваше величество?! — громко спросил он, поспешив склониться перед пришельцем в почтительном поклоне. — Прошу вас, садитесь!

Он хотел усадить своего гостя, но рука его поймала пустоту. Тогда он отошел и сел, однако, взглянув перед собой, снова увидел незнакомца.

— Ваше величество,— обратился к нему Трипитака.— Где находится ваше царство? Очевидно, в вашей стране не все спокойно, вы подвергаетесь оскорблениям своих коварных сановников и решили ночью бежать, чтобы спасти жизнь. Если вы хотите что-нибудь сказать, говорите, пожалуйста, я вас слушаю.

У незнакомца еще сильнее полились слезы, и он с горечью поведал Трипитаке обо всех своих бедах.

— Учитель,— начал он.— Мой дом находится всего в сорока ли отсюда, прямо на Запад. Там есть город, окруженный стеной и рвом,— это и есть то место, где я основал династию.

— А как это место называется? — спросил Трипитака.

— Мне нечего скрывать от вас, учитель,— отвечал незнакомец,— это и есть государство, которое я основал в свое время и впоследствии переименовал его в Уцзиго.

— Что же вас встревожило, ваше величество, и почему вы прибыли сюда? — спросил Трипитака.

— Учитель,— отвечал незнакомец.— Пять лет назад эти края пострадали от засухи. Посевы погибли. Люди умирали с голоду, и мне было очень тяжело.

— Но, ваше величество,— покачав головой, с улыбкой сказал Трипитака,— еще в старину говорили: «Когда государь справедлив, то и небо посылает ему свои милости». Очевидно вы забыли о том, что надо проявлять гуманность к своим подданным. Коль скоро у вас наступил голод, зачем вы покинули вашу страну? Возвращайтесь обратно, откройте амбары, по-

можете народу и покайтесь в содеянных вами несправедливых поступках. Начните творить добро, объявите о помиловании всех безвинно осужденных, и небо ниспошлет вам благодатный дождь.

— Наши амбары были пусты,— отвечал незнакомец.— В казне не было ни гроша. Нечем даже было выплачивать жалованье гражданским и военным служащим. Мне самому приходилось довольствоваться постной пищей. Как великий Юй *, усмиривший реки, я вместе с народом терпел радости и беды, совершал омовения и соблюдал посты. Ни днем, ни ночью мы не переставали молиться и возжигать фимиам. Так продолжалось ровно три года. Но засуха не кончалась, реки и колодцы высохли. И вот, когда бедствие, казалось, достигло предела, с гор Чжуннаньшань к нам пришел один бессмертный, который обладает способностью вызывать ветер и дождь и превращать камень в золото. Он повидался сначала с моими гражданскими и военными чиновниками, а затем явился ко мне, и я тотчас же попросил его совершить моление о дожде, на что он охотно согласился. Как только в его руках зазвене-ла пластинка повелений, полил дождь. В тот момент мне казалось, что если осадков выпадет в количестве трех чи, то этого будет вполне достаточно. Однако бессмертный заявил, что, поскольку засуха стоит давно, надо, чтобы осадков было на два цуня больше этого количества. За его доброту я совершил перед ним восемь поклонов и назвал его своим младшим братом.

— Так ведь вам привалило огромное счастье, ваше величество! — сказал, выслушав его, Трипитака.

— Какое там счастье! — возразил незнакомец.

— А как же! Раз этот бессмертный обладает такими способностями,— сказал Трипитака,— он, как только понадобится, может вызвать дождь, а из камня сделать золото. Теперь у вас ни в чем не должно быть недостатка, почему же вы покинули свою страну?

— Целых два года,— продолжал незнакомец,— я спал и ел вместе с этим бессмертным. И вот, когда наступила третья весна, зацвели персики и абрикосы и распустились цветы, и стар, и млад, и простолюдин, и знатный человек,— все вышли насладиться весенним теплом и полюбоваться весенними пейзажами. Чиновники ушли из Ямыня, а жены и наложницы бродили по дворцу. В это время мы с бессмертным, прогуливаясь рука об руку, пришли в императорский сад и как-то незаметно очутились у восьмигранного хрустального колодца. Мой спутник бросил в колодец какую-то вещь, и оттуда появилось золотое сияние. Бессмертный позвал меня, будто взглянуть на драгоценность, брошенную в колодец. На самом же деле он замыслил недоброе и, как только я подошел к колодцу, столкнул меня туда; затем он завалил колодец камнем и

землей и посадил банановое дерево. Пожалейте меня, учитель! Три года прошло с тех пор, как я превратился в бесприютного духа,— запричитал незнакомец.

Услышав, что перед ним дух, Трипитака снова испугался и почувствовал слабость в коленях. Однако ему ничего не оставалось делать, как продолжать начатый разговор.

— Вы говорите весьма странные вещи, ваше величество,— сказал он.— Если вы умерли три года назад, то почему вас не разыскивают ваши многочисленные подчиненные, ваши жены и наложницы, которые должны ежедневно являться к вам на прием?

— О учитель! — отвечал незнакомец.— Этот бессмертный обладает редкими способностями. Погубив меня, он тут же в саду встряхнулся и превратился в точную мою копию. С того времени он завладел моей страной, и все мои чиновники, четыреста придворных служащих, жены в трех дворцах, наложницы шести палат подвластны ему.

— Простите, ваше величество,— сказал Трипитака,— но человек вы очень несмелый.

— Почему вы так думаете? — удивился незнакомец.

— Если этот бессмертный, пустив в ход волшебство, сумел принять ваш образ и захватить вашу страну, о чем не знают ни ваши чиновники, ни ваши жены, а знаете вы один, вы должны обратиться с жалобой к владыке ада Янь-вану.

— Его волшебная сила необычайно велика,— сказал незнакомец,— кроме того, он водит дружбу с владыками царства смерти. Бог — покровитель моего города — постоянно с ним пирует, а драконы — цари морей тоже его лучшие друзья. Цитянь — владыка горы Тайшань — его близкий приятель, а десять судей царства смерти — его названные братья. Теперь вы сами видите, что мне некому пожаловаться.

— Раз вам некому пожаловаться,— сказал тогда Трипитака,— зачем вы явились в царство света?

— Учитель,— отвечал незнакомец,— разве осмелился бы я, бесприютный дух, прийти и беспокоить вас! Дело в том, что возле этого монастыря сейчас находятся духи всех небес, охраняющие законы Будды, даосские духи тьмы и света — Людин и Лю-цзя, духи — распространители учения Будды, духи — стражи времени и восемнадцать духов, защищающих буддийскую религию, которые все следуют за вами. Только что я был подхвачен порывом ветра, вызванным ночным духом, и вмиг очутился здесь. Этот дух сказал, что трехлетний срок моих испытаний кончился, велел мне явиться к вам и поклониться. От него мне стало известно, что у вас есть ученик по прозвищу Великий Мудрец, равный небу, который обладает огромной волшебной силой, умеет усмирять злых духов и чертей. Вот я и пришел поклониться вам и нижайше просить отправиться в мою страну, изловить злого волшебника и восстановить спра-

ведливость. А уж я, как только представится случай, постараюсь отблагодарить вас за эту милость.

— Значит,— сказал Трипитака,— вы пришли просить моего ученика уничтожить поселившегося у вас злого духа?

— Совершенно верно,— подтвердил незнакомец.

— Если бы вы стали уговаривать моего ученика сделать для вас что-нибудь другое,— сказал Трипитака,— то вряд ли он смог бы для вас быть полезным, но усмирять злых духов он любит больше всего на свете. Послать его в вашу страну, конечно, можно, боюсь только, как бы мы не нарушили закона.

— Каким образом? — спросил незнакомец.

— Вы говорили, что дух этот обладает огромной волшебной силой,— сказал Трипитака,— и сумел даже превратиться в точную вашу копию. Теперь все ваши сановники преданы ему, а ваши жены питают к нему чувство привязанности. Поэтому какими бы способностями мой ученик ни обладал, вряд ли он решится пустить в ход оружие. Ваших подчиненных очень много и, если им удастся схватить его, нас могут обвинить в подрыве устоев государства и посадят в тюрьму. Да, все это очень сложно! Не будет ли это равносильно тому, что мы начнем рисовать тигра, а у нас получатся только лебеди!

— Во дворце есть преданный мне человек,— отвечал незнакомец.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Трипитака.— Это, очевидно, один из наследных принцев? В какую область вы направили его нести оборону?

— Нет,— отвечал незнакомец,— это мой родной сын — законный наследник престола. Он живет во дворце.

— Но, очевидно, ваш наследник разжалован злым волшебником,— сказал Трипитака.

— Пока еще нет,— сказал незнакомец.— Но он находится либо в зале Золотых колокольчиков, либо в зале Пяти фениксов. А может быть, занимается науками с учеными мужами или же с этим бессмертным сидит на троне. Во всяком случае, последние три года ему запрещено появляться во дворце и даже видеться с матерью.

— Почему же это? — удивился Трипитака.

— Так хочет волшебник,— сказал незнакомец.— Он боится, что если мать с сыном будут встречаться, то в разговоре у них могут возникнуть какие-нибудь подозрения. Поэтому он и не разрешает им видеться, надеясь навсегда остаться на троне.

— Это небо послало вам испытание. Когда-то мне пришлось пережить нечто подобное. Мой отец был убит речным разбойником, который похитил мою мать. А через три месяца после этого печального события родился я. Меня положили в

корзину и пустили в реку. К счастью, я приплыл к монастырю Цзиньшаньсы и попал в руки к его настоятелю, который воспитал меня. Я хорошо знаю, что значит расти без родителей, и потому глубоко сочувствую вашему сыну. Но я не представляю себе, как можем мы встретиться с ним?

— А что же в этом трудного? — спросил незнакомец.

— Ведь он находится под строжайшим надзором волшебника и не может встречаться даже с матерью. Как же я, простой монах, смогу объяснить свое желание повидаться с ним?

— Завтра утром он выедет из дворца, — сказал незнакомец.

— Куда же он отправится? — спросил Трипитака.

— На охоту. Его будет сопровождать отряд в три тысячи человек, с соколами и собаками. И тут, конечно, вы сможете встретиться с ним. Умоляю вас, передайте ему все, что я сказал. Он поверит вам.

— Но ведь он — простой смертный, — возразил Трипитака. — И, как все во дворце, обманут волшебником, к которому он по нескольку раз в день обращается, как к своему отцу. Как же он может верить мне?

— Ну, тогда я дам вам одну вещь, — сказал незнакомец.

— Какую именно? — поинтересовался Трипитака.

— Эта вещь послужит вам как бы условным знаком. — С этими словами незнакомец положил перед Трипитакой жезл из белого нефрита с золотыми краями.

— Что это за вещь? — спросил Трипитака.

— Когда волшебник принял мой облик, — сказал незнакомец, — ему недоставало только одной этой вещи. После того как он погубил меня и, приняв мой образ, вернулся во дворец, он заявил, что этот жезл у него похитил волшебник. Так все эти три года он и не имеет этой регалии. И если теперь мой сын увидит этот жезл, он все поймет и отомстит за меня.

— Ну, что ж, оставьте этот жезл, — сказал Трипитака. — Я скажу своему ученику, чтобы он помог вам. Но где вы будете ждать его?

— Я не могу ждать, — ответил незнакомец. — Мне надо уходить. Сейчас я попрошу ночного духа, чтобы он вызвал ветер и доставил меня во дворец. Я явлюсь во сне своей супруге и скажу ей, чтобы она с сыном помогла вам и вашим ученикам.

— Хорошо, отправляйтесь, — согласился Трипитака.

После этого дух совершил перед Трипитакой земной поклон и распрощался с ним. Трипитака поднялся было, чтобы проводить его, но неожиданно споткнулся и упал. Тут он окончательно проснулся и понял, что все это был сон. Свеча догорала. Трипитака сидел испуганный и взволнованный,

— Ученики! Ученики! — стал он звать.

— Кто это тут о земле¹ заговорил? — заворчал, проснувшись, Чжу Ба-цзе.— В прежние времена, когда я был еще добрым молодцем, я питался человеческим мясом и бараниной. Вот это была жизнь. Из-за вас я пошел в монахи, вы заставили всех нас сопровождать вас в вашем путешествии. Сначала вы сказали, что мы будем просто монахами, а теперь превратили нас в настоящих рабов. Днем тащи коромысло с вещами и веди коня, ночью — подавай горшки да согревай вас своим телом! И сами не спите и своим ученикам не даете никакого покоя.

Тут снова раздался голос Трипитаки:

— Ученики мои! Я только что видел какой-то странный сон.

— Учитель,— сказал, вскочив на ноги, Сунь У-кун.— Снится всегда то, о чем думаешь. Как только вы попадаете в горы, у вас возникает страх перед духами, либо вы начинаете опасаться, что не доберетесь до монастыря Бога грома. Еще вы часто вспоминаете Чанъань и думаете о том, когда вернуться на родину. От этих мыслей у вас и бывают разные сны. А вот у меня только одно искреннее желание — добраться до Запада и поклониться Будде. Поэтому мне ничего не снится.

— Ученик мой,— отвечал на это Трипитака.— Сон, который я видел сейчас, вовсе не навеян думами о родине. Я видел ураган, потом неожиданно в дверях появился какой-то человек. В беседе он сообщил мне, что является правителем государства Уцзиго. С него ручьем стекала вода, а из глаз лились слезы.

Трипитака подробно передал Сунь У-куну разговор, который он вел с явившимся ему во сне гостем.

— Ну, теперь мне все ясно,— выслушав его, со смехом сказал Сунь У-кун.— Он приснился вам специально для того, чтобы задать мне работу. Волшебник, о котором вам рассказывал ночной гость, видимо решил завладеть царством. Ну, что же, ждите меня здесь, а я пойду расправлюсь с этим волшебником. Стоит мне только появиться там со своим посохом, и победа будет на моей стороне.

— Ученик мой,— сказал Трипитака.— Явившийся мне во сне человек говорил, что этот волшебник обладает огромной силой.

— Очень я боюсь его! — сказал Сунь У-кун.— Да не успеет он услышать о моем появлении, как от страха не будет знать куда деваться.

— Ах, да,— вспомнил Трипитака,— ведь он оставил тут какой-то талисман.

¹ Игра слов: ученик и земля по-китайски произносятся одинаково «ту-ди».

— Ну, что вы туман напускаете, учитель? — вмешался Чжу Ба-цзе.— Видели сон, и ладно. Зачем же зря болтать?

— «Когда человек не способен верить в честность, он все равно должен отвечать любезностью на любезность»,— сказал Ша-сэнь.— Давайте зажжем фонарь, выйдем и посмотрим, что там делается.

Так они и сделали. И вот при свете звезд и луны они действительно увидели жезл из белого нефрита с золотыми краями. Он лежал прямо на ступеньках. Чжу Ба-цзе подошел, взял его в руки и сказал, обращаясь к Сунь У-куну:

— Взгляни-ка, брат, что это за штука такая?

— Эту штуку государи держат в руке, и называется она скипетром,— сказал Сунь У-кун.— Учитель!..— обратился он вслед за тем к Трипитаке,— теперь мы убедились в том, что все рассказанное вами не сон, а действительность. Завтра я непременно изловлю этого волшебника. Но для этого мы должны выполнить три условия.

— Ну и дела! — съехидничал Чжу Ба-цзе.— То, что вы видели сон,— это полбеды, но свой сон вы рассказали Сунь У-куну. А ведь он — известный мастер надувать людей, вот теперь он и диктует вам три условия.

— Чего ж ты от меня требуешь? — спросил Трипитака, возвращаясь в помещение.

— Во-первых, завтра вы должны перенести множество испытаний, во-вторых, болезнь и, в третьих, стерпеть унижения и оскорбления.

— Пожалуй, и одно из этих условий невозможно выполнить! — воскликнул со смехом Чжу Ба-цзе.— Не то что три.

Будучи человеком умным и положительным, Танский монах спросил Сунь У-куна:

— Ученик мой, о каких же трех условиях ты говорил?

— Распространяться об этом я не стану,— сказал Сунь У-кун,— а сейчас прежде всего я хочу передать вам две вещи.

С этими словами наш Великий Мудрец вырвал у себя волосок, дунул на него и произнес заклинание:

— Изменись!

В тот же миг волосок превратился в красный лакированный ящичек с золотыми узорами. Сунь У-кун положил в него скипетр и сказал:

— Возьмите эту вещь, учитель, и, когда наступит рассвет, наденьте свою парчовую рясу, расшитую золотом, и пойдите к главному храму читать псалмы. А я побываю в стране, о которой рассказал вам ночной гость, и постараюсь расправиться с волшебником. Это вы должны зачесть мне как заслугу. Если же все это неправда, я не стану поднимать шума.

— Вот и отлично! — обрадовался Трипитака.

— Если принц не отправится на охоту, мы ничего предпринимать не будем,— продолжал Сунь У-кун.— Но, если он дей-

ствительно выедет из города, я непременно сделаю так, чтобы он встретился с вами.

— Что же я должен делать, когда увижусь с ним? — спросил Трипитака.

— Я сообщу вам, когда он будет приближаться, — сказал Сунь У-кун. — Тогда вы слегка приоткроете ящичек. Я же в этот момент при помощи волшебства уменьшу свое тело до двух цуней, и вы положите меня в этот ящичек. Как только принц подъедет к монастырю, он, несомненно, выразит желание поклониться Будде. Но вы делайте вид, что не замечаете его. Тогда принц рассердится и прикажет схватить вас. Дайте ему возможность делать с вами все, что он захочет. Если он прикажет бить вас, пусть бьют, вязать — пусть вяжут, если даже прикажет казнить, вы не возражайте.

— Как же так? — изумился Трипитака. — Ведь он обладает огромной властью. А что, если он действительно казнит меня?

— Вы ни о чем не беспокойтесь, учитель, и во всем положитесь на меня, — сказал Сунь У-кун. — Если вам будет угрожать опасность, я приду на помощь. Возможно, он спросит, кто вы такой. Скажите, что вы — монах и идете по велению китайского императора в Индию поклониться и поднести дары Будде и попросить у него священные книги. Если он поинтересуется, какие вы везете подарки, покажите ему свою рясу и скажите, что это самый скромный из подарков и что у вас есть еще две более ценных вещи. Он, конечно, станет спрашивать, какие это вещи, скажите ему, что один из этих подарков помогает узнавать все события, случившиеся за последнее тысячелетие, и все то, что произойдет в последующие пятьсот лет. После этого выпустите меня из ящика. И тут я расскажу принцу ваш сон. Если он поверит мне, я захвачу волшебника. Тем самым мы отомстим за смерть правителя Уцзиго и, кроме того, добудем себе славу. Но может случиться, что принц не поверит. Тогда вы покажете ему жезл из белого нефрита. Боюсь только, что по молодости лет он не узнает этого жезла.

Речи Сунь У-куна обрадовали Трипитаку, и он сказал:

— Ученик мой, лучше и не придумаешь! Итак, первый подарок — это парчовая ряса, второй — жезл из белого нефрита, а вот третий, то есть, ты сам, как будешь называться?

— А называйте меня Драгоценность, водворяющая на трон царей, — и все, — сказал Сунь У-кун.

И Трипитака крепко-накрепко запомнил это название. Так ему с его учениками и не пришлось поспать в эту ночь. Они не могли дожидаться рассвета, нетерпеливо встряхивали головой, призывали солнце разогнать мрак и рассеять усыпавшие небо звезды.

Через некоторое время восток стал светлеть. Сунь У-кун, перед тем как отправиться в путь, давал последние наставления Чжу Ба-цзе и Ша-сэну.

— Не тревожьте монахов,— говорил он,— не разрешайте им без нужды выходить из монастыря. Ждите, пока я вернусь, и мы вместе пройдем наш путь.

После этого он издал резкий свист и, сделав прыжок, взвился в воздух. Здесь он широко раскрыл глаза и пристально посмотрел на запад. И, действительно, он увидел перед собой какую-то страну. Вас, вероятно, удивит, каким же образом это ему удалось? Но это было совсем нетрудно, так как страна эта, как вам уже известно, находилась всего в сорока ли от монастыря, и с высоты ее хорошо было видно.

Приблизившись к городу и присмотревшись более внимательно, Сунь У-кун увидел, что над страной этой сгустились какие-то странные, зловещие тучи, а злой и сердитый ветер кружит и мечется в воздухе, и он подумал:

«Если бы здесь правил настоящий государь, страну озаряло бы радужное сияние. Но тронем завладел волшебник. Вот почему императорский дворец окутан зловещими тучами».

И вот, в то время как Сунь У-кун вздыхал, находясь под впечатлением увиденного, неожиданно раздался сильный грохот, восточные ворота распахнулись и оттуда вылетел отряд всадников. Это были охотники. Все они имели воинственный вид.

На равнину с низкой травой
Шли через восточные ворота;
С самого рассвета начиналась
Жаркая облавная охота.

Развевались яркие знамена
И на солнце золотом блистали;
Кони белые навстречу ветру
Весело и бешено скакали.

И дун-дун — удары барабана
(Он — из аллигаторовой кожи!)
Разносились по степи широкой,
На грозу весеннюю похожи.

По двое держались копыеносцы,
Доезжачие ступали смело,
Шли сокольничьи, свирепо глядя,
Всадников сверкали самострелы.

Ставились силки на малых тропах,
Клейкие шести для птиц проворных,
Напрягался лук, резьбой покрытый,
И стелилась сеть на склонах горных.

На равнине что-то загремело,
Вдруг раздался звук ужасной силы,
Тысяча охотников могучих
Барсов и медведей обложила.

Даже заяц не нашел спасенья,
И пришел конец тогда лисице,
Хитрая сайга изнемогала,
Некуда укрыться было птице.

И куда могли спастись фазаны?
Чтоб добычу взять — везде засады,
И деревья на горах рубились,
Чтобы птицам не давать пощады.

Охотники выехали из города и рассыпались по восточному предместью на расстоянии двадцати ли. На одном из холмов был разбит лагерь, в котором обосновался молодой воин. В шлеме и разноцветной кольчуге в восемнадцать слоев, защищавшей его так же, как скорлупа защищает орех, с мечом в руках, он восседал на пегом коне. Сбоку у него висели лук и колчан, наполненный стрелами.

Князьям присущий величавый вид,
Надменность государя — в обращенье,
Его осанка, речь — все поведенье
О сани императора твердит.

«Ну, теперь мне все ясно,— думал довольный Сунь У-кун.— Нет никаких сомнений в том, что это и есть наследный принц. Попробую-ка я подшутить над ним».

И вот чудесный Великий Мудрец спустился на облаке вниз, ринулся в толпу всадников и, очутившись перед принцем, встряхнулся и превратился в белого зайца. Тут он что было мочи пустился наутек. Увидев зайца, принц обрадовался, быстро выхватил стрелу и, натянув до отказа лук, выстрелил. Стрела попала в цель. Все это Великий Мудрец подстроил умышленно. Стрелу, благодаря своей ловкости и проворности, он успел поймать, а сам бросился бежать дальше.

Увидев, что стрела попала в цель, принц подстегнул коня и ринулся вдогонку за зайцем. Когда конь несся вскачь, Сунь У-кун летел словно ветер, но стоило коню замедлить бег, и Сунь У-кун делал то же самое: он все время старался быть на виду у принца. Они долго бежали, пока наконец Сунь У-кун не заманил своего преследователя к монастырю. Тут он принял свой обычный вид, и в решетке ворот осталась торчать одна только стрела. Вбежав в помещение, Сунь У-кун крикнул:

— Учитель, он здесь!

С этими словами Сунь У-кун превратился в крохотного монаха, величиной в два цуня, и забрался в лакированный ящичек.

Между тем, подскакав к воротам монастыря и увидев только стрелу с оперением, принц от страха даже в лице изменился.

«Что за чудеса! — изумленно думал он.— Ведь я совершенно отчетливо видел перед собой зайца. Куда же он девался? Осталась только стрела. Не иначе как этот заяц был уже чересчур стар и превратился в оборотня».

Он поднял стрелу, посмотрел вверх и заметил над воротами надпись из пяти огромных иероглифов: «Монастырь Баолинь, построенный по указу императора».

«А ведь я слышал об этом монастыре, — подумал принц. — Помню, как несколько лет назад мой отец-государь посылал сюда чиновников. Они доставляли деньги в качестве подаяния для монахов, а также для исправления помещения и изображений Будды. И вот сегодня я совершенно неожиданно сам очутился здесь. Не зря говорится: «Проезжая мимо монастыря, непременно послушай проповедь монахов». За всю свою жизнь я хоть на полдня оказался свободным. Войду-ка я в монастырь, поброжу там».

Он спешился и хотел войти в ворота, но в этот момент увидел подоспевшую к нему охрану и отряд охотников в три тысячи человек. Все они с шумом подскакали к воротам монастыря. Переполошившиеся монахи поспешили выйти навстречу и приветствовали их земными поклонами. Затем они провели прибывших в главный храм, где принц должен был поклониться Будде. Осмотрев храм, принц собрался было выйти на террасу, чтобы полюбоваться окрестностями, но вдруг заметил посреди храма монаха.

— Что за грубиян! — гневно спросил принц. — Сегодня утром состоялся мой выезд в горы. Правда, я не приказывал оповещать об этом всех и потому не могу требовать, чтобы меня встречали с должными почестями. Но встать этот монах по крайней мере должен. А он сидит словно истукан. Взять его! — приказал принц.

И не успел он отдать приказания, как стоявшие по обеим сторонам от него воины тотчас же бросились к Трипитаке, схватили его и приготовились вязать. В это время Сунь У-кун, находившийся в ящичке, читал про себя заклинание:

«Духи всех небес, охраняющие законы Будды, духи Лю-дин и Лю-цзя. Я собираюсь уничтожить злого волшебника. Но принц не знает этого и поэтому хочет связать учителя, которого вы давно охраняете. Внимательно наблюдайте, как связывают учителя: если веревки причинят ему вред — вы ответите за это!»

Кто мог осмелиться нарушить приказ Великого Мудреца? Теперь Трипитака находился под такой надежной охраной, что до него и пальцем нельзя было дотронуться.

— Кто ты такой, что смеешь оскорблять меня и при помощи волшебства защищать свое тело? — спросил принц.

Тогда Трипитака подошел к принцу и, кланяясь ему, сказал:

— Я совсем не обладаю способом укрытия своего тела. Я — Танский монах, иду из Китая в храм Раскатов грома, чтобы поклониться и поднести дары Будде и испросить у него священные книги,

— Земли в Китае хоть и плодородны, но страна эта нищая,— сказал принц.— А скажи мне, какие ты везешь драгоценные подарки?

— Вот ряса, которую вы видите на мне,— отвечал Трипитака.— Но это — самый скромный из трех подарков. У меня есть более ценные два подарка.

— Как ты смеешь называть драгоценностью рваную одежду, которая не может даже прикрыть твоего тела? — сказал принц.— Да она гроша медного не стоит.

— Может быть, вы и правы,— сказал на это Трипитака,— однако о моей рясе сложены стихи:

Буддийская одежда не должна
Бесстыдным подвергаться пересудам,
И суете мирской чужда она:
Лишь истину хранит она под спудом,
И восемь драгоценностей на ней,
И девять ослепительных жемчужин
Дают здоровье изначальных дней
И тот покой, который сердцу нужен.
Ее соткали феи на лету
И для того ее мне подарили,
Чтоб ею прикрывал я наготу!
Невежество — пустяк! Его б простили,
Беда ль, что я не поклонился вам!
Но плохо, что родителя обида
До сей поры не отмщена врагам,
И, значит, человек ты только с виду.

— Что за чепуху городит этот негодяй! — гневно закричал принц.— В таких лохмотьях можно быть и поскромнее, заносчивость тебе не к лицу! Ну-ка скажи, чем обидели моего отца?

Трипитака приблизился к принцу и, почтительно сложив руки, молвил:

— Ваше высочество, о каких благоденствиях человек не должен забывать всю жизнь?

— Человек не должен забывать о четырех благодеяниях,— отвечал принц.

— О каких же именно? — снова спросил Трипитака.

— О благодеянии неба и земли: первое дает нам покров, вторая — носит нас на себе,— отвечал принц,— о благодеянии солнца и луны, которые принесли нам свет, о благодеянии государства и правителя, которые кормят нас, и о благодеянии родителей, родивших и воспитавших нас.

— Вот тут-то вы, ваше высочество, и ошибаетесь,— с улыбкой сказал Трипитака.— Небо и земля дали нам основу и покров, солнце и луна принесли свет, государство и правитель кормят нас. Все это верно. Но откуда взялось благодеяние родителей, выражающееся в рождении и воспитании нас?

— Да ты, видно, смутьян и под видом монаха скитаешься по разным местам и ешь чужой хлеб! — сердито проговорил принц.— Кто же нас воспитывает, если не родители?

— Этого я, ваше высочество, не знаю,— отвечал Трипитака.— Но вот здесь, в красном ящичке, у меня спрятан талисман, который называется Драгоценность, водворяющая на трон царей. Ему известно все, что произошло за последнее тысячелетие, и все, что случится в следующие пятьсот лет. Он знает также, что не существует четвертого благодаяния. Он же сказал, чтобы я ждал вас здесь.

— Ну, что ж, дай я взгляну на твой талисман,— сказал принц.

Тут Трипитака приоткрыл ящичек, и Сунь У-кун очутился на воле. Принц увидел крохотного человечка, который начал метаться во все стороны.

— Да что может знать такой малютка? — удивился принц.

Услышав это, Сунь У-кун пустил в ход волшебство и постепенно начал увеличиваться, пока не стал в три чи и пять цуней ростом. Воины глазам своим не верили.

— Если он не перестанет расти, то через несколько дней, пожалуй, проломит небесный свод,— говорили они между собой.

Однако опасения их были напрасны. Сунь У-кун принял свой обычный вид и больше не увеличивался.

— Драгоценность, водворяющая на трон царей,— сказал тут принц, обращаясь к Сунь У-куну.— Этот монах говорит, будто ты знаешь все, что было в прошлом, и все, что случится в будущем. Ты что же — гадаешь на панцирях черепах или на тысячелистнике? А можешь ты предсказывать судьбу по книгам?

— Ничего этого мне не нужно,— отвечал Сунь У-кун.— Я пользуюсь только собственным языком, которым предсказываю все события.

— Что за чушь! — сказал принц.— С древних времен наиболее сокровенной книгой была «Книга перемен» *, по которой определялись все счастливые события, а также беды в Поднебесной. Благодаря ей каждый человек знал заранее, как ему поступать в том или ином случае. Простой народ гадал на панцирях черепах или же на тысячелистнике. На чем же основываются твои предсказания? Своими глупыми речами ты только зря тревожишь людей.

— Зачем делать поспешные выводы, ваше высочество? — сказал Сунь У-кун.— Послушайте лучше, что я вам скажу. Ведь вы — наследник престола в государстве Уцзиго. Помните, пять лет назад, когда вашу страну постиг неурожай и народ страдал от голода, ваш отец-государь и его сановники совершали моления о дожде, но дождя все не было. И вот тогда к вам пришел даос с горы Чжуннаньшань. Этот даос умел вызывать ветер и дождь, а также переплавлять камень в золото. Даос пришелся по нраву вашему батюшке, и они даже побратались. Правду я говорю?

— Правду,— подтвердил принц,— продолжай, прошу тебя!

— Ну, а три года назад этот даос исчез, так, спрашивается, кто же остался сиротой?

— Действительно, был такой даос,— стал припоминать принц,— и мой батюшка стал его побратимом. Они, как говорится, и ели и спали вместе. Но вот однажды, когда они гуляли в саду, даос вызвал ветер и, взяв у отца жезл из белого нефрита с золотым ободом, вернулся на гору Чжуннаньшань. Мой отец до сих пор скучает по другу, ничто его не радует, и вот уже три года, как он приказал закрыть сад. Неужели на троне сидит кто-то другой, а не мой отец?

Слушая принца, Сунь У-кун только улыбался. И когда принц повторил свой вопрос, он продолжал молчать.

— Почему ты, мерзавец, не отвечаешь? — возмутился принц.— Что значат твои улыбки?

— Я многое еще должен сказать вам,— молвил Сунь У-кун,— но, к сожалению, мы с вами здесь не одни и я не могу этого сделать.

Принц решил, что Сунь У-кун прав и, махнув рукавом, приказал свите удалиться. Сопровождавшие его командиры тотчас же отдали приказ, и весь отряд в три тысячи человек покинул монастырь и расположился во дворе. Теперь в храме никого не осталось, кроме принца, который сидел на возвышении, Трипитаки и Сунь У-куна. Монахи тоже удалились. Тогда Сунь У-кун с серьезным видом подошел к принцу и сказал:

— Ваше высочество, ветер унес вашего родного отца, а правит страной даос.

— Ерунда все это! — воскликнул принц.— После того как даос ушел от нас, мой отец спокойно правит страной. Нашу землю часто орошают благодатные дожди, народ живет в мире и спокойствии. А ты говоришь, что страной правит не мой отец. Лишь потому, что я молод, я прошаяю тебя. Но если бы эти твои слова услышал мой отец, он немедленно приказал бы схватить тебя и разрубить на мелкие части.

Принц был так рассержен, что почти выкрикнул эти слова.

— Вот видите,— сказал Сунь У-кун, обращаясь к Трипитаке.— Говорил я вам, что он не поверит! Что же, ничего не поделаешь! Остается лишь одно — передать ему талисман и продолжать наш путь.

Трипитака передал Сунь У-куну красный ящичек. Взяв его, Сунь У-кун встряхнулся, и ящичек тотчас же исчез: волосок, превращенный Сунь У-куном в ящичек, вернулся на свое место. А жезл из белого нефрита Сунь У-кун обеими руками почтительно преподнес наследнику престола.

— Ай да монах! — воскликнул принц, увидев жезл.— Пять лет назад ты появился у нас под видом даоса, и обманом завладел нашим фамильным сокровищем. Теперь же, в образе монаха, ты решил вернуть его нам. Взять его! — крикнул принц.

Трипитака не на шутку испугался и в замешательстве, указывая на Сунь У-куна, сказал:

— И все это ты, проклятый бимавэнь, стараешься накликать беду, да еще впутываешь меня!

Сунь У-кун поспешно подошел к принцу и, взяв его за руку, сказал:

— Не кричите! Не разглашайте тайны! Я вовсе не Драгоценность, водворяющая на трон царей, а у меня другое имя!

— Подойди сюда! — сердито приказал принц. — И говори свое настоящее имя. Я велю судить тебя!

— Я старший ученик этого почтенного монаха и зовут меня Сунь У-кун — странствующий монах. Я сопровождаю учителя в его паломничестве на Запад за священными книгами. Вчера вечером мы подошли к этому монастырю и попросились на ночлег. Мой учитель до третьей ночной стражи читал священное писание и вдруг задремал. Во сне к нему явился ваш отец и сказал, что даос сбросил его в колодец, а сам принял его вид. Никому из сановников это и в голову не могло прийти. А вы по молодости лет тоже не смогли разобраться в этом. Он запретил вам входить во дворец, закрыл сад, видимо опасаясь, как бы его преступление не раскрылось. Так вот, ваш отец явился сегодня ночью как раз для того, чтобы попросить нас усмирить злого волшебника. Вначале я сам не верил этому, но, когда поднялся в воздух и увидел зловещие тучи, сгустившиеся над вашей страной, понял, что все это чистая правда. Я уж совсем было собрался отправиться в ваши владения на расправу со злым духом, но тут увидел, что вы едете с отрядом на охоту. Белым зайцем, в которого попала ваша стрела, — был я. Я заманил вас к этому монастырю для того, чтобы вы встретились с моим учителем и узнали всю правду. Вы узнали этот жезл и теперь должны принести нам благодарность и во что бы то ни стало отомстить за отца.

Принц был очень опечален.

«Нельзя не верить тому, что говорят эти люди, — думал он. — Ведь у них есть три доказательства. Но если верить им, то как я теперь встречу со своим отцом?»

Принц не знал, что делать. Видя, что он колеблется, Сунь У-кун подошел к нему и сказал:

— У вас не должно быть никаких сомнений, ваше высочество! Возвращайтесь сейчас в город, повидайтесь с матерью и узнайте только об одном: не изменились ли у нее за последние три года отношения с отцом. Больше ни о чем не надо спрашивать. Все сразу прояснится.

— Совершенно верно, — согласился наследник. — Сейчас я вернусь в город, а вы ждите меня здесь.

С этими словами он вскочил, схватил жезл и почти бегом бросился к дверям. Но тут Сунь У-кун остановил его.

— Если вы вернетесь в город вместе с вашим отрядом, —

сказал он,— наша тайна раскроется, и мне трудно будет добиться успеха. Вам следует возвратиться одному, тайно, без всякого шума. Причем въезжайте не через главные ворота, а через боковые. Когда придете во дворец и встретитесь с матерью, ни в коем случае громко не разговаривайте, а то кто-нибудь услышит. Если только волшебник заподозрит что-нибудь, вам и вашей матери будет грозить смертельная опасность.

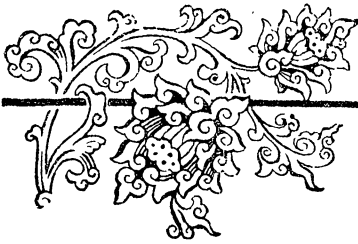
Принц послушался совета Сунь У-куна и, выйдя из монастыря, приказал своим командирам:

— Вы оставайтесь пока здесь, а я скоро вернусь, мне нужно съездить в город.

Отряду приказав остановиться,
Он на коня вскочил и в город мчится.

Если вам интересно узнать о том, как принц встретился с матерью и какой между ними произошел разговор, прочитайте следующую главу.





ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ,

рассказывающая о том, как из разговора с матерью наследник престола узнал, где правда и где ложь, и как Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе, проникнув в тайну, установили, где истина и где обман

О следствиях и о причинах вел
Он разговор почтительный с Владыкой.
И сходство их беседы он нашел
С беседой Будд в премудрости великой.

Ее запомнив, он благоговел
Пред Буддою, сошедшим для спасенья,
И духов злых обуздывать умел
Могуществом святого дерзновенья.

Но, если хочешь истину узнать
О подлинной природе властелина,
Сперва узнай — в свой час какая мать
Должна была родить такого сына.

Пусть мир иной еще не предстает,
И пусть не предаемся мы виденьям,
Но мы идем, и каждый шаг вперед
Возводит к совершенству по ступеням.

Итак, расставшись с Великим Мудрецом, принц очень скоро прискакал в город. Он, как и было условлено, миновал главный вход во дворец и направил коня к задним воротам. Здесь в охране стояло несколько евнухов, которые, узнав принца, не решились его задержать.

Пришпорив коня, принц влетел во двор. В одной из беседок он увидел свою мать-государыню, которая сидела, облокотившись на перила, и горько плакала. Придворные дамы обмахивали ее опахалами. Вы, вероятно, спросите, чем были вызваны

ее слезы. В четвертую ночную стражу императрице приснился сон. Половину его она забыла, и вот теперь это очень удручало ее. Подъехав к беседке, принц спешился и опустился перед матерью на колени.

— Мама! — позвал он.

— Сынок! — воскликнула государыня, не скрывая своей радости. — Какое счастье! Последнее время ты так был занят беседами с отцом, что у тебя даже не оставалось времени повидаться со мной. Я очень скучала! Как же это тебе сегодня удалось улучшить минутку и прийти ко мне? Какую огромную радость ты доставил мне своим приходом! Но почему ты так печален, сын мой? — спросила она. — Твой отец уже не молод и наступит день, когда дракон должен будет вернуться в бирюзовое море, а феникс улететь в небеса¹. Ты займешь императорский трон; о чем же тебе печалиться?

— Мама, — молвил тогда принц, земно кланяясь. — Скажи мне, кто сидит сейчас на троне?

— Да ты что, сын мой, с ума сошел? — изумилась мать. — О чем ты говоришь? На троне сидит твой отец!

— Дорогая мама, — продолжал принц. — Умоляю тебя, не сердись за то, что я задам тебе один вопрос. Если ты не обещаешь простить меня, я не осмелюсь спрашивать.

— Что же плохого в том, что сын обращается с вопросом к матери, — удивилась государыня. — Не стесняйся и говори скорее.

— Дорогая мама, — произнес наследник, — скажи, пожалуйста, какие у тебя отношения с твоим мужем? Не изменились ли они за три последние года?

При этих словах у императрицы от страха душа ушла в пятки. Она поспешно вышла из беседки и, крепко прижав сына к груди, залилась слезами.

— Сынок мой! — воскликнула она. — Мы так давно не виделись! Что же заставило тебя сегодня приехать сюда и спрашивать об этом?

— Ну, вот что, мама, — рассердился принц, — если хочешь мне что-нибудь сказать, — говори. Если же будешь молчать, ты можешь повредить очень важному делу.

Тут государыня приказала придворным дамам удалиться и сквозь слезы проговорила:

— Если бы ты, сынок, не спросил меня об этом, я, может быть, ничего не поняла бы, даже попав в преисподнюю. А теперь слушай, я скажу тебе всю правду:

Три года назад теплоту я знавала и ласки,
Последних три года я видела холод и лед,
Когда же на ложе об этом его вопрошаю,
«Я стар!» — отвечает, былую любовь предаст.

¹ Умереть, стоять в вечность.

Услышав это, принц освободился из объятий матери и бросился к коню. Но мать удержала его.

— Сын мой,— сказала она,— что случилось? Я еще не все сказала тебе, а ты хочешь уезжать.

— Мама,— молвил тогда наследник, снова опускаясь на колени,— я не решился сказать тебе этого. Но сегодня утром по повелению государя я с соколами и собаками отправился за город на охоту. По дороге мне повстречался святой монах, который идет из Китая на Запад за священными книгами. Его старший ученик, по имени Сунь У-кун, обладает волшебной силой и может усмирять злых духов. От него-то я и узнал, что мой отец погиб в хрустальном колодеце императорского сада, а даос, который жил у нас, принял его облик и захватил трон. Сегодня в третью стражу мой отец явился во сне этому монаху и просил его уничтожить злого духа. Не смея поверить ему, я решился спросить тебя об этом. И вот теперь, когда ты обо всем мне рассказала, я понял, что на троне действительно сидит злой дух.

— Сынок мой,— молвила мать,— как мог ты поверить чужим людям?

— Да я бы не поверил, если бы отец не оставил ему одну вещь,— отвечал принц.

С этими словами принц достал из рукава жезл из белого нефрита с золотым ободом и передал его матери. Взглянув на жезл, императрица залилась горячими слезами.

— О властелин мой! Почему же ты сразу не пришел ко мне, а вначале явился к монаху?

— О чем это ты говоришь, я не совсем понимаю,— удивился наследник.

— Сын мой,— сказала тогда императрица,— сегодня в четвертую ночную стражу, во сне мне явился мой муж. Он пришел совершенно мокрый, с его одежды ручьями лилась вода, и сказал, что невинно загублен злодеем. Этой же ночью его бесприютный дух явился к Танскому монаху с просьбой покарать злодея и спасти его от прежнего перерождения. Вот все, что я помню. Остальное совершенно забыла. И вот перед твоим приходом я как раз об этом думала. Откуда могла я знать, что сегодня услышу эту же историю из твоих уст, да еще ты привезешь мне жезл из белого нефрита. Отправляйся-ка скорее к святому монаху, пусть расправится со злым волшебником. Справедливость должна восторжествовать. Совершив это доброе дело, мы оплатим отцу за все его заботы.

Принц, не мешкая, вскочил на коня и выехал из дворца через задние ворота. Поистине можно сказать:

Матери-царице,
Сдерживая слезы,
Поклонился он.

Пред монахом Танским,
Сдерживая горе,
Положил поклон.

Вскоре он очутился у ворот монастыря Баолинь и, поддерживаемый воинами, спешился. В это время солнце уже клонилось к западу. Принц приказал отряду оставаться на месте, а сам вошел в монастырь, поправил на себе одежду и попросил вызвать Сунь У-куна. Но в этот момент Царь обезьян степенно вышел из главного храма.

— Я вернулся, учитель,— произнес принц, опускаясь на колени.

— Встаньте,— сказал Сунь У-кун, подходя к нему и поднимая с колен,— С кем вы разговаривали в городе?

— С матерью,— отвечал принц. И он подробно передал весь разговор.

— Ну, раз он холоден как лед,— с усмешкой сказал Сунь У-кун,— значит превращен из какого-нибудь очень холодного вещества. Но это неважно! Я все равно расправлюсь с ним. Сегодня уже поздно, так что возвращайтесь пока в город без меня, а я приеду завтра.

— Учитель,— снова опустившись на колени, молвил принц.— Я лучше останусь прислуживать вам здесь и поеду в город завтра вместе с вами.

— Нет, так не годится! — отвечал Сунь У-кун.— Если мы появимся вместе, у волшебника возникнут подозрения. Он не поверит тому, что мы встретились случайно, а подумает, что я прибыл по вашему приглашению, и мы напрасно навлечем его гнев на вас.

— Он все равно будет сердиться, если даже я приеду сегодня.

— Это почему же? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Я отправился на охоту с утра,— сказал принц,— захватил с собой большой отряд охотников с соколами и собаками и за весь день мы не подстрелили ни одной птицы. Как же я предстану перед правителем? Он обвинит меня в том, что я ни на что не годен, и бросит в тюрьму. И завтра, когда вы придете в город, вам никто не поможет. Среди придворных у вас тоже не будет ни одного своего человека.

— Какие пустяки! — отвечал Сунь У-кун.— Если бы вы раньше сказали мне об этом, вам не пришлось бы охотиться. Звери сами шли бы к вам в руки.

И вы взгляните только, какое искусство показал наш прекрасный Великий Мудрец перед принцем! Подтянувшись, он совершил прыжок и сразу очутился на облаке. Здесь он произнес заклинание, и перед ним тотчас же предстали духи гор и земли и, почтительно приветствуя его, спросили:

— Что прикажете, Великий Мудрец?

— Я сопровождаю Танского монаха в его паломничестве на Запад, — сказал Сунь У-кун. — Придя в эти места, мы узнали, что тут завелся злой дух. Вот я и хочу расправиться с ним. Посоветуйте, что делать? Наследник отправился на охоту, но не подстрелил ни одной птицы и теперь не осмеливается возвратиться во дворец. Вот я и решил обратиться к вам с просьбой: пожалейте его и найдите, пожалуйста, сайгу, кабанов, оленей, зайцев и других зверей и дичь.

Не осмеливаясь нарушить приказ, духи только спросили:

— А сколько надо?

— Да это неважно, — отвечал Великий Мудрец.

Духи тотчас же подняли на ноги свои волшебные войска, вызвали ветер и вмиг наловили фазанов, горных куропаток, оленей, сайгу, лисиц, барсуков, тигров — всего несколько тысяч, и все это преподнесли Сунь У-куну.

— На что они мне? — сказал Сунь У-кун. — Вы вытяните у них жилы и расставьте по обеим сторонам дороги до самого города: пусть охотники выловят их и спокойно возвратятся во дворец. Заслуга в этом деле будет полностью принадлежать вам.

Духи тотчас же прекратили ветер и сделали так, как велел им Сунь У-кун. После этого Великий Мудрец спустился на облаке вниз.

— Ваше высочество, — сказал он. — Вы можете спокойно отправляться во дворец. По дороге вы найдете все, что вам нужно, и вернетесь не с пустыми руками.

Принц не мог не поверить, так как собственными глазами видел, какой волшебной силой обладает Сунь У-кун. Поклонившись ему на прощанье, принц вышел из монастыря и приказал отряду скакать в город. По дороге они действительно нашли несметное количество зверей и дичи и, не прибегая к помощи соколов и собак, начали ловить добычу, громко выражая восторг и приписывая все это счастливой звезде наследника. Они и понятия не имели о волшебной силе Сунь У-куна. Весело, с победными песнями вернулись они в город.

Сунь У-кун тем временем неотлучно находился возле Трипитаки, а монахи, видя, с каким вниманием гости отнеслись к принцу, прониклись к ним чувством глубокого уважения. Они приготовили трапезу, всячески старались услужить Трипитаке и в конце концов, как и накануне, предложили им устроиться на ночь в главном храме. Уже наступила первая ночная стража, а Сунь У-кун все не мог уснуть: тревожные думы одолевали его. Наконец он не выдержал, вскочил и подошел к постели Трипитаки.

— Учитель! — позвал он.

Трипитака еще не спал, однако, зная беспокойный нрав Сунь У-куна, притворился спящим и ничего не ответил. Тогда Сунь У-кун стал трясти его.

— Учитель, вы спите?

— Что за несносное создание! — рассердился Трипитака. — Ни днем, ни ночью нет от тебя покоя. Ну что ты расшумелся?

— Мне хотелось бы посоветоваться с вами об одном деле, учитель.

— Какое еще дело, говори.

— Днем, разговаривая с принцем, я немного прихвастнул, — признался Сунь У-кун. — Я сказал ему, что моя сила огромна, что она выше гор и глубже моря и уничтожить злого духа для меня все равно, что достать какую-нибудь вещь из кармана, стоит лишь протянуть руку. Вот об этом я сейчас и думаю.

— Что же, если дело это тебе не под силу, не берись за него, — сказал Трипитака.

— Выловить его, конечно, надо, — сказал Сунь У-кун. — Как бы только не преступить закона.

— Эта обезьяна, видно, совсем запуталась! — изумился Трипитака. — Волшебник захватил императорский трон, почему же расправа с ним может оказаться делом незаконным?

— Вы, монахи, только и знаете, что читать псалмы, поклоняться Будде да предаваться самосозерцанию, — произнес Сунь У-кун. — А законов, составленных Сяо Хэ *, наверное и в глаза не видели. Недаром говорят: «Не пойман — не вор». Ведь этот волшебник вот уже три года как управляет страной, и за все это время ничем не выдал себя. Он спит с императрицей, проводит все свое время в кругу сановников и веселится вместе с ними. Предположим, я захвачу его, а вот обвинения мы не сможем ему предъявить.

— Почему же это? — удивился Трипитака.

— А очень просто, потому что он невинен, как тыква-горлянка без горлышка, — ответил Сунь У-кун, — и может свободно поспорить с вами, точно так же, как свободно перекачивается тыква. Он скажет: «Я правитель государства Уцзиго, какое же ты имеешь право хватать меня? Это беззаконие». А мы что скажем ему на это? Какие у нас доказательства?

— Что же ты предлагаешь делать? — спросил Трипитака.

— Я уже все хорошо обдумал, — отвечал улыбаясь Сунь У-кун. — Мне мешают только вы, вернее, ваша склонность прикрывать недостатки других.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Трипитака.

— Вот, например, вы питаете симпатию к такой дубине, как Чжу Ба-цзе, — сказал Сунь У-кун.

— Почему ты так думаешь? — недоумевал Трипитака.

— Ну, а если я ошибаюсь, — сказал Сунь У-кун, — тогда вам придется набраться храбрости и остаться здесь с одним Ша-сэном. Мы же с Чжу Ба-цзе предварительно побываем в

городе, разыщем императорский сад, откроем хрустальный колодец, вытащим труп императора и завернем его во что-нибудь. А завтра, когда мы приедем в город, перед тем как обратиться за дорожными свидетельствами, я возьму свой посох и стану бить волшебника. Если же он вздумает возражать, мы покажем ему труп и скажем: «Вот тот, кого ты убил!» Затем мы позволим наследника, который будет оплакивать своего отца; из покоев выйдет императрица — она тоже опознает мужа, да и все сановники смогут удостовериться в том, кто их настоящий правитель. Вот тогда мы сможем действовать. Всем станет ясно, кто является преступником, и легко будет совершить правосудие.

Выслушав это, Трипитака остался очень доволен и сказал: — Боюсь только, что Чжу Ба-цзе не захочет идти.

— Вот видите, — с улыбкой сказал Сунь У-кун. — Ведь говорил же я, что вы любите прикрывать слабости других. Почему вы думаете, что он не захочет пойти? Вы сейчас только помолчите некоторое время, точно так же, как это вы делали тогда, когда я звал вас, и все будет в порядке. На этот раз я полностью полагаюсь на свое красноречие и ручаюсь, будь то Чжу Ба-цзе или Чжу Цзю-цзе, я сумею уговорить его.

— Ну что же, ладно. Иди зови его, — согласился Трипитака.

Тогда Сунь У-кун подошел к постели Чжу Ба-цзе и позвал:

— Ба-цзе! Ба-цзе!

Но Чжу Ба-цзе, сильно утомившись за дорогу, громко храпел и даже не думал откликаться. Тут Сунь У-кун одной рукой взял его за ухо, а другой — за волосы и с силой дернул:

— Чжу Ба-цзе!

Однако Дурень продолжал отмахиваться. Наконец Сунь У-кун крикнул еще раз, и только после этого Дурень пробормотал:

— Брось свои шутки и спи! Ведь завтра снова в путь!

— Да я не шучу! — сказал Сунь У-кун. — У меня дело есть.

— Что там еще за дело?

— Ты слышал, о чем говорил принц? — спросил Сунь У-кун.

— Я никого не видел и ничего не слышал, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— Так вот, — продолжал Сунь У-кун. — Принц сказал, что волшебник, который живет в их городе, обладает замечательным талисманом. Этот талисман делает его непобедимым. Ведь завтра нам не избежать боя. Обладая таким талисманом, волшебник сможет, конечно, одолеть нас. Поэтому я думаю, что неплохо было бы украсть у него этот талисман.

— Ты что же это подстрекаешь меня, дорогой брат, на разбой? — спросил Чжу Ба-цзе. — Но как верный твой помощник, я считаю необходимым договориться с тобой о следующем: когда талисман мы украдем и усмирим волшебника, то никакой торговли при дележе талисмана, как это делают скряги, я не хочу. Талисман должен быть моим.

— А зачем он тебе? — удивился Сунь У-кун.

— Видишь ли, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Я не такой мастер говорить, как ты, поэтому мне трудно собирать подаяние. Я здоров, силен, только разговор у меня грубый. Читать псалмов я не умею. Вот талисман и пригодится мне, когда я окажусь в затруднительном положении.

— Ладно, я отдам его тебе, — сказал Сунь У-кун. — Мне дорога слава, а не какой-то талисман.

Услышав это, Дурень очень обрадовался, вскочил с постели и, натянув на себя одежду, пошел вместе с Сунь У-куном. Вот уж не зря говорится, что «вино вызывает краску, а золото способно поколебать добродетель». Они тихонько открыли дверь и, покинув Трипитаку, поднялись на облако.

Вскоре они очутились у городских ворот и услышали, как на башне пробили вторую стражу.

— Уже вторая стража, брат, — сказал Сунь У-кун.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Сейчас все уже спят, а первый сон — самый крепкий.

Они не пошли к главным воротам, а решили пройти через задние. Вдруг послышались звуки колотушки.

— Ворота крепко охраняются, — сказал Сунь У-кун. — Как же мы проникнем в город?

— Да где же это видано, чтобы воры входили через ворота? — рассмеялся Чжу Ба-цзе. — Надо перемахнуть через стену, и дело с концом.

Сунь У-кун согласился и, подтянувшись, прыгнул. За ним последовал и Чжу Ба-цзе. Очутившись в городе, они пошли разыскивать императорский сад. Вдруг перед ними выросли белые ворота в виде трехъярусной арки. Над воротами, при свете звезд и луны, поблескивала надпись из трех огромных иероглифов: «Императорский сад». Подойдя ближе, Сунь У-кун увидел, что ворота опечатаны в нескольких местах и на них висит замок, уже успевший покрыться ржавчиной. Он приказал Чжу Ба-цзе пустить в ход свою силу. Дурень взмахнул граблями и изо всех сил ударил. Ворота разлетелись в щепы. Сунь У-кун вбежал в сад и, не в силах сдержать охватившие его чувства, стал прыгать и громко кричать. Этим он так напугал Чжу Ба-цзе, что тот подбежал к нему и, схватив за рукав, проговорил:

— Ты что же, брат, хочешь погубить меня! Да слыханное ли дело, чтобы воры так кричали! Ведь если ты всех разбудишь, нас схватят, отправят в суд, а затем приговорят к

смертной казни или в лучшем случае вышлют на родину и отдадут в солдаты.

— А знаешь, что меня так взволновало? — спросил Сунь У-кун.— Взгляни-ка сюда!

Роспись стен и легкие перила
Плесень запустения покрыла;
Покосились набок павильоны,
Розы увядают и пионы,
Тиной затянуло пруд глубокий,
На побережьях — заросли осоки.
Потерял жасмин благоуханье,
Засыхает роза без вниманья,
Мальвы средь травы ползучей луга
Только душат и глушат друг друга;
Падают искусственные скалы,
Пересохли прежние каналы
И бамбук и сосны стали ныне,
Как сухой кустарник средь пустыни.
Южный персик, сладкие гранаты
Вывернуты, сломаны, измяты,
Карликовых сосен злополучье:
Оборвали корни им и сучья.
Там, где люди некогда ходили,
Мхи дорожки прежние покрыли,
Дикая трава, полыни клочья
На дорогу перешли с обочин,
Мостиков коснулось разрушенье,—
Сад являл картину запустенья.

— Какой толк от того, что ты будешь вздыхать? — сказал Чжу Ба-цзе.— Давай лучше скорее возьмемся за дело.

Сунь У-кун поборол в себе грусть, охватившую его, и постарался вспомнить все, что говорил ему Трипитака. И так, колодец должен находиться под банановым деревом. И, действительно, они увидели перед собой банановое дерево с очень пышной листвой, которое резко выделялось среди остальных деревьев.

Одно из прекраснейших, чудных растений,
Постигшее издавна смысл бытия,
Висят на ветвях твоих листья бумагой,
Из листьев свернувшихся — крона твоя.
А ветви твои, как тончайшие сети,
А в сердце краснеется капля румян;
Увянув, боишься осеннего ветра,
Грустишь под дождем полуночным, банан!
Следит за тобою великий Садовник.
Самою Природою ствол твой взращен.
У листьев банановых есть назначенье:
Написан на них весь буддийский канон.
И честь эту листья навек заслужили,
Как феникса перья, они хороши;
Хвост птицы Луань не бывает прекрасней,
С них слабые росы стекают в тиши.
Прозрачная дымка, скользкая, окружает,
Их темная тень на дверях, на окне,

Их тень бирюзовая на занавеске,
И в тусклом сиянье она при луне.
На этих деревьях ни лебедь, ни гуси
Не смеют устроить в полете привал.
Так кто б, дерзновенный, к священным деревьям
Коней своих белых в пути привязал?
Придут холода, и деревья увянут;
Но ныне под ними смиряется зной,
Под ними покой от палящего солнца,
Хоть думой они истомились одной:
И персик и слива прекрасней в цветенье!
И вот, отступив от белой стены,
Подальше к востоку стоят одиноко
Красавцы бананы, смущенья полны

— Ну что, примемся за работу? — сказал Сунь У-кун. —
Талисман спрятан здесь, под банановым деревом.

Дурень обеими руками поднял грабли и одним ударом свалил дерево. Затем он рылом начал рыть землю, вырыл яму в четыре чи глубиной и увидел каменную плиту.

— Дорогой брат! — вскричал обрадованный Дурень. —
Вот удача! Талисман здесь, под каменной плитой, но его пока не видно, поэтому я не знаю, в кувшине он или в ящике.

— А ты подними и посмотри, — посоветовал Сунь У-кун.

Дурень послушно поддел мордой плиту и приподнял ее. Оттуда исходило радужное сияние.

— Вот повезло! — снова крикнул Чжу Ба-цзе. — Ты посмотри, какое сияние исходит от этого сокровища!

Но, присмотревшись повнимательнее, он так и ахнул. Оказывается, это луна и звезды отражались в воде.

— Дорогой брат, — сказал тогда Чжу Ба-цзе. — Когда берешься за какое-нибудь дело, надо обдумывать его до конца.

— Что же именно следовало обдумать? — спросил Сунь У-кун.

— Ведь колодец очень узкий, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Если бы ты сказал, что талисман находится в колодце, я прихватил бы с собой две веревки, и ты легко спустил бы меня вниз. Но мы пришли с пустыми руками. Как же я спущусь за сокровищем, которое находится там?

— Будешь ты спускаться или нет? — спросил Сунь У-кун.

— Я хотел было, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Но как это сделать без веревки?

— Ничего, раздевайся, — смеясь, сказал Сунь У-кун. — Я помогу.

— Да мне снимать нечего, — сказал Чжу Ба-цзе. — Вот только скину халат, и все.

Тут наш прекрасный Великий Мудрец взял свой посох, потянул его и сказал:

— Удлинься!

Посох тотчас же увеличился до восьми чжан длины.

— Чжу Ба-цзе,— сказал тогда Сунь У-кун,— берись за один конец, я спущу тебя вниз.

— Ладно,— согласился Чжу Ба-цзе,— но как только я достигну воды, остановись.

— Не беспокойся, сам знаю! — отвечал Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе ухватился за посох, Сунь У-кун легонько приподнял его и стал опускать. Вскоре Чжу Ба-цзе достиг воды.

— Вода! — крикнул он.

Услышав это, Сунь У-кун рывком опустил посох вниз. От неожиданности Чжу Ба-цзе выпустил посох из рук и полетел в воду.

— Будь ты проклят! — отфыркиваясь и пуская пузыри, крикнул он.— Ведь просил не спускать меня в воду. А он вот что делает.

Тут Сунь У-кун втащил посох наверх и со смехом спросил:

— Ну что, нашел талисман?

— Какой там, к черту, талисман,— выругался Чжу Ба-цзе,— тут одна вода!

— А талисман как раз и находится под водой,— сказал Сунь У-кун.— Поищи как следует.

Дурень, который чувствовал себя в воде, как рыба, нырнул. Только теперь он понял, как глубок колодец! Он все погружался и погружался, как вдруг перед его глазами выросла каменная арка с надписью: «Хрустальный дворец».

— Ну, все кончено! — сказал сам себе сильно встревоженный Чжу Ба-цзе.— Видимо, сбился с дороги и очутился у самого моря. Не мог же Хрустальный дворец попасть в колодец!

Чжу Ба-цзе не знал, что Хрустальный дворец принадлежал Царю колодезных драконов. И вот в тот момент, когда Чжу Ба-цзе рассуждал сам с собой по поводу сделанного им открытия, из дворца вышел дозорный якша*. Увидев Чжу Ба-цзе, он бросился назад и скрылся за воротами.

— Великий царь! — воскликнул он.— Беда пришла! В колодец спустился какой-то монах с длинной мордой, огромными ушами и совершенно голый. Он еще жив и вопреки всем законам даже разговаривает.

Царь драконов сильно встревожился.

— Это небесный командующий — Тянь-пэн,— сказал он.— Вчера ночью сюда явился посланец с императорским указом. Император приказал духу государя страны Уцзиго повидаться с Танским монахом и попросить Великого Мудреца усмирить волшебника. И сейчас сюда прибыли сам Великий Мудрец, равный небу, и небесный командующий Тянь-пэн. Просите их во дворец, да поживее.

Царь драконов оправил на себе одежду и головной убор и в сопровождении сановников вышел за ворота.

— Прощу вас пожаловать во дворец! — громко провозгласил он.

«А, старый знакомый!» — с удовлетворением подумал Чжу Ба-цзе и, не ожидая дальнейших приглашений, вошел в Хрустальный дворец. Там он без всяких церемоний, как был голый, уселся на почетное место.

— Господин командующий, — обратился к нему Царь драконов, — недавно я услышал о том, что вас вернули к земной жизни, вы приняли буддизм и сопровождаете Танского монаха в его паломничестве за священными книгами. Расскажите же нам, как вы очутились здесь?

— Вот как раз об этом я и хотел с вами поговорить, — сказал Чжу Ба-цзе. — Мой брат по учению, Сунь У-кун, выражает вам свое почтение и велел мне попросить у вас талисман. Какой именно, мне неизвестно.

— Я очень сожалею, но помочь вам не могу, — отвечал царь. — Откуда у нас драгоценности? Ведь не могу же я равняться с царями рек Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ и Цзихэ. Они могут летать и обладают способностью перевоплощения. А я постоянно нахожусь здесь и подолгу даже не вижу солнца и луны.

— Ну, вот что, — сказал Чжу Ба-цзе. — Нечего прибедняться. Выкладывайте все, что у вас есть!

— Спрятана тут у меня одна драгоценность, — сказал Царь драконов. — Но ее не притащишь. Может быть, вы, господин командующий, пойдете посмотреть?

— Ну что ж, чудесно! — обрадовался Чжу Ба-цзе. — С удовольствием посмотрю!

После этого Царь драконов отправился вперед, а Чжу Ба-цзе последовал за ним. Обогнув дворец, они очутились у веранды и под ней увидели труп длиной в шесть чи.

— Вот, господин командующий, это и есть наша драгоценность, — сказал Царь драконов, указывая на труп.

Подойдя ближе, Чжу Ба-цзе так и ахнул от изумления. Перед ним лежал мертвый император. На нем был высокий головной убор, огненно-красная мантия, пояс, усыпанный яшмой, и парадные туфли. Казалось, он спал.

— Ну и сокровище! — рассмеялся Чжу Ба-цзе. — Когда я был духом и жил на горе, то частенько питался такими драгоценностями. Не знаю, сколько я перевидал их на своем веку, а съел еще больше. Да, хороша драгоценность!

— Ничего вы не знаете, господин командующий, — сказал Царь драконов. — Это император страны Уцзиго. После того как он попал к нам в колодец, я дал ему пилюлю, предохраняющую от разложения. Если вы возьмете его с собой, покажете Великому Мудрецу и он вернет императора к жизни, вы получите все, что вашей душе угодно.

— Ради вас я, конечно, могу унести его отсюда, — согласился Чжу Ба-цзе. — Но сколько денег вы дадите мне на его похороны?

— У меня нет денег,— отвечал Царь драконов.

— Зря голову морочите, даром я не понесу его.

— В таком случае можете идти,— сказал Царь драконов.

Чжу Ба-цзе так и сделал. А Царь драконов тем временем приказал взять тело государя, вынести его к воротам Хрустального дворца и оставить там. Затем он вынул жемчужину, преграждающую доступ воды: раздался всплеск.

Оглянувшись, Чжу Ба-цзе увидел, что никакого Хрустального дворца нет. Протянул руки и нащупал тело императора. Чжу Ба-цзе обомлел от страха, ринулся вверх и, карабкаясь по стенкам колодца, закричал:

— Дорогой брат! Спусти свой посох, спаси меня!

— Ну что, нашел драгоценность?— спросил его Сунь У-кун.

— Какая там драгоценность! Здесь, оказывается, обитает Царь колодезных драконов. Он хотел заставить меня вынести тело императора, но я наотрез отказался. Тогда он выпроводил меня, а когда я оглянулся,— никакого дворца уже не было. Вместо дворца я увидел труп и чуть не умер от страха. Я совершенно выбился из сил. Дорогой брат, помоги мне!

— Да ведь тело императора и есть тот самый талисман, который нам нужен,— сказал Сунь У-кун.— Почему же ты не принес его?

— Я знаю, что императора давно нет в живых,— сказал Чжу Ба-цзе.— Зачем же было брать его сюда?

— Значит, не хочешь?— сказал Сунь У-кун.— В таком случае я уйду.

— Куда же ты пойдешь?— встревожился Чжу Ба-цзе.

— В монастырь, спать,— равнодушно отвечал Сунь У-кун.

— А как же я один останусь здесь?— спросил Чжу Ба-цзе.

— Если сумеешь выбраться из колодца, пойдем вместе. Не сумеешь — я пойду один.

Чжу Ба-цзе окончательно растерялся. Он понимал, что из колодца ему не выбраться.

— Ты сам посуди,— сказал он Сунь У-куну,— на городскую стену и то трудно взобраться, как же я могу выбраться из колодца? Этот колодец очень широкий внизу и совсем узкий вверху, с отвесными стенами. Кроме того, отсюда уже несколько лет не брали воды, поэтому колодец весь порос мхом и стал очень скользким. А ты заставляешь меня карабкаться. Дорогой брат, ради нашей дружбы, обожди меня, так и быть, я сейчас достану тело императора.

— Вот и хорошо,— обрадовался Сунь У-кун.— Доставай скорее, и мы вместе отправимся в монастырь спать.

Дурень быстро нырнул и, взвалив тело императора на спину, вылез из воды.

— Дорогой брат, я достал его, достал!

Сунь У-кун внимательно посмотрел вниз и лишь когда убе-

дился в том, что Чжу Ба-цзе действительно тащит что-то, опустил в колодец свой посох. Рассерженный Дурень раскрыл рот и изо всех сил вцепился зубами в посох. Сунь У-кун без всяких усилий вытащил его наверх. Выбравшись из колодца, Чжу Ба-цзе положил тело императора на землю и оделся. Между тем, осмотрев труп, Сунь У-кун увидел, что государь ничуть не изменился.

— Взгляни-ка, брат,— сказал он Чжу Ба-цзе.— Этот человек умер три года назад, как же мог он так сохраниться?

— Да ты не знаешь,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Царь драконов дал императору пилюлю, предохраняющую от разложения. Царь сам рассказал мне об этом.

— Нам здорово повезло! — воскликнул Сунь У-кун.— Мы отомстим за смерть императора, и дело наше увенчается успехом. Ну, брат, неси его скорее!

— Куда нести? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Отнесем его учителю,— сказал Сунь У-кун,— пусть посмотрит.

Тут Чжу Ба-цзе не вытерпел.

— Как же я его потащу? На что это похоже? — ворчал он.— Я так сладко спал, и надо же было этой обезьяне подбить меня на такое опасное дело. Мало того, теперь еще я должен нести труп на собственной спине. Он грязный, с него вонючая вода течет. Всю одежду выпачкаешь, а постирать некому. И так она вся в заплатках. А погода пасмурная, как я надену ее, если эти заплатки отсыреют?

— Ничего, ничего! Ты неси,— успокаивал его Сунь У-кун.— А когда придем в монастырь, я дам тебе другую одежду.

— Да замолчи ты! — возмутился Чжу Ба-цзе.— Тебе самому надеть нечего, а еще мне обещаешь!

— Ну что ты разболтался? — начал сердиться Сунь У-кун.

— Не понесу! — упорствовал Чжу Ба-цзе.

— Тогда протягивай свои лапы,— сказал Сунь У-кун,— я всыплю тебе двадцать ударов посохом!

— Дорогой брат! — испуганно воскликнул Чжу Ба-цзе.— Да твой посох так тяжел, что после двадцати ударов я стану таким, как император.

— Ну, тогда тащи его! — крикнул Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе ничего не оставалось, как взвалить труп на спину.

Между тем Великий Мудрец произнес заклинание и дунул на землю. В тот же миг бешеный ветер подхватил Чжу Ба-цзе, вынес его из сада, а затем из города, и тут же прекратился. Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе благополучно спустились вниз и пошли к монастырю.

Надо вам сказать, что Чжу Ба-цзе очень рассердился на Сунь У-куна и решил во что бы то ни стало отомстить ему.

«Эта обезьяна просто издевается надо мной,— думал он.— Погоди, придем в монастырь, я тоже сыграю с тобой шутку. Вот скажу учителю, что ты можешь оживить императора. Попробуй не сделать этого, он тут же произнесет заклинание, и обруч на твоей голове сожмется. Я не успокоюсь до тех пор, пока у этой обезьяны мозги не выскочат. Нет, так, пожалуй, ничего не выйдет,— раздумывал он.— Оживить мертвеца — для него сущие пустяки. Он отправится в подземное царство к владыке Янь-вану, попросит у него душу императора — и все. Надо сделать так, чтобы он не смог отправиться в царство смерти. Пусть оживит императора здесь».

В это время они как раз подошли к монастырю и, войдя в ворота, положили труп у дверей храма.

— Учитель,— позвали они.— Вставайте, посмотрите, что мы принесли.

Но Танский монах еще не ложился спать. Он беседовал с Ша-сэном, выражая ему свое беспокойство по поводу того, что Сунь У-кун увел Чжу Ба-цзе и до сих пор они не возвращаются. Как раз в этот момент его позвали.

— Ученики мои, что случилось? — откликнулся он, поспешно поднявшись.

— Да вот заставили меня нести на себе деда Сунь У-куна,— сказал Чжу Ба-цзе.

— Дурень ты несчастный,— крикнул Сунь У-кун.— О каком деде ты говоришь?!

— Если он тебе не дед, почему ты заставил меня нести его? Сколько сил я потратил!

Танский монах открыл двери и вместе с Ша-сэном вышел наружу. Перед ними, бездыханный, лежал император. Он казался живым. Трипитака опечалился.

— Ваше величество,— сказал он.— В каком перерождении вы нажили себе врага? Он погубил вас, разлучил с женой и сыном и сделал так, что никто из ваших многочисленных сановников не узнал об этом. Даже ваша несчастная супруга находилась в неведении. Никто не возжигал благоволий, не совершал жертвоприношений.— Сказав это, Трипитака горько заплакал.

— Да что вы, учитель,— произнес улыбаясь Чжу Ба-цзе.— Какое вам дело до этого императора? Ведь он даже не родственник вам. Стоит ли его оплакивать?

— Ученик мой! — отвечал на это Трипитака.— Сострадание, милосердие и добрые дела — вот что главное для монаха. Удивительно! Как можешь ты быть столь черствым и бессердечным?

— Я вовсе не бессердечен,— возразил Чжу Ба-цзе.— Мой брат сказал, что может вернуть императору жизнь, поэтому я и притащил его сюда. Иначе я не стал бы этого делать.

. Надо вам напомнить, что Трипитака был человеком доверчивым.

— Сунь У-кун,— сказал он,— если ты действительно можешь вернуть к жизни императора, сделай это. Ведь «спасти жизнь человеку, это гораздо больше, нежели построить Будде семиарусную пагоду». А для нас это даже важнее, чем побыть на Священной горе и поклониться Будде.

— Да что вы, учитель, верите болтовне этого Дурня? — возмущился Сунь У-кун.— Если бы после его смерти прошло три седмицы, пять седмиц или даже семьсот дней, и он бы полностью понес возмездие за грехи, содеянные им при жизни, тогда еще можно было бы возвратить его к жизни. Но ведь после его смерти прошло уже три года!

— Ну что же, пусть будет по-твоему,— согласился Трипитака.

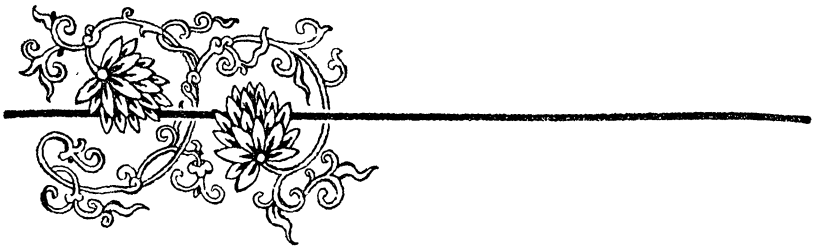
Но Чжу Ба-цзе не унимался.

— Учитель,— сказал он.— Не поддавайтесь обману. Вы можете заставить его слушаться вас. Стоит вам прочесть заклинание, и Сунь У-кун вернет жизнь этому человеку.

Трипитака послушался совета Чжу Ба-цзе и произнес заклинание. У бедной обезьяны от боли глаза выкатились из орбит.

О том, удалось ли Сунь У-куну вернуть жизнь императору, вы узнаете из следующей главы.





ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ,

из которой вы узнаете о том, как Сунь У-кун получил пилюлю бессмертия и как был возвращен к жизни правитель, погибший три года назад

Заклинание, которое стал читать Трипитака, произвело свое действие, и у бедного Сунь У-куна голова раскалывалась от боли. Не в силах вынести мучений, он взмолился.

— Учитель! Смилуйтесь! Я сделаю все, чтобы вернуть императора к жизни!

— Что же ты думаешь делать? — поинтересовался Трипитака.

— Необходимо обратиться в Царство смерти и попросить владыку ада Янь-вана вернуть душу императора, иначе ожидать его невозможно, — отвечал Сунь У-кун.

— Не верьте ему, учитель, — вмешался в разговор Чжу Ба-цзе. — Раньше он и не думал говорить об этом, а обещал сделать все здесь.

Трипитака и на этот раз поверил Чжу Ба-цзе и снова начал читать заклинание. Тут Сунь У-кун, отчаявшись, поспешил отказаться от своего намерения.

— Ладно, я не буду обращаться к Янь-вану и верну императора к жизни без его помощи.

— Не слушайте его, учитель, и продолжайте читать заклинание! — подливал масла в огонь Чжу Ба-цзе.

— Ах ты подлая тварь! — не вытерпел Сунь У-кун. — Так это ты настраиваешь учителя против меня!

— А ты что думал, дорогой братец! — крикнул, катаясь по земле от смеха, Чжу Ба-цзе. — Думал, только ты можешь подшучивать надо мной, а я над тобой не могу?

— Учитель! — стонал Сунь У-кун.— Пощадите! Я все сделаю!

— Как же все-таки ты его оживишь? — снова спросил Трипитака.

— Я отправлюсь на облаке к Южным воротам неба и там, минуя дворец Северной звезды и зал Священного небосвода, проследую прямо за тридцать третье небо во дворец Тушита, где живет великий бессмертный Лао-цзюнь. У него я попрошу пилюлю бессмертия и при помощи ее верну императора к жизни.

— Ну, тогда отправляйся живее! — обрадованно сказал Трипитака.

— Сейчас уже третья ночная стража,— произнес Сунь У-кун.— Пока я вернусь, совсем рассветет. Однако нельзя, чтобы тело императора оставалось без всяких почестей. Хорошо было бы найти хоть плакальщика.

— Не болтай глупостей,— рассердился Чжу Ба-цзе.— Эта обезьяна наметила в плакальщики, конечно, меня.

— А ты собираешься схитрить? — съехидничал Сунь У-кун,— так знай, что если ты не будешь плакать, я не смогу оживить императора.

— Отправляйся, брат, по своим делам, а я уж как-нибудь без тебя обойдусь,— отвечал Чжу Ба-цзе.

— Но ведь оплакивать можно разными способами,— продолжал Сунь У-кун.— Можно просто кричать — это называется голосить. Можно пустить слезу. Но по-настоящему нужно причитать и плакать так, чтобы за душу взяло!

— Ну-ка я попробую! — сказал Чжу Ба-цзе.

Тут он достал откуда-то клочок бумаги, скрутил трубочки, воткнул себе в нос и стал громко чихать. Наконец глаза его увлажнились слезами, которые текли безостановочно. В то же время он монотонным голосом причитал, говорил о счастье, которое было, и о постигшем несчастье. Он плакал до того прочувствованно и жалобно, что у Трипитаки даже зашемило сердце и показались на глазах слезы.

— Вот это настоящий надгробный плач! — улыбаясь, сказал Сунь У-кун.— Но смотри не останавливайся. Как только ты прекратишь плач, я тотчас же узнаю об этом и всыплю тебе, мерзавец, двадцать ударов своим посохом.

— Иди, иди,— смеясь, сказал Чжу Ба-цзе.— Я могу плакать хоть два дня подряд.

Ша-сэнь слушал, слушал, затем пошел отыскивал несколько ароматных свечей и, вернувшись, зажег их.

— Ну, вот и чудесно! — смеясь, сказал Сунь У-кун.— Каждый из нас проявил почтительность и уважение. Теперь мне будет легче выполнить свою задачу.

Наступила полночь. И вот наш чудесный Мудрец распростился с учителем и своими братьями и взмыл в облака.

В один миг он очутился у Южных ворот неба и, минуя зал Священного небосвода и дворец Северной звезды, проследовал прямо на тридцать третье небо, во дворец Тушита, туда, где неведома печаль. Великий Лао-цзюнь сидел посреди своей чудесной мастерской, где изготовлялся эликсир жизни. Слуги, размахивая банановыми веерами, раздували огонь в очаге. Завидев Сунь У-куна, Лао-цзюнь предупредил слуг:

— Будьте осторожны! Разбойник, похитивший эликсир бессмертия, снова явился сюда!

— Почтенный господин,—молвил Сунь У-кун, приветствуя Лао-цзюня,—не следует так обижать человека. Зачем остерегаться меня? Теперь я уж ничего подобного себе не позволяю.

Но Лао-цзюнь не унимался.

— Ты, негодяй,—продолжал он ворчать.—Пятьсот лет назад ты учинил в небесных чертогах буйство, украл у меня почти весь эликсир бессмертия и лишь потом был пойман бессмертным Эр-ланом, который доставил тебя в мою мастерскую на сорок девять дней. Сколько угля я потратил, чтобы переплавить тебя! Потом тебе посчастливилось освободиться; ты принял буддизм и теперь сопровождаешь Танского монаха в Индию. А помнишь на горе Пиндиншань, когда ты дрался с волшебником? Ты ни за что не хотел возвращать мне мои талисманы. Зачем же ты сейчас пожаловал сюда?

— Ну, ваши талисманы я тогда, на горе Пиндиншань, вернул вам сразу же. Почему же вы ругаетесь и продолжаете в чем-то подозревать меня?

— Отчего ты не пришел обычным путем, а проник в мой дворец тайком? —спросил Лао-цзюнь.

— После того как мы с вами расстались,—начал рассказывать Сунь У-кун,—мы пришли в страну Уцзиго, на западе. Правитель этой страны был обманут волшебником, который явился к нему под видом даоса, а затем поднял ураган и погубил самого правителя. После этого волшебник превратился в точную копию правителя и занял трон. И вот вчера ночью, когда наш учитель читал священные книги в монастыре Бао-линь, душа погибшего правителя явилась к нему и попросила, чтобы я помог восстановить справедливость и уничтожил волшебника. Однако доказать, что волшебник совершил преступление, я не мог; поэтому мы с Чжу Ба-цзе ночью проникли в императорский сад, взломали ворота и нашли тело императора, которое находилось в хрустальном колодце и осталось целым и невредимым. Мы доставили его в монастырь. И когда наш учитель увидел покойника, он проявил к нему сострадание и велел мне любым способом вернуть его к жизни. Однако спуститься в царство мрака и разыскать там душу императора он не разрешил. В общем, я не знаю, как вернуть императора к жизни, и вот пришел сейчас к вам за

советом. Умоляю, пожалейте меня, дайте тысячу пилюль бессмертия.

— Что за вздор! — возмутился Лао-цзюнь. — Дать ему тысячу пилюль бессмертия! Да что это, какая-нибудь каша, что ли? Не из земли же они делаются?!

Лао-цзюнь даже плюнул с досады и закричал:

— Убирайся вон! Ничего у меня нет!

— Ну, тогда дайте хоть сто пилюль! — примирительным тоном произнес Сунь У-кун.

— И ста у меня нет, — отрезал Лао-цзюнь.

— Ладно, я согласен на десяток, — продолжал Сунь У-кун.

— Ну что за надоедливая обезьяна! — вышел из себя Лао-цзюнь. — Ничего у меня нет, понимаешь, ничего! Уходи ты отсюда, прошу тебя!

— Что же, — улыбаясь, сказал Сунь У-кун, — раз у вас действительно нет пилюль, мне придется поискать их в другом месте. Ведь надо мне вернуть к жизни императора.

— Уходи, уходи! — крикнул Лао-цзюнь.

Сунь У-кун ушел. Между тем Лао-цзюнь задумался.

«Почему Сунь У-кун так спокойно отнесся к моему отказу? — размышлял он. — Что-то подозрительно. Уж не задумал ли он пробраться ко мне и стащить пилюли», — и он тут же приказал слугам вернуть Сунь У-куна.

— Ну, вот что, — сказал Лао-цзюнь. — Не нравится мне твое поведение, — что-то ты, видно, замыслил. Так и быть, дам я тебе одну пилюлю.

— Почтенный учитель, — отвечал на это Сунь У-кун. — Вы знаете мои способности. Давайте сюда ваши пилюли, да поживее. Мы их поделим. Четыре части моих, а шесть ваших. Скажите спасибо, что счастливо отделались. Ведь я мог пустить в ход волшебство, и все пилюли мигом очутились бы у меня.

Тогда Лао-цзюнь взял тыкву-горлянку, перевернул ее вверх дном, и из нее выпала пилюля, которую он и отдал Сунь У-куну.

— Вот все, что у меня есть, — сказал Лао-цзюнь. — Бери и уходи! Ее вполне достаточно, чтобы вернуть к жизни императора. Тебе это зачтется как заслуга, помни!

— Погодите, — сказал Сунь У-кун, беря пилюлю. — Я сначала попробую ее. Может быть, она не настоящая.

И он положил пилюлю в рот. Лао-цзюнь так разволновался, что бросился к нему и схватил его за руку. Затем он стал хватать его за голову и браниться.

— Вот гнусная обезьяна! Если только ты проглотить пилюлю, я убью тебя на месте.

— Ну и рожал! — рассмеялся Сунь У-кун. — Как будто ты самого низкого происхождения! Да кому нужна твоя пилюля?

Подумаешь, драгоценность! Шуму много, а толку мало. Вот она, твоя пилюля!

А надо вам сказать, что у Сунь У-куна под подбородком был зуб, в который он и положил пилюлю.

— Убирайся отсюда! Уходи сейчас же! — крикнул Лао-цзюнь, ущипнув Сунь У-куна. — И не являйся больше!

Наконец Великий Мудрец поблагодарил Лао-цзюня и покинул дворец Тушита. На радужных облаках он вылетел из яшмовых чертогов, в одно мгновение миновал Южные ворота неба, и, когда возвратился в монастырь, солнце уже поднялось над звездами. Наконец он спустился к самым воротам монастыря и услышал причитания Чжу Ба-цзе.

— Учитель! — позвал Сунь У-кун.

— Сунь У-кун вернулся! — радостно воскликнул Трипитака. — Ну как, достал пилюлю?

— Конечно, — отвечал тот.

— Уж кто-кто, а он достанет, — вставил свое слово Чжу Ба-цзе. — Видимо, украл у кого-нибудь.

— Ну-ка, убирайся отсюда, — сказал Сунь У-кун. — Ты мне больше не нужен. Утри слезы и иди поплачь в другом месте. А ты, — обратился он к Ша-сэну, — принеси немного воды.

Ша-сэн побежал к колодцу, который находился на заднем дворе, достал полбады воды и принес. Сунь У-кун вынул изо рта пилюлю, положил ее между губами императора, затем приоткрыл ему рот и влил глоток воды. Примерно через час в животе у императора послышалось какое-то бульканье. Однако тело его оставалось неподвижным.

— Ну вот, учитель, — сказал Сунь У-кун. — Вы заставили меня достать пилюлю бессмертия, и все равно ничего не помогает. Что же, вы теперь убьете меня?

— Да как это не помогает! — возразил Трипитака. — Разве может труп проглотить воду? Конечно, на него воздействовала божественная сила пилюли бессмертия. А раз в желудке слышны звуки, то и кровь должна пульсировать. Только вот дыхание никак не может вернуться к нему. Но это не удивительно! Ведь он три года находился в колодце, здесь не то что человек, железо и то заржавеет. У императора иссяк жизненный дух. И надо, чтобы кто-нибудь вдохнул в него этот дух, тогда все будет в порядке.

Не успел он сказать это, как Чжу Ба-цзе подошел к императору. Однако Трипитака остановил его.

— У тебя ничего не получится! Пусть это сделает Сунь У-кун!

Дело в том, что Чжу Ба-цзе с молодых лет губил людей, ел человеческое мясо и творил всякие недобрые дела. Поэтому дыхание его было нечистым. А Сунь У-кун с детства занимался физическим и нравственным совершенствованием и питался кедровыми и сосновыми орехами и персиками.

Выполняя волю Трипитаки, Великий Мудрец подошел к бездыханному телу императора, приблизил свое лицо, которое напоминало лицо Бога грома, к его губам и с силой вдохнул в него воздух, который прошел через горло, проник в верхний желудок, затем в средний и, наконец, дошел до пупка. Достигнув ступни, струя воздуха повернула и проникла в мозг. Послышался резкий звук, и жизненная энергия вернулась к императору. Он перевернулся, подвигал руками, поджал ноги и, опустившись перед Трипитакой на колени, воскликнул:

— Учитель! Я помню, что вчера ночью моя душа навестила вас, но разве мог я думать, что сегодня на рассвете уже вернусь к жизни?

Трипитака поспешил поднять императора и взволнованно произнес:

— Ваше величество, я тут ни при чем. Благодарите моего ученика.

— Зачем вы так говорите, учитель? — запротестовал улыбаясь Сунь У-кун. — Ведь не даром говорится, что «в доме не может быть двух хозяев». Я ничуть не пострадаю, если поклоня примете вы.

Тем не менее Трипитака ощущал неловкость. Он помог императору подняться с колен и ввел его в зал Созерцания. Здесь, прежде чем усадить его, он заставил Чжу Ба-цзе, Сунь У-куна и Ша-сэна воздать императору соответствующие почести. В это время пришли монахи, которые уже приготовили утреннюю трапезу и принесли поесть своим гостям. Увидев императора в мокрой одежде, они не на шутку перепугались и стали шептаться. Тут Сунь У-кун выскочил вперед.

— Ну вот что, монахи! — крикнул он. — Отбросьте всякие страхи и подозрения! Перед вами правитель страны Уцзиго, ваш подлинный господин. Три года назад его погубил волшебник, и вот сегодня ночью я вернул ему жизнь. Сейчас мы оправляемся в город, чтобы уничтожить зло и восстановить справедливость. Если у вас есть какая-нибудь еда, несите ее нам. Мы подкрепимся и тронемся в путь.

Монахи поспешили подать горячей воды для умывания и принесли одежду. Император снял с себя свой пурпурный халат и надел два простых халата, которые ему принесли монахи. Затем он снял яшмовый пояс и подвязался поясом из желтого шелка. Свои башмаки он заменил на старые монашеские туфли. После трапезы привели оседланного коня.

— Чжу Ба-цзе, сколько весит твой багаж? — спросил Сунь У-кун.

— Дорогой брат, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Хотя этот багаж я несу изо дня в день, однако сколько он весит, до сих пор не знаю.

— Ну так вот что, — продолжал Сунь У-кун. — Раздели его

на две части: одну понесешь сам, а другую отдашь императору,—пусть несет. Так мы скорее доберемся до города.

— Вот счастье привалило! — обрадовался Чжу Ба-цзе.— Сколько сил я потратил, пока тащил императора сюда. А теперь он хоть на время меня заменит.

Но и тут Чжу Ба-цзе не мог обойтись без жульничества. Он разделил багаж на две неравные части, попросил монахов принести еще одно коромысло, более легкую часть багажа оставил себе, а тяжелую — отдал императору.

— Простите, ваше величество,— сказал Сунь У-кун,— что мы нарядили вас в это грубое платье, да еще заставляем нести тяжесть.

— Учитель! — отвечал император, поспешно опускаясь на колени.— Вы вернули мне жизнь и теперь для меня все равно что отец родной. Я не только готов нести эти вещи, но охотно буду прислуживать вам всю свою жизнь, стану вашим слугой, конюхом, готов даже сопровождать вас в Индию.

— Ну, этого вовсе не следует делать,— произнес в ответ Сунь У-кун.— Мы идем в Индию потому, что нам предназначено это самой судьбой. Вам же придется нести багаж всего сорок ли. А когда мы придем в город и расправимся с волшебником, вы займете свой императорский трон, а мы отправимся своей дорогой.

— Как же так? — запротестовал Чжу Ба-цзе.— Выходит, сн пронесет вещи всего сорок ли, а дальше опять я буду тащить их?

— Хватит болтать ерунду,— рассердился Сунь У-кун.— Иди лучше вперед и указывай дорогу.

Чжу Ба-цзе беспрекословно повиновался. За ним последовал император. Ша-сэн помог Трипитаке сесть на коня, которого вел под уздцы. Позади всех шел Сунь У-кун. Заиграла музыка, пятьсот монахов, выстроившись рядами, вышли за ворота проводить гостей.

— Не провожайте нас,— сказал Сунь У-кун.— Если наша тайна будет раскрыта, дело может принять плохой оборот. Возвращайтесь лучше в монастырь. Платье императора, его головной убор и пояс приведите в порядок, почистите и сегодня вечером или завтра утром пришлите в город. А я уж чем-нибудь отблагодарю вас.

Монахи так и сделали, а Сунь У-кун пустился догонять учителя.

На Западе тайна, в которой
Нам истину надо найти:
Родители жили, стараясь
Путем совершенства идти.
И мать беспокоилась тщетно
О том знаменательном сне;
Сын видел свою бесполезность,
Лежал император на дне.

Поднять бы его из колодца,
Потом в небесах побывать
У Лао-цзы в тайном покое
Материю, форму познать;
Поистине стать человеком,
Который достигнет высот,
Который в буддизме спасенье
И путь совершенства найдет.

Учитель и его ученики шли довольно долго и наконец увидели город.

— Сунь У-кун,— сказал Трипитака,— перед нами столица страны Уцзиго.

— Вы правы, учитель,— подтвердил Сунь У-кун.— Пойдемте быстрее, у нас еще много дел впереди.

Они вошли в город. Там было красиво и чисто. На улицах царило оживление. Повсюду радовали глаз великолепные дворцы и прекрасные строения. Об этой стране сложены даже стихи,

Дворцы и пагоды за морем
Такие ж точно, как в Китае.
Народ поет, как пел при Танах,
И пляшет, весело играя.

Цветы колеблются под ветром,
Окутанные дымкой алой,
Упало солнце на халаты,
На пестром шелке залетало.

На ширмах вышиты павлины,
Оттуда тянет ароматом,
Жемчужный занавес откинут
И флагом кажется крылатым.

Картины мира и покоя
Заслуживают поздравленья;
Молчат сановники у трона —
Нет повода для донесенья.

— Ученики мои,— молвил Трипитака, слезая с коня.— Мы должны явиться ко двору и получить разрешение на выезд. Не то нас могут задержать власти.

— Вы совершенно правы,— согласился Сунь У-кун.— Давайте пойдем все вместе. Чем больше народу, тем легче разговаривать.

— Ладно,— сказал Трипитака.— Только смотрите ведите себя вежливо. Прежде всего необходимо совершить поклоны и уж потом начинать разговор.

— Приветствуя государя, следует совершать земные поклоны,— сказал Сунь У-кун.

— Правильно,— подтвердил Трипитака,— следует совершить пять земных и три поясных поклона.

— Беда с вами, учитель, ничего вы не знаете,— сказал Сунь У-кун.— Ведь если мы станем совершать поклоны, то покажем себя настоящими невежами. Разрешите, я войду

первым. Я знаю, как себя вести. Если они заговорят, отвечать уж разрешите мне. Когда я буду совершать поклоны,— вы тоже кланяйтесь, если я присяду на корточки, делайте то же самое.

И вот Царь обезьян, из-за которого всегда случались неприятности, подошел вместе со всеми к дворцовым воротам и обратился к начальнику стражи:

— Мы — посланцы его величества императора великих Танов,— сказал он,— и путь держим в Индию, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Сейчас мы явились сюда в надежде получить разрешение на выезд. Очень просим, господин начальник, оказать нам милость и доложить о нас.

Выслушав его, начальник стражи тотчас же отправился в парадную приемную и, склонившись перед тронном, доложил:

— У ворот дворца сидят пятеро монахов. Они говорят, что идут по велению китайского императора великих Танов в Индию поклониться Будде и попросить у него священные книги. Сейчас они явились сюда, чтобы получить разрешение на выезд. Однако они не осмелились войти сразу и ждут ваших указаний.

Правитель-волшебник приказал вести их. Танский монах со своими учениками вошел во дворец. Вместе с ними шел и вернувшийся к жизни император. Грусть не покидала его и по щекам безудержно текли слезы.

«Какое горе! — думал он.— Кто мог подумать, что мои неприступные владения, обнесенные железными стенами, будут так вероломно захвачены?»

— Не надо отчаиваться, ваше величество,— стал утешать его Сунь У-кун.— Не то кто-нибудь заметит и разгадает нашу тайну. Посох, который находится у меня в ухе, чем-то обеспокоен. Сегодня он, несомненно, покажет себя и покончит с этим волшебником. Скоро вы снова станете править своими владениями.

Император не посмел послушаться, утер краем одежды слезы и решительно пошел за остальными прямо в зал для приемов.

Там они увидели военных и гражданских сановников, выстроившихся в два ряда, и множество придворных. У всех был строгий и торжественный вид и величественная осанка. Сунь У-кун подвел Танского монаха прямо к трону и остановился неподвижно. Сановники пришли в ужас от такого поведения.

— Этот монах груб и невежествен! — говорили они между собой.— Как смеет он не воздать почести нашему государю? Что за бесцеремонность!

— Откуда явился этот монах? — раздался тут голос мнимого государя.

— Мы идем из Китая, из страны Наньшаньбучжоу,—

с достоинством отвечал Сунь У-кун.— По повелению нашего императора мы должны пройти в храм Раскатов грома в Индии, поклониться Будде и попросить у него священные книги. Но, прибыв сюда, мы не осмелились следовать дальше без разрешения. Вот зачем мы и явились к вам.

— Что же из того, что вы прибыли из Китая! — выслушав его, рассерженно сказал государь.— Я не вассал вашего императора и никаких связей с ним не поддерживаю. Как же вы осмелились не воздать полагающиеся мне почести?

— Наша страна управляется династией, поставленной небом, и издавна известна, как первое государство в мире. Ваше же государство второразрядное и окраинное. Еще в древности говорили: «Император Китая является отцом и господином, государь же второстепенной страны — его подчиненный и сын». А вы не только не встретили нас как следует, а еще требуете, чтобы я совершал перед вами поклоны?

Услышав это, волшебник-государь рассвирепел.

— Уберите этого монаха! — крикнул он.

В тот же миг все придворные бросились на Сунь У-куна. Но Сунь У-кун выбросил вперед руку и крикнул:

— Ни с места!

Этим магическим жестом Сунь У-кун мог любого человека пригвоздить к месту. И поистине все, кто был в зале, превратились в деревянных или глиняных истуканов.

Увидев, что ни один из придворных не может двинуться с места, волшебник вскочил, спрыгнул с трона и бросился к Сунь У-куну, пытаясь задержать его.

«Чудесно! — подумал Сунь У-кун.— Все идет так, как я и хотел. На этот раз будь у тебя хоть чугунная башка, я проломлю ее своим посохом».

И только было он собрался осуществить свою угрозу, как появился невольный спаситель волшебника. И кто бы, вы думали, это был? Не кто иной, как наследник императора страны Уцзиго. Схватив государя-волшебника за полу его одеяния, он опустился перед ним на колени и сказал:

— Государь-отец, не гневайтесь.

— Что ты хочешь сказать, сын мой?—спросил волшебник.

— Разрешите доложить вам, государь-отец,— отвечал принц.—Еще три года назад я слышал, что по повелению Танского императора из Китая в Индию отправлен один почтенный монах, который должен поклониться Будде и испросить у него священные книги. Сейчас он здесь. Государь-отец, вы снискали себе уважение и славу. Но, если вы прикажете казнить этих монахов, боюсь, как бы не вышло неприятности. Когда слухи об этом дойдут до Танского императора, он, несомненно, разгневается. Подумайте сами: став императором, Ли Ши-минь * объединил всю страну, однако на этом не успокоился и предпринимает военные походы даже за море. Если

он узнает о том, что вы, государь, казнили священного монаха, его побратима, он, несомненно, пойдет на вас войной. Что вы тогда станете делать? Войска у вас мало, полководцы слабы. Вы раскаетесь, но будет поздно. Государь-отец мой! Умоляю вас, послушайте моего совета, пусть эти монахи расскажут вам свою историю, узнайте, почему они не поклонились вам, а потом будете их наказывать.

Дело в том, что наследник опасался, как бы не нанести вред Танскому монаху, и решил оттянуть время, даже не подозревая, что Сунь У-кун собрался покончить с волшебником сейчас же. А волшебник внял словам принца и крикнул:

— Эй вы, монахи, давно вы из Китая? И для чего Танский император послал вас за священными книгами?

— Наш учитель — побратим самого Танского императора, — с гордостью отвечал Сунь У-кун, — прозвище его Трипитака. Первый министр Танского императора, Вэй-чжэн, выполняя волю неба, должен был во сне казнить дракона реки Цзинхэ. Танский император во сне посетил Царство смерти и, вернувшись на землю, устроил торжественное моление о невинно загубленных, неприкаянных душах. Наш учитель — великолепный знаток священного писания, славится своими добрыми делами, вот он и получил приказ бодисатвы Гуаньинь отправиться на Запад. Наш учитель — человек высоких устремлений, глубокого душевного благородства и красоты, он до конца предан своей стране, поэтому Танский император и обратил на него свой благосклонный взор. Все это происходило в третий день до полной луны девятого месяца, в тринадцатый год правления Чжэнь-гуань * Танской династии. Покинув Китай, он достиг горы Усиншань, там повстречался со мной и сделал меня своим старшим учеником. Имя мое — Сунь У-кун. Когда мы с учителем дошли до селения Лаогаочжуан в государстве Усыго, он взял себе второго ученика по имени Чжу Ба-цзе. А у реки Сыпучих песков — третьего ученика по имени Ша-сэн. И вот несколько дней назад, в выстроенном по повелению императора монастыре Баолинь, мы приняли еще одного ученика-послушника, специально для переноски вещей.

Выслушав все это, мнимый правитель не осмелился обыскивать Танского монаха и, зло глядя на Сунь У-куна, стал задавать ему всякие каверзные вопросы:

— Итак, вначале Танский монах отправился в путь один. Затем он принял трех учеников. Они не вызывают у меня подозрений. Что же касается четвертого, то в нем я не уверен. Его, несомненно, похитили. Как его зовут? И есть ли у него монашеское свидетельство? Ну-ка, пусть подойдет сюда и расскажет.

Услышав это, настоящий правитель страны Уцзиго задрожал от страха.

— Что же я буду говорить?

— Не бойтесь,— шепнул ему Сунь У-кун.— Я буду отвечать вместо вас.

После этого наш прекрасный Великий Мудрец уверенно выступил вперед и, обращаясь к волшебнику, громко сказал:

— Ваше величество, этот даос глух и нем. Однако в молодости он бывал в Индии и знает туда дорогу. Я знаю всю его жизнь и прошу ваше величество милостиво разрешить мне рассказать все вместо него.

— Что же,— согласился император,— говори, но только всю правду, не то я накажу тебя по заслугам.

И Сунь У-кун начал рассказывать:

Послушник на допросе был
И дряхл, и нем, и глух;
Он достоянье потерял,
И разум свой, и слух.

Он родом был из этих мест;
Случился недород:
Такая засуха была,
Что погибал народ.

Наложен был великий пост
На бедную страну:
Никто руки не постирал
Ни к мясу, ни к вину;

Курили люди фимиам,
Молились о дожде,
Но не было на сотни ли
Ни облачка нигде.

И вдруг тогда с горы Чжуншань
Спустился чародей,
Он увидал, что вся страна
Томится без дождей.

И вызвал ветер он и дождь,
Послушника ж столкнул
На дно колодца, чтобы тот,
Несчастный, утонул.

На императорский престол
Взошел тот чародей,
И сходством с государем смог
Он обмануть людей.

Но хорошо, что я пришел:
Послушник воскрешен,
Теперь с учителем моим
Пойдет на Запад он.

И послушания обет
Учителю принес;
Он — настоящий государь,
Волшебник же — даос.

Выдававший себя за правителя волшебник до того был напуган, услышав эти слова, что сердце его затрепетало, словно сердце попавшего в беду олененка. Он покраснел, резко повернулся и хотел бежать, так как при нем не было никакого сружия. Начальник дворцовой охраны, у которого на поясе висел меч, под действием чар Сунь У-куна, стоял на месте как вкопанный. Подскочив к нему, волшебник выхватил у него меч и, взмыв на облако, унесся ввысь.

Увидев это, Ша-сэн был взбешен, а Чжу Ба-цзе начал громко бранить Сунь У-куна.

— Что же ты тут разглагольствовал? — кричал он. — Надо было схватить его, и все. А теперь где его искать?

— Что без толку кричать, братья мои, — успокаивал их Сунь У-кун. — Пусть лучше наследник поклонится отцу, а супруга — своему мужу.

Сказав это, Сунь У-кун произнес заклинание и снял чары со всех придворных.

— Пусть все воздадут должные почести своему настоящему повелителю. Расскажите им, что произошло. А я отправлюсь на поиски волшебника.

— Смотрите, хорошенько охраняйте государя, государыню, наследника и нашего учителя! — наказывал он Чжу Ба-цзе и Ша-сэну. В этот момент он сам уже исчез и был слышен лишь его голос.

Сунь У-кун взвился на девятое небо и стал внимательно оглядываться вокруг. Вдруг он заметил волшебника, который бежал на северо-восток. Сунь У-кун вмиг нагнал его и крикнул:

— Эй ты, оборотень! Куда бежишь? Не видишь меня, что ли?

Волшебник тотчас же обернулся и, взмахнув мечом, крикнул:

— Какой ты дотошный, Сунь У-кун! Ведь я захватил не твой трон, какое же тебе дело до этого? С какой стати ты решил раскрыть мою тайну и выступить поборником справедливости?

— Сейчас я с тобой рассчитаюсь, мерзкое чудовище! — крикнул, расхохотавшись в ответ, Сунь У-кун. — Неужели ты думаешь, я допущу, чтобы ты снова стал правителем? Ты ведь сразу узнал меня и должен был немедленно исчезнуть. Для чего же тебе понадобилось допрашивать учителя? Вот за это я и угощу тебя моим посохом!

Однако волшебнику удалось избежать удара. Он взмахнул мечом и ринулся на противника. Между ними завязался ожесточенный бой.

Царь обезьян в сраженье был свиреп,
И царь-волшебник также был силен —
Друг друга меч и посох отражали.

Закрыв три мира, опустилась мгла:
Чтоб государя возвести на трон,
Противники сраженье продолжали.

После нескольких схваток волшебник понял, что ему не устоять против Царя обезьян, и стремительно бросился назад. Он вбежал во дворец, подбежал к яшмовому трону и смешался с толпой сановников. Затем, встряхнувшись всем телом, он превратился в точную копию Трипитаки и, сложив руки, встал перед тронном. Ворвавшийся вслед за ним Великий Мудрец, взмахнув посохом, хотел было нанести удар, но мнимый Трипитака сказал ему:

— Ученик мой, остановись! Ведь это же я!

Тут Сунь У-кун бросился с посохом на Танского монаха, но снова услышал:

— Ученик мой, остановись! Ведь это же я!

Таким образом перед Сунь У-куном оказалось два Танских монаха, и он не знал теперь, что делать.

«Если я убью оборотня,— размышлял он,— это будет моей заслугой, но вдруг я прикончу учителя?»

Он остановился и, обращаясь к Чжу Ба-цзе и Ша-сэну, спросил:

— Кто же из них оборотень и кто учитель? Покажите мне, чтобы я мог действовать!

— Мы следили за тем, как ты сражался с ним в воздухе,— сказал на это Чжу Ба-цзе,— а потом совершенно неожиданно увидели перед собой двух учителей и сейчас сами не знаем, кто из них настоящий.

Услышав это, Сунь У-кун произнес заклинание и вызвал духов — хранителей учения Будды, духов Лю-дина и Лю-цзя, стражей — хранителей пяти стран света, бога времени, восемнадцать архатов и местных духов — хранителей гор и земли.

— Я прибыл сюда для того, чтобы уничтожить волшебника,— сказал, обращаясь к ним, Сунь У-кун.— Однако волшебник принял вид нашего учителя, и теперь я не могу распознать, кто из них настоящий, а кто самозванец. Вы тихонько скажите мне об этом и проводите учителя во дворец, а я тем временем расправлюсь с волшебником.

Между тем волшебник, обладавший способностью передвигаться на облаках и туманах, услышав, что говорит Сунь У-кун, совершил прыжок и очутился вверху над залом Золотых колокольчиков. Сунь У-кун взмахнул своим посохом и чуть было не опустил его на голову Танского монаха. Если бы в этот момент духи, которых вызвал Сунь У-кун, не удержали его, от Танского монаха осталось бы мокрое место. Да что монах! Было бы здесь двадцать человек, и они превратились бы в кровавое месиво.

— Великий Мудрец,— молвили духи.— Волшебник обла-

дает способностью передвигаться на облаках: взгляните, он уже над залом Золотых колокольчиков.

Сунь У-кун тотчас же ринулся за ним, но волшебник бросился вниз, схватил Танского монаха, смешался с толпой — и снова двойников нельзя было распознать. Сунь У-кун даже приуныл. А Чжу Ба-цзе стоял в стороне и ехидно ухмылялся. Сунь У-кун рассвирепел.

— Чему ты радуешься, дубина? — крикнул он. — Ведь теперь у тебя два учителя и тебе придется служить обоим.

— Дорогой брат, — отвечал ему Чжу Ба-цзе. — Ты вот зовешь меня Дурнем, а сам еще глупее меня. Зачем тратить столько сил? Если можешь потерпеть немного, скажи учителю, чтобы произнес известное ему заклинание, а мы с Ша-эном будем слушать. Тот из них, кто не сможет читать заклинание, и будет волшебник. Видишь, как просто?

— Ну, брат, спасибо, — обрадовался Сунь У-кун. — Ведь это заклинание знают только трое: Будда, бодисатва Гуаньинь и наш учитель. Что же, учитель, читайте заклинание.

И Танский монах стал читать. Волшебник же бормотал что-то невнятное.

— Тот, что бормочет, и есть волшебник! — воскликнул Чжу Ба-цзе и взмахнул вилами. Однако волшебник совершил прыжок в воздух и на облаке умчался прочь.

Чжу Ба-цзе вскрикнул и тоже на облаке помчался за ним. Ша-энь растерялся, оставил Танского монаха и, схватив посох, последовал за своим братом. Тогда Трипитака прекратил читать заклинание, и Великий Мудрец, преодолевая головную боль, с посохом в руках ринулся в воздух. И тут разыгрался бой! Трое разъяренных монахов окружили злого волшебника. Чжу Ба-цзе и Ша-энь, один — с граблями, другой — с посохом, наседали на него с двух сторон.

«Если я нападу на волшебника спереди, он испугается и сбежит, — подумал улыбаясь Сунь У-кун. — Поднимусь-ка я еще выше и трахну его по макушке. Он сразу кончится».

В тот же миг наш Великий Мудрец на радужном луче поднялся на девятое небо. Но только он собрался действовать, как из радужного облака, находящегося на северо-востоке, прогремел голос:

— Сунь У-кун! Остановись!

Сунь У-кун оглянулся и увидел перед собой Манджутру бодисатву*. Он тотчас же опустил посох и, приветствуя божество, спросил:

— Куда путь держите?

— Я прибыл сюда для того, чтобы помочь тебе расправиться с волшебником, — отвечал бодисатва.

— Простите, что доставил вам хлопоты, — стал извиняться Сунь У-кун.

А бодисатва тем временем вытащил из рукава зеркало, обладающее свойством вылавливать духов и оборотней, и навел его на волшебника. Тут Сунь У-кун подозвал Чжу Ба-цзе и Ша-сэна и представил их бодисатве. В зеркале они увидели отражение волшебника, вид которого был поистине ужасен:

Голова, как плавильный котел,
Тело зверя, как индиго, сине;
Как стеклянные чашки — глаза,
Лапы ярко белели, как иней.

Подметал его хвост, как метла,
И тяжелые уши свисали;
Грозно дыбилась синяя шерсть,
Взоры красный огонь излучали.

Словно копий стальных острия,
Подымалась упорно щетина,
Яшмой плоских и редких зубов
Изукрашена пасть исполина.

В ясном зеркале был отражен
Шили-ван — лев, носитель Манджурты:
Бодисатва на нем восседал,
Бодисатва великий и мудрый.

— Премудрый бодисатва,— сказал тут Сунь У-кун.— Это тот самый лев с синей шерстью, на котором вы ездили. Но почему вы позволили ему убежать и превратиться в волшебника? Надо было усмирить его.

— Никуда он не убежал,— отвечал бодисатва.— Он выполнял волю Будды.

— Как же так? — удивился Сунь У-кун.— Существо, превратившееся в оборотня и захватившее трон, оказывается выполняло волю Будды?! Сколько же препятствий я должен преодолеть и сколько страданий вынести на этом тернистом пути?

— Ты многого не знаешь,— молвил бодисатва.— Правитель страны Уцзиго постоянно совершал добрые дела и помогал монахам. Вот Будда и поручил мне перевести его в другой мир и возвести в сан золотого архата. Я не мог, конечно, явиться к нему в своем подлинном виде и, превратившись в простого монаха, пришел к нему просить подаяния. Я сказал ему несколько слов, которые поставили его в затруднительное положение, а он, не зная, кто я такой, приказал связать меня и бросить в реку в императорском саду. Я пробыл в воде три дня и три ночи и лишь благодаря духу Лю-цзя был спасен. Когда же я рассказал Будде о том, что со мной произошло, Будда послал сюда этого волшебника, приказал ему столкнуть императора в колодец и продержать его там в течение трех лет за то, что из-за него я пробыл

в воде три дня. Так что все это было predetermined заранее. Ну, а вы сделали доброе дело.

— Ладно, предположим, что все это было predetermined заранее и правитель страны Уцзиго получил по заслугам, но ведь этот волшебник погубил уйму людей,— возразил Сунь У-кун.

— Никого он не погубил,— отвечал бодисатва.— Все время, пока он был здесь, стояла хорошая погода, шли благодатные дожди, и народ наслаждался миром и спокойствием.

— Пусть это так,— продолжал Сунь У-кун.— Но ведь он три года жил с женой императора, спал с ней. Он нарушил законы нравственности. Как же можно говорить, что он никому не нанес вреда?

— Он не осквернил ее,— возразил бодисатва.— Этот лев — кастрирован.

Услышав это, Чжу Ба-цзе подошел поближе и погладил волшебника.

— Не даром говорится: «Кто с красным носом,— не пьет вина».

— Ну, раз дело обстоит так, мы пойдем своей дорогой,— сказал Сунь У-кун.— Хорошо, что вы явились сюда, иначе я расправился бы с этим волшебником.

В этот момент бодисатва произнес заклинание и крикнул:

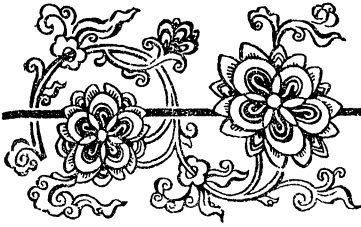
— Оборотень! Почему ты не становишься на истинный путь, чего ждешь?!

Тут волшебник принял свой прежний вид, и бодисатва надел на него лotosовый намордник. Простившись с Сунь У-куном, бодисатва сел на льва и на золотом луче взвился ввысь.

Долетев до горы Утайшань, он опустился около драгоценного трона и стал слушать священные сутры.

Если вам интересно узнать, как Танский монах со своими учениками покинул страну Уцзиго, вы должны прочитать следующую главу.





ГЛАВА Сороковая,

повествующая о том, как дух по прозвищу Красный ребенок смутил сердца, отрекшиеся от мира, и как обезьяна возвратила Чжу Ба-цзе на путь Истины

Итак, Великий Мудрец вместе со своими братьями спустился на облаке прямо во дворец. Все придворные, выстроившись в ряд, почтительно кланялись, выражая свою благодарность за совершенное ими благодеяние. Сунь У-кун подробно рассказал историю о том, как бодисатва вернул к себе волшебника. Выслушав ее, придворные стали еще усерднее кланяться. И вот как раз в тот момент, когда все радостно поздравляли друг друга, один из придворных доложил, что ко дворцу подошли четыре монаха.

— Дорогой брат,— встревоженно сказал Чжу Ба-цзе.— Тут что-то неладно. Вероятно, волшебник принял вид Манджутры бодисатвы, чтобы надуть нас, а теперь, превратившись в монахов, явился сюда.

— Черт возьми! — воскликнул Сунь У-кун и приказал вести монахов.

Приказ был выполнен. Когда монахов ввели во дворец, Сунь У-кун сразу узнал их: это были монахи из монастыря Баолинь. Они принесли одеяние императора — головной убор, яшмовый пояс бирюзового цвета, красный халат и парадные туфли.

— Как замечательно, что вы пришли! — воскликнул Сунь У-кун и предложил императору, одетому в платье слуги, облачиться в императорское одеяние.

Затем он велел наследнику принести императорский жезл из белой яшмы, вручил его императору и пригласил его взой-

ти на трон. Недаром еще в древности говорили: «Императорский трон ни на один день не может оставаться без правителя».

Однако император ни за что не соглашался взойти на трон. Со слезами на глазах он опустился на колени и сказал:

— Я три года был мертв и лишь благодаря милости вашего учителя вернулся к жизни. Как же могу я сейчас принимать такие почести? Я готов признать вашего учителя императором, а сам возьму жену, поселюсь где-нибудь за городом и буду жить как простой мирянин.

Трипитака, все помыслы которого были направлены на служение Будде, не мог, конечно, согласиться занять столь высокое положение. Тогда император обратился к Сунь У-куну.

— Не буду обманывать вас, господа,— отвечал улыбаясь Сунь У-кун.— Если бы я захотел стать императором, то мог бы занять трон в любом из многочисленных государств девяти континентов Поднебесной. Но мы привыкли к нашей беспечной монашеской жизни. Император должен отращивать волосы, он не может ложиться спать с наступлением сумерек, должен подниматься в пятую стражу. Ему приходится выслушивать доклады и донесения с границ, он никогда не знает ни покоя, ни отдыха. Его постоянно тревожат стихийные бедствия. Да разве смогу я привыкнуть ко всему этому? Нет уж, я лучше останусь монахом и буду продолжать свое самосовершенствование.

Как ни отказывался император, ему все же пришлось взойти на трон. После этого он повернулся лицом к югу, провозгласил о своем возвращении, а также о помиловании всех преступников в стране и щедро одарил монахов из монастыря Баолинь. Затем был открыт Восточный дворец и устроено великолепное пиршество в честь Трипитаки. Император приказал вызвать во дворец художника и велел ему написать портреты Трипитаки и его учеников, которые и повесили в приемном зале. Как только в стране воцарился порядок, Трипитака решил не задерживаться и заявил о своем желании распрощаться с государем и тотчас же двинуться в путь. Император, императрица, наследник и все придворные, в знак благодарности за оказанные милости, преподнесли Трипитаке самые лучшие драгоценности, какие только были в стране: золото, серебро, шелка. Но Трипитака решительно отказался от всего и стал торопить учеников собираться в дорогу. Когда все было готово, Трипитака сел на коня. Император, очень огорченный его отъездом, приказал заложить карету специально для Трипитаки. Впереди, двумя рядами шествовали гражданские и военные сановники. Сам император вместе с императрицей и наследником шли рядом. И лишь когда вся

процессия миновала окрестности города, карета остановилась, и Трипитака вышел проститься со всеми.

— Учитель,— сказал ему император,— когда вы будете возвращаться из Индии, умоляю вас, заезжайте к нам.

— Постараюсь выполнить вашу волю,— отвечал Трипитака.

Император не мог сдержатъ слез. Сопровождаемый сановниками, он вернулся в город. А четыре монаха, охваченные одним желанием достичь горы Линшань и поклониться Будде, вышли на дорогу и двинулись вперед. Осень близилась к концу, начиналась зима.

Выпал иней, покраснели листья,
Еле держатся на ветках голых,
Вовремя дожди вспоили поле,
И теперь хлеба желтеют в долах.

На вершинах, обогретых солнцем,
Яркие цветы раскрыла слива;
Лишь бамбук шатается под ветром,
Слабый шелест слышится тоскливо.

Уже более полумесяца прошло с тех пор, как Трипитака со своими учениками покинули страну Уцзиго. Как и прежде, они начинали свой путь на рассвете и лишь на ночь делали остановку. И вот однажды перед ними вдруг выросла огромная гора, которая, казалось, упиралась в небо и закрывала солнце. Трипитака встревожился, остановил коня и подозвал Сунь У-куна.

— Что прикажете, учитель? — спросил тот.

— Ты взгляни,— сказал Трипитака,— опять перед нами горы. Надо быть наготове. Возможно, здесь водятся злые духи.

— Не беспокойтесь, учитель,— сказал улыбаясь Сунь У-кун.— Я сумею защитить вас.

Трипитака успокоился, подстегнул своего коня и вскоре очутился на вершине горы. Отсюда были видны крутые обрывы и утесы.

Коснулись неба горные вершины:
Судите же, какая высота!
И глубоки ущелья и долины:
Судите же, какая глубина!
Когда потоки, что по ним стремятся,
В подземном царстве, в темноте рождаются.

Всегда предгорье в дымке прихотливой,
А выше темный стелется туман,
Как изумруд — бамбук; краснеет слива,
И на площадку в миллионы чжан,
Роями духи весело слетают:
Они в пещерах здешних обитают.

Внизу кипучий бег потоков горных;
В пещерах дивных — вечный плеск воды,
Здесь скачут стаи обезьян проворных,
Несущих в лапах спелые плоды.
А к вечеру выходит тигр рычащий,
Внушая ужас задремавшей чаще.

Охотника увидев, от испуга
Глупеет и теряется сайга...
Вот на опушке, над травой луга,
Поднял олень ветвистые рога,
А на рассвете из речного лона
Уж выступает чешуя дракона.

И тихо к зачарованной пещере
Дракон в прозрачном сумраке ползет,
Но вдруг пред ним захлопывают двери —
От грохота трясется небосвод,
Взлетают ввысь испуганные птицы,
И все живое мечется и мчится.

Зверей и птиц такое изобилие,
Что человек испуган и смущен,
Пред множеством зверей свое бессилье
С тревогой тайной ощущает он.
И вдруг восторгом вспыхивают взоры.
«И впрямь пещеры духов!.. Ну, и горы!»

Оттенки яшм в граните горном есть,
Леса... Леса.. Над ними туч не счесть.

И вот, когда Трипитака и его ученики стояли, пораженные этой картиной, из ущелья неожиданно вырвалось красное облако: оно взметнулось прямо в девятое небо и здесь превратилось в пламя. Сунь У-кун насмерть перепугался. Он подбежал к Трипитаке, схватил его за ноги и стащил с коня.

— Братья! — крикнул он. — Стойте! Волшебник!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тоже переположились: один схватился за грабли, другой стал бешено вращать мечом; они приготовились защищать Танского монаха.

Здесь наш рассказ пойдет по двум направлениям. И так, в пламени действительно находился злой дух. Еще несколько лет назад он слышал о том, что из Китая в Индию за священными книгами отправился Танский монах, слышал он также и о том, что монах этот был человеком высокой добродетели, является перевоплощением Цзинь-чана и целых десять поколений совершенствовал себя. Говорили еще, что будто бы тот, кто поест мяса этого монаха, обретет бессмертие, будет вечным, как небо и земля. И вот этот дух каждый день с нетерпением ждал Танского монаха — и наконец дождался. Находясь в воздухе, он увидел, что ученики Танского монаха окружили своего учителя и готовы защитить его. Глядя на них, волшебник раздумывал:

«Белолицый и толстый, тот, что едет верхом на коне, конечно, и есть Танский монах. Каким же образом он вдруг очутился под охраной этих чудовищ, сжимающих в своих лапах оружие? Они так и рвутся в бой! Кто же из них обладает такой магической силой, что распознал меня? Видимо, не суждено мне полакомиться мясом этого монаха!»

Он долго стоял в нерешительности и все соображал, как ему быть.

«Если я буду рассчитывать только на собственные силы,— наконец решил он,— то нечего и думать, что я поймаю его. Без обмана тут не обойтись. Попробую-ка я спуститься на землю и поймать их на удочку».

И вот наш чудесный дух, рассеяв окружавшее его огненное сияние, опустился на склон горы и, встряхнувшись, превратился в семилетнего мальчугана. Он был совершенно нагой. Связав себя веревкой по рукам и ногам, он повис на ветке сосны и закричал:

— Караул! Спасите!

Между тем, увидев, что красное облако рассеялось и никакого пламени уже нет, Сунь У-кун сказал:

— Поедемте дальше, учитель.

— Ты же сказал, что видел духа,— возразил Трипитака,— как же можно ехать дальше?

— Я действительно видел, как вверх взвилось красное облако, которое в воздухе превратилось в пламя,— сказал Сунь У-кун.— Это несомненно был дух. Но сейчас облако рассеялось. Я думаю, что дух живет не здесь, просто он случайно пролетал над этой горой и никакого ущерба нам не причинит. Поэтому мы можем спокойно двигаться дальше.

— Не то ты говоришь, брат,— сказал Чжу Ба-цзе.— Почему ты думаешь, что этот дух случайно пролетал здесь?

— Ничего ты не знаешь,— отвечал Сун У-кун.— Предположим, дух — властитель какой-нибудь пещеры задумал устроить пир и пригласил духов всех окрестных пещер. Духи, конечно, приняли приглашение, и по дороге мысли их были заняты только пиром. Тут уж им, конечно, не до того, чтобы наносить вред людям. Вот почему я и думаю, что дух этот оказался здесь случайно.

Слушая их разговор, Трипитака не знал, кому верить. Но все же он решил сесть на коня, и они отправились дальше. Однако, пройдя немного, они неожиданно услышали крик:

— Спасите!

— Ученики мои,— промолвил испуганный Трипитака,— кто может кричать в этих горах?

— Продолжайте свой путь, учитель, и не связывайтесь с

какими-то носилками¹. Если бы даже здесь и нашлись носилки, все равно некому было бы нести вас.

— Да не о носилках я говорю. Я сказал, что кто-то кричит!

— Знаю, знаю,— улыбаясь, отвечал Сунь У-кун.— А вы не обращайтесь внимания на пустяки и продолжайте свой путь.

Трипитака послушно подстегнул коня. Однако не проехал он и одного ли, как снова послышался крик:

— Спасите!

— Ученик мой,— сказал тогда Трипитака,— это не духи. Если бы это кричал дух, тогда он крикнул бы один раз, и эхо не откликнулось бы. Вероятно, с кем-нибудь приключилась беда. Нужно помочь.

— Вот что, учитель,— сказал на это Сунь У-кун.— Воздержитесь пока от сострадания и милосердия. Вот когда перейдем эту гору, можете снова проявлять свои чувства. Эти места сулят скорее несчастья, нежели добро. Вы слышали о том, что любой предмет в этих местах может превратиться в духа. Однако никакие твари не страшны, а есть только одна змея — питон, так вот она путем длительного самоусовершенствования превратилась в волшебника и обладает способностью принимать образ маленьких детей. И вот, когда она кричит или зовет на помощь, ни в коем случае не следует отзываться, так как стоит только кому-нибудь отозваться на ее зов, как она тотчас же завладевает духом этого человека и ночью непременно погубит его. Продолжим наш путь. Не зря в старину говорили: «Если вам удастся избежать беды, благодарите богов». Мой вам совет: не обращайтесь внимания на эти крики.

Трипитаке ничего не оставалось, как послушаться совета своего ученика. Между тем Сунь У-кун стал размышлять:

«Где этот дух может сейчас находиться? Ведь он продолжает звать на помощь. Ну-ка, применю я способ превращения в невидимку. Сделаю так, чтобы он ничего не видел».

Тут наш чудесный Великий Мудрец подозвал Ша-сэна:

— Возьми поводья и иди потихоньку вперед,— сказал он,— а я отлучусь по малой нужде.

Он пропустил Трипитаку вперед, а сам произнес заклинание. Затем отвел свой посох назад, и Трипитака с учениками сразу же очутился по ту сторону горы. Сунь У-кун же, оставив таким образом духа позади, что было мочи бросился догонять Трипитаку. Между тем снова раздалось: «Спасите!» Однако крик крик теперь уже доносился из-за горы.

¹ Игра слов, основанная на одинаковом звучании слов «кричать» и «носилки».

— А ведь кто-то действительно попал в беду,— сказал Трипитака.— Только этому человеку не повезло. Мы оставили его далеко позади. Слышите, крики доносятся теперь из-за горы.

— Нет, вовсе не из-за горы,— сказал тут Чжу Ба-цзе.— Просто ветер относит его голос.

— Это совершенно неважно,— вмешался Сунь У-кун.— Идите вперед — и все.

После этого никто больше не заговаривал, и они наконец перешли гору. Однако рассказывать об этом мы не будем.

Вернемся лучше к духу. Итак, на его зов никто не откликнулся.

«Почему же Танский монах до сих пор не пришел? — раздумывал он,— ведь он был не более чем в трех ли отсюда. Неужели они сократили путь и прошли стороной?»

Он встряхнулся, освободился от веревок и на огненном луче взвился вверх, чтобы осмотреться. В этот момент Великий Мудрец обернулся и, убедившись в том, что тут действует злой дух, подбежал к Трипитаке, стащил его с коня и крикнул:

— Братья! Осторожнее! Дух снова появился!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн в один момент приготовились защищать своего учителя. А волшебник, оглядев все кругом, не переставал удивляться.

— Ведь я только что видел этого монаха на коне. Зачем же они снова скрыли его от меня? Ну, сейчас я все узнаю. Прежде всего надо покончить с тем из них, который обладает волшебной силой провидения. Тогда я без труда поймаю монаха. Иначе все мои старания окажутся напрасными.

Он снова спустился на облаке вниз, проделал такое же превращение, как и в первый раз, повис на ветке сосны и стал дожидаться паломников. Только на этот раз он находил ся не более, чем на половину ли от них.

Между тем, заметив, что красное облако, как и в первый раз, рассеялось, Сунь У-кун попросил учителя сесть на коня и ехать дальше.

— Да ведь ты только что сказал, что волшебник снова появился,— возразил Трипитака,— как же я могу ехать дальше?

— Все же я думаю, что он появился здесь случайно,— сказал Сунь У-кун,— и не осмелится тревожить вас.

— Вот несчастная обезьяна,— рассердился Трипитака,— ты, что же, издеваться надо мной вздумал? Когда есть дух, ты говоришь, что ничего нет. Когда все спокойно,— начинаешь запугивать нас. Шумишь, шумишь, а толку мало. Ни с чем не считаешься, хватаешь меня за ноги, стаскиваешь с коня,

а теперь болтаешь всякую ерунду. Хорошо еще, что ты не выдернул мне ногу. Да ведь это же... просто не знаю, как и назвать.

— Вы не бранитесь, учитель,— произнес Сунь У-кун.— Предположим, что я повредил бы вам руку или ногу, вас ведь можно было бы вылечить. А вот если бы волшебник утащил вас, что стали бы мы делать?

Эти слова окончательно вывели Трипитаку из терпения. Глаза у него округлились от злости, и он хотел уже читать заклинание о сжатии обруча, но Ша-сэн отговорил его. Успокоившись, Трипитака сел на коня и поехал дальше.

Однако не успел он усесться в седле, как снова услышал крик: «Учитель, спасите!» Перед глазами Трипитаки, на сосне, совершенно голый, висел мальчик. Трипитака остановил коня.

— Что за жестокая, бессердечная обезьяна! — возмутился он.— В ней нет ни капли доброты. Все ее помыслы только и устремлены на то, чтобы творить зло. Ведь говорил я, что кричит человек, так этот негодяй всячески старался уверить меня в том, что это злой дух. Взгляни теперь сам, кто, по-твоему, висит на дереве?

Сунь У-кун стоял, опустив голову, не решаясь что-нибудь предпринять или хотя бы возразить, так как боялся, что Трипитака снова начнет читать заклинание о сжатии обруча. Молчал он и тогда, когда Трипитака подъехал к дереву.

— Ты откуда? — спросил Трипитака, указывая на мальчика кнутом,— и почему висишь на дереве? Скажи, что случилось, я помогу тебе.

Бедный Трипитака! Перед ним был злой дух. Но откуда мог он знать это? Ведь он был простым смертным. А дух, обрадовавшись, что Трипитака заговорил с ним, со слезами на глазах сказал:

— Учитель, к западу от этой горы есть горный поток Сухой сосны. По ту сторону его расположено селение. Там я и живу. Фамилия моего покойного дедушки Хун. Он накопил много денег, нажил добра и за это его прозвали богачом-миллионером. Потом он умер, и после смерти все его состояние досталось моему отцу. Ну, а отец стал кутить, и богатство его начало понемногу уменьшаться, поэтому его и прозвали Хун-стотысячник. Он завязал обширные знакомства и начал раздавать деньги в долг в надежде нажиться на процентах. Кто мог знать, что эти бродяги не только не заплатят ему процентов, но и не вернут взятых займы денег. Таким образом он не только не разбогател, но лишился еще своих собственных денег. После этого отец торжественно поклялся не давать больше займы ни одного фэня. Это поставило в безвыходное

положение людей, нуждающихся в деньгах. Они организовали шайку и среди бела дня до нитки разграбили наш дом. Отца убили. А мать, красивую женщину, увели с собой, чтобы сделать ее женой своего главаря. Мать ни за что не хотела расставаться со мной. Дрожа от страха и горько плача, она прижала меня к своей груди, и мы последовали за разбойниками. Так мы и очутились на этой горе. Разбойники хотели убить меня, и лишь благодаря мольбам матери я остался жив. Меня связали и подвесили на дерево, чтобы я умер здесь от голода или холода. Куда разбойники увели мать, не знаю. Вот уже три дня и три ночи я нахожусь здесь. И за это время не видел ни одного человека. Не знаю даже, в каком перерождении я совершил заслуги, за что мне выпало счастье встретиться с вами, почтенный учитель. Если вы пожалеете меня, спасете и вернете домой, я жизнь свою не пожалею отдать за вас. Пусть даже желтый песок покроет мое лицо, я и тогда не забуду милости, оказанной вами.

Трипитака принял все сказанное за правду и приказал Чжу Ба-цзе освободить мальчика от веревок. Дурень, тоже ничего не понимавший, хотел приняться за дело, но Сунь У-кун не стерпел и крикнул:

— Ах ты низкая тварь! Здесь ведь есть такие, которые знают тебя! Перестань обманывать людей! Если все ваше имущество разграблено, как ты говоришь, отца твоего убили, а мать увели, кому мы передадим тебя? И как отблагодаришь ты нас за свое спасение? Твои слова очень не похожи на правду.

Дух струсил. Он понял, что Великий Мудрец обладает большими способностями, и решил не забывать об этом. Однако весь дрожа, со слезами на глазах, он продолжал:

— Учитель! Я действительно лишился родителей и имущество наше разграблено, однако у нас осталась земля и живы все родственники.

— Какие же у тебя есть родственники? — спросил Сунь У-кун.

— Дед, отец моей матери, живет к югу от горы, — сказал на это дух. — Тетка, сестра отца, — на северной стороне. Ли-сы, дядя, брат матери, живет в верховьях потока. Дядя по отцу, Хун-сань живет в лесу. Кроме того, недалеко от нашего селения живут мои двоюродные дяди и двоюродные братья. Если только вы спасете меня, учитель, вы сможете навестить нас и повидать всех моих родственников. Я расскажу им, что вы спасли меня, они заложат часть земли и щедро отблагодарят вас.

Тут в разговор вмешался Чжу Ба-цзе, который сказал Сунь У-куну:

— Дорогой брат! Ведь это ребенок, что ты пристаешь к нему с расспросами? Ну да, их ограбили, но не могли же раз-

бойники унести с собой дом и землю. Если он расскажет своим родственникам о том, что мы спасли его, то какие бы у нас ни были огромные желудки, нам не съесть даже того, что стоят десять му¹ земли. Конечно, надо спасти его.

Здесь следует вам напомнить, что больше всего в жизни Дурень любил поесть и ничем, кроме этого, не интересовался. И вот он подскочил к дереву и, разрезав кинжалом веревки, освободил мальчика. А тот опустился перед Трипитакой на колени и со слезами на глазах отбивал поклоны. Будучи человеком мягкосердечным, Трипитака сказал:

— Садись, мальчик, на коня, я тебя подвезу.

— Учитель,— отвечал дух,— от того, что я долго висел, у меня онемели руки и ноги и поясницу ломит, так что мне трудно будет сидеть на коне. К тому же мы, деревенские, не привыкли ездить верхом.

Тогда Трипитака приказал Чжу Ба-цзе посадить мальчика себе на спину и нести. Дух потерял глаза и снова сказал:

— У меня все тело в ссадинах, и я боюсь садиться этому господину на спину. У него слишком длинная морда и огромные уши. К тому же на загривке у него жесткая щетина, и он может искалечить меня.

— Ну, тогда неси его ты,— приказал Трипитака Ша-сэну.

— Учитель,— сказал дух и снова потерял глаза,— у разбойников, которые ограбили наш дом, были раскрашенные лица и фальшивые бороды и усы. В руках они держали кто посох, кто кинжал. Они до смерти напугали меня. И вот сейчас, когда я увидел этого темноголицего господина, душа у меня ушла в пятки. Нет, я не хочу, чтобы он нес меня.

Тогда Трипитака велел Сунь У-куну нести мальчика.

— Что ж, ладно, я понесу его,— посмеиваясь, сказал Сунь У-кун.

Дух очень обрадовался и охотно согласился сесть Сунь У-куну на спину. Сунь У-кун отвел духа в сторону, поднял его и тут же определил, что тот весит примерно три цзиня с лишним.

— Ах ты гнусный оборстень,— улыбаясь, сказал Сунь У-кун.— Сегодня твой последний день. Как же ты осмелился при мне проделывать свои штуки. Я ведь знаю, что ты за птица.

— Не понимаю, что значат ваши слова, я из хорошей семьи,— отвечал дух.— И вот сейчас только попал в беду.

— А почему ты так мало вешишь? — спросил Сунь У-кун.

— Да потому, что я еще маленький,— отвечал дух.

— Сколько же тебе лет?

— Семь.

— Если бы каждый год ты прибавлял хоть по цзиню,— рас-

¹ Му — мера площади, равна 0,06 гектара.

смеялся Сунь У-кун,— то и тогда ты весил бы семь цзиней. А в тебе нет и четырех. Как же так?

— Это потому, что я младенцем не сосал грудь,— отвечал дух.

— Ну ладно,— согласился Сунь У-кун.— Так и быть, понесу тебя. Только смотри, захочешь оправиться, скажи мне.

После этого Трипитака с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном двинулись вперед, а Сунь У-кун, неся мальчика на спине, шел за ними. Так они продолжали свой путь на Запад. Об этом даже сложены стихи:

Высока добродетель,
Искушение Мо велико;
В заклинаньях буддийских
Могучая сила таится:
Хоть смятенному духу
Они доставляют покой,
Но и сонмище духов
От тех заклинаний родится.
Ум был честен
И шел срединным
И правым путем,
Неразумна природа,
И ноги сходили с дороги;
Мысль, желаньем объята,
Помчалась горячим конем,
А душа промолчала,
Охвачена чувством тревоги.
Но напрасно злой дух,
Исполняя желанья свои,
Торжество предвкушал.
И, казалось, был близок к победам —
Он монахами был
Уничтожен тогда на пути,
Этот демон, идущий всегда
За подвижником следом.

Сунь У-кун шел со своей ношей и мысленно ругал Трипитаку. С какой стати он заставил его нести на себе этого мальчугана? Ведь дорога здесь и так трудная, все время взбираешься по отвесным скалам, а тут еще тащи на себе тяжесть. Предположим, что это не дух, но ведь все равно — ни отца, ни матери у него нет, куда нести его? Самое лучшее — это прикончить его. Однако дух сразу же разгадал намерения Сунь У-куна и пустил в ход волшебство. Повернувшись четыре раза, он сделал четыре вдоха, а затем все это выдохнул на спину Сунь У-куну. Великий Мудрец сразу же почувствовал на спине груз в тысячу цзиней.

— Слушай, сынок ¹, — смеясь, сказал Сунь У-кун. — Так ты раздавишь меня, твоего отца.

Дух испугался, как бы Сунь У-кун не причинил ему какого-нибудь вреда, освободился от своей оболочки и вознесся

¹ Оскорбительное обращение к собеседнику.

на девятое небо. От этого ноша Сунь У-куна стала еще тяжелей. Царь обезьян рассвирепел. Подбежав к краю дороги, он схватил тело, в котором находился дух, изо всех сил швырнул его на камень и расплющил в лепешку. Однако, считая, что этого недостаточно, он вырвал у него ноги и руки и все тело по частям разбросал по краям дороги. Наблюдавший за всем этим с высоты дух, не мог сдержать вспыхнувшего в нем гнева.

«Очень уж разошлась эта обезьяна,— думал он.— Ну, пусть я злой дух, пусть замышлял погубить твоего учителя, но ведь я все равно не знал, как это сделать. С какой же стати ты так жестоко обращаешься со мной? Хорошо, что я вовремя освободился от своей оболочки. Иначе не миновать бы мне гибели. Но если сейчас упустить момент и не поймать Танского монаха, то больше рассчитывать уж не на что».

Тут наш чудесный волшебник поднял такой ураган, что песок и камни закружились в воздухе. Это была поистине ужасная картина:

Ветер гневно закружился,
Смрад рождая в облаках,
И туман взметнулся темный,
Над дорогой взвился прах.

Вырывал деревья ветер
На высоком гребне скал
И песком слепил прохожих —
Им проходу не давал.

И чудовищные камни
Грохотали тяжело.
Страшной силой этой бури
Их по воздуху несло.

Как же можно было людям
Успокоиться в пути?
Непроглядный мрак спустился,
И дороги не найти.

В страхе — птицы, в страхе — звери
Этой горной стороны,
Их отчаянные крики
Были издали слышны.

Трипитака не в силах был удержаться в седле, но Чжу Ба-цзе не видел этого — мешал бешеный ветер, Ша-сэн же опустил голову и закрыл лицо руками. Сунь У-кун знал, что все это проделки волшебника. Он ринулся вперед, но в этот момент волшебник схватил Танского монаха и исчез с ним в неизвестном направлении.

Вскоре ветер утих и засияло солнце. Сунь У-кун прошел еще немного вперед, но увидел только белого коня-дракона. Конь дрожал всем телом и испуганно всхрапывал. Коромысло с вещами валялось на дороге, а Чжу Ба-цзе, спря-

тавшись под скалой, жалобно плакал. Ша-сэн сидел на корточках на склоне холма и звал на помощь.

— Чжу Ба-цзе! — крикнул Сунь У-кун.

Дурень поднял голову и только теперь заметил, что ураган утих. С трудом поднявшись на ноги, он схватил Сунь У-куна за полу одежды.

— Дорогой брат, — произнес он, — какой налетел страшный ветер!

— Да, это был настоящий ураган, — сказал подошедший в этот момент Ша-сэн. — А где же учитель?

— Когда началась буря, — сказал Чжу Ба-цзе, — мы постарались укрыться и поплотнее закрыть лицо и глаза. Учитель в это время тоже пригнулся к гриве коня.

— Но где он может быть сейчас? — спросил Сунь У-кун.

— Он настолько легкий, что, кажется, будто сделан из травы, которая идет на изготовление ламповых фитилей, — проговорил Ша-сэн, — его, видимо, унесло ветром.

— Ну, вот что, братья мои, — сказал Сунь У-кун. — Пусть каждый из нас пойдет своей дорогой.

— Совершенно верно, — подхватил Чжу Ба-цзе, — и чем скорее, тем лучше. Это будет просто замечательно! Когда это еще мы пришли бы на Запад! Этому пути не видать ни конца ни края.

Но Ша-сэн пришел в ужас и от страха даже оцепенел.

— Да что это вы говорите, братья? — воскликнул он. — За грехи, содеянные нами в прошлой жизни, мы понесли наказание и лишь благодаря милости бодисатвы Гуаньинь спаслись. Мы приняли монашеский обет, получили монашеские имена и посвятили себя служению Будде. Мы сами изъявили желание сопровождать Танского монаха на Запад, чтобы хоть этим искупить свои грехи. Как же можно сейчас все это бросить и разойтись? Так-то мы отблагодарим бодисатву за оказанную нам милость? Мы поступим против собственной совести, и люди станут над нами смеяться. Будут говорить, что мы не сумели довести дело до конца.

— Пожалуй, ты прав, брат, — промолвил Сунь У-кун. — Но что поделаешь? Ведь учитель и слушать не хочет, когда ему даешь какой-нибудь совет. Я своими огненными глазами вижу все: и добро и зло. Знаете, кто поднял ураган? Мальчишка, который висел на дереве. Я знал, что это волшебник, а вот вы и учитель считали, что это ребенок из хорошей семьи. Да еще заставили меня нести его. Я уж совсем было приготовился покончить с ним, а он прибег к волшебству, увеличил свой вес и чуть было не задавил меня. Тогда я решил стукнуть его о камень, но он освободился от своей оболочки и, покинув тело мальчика, исчез в воздухе. Потом он вызвал

бешеный ветер и похитил учителя. А учитель никогда не хотел слушаться моих советов. Вот за это я и зол на него. Теперь у меня пропал всякий интерес к этому делу. Поэтому я и предложил каждому пойти своей дорогой. Но ты, Ша-сэн, своей искренностью и твердым стремлением идти к намеченной цели, заставил меня устыдиться. А ты, Чжу Ба-цзе, как думаешь поступить? — закончил он.

— Я,— сказал Чжу Ба-цзе,— конечно, сболтнул лишнее. А на самом деле считаю, что нам, конечно, нельзя расходиться. Как бы там ни было, мы должны делать так, как говорит брат Ша-сэн: отправиться на поиски волшебника и спасти учителя.

Сунь У-кун перестал сердиться и весело сказал:

— Ну, братья, давайте действовать дружно! Берите вещи, коня и пойдем.

Они обшарили на расстоянии семидесяти ли вокруг все заросли, горы и реки, однако никаких следов волшебника не нашли. В этих горах не было ни зверей, ни птиц. То тут, то там попадались старые кипарисы и высокие сосны. Неудача не на шутку встревожила Сунь У-куна. Он напрягся всем телом и прыгнул на самый высокий пик. Здесь он крикнул: «Изменись!» — и сразу же превратился в существо с тремя головами и шестью руками. Точно такой вид он принял, когда учинил в небесных чертогах дебош. Затем он схватил свой посох, помахал им, и тут же появилось три посоха. После этого он с шумом и грохотом стал метаться из стороны в сторону, размахивая своим посохом и колотя им куда попало.

— Плохи дела, брат Ша-сэн,— сказал Чжу Ба-цзе, увидев это,— Сунь У-кун совсем рассвирепел.

Между тем, орудуя своим посохом, Сунь У-кун согнал целую толпу духов. Они так торопились, что не успели даже как следует одеться. Некоторые были без штанов, другие не успели застегнуться. Примчавшись на гору, они опустились на колени и, обращаясь к Сунь У-куну, молвили:

— Великий Мудрец! Духи гор и земли явились по вашему приказанию.

— А почему вас так много? — удивился Сунь У-кун.

— Разрешите доложить вам, Великий Мудрец,— почтительно отвечали духи, кланяясь Сунь У-куну,— что эти горы называются горы Сверла на шестьсот ли. Через каждые десять ли есть один дух горы, а через следующие десять ли — дух земли. Таким образом у нас всего тридцать горных и тридцать земных духов. О том, что вы, Великий Мудрец, прибыли сюда, мы слышали еще вчера, но сразу не смогли собраться, поэтому и вышли встретить вас с опозданием. Мы виноваты перед вами, но умоляем вас быть снисходительным.

— Ну ладно, на первый раз прощаю,— сказал Сунь У-кун.— А теперь вот о чем хочу спросить вас. Сколько злых духов живет в этих горах?

— Отец наш! — воскликнули духи в ответ.— Да здесь живет всего один колдун. Он все отобрал у нас, даже ароматные свечи, и мы не можем теперь возжигать благовония. У нас нет ничего, чтобы совершать жертвоприношения. Мы не имеем одежды и живем впроголодь. А сколько духов он сожрал!

— Где же этот колдун обитает: у подножия горы или за горой? — спросил Сунь У-кун.

— И ни там, и ни тут,— отвечали духи.— В этих горах протекает поток, который называется поток Сухой сосны. Возле него есть пещера под названием Хоюньдун — пещера Огненных облаков. Вот в этой пещере и живет колдун. Он обладает огромной волшебной силой: постоянно забирает какого-нибудь из наших духов, заставляя его разводить огонь и открывать ворота. По ночам мы охраняем его, и за это он нам ничего не платит. А мы и заикнуться о деньгах не смеем.

— Ведь вы — духи темного царства, о каких же деньгах вы говорите? — удивился Сунь У-кун.

— У нас, конечно, нет денег, чтобы платить ему,— отвечали духи.— Поэтому мы вынуждены вылавливать для него горную сайгу, диких оленей и, кроме того, постоянно созывать духов. Если же мы ничего не можем словить, он избивает нас, разрушает кумирни, срывает с нас одежду, в общем, мы не имеем ни минуты покоя. Умоляем вас, Великий Мудрец, избавить нас от этого чудовища.

— Поскольку он ваш начальник,— сказал Сунь У-кун,— и вы живете около его пещеры, вам должно быть известно, откуда взялся этот дух и как его зовут.

— Да вы, Великий Мудрец, знаете его,— отвечали духи.— Он сын повелителя демонов ада Ню Мо-вана — князя с головой быка, вскормил его демон-людоед Ракша. В течение трехсот лет он совершенствовался на пламенной горе и достиг настоящего совершенства в созерцании. После этого Ню Мо-ван отправил его охранять эти горы. Его детское имя — Красный ребенок. Прозвище: Великий князь — священный ребенок.

Сунь У-кун остался очень доволен их ответом и тут же приказал духам разойтись. Сам же он принял свой обычный вид и спустился на вершину горы.

— Ну, братья мои,— сказал он Чжу Ба-цзе и Ша-сэну.— Теперь вам не о чем больше тревожиться. Наш учитель останется цел и невредим, так как этот дух приходится мне родственником.

— Да перестань ты болтать,— с улыбкой сказал Чжу

Ба-цзе.— Ты родился в стране Дуншэншэньчжоу, а он живет в Синюэхэчжоу. Эти страны разделяет огромное пространство, множество рек и гор, два океана. Как же он может быть твоим родственником?

— Духи, с которыми я только что разговаривал, живут здесь. Они — духи местных гор и земли. Я попросил их рассказать мне историю этого духа, и они сказали, что это сын Ню Мо-вана и что он вскормлен Ракшой, что его детское имя Красный ребенок, а прозвище Великий князь — священный ребенок. Тут я вспомнил, что пятьсот лет назад, когда я учинил буйство в небесных чертогах и бродил по всем знаменитым горам в поисках доблестных героев, этот самый Ню Мо-ван побратался со мной и стал моим седьмым братом. Там было еще несколько повелителей демонов. И только потому, что я ростом мал, я называл этого Ню Мо-вана старшим братом. Ну, а поскольку этот дух является сыном Ню Мо-вана, а я был в хороших отношениях с его отцом, то выходит, что я прихожусь ему дядюшкой. Как же он может нанести вред нашему учителю? Давайте сейчас же отправимся к нему.

— Вот что, брат,— с усмешкой сказал Ша-сэн.— Ведь недаром говорится, что «достаточно не встречаться с человеком три года, даже с родственником, и он становится тебе совершенно чужим». А ты с ним расстался пятьсот лет тому назад. И за это время вы ни разу не встречались друг с другом, не пировали вместе, не посылали друг другу подарков. Почему же ты думаешь, что он должен признать тебя?

— Как странно ты судишь о людях,— отвечал на это Сунь У-кун.— Ведь говорит пословица: «Если листья водорослей неизбежно попадают в море, то люди тем более могут где-нибудь встретиться». Пусть даже он и не признает меня своим родственником, но вредить нашему учителю он, конечно, не станет. Может быть, он не пригласит нас попить, но нашего учителя он непременно освободит.

Все вместе они вышли на дорогу и двинулись вперед. Пройдя сто с лишним ли, они увидели сосновый лес. В лесу, извиваясь, протекал горный поток, пенились изумрудные воды. Через поток был перекинут каменный мост. На противоположном берегу находилась пещера.

— Видите, братья, каменную кручу на том берегу? Это, несомненно, жилище волшебника. Давайте решим: кто останется присматривать за вещами и конем, а кто пойдет вместе со мной усмирять духа?

— Ты же знаешь, брат, что я не люблю сидеть на одном месте,— сказал Чжу Ба-цзе.— Я пойду с тобой.

— Ладно, — согласился Сунь У-кун. — Тогда ты, Ша-сэн, оставайся, коня и вещи укрой в лесу и хорошенько охраняй их.

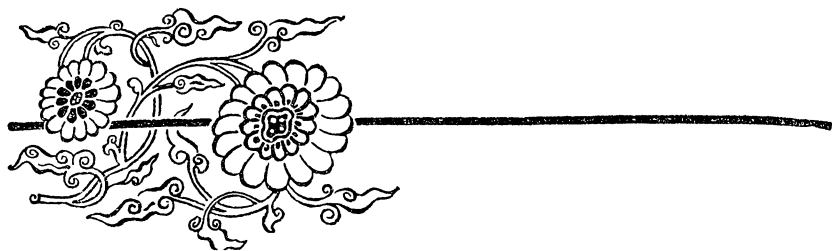
Ша-сэн остался. А Чжу Ба-цзе и Сунь У-кун с оружием в руках двинулись вперед.

Поистине:

Ребенок был не закален,
Нечистой поддавался силе,
Но обезьяна и Муму
Ему заботливо служили.

О том, какая судьба ждала наших героев на сей раз, вам расскажет следующая глава.





ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ,

*рассказывающая о том, как беспокойная обезьяна была покорена огнем
и как Чжу Ба-цзе был захвачен волшебником*

Когда человек забывает внезапно
О зле и добре размышленья,
Тогда от него отступают заботы
О славе и уничиженье.

Когда же бестрепетно света и мрака
Он смену приемлет смиренно,
То пищей простою, питьем своим скудным
Доволен и сыт неизменно.

Поистине ясно — покой человеку
Приносит всегда созерцанье.
Когда ж происходит в душе омраченье,
То бесов сильней обстоянье.

Но если пять жизненных правил нарушить
То храмы обрушатся эти:
Так чувствует тело томительный холод,
Когда подымается ветер.

Итак, Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе расстались с Ша-сэном и, перепрыгнув через горный поток Сухой сосны, очутились возле удивительной скалы. Здесь они действительно увидели пещеру, которая показалась им необычной.

Император шел тропинкой древней;
Темною была она, пустынной,
Но лучей прорвавшихся сквозь тучи,
Над потоком яркое сиянье,
В чаще — звуки песни журавлиной,
Сладких орхидей благоуханье.

Мост, рождавший мысли о бессмертье,
Крики обезьян и птичье пенье...
В сизой дымке плавают откосы,

На камнях — ползучие растения,
Ширмами поставлены утесы.

Феникса манят бамбук и сосны
Зеленю свою изумрудной,
И потоки гору окружили.
Кажется — жилища там бессмертных!
Но владеть бы той страной чудной
Лишь дракону в Куэньлунских недрах,
Обитающему в горной жиле.

У входа в пещеру стояла каменная плита с выгравированными восемью иероглифами: «Пещера Огненных облаков у горного потока Сухой сосны». Здесь же, размахивая пиками и мечами, стремительные, словно ветер, духи, играя, гснялись друг за другом.

— Эй вы! — громко крикнул им Сунь У-кун. — Сейчас же скажите вашему хозяину, чтобы он отдал нам нашего учителя, Танского монаха, иначе я всех вас уничтожу. Смотрите, передайте все в точности, не то я переверну ваши горы, а пещеру сравняю с землей.

Духи мигом ринулись в пещеру, плотно закрыв за собой ворота.

— Беда стряслась, господин, — сообщили они своему повелителю.

Тут надо вам сказать, что, притащив Трипитаку в пещеру, дух сорвал с него одежду, связал по рукам и ногам и бросил на задний двор. А затем послал подвластных ему духов принести чистой воды, вымыть Трипитаку и приготовить из него кушанья. В этот момент как раз и вбежали перепуганные духи. Прекратив приготовленья к мытью, дух вышел и спросил, что случилось:

— У пещеры стоит какой-то монах, — сказали духи, — лицо у него волосатое, и сам он похож на Бога грома. С ним пришел еще другой монах, с длинной мордой и огромными ушами. Они требуют, чтобы вы отдали им какого-то Танского монаха, иначе они перевернут горы и сравняют с землей нашу пещеру.

— А, это Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе, — выслушав их, ехидным тоном сказал дух-повелитель. — Разыскали все же меня. Я схватил их учителя в горах, которые находятся в ста пятидесяти ли отсюда, как же им удалось найти нашу пещеру? Велите конюхам подать тележки, — приказал он.

Тут же несколько духов подкатили к пещере пять маленьких тележек и открыли ворота.

Увидев это, Чжу Ба-цзе сказал Сунь У-куну:

— Послушай, брат, а дух, кажется, не на шутку перепугался. Видишь тележки? Он хочет куда-то переселиться.

— Нет, не в этом дело, — отвечал Сунь У-кун. — Ты лучше посмотри, куда они их ставят,

А духи поставили тележки в том порядке, в каком расположены пять стихий;* пятеро из них остались караулить тележки, а остальные пятеро пошли доложить, что все готово.

— Ну что, все в порядке? — спросил дух-властелин.

— Все сделано, — отвечали ему духи.

— Принесите мне пику! — сказал он.

Дух, ведающий оружием, приказал двум духам сходить за пикой, длиной в один чжан восемь чи, со стальным наконечником. Духи выполнили приказ и передали пику своему правителю. Вращая ею, дух-властитель огромными шагами двинулся вперед. На нем не было ни шлема, ни кольчуги. Он вышел босой, в белых штанах, поверх которых был повязан вышитый боевой фартук.

Казалось, губы в киновари алой,
Лицо как бы осыпано мукой,
А брови, словно месяц молодой,
Но перерезанный стальным кинжалом.

А волосы, как индиго, по тону
И сложены в прическу над челом;
На фартуке расшитом боевом
И фениксу есть место и дракону.

Сравнить бойца с небесных сфер владыкой:
С Ночжа, так он покажется тучней.
Из недр пещеры брызнул сноп огней
Прикрытый ими, встал он с грозной пикой.

Как молнии, глаза его сверкали,
А голос был, как громовой раскат.
Уже тысячелетие назад
«Ребенком красным» духа называли.

— Кто вы такие, — загремел он, — и как смеее поднимать здесь шум?

— Почтенный племянник, — с улыбкой отвечал Сунь У-кун. — Брось свои штучки. Сегодня утром тебе удалось обмануть нашего учителя. Ты прикинулся несчастным мальчишкой и заставил его пожалеть тебя. Я терпеливо нес тебя на своей спине. Но ты все же вызвал ветер и унес нашего учителя. А сейчас ты принял уже совсем другой вид и снова хочешь обмануть нас. Неужели ты думаешь, что я не узнал тебя? Брось дурака валять и отдавай поскорей нашего учителя, если хочешь сохранить родственные отношения. Ведь если я что-нибудь сделаю с тобой и об этом узнает твой отец, он может обвинить меня в том, что я обижаю маленьких, тогда мне будет стыдно.

Дух не выдержал и стал ругаться:

— Ах ты гнусная обезьяна! Что ты здесь сказки рас-

сказываешь! Какой ты мне родственник! Ишь, какого племянника себе нашел!

— Ты, может, и не знаешь ничего,— сказал на это Сунь У-кун.— Ведь в тот год, когда я побратался с твоим отцом, ты был неизвестно где.

— Что за чушь мелет эта обезьяна! — воскликнул дух.— Ты только подумай, кто ты и кто я! Как же ты мог побрататься с моим отцом?

— Ты, вероятно, не знаешь,— сказал Сунь У-кун,— что я — Великий Мудрец, равный небу, Сунь У-кун, тот самый, который пятьсот лет тому назад учинил буйство в небесных чертогах. До этого я побывал во всех странах света: нет такого уголка на всех четырех материках, которого бы я не посетил. В то время я с особым уважением относился к героям и знаменитостям. Вашего почтенного отца звали Нью Мо-ван — Князь демонов ада, а прозвище у него было Великий мудрец, усмиряющий небо. Мы побратались с ним, и он был моим седьмым братом. Однако я уступил ему и признал его старшим братом. Моим вторым братом стал Царь водяных драконов, которого звали Великий мудрец, переворачивающий море. Третьим братом стал демон — Царь грифов, по прозвищу Великий мудрец, будоражащий небо. Царь львов, по прозвищу Великий мудрец, сдвигающий горы, стал моим четвертым братом, Царь обезьян, по прозвищу Ураган, стал моим пятым братом, Оу-жун-ван, по прозвищу Великий мудрец, изгоняющий духов, стал моим шестым братом. А я, из-за маленького роста, несмотря на свое звание Великого Мудреца, равного небу, оказался самым последним братом. Тебя еще не было на свете, когда мы все вместе проводили время в веселых забавах.

Однако дух, выслушав Сунь У-куна, не поверил ни единому его слову и замахнулся на него своей пикой. Тут Сунь У-кун, не спеша, применил один из волшебных способов, и, избежав удара, взмахнул своим посохом, и стал браниться.

— Ах ты скотина! — кричал он.— Ты, видно, сам не знаешь, что делаешь! Познакомься-ка с моим посохом!

Однако дух, применив также волшебство, увернулся от удара.

— Обезьяна ты мерзкая! Ничего ты не понимаешь! Познакомься с моей пикой!

И вот между ними разгорелся бой. Ни о каких родственных отношениях тут не могло быть и речи. Противники меняли свой облик, пуская в ход волшебство, и наконец взмыли ввысь и очутились на облаке.

Знаменит был славный Сунь У-кун,
Был искусен демонов владыка.
Посох украшался ободком,
Пламенем заканчивалась пика.

И когда враги вступили в бой,
Вдруг померкло солнце в содроганье,
Тучами весь мир заволокло,
Доносились вопли и рычание.
В самых оскорбительных словах
Выражались злоба и презренье;
У того — коварство на душе,
У другого — грубость в поведенье.
Был у пики бешеный удар,
Посох же далеко простирался:
Знаменитый всюду Сунь У-кун
Мудрецом Великим назывался.
А другому имя — Шань-цай Лан,*
И теперь — он дух перерожденный;
Ни один мириться не желал:
Продолжался бой ожесточенный.

Уже двадцать раз схватывались враги, однако все еще нельзя было сказать, кто из них победит. Чжу Ба-цзе в стороне наблюдал за боем. Он понимал, что хотя дух и не желает сдаваться, он тем не менее способен лишь защищаться, а не нападать. А Сунь У-кун проделывал своим посохом настоящие чудеса, ни на шаг не отступая, и все время наседавал на духа.

«Плохи мои дела,— думал Чжу Ба-цзе.— Сунь У-кун может притвориться, что сделал промах, а затем неожиданно нанесет духу смертельный удар. Таким образом я останусь ни при чем».

Подумав это, Чжу Ба-цзе встряхнулся, взмахнул граблями и, поднявшись в воздух, нанес духу страшный удар. Дух испугался и бежал с поля боя.

— Догоняй его, догоняй! — кричал Сунь У-кун.

И они вдвоем бросились за духом, преследуя его до самой пещеры. Здесь они увидели, как дух, держа в одной руке пику, встал на тележку, стоящую в середине, и свободной рукой дважды ударил себя по носу.

— Смотри-ка, у этого мерзавца ни стыда, ни совести,— сказал со смехом Чжу Ба-цзе.— Что же это, ты хочешь, чтобы из носу у тебя потекла кровь, а потом думаешь жаловаться на нас?

Но дух произнес заклинание и выдохнул из себя пламя. Из его ноздрей повалил густой дым. Тележки запылали. Волшебник дунул еще несколько раз, и пламя охватило все вокруг. Казалось, что загорелись даже небо и земля.

— Эй, брат, плохи дела! — крикнул Чжу Ба-цзе.— В таком огне мы наверняка изжаримся. А если добавить приправы, то меня как раз можно будет подавать к столу. Бежим скорее, пока не поздно!

И, не обращая больше внимания на Сунь У-куна, он с криком перемахнул через поток и скрылся из виду. Но Сунь У-кун не испугался: он произнес заклинание, защи-

шающее от огня, и смело ринулся в бушующее пламя. Увидев приближающегося Сунь У-куна, волшебник дунул еще несколько раз, и огонь забушевал с новой силой:

Наполняя все пространство жаром,
Бешеное пламя бушевало,
Словно красные шары катились:
Сделалась земля багрово-алой.
Это не был тот огонь, который
Добывал Суй-жэнь * усердным треньем,
Не на нем бессмертия пилюли
Лао-цзюнь создал в уединенье.
Не был он огнем, сходящим с неба,
И блуждающим огнем он не был.
Знайте: это был огонь священный,
Мир в огне, раскрытый созерцанью,
Порожденный силой чародейной —
Духов и волшебников создание.
Пять тележек этих означают
Всех пяти стихий соединенье,
Пять стихий в едином сочетанье
Образуют пламени горенье.
Если печень в Му восходит к жизни,
То и в сердце пламень порождает,
Этот пламень властвует над желчью
И земли стихию побеждает.
Печень сопрягается с землею,
Порождает золото в природе,
Золото становится водою,
В дерево вода духовно входит.
Пламя Самади * в своем горенье
Совершает эти превращения:
Пустоту объемлет светлый пламень,
Над вселенной вспыхнуло блистанье.
Уж давно постиг волшебник тайну,
Как путями самосозерцанья
Вызвать этот пламень чудотворный:
Запад перед ним склонен, покорный.

Охваченный со всех сторон пламенем, Сунь У-кун не мог стыскать волшебника, он даже не видел дороги, ведущей в его пещеру. Чтобы спастись, Великий Мудрец вынужден был выпрыгнуть из пламени. Волшебник наблюдал все это. Заметив, что Сунь У-кун исчез, он собрал все приспособления, с помощью которых вызывал огонь, и вместе с подвластными ему духами вернулся в пещеру. Они закрыли каменной глыбой вход, и волшебник, решив, что одержал победу, приказал устроить пир и велел музыкантам играть. Все радовались и веселились, однако распространяться об этом мы не будем.

Вернемся снова к Сунь У-куну. Перепрыгнув через поток Сухой сосны, он оседлал облако. Вдруг из соснового леса до него донесся громкий разговор Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Сунь У-кун подался вперед и крикнул:

— Эй ты, Дурень! Нет у тебя никакого самолюбия! Что ж

ты испугался и сбежал, спасая свою шкуру, а меня бросил на произвол судьбы. Лучше бы ты совсем не ходил со мной.

— Дорогой брат,— отвечал ему Чжу Ба-цзе.— Не зря сказал тебе этот дух, что ты не умеешь ни в чем разбираться. Еще в древности говорили: «Тот, кто умеет разбираться в современных событиях, обладает подлинным талантом». Этот дух вовсе не твой родственник, а ты хотел насильно убедить его в этом. Вот и пришлось ему вступить с тобой в борьбу и вызвать этот свирепый огонь. Но на тебя и это не подействовало, тебе обязательно надо было продолжать бой с ним.

— А как, по-твоему, кто из нас обладает более сильным волшебством? — спросил Сунь У-кун.

— Ну, конечно, он уступает тебе,— сказал Чжу Ба-цзе.

— А кто искуснее в бою? — снова спросил Сунь У-кун.

— И тут он не может равняться с тобой,— сказал Чжу Ба-цзе.— Когда я увидел, что он начинает сдаваться, я решил помочь тебе. Но потом понял, что дело плохо, и подумал, что лучше скрыться. Однако тут, нарушая законы природы, он вызвал это адское пламя.

— Нечего было тебе вмешиваться,— сказал Сунь У-кун.— Еще несколько схваток, и я покончил бы с ним.

И вот, когда они с Чжу Ба-цзе беседовали об искусстве и ловкости волшебника и об ужасном огне, который он вызвал, Ша-сэн, прислонившись к сосне, надрывался от хохота.

— Ты что смеешься, брат? Может быть, ты знаешь, как усмирить этого духа или одолеть вызванный им огонь? — спросил Сунь У-кун.— Ведь дело это касается нас всех. Как говорится: «С миру по нитке — голому рубашка». Если усмиришь этого духа и спасешь учителя, половина заслуги будет принадлежать тебе.

— Ничего я не знаю,— сказал Ша-сэн,— и выловить духа не могу. А смеюсь над тем, что очень уж вы суетливый народ.

— Почему же я суетливый? — удивился Сунь У-кун.

— Этот дух уступает тебе по способностям, не так искусен в бою, как ты, и может только вызывать пламя, которое ты не в силах одолеть. Так вот, послушайся меня и примени против его огня противоядие. Тогда выловить его будет совсем нетрудно.

— А ведь ты прав, брат,— расхохотался в свою очередь Сунь У-кун.— Мы, конечно, поторопились и забыли об этом. Надо было водой загасить огонь. Верно! Надо поскорее достать воды, и тогда учитель будет спасен.

— Так и сделаем,— подтвердил Ша-сэн.— Только следует поспешить.

— Вот что,— сказал Сунь У-кун,— вы побудьте здесь и пока не вступайте в бой, а я тем временем отправлюсь на Восточное море и выпрошу там отряд драконов. Пусть они доставят нам воду. Тогда мы победим этот волшебный огонь и усмирим волшебника.

— Можешь отправляться спокойно,— сказал Чжу Ба-це.— Мы все поняли.

И вот наш Великий Мудрец взвился ввысь, оседлал облако и в один момент очутился у Восточного моря. Ему некогда было любоваться его красотой и, применив один из волшебных способов, которыми он владел, наш Мудрец ринулся в море, рассекая волны. Неожиданно он столкнулся с дозорным якшей. А тот, увидев Сунь У-куна, опрометью бросился в Хрустальный дворец и доложил царю Ао-гуану о прибытии Сунь У-куна. Царь вместе со своими детьми, внуками и отрядом морских воинов, состоящим из креветок и крабов, вышел навстречу Великому Мудрецу и пригласил его во дворец. Когда церемония приветствия была закончена, царь приказал подать чай.

— Не беспокойтесь,— остановил его Сунь У-кун.— Я пришел к вам по делу. Видите ли, я сопровождаю Танского монаха, который идет на Запад поклониться Будде и получить у него священные книги. По пути нам попалась гора около реки Гусунцзянь. В этой горе есть пещера Огненных облаков, а в пещере живет волшебник Красный ребенок, который известен под прозвищем Великий князь — священный ребенок. Вот он и захватил нашего учителя. Я разыскал его пещеру и вступил с ним в бой. Но он вызвал такой свирепый огонь, что я не мог устоять и решил во что бы то ни стало достать воды и победить волшебника. Очень прошу вас, пошлите, пожалуйста, дождь, который погасит пламя, вызванное волшебником. Тогда мы сможем спасти учителя.

— Зачем же вы пришли ко мне, Великий Мудрец? — выслушав его, сказал Царь драконов.— Я не могу послать вам дождя.

— Как же так? — удивился Сунь У-кун.— Вы ведь Царь драконов четырех морей. Вам подвластны и дожди и туманы. Кто же может послать дождь, если не вы?

— Дожди действительно мне подвластны,— сказал Царь драконов,— однако поступать самовольно я не могу. Я должен получить указ Нефритового императора, в котором будет точно указано, где и когда должен быть дождь и сколько его должно выпасть. Кроме того, необходимо, чтобы духи неба, земли и воды написали бумагу, с которой бы дух Тай-и* отправил посланцев, чтобы собрать богов грома, богиню молнии, богов ветра и облаков. Ведь недаром говорится, что «без облаков даже дракон бессилён».

— Ни ветра, ни облаков, ни грома, ни молнии мне не

надо,— сказал Сунь У-кун.— Мне нужна только вода, чтобы загасить огонь.

— Может быть, вам они и не нужны,— отвечал Царь драконов,— но я один вам ничем помочь не могу. Если не возражаете, я позову своих братьев.

— А кто же они, ваши братья? — спросил Сунь У-кун.

— Ао-цинъ — Царь драконов Южного моря, Ао-жун — Царь драконов Северного моря, Ао-шунь — Царь драконов Западного моря.

— Зачем же мне объезжать все эти моря? — сказал улыбаясь Сунь У-кун.— Лучше уж я обращусь прямо к Нефритовому императору.

— Да вам, Великий Мудрец, и незачем объезжать все эти моря,— сказал Царь драконов.— У нас есть металлический барабан и золотой колокол. Стоит нам только ударить в них, как мои братья тотчас же будут здесь.

— Тогда сделайте это, прошу вас.

Вмиг появились все три царя драконов и стали спрашивать своего старшего брата, зачем он звал их.

— Вот что случилось, братья мои,— отвечал им Царь драконов.— Ко мне прибыл Великий Мудрец Сунь У-кун и просит нас послать ему дождь, чтобы покорить волшебника.

Сказав это, он ввел братьев во дворец и представил их Сунь У-куну. Сунь У-кун еще раз повторил все от начала до конца и объяснил, зачем ему понадобился дождь. Все три царя драконов охотно согласились помочь Сунь У-куну и тотчас же собрали свои войска:

Там были полководцами акулы,
Вели они все войско за собой:
Сомы громадные, разинув пасти,
Бросались первыми в опасный бой.
Начальник карпов толщу вод ворочал
И подымал бурно кипящий вал,
А главный лещ плевался облаками
И ветер на подмогу вызывал.
Глава макрелей ведал охраненьем
И шел с отрядом рыб сторожевых,
Ма-лан могучий, с красными глазами,
Вел с юга храбрых воинов своих;
А с Запада вел Бо-воначальник
В кольчугах черных северный отряд;
Осетр был полководцем середины,
Но доблесть украшала всех солдат.
Юань Шу-ми * — морская черепаха —
В хитросплетеньях первую была,
И Гуй Сян-гун * — морская черепаха —
Расчетливой и умною слыла.
И ящерица мудрая морская
Прославилась повсюду — То Чэн-сян *,
И черепаха Бе Цзун-жун *, которой
Был дар сообразительности дан.
Ходили боком крабы и вертели

Клешнями наподобие мечей,
Креветки же натягивали луки,
Подскакивая в ярости своей.
И сом, носивший звание вай-лана *,
Проверил списки воинские сам
И сделал переключку всем драконам,
Нырившим и скакавшим по волнам.

*

Тут Мудрец Великий, равный небу,
С четырех морей созвал драконов,
Чтоб ужасной избежать беды.
Слишком труден путь был Трипитаки —
Приходилось в долг просить воды.
Чтоб залить огонь, в мирах зажженный,
Согласились помогать драконы.

Итак, Сунь У-кун во главе драконьего войска отправился в обратный путь. Вскоре они прибыли к горе, где жил волшебник.

— Сколько хлопот я доставил вам, заставив проделать такой большой путь,— извиняясь, сказал Царю драконов Сунь У-кун.— Вот тут и живет волшебник. Вы пока оставайтесь в воздухе и постарайтесь ничем не выдать своего присутствия. Я начну с ним бой один на один. Если мне удастся одержать победу, вам не придется затруднять себя. Если я потерплю поражение, все равно в бой не вступайте. Но как только он вызовет огонь и вы услышите мой зов, тут же посылайте дождь.

Царь драконов согласился. Сунь У-кун спустился на землю и, войдя в лес, окликнул Чжу Ба-цзе и Ша-сэна.

— Ты почему так быстро вернулся? — спросил Чжу Ба-цзе.— Ну что, удалось позвать Царя драконов?

— Все три царя уже здесь,— отвечал Сунь У-кун.— Вы никуда не уходите и следите, как бы не промокли вещи: может быть страшный ливень. А я сейчас снова вызову волшебника на бой.

— Смотри, брат, будь осторожен,— напутствовал его Ша-сэн.— А за нас не беспокойся.

Сунь У-кун перепрыгнул горный поток и, подойдя к пещере, стал требовать, чтобы ему открыли. Духи-охранники тотчас же бросились к своему повелителю.

— Сунь У-кун снова явился,— сообщили они.

Волшебник поднял голову и с усмешкой сказал:

— Видимо, эту обезьяну огонь не берет. Но, на сей раз я не успокоюсь до тех пор, пока у нее не сгорит вся кожа и не изжарится мясо.

С этими словами он вскочил на ноги, схватил свою пику и, приказав слугам выкатить огненные тележки, вышел из пещеры.

— Ты зачем опять явился? — спросил он Сунь У-куна.

— Отдай моего учителя,— последовал ответ.

— Ну что за бестолковая обезьяна! — крикнул волшебник — Для тебя Танский монах — учитель, а для меня — всего-навсего хорошая закуска. Неужели ты думаешь, что я отдам его? И не помышляй об этом!

Эти слова привели Сунь У-куна в бешенство. Размахнувшись своим посохом, он готов уже был нанести страшный удар по голове волшебника. Однако тот отразил удар своей пикой с огненным наконечником. И между ними снова разгорелся бой, который по своей силе намного превзошел предыдущий.

Гнев распирал волшебника утробу;
Царь обезьян питал такую ж злобу.
Тот Танского монаха хочет съесть,
А этот защищает жизнь и честь —
Чувств родственных они уже не знали,
Друг другу ничего не уступали.
Один хотел глумиться над врагом,
И даже кожу драть с него живьем,
Другой же в этом грозном поединке
Хотел врага изрезать для начинки.
И были оба в храбрости равны,
И оба одинаково сильны.
И пика смело посох отражала,
Но и отпор у посоха встречала.
Раз двадцать этот бой бесплодным был,
И равенство доказывалось сил.

Схватившись раз двадцать с Сунь У-куном, волшебник почувствовал, что таким образом ему противника не одолеть. Тогда он сделал несколько ложных выпадов пикой и, выскочив с поля боя, как и в первый раз, дважды ударил себя по носу. В тот же миг из его рта и глаз вырвалось пламя. Одновременно из стоявших около пещеры огненных тележек тоже взметнулось пламя. В этот момент Сунь У-кун повернулся и крикнул:

— Царь драконов, где ты?

В ответ на зов Сунь У-куна полил отчаянный ливень.

Вода летела с шумом вниз,
Стеной сплошную — в бездну:
Вода летела с шумом вниз,
Как с неба ливень звездный;

Как будто целый океан
Вверх дном перевернули,
Всю необъятность вод морских
И — на землю плеснули.

Вода летела с шумом вниз,
Но каплями сначала,
А капля каждая — в кулак,
И вдруг — загрохотала,

И хлынула, и полилась
Из мисок и кувшинов,

Вода зеленая, как пух
На головах утиных.

И вот земля уже в воде.
И небо не лазурно,
На тысячу поднявшись чжан,
Вода вскипела бурно.

И тысячи потоков вниз
Серебряных упали,
Уже места слиянья рек
Наметятся едва ли.

И слили горные ручьи
Все тысячи извилин...
Драконов драгоценный дар
Был чуден и обилен.

Монаху Танскому помочь
В беде они желали.
Казалось, с неба Млечный Путь
Драконы низвергали.

Но как ни бушевала, как ни бурлила вода, она не могла загасить волшебного огня. Дело в том, что дождь, посланный Царем драконов, мог загасить только простой огонь. Но разве в силах он был победить священный огонь Самати, вызванный волшебником. Он только усиливал этот огонь, и чем сильнее лил дождь, тем больше разгоралось пламя.

«Попробую-ка я произнести заклинание и войду в огонь», — подумал Сунь У-кун и, размахивая посохом, ринулся в огонь, чтобы найти и уничтожить волшебника.

Однако волшебник заметил приближающегося к нему Сунь У-куна и выдохнул прямо ему в лицо облако дыма. Сунь У-кун отвернулся. От едкого дыма перед глазами у него пошли искры, и он не мог удержать слез, полившихся ручьем. Здесь надо вам сказать, что Великий Мудрец, которому не страшен был огонь, очень боялся дыма. Еще давно, когда он в небесных чертогах учинил буйство и Лао-цзюнь поместил его в свою печь, к счастью, Сунь У-куну удалось забраться в отделение под пятой диаграммой, соответствующей ветру, и там он чувствовал себя совершенно спокойно: огонь не действовал на него. Однако ветер нанес на него тучи дыма, отчего глаза его сильно пострадали и сделались огненно-золотистыми. Вот почему он до сих пор боялся дыма.

Волшебник еще раз выдохнул облако дыма. Этого Сунь У-кун не мог вынести и, взмыв на облако, бежал с поля боя. Тогда волшебник собрал все свои доспехи и удалился в пещеру. Великий Мудрец со всех сторон был охвачен пламенем и дымом. Чтобы спастись от огня, Сунь У-кун ринулся в воды горного потока. Он не знал, что от соприкосновения с холодной водой его жар устремится внутрь, к сердцу и все три души расстанутся с телом. Увы! Воздух заложил ему грудь,

язык стал холодным и души, покинув брненное тело, отлетели прочь.

Увидев это с высоты, цари драконов тотчас же приостановили ливень.

— Эй, вы! Повелитель водных небесных сил и главный церемониймейстер! — громко закричали они. — Хватит вам прятаться, выходите скорее из леса и разыскивайте вашего брата.

Когда Чжу Ба-цзе и Ша-сэн услышали, что их называют именами, пожалованными им на небе, они быстро отвязали коня и, захватив вещи, поспешили выйти из леса. Не обращая внимания на грязь и слякоть, они отправились на поиски. Вдруг они увидели в стремительном потоке воды человека, которого несло по волнам. Ша-сэн, как был в одежде, бросился прямо в воду. Выловив труп, он вытащил его на берег, и тут они увидели, что это был не кто иной, как Сунь У-кун. Увы! Ноги и руки его были скрючены, тело — холодно, как лед.

— Дорогой брат, — молвил Ша-сэн, не в силах сдержать хлынувшие из глаз слезы. — Что же это такое! Ты, кому суждено жить вечно, должен был погибнуть в расцвете лет.

— Перестань плакать, брат, — с усмешкой сказал Чжу Ба-цзе. — Эта обезьяна только притворяется мертвой, чтобы попугать нас. Пошупай его, дышит он или нет?

— Он совершенно холодный, — отвечал Ша-сэн. — Да если бы и теплилась в нем жизнь, разве смогли бы мы оживить его?

— Он обладает способностью семидесяти двух превращений, значит у него семьдесят две жизни, — сказал Чжу Ба-цзе. — Ну-ка, отойди. Я посмотрю, что с ним такое.

Ша-сэн посторонился, а Чжу Ба-цзе подошел, подсунул под него голову и поднял Сунь У-куна. Затем он подтолкнул ноги, согнул их в коленях и усадил его. Далее он стал растирать Сунь У-куну руки, и постепенно они согрелись. Осмотрел все семь отверстий и применил буддийское растирание.

Дело в том, что у Сунь У-куна под действием холодной воды остановилось дыхание. И вот сейчас, когда Чжу Ба-цзе стал растирать его, воздух сразу же проник через три перегородки *, затем пошел в голову и с силой вырвался через рот и ноздри.

— Учитель! — произнес Сунь У-кун, приходя в себя.

— Почтенный брат! — воскликнул Ша-сэн, — ты всю жизнь свою отдал учителю и даже теперь, когда жизнь покинула тебя, его имя не сходит с твоих уст. Очнись, мы здесь, с тобой!

— Вы со мной, мои братья? — спросил Сунь У-кун, широко раскрыв глаза. — Я проиграл.

— Ты только что был мертв, — сказал с усмешкой Чжу Ба-цзе. — Я вернул тебя к жизни, а ты даже не поблагодаришь меня.

Тут Сунь У-кун поднялся и спросил:

— А где братья-драконы?

— Мы здесь и ждем ваших распоряжений,— раздался голос с высоты.

— Я доставил вам много хлопот, заставил проделать такой дальний путь, а сам так и не сумел добиться успеха. Прошу вас, возвращайтесь к себе. Когда-нибудь я отблагодарю вас за вашу услугу.

После этого цари драконов во главе своего водного войска торжественно возвратились домой, однако распространяться об этом мы не будем.

Поддерживая Сунь У-куна, Ша-сэн проводил его в сосновый лес и усадил под деревом. Через некоторое время Сунь У-кун немного успокоился, однако не мог сдержать слез, которые текли по его щекам.

— Учитель наш! — воскликнул он:

Год я помню тот, когда учитель
Танское покинул государство,
Спас меня он у горы высокой,
Где беда моя была безмерна.

Через реки он прошел и горы,
Злобных духов испытал коварство,
Вместе с ним и я терпел страданья,
Жертвуя собой с любовью верной.

— Почтенный брат мой, не нужно отчаиваться,— выслушав его, сказал Ша-сэн.— Мы уже все обдумали и решили попросить войска, чтобы спасти нашего учителя.

— У кого же вы их попросите? — спросил Сунь У-кун.

— Когда бодисатва давала нам свои напутствия и велела сопровождать Танского монаха, она говорила, что мы можем обращаться за помощью и к небу, и к земле — нигде нам не откажут. Куда же нам сейчас обратиться.

— Мне вспоминается то время, когда я учинил буйство в небесных чертогах,— сказал Сунь У-кун.— Все небесные силы не в состоянии были справиться со мной. Но этот дух необыкновенно силен и победить его может лишь тот, кто еще сильнее. Ни небесные силы, ни духи земли не помогут. Необходимо обратиться за помощью к бодисатве Гуаньинь. Но вот беда, я чувствую себя совершенно разбитым, у меня ноют ноги, и я не в состоянии совершить прыжок в облака.

— Ты скажи только, что нужно делать, и я отправлюсь к бодисатве,— сказал тут Чжу Ба-цзе.

— Ну что ж,— сразу повеселел Сунь У-кун.— Отправляйся ты. Только смотри, когда увидишь бодисатву, не гляди ей прямо в лицо, а склонись и приветствуй ее поклонами. Когда она начнет спрашивать тебя, назови место, где мы находимся, скажи, как зовут волшебника, и обратись к бодисатве с просьбой помочь спасти нашего учителя. Если она согласится, то волшебник наверняка будет усмирен.

Внимательно выслушав Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе взлетел в облака и устремился на юг.

Между тем волшебник, владелец пещеры, вернувшись к себе, был очень доволен своей победой.

— Ну, детки,— радостно сказал он,— Сунь У-кун потерпел поражение. Он, правда, остался жив, но сознание все же потерял. Эх! Боюсь только, что он призовет на помощь еще какие-нибудь войска. Откройте-ка ворота, да поживее, я посмотрю, к кому он собирается обратиться.

Воины открыли ворота, и волшебник поднялся ввысь. Оглядевшись, он увидел, что Чжу Ба-цзе отправился на юг, и сразу понял, что тот направился к бодисатве Гуаньинь. Тогда он поспешно спустился на своем облаке вниз и крикнул:

— Ну-ка, детки! Найдите мой кожаный мешок. Давно я им не пользовался. Боюсь, что веревки стали непрочны, смените их и положите мешок у вторых ворот. Я постараюсь обмануть Чжу Ба-цзе, притащу его сюда и посажу в мешок. Там он у меня сварится, и я отдам его вам в награду за ваши труды.

Здесь надо вам сказать, что у этого волшебника был кожаный мешок, при помощи которого он мог выполнить любое желание. Воины достали этот мешок, сменили веревки и положили его у входа в пещеру. Однако распространяться об этом мы не будем.

Волшебник поселился в этих местах давно и хорошо знал здесь каждый уголок. Был ему, конечно, известен и кратчайший путь к Южному морю. Этим путем он и отправился. Он быстро нагнал Чжу Ба-цзе и, устроившись на высоком утесе, принял вид бодисатвы Гуаньинь.

И вот наш Дурень неожиданно увидел перед собой бодисатву. Откуда было знать ему, что перед ним волшебник, принявший облик бодисатвы. Остановив свое облако, Дурень опустился на землю и, низко кланяясь, сказал:

— Милостивая бодисатва, прими мой поклон.

— Почему ты покинул Танского монаха и явился ко мне? — спросил волшебник.

— Нам с учителем по дороге встретилась пещера Огненных облаков у потока Сухой сосны,— отвечал Чжу Ба-цзе,— в которой живет волшебник Красный ребенок. Этот волшебник захватил нашего учителя, но я и мои братья разыскали его и вступили с ним в бой. Тогда он вызвал огонь, и мы не устояли. Во втором бою нам помогал Царь драконов. Он послал ливень, но и ливень оказался бессильным против огня, вызванного волшебником. Наш старший брат Сунь У-кун пострадал от этого пламени и теперь не в состоянии даже двигаться. Вот он и послал меня к вам, милостивая бодисатва, просить вашей помощи. Явите милосердие и спасите нашего учителя от беды.

— Властитель пещеры Огненных облаков зря не губит людей. Вы, вероятно, чем-то оскорбили его.

— Я не оскорблял его,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Это мой брат Сунь У-кун. Волшебник принял образ мальчика и повис на дереве, чтобы обмануть нашего учителя и вызвать его жалость. А учитель наш, человек добросердечный, велел мне снять мальчика с дерева, а моему старшему брату приказал нести его на себе. Но мой брат бросил его на землю. Тогда волшебник вызвал ветер и похитил нашего учителя.

— Ну ладно, встань,— сказал волшебник,— и пойдем вместе со мной к этому волшебнику. Я помогу тебе. А ты воздашь волшебнику должные почести, извинишься перед ним и попросишь его освободить твоего учителя.

— Милостивая бодисатва, если вы сможете вернуть нам учителя, то я согласен поклониться волшебнику.

— Следуй за мной,— повторил волшебник.

И Дурень, ничего не подозревая, последовал за волшебником. Он не пошел к Южному морю, а по старой дороге отправился к пещере Огненных облаков.

— Не бойся, входи,— сказал волшебник,— здешний хозяин — мой старый друг.

Дурень послушно следовал за мнимой Гуаньинь. Но не успел он войти в пещеру, как целая толпа духов набросилась на него и втолкнула в мешок. Крепко завязав мешок веревками, духи подвесили Чжу Ба-цзе к балке. Тут волшебник принял свой настоящий вид и уселся посредине зала.

— Чжу Ба-цзе,— сказал он,— мало того, что ты решился сопровождать Танского монаха, но ты еще отважился отправиться к бодисатве просить, чтобы она уладила меня? Какими же способностями ты обладаешь? Ты раскрой как следует глаза и посмотри. Неужели ты не видишь, что перед тобой Великий князь — священный ребенок. Вот сейчас ты попал в мои руки и дней через пять сварись. Отличная будет закуска для моих деток!

— Ах ты грязная тварь! — выслушав его, стал ругаться Чжу Ба-цзе.— До чего же ты бесстыжий! Обманом тебе удалось завлечь меня сюда. Но попробуйте, съешьте меня, у вас у всех распухнут головы, и вы подохнете от небесного мора.

Оставаясь в мешке, Чжу Ба-цзе не переставал браниться и кричать. Однако оставим его пока и вернемся к Сунь У-куну и Ша-сэну. Они сидели и беседовали, как вдруг в нос им ударило какое-то зловоние.

— Плохи дела,— сказал Сунь У-кун, громко чихнув.— Не иначе как Чжу Ба-цзе сбился с дороги.

— Что же, он не может у кого-нибудь спросить? — удивился Ша-сэн.

— Возможно, что он встретился с каким-нибудь волшебником,— сказал Сунь У-кун.

— Тогда он вернулся бы к нам.

— Все это не так просто,— сказал Сунь У-кун.— Ты побудь

пока здесь, а я перепрыгну через поток и разузнаю, что случилось.

— Да ведь у тебя все болит,— сказал Ша-сэн.— Попадешься еще в лапы к этому волшебнику. Дай лучше я схожу.

— У тебя ничего не выйдет,— сказал Сунь У-кун.— Я сам пойду.

И вот наш замечательный Сунь У-кун, стиснув от боли зубы и размахивая посохом, переправился через горный поток и подошел к пещере Огненных облаков.

— Эй ты, негодяй! — крикнул Сунь У-кун.

Стражи ринулись в пещеру и доложили своему господину, что Сунь У-кун снова явился.

— Схватить его! — приказал волшебник.

Толпа духов с мечами и пиками в руках в тот же миг вылетела из пещеры. С криками: «Держи, хватай!» — они бросились на Сунь У-куна.

Сунь У-кун не рискнул вступить с ними в бой, так как был в полном изнеможении. Он быстро скрылся, произнес: «Изменись!» — и тотчас же превратился в узел с вещами. Вернувшись к своему властелину, духи доложили ему:

— Сунь У-кун, услышав наш боевой клич, до того перепугался, что бежал и даже потерял свой узел с вещами.

— Я думаю, что ничего ценного в этом узле нет,— сказал с улыбкой волшебник.— Разве что какой-нибудь рваный монашеский балахон да старая шляпа. Принесите-ка его сюда, разорвите, постирайте и используйте на заплаты.

Один из духов поспешил выполнить приказ и внес узел, даже и не подозревая, что несет на себе Сунь У-куна.

«Вот и замечательно»,— подумал Сунь У-кун.

Дух внес его в пещеру и, не раздумывая, положил на пол. И тут наш чудесный Сунь У-кун совершил еще одно превращение. Он выдернул у себя волосок и, дунув на него волшебным дыханием, превратил в точную копию узла. Сам же он принял вид мухи и уселся на дверной косяк. Тут вдруг он услышал какие-то стоны, похожие на хрюканье. Однако Сунь У-кун никак не мог понять, откуда они доносятся. Сунь У-кун, жужжа, стал летать, разыскивая Чжу Ба-цзе, и обнаружил, что тот висит на балке в кожаном мешке. Тогда Сунь У-кун уселся на мешок и тут услышал отчаянную брань Чжу Ба-цзе.

— Кто бы ты ни был, пусть даже злой дух, но как ты посмел принять вид бодисатвы Гуаньинь и обманом вернуть меня обратно? Мало того, что ты подвесил меня к этой балке, так еще грозишься, что съешь меня.

«Этот Дурень, хоть и попался,— усмехаясь подумал Сунь У-кун,— однако не падает духом. Ну, а с волшебником я все равно расправлюсь. Иначе гнев мой не найдет себе выхода».

Он хотел помочь Чжу Ба-цзе освободиться из мешка, но в этот момент вдруг услышал голос волшебника.

— Где сейчас шесть доблестных полководцев?

И в тот же миг перед ним предстали шесть его самых умных и самых любимых духов. Он пожаловал им звание доблестных полководцев. У каждого из них было свое имя. Одного звали — Туман среди туч, другого — Тучи среди тумана, третьего — Быстрый, как молния, четвертого — Стремительный, как вихрь, пятого — Раздувающий пламя, и шестого — Бушующий, как пламя.

Все они преклонили колени перед своим господином.

— Знаете ли вы, где живет старый царь? — спросил их волшебник.

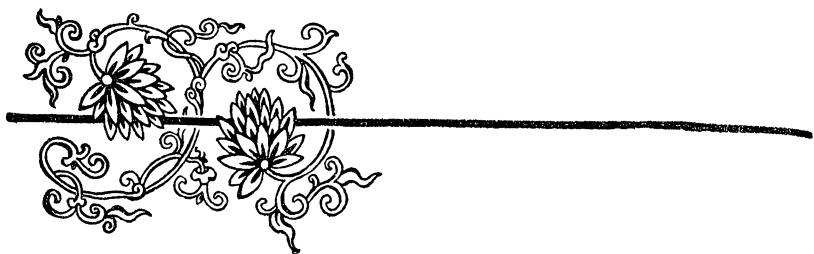
— Знаем, — отвечали они.

— Сейчас же отправляйтесь к нему и пригласите его сюда. Скажите, что я поймал Танского монаха, собираюсь изжарить его и угостить отца, чтобы он обрел бессмертие.

Получив приказ, духи ринулись из пещеры. А Сунь У-кун, жужжа, полетел вслед за ними.

Если вам интересно узнать, что дальше случилось с духами, прочитайте следующую главу.





ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ,

повествующая о том, как Великий Мудрец отправился к Южному морю и как бодисатва Гуаньинь явила милосердие и усмирила волшебника

И вот шесть доблестных полководцев, покинув пещеру, отправились прямо на юго-запад. Следуя за ними, Сунь У-кун раздумывал:

«Они хотят пригласить царя, чтобы он отведал мяса нашего учителя. А этот царь не кто иной, как Ню Мо-ван — князь демонов. Когда-то мы были с ним приятелями. Но теперь я встал на путь Истины, а он так и остался злым духом. С тех пор как мы расстались, прошло много времени, но я отлично помню его. Вот что я сейчас сделаю. Приму его образ и обману их. Посмотрим, что из этого выйдет».

Наш чудесный Сунь У-кун ускорил свой полет и, обогнав духов примерно ли на десять, встряхнулся и принял вид князя демонов Ню Мо-вана. После этого он выдернул у себя несколько волосков и, дунув на них, крикнул:

— Изменитесь!

В тот же миг волоски превратились в слуг. А Сунь У-кун, сделав вид, что выехал на охоту в горное ущелье с соколами и собаками, с луками и арбалетами, стал дожидаться шести доблестных полководцев. Стремительно мчась вперед, духи вдруг увидели перед собой Ню Мо-вана, окруженного свигой. Увидев его, духи Бушующий, как пламя, и Раздувающий пламя поспешно опустились на колени:

— Отец наш, великий государь, вы здесь!

У духов по имени Туман среди туч, Тучи среди тумана, Быстрый, как молния, и Стремительный, как вихрь, глаза были такие же, как у простых смертных, и они, конечно, не могли

распознать в царе Сунь У-куна. Поэтому они тоже повалились на колени и отбивали поклоны, приговаривая:

— Отец наш! Мы посланы к вам нашим господином Великим князем — священным ребенком из пещеры Огненных облаков; он приглашает вас, великий государь, отведать мяса Танского монаха, после чего вы станете бессмертным.

— Встаньте, детки,— сказал Сунь У-кун.— Пойдем сейчас ко мне, я только переоденусь, и мы тут же отправимся.

— Не затрудняйте себя, великий государь,— сказали, земно кланяясь, духи-посланцы.— Вам незачем возвращаться. Путь далек, и государь наш может рассердиться. Давайте уж лучше отправимся прямо отсюда.

— А хитрые вы, ребята,— рассмеялся Сунь У-кун.— Ну, ладно. Отправляйтесь вперед, показывайте дорогу. Я пойду вместе с вами.

Обрадованные духи с шумом ринулись вперед, а Великий Мудрец последовал за ними. Вскоре они приблизились к пещере. Стремительный, как вихрь, и Быстрый, как молния, вбежали к своему господину и доложили о том, что прибыл отец, великий государь.

— Ну, вы — люди надежные,— с удовлетворением сказал волшебник.— Так быстро выполнили мое поручение!

Волшебник тотчас же приказал своим командирам выстроить отряды и с развернутыми знаменами, под барабанный бой, выйти встречать царя. Все обитатели пещеры стройными рядами вышли навстречу гостю. Сунь У-кун принял величественный вид, выпятил грудь и, встряхнувшись, вернул на место выдернутые волосы, которые до этого были превращены в соколов и собак. Широкими шагами он проследовал в пещеру и уселся в центре, лицом к югу. Волшебник опустил на колени и, совершив земной поклон, молвил:

— Царь-отец! Прими поклоны своего недостойного сына.

— К чему церемонии, сын мой! — сказал в ответ Сунь У-кун.

Отвесив четыре поклона, волшебник встал около возвышения, на котором восседал Сунь У-кун.

— Зачем ты звал меня, сын мой? — спросил Сунь У-кун.

— Вашему недостойному сыну,— отвечал с поклоном волшебник,— вчера удалось поймать Танского монаха, который идет из Китая. Мне не раз приходилось слышать о том, что он — человек высокой добродетели и тот, кто отведает его мяса, станет таким же бессмертным, как обитатели островов Пэнлай и Инчжоу. Один я не осмелился съесть его, и решил пригласить вас, отец.

— Про какого это Танского монаха ты речь ведешь, сын мой? — притворившись испуганным, спросил Сунь У-кун.

— А про того, который идет на Запад за священными книгами,— отвечал волшебник.

— Это учитель Сунь У-куна?

— Совершенно верно,— подтвердил волшебник.

— Лучше не сердь его! — услышав это, замахал руками и ватряс головой Сунь У-кун.— Да ты, конечно, еще не встречался с ним, сын мой! Эта обезьяна обладает огромной волшебной силой и знает тайну многих превращений. Когда-то она учинила буйство в небесных чертогах. Нефритовый император послал против нее стотысячное войско, расставил сети и силки на небе и земле и то не сумел покорить ее. Как же ты осмелишься после этого съесть Танского монаха, ее наставника? Лучше освободи этого монаха. Если только Сунь У-кун узнает, что ты съел его учителя, он даже драться с тобой не станет, а возьмет свой посох с золотыми обручами, проткнет твою гору и преспокойно унесет вас всех отсюда вместе с горой. Где же ты найдешь себе пристанище, сын мой, а я — опору на старости лет?

— Что ты говоришь, государь-отец? — изумился волшебник.— Превознося доблесть и отвагу моего противника, ты унижаешь достоинства своего собственного сына. У Танского монаха, кроме Сунь У-куна, есть еще два ученика. И вот, когда они вместе с учителем пришли к нам в горы, я применил один из волшебных способов и похитил их учителя. После этого Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе разыскали мою пещеру и стали говорить о каких-то родственных отношениях. Я не выдержал и вступил с ними в бой. Однако ничем особенным они себя не проявили. Когда же на помощь Сунь У-куну пришел Чжу Ба-цзе, я напустил на них вечный огонь Самади и заставил бежать с поля боя. Сунь У-кун был до смерти напуган и обратился даже за помощью к царям — драконам четырех морей. Те вызвали ливень, однако оказались не в силах загасить огонь Самади. Сунь У-кун так обжегся, что даже потерял сознание и, как только пришел в себя, тотчас же отправил Чжу Ба-цзе на Южное море к бодисатве Гуаньинь. Тогда я принял вид бодисатвы и заманил Чжу Ба-цзе к себе. Сейчас он сидит в Кожаном мешке исполнения желаний. Я и его собираюсь сварить и отдать своим подчиненным на закуску. Сунь У-кун сегодня снова приходил к моей пещере и шумел здесь; я приказал поймать его, но он до того растерялся, что бежал и даже утерял свой узел. Сейчас я пригласил вас, отец-государь, взглянуть на Танского монаха, а затем изжарить и съесть его. Отведав его мяса, мы обретем бессмертие.

— Мудрый сын мой,— отвечал на это Сунь У-кун.— Ты только и обладаешь, что огнем Самади, который помог тебе одержать верх над Сунь У-куном. А знаешь ли ты, что он обладает тайной семидесяти двух превращений?

— Пусть он превращается во что угодно, я все равно распознаю его,— сказал волшебник.— Да он даже не осмелится войти в мою пещеру.

— Сын мой,— произнес тогда Сунь У-кун.— Возможно, ты и узнаешь его. Но помни, что он может превратиться в какое-нибудь крошечное существо; конечно, не в волка или большую собаку, так как знает, что в таком случае ему не пробраться в твою пещеру.

— Все равно,— сказал волшебник,— у меня каждый вход в пещеру охраняют несколько стражников, как же он может проникнуть сюда?

— Ты и не подозреваешь, что он может стать мухой, комаром, блохой, пчелой, бабочкой или цикадой. Он даже может принять мой вид. Как же ты распознаешь его?

— Не беспокойся!— отвечал волшебник.— Будь у него даже железная печень и медное сердце, он и тогда не осмелится показаться здесь.

— Ну, раз ты так говоришь,— сказал Сунь У-кун,— значит, действительно обладаешь огромной силой и Сунь У-куну, конечно, не справиться с тобой. Однако есть мясо Танского монаха я не буду.

— Почему же? — удивился волшебник.

— Стар уж стал,— отвечал Сунь У-кун.— Кроме того, твоя мать уговаривала меня заняться добрыми делами. Вот я и решил дать обет поститься.

— Это что же, на всю жизнь или на один месяц? — спросил волшебник.

— Нет,— отвечал Сунь У-кун.— Я дал обет поститься в определенные дни месяца.

— Это в какие же дни? — спросил волшебник.

— Дни, в обозначение которых входит иероглиф син и шестое число каждого месяца,— сказал Сунь У-кун.— Сегодня как раз день под знаками син и ю*, так что я должен соблюдать пост и, кроме того, не могу принимать гостей. Подождем до завтра, я сам вымою, вычищу и приготовлю его, тогда уж мы с тобой попируем.

«Мой отец всю жизнь питался человеческим мясом,— раздумывал волшебник, выслушав Сунь У-куна,— и прожил вот уже больше тысячи лет, с чего же это он вдруг начал поститься?.. К тому же в свое время он совершил столько злодеяний, что несколькими днями поста их не загладить. Что-то тут неладно!»

С этими мыслями он вышел из вторых ворот и подозвал к себе шестерых доблестных полководцев.

— Вы где встретили царя? — спросил он их.

— На полпути,— отвечали те.

— А я думаю: почему вы так быстро вернулись,— сказал волшебник.— Значит, дома у него вы не были?

— Не были,— отвечали духи.

— Плохи дела,— сказал волшебник.— Мы попались на удочку. Это не царь.

— Великий государь! — повалившись ему в ноги, воскликнули духи.— Что же вы своего отца не могли узнать?

— Да с виду он точно такой же,— отвечал волшебник,— а по разговору не похож. Вот поэтому я и думаю, что мы поддались обману. Смотрите, будьте начеку. Пусть каждый держит наготове свое оружие: мечи, пики, дубинки и веревки. Сейчас я еще немного поговорю с ним и послушаю, как он будет отвечать. Если это действительно мой отец, ему должно быть все равно, когда съесть Танского монаха, сегодня, завтра или через месяц. Если же он будет вести себя подозрительно, я подам вам сигнал: тогда все вместе принимайтесь за дело!

Духи поспешили исполнить приказ, а волшебник вернулся в пещеру и, подойдя к Сунь У-куну, склонился перед ним.

— Сын мой,— сказал Сунь У-кун.— К чему все эти церемонии? Если хочешь что-нибудь сказать мне, говори.

— Твой недостойный сын,— начал, распростершись ниц, волшебник,— пригласил тебя отведать мяса Танского монаха, а заодно спросить кое о чем. Позавчера я был свободен и, совершая прогулку на благовещем луче, попал на девятое небо. Там я неожиданно встретил великого патриарха учителя Чжан Дао-лина *.

— Небесного наставника — Чжан Дао-лина? — перебил его Сунь У-кун.

— Совершенно верно,— подтвердил волшебник.

— Ну, и что он говорил? — спросил Сунь У-кун.

— Когда он увидел,— продолжал волшебник,— как пропорционально я сложен, он спросил час, день, месяц и год моего рождения. А я забыл. Наставник, будучи искусным гадальщиком, хотел погадать для меня по пяти планетам. Вот я и решил спросить вас об этом. Может быть, я еще когда-нибудь его встречу и попрошу погадать.

«Вот дьявол! — подумал, улыбаясь про себя, сидевший на возвышении Сунь У-кун.— За то время, что я сопровождаю Танского монаха, я усмирил нескольких злых духов, но ни один из них не был таким коварным, как этот. Если бы он завел речь о каких-нибудь семейных дразгах и мелких затруднениях, я бы нашел, что ответить. А то ведь спрашивает меня о времени своего рождения. Откуда я могу это знать?»

Однако Царь обезьян был удивительно находчив. Сохраняя свой величественный вид и ничем не выдав беспокойства, он с очаровательной улыбкой произнес:

— Встань, сын мой. Стар я стал, да и неприятностей у меня за последнее время немало, так что я время твоего рождения сейчас забыл. Обожди, вот завтра вернусь домой и спрошу у матери.

— Как же мог ты забыть, государь-отец, если ты сам гово-

рил, что мое имя не сходит с твоих уст и еще говорил, что я буду вечен как небо! — воскликнул волшебник. — Это черт знает что! Тут какой-то обман!

И он громко хмыкнул. В тот же момент толпа духов с мечами и пиками в руках ринулась на Сунь У-куна и стала избивать его.

Тут Великий Мудрец выхватил свой посох и, отбиваясь, принял свой обычный вид.

— Мудрый сын мой! — сказал он, обращаясь к волшебнику. — Ты нарушаешь все законы! Где это видано, чтобы сын избивал отца?

Волшебник сконфуженно молчал. А Сунь У-кун, превратившись в золотой луч, вылетел из пещеры.

— Великий государь! — крикнули духи. — Сунь У-кун сбежал!

— Ладно! — отвечал волшебник. — Оставьте его! Провел он меня все же на сей раз! Закройте ворота и принимайтесь за Танского монаха. Вымойте его и почистите. А потом мы его сварим и съедим.

Между тем Сунь У-кун, выхватив свой посох, с громким хохотом перебежал на противоположный берег потока. Услышав его хохот, Ша-сэн поспешно вышел из леса.

— Дорогой брат, — сказал он, увидев Сунь У-куна, — что же ты так долго не возвращался? И чему радуешься? Тебе, вероятно, удалось освободить учителя?

— Нет, освободить мне его не удалось, — отвечал Сунь У-кун, — зато я кое-что узнал.

— Что же ты узнал? — спросил Ша-сэн.

— Оказывается, этот волшебник принял вид бодисатвы Гуаньинь и обманом заманил к себе в пещеру Чжу Ба-цзе, — сказал Сунь У-кун. — Потом он засадил его в кожаный мешок и подвесил к балке. Я чуть было не освободил его, но в этот момент волшебник отправил посланцев к своему отцу, чтобы пригласить его отведать мяса Танского монаха. А я догадался, что его отец не кто иной, как князь демонов Ню Мо-ван и, опередив посланцев, принял его вид и стал поджидать их. Под этим видом я и проник в пещеру волшебника. Когда мы прибыли туда, волшебник, приняв меня за отца, совершил передо мной полагающиеся поклоны. Эти почести доставили мне, конечно, большое удовольствие.

— Очень уж ты легкомыслен, дорогой брат, — выслушав его, сказал Ша-сэн. — А я вот боюсь, что жизни нашего учителя угрожает опасность.

— Ничего, не беспокойся, — успокаивал его Сунь У-кун. — Я сейчас обращаюсь за помощью к бодисатве.

— А как поясница, болит? — спросил Ша-сэн.

— Да нет, все прошло, — отвечал Сунь У-кун. — Недаром еще в старину говорили: «Когда приходит удача, человек

радуется». Присматривай здесь за вещами и конем, а я отправлюсь в путь.

— Ты пока забудь о вражде,— сказал Ша-сэн.— Смотри, как бы этот волшебник не причинил нашему учителю какого-нибудь вреда. Возвращайся поскорее.

— Я быстро,— сказал Сунь У-кун.— Не пройдет время, необходимое для того, чтобы поесть, как я вернусь обратно.

С этими словами наш прекрасный Мудрец покинул Ша-сэна, совершил прыжок в облака и устремился к Южному морю. Не прошло и часа, как Сунь У-кун увидел перед собой гору Путошань* — обитель бодисатвы. Он опустился на облаке вниз и очутился на утесе Ло-цзя. Здесь он важно и чинно направился вперед и увидел духов двадцати четырех направлений, вышедших ему навстречу.

— Куда путь держите, Великий Мудрец? — спросили они, приветствуя его.

— Я хочу повидаться с бодисатвой,— сказал Сунь У-кун, отвечая на приветствие.

— Обождите немного, мы доложим о вас,— сказали духи.

Один из них, дух Гуйцзыму, подошел к пещере Шум прилива.

— Милостивая бодисатва,— сказал он,— разрешите доложить вам, что сюда явился Сунь У-кун и хочет повидать вас.

Бодисатва приказала ввести Сунь У-куна. Сунь У-кун опра-вил на себе одежду, решительно вошел в обитель бодисатвы и сразу же пал ниц.

— Сунь У-кун,— молвила бодисатва,— ты почему не сопровождаешь перевоплощенного Цзинь-чан-цзы* в его поездке на Запад за священными книгами? Что привело тебя сюда?

— Разрешите доложить, милостивая бодисатва. Я следовал за Танским монахом, и вот мы пришли в одно место, которое называется пещерой Огненных облаков у горного потока Сухой сосны. Там живет дух по имени Великий князь, которого зовут также священный ребенок. Вот он и похитил нашего учителя. Мы с Чжу Ба-цзе вступили с ним в бой. Однако он напустил на нас огонь Самади: мы оказались бессильны перед ним и не смогли спасти нашего учителя. Тогда я отправился к Восточному морю и обратился за помощью к царям — драконам четырех морей. Они послали ливень, но и он не мог загасить огня Самади. Я же чуть было не погиб.

— Раз этот волшебник владеет огнем Самади, значит, он обладает огромной чудодейственной силой,— выслушав Сунь У-куна, сказала бодисатва.— Почему же ты решил просить помощи у царей-драконов, а не обратился прямо ко мне?

— Да я как раз хотел это сделать,— отвечал Сунь У-кун,— но от дыма я чуть было не задохнулся и послал к вам вместо себя Чжу Ба-цзе.

— Чжу Ба-цзе здесь не было,— сказала бодисатва.

— Я знаю,— подтвердил Сунь У-кун.— Он не успел добраться до вашей обители. Волшебник принял ваш образ и заманил Чжу Ба-цзе к себе в пещеру, где упрятал его в кожаный мешок и подвесил к балке. Он хочет сварить его и съесть.

— Да как же эта мерзкая тварь осмелилась принять мой образ? — гневно воскликнула бодисатва.

От негодования она даже застонала и с шумом швырнула в море вазу для омовения рук, украшенную жемчугом, которую держала в руках. Гнев бодисатвы привел Сунь У-куна в трепет, и он даже вытянулся у трона бодисатвы.

«Видно, я чем-то разгневал бодисатву,— подумал Сунь У-кун.— Она даже швырнула свою вазу. Как жаль! Лучше бы она подарила ее мне. Это было бы чудесным подарком для меня».

Однако не успел он так подумать, как море забурило и волны выбросили вазу на поверхность. Оказалось, что ее несло на своей спине чудовище.

Она из грязи вышла: вот — начало!
Но в ней века величье обитало.
Она живет, сокрытая глубоко,
И жизнь ее проходит одиноко;
Она — на дне и украшает воду,
Но знает неба и земли природу;
Сидит спокойно, все в себе скрывает,
Но злых и добрых духов тайны знает.
Хотя и хвост и голову укрыла,
Но побежит — и, кажется, что взмыла.
Вэнь-ван писал на ней свои триграммы,
Придворные ее встречали дамы,
В гаданьях с Цзы Юанем говорила,
И во дворцах с Фу-си * она дружила,
Когда дракон, меня очертанья,
Играл на небе, весь — очарованье,
В воде резвился и, соблазна полный,
То порождал, то колебал он волны.
На ней — с насечкой золотою латы,
Она в кольчуге пестрой и богатой,
И панцирь девяти дворцов надела,
Триграмм восьмерка украшает тело.
В своей одежде празднично-зеленой
Она была любимицей дракона,
Снискавшею его благоволенье.
Она была смела и до рожденья,
А после смерти — вместо пьедестала
Она под памятником Будде встала.
Вы верно знать хотите титул полный
Чудовища, вздымающего волны? —
Рождающая ветер — черепаха.

Черепаша, неся вазу на спине, выбралась на берег и, оставившись перед бодисатвой, совершила двадцать четыре кивка, которые должны были обозначать двадцать четыре глубоких земных поклона.

— Видимо, это и есть хранитель вазы,— глядя на черепаху, сказал, усмехаясь про себя, Сунь У-кун.— Я думал, что ваза пропала, а оказывается это бодисатва вызывала черепаху.

— О чем это ты говоришь, Сунь У-кун? — спросила бодисатва.

— Да ничего, просто так,— отвечал Сунь У-кун.

— Поддай мне вазу,— приказала бодисатва.

Сунь У-кун хотел выполнить приказ, но, увы! Он походил в этот момент на стрекозу, которая захотела бы сдвинуть с места мраморную колонну.

— Бодисатва,— молвил в смущении Сунь У-кун, подходя к возвышению, на котором она сидела,— я не могу выполнить ваш приказ.

— Жалкая ты обезьяна! — отвечала бодисатва.— Ты только и можешь что дерзить. Как мог ты надеяться одержать верх над волшебником, если даже вазу не в силах сдвинуть с места.

— Скажу вам откровенно, милостивая бодисатва,— отвечал ей Сунь У-кун,— в обычное время я мог бы это сделать без особого труда, но сегодня у меня нет сил. Потерпев поражение в схватке с волшебником, я ослаб.

— Должна тебе сказать,— заметила бодисатва,— что в обычное время эта ваза бывает пустой. Но сейчас я бросила ее в море, и она в один момент прошла через все реки и озера, моря и каналы, через все ручьи и потоки и вобрала в себя целое море воды. А разве можешь ты поднять море?

— Так вот оно что,— сказал Сунь У-кун, почтительно сложив руки,— этого я не знал.

Тогда бодисатва подошла к вазе, легонько подняла ее правой рукой и поставила на ладонь левой руки. В тот же момент черепаха покачала головой и исчезла в воде.

— Так это чудовище, оказывается, хранитель вазы,— удивился Сунь У-кун.

— Послушай, что я скажу тебе, Сунь У-кун,— обратилась к нему бодисатва.— Эта ваза наполнена чудесной росой и волшебной водой. У драконов, к которым ты обращался, ничего подобного нет. Эта вода обладает волшебной силой и может погасить огонь Самади. Вот я и хотела, чтобы ты взял эту вазу с собой, а ты, оказывается, не можешь даже сдвинуть ее с места. Я могла бы дать тебе в помощь ученицу Будды Шань-цай — девицу-дракона. Но я знаю, что человек ты ненадежный и всегда действуешь обманом. Как только ты увидишь красоту этой девицы, да еще в руках у нее такой драгоценный талисман, ты непременно выкинешь какую-нибудь штуку, чтобы завладеть ими, а разыскивать тебя мне некогда. Так вот, чтобы мне не пришлось беспокоиться, оставь что-нибудь в залог.

— Очень жаль, милостивая бодисатва, что вы так плохо думаете обо мне,— сказал Сунь У-кун.— Приняв монашеский обет, я никогда больше не осмеливался заниматься подоб-

ными делами. Но раз вы хотите, чтобы я оставил вам какой-нибудь залог, я повинуюсь. Однако, что я могу оставить вам? Холщовый халат — ваш подарок. Этот плащ из шкуры тигра ничего не стоит. Посох мне нужен, чтобы защищаться. Единственная ценность — это обруч у меня на голове. Он сделан из золота. Но благодаря вам он навсегда прирос к моей голове. Я охотно оставил бы его в залог. Ведь стоит вам только произнести заклинание, и он спадет с моей головы. Больше мне нечего оставить.

— А ты хитер, оказывается, — сказала бодисатва. — Не надо мне ни твоего халата, ни посоха, ни обруча. Выдерни на затылке волосок, спасающий жизнь, и оставь его.

— Но ведь волосок тоже пожалован мне вами, — возразил Сунь У-кун. — Боюсь, что, выдернув один волосок, я испорчу все остальные и после этого не смогу сохранить свою жизнь.

— Ах ты мерзкая обезьяна, — рассердилась бодисатва. — Ты даже ленишься вырвать у себя волосок. Как же я смогу послать с тобой ученика Будды?

— Вы чересчур подозрительны, милостивая бодисатва, — сказал с улыбкой Сунь У-кун. — Не зря говорится: «Не смотри на лицо монаха, а смотри на лицо Будды». Умоляю вас, помогите спасти нашего учителя.

И тогда бодисатва:

Походкой легкой, в волнах аромата,
Покинула свой лотосовый трон
И вознеслась на горную вершину —
Был светлый лик улыбкой озарен.

И только ради Танского монаха,
Попавшего в неволю на пути,
Чудовище смирить она решила,
Паломника от гибели спасти.

Сунь У-кун пришел в восторг и попросил бодисатву покинуть священную пещеру Шум прилива. Духи рядами выстроились перед горой Путошань*.

— А теперь, — сказала бодисатва, — переправляйся через море.

— Прошу вас, милостивая бодисатва, пойти вперед, — сказал, низко склонившись, Сунь У-кун.

— Нет, сначала пойдешь ты, — отвечала бодисатва.

— Но, милостивая бодисатва, — запротестовал Сунь У-кун, низко кланяясь, — я не смею в вашем присутствии проявлять свои способности. Вообразите, что я сделаю прыжок и в этот момент у меня оголится задняя часть тела. Тогда вы обвините меня в недостаточной почтительности к вам.

Услышав это, бодисатва послала ученицу Будды девицу-дракона Шаньцай на лотосовый пруд и велела сорвать лист лотоса. Затем она приказала положить этот лист на вазу

у подножия скалы. А когда это тоже было сделано, бодисатва сказала Сунь У-куну:

— Становись на лист, я переправлю тебя через море.

— Но разве это возможно, милостивая бодисатва,— изумился Сунь У-кун.— Он такой тонкий и совсем маленький. А если я свалюсь в воду, то вконец испорчу свой тигровый плащ и не смогу надеть его, когда станет холодно.

— А ты попробуй! — прикрикнула на него бодисатва.

Не смея больше отказываться, Сунь У-кун решил: будь что будет — и прыгнул на лист лотоса. И, о чудо! Очутившись на нем, он почувствовал себя куда безопаснее, нежели на судне.

— Милостивая бодисатва, все в порядке! — радостно воскликнул Сунь У-кун.

— Почему же ты медлишь? Чего ждешь? — спросила бодисатва.

— Как же я переправлюсь, если здесь нет ни весел, ни шеста, ни мачт, ни парусов,— возразил Сунь У-кун.

— Ничего этого и не нужно,— отвечала бодисатва.— Надо только дунуть на него.

Она дунула, и Сунь У-кун тотчас же пересек бурное Южное море.

«Как велика божественная сила бодисатвы,— изумился Сунь У-кун, выйдя на берег.— Она, не затрачивая никаких усилий, может вызвать меня откуда угодно и отправить куда угодно».

Между тем бодисатва приказала служителям-духам тщательно охранять свою священную обитель, а дракону-девице велела закрыть ворота пещеры. Затем на благовонном облаке она покинула гору Путошань и, очутившись на другом берегу моря, спросила:

— Где Хуэй-ань?

Здесь надо вам напомнить, что Хуэй-ань был вторым сыном небесного князя с пагодой в руках*. Среди народа он был известен также под именем Мокши и являлся ближайшим учеником бодисатвы. Называли его еще Хуэй-ань — хранитель закона Будды. И вот, услышав зов бодисатвы, Хуэй-ань тотчас же появился и, почтительно сложив руки, выразил свою готовность служить ей.

— Сейчас же отправляйся на небо к своему отцу,— сказала бодисатва,— и попроси его одолжить нам свои божественные мечи.

— Сколько же мечей понадобится? — спросил Хуэй-ань.

— Сколько есть — все забирай,— отвечала бодисатва.

Хуэй-ань тут же оседлал облако и вскоре очутился у Южных небесных ворот. Там он проследовал во дворец Облаков и, представ перед отцом, земно поклонился ему.

— Ты откуда явился, сын мой? — спросил небесный князь.

— К моему учителю,— сказал Мокша,— пришел Сунь

У-кун. Он просил оказать ему помощь и уничтожить волшебника. Вот бодисатва и прислала меня к тебе с просьбой одолжить небесные мечи.

Небесный князь тотчас же позвал принца Ночжа и велел ему принести мечи. Ночжа принес тридцать шесть мечей и передал их Мокше.

— Спасибо, брат,— поблагодарил Мокша,— а сейчас ступай к себе и передай от меня привет матери. Я очень спешу. Когда выполню поручение, вернусь, чтобы поклониться ей.

И, быстро простившись, он на благовоном луче опустился прямо к Южному морю и передал бодисатве мечи. Бодисатва бросила их и произнесла заклинание. В тот же миг мечи превратились в тысячелестный трон. Бодисатва взошла на него и села в центре.

— А бодисатва, оказывается, не очень-то щедрая,— сказал, ухмыляясь про себя, Сунь У-кун.— На лotosовом озере есть драгоценное лotosовое сиденье. Так ей, видите ли, не захотелось сидеть там, и она решила, что проще занять то, что ей нужно, у других.

— Молчи и следуй за мной,— услышал Сунь У-кун голос бодисатвы.

После этого все разместились на облаках и полетели, оставив море позади. Впереди летел белый попугай, а за ним — Великий Мудрец и Хуэй-ань. Вскоре они увидели перед собой гору.

— Это гора, где находится пещера волшебника,— сказал Сунь У-кун.— Отсюда до пещеры Огненных облаков примерно четыреста ли.

Услышав это, бодисатва приказала остановиться и произнесла какое-то заклинание, начинавшееся словами: «Я верю в Будду». В тот же миг, откуда ни возмись, появились духи. Это были местные духи гор и земли. Они низко склонились перед троном, на котором восседала бодисатва.

— Успокойтесь,— сказала им бодисатва.— Я прибыла сюда для того, чтобы усмирить волшебника, поселившегося в здешних местах. А вы окажите мне помощь. Надо сделать так, чтобы на триста ли вокруг на земле не осталось ни одного живого существа. Переселите всех зверей и насекомых на вершины гор. Там они будут в безопасности.

Духи тотчас же отправились выполнять приказ бодисатвы. Вскоре они вернулись и доложили, что все сделано.

— А теперь возвращайтесь к себе,— сказала бодисатва.

С этими словами она опрокинула вазу, и с грохотом, подобным грому, оттуда хлынула вода.

Вода захлестывала горную вершину,
Напором сильным скалы разрушала;
Вода захлестывала, словно море,
Как океан безбрежный, разрушала.

Вставали волны, заслоняя солнце,
Туман, чернея, подымался к туче,
Казалось, шло холодное сиянье
От этих волн высоких и могучих
И небо дымкой покрывала сырость,
Лес лилий золотых на море вырос.
Святую мощь явила бодисатва,
Чудовища желая укрощенья:
Из рукава достала заклинанье,
Дающее всем тварям устроенье,—
Как бы в утес Лощя в тот край небесный
Она окрестность властно превратила:
Все стало здесь, как там, на Южном море —
И пальма листья свежие раскрыла,
И выросли смоковницы и травы,
На соснах горлицы запели песни,
Сидели попугаи на бамбуке,
Катились волны мерно, величаво,
И все покрыл своим цветеньем лотос,
Но где-то ветер завывал уныло,
И виделась от края и до края
Одна вода, что целый мир покрыла.

«Вот это поистине милосердная и сострадательная бодисатва,— подумал Сунь У-кун.— Если бы я обладал подобной силой, то просто перевернул бы на гору вазу, не заботясь о жизни зверей и птиц».

— Сунь У-кун,— раздался в этот момент голос бодисатвы,— протяни руку!

Сунь У-кун поспешно засучил рукав и вытянул левую руку. Тогда бодисатва взяла ивовую ветвь, обмакнула ее в чудодейственную вазу и написала ею на ладони Сунь У-куна иероглиф «ми», что значит — «заблуждаться», «терять разум».

— А теперь сожми руку в кулак,— приказала она.— Отправляйся к волшебнику, вызови его на бой и сделай вид, что потерпел поражение. Твое дело — выманить волшебника сюда, ко мне, а я знаю, как усмирить его.

Сунь У-кун повернул свое облако и сразу же очутился у пещеры волшебника. Одна его рука была зажата в кулак, в другой он держал посох.

— Эй, дух,— громко крикнул Сунь У-кун,— открывай!
Духи-стражи бросились к своему господину.

— Опять сюда явился Сунь У-кун! — доложили они.

— Закройте покрепче ворота и не обращайтесь на него внимания! — отвечал волшебник.

— Что же ты, сынок,— продолжал кричать Сунь У-кун,— выжил отца за дверь и теперь не хочешь даже впустить его.

— Сунь У-кун опять начинает ругаться,— снова доложили стражи.

— Не обращайтесь на него внимания,— повторил волшебник.
Убедившись в том, что все его попытки вызвать волшебника

тщетны, Сунь У-кун разозлился и, взмахнув своим посохом, изо всех сил стукнул по воротам. Стражи снова опрометью бросились к своему повелителю.

— Сунь У-кун разбил ворота,— доложили они.

Тут волшебник не выдержал и помчался к выходу.

— Подлая ты обезьяна,— закричал он, ринувшись на Сунь У-куна с пикой.— Я не желал тебе зла и относился к тебе снисходительно, но ты опять явился сюда и оскорбляешь меня. Да знаешь ли ты, какого наказания заслуживаешь, хотя бы за одно то, что сломал мои ворота!

— А знаешь ли ты, сын мой, какого наказания заслуживаешь за то, что выгнал отца из дома?!— в свою очередь спросил Сунь У-кун.

Тут волшебник еще больше разозлился и, взмахнув своим копьем, нацелился прямо в Сунь У-куна. Однако Сунь У-кун успел отразить удар и перешел, в свою очередь, в наступление. Они схватывались раз пять, наконец Сунь У-кун, продолжая сжимать кулак и волоча за собой посох, сделал вид, что ему не устоять против волшебника, и покинул поле боя.

— Я Танского монаха собираюсь сварить,— крикнул волшебник с горы,— мы уже помыли и почистили его.

— Сынок мой,— произнес в ответ Сунь У-кун,— а ведь за тобой наблюдают все небожители. Попробуй подойди!

Услышав это, волшебник совсем рассвирепел и, с воинственным кличем бросившись вперед, подскочил к Сунь У-куну и замахнулся на него пикой. Сунь У-кун стал вращать своим посохом, защищаясь от удара. Однако после нескольких схваток он снова отступил.

— Послушай!— крикнул волшебник.— В прошлые разы ты лучше дрался и выдерживал до тридцати схваток. Что же с тобой произошло?

— Боюсь, сынок, что ты опять огонь на меня напустишь,— со смехом сказал Сунь У-кун.

— Не бойся! Огня я больше напускать не буду,— отвечал волшебник.

— В таком случае,— сказал Сунь У-кун,— отойди подальше от своей пещеры. Настоящие герои не сражаются у ворот собственного дома.

Ничего не подозревая, волшебник поднял пику и бросился за противником. В это время Сунь У-кун разжал руку, и волшебник, словно обезумев, помчался за ним. Сунь У-кун летел, как метеор, волшебник неся, как стрела.

Вдруг он увидел бодисатву.

— Ты страшен, я боюсь тебя,— сказал тогда Сунь У-кун волшебнику.— Пощади! Ведь мы уже добежали до Южного моря, где живет бодисатва Гуаньинь. Возвращайся обратно!

Но волшебник, стиснув зубы, продолжал преследовать своего противника. Однако Сунь У-кун скрылся в священном сиянии,

которое излучала бодисатва. Потеряв его из виду, волшебник сделал еще несколько шагов вперед и, глядя на бодисатву широко раскрытыми глазами, спросил:

— Ты, что же, явилась Сунь У-куну на помощь?

Бодисатва ничего не ответила. Тогда волшебник, сжимая в руках пику, повысив голос, повторил свой вопрос.

Бодисатва продолжала молчать. Тут волшебник взмахнул пикой и нацелился ей прямо в сердце. Но в этот же момент бодисатва превратилась в золотой луч и вознеслась на девятое небо.

— Что же это, вы насмехаетесь надо мной, что ли? — следуя за ней по пятам, сказал Сунь У-кун. — Ведь волшебник несколько раз обращался к вам, а вы прикинулись глухонемой, а теперь вот сбежали от одного взмаха его пики, да вдобавок ко всему лишились своего лотосового трона!

— Не разговаривай, — приказала бодисатва, — а смотри лучше, что он будет делать дальше.

И Сунь У-кун, стоя рядом с Мокшей, стал наблюдать за волшебником. Они видели, как волшебник зло рассмеялся и сказал:

— Эта подлая обезьяна не знала, с кем имеет дело! Ей не было известно, кто такой священный ребенок. Потеряв надежду одолеть меня, она призвала на помощь какую-то ничемную бодисатву, которая от одного взмаха моей пики исчезла бесследно, бросив даже свой драгоценный лотосовый трон. Кстати, попробую-ка я посидеть на этом троне.

С этими словами волшебник, подражая бодисатве, скрестил руки и ноги и уселся на трон.

— Вот это здорово! — воскликнул Сунь У-кун. — Это называется ни за что отдать лотосовый трон!

— Что это ты там бормочешь? — спросила бодисатва.

— Что, что, — сердито буркнул тот. — Говорю — лотосовый трон отдали другим, вот что! Видите, как прочно уселся на него своим задом волшебник. Можете теперь распрощаться со своей драгоценностью.

— Очень хорошо, что он уселся на трон, — сказала бодисатва, — это-то как раз мне и нужно.

— Смотрите, как он красиво сложен. Ему более подходит сидеть в этом кресле, чем вам.

— Не болтай, — снова приказала бодисатва, — и наблюдай лучше за проявлением божественных сил.

С этими словами бодисатва, указывая ивовой веткой вниз, молвила:

— Удались!

В тот же момент трон пропал, а вместе с ним исчезло и небесное сияние. Волшебник предстал перед ними сидящим на острие меча,

— Иди, бей это чудовище в назидание злым духам до тех пор, пока его не проткнут клинки мечей,— приказала бодисатва Мокше.

Мокша тотчас же спустился на облаке вниз и стал избивать волшебника. Он бил его так, словно утрамбовывал землю на постройке стены. Свыше тысячи ударов нанес он волшебнику, после чего меч пронзил его тело. Кровь залила все кругом, все тело волшебника было в глубоких ранах. Но он, стиснув зубы, силился превозмочь боль. Отбросив пику, он всеми силами старался вытащить вонзившиеся в него мечи.

— Милостивая бодисатва,— сказал Сунь У-кун.— Этот волшебник не боится боли. Он даже старается вытащить мечи.

Тогда бодисатва крикнула Мокше.

— Смотри не убей его,— и снова, указывая вниз ивовой веткой, произнесла заклинание и приказала мечам превратиться в крючья, напоминавшие волчьи клыки, так что освободиться от них уже не было никакой возможности. Волшебник растерялся и, крепко держась за лезвия мечей, запросил пощады.

— Милостивая бодисатва,— сказал он.— Мои глаза не сумели увидеть, какой огромной божественной силой вы обладаете. Умоляю вас, явите милосердие и сохраните мне жизнь. Клянусь никогда больше не творить зла и принять монашеский обет.

Услышав это, бодисатва вместе с Мокшей, Сунь У-куном и белым попугаем спустилась на золотом луче вниз и оказалась прямо перед волшебником.

— Ты хочешь принять постриг? — спросила она.

— Сохрани мне жизнь, и я сделаю все, что ты пожелаешь,— кивнув головой в знак согласия и роняя слезы, отвечал волшебник.

— Ты согласен стать последователем нашего учения? — снова спросила бодисатва.

— Если ты сохранишь мне жизнь,— повторил волшебник,— я стану последователем учения Будды.

— В таком случае я посвящаю тебя в монахи,— произнесла бодисатва.

С этими словами она вынула из рукава золотую бритву и, подойдя к волшебнику, выбрила ему макушку, оставив небольшую челку и скрутив ему на темени три косички, как у детей.

— Этому волшебнику явно не повезло,— посмеивался, стя в сторонке, Сунь У-кун.— Не разберешь кто он теперь, не то мужчина, не то женщина!

— Поскольку ты принял монашеский обет,— сказала бодисатва,— отныне я не могу больше презирать тебя и жалую тебе имя Шаньдай тунцзы — отрок — ученик Будды. Что ты на это скажешь?

Волшебник, желая сохранить себе жизнь, только головой кивал. Тогда бодисатва, протянув руку, воскликнула:

— Удались!

В тот же миг небесный меч отделился от волшебника и упал на землю, а тело отрока оказалось совершенно невидимым.

— Хуэй-ань,— сказала бодисатва,— отнеси мечи в небесные чертоги и отдай отцу. А я вернусь на гору Путошань и вместе с остальными небожителями буду ждать тебя там.

О том, как Мокша доставил на небо мечи, мы распространяться не будем, а вернемся к волшебнику.

Его буйный нрав вовсе не был усмирен, и как только он почувствовал, что боль прошла, зад его цел и невредим, а на голове заплетены три косички, он подбежал, схватил пику и, направив ее на бодисатву, сказал:

— Да разве есть такая сила, которая могла бы усмирить меня? Вы просто пустили в ход волшебство! Никаких постригов я признавать не желаю! Познакомьтесь лучше с моей пикой!

Он хотел ударить бодисатву по лицу, но разъяренный Сунь У-кун начал вертеть своим посохом, приготовившись бить волшебника.

— Не бей! — остановила его бодисатва.— У меня есть для него наказание!

Тут она вынула из рукава золотой обруч и сказала:

— Этот талисман — один из трех золотых обручей, которые мне подарил Будда, когда я отправилась в Китай искать человека, готового пойти за священными книгами. Один из них я отдала тебе. Второй — получил Праведник, охраняющий гору. Остался еще один, который я не решалась пока никому отдать. Ну, а так как это чудовище ведет себя довольно бесцеремонно, то этот обруч я пожалую ему.

О, чудесная бодисатва! Она взмахнула обручем напротив ветра и крикнула: «Изменись!»

В тот же миг из одного обруча появилось целых пять. Бросив их отроку, бодисатва крикнула:

— Охватывайте!

Один обруч сразу же опустился на шею волшебника, два попали на его руки, а два — на ноги.

— Отойди, Сунь У-кун,— сказала бодисатва.— Сейчас я произнесу заклинание.

— Милостивая бодисатва,— всполошился Сунь У-кун,— я ведь звал вас усмирить волшебника, почему же вы хотите наказать меня?

— К тебе это заклинание никакого отношения не имеет,— сказала бодисатва,— я буду читать заклинание не о сжатии обруча, а заклинание о золотом обруче.

Сунь У-кун успокоился, подошел поближе к бодисатве и

стал слушать, как она произносит заклинание. Но бодисатва произнесла заклинание про себя. В тот же миг волшебник начал дергать себя за уши, хвататься за щеки; он корчился, катаясь по земле.

Лишь одно реченье это
В недрах слышится вселенной:
Сила Будды безгранична,
И безмерна, и священна.

Если вы хотите узнать о том, как был в конце концов обращен на путь Истины отрок-волшебник, прочитайте следующую главу.





ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ,

повествующая о том, как дракон Черной реки захватил монаха и как сын царя Западного моря усмирил дракона

Произнеся несколько раз заклинание, бодисатва остановилась, и дух перестал испытывать боль. Он встал, выпрямился и, оглядев себя, увидел, что на шее, на руках и на ногах у него золотые обручи, сжатие которых и причиняло ему боль. Он сделал было попытку освободиться от них, но понял, что это совершенно невозможно: их нельзя было даже сдвинуть с места. Они, казалось, вросли в кожу и причиняли острую боль.

— Вот как, мой мальчик! — со смехом сказал Сунь У-кун. — Бодисатва, опасаясь, как бы ты не подрос, решила надеть на тебя ожерелье, а на руки и на ноги — браслеты.

От этих издевок дух-отрок так и вскипел и, схватив пику, ткнул ею в Сунь У-куна. Но тот быстро уклонился и, спрятавшись за спину бодисатвы, сказал:

— Читайте заклинание!

Бодисатва покропила вокруг ивовой веткой и произнесла:

— Соединяйтесь!

В тот же момент руки духа оказались сложенными в таком положении, в каком изображается статуя бодисатвы Гуаньинь и которое до сих пор известно под названием: «Руки, сложенные, как у бодисатвы Гуаньинь». Лишь теперь дух понял всю силу учения Будды и повалился в ноги бодисатве.

В этот момент бодисатва произнесла магические слова, наклонила свою вазу и собрала в нее до капли то море воды, которое до этого выплеснула.

— Сунь У-кун, — сказала бодисатва, — волшебник усмирен, но злые помыслы еще не покинули его. Я его накажу. Он

пройдет до горы Лощяшань, на каждом шагу совершая поклон. Лишь тогда он будет обращен на путь Истины. Ты же отправляйся в пещеру и освободи учителя.

Повернувшись к бодисатве и отвесив ей поклон, Сунь У-кун возразил:

— Я побеспокоил вас, заставив совершить столь длинный путь, поэтому считаю своим долгом проводить вас обратно.

— Не нужно. Ты только оттянешь этим спасение своего учителя,— сказала бодисатва.

Сунь У-кун, ликуя, поклонился бодисатве и исчез. Волшебник был обращен на путь Истины и в дальнейшем совершил пятьдесят три добрых дела и покорился бодисатве.

Однако мы пока оставим его и вернемся к Ша-сэну. Оставаясь в лесу, он уже начал беспокоиться, почему Сунь У-кун так долго не возвращается. Привязав вещи к коню, он взял в одну руку меч, усмиряющий духов, а в другую — поводья и вышел из лесу. Вдруг он увидел приближающегося к нему Сунь У-куна.

— Дорогой брат! — радостно приветствовал его Ша-сэн.— Что же ты так долго не возвращался? Я от страха чуть не умер!

— Да что ты, спишь, что ли? — сказал Сунь У-кун.— Ведь за это время я успел повидаться с бодисатвой. Она уже усмирила волшебника.

И Сунь У-кун подробно рассказал о великой божественной силе бодисатвы.

— Тогда пойдем освободим учителя! — радостно произнес Ша-сэн.

Они перемахнули через горный поток, примчались к пещере и привязали коня. Затем, держа наготове оружие, ринулись в пещеру, уничтожили всех до единого духов, сняли кожаный мешок и освободили Чжу Ба-цзе.

— Дорогой брат, а где же волшебник? — спросил Чжу Ба-цзе, благодаря Сунь У-куна.— Мне бы очень хотелось угостить его своими граблями, чтобы хоть как-нибудь отвести душу.

— Давайте разыщем сначала учителя,— отвечал на это Сунь У-кун.

И они втроем отправились в глубь пещеры. Наконец им удалось найти Трипитаку. Он был раздет догола и крепко связан веревками. Учитель горько плакал. Ша-сэн быстро развязал веревки, а Сунь У-кун принес платье и помог учителю одеться. После этого они все втроем опустились перед ним на колени.

— Сколько страданий пришлось вам перенести, учитель,— с горечью сказали они.

— Достойные мои ученики,— с благодарностью молвил Трипитака.— Лишь благодаря вам мне удалось спастись от смерти. Как же вы сумели покорить волшебника?

Тут Сунь У-кун подробно рассказал о том, как обратился

за помощью к бодисатве и как бодисатва усмирила отрока-волшебника.

Выслушав его, Трипитака опустился на колени, повернулся лицом к югу и совершил несколько поклонов.

— За что же ее благодарить? — спросил Сунь У-кун. — Это мы, можно сказать, сделали доброе дело, дав ей возможность приобрести себе прислужника.

Здесь следует пояснить, что Шаньцай — священный ребенок, признав над собой власть Гуаньинь, совершил пятьдесят три добрых дела и при совершении двадцать седьмого дела даже видел Будду, что и имел в виду Сунь У-кун, говоря о судьбе этого духа.

После этого Сунь У-кун велел Ша-сэну собрать все ценности, которые были в пещере. Затем они разыскали рис и устроили трапезу в честь своего учителя. Говоря по совести, Трипитака был спасен благодаря Сунь У-куну, следовательно и успех дела в получении священных книг целиком зависел от него.

Покинув пещеру, Трипитака сел на коня, и все они, выйдя на дорогу, продолжали свой путь.

Прошло больше месяца. И вот однажды они вдруг услышали страшный шум. Казалось, низвергаются огромные потоки воды.

— Ученики мои! — встревожился Трипитака. — Вы слышите шум? Откуда он?

— Какой же вы мнительный, почтенный учитель, — с улыбкой сказал Сунь У-кун. — Вам не следовало бы становиться монахом. Никто, кроме вас, не слышит никакого шума. Очевидно, вы снова забыли сутру высшего разума и духовного совершенства.

— Эту сутру мне устно передал наставник У-чао на горе Фоудушань. Она состоит из пятидесяти четырех фраз и двухсот семидесяти слов, — сказал Трипитака. — Раз услышав эту сутру, я до сих пор часто повторяю ее. Что же, по-твоему, я забыл?

— Вы забыли, учитель, — сказал Сунь У-кун, — что человек, отрекшийся от мира, не должен иметь глаз, ушей, носа, языка, тела и желаний. Это значит, что глаза его не должны замечать красок, а уши — шума, нос не должен воспринимать запаха, а язык — вкуса, тело должно быть безразлично и к холоду и к жаре. Смысл всего этого заключается в том, что нам не следует поддаваться суетным мыслям. Вот почему этот псалом и называется псалмом искоренения шести зол*. Сейчас, следуя за священными книгами, вы ни на минуту не забываете о своих желаниях. Поэтому вы боитесь злых духов и не можете откажаться от мирского. Стоит вам увидеть пищу, как у вас начинает двигаться язык. Вы любите ароматную и вкусную пищу и искушаете свой нос. Любой шум тревожит ваш слух. Вы обращаете свой взор на все окружающие вас предметы. Как же,

подаваясь всем этим шести искушениям, вы можете идти на Запад, чтобы поклониться Будде?

Над этими словами Трипитака глубоко задумался.

— Ученик мой,— промолвил он:

С тех пор как с государем я расстался,
Иду поспешно, шагом неустанным,
В соломенных сандалиях иду я
По скалам острым и тропам туманным.

И облака над горными хребтами
Бамбуковая шляпа пробивает.
Крик обезьяний слышу тихой ночью:
Невольно грусть он в сердце навевает.

Под ясною луной невыносимо
Мне птичек полусонных стрекотанье...
Когда ж я письма достану Будды,
Когда же я пройду сквозь испытанья?

Выслушав это, Сунь У-кун не удержался и захлопал в ладоши.

— Однако,— воскликнул он смеясь,— нашего учителя гложет тоска по родине. Если вы хотите вернуться домой, то нет никаких причин горевать. Недаром говорит пословица: «Когда придет время совершить подвиг, он будет совершен».

— Дорогой брат,— сказал тут Чжу Ба-цзе.— Если мы на своем пути будем каждый раз подвергаться таким бедствиям, то и через тысячу лет не достигнем цели!

— Ну, вот что! — отвечал ему Ша-сэн.— Не нашего это ума дело. Не будем лучше сердить старшего брата. Ты знай неси свою ношу. В конце концов наступит день, когда мы будем у цели.

Так, беседуя, Трипитака и его ученики, не останавливаясь, продолжали свой путь, пока перед ними не открылась огромная река с черными бурлящими водами. Конь не мог перейти эту реку. Путники остановились на берегу и стали внимательно осматриваться. Что же они увидели:

Набегали одна на другую огромные волны,
Друг на друга валы громоздились, угрюмо, упорно...
Громоздились одна на другую могучие волны,
И, мутнее, они будоражили черную реку.
Друг за другом катились валы, и вода была масляно-черной,
И поблизости не было даже следа человека,
Ни кустов, ни деревьев здесь не было видно веками,

Мрак на тысячу ли — в темноте лишь вода грохотала.
Только с шумом катились валы и чернела округа.
Пена черной плыла, словно топливо бросили в воду,
Брызги черными были, как будто ворочался уголь.
И ни овцы не пили из этой реки, ни коровы,
Ни вороны, страшась ширины, не летали над ней, ни сороки.
Только ряска росла да качался камыш у побережья,

Время года собой отмечали лишь эти растенья,
Да на отмели яркий ковер расстился цветочный,
И цветы вызывали своей красотой удивленье.
И болот, и ручьев, и потоков на свете есть много,
И моря, и озера, и реки везде в Поднебесной.
И всегда человек с человеком встречается в жизни,
Но на Западе эта река никому не известна.

— Ученики мои,— молвил Трипитака, сойдя с коня,— отчего вода в этой реке такая черная?

— Я думаю, кто-то вылил сюда огромный чан краски,— высказал свое предположение Чжу Ба-цзе.

— А может быть, здесь мыли кисти и тушечницы,— вставил свое слово Ша-сэн.

— Все это глупости,— сказал им Сунь У-кун.— Давайте лучше подумаем, как переправить через реку нашего учителя.

— Я, например, могу легко переправиться через реку,— сказал Чжу Ба-цзе,— на облаках или просто по воде. Если я буду лететь над лесом, мне потребуется время, необходимое для того, чтобы пообедать.

— Я тоже могу в один миг переправиться на облаках,— сказал Ша-сэн.

— Для нас это не представляет никакого труда,— сказал Сунь У-кун,— но вот учителю нашему такое дело не под силу.

— Какова же ширина этой реки? — спросил Трипитака.

— Я думаю, не меньше десяти ли,— отвечал Чжу Ба-цзе.

— Кто же из вас может переправить меня на тот берег? — спросил Трипитака.

— Чжу Ба-цзе может это сделать,— отвечал Сунь У-кун.

— Ничего из этого не выйдет,— сказал Чжу Ба-цзе.— Если я понесу на себе учителя, мне не подняться и на три чи от земли. Ведь недаром говорится: «Нести на себе простого смертного, все равно что тащить гору». Если же я поплыву с ним, мы наверняка пойдем ко дну.

Неожиданно они увидели небольшой челнок, а в нем человека.

— Лодка! — радостно воскликнул Трипитака.— Зовите лодочника, пусть перевезет нас.

— Эй, перевозчик! — во весь голос заорал Ша-сэн.— Перевези нас!

— Да я вовсе не перевозчик! — отвечал человек.

— Ну и что же? Разве ты не знаешь, что самое главное в жизни — это делать добро людям. Пусть даже ты не перевозчик, но ведь и мы не каждый раз обращаемся к тебе с подобной просьбой. Мы — ученики Будды, посланцы китайского императора и идем за священными книгами. Сделай милость, перевези нас, а за это мы отблагодарим тебя.

После этого лодочник подплыл к берегу и, вытащив из воды весло, сказал:

— Учитель! Моя лодка очень мала, как же я перевезу вас всех?

Подойдя ближе, Трипитака увидел, что челнок выдолблен из одного бревна и в нем имеется небольшое углубление, в котором от силы могут уместиться всего два человека.

— Что же делать? — спросил, растерявшись, Трипитака.

— Придется перевозить два раза, — сказал Ша-сэн.

— Вот что, Ша-сэн, — предложил тут Чжу Ба-цзе, пускаясь на хитрость и думая, как бы ему избавиться от хлопот. — Вы с Сунь У-куном оставайтесь здесь, а я поеду с учителем, а потом вернусь за конем и вещами. Старший брат может сам переправиться через реку.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Сунь У-кун.

Дурень помог Трипитаке сесть в лодку, лодочник отчалил и поплыл к противоположному берегу. Посреди реки вода особенно шумела и бурлила. Волны вздымались так высоко, что, казалось, закрывали собою солнце. Ветер неистовствовал.

Казалось, гремели раскаты,
Вся в брызгах, бурлила река,
И тысячеслойные волны
Бросала она в облака.

И вихрями подняты в воздух,
Кружились песок и земля.
Бессильно валились деревья,
О милости небо моля.

Все это пугало драконов:
Взвивался песок с берегов,
Неслось завывание ветра,
Как тигра голодного рев.

Казалось, грозой весенней
Был берег реки оглушен:
Лягушки, и крабы, и рыбы
Земной положили поклон.

И птицы покинули гнезда,
И звери бежали из нор,
И лодочки погибли
На бурных просторах озер.

Живущие между морями
Не знали, проснутся ль опять.
Боялся рыбак, зазевавшись,
Удилища не удержать.

Возможно ли в маленькой лодке
Грести, если ветер и тьма?
Срывается с крыш черепица,
И падают, рушась, дома.

Летят кирпичи и обломки,
И вот ужаснулась страна:
Вершина Тайшань покачнулась,
Сползает ее крутизна.

Теперь надо вам сказать, что бурю вызвал не кто иной, как лодочник, который был чудовищем и обитал в этой реке. Вместе с Трипитакой и Чжу Ба-цзе он погрузился в воду и исчез бесследно.

Между тем оставшиеся на берегу Ша-сэн и Сунь У-кун находились в полном смятении.

— Что же теперь делать? — говорили они. — На каждом шагу нашего учителя поджидают бедствия и несчастья. Ведь он только что едва спасся от смерти и вот перед ним снова препятствие — Черная река.

— Видимо, лодка перевернулась, — сказал Ша-сэн. — Надо спуститься вниз по течению и поискать.

— Лодка вовсе не перевернулась, — возразил Сунь У-кун. — А если бы даже и перевернулась, Чжу Ба-цзе все равно спас бы учителя, ведь он умеет плавать. Я сразу подумал, что этот лодочник — нехороший человек. А теперь я уверен, что это он вызвал ветер, чтобы утащить нашего учителя.

— Что же ты молчал, дорогой брат? — удивился Ша-сэн. — Оставайся здесь с вещами и конем, а я спущусь в реку и поищу его.

— Не нравится мне что-то необычайно темный цвет воды в этой реке, — сказал Сунь У-кун. — Боюсь, ты не сможешь плавать в ней.

— Да что такое эта река в сравнении с рекой Сыпучих песков, где я жил, — сказал Ша-сэн.

И с этими словами наш чудесный монах стал раздеваться. Затем он потянулся, расправил руки и, схватив свой драгоценный посох, бросился в воду. Рассекая волны, он стремительно мчался вперед. Вдруг он услышал поблизости чей-то голос. Ша-сэн метнулся в сторону и стал осторожно осматриваться. Неожиданно он увидел красивое строение и над входом надпись из восьми иероглифов: «Дворец духа Черной реки в долине Хэн-ян». До Ша-сэна донесся голос:

— Впервые в жизни мне так повезло, — говорил, восседая на почетном месте, волшебник. — Наконец-то мне попала настоящая добыча. Этот монах совершенствовал себя в течение десяти поколений. И тот, кто отведает его мяса, станет бессмертным. Я много лет жду его здесь, и наконец сегодня мое желание сбылось. Детки! — крикнул он. — Тащите сюда железный котел, да живо! Мы сварим этих монахов и пригласим моего дядю, чтобы вкусить дар вечной жизни.

Услышав это, Ша-сэн не мог сдержать вспыхнувшей в нем ярости и, взмахнув своим посохом, стал бешено колотить в ворота.

— Эй вы, гнусные твари! — кричал он. — Сейчас же осво-

бодите моего учителя — Танского монаха и брата Чжу Ба-
цзе.

Перепуганные насмерть стражи стремглав бросились к
своему хозяину с криком:

— Беда!

На вопрос волшебника о том, что случилось, они сооб-
щили:

— У ворот стоит какой-то монах с видом злодея. Он
изо всех сил стучит и отчаянно ругается, требуя выдать
ему кого-то.

Услышав это, волшебник приказал подать ему доспехи,
что слуги тотчас и выполнили. Надев доспехи и приведя
себя в порядок, волшебник взял в руки стальной хлыст из
отдельных звеньев и вышел. Существо, которое Ша-сэн уви-
дел перед собой, было поистине ужасно:

Квадратное лицо, свернулись в трубку губы,
Огромный рот алел, как полный крови таз,
И редкие усы, как проволока, гнулись.
Струился красный свет из фазъяренных глаз.

Планеты он Тай-суй* казался духом грозным
И Бога грома он напоминал лицом.
Играла красками железная кольчуга
И золотом сверкал шлем золотой на нем.

Он хлыст держал стальной, составленный из звеньев,
И неся он, как вихрь, грозя своим хлыстом.
С рождения в реке он обитал когда-то;
Оставив лоно вод, злым духом стал потом.

Хотите ли вы то узнать именованье,
Каким волшебник злой отныне наделен?
Драконом он блистал в последнем воплощенье
И ящером морским наименован он.

— Кто смеет стучать в мои ворота?! — грозно крикнул
волшебник.

— Ах ты тупая тварь! — заорал в свою очередь Ша-
сэн. — Что это за штуки ты выкидываешь? Прикинулся ло-
дочником да еще похитил нашего учителя. Сейчас же осво-
боди его, тогда я сохраню тебе жизнь.

— Ты что, рехнулся? Смерти своей ищешь, что ли? —
расхохотался волшебник. — Я действительно уташил тво-
его учителя и уже пригласил гостей отведать его мяса. Ну
что же, иди, померяемся силами. Одолеешь меня в трех
схватках, верну твоего учителя. Не одолеешь — и тебя за-
одно сварю. Тогда уж позабудь о том, что тебе надо идти
на Запад.

Эти слова привели Ша-сэна в бешенство. Взмахнув
своим посохом, он нацелился духу прямо в голову и нанес
ему страшный удар. Тут дух взмахнул своим хлыстом, отра-
зив удар, и между ними разгорелся бой. Они сражались

в воде, на самом дне реки, и вы только послушайте, что там происходило:

Покоряющий духов посох
Состязался с хлыстом из звеньев.
И враги взбешены были оба
И стремительно шли в наступленье...

Духом Черной реки был первый,
Здесь проживший многие годы,
А второй был также бессмертным,
Обитавшим в дворцах небосвода.

Первый мяса хотел отведать
Путешествующего монаха,
А второй, чтоб спасти святого,
С людоедом бился без страха.

И, на дно реки опустившись,
Отступать они не хотели.
Головами качали рыбы
И ракушки прятались в щели.

В панцирь скрылась тогда черепаха
И втянули головы крабы,
Ужаснуть столпившихся духов
Эта грозная битва могла бы.

Лишь слышать — во дворце подводном
Духи дружно бьют в барабаны,
А бойцы будоражат воды
И валы поднимают рьяно.

Но Ша-сэн, наш монах чудесный,
Не рассчитывал на подкрепленье.
Битва длилась, — было неясно,
Кто потерпит в ней поражение.

Хлыст и посох переплетались,
На удар отвечая ударом.
Из-за Танского шла монаха
Эта страшная битва не даром.

Путь на Запад ему открывала —
В храм Раскатов великого грома;
Шел монах за священным писаньем,
Поклониться Будде святому.

Уже раз тридцать схватывались противники, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес.

«А волшебник действительно силен, — думал про себя Ша-сэн. — Так просто его не возьмешь. Надо выманить его из воды, а там уже Сунь У-кун его прикончит».

Подумав так, Ша-сэн сделал вид, что промахнулся, и, волоча за собой посох, бросился бежать. Но волшебник и не подумал догонять его.

— Беги, беги! — крикнул он. — Мне некогда с тобой драться. Я должен еще приготовить приглашения для гостей.

А Ша-сэн, с шумом отфыркиваясь, выскочил из воды и, увидев Сунь У-куна, сказал:

— Дорогой брат, этот волшебник настоящий невежа.

— Долго тебя не было, — отвечал ему Сунь У-кун. — Ну как, удалось тебе узнать, что это за дух? Видел ты учителя?

— В этой реке находится дворец, — отвечал Ша-сэн, — на воротах которого висит надпись: «Дворец духа Черной реки в долине Хэн-ян». Мне удалось тайком подслушать разговор. Дух приказал своим слугам хорошенько вымыть железный паровой котел и собирается сварить в нем учителя и Чжу Ба-цзе. Он решил даже пригласить к себе дядю и вместе с ним отведать мяса Танского монаха, чтобы обрести бессмертие. Услышав это, я не выдержал и стал колотить в ворота. Тогда это чудовище, схватив стальной хлыст из отдельных звеньев, выскочило из своего логова и вступило со мной в бой. Раз тридцать схватывались мы с ним, но так никто и не одержал победы. Тогда я пустился на хитрость и, притворившись побежденным, решил выманить его из воды, чтобы ты мог сразиться с ним. Однако волшебник оказался очень хитрым. Он даже не подумал преследовать меня, а вернулся к себе писать приглашения гостям — вот и все.

— Значит, ты так и не узнал, что это за дух? — спросил Сунь У-кун.

— С виду он напоминает огромную черепаху, — отвечал Ша-сэн. — А может быть, это морской крокодил.

— Не узнал ты, кто такой его дядя? — снова спросил Сунь У-кун.

Не успел он это произнести, как из-за излучины реки появился какой-то старик. Еще издали он стал низко кланяться, приговаривая:

— Великий Мудрец! Дух Черной реки низко кланяется вам.

— Ты, наверное, и есть тот самый дух-волшебник, который явился к нам в образе лодочника, — сказал ему Сунь У-кун. — Что ж, ты опять пришел обманывать нас?

— Великий Мудрец, — отвечал старик, земно кланяясь и проливая слезы, — я вовсе не волшебник. Я настоящий дух этой реки. А нового хозяина этой реки принесло сюда из Западного моря в пятом месяце прошлого года. Он вступил со мною в бой и, пользуясь тем, что я уже стар и дряхл, захватил мой дворец духа Черной реки в долине Хэн-ян и к тому же погубил многих обитателей этой реки, моих подданных. Тогда мне пришлось обратиться с жалобой к морю. А надо вам сказать, что дядюшка этого чудовища со стороны матери является Царем драконов Западного моря. Он отверг мою жалобу и велел оставить это чудовище в покое. Я хотел было обратиться с жалобой к небу, но сделать этого не смог, так как занимаю слишком маленькое положение, чтобы осмелиться прийти к Нефритовому императору. И вот сейчас, узнав, что

вы, Великий Мудрец, прибыли сюда, я решил засвидетельствовать вам свое уважение и просить вас отомстить за нанесенную мне обиду.

— Если то, что ты говоришь, правда,— выслушав его, сказал Сунь У-кун,— то в этом повинен также и Царь драконов Западного моря. Это чудовище захватило моего учителя, а также брата, и теперь хвалится, что сварит их и пригласит дядю отведать мяса Танского монаха, чтобы продлить свою жизнь. Я только было собрался пойти изловить это чудовище, но в это время явился ты. Вот что мы сделаем. Ты оставайся здесь с Ша-сэном. А я тем временем побываю на море, приведу сюда Царя драконов и заставлю его выловить чудовище.

— Премного благодарен вам, Великий Мудрец, за вашу милость,— молвил дух реки.

И Сунь У-кун, оседлав облако, в тот же миг очутился у Западного моря. Здесь он произнес заклинание и отважно ринулся в бурлящие волны. Стремительно мчась вперед, он вдруг столкнулся лицом к лицу с духом, который, держа в руках ящичек для визитных карточек, сделанный из чистого золота, стрелой мчался к Царю драконов Западного моря. Сунь У-кун, не раздумывая, взмахнул своим посохом и нанес духу страшный удар. От этого удара мозги у духа выскочили, кости на щеках вылезли наружу и он с шумом всплыл на поверхность моря. Сунь У-кун взял шкатулку, открыл ее и увидел записку:

«Недостойный племянник ваш То-цзе*,— было написано там,— низко кланяется вам сто раз и почтительно желает всяческого счастья и благополучия. Сегодня мне очень повезло. Ко мне в руки попали Танский монах и Чжу Ба-цзе. Танский монах — существо поистине необычайное. Один я не осмелился полакомиться его мясом и, вспомнив о том, что приближается день вашего рождения, решил устроить пир и пожелать вам здравствовать долгие годы. Позвольте надеяться, что вы окажете мне честь своим посещением».

— Вот и хорошо, что посланец передал мне обвинительную грамоту,— сказал с усмешкой Сунь У-кун, пряча в рукав записку и продолжая свой путь.

Вскоре ему повстречался дозорный якша, который, завидев Сунь У-куна, моментально повернул обратно и бросился в Хрустальный дворец.

— Сюда прибыл Великий Мудрец, равный небу, Сунь У-кун! — доложил якша своему повелителю.

Царь драконов Ао-шунь, в сопровождении своей свиты, поспешил выйти навстречу гостю.

— Великий Мудрец,— сказал он, приветствуя Сунь У-куна,— прошу вас войти в мою скромную обитель, отдохнуть немного и выпить чаю.

— Я еще не пил вашего чая, а вы уже успели отведать моего вина,— отвечал на это Сунь У-кун.

— Ведь вы, Великий Мудрец, давно уже стали приверженцем буддизма и отказались от скоромной пищи,— отвечал улыбаясь Царь драконов.— И потом, когда это вы приглашали меня к себе на угощение?

— Может быть, вина вы и не пили,— сказал тогда Сунь У-кун,— но проступок, совершенный вами, ничуть не лучше пьянства.

— Какое же я совершил преступление? — изумился Царь драконов.

Тут Сунь У-кун вынул из рукава пригласительную карточку и протянул ее царю. Взяв карточку, Царь так и обомлел от страха и повалился в ноги Сунь У-куну.

— Великий Мудрец, смилуйтесь! — взмолился он, отбивая земные поклоны.— Это написал девятый сын моей младшей сестры. Ее муж послал на землю меньшее количество осадков, чем следовало, и за это по велению неба сановник Вэй-чжэн во сне казнил его. Сестра осталась без всякого пристанища, и я взял ее к себе. И вот в позапрошлом году она заболела и умерла. Сыну ее совершенно негде было жить, и я отправил его на Черную реку, чтобы он там совершенствовал себя. Кто мог подумать, что он совершит подобное злодеяние? Я сейчас же пошлю за ним, пусть приведут его сюда.

— Сколько же у вашей сестры сыновей, где они живут и какое творят зло? — спросил Сунь У-кун.

— У нее девять сыновей,— отвечал Царь драконов.— И, кроме одного, все хорошие. Старший — Желтый дракон — живет в реке Хуай. Второй — Черный дракон — в реке Цзи. Третий — дракон с Зеленой спиной — поселился на реке Ян-цы. Четвертый — Краснобородый дракон — властитель реки Хуан. Пятый — Напрасно трудящийся дракон — служит звонарем у Будды. Шестой, дракон — Усмиритель зверей — сидит на крыше священного дворца, охраняя его. Седьмой — Цзин-чжунлун — присматривает за памятниками на могилах у Нефритового императора. Восьмой, дракон — Морской змей — находится у старшего брата императора и охраняет гору Тайяо. И только девятый, дракон — Крокодил, по молодости лет не был приспособлен ни к какому делу. В прошлом году я отправил его на Черную реку, чтобы он там совершенствовал себя, а потом хотел определить его на какую-нибудь должность. Кто мог подумать, что он ослушается моего приказа и осмелится нанести вам оскорбление, Великий Мудрец!

— А сколько у вашей сестры было мужей? — выслушав его, спросил с улыбкой Сунь У-кун.

— У нее был один муж — Царь драконов реки Цзин-хэ,— отвечал Ао-шунь.— Несколько лет назад его казнили, сестра овдовела и жила здесь. А в позапрошлом году она заболела и умерла.

— Как же может быть, чтобы у одного отца и одной матери родились такие разные дети? — удивился Сунь У-кун.

— Так ведь об этом говорится даже в пословице, — отвечал Ао-шунь: «От дракона рождается девять сыновей и каждый из них имеет свою особенность».

— А я уж было так рассердился, что хотел обратиться с жалобой в небесный суд и представить эту приглашительную карточку в доказательство того, что ты водишься с волшебниками и виновен в похищении людей, — сказал Сунь У-кун. — Но сейчас я понял, что твой племянник нарушил указания, данные тобой, и потому на сей раз милую тебя. Делаю я это, во-первых, из уважения к твоим братьям, а во-вторых, потому, что твой племянник еще молод и неопытен и тебе не было известно о его поведении. А сейчас пошли за ним поскорее людей и помоги спасти моего учителя.

Ао-шунь тотчас же велел позвать своего сына-наследника Мо-ана.

— Возьми отряд в пятьсот воинов из раков и рыб, — приказал он ему, — задержи дракона — Крокодила и приведи его сюда.

Затем он распорядился, чтобы в честь Великого Мудреца был устроен пир, с тем чтобы хоть так выразить свое сожаление о случившемся.

— Не стоит беспокоиться, — сказал тут Сунь У-кун. — Ведь я сказал, что прощаю вас, — ну и дело с концом, для чего устраивать еще какую-то пирушку? Я должен сейчас же отправиться обратно с твоим сыном. Учитель и братья ждут меня.

Как ни удерживал старый дракон Сунь У-куна, он решительно отказался от угощения. В этот момент дочь дракона поднесла Сунь У-куну чашку ароматного чая. Он, стоя, выпил ее и, простившись со старым драконом, вместе с Мо-аном, который шел во главе отряда, покинул Западное море. Вскоре они были на Черной реке.

— Почтенный принц, — сказал тут Сунь У-кун. — Вы уж постарайтесь изловить это чудовище, а я выйду на берег.

— Не беспокойтесь, Великий Мудрец, — отвечал на это Мо-ан. — Я приведу этого духа к вам, и лишь после того как вы накажете его и освободите своего учителя, отведу его к своему отцу.

Сунь У-кун, выслушав его, остался очень доволен, произнес заклинание и, выскочив из воды, очутился на восточном берегу реки.

— Дорогой брат! — воскликнули Ша-сэн и дух реки, завидев Сунь У-куна. — Ведь ты отправился отсюда по воздуху, как же ты очутился в реке?

Тут Сунь У-кун подробно рассказал о том, как убил посланца-духа и к нему в руки попала приглашительная карточка,

как он напугал Царя драконов и, наконец, как вместе с Мо-аном привел сюда отряд. Мы не будем распространяться сейчас о том, как радовался Ша-сэн, слушая его рассказ, и как все они стояли на берегу в ожидании появления Трипитаки.

Вернемся к Мо-ану, который отправил своего посланца к духу, чтобы сообщить о своем прибытии. Известие о том, что прибыл наследник Царя драконов Западного моря, сильно встревожило духа Черной реки.

«Я послал дяде приглашение на пир, но до сих пор не получил ответа. Почему же вместо дяди приехал мой двоюродный брат?» — раздумывал он.

В это время появился дух, находившийся в дозоре.

— Повелитель,— доложил он,— в реке появился отряд. К западу от дворца разбит лагерь. На знамени, которое несут воины, надпись: «Войско наследника престола Западного моря командующего Мо-ана».

— Как странно ведет себя мой брат,— удивился дух.— Может быть, дядя почему-нибудь не мог приехать и отправил его на пир вместо себя. Но, если он приехал на пир, зачем ему войско? Да, тут что-то неладно.— Детки! — крикнул он.— Приготовьте мне на всякий случай боевые доспехи и оружие. Боюсь, как бы не произошло ссоры. А я выйду ему навстречу и разузнаю, что случилось.

Духи, получив приказ, стали поспешно готовиться к бою. Выйдя из дворца, дракон — Крокодил действительно увидел войско, расположившееся к западу от дворца.

Как расшитые ленты,
По ветру
Летели знамена,
И в ответах мечей
Были радуги
Стали граневой.

Боевые мечи
Засверкали огнем
Пред очами,
А трезубцы,
Блистая на солнце,
Стояли рядами.

Разноцветные кисти
На пиках качались упруго;
Словно месяца серп,
Были луки
Натянуты туго.

На натянутых луках
Наложены были
Умело
И торчали,
Как волчьи клыки,
Заостренные стрелы.

Были посохи крепки,
Как камни,
Годились для драки;
Собрались черепахи,
Киты,
И моллюски, и раки.

Все большие и малые —
В воинских строгих порядках;
Их оружие
Вздымалось
Густой коноплею на грядках,

Говорило о том,
Что дерзнуть
Появиться так сразу
Можно только
По слову вождя,
Подчиняясь приказу.

Дракон — Крокодил подошел к лагерю и громко крикнул:
— Дорогой брат! Я пришел сюда, чтобы приветствовать
тебя и пригласить в гости.

Охранявший лагерь воин-улитка немедленно отправился
в палатку командующего.

— Разрешите доложить вам, ваше высочество,— обратился
он к наследнику,— к лагерю подошел дракон — Крокодил и
говорит, что хочет пригласить вас к себе.

Услышав это, Мо-ан поправил шлем на голове, покрепче
затянул пояс, взял в руки треугольную дощечку и большими
шагами вышел из лагеря.

— Почему ты решил приглашать меня? — обратился он
к дракону — Крокодилу.

— Сегодня утром я послал дяде приглашение,— с покло-
ном отвечал дракон — Крокодил,— но не получил ответа и ре-
шил, что он не может принять моего приглашения и вместо
себя решил отправить на пир тебя. Но раз ты приехал на пир,
для чего тебе понадобилось войско? И потом, почему ты
не явился прямо во дворец, а расположился здесь лагерем?
Почему твой отряд в полном боевом снаряжении и вооружен
до зубов? Что все это значит?

— А ты скажи, для чего пригласил к себе дядю? — спросил
в свою очередь принц.

— С тех пор как я по его милости поселился здесь, я не ви-
дел его и не имел возможности выразить ему своего сыновнего
почтения,— отвечал дух — Крокодил.— Вчера мне удалось за-
хватить монаха, который пришел из Китая. Я слышал, что он
в течение десяти поколений совершенствовал себя, и тот, кто
отведает его мяса, обретет бессмертие. Вот я и хотел сварить
этого монаха и пригласил дядю на пир.

— Ты совсем не понимаешь, что делаешь,— сказал принц.—
Знаешь, кого ты поймал?

— Монаха, который пришел из Танской империи и сейчас направляется на Запад за священными книгами,— отвечал дракон — Крокодил.

— И это все? — сказал принц.— А то, что у него есть один свирепый ученик, тебе известно?

— Я знаю одного его ученика — монаха с длинной мордой,— отвечал на это дух.— Зовут его Чжу Ба-цзе. Но я и его захватил и хочу сварить вместе с Танским монахом. Кроме того, у него есть еще один ученик по имени Ша-сэн. Он весь черный, и лицо у него, как у злодея. Он отлично владеет посохом. Вчера он подходил к воротам моего дворца и требовал, чтобы я освободил учителя. Однако, когда я выступил против него со своим войском во главе, он вынужден был признать себя побежденным и бежал с поля боя. Так что и он никакой опасности для нас не представляет.

— Оказывается, всего ты и не знаешь,— сказал принц.— У него есть еще один ученик — Великий Мудрец, равный небу, который пятьсот лет тому назад учинил дебош в небесных чертогах. Он сопровождает Танского монаха, который идет на Запад поклониться Будде и получить у него священные книги. Сама бодисатва Гуаньинь с горы Путошань наставила его на путь Истины и пожаловала ему другое имя — послушник Сунь У-кун. Неужели ты не понимаешь, какая беда тебя ждет? Он в нашем море повстречал твоего посланца и отнял у него посланное тобой приглашение. После этого он явился прямо в Хрустальный дворец и обвинил меня с отцом в том, что мы водимся со злыми духами и помогаем им похищать людей. А теперь послушай меня. Сейчас же доставь Танского монаха и Чжу Ба-цзе на берег и передай их Великому Мудрецу Сунь У-куну. Ты остался жив только потому, что мы принесли свои извинения. Если сделаешь все, как я тебе приказываю, можешь надеяться, что жизнь тебе будет сохранена. Не вздумай только нарушить моего приказа,— плохо тогда тебе придется.

Эти слова привели духа — Крокодила в бешенство.

— Ведь мы с тобой двоюродные братья! — крикнул он.— А ты защищаешь чужих. Ты хочешь, чтобы я освободил Танского монаха. Да виданное ли это дело?! Уж не думаешь ли ты, что и я боюсь Сунь У-куна? Пусть явится к моему дворцу. Я посмотрю, на что он способен. Одолеет меня в бою,— освобожу его учителя. Не одолеет, сварю их всех вместе. Тогда уж не нужны мне никакие родственники. Запру ворота, заставлю своих подчиненных петь и плясать и буду веселиться в свое удовольствие. А потом съем монаха и его учеников!

— Ну и негодяй же ты! — воскликнул в сердцах наследник престола.— Ты действительно обнаглел! Но я думаю, что мы пока отложим твою встречу с Великим Мудрецом. Давай лучше сразимся с тобой!

— Настоящий герой ничего не боится! — заносчиво ответил дракон. — Эй, принесите мои доспехи, живо!

Духи стремглав бросились выполнять приказ и тут же принесли доспехи и стальной хлыст. Противники тотчас же приняли грозный, воинственный вид. Послышались боевые приказы, загремели барабаны. Этот бой нельзя было даже сравнить с предыдущим, когда дракон сражался с Ша-сэном,

Боевые знамена и флаги
Ослепляли сверканьем своим,
Алебарды и копья блистали,
Отливая огнем золотым.

На одной стороне — защищаясь,
Зашумел и задвигался стан,
На другой — распахнулись ворота,
В битву ринулся князь Мо-ан.

И дощечкой из трав сань-лэна
Прикрывался он, как щитом,
А дракон-аллигатор удары
Отражал волшебным хлыстом.

У речных воителей ярость
Триск ракет порождал в сердцах;
Три удара в гонг вызывали
Иступленье в морских бойцах.

И креветки с креветками бились:
Был у крабов свирепый вид;
В грозной битве красного карпа
Проглотил исполинский кит.

Золотистых летучих рыбок
Старый лещ призвал на войну,
Стали устрицы жрать моллюсков:
Те катались в страхе по дну.

У акулы Ша-ян колючки,
Как железо, были тверды,
И торчали, как острые пики,
Иглы злого Ан-сы из воды.

И осетр гнал белого угря,
И от рыбы бежал помфрет,
Бились на смерть полки речные,
Но, казалось, — победы нет.

Только волны бурно вздымались,
Только князь-наследник Мо-ан
Превышал боевой отвагой
Даже смелых духов Цзинь-ган.

Крикнул он, и тогда дощечка
Из травы чудесной сань-лэн
Даровала ему победу —
Аллигатора взял он в плен.

Неожиданно принц сделал вид, что промахнулся. Ничего не подозревая, дракон — Крокодил ринулся вперед. В тот же

миг принц размахнулся и ударил дракона в правое плечо. От этого удара дракон упал на колени. Тогда принц ударил его еще по ногам, и дракон свалился на землю. Тотчас же его окружили воины принца и, крепко прижав к земле, скрутили ему руки за спину. Затем в позвоночник ему воткнули проволоку, чтобы он не мог двигаться, вывели на берег и подвели к Сунь У-куну.

— Великий Мудрец,— сказал принц,— я поймал дракона — Крокодила и передаю его вам. Делайте с ним, что хотите.

— Что ж ты, негодяй, нарушаешь приказы царя? — в один голос закричали Сунь У-кун и Ша-сэн.— Ведь твой дядя отправил тебя сюда для того, чтобы ты совершенствовался. Он думал, что когда-нибудь ты прославишь свое имя и тебя переведут куда-нибудь на должность. Как же ты посмел захватить жилище речного духа, а теперь, пользуясь своей силой и прибегая к различным хитростям, захватил учителя и нашего брата? Очень уж мне хотелось побить тебя этим посохом, но боюсь — он чересчур тяжел. И если только я прикоснусь им к тебе, ты распрощаешься с жизнью. Ну, говори, куда девал учителя?

— Великий Мудрец,— взмолился дракон, не переставая отбивать земные поклоны.— Я по своему невежеству не слышал о вашем славном имени. И вот сейчас, нарушив все законы, пошел против своего двоюродного брата, который одолел меня в бою. Теперь я надеюсь лишь на вашу милость. Если вы сохраните мне жизнь, я буду бесконечно признателен вам. Ваш учитель сейчас связан и находится в подводном дворце. Если вы, Великий Мудрец, прикажете вытащить из меня проволоку и развязать мне руки, я тотчас же приведу его сюда.

— Великий Мудрец,— сказал тут Мо-ан.— Этому дракону нельзя верить. Если вы освободите его, он может натворить немало зла.

— Я знаю, где находится подводный дворец,— сказал Ша-сэн,— и сам могу сходить за учителем.

После этого он вместе с духом реки ринулся в воду и направился в подводный дворец. Ворота были широко раскрыты, нигде не было видно стражи. Они прошли в главный зал и там увидели Танского монаха и Чжу Ба-цзе. Оба они, совершенно голые, были крепко связаны. Ша-сэн тотчас же поспешил освободить от веревок учителя, а дух реки — Чжу Ба-цзе. Затем они взвалили их на спину и отправились на берег. Увидев связанного дракона, Чжу Ба-цзе схватил свои грабли и бросился на него.

— Ах ты скотина! — заорал он.— Теперь уж ты не думаешь, что тебе удастся сожрать меня!

— Погоди, брат,— сказал Сунь У-кун, удерживая Чжу Ба-цзе.— Из уважения к мудрому царю Ло-шуню и его сыну мы пока помилуем этого дракона.

— Великий Мудрец,— кланяясь, выступил вперед Мо-ан.— Я не могу здесь задерживаться. Сейчас вашему учителю больше не угрожает опасность, и я должен привести этого негодяя к моему отцу. Вы сохранили ему жизнь, но я думаю, что отец должным образом накажет его, чтобы искупить свою вину перед вами, о чем вам будет доложено.

— Ну, в таком случае забирайте его,— сказал Сунь У-кун.— Передайте вашему отцу мой глубокий поклон, когда-нибудь я еще приду к нему, чтобы выразить свою благодарность.

Мы не будем останавливаться на том, как наследник престола, захватив с собой связанного духа, скрылся в водах реки и во главе своего войска отправился прямо к Западному морю.

Здесь следует еще сказать, что настоящий дух Черной реки не забыл поблагодарить Сунь У-куна.

— Благодаря вашей великой милости,— сказал он Сунь У-куну,— я снова могу поселиться в своем дворце.

— Ученики мои,— раздался в этот момент голос Танского монаха,— а мы так и остаемся на восточном берегу. Как же нам переправиться через реку?

— Не беспокойтесь, учитель,— сказал дух реки.— Садитесь на коня, и я переправлю вас через реку.

Трипитака так и сделал. Чжу Ба-цзе взял поводья, Ша-сэн поднял вещи, а Сунь У-кун пошел вперед, прокладывая дорогу. В этот момент дух реки посредством волшебства остановил реку в верхнем течении. Вода утекла вниз, и путь оказался свободным. Очутившись на противоположном берегу, Трипитака и его ученики поблагодарили духа реки. Поистине:

Так был спасен монах
И реку пересек,
На Запад он пошел,
Не омочивши ног.

Однако, если вы хотите узнать о том, как Трипитака шел дальше на поклонение Будде и что ему пришлось перенести, чтобы получить священные книги, прочитайте следующую главу.





ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой повествуется о том, как буддийские монахи по воле судьбы вынуждены были таскать тачки и как Сунь У-кун избавил их от тяжелой доли

Стихи гласят:

За писанием священным
По горам неисчислимым,
Никогда не отдыхая,
Все на Запад он идет.
Пробежит ли быстрый заяц,
Пролетит ли черный ворон —
Все ему напоминает
О большом пути вперед.

Птичьи жалобные крики,
Опадающие листья —
Знак ему, что после лета
Наступили холода.
И три тысячи границ он
Пересек с учениками;
И бесчисленные видел
Бедный посох города.

Всевозможные лишения
На пути встречал он трудном.
По бесчисленным дорогам.
Подымаясь, шел вперед,
И не знал он и не ведал
Дня, когда, свой долг исполнив,
Повернет он в путь обратный
И на родину пойдет.

Итак, сын дракона покорил злого духа, а дух Черной реки помог Трипитаке и его ученикам переправиться через реку, чтобы они могли продолжать свой путь на Запад. Они шли очень долго, преодолевая все трудности и невзгоды, выпадающие на долю путников. И вот снова наступила весна.

Время снова изменилось,
И в природе — ликование;
Время снова изменилось:
Брызжет радуги сиянье,
Ясны краски небосвода,
Торжествует вся природа.

Грудь земли в цветах красивых.
Снег дрожит еще на сливах,
Ширь хлебов — рекой широкой,
Мчатся горные потоки,
Ледники не сразу тают:
Родники они питают.
Следа нет бывшего пала —
Снова зелень чащей стала.

Нам поистине известно,
Что на облаке небесном
Сам Фу-си парит над нами:
Наблюдает за полями
Бог могучий урожая,
На созвездьях проезжая.

Вновь цветов благоуханье,
Ветра теплого дыханье,
Снова солнце огнезрочно,
В небе облако прозрачно,
По краям дороги ивы
Зеленеют прихотливо,
Льются струи дождевые
И поят ростки живые:
Дождик, дождик благодатный
Над весною необъятной.

Трипитака и его ученики наслаждались прекрасными пейзажами, которые открывались их взору. И вот однажды они вдруг услышали странный шум и крики. Казалось, голоса тысяч людей сливаются в этих криках. Трипитака почувствовал, как страх западает к нему в душу. Он остановил коня, не решаясь ехать дальше.

— Сунь У-кун, — сказал он обернувшись, — откуда этот шум?

— Не иначе, как земля трескается и валятся горы, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Я думаю, что где-то разразилась страшная гроза, — высказал свое предположение Ша-сэн.

— Нет, это крики людей и лошадиное ржанье, — произнес Трипитака.

— Да разве можете вы знать, что это такое, — улыбаясь, сказал Сунь У-кун. — Обождите, сейчас я все выясню.

И наш прекрасный Сунь У-кун, потянувшись всем телом, сделал прыжок и очутился на облаке. С высоты он внимательно осмотрел все вокруг и увидел вдали город. Он пролетел еще немного и приблизился к городу, чтобы рассмотреть все более подробно, но и здесь увидел лишь исходящее от города сияние,

свидетельствующее о счастье и благополучии. Ничего зловещего он не заметил.

«Чудесное место, — подумал Сунь У-кун. — Но откуда все же исходит такой страшный шум?.. Здесь не видно ни знамен, ни оружия, а гул стоит такой, как будто идет целая армия...»

И вот, размышляя об этом, он вдруг увидел огромную толпу монахов, которая медленно шла по пустырю, находящемуся на отмели за городскими воротами. Каждый из них тянул за собой нагруженную тачку, выкрикивая при этом: «О великий бодисатва Дали, помоги нам!» Этот шум и встревожил Трипитаку.

Сунь У-кун потихоньку опустился на своем облаке вниз и тут увидел удивительную картину: тачки, которые везли монахи, были нагружены кирпичом, бревнами, саманом и прочими строительными материалами. Эти отмели представляли собой очень крутой откос, по которому вилась узенькая тропка. Причем тропка эта круто подымалась по отвесной скале и казалось совершенно непонятным, как по ней можно втаскивать тачки. Несмотря на теплую погоду, монахи были одеты в темно-синюю холщовую одежду.

«Видимо, строят монастырь, — подумал Сунь У-кун. — Пора сейчас горячая, сбор урожая в самом разгаре, вот они и не могут найти рабочих и строят сами».

Не успел он об этом подумать, как вдруг заметил, что из городских ворот вышли два молодых даоса, которые с важным видом направились к монахам. И вы взгляните только, как они были одеты:

От звездных шапок падает сиянье,
Как радуга, блистают одеянья,
И вышиты узоры по краям.
А туфли — для ходьбы по облакам.

С луною полной лиц округлых сходство,
На лицах — выраженье благодетства,
О сущности небесной говорит
Их благосклонный и изящный вид.

Завидев приближающихся даосов, монахи затрепетали и с еще большим усердием стали толкать свои тачки.

«Так вот оно что! — начал догадываться Сунь У-кун. — Эти монахи, видно, боятся даосов. Иначе они бы так не старались. Однажды я слышал, что на Западе есть место, где дао в почете, а буддизм преследуется. Уж не оно ли это? Надо бы пообщаться учителю, однако я еще не все понимаю и могу рассердить его. Он скажет, что я, такой умный, не смог разобраться в том, что тут делается. Надо спуститься вниз и расспросить поподробнее, а потом уже идти к учителю».

Так он и сделал. Опустившись на облаке у городской стены, он встряхнулся и принял образ странствующего даосского

монаха. На плече он нес корзину для огня и воды¹,— в руке держал барабан и под его аккомпанемент напевал даосские песнопения. Подойдя к воротам, он встретился с даосами и, почтительно склонившись перед ними, произнес:

— Уважаемые даосы, смиренный монах приветствует вас!

— Откуда вы прибыли, учитель? — ответив на приветствие, спросили даосы.

— Я странствую и, можно сказать, побывал на краю света,— отвечал Сунь У-кун.— Придя в ваши края, я хотел собрать подаяние. Не будете ли вы столь любезны сказать мне, где живут здесь любящие учение дао и ценящие достойных людей?

— Да что вы, учитель,— со смехом отвечали даосы.— Как можете вы говорить подобные вещи?

— Что же особенного я сказал? — удивился Сунь У-кун.

— Да хотя бы то, что вы собираетесь просить подаяние,— отвечали даосы.

— Человек, отрекшийся от мира, не может прокормиться иным путем,— сказал Сунь У-кун.— Как бы стали монахи жить, если бы не просили подаяния?

— Вы — человек, прибывший издалека, и ничего не знаете,— сказали с улыбкой даосы.— В нашем городе не только гражданские и военные чиновники, но и все богатые люди являются горячими почитателями учения дао. Поэтому здесь все от мала до велика относятся к нам с большим уважением и всегда готовы помочь. Но самое главное то, что правитель этого города сам является приверженцем учения дао.

— Я молод,— сказал Сунь У-кун,— пришел издалека и действительно ничего не знаю. Я бы очень просил вас, почтенные даосы, из чувства любви к своему единоверцу сказать мне, как называется эта страна и почему правитель ее сделался таким ревностным сторонником учения дао.

— Наша страна называется Чэчиго,— отвечали даосы,— правитель ее — наш родственник.

— Как же так? Неужели даос стал императором? — не удержавшись от хохота, спросил Сунь У-кун.

— Нет,— отвечали даосы.— Двадцать лет назад здесь была засуха, посевы погибли и пришел голод. Все население — и сановники, и простолюдины совершали обряды очищения, возжигали фимиам и горячо молились о дожде. И вот, когда, казалось, надежды больше не было, с неба неожиданно спустились три бессмертных, которые спасли нашу страну от бедствия.

— Кто же они такие? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Всеми уважаемые учителя нашей страны,— отвечали даосы.

¹ Корзина для сбора подаяний. Примерно то же, что патра у буддистов.

— А как их зовут?— снова спросил Сунь У-кун.

— Старшего зовут Сила тигра,— отвечали даосы.— Второго — Сила оленя, и третьего — Сила барана.

— Какими же волшебными силами обладают ваши уважаемые наставники?— спросил Сунь У-кун.

— Одним взмахом руки они могут вызывать ветер и дождь, превращать воду в масло. Прикоснувшись к камню, они без всякого труда превращают его в золото. Обладание волшебной силой, которая способна поспорить с небом и землей, а также власть над духами звезд, вызвали к этим бессмертным глубочайшее уважение нашего государя и его министров и желание породниться с этими даосами.

— Ваш государь — счастливый человек,— выслушав их, сказал Сунь У-кун — Недаром говорится: «Искусство покоряет даже государей и министров». Раз ваши учителя обладают такими необыкновенными способностями, породниться с ними, несомненно, большая честь для каждого. О, я почел бы для себя за счастье повидать их.

— А это не так уж трудно,— с улыбкой отвечали даосы.— Мы самые близкие их ученики. А кроме того, их преданность учению дао так велика, что они тотчас же выйдут встретить вас, как только узнают, что вы даос. И если вы согласитесь, чтобы мы представили вас, это будет совсем просто.

— Премного благодарен за вашу любезность,— громко отвечал Сунь У-кун.— Давайте тотчас же и отправимся.

— Нет, обождите немного,— сказали даосы.— Посидите здесь. Нам надо еще кое-что сделать. После этого мы вернемся сюда и проводим вас.

— Человек, отрекшийся от мира, совершенно свободен,— сказал Сунь У-кун.— Что же вы должны делать?

— Видите этих людей,— указывая на гору, сказали даосы,— они работают для нас. И вот сейчас мы идем проверить, не отлынивают ли они от работы.

— Тут что-то не так,— засмеялся Сунь У-кун.— Ведь последователи буддизма такие же монахи, как и мы. Почему же они должны работать на нас?

— Вы просто не знаете, что здесь происходило,— сказали на это даосы.— В тот год, когда наступила засуха, буддисты обращались к Будде, а даосы — к духу Полярной звезды. И те и другие были на содержании императорского двора. Моления буддийских монахов не помогли. Но стоило появиться здесь нашим учителям, как сразу же полил дождь, и тысячи людей избавились от постигшего их бедствия. Император был очень разгневан, приказал разрушить буддийские монастыри, разбить изображения будд, а чтобы буддийские монахи не могли вернуться на родину, лишил их монашеских свидетельств. После этого он отдал их нам, и они стали для

нас чем-то вроде слуг. Они работают истопниками, подметальщиками, привратниками, словом, делают то, что нам надо. Сразу за храмом есть жилые помещения, которые еще недостроены, так вот мы заставляем их переносить туда кирпич, черепицу и строительный материал.

— Не везет мне,— выслушав их, со слезами на глазах проговорил Сунь У-кун.— Так, видно, и не придется мне по-видать ваших учителей.

— Это почему же? — удивились даосы.

— А вот почему,— отвечал им Сунь У-кун.— Должен вам сказать, что я странствую не только потому, что принял монашеский обет и собираю подаяние. Я разыскиваю одного моего родственника.

— Кого именно? — спросили даосы.

— Дядю,— отвечал Сунь У-кун,— который еще в молодости отрекся от мира, принял монашеский обет и стал последователем буддизма. Однажды во время голода он отправился в дальние края собирать подаяния, и с тех пор я ничего не слышал о нем. Дядя сделал мне много добра, и я во что бы то ни стало решил разыскать его. Кто знает, быть может судьба забросила его сюда, а его здесь задержали — и он не может вернуться домой. Если бы я нашел его, мы поговорили бы, и после этого я отправился бы с вами в город.

— А вы так и сделайте, это совсем не трудно,— посоветовали даосы.— Мы посидим здесь, а вы отправляйтесь на отшель и вместо нас проверьте, как идет работа. В списке их числится пятьсот человек. Poiщите, может быть, среди них действительно имеется ваш дядя. Тогда из уважения к вам, как к единоверцу, мы охотно освободим его, и после этого все вместе отправимся в город.

Сунь У-кун от всей души поблагодарил монахов за совет и пошел к отmeli. Направляясь туда, он все время бил в барабан, и так подошел к вершине. Увидев Сунь У-куна, монахи бросились на колени и стали отбивать земные поклоны, приговаривая:

— Отец наш! Никто здесь не ленится. Все пятьсот человек усердно работают.

«Видно, даосы не очень-то хорошо обращаются с этими монахами,— усмехнувшись про себя, подумал Сунь У-кун.— Раз они дрожат от страха даже передо мной, то, увидев настоящих хозяев, наверное, готовы умереть от страха».

— Встаньте и не бойтесь,— махнул рукой Сунь У-кун.— Я пришел сюда вовсе не для того, чтобы проверять вас. Мне надо отыскать здесь родственника.

Тогда монахи окружили его тесным кольцом, и каждый стремился показать свое лицо, кашлянуть, в общем как-нибудь обратить на себя внимание, горя желанием оказаться его родственником, в надежде освободиться из этих мест.

— Кто же это может быть? — спрашивали они друг друга. Внимательно осмотрев их, Сунь У-кун вдруг расхохотался.

— Очевидно, вы, почтенный отец, не нашли своего дядю, — сказали монахи. — Что же вас насмешило?

— Вы хотите знать это? Я скажу, — отвечал Сунь У-кун. — Я смеюсь над вами потому, что вы совершенно не оправдываете своего звания. Я не знаю, почему вас отдали в монахи ваши родители: может быть, вы нарушили законы, либо непочтительно вели себя с родителями или сестрами. Но раз уж вы приняли монашеский обет, ваш долг исполнять три священных заповеди буддистов: поклоняться Будде, совершать моления, читать священные книги. Почему же вместо этого вы работаете на даосов, словно их рабы?

— Ты, что же, решил поиздеваться над нами? — отвечали на это монахи. — Видно, человек ты здесь новый и не знаешь, какая беда постигла нас.

— Верно, — подтвердил Сунь У-кун. — Я только что прибыл сюда и ничего не знаю.

— Правитель этой страны, — начали монахи, не в силах сдерживать слез, — человек несправедливый. У него в почете только даосы. А на почитателей Будды он разгневался.

— За что же? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Да все произошло из-за моления о дожде, — продолжали даосы. — Появление трех бессмертных оказалось для нас роковым. Они втерлись в доверие к государю и убедили его разрушить наши монастыри и отобрать у нас монашеские свидетельства, чтобы мы не могли вернуться домой. Но, мало того, нам не разрешили трудиться для самих себя, а заставили работать на этих даосов, словно мы их слуги. Стоит появиться здесь какому-нибудь странствующему даосу, как его с почетом провожают к самому правителю и щедро одаривают. Если же сюда забредет буддийский монах, то откуда бы он ни пришел — из ближайших мест или издалека, — его тотчас же лишают свободы и превращают в раба.

— Видимо, эти даосы обладают какой-то чудодейственной силой, раз смогли так прибрать к рукам государя, — сказал Сунь У-кун. — Говоря по совести, вызвать ветер или послать дождь, дело — обычное для последователей ложного учения. И этим доверие правителя не завоеешь.

— Эти бессмертные умеют также из песка плавить ртуть, — продолжали монахи. — Могут погружаться в самозерцание, знают, как воду превращать в масло, а камень — в золото. Сейчас они построили храм в честь даосской троицы*, где проводят дни и ночи за чтением священных книг и совершением обрядов. Они молятся о том, чтобы правитель остался вечно юным. Всем этим они и покорили его.

— Так вот оно что! — выслушав их, сказал Сунь У-кун. — А почему бы вам не бежать отсюда?

— Отец наш, это невозможно, — отвечали даосы. — Эти бессмертные уговорили государя написать с нас портреты и развесить их по всей стране. Нет такой деревушки, где бы не был вывешен портрет каждого из нас, с собственноручной надписью государя. За поимку каждого монаха чиновнику обещано повышение на три ранга. А простым гражданам выдается вознаграждение в пятьдесят лян*. Не то что монах, всякий, у кого острижены волосы или есть плешь, не сможет уйти отсюда. Эта страна кишит соглядатаями и шпионами. Никакие хитрости и уловки не помогут выбраться отсюда. Выхода нет: приходится мириться со своей участью и страдать.

— Тогда вам лучше умереть, — сказал им Сунь У-кун.

— Многих уже нет в живых, отец родной, — отвечали монахи. — Нас здесь, вместе с теми, кого изловили и привели еще со всех концов страны, было более двух тысяч человек. Семьсот умерло: кто от страданий, кто от жары, некоторые от холода и голода. Человек восемьсот покончили с собой. Сейчас осталось пятьсот человек, которым не удалось умереть.

— Как это понимать? — спросил Сунь У-кун.

— У кого веревка оборвалась или нож оказался тупым, на некоторых яд не подействовал, — отвечали монахи. — Были такие, которые бросались в реку, а их течением выносило на поверхность.

— Но вы должны быть счастливы, что небо ниспослало вам долголетие, — сказал Сунь У-кун.

— Отец ты наш, — с горечью молвили монахи. — Ты не так выразился. Вернее было бы сказать, что небо обрекло нас на вечные муки. Три раза в день нас кормят жиденькой кашницей из самого низкосортного пшена. Ночуем мы прямо здесь, на отмели, под открытым небом. Духи стерсгут нас.

— Какие там духи? Просто вы так устаете за день, что ночью вам снятся черти, — сказал Сунь У-кун.

— Нет, это не черти, — возразили монахи. — Это духи тьмы и света Лю-дин и Лю-цзя и духи храма — хранители учения Будды. С наступлением ночи они появляются для того, чтобы не дать никому из нас умереть.

— Ничего разумного я в этом не нахожу, — заметил Сунь У-кун. — Им следовало бы помочь вам поскорее умереть и попасть на небо.

— Они говорят нам, — ответили монахи, — чтобы мы не стремились к смерти, а стойко переносили выпавшие на нашу долю страдания, так как вскоре из Восточной земли сюда придет Танский монах — Лохань*, идущий на За-

пад за священными книгами. У этого монаха есть ученик Великий Мудрец, равный небу, который обладает великой волшебной силой. У него верное сердце, он борется с несправедливостью, помогает каждому, кого постигло несчастье, призывает вдов и сирот. Вот духи и велели нам ждать этого Мудреца. Они сказали, что он уничтожит даосов и вернет нам нашу былую славу, а также наши монастыри.

«Видно, я все же обладаю кое-какими способностями,— выслушав монахов, улыбнулся Сунь У-кун,— раз о моем прибытии духи заранее оповещают».

Тут он быстро повернулся и, простившись с монахами, пошел к городским воротам, ударяя в барабан.

— Ну, нашли своего родственника? — спросили даосы, когда он подошел к ним.

— Они все мои родственники, — отвечал Сунь У-кун.

— Откуда же у вас так много родственников? — рассмеялись даосы.

— Сто из них — соседи с левой стороны, другие сто — с правой, — сказал Сунь У-кун. — Еще сто — друзья по отцу и сто — по матери. А остальные сто — побратимы. Освободите их, и тогда я пойду с вами в город. Иначе ни за что не пойду.

— Ты, видно, рехнулся, — сказали даосы, — и несешь какую-то чепуху. Этих монахов правитель отдал нам, чтобы они на нас работали. Если бы даже мы и решились освободить одного или двух, так прежде мы должны были подать нашим учителям официальную бумагу о том, что эти люди больны, а потом уже сообщить об их смерти. Как же можно говорить о том, чтобы освободить их всех! Это совершенно невозможно, совершенно! Мы не посмеем сделать этого не только потому, что останемся без слуг, но также и потому, что навлечем на себя гнев правителя, который часто сам проверяет нас здесь.

— Значит, не хотите освободить их? — спросил Сунь У-кун.

— Не можем, — отвечали те.

Сунь У-кун еще дважды повторил свою просьбу и, получив отказ, расвирепел, вытащил из уха свой посох и, помахав им против ветра, произнес заклинание. Посох тотчас же стал толщиной с чашку. Тогда, размахнувшись им, он ударил даосов по головам, и те рухнули на землю. Черепа их раскололись, мозг брызнул в разные стороны.

Монахи, издали наблюдавшие за Сунь У-куном, побросали свои тачки и, подбежав к нему, закричали:

— Ой, горе! Ой, беда! Ведь ты убил самых близких людей правителя!

— Кто же они такие? — спросил Сунь У-кун.

— Да ведь их учителя неотлучно находятся при правителе, — сказали монахи, окружив Сунь У-куна тесным кольцом. — Правитель иначе к ним и не обращается, как: «Государ-

ственный наставник, брат или учитель». Им разрешено даже не оказывать никаких почестей правителю. Какую же беду ты натворил! Ведь эти даосы были посланы наблюдать за нашей работой и к тебе никакого отношения не имели, зачем же ты убил их? Бессмертные, конечно, и не подумают обвинить в этом убийстве тебя. Они скажут, что это дело наших рук. Что же нам теперь делать? Мы вместе с тобой пойдем в город и заявим о преступлении.

— Перестаньте шуметь,— сказал улыбаясь Сунь У-кун.— Никакой я не бродячий даос и пришел сюда, чтобы спасти вас.

— Своим поступком ты лишь увеличил наши страдания,— продолжали кричать монахи.— Какой же ты спаситель!

— Я — ученик Танского монаха Сунь У-кун, и пришел сюда именно для того, чтобы спасти вас.

— Неправда! — вскричали монахи.— Сунь У-куна мы бы узнали!

— Да вы же его никогда не видели! — удивился Сунь У-кун.

— Во сне к нам часто являлся старец, который называл себя духом Вечерней звезды,— отвечали монахи.— Он так подробно описал нам Сунь У-куна, что ошибиться было бы невозможно.

— Что же он говорил вам? — спросил Сунь У-кун.

— Он говорил, что у этого Мудреца:

Приплюснут лоб; глаза — оттенка стали;
Лицо в шерсти — худые щеки впали;
Торчат клыки; блестящий взор лукавый
Являет озорство и живость нрава.

Казалось, он подобен Богу грома,
И все-таки он странен по-другому,
И старый посох с ободком блестящим
В его руках стал грозным и фязящим.

Поднял он против неба возмущенье,
Теперь же он идет стезей спасенья;
Для Танского монаха стал опорой
И людям он в беде помощник скорый.

Сунь У-кун остался очень доволен тем, что дух Вечерней звезды заранее сообщил монахам о его прибытии и вместе с тем рассердился.

«Зачем этот старый разбойник,— думал он,— раскрыл мое настоящее обличье этим простым смертным?»

— Вы действительно правы,— сказал он монахам.— Я не Сунь У-кун, я его ученик и прибыл сюда для того, чтобы научиться искусству навлекать беду. А вон там идет сам Сунь У-кун,— прибавил он, указывая на восток.

И пока монахи смотрели в указанном направлении, Сунь У-кун принял свой обычный вид. Увидев его, монахи низко склонились и молвили:

— Господин наш, прости наше невежество, не узнали мы тебя. Помоги нам отомстить за нашу обиду. Необходимо тотчас же пойти в город, усмирить мошенников и восстановить справедливость.

— Что же, пошли,— сказал Сунь У-кун. И они отправились. Сначала Сунь У-кун пошел на самую вершину отдели. Здесь при помощи волшебства перетащил все тачки на вершину холма. Затем он поднял их и со всей силой швырнул на землю: тачки разлетелись на мелкие части. После этого он разбросал кирпич, черепицу и прочий строительный материал.

— Ну, а теперь расходитесь! — крикнул он монахам: — И не попадайтесь мне на глаза. Завтра же отправлюсь к вашему царю и уничтожу его любимых даосов.

— Господин наш,— сказали на это монахи,— мы не смеем уйти отсюда. Если мы попадем в руки чиновников, нас передадут властям: ведь за каждого из нас обещана награда.

— В таком случае,— сказал Сунь У-кун,— я научу вас, как защищаться.

И с этими словами наш прекрасный Мудрец выдернул у себя клочок шерсти, разжевал ее на мелкие кусочки и дал каждому монаху несколько волосков.

— Положите это под ноготь безымянного пальца,— сказал он им,— и сожмите руку в кулак. Прюделав это, вы можете спокойно идти, никто не осмелится тронуть вас. Если же кто-нибудь попытается это сделать, сожмите кулак и крикните: «Великий Мудрец, равный небу!» Я тотчас же придую вам на помощь.

— Господин наш,— молвили в ответ монахи.— А что делать, если мы уйдем далеко и ты не услышишь нас?

— Не бойтесь, все обойдется,— успокоил их Сунь У-кун.— Если даже вы уйдете за десять тысяч ли отсюда, вы будете в полной безопасности.

Тогда один из монахов, самый смелый, решил проверить действие этого волшебства и, сжав кулак, потихоньку произнес: «Великий Мудрец, равный небу!» В тот же миг перед ним появился Бог грома с железным посохом в руках. Перед его грозным видом отступила бы даже многотысячная армия. После этого еще человек сто проверили волшебный способ, и появилось сто других мудрецов-хранителей. Изумленные монахи низко кланялись, приговаривая:

— Поистине свершилось чудо, о котором вы, учитель, говорили.

— Теперь слушайте дальше,— продолжал Сунь У-кун.— Как только опасность пройдет, вы скажите: «Спокойно!» — и они вернутся на свои места.

И действительно, стоило произнести «спокойно», как боги-хранители снова превратились в клочки шерсти и вернулись на прежнее место — под ноготь. После этого монахи, радостные и довольные, стали расходиться.

— Особенно далеко не уходите, — наставлял их Сунь У-кун. — Ждите вестей обо мне из города. Как только выйдет приказ всем буддийским монахам вернуться в город, вы приходите и верните мне мою шерсть.

Итак, монахи стали расходиться: кто на восток, кто на запад, некоторые остались на месте. Однако рассказывать об этом мы сейчас не будем и вернемся к Трипитаке.

Он долго ожидал Сунь У-куна, однако, не дождавшись, велел Чжу Ба-цзе вести коня, и они двинулись дальше. По пути им то и дело встречались монахи. Наконец путники подошли к городу, и тут неожиданно увидели Сунь У-куна, который стоял в окружении монахов.

— Сунь У-кун, — обратился к нему Трипитака, — ведь я послал тебя узнать, откуда исходит шум. Почему же ты так долго не возвращался?

Вместо ответа Сунь У-кун подвел к нему монахов и велел им приветствовать учителя. Затем он рассказал Трипитаке все, что здесь произошло.

— Что же это такое?! — воскликнул Трипитака. — Что с нами будет?

— Успокойтесь, учитель, — сказали монахи, — Великий Мудрец — существо необыкновенное. Его волшебная сила оградит вас от всяких тревог и волнений. Мы — монахи монастыря Чжиюаньсы, построенного в этом городе по велению императора. Наш монастырь не разрушен лишь потому, что его выстроили по приказу предка нынешнего правителя и в нем находится изображение этого предка. Остальные монастыри все до одного разрушены. Потому мы просим вас, учитель, остановиться в нашем убогом монастыре. А завтра утром Великий Мудрец найдет для вас более подходящее жилье.

— Что ж, вы правы, — сказал Сунь У-кун. — Нам надо заблаговременно въехать в город.

Трипитака сошел с коня и направился к городским воротам. Солнце клонилось к западу. Они прошли по подвесному мосту под трехъярусными воротами. Увидев монахов из монастыря Чжиюаньсы, которые вели коня и несли вещи, горожане поспешили скрыться. Между тем монахи подошли к монастырю. Над воротами висела вывеска, на которой большими золотыми иероглифами было написано: «Монастырь Чжиюаньсы, выстроен по велению императора». Монахи отперли ворота, прошли через зал Богов — хранителей пяти стран света и, наконец, открыли двери главного храма. Тут Трипитака облачился в рясу, поклонился золотой статуе Будды и лишь после этого вошел в храм.

Монахи позвали сторожа. На зов явился старик монах. Увидев Сунь У-куна, он тотчас же склонился перед ним и воскликнул:

— Господин наш, наконец-то ты явился!

— За кого ты меня принимаешь, что воздаешь мне такие почести? — спросил Сунь У-кун.

— Ведь ты Великий Мудрец, равный небу, отец наш Сунь У-кун, — отвечал монах. — Каждую ночь к нам являлся дух Вечерней звезды, велел нам ждать твоего прихода и сказал, что ты нас спасешь. Я сразу узнал тебя. Какое счастье, что ты пришел! Опоздай ты еще на несколько дней, и нас уже не было бы в живых.

— Встаньте! — произнес улыбаясь Сунь У-кун. — Завтра все решится!

Монахи приготовили поесть, затем подмели и после этого все улеглись спать. Наступила уже вторая стража, а Сунь У-кун все не мог уснуть. Он думал о следующем дне. Вдруг до него донеслись звуки музыки. Сунь У-кун потихоньку встал, оделся и совершил прыжок в воздух. С высоты он увидел, что в южной стороне города зажглись фонари и факелы. Спустившись пониже, он присмотрелся более внимательно и увидел, как в храме Саньцингуань даосы совершают моление в честь Полярной звезды.

Таинственное это было место:
Там высился величественный храм,
Божественное это было место:
Там веры истинной был дивный храм.
Обетованная страна бессмертных,
И небожителей достойный край.
Роскошный храм в земле обетованной
Напоминал великопепьем рай.
Даосы там играли на свирелях:
Они сидели строго, в два ряда,
Гимн благодарственный они слагали
О том, что миновала их беда.
На середине восседал Владыка,
Нефрит священный он в руках держал.
Из книги Даодэцзин * он поученье
О праведности истинной читал.
Даосы, пыль столбами подымая,
Вели о тайных знаках разговор;
Склонялись ниц, закончив объясненья, —
И о дожде молил согласный хор.
Свечей горящих ввысь тянулось пламя,
И аромат вздымался к небесам;
Звезде Полярной в знак благоговенья
Даосы воскурили фимиами.
На столиках плодов лежала груда,
И яств отборных подавались блюда.

На главных воротах храма висели два свитка из желтого шелка, на которых было вышито двадцать два иероглифа. Надпись гласила: «Да будут благоприятными дождь и ветер.

Да будет неизмеримой для вас милость неба. Да царят мир и благоденствие в вашей стране. Да продлится на тысячи лет счастливое правление». Тут Сунь У-кун увидел трех почтенных даосов в священных одеждах, в которых узнал бес- смертных: Силу оленя, Силу тигра и Силу барана. Перед ними стояла толпа молящихся — человек восемьсот. Расположившись в два ряда, они били в барабаны и гонги, возжи- гали благовония, моля о прощении грехов.

«Вот я сейчас спущусь вниз и смешаюсь с толпой, — с удо- вольствием подумал Сунь У-кун. — Однако недаром говорит- ся, что «Из одной ворсинки шелка нитки не получится, а од- ной ладонью невозможно хлопать». Надо позвать Чжу Ба- цзе и Ша-сэна, и мы все вместе сыграем с ними шутку».

На облаке Сунь У-кун спустился прямо в храм и тут уви- дел Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Они спали на одной постели го- ловами в разные стороны. Он стал будить Ша-сэна.

— Ты что, брат, не спишь? — спросил тот.

— Вставай, — сказал ему Сунь У-кун. — Забавное дело есть.

— Какие еще там забавы, когда уже третья стража, — за- ворчал Ша-сэн. — Во рту пересохло и глаза слипаются.

— Здесь в городе есть храм, выстроенный в честь даос- ской троицы — Саньцингуань, — сказал Сунь У-кун, — как раз сейчас даосы совершают там моление. Храм полон разного рода снедью, предназначенной для жертвоприношений. Там и пампушки величиной с кадушку, и печенье весом не меньше пятидесяти цзиней каждое — всего не перечесть. Много фрук- тов. Пойдем полакомимся.

Услышав о еде, Чжу Ба-цзе тотчас же проснулся.

— А меня почему не зовешь? — спросил он.

— Вот что, братья, — сказал тогда Сунь У-кун. — Если хотите поесть вволю, пойдемте, только без шума, чтобы не разбудить учителя.

Они поспешно оделись, потихоньку вышли из храма и вскочили на облако. Увидев зажженные фонари, Дурень го- тов был сразу же приступить к делу. Однако Сунь У-кун остановил его.

— Не торопись. Подождем, пока они разойдутся.

— Да у них моление в самом разгаре, — заметил Чжу Ба- цзе. — Они и не думают уходить.

— Погоди, я знаю, как заставить их покинуть храм, — сказал на это Сунь У-кун.

После этого наш чудесный Великий Мудрец произнес за- клинание и изо всех сил дунул в юго-восточном направлении. В тот же миг поднялся бешеный ураган. Ветер, ворвавшись в храм, опрокинул вазы с цветами, повалил подсвечники, со- рвал со стен свитки с надписями. В храме сразу стало темно. Даосы помертвели от страха.

— Дети мои,— сказал бессмертный Сила тигра.— Разойдитесь пока. Ветер загасил фонари и свечи и развеял благовония. Пусть каждый удалится сейчас на покой, а утром мы прочтем побольше псалмов и таким образом наверстаем упущенное сегодня время.

Даосы разошлись, а Сунь У-кун и его спутники опустились вниз и проникли в зал Саньцингуань — даосской троицы. Дурень с жадностью набросился на еду и поедая все, что попадалось под руку, не разбирая вареная эта пища или сырая. Тогда Сунь У-кун ударил его посохом по рукам.

— Я еще не распробовал как следует все эти лакомства, а ты уже дерешься,— проворчал Чжу Ба-цзе, отдернув руки.

— Веди себя прилично,— сказал Сунь У-кун.— Давайте сядем и будем есть, как полагается.

— Вот еще новости! — возразил Чжу Ба-цзе.— Если мы будем соблюдать приличие, воруя, то что станем делать, когда нас пригласят в гости?

— А что за бодисатвы сидят там, наверху? — спросил Сунь У-кун, не отвечая Чжу Ба-цзе.

— О! — изумился Чжу Ба-цзе.— Если ты не знаешь даосскую троицу, то каких бодисатв ты знаешь?

— Что же это все-таки за божества? — повторил свой вопрос Сунь У-кун.

— В центре сидит изначальный Владыка неба,— сказал Чжу Ба-цзе,— слева от него — Владыка небесных сокровищ, а справа — великий Лао-цзюнь.

— Мы должны принять их облик,— сказал Сунь У-кун,— и тогда можем спокойно приступить к еде.

Запах съестного дразнил Чжу Ба-цзе, и он горел нетерпением скорее приступить к делу. Он взобрался на возвышение, рылом столкнул оттуда статую Лао-цзюня и сказал:

— Ну, почтенный старец! Хватит тебе восседать здесь. Дай теперь и мне посидеть немного.

Таким образом Чжу Ба-цзе превратился в великого Лао-цзюня. Точно так же Сунь У-кун превратился в изначального Владыку неба, а Ша-сэн — во Владыку небесных сокровищ.

Не успел Чжу Ба-цзе сесть, как тотчас же схватил огромную пампушку и начал ее уписывать.

— Не торопись! — сказал ему Сунь У-кун.

— Чего же еще ждать? — спросил Чжу Ба-цзе.— Ведь мы уже приняли их облик.

— Братья,— сказал тогда Сунь У-кун.— Поесть — дело немудреное. А вот если мы выдадим себя раньше времени, то будет худо. Мы повалили на пол статуи их богов. А ведь рано утром сюда может прийти какой-нибудь даос звонить в колокол или подметать. Представьте себе, что он споткнется об

эти статуи. Тогда мы сами выдадим себя. Надо лучше спрятать их подальше.

— Куда же их спрячешь,— возразил Чжу Ба-цзе.— Мы в этом храме первый раз и ничего здесь не знаем. Тут и дверей не найдешь.

— Когда мы вошли сюда,— сказал Сунь У-кун,— я справа заметил маленькую дверь. Судя по запаху, который исходит оттуда, там должен быть склад зерна. Вот и стащи их туда.

Дурень был силен. Спрыгнув вниз, он взвалил себе на спину все три статуи и унес их. Подойдя к двери, о которой говорил Сунь У-кун, он толкнул ее ногой и увидел, что это вовсе не склад зерна, а уборная.

— Ну и шутник же этот бимаэвнь,— со смехом сказал Чжу Ба-цзе.— Даже для сортира он решил подобрать соответствующее даосское название.

Прежде чем свалить свою ношу на землю, Чжу Ба-цзе обратился к даосским божествам с молитвой и забормотал: «Выслушайте меня, всемогущие боги, мы пришли сюда издалека. Мы без труда расправлялись со всякими духами. Здесь мы желали устроить трапезу, но не могли найти себе пристанища. Поэтому мы и решили занять ненадолго ваши места. Вы давно уже сидите там, так что некоторое время можете побыть и в уборной. Вам подносили обильные приношения, что давало вам возможность соблюдать благочестие и чистоту. Ну, а теперь некоторое время вам придется довольствоваться грязными подношениями и побыть божествами, воспринимающими зловонные подаяния».

После этого Чжу Ба-цзе сбросил статуи в яму. Раздался всплеск, и зловонная жидкость забрызгала платье Чжу Ба-цзе.

— Ну как, хорошо спрятал их там? — спросил Сунь У-кун.

— Хорошо,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Вот только запачкался немного. Так что, если почувствуете неприятный запах, не обессудьте, пожалуйста!

— Ладно,— сказал смеясь Сунь У-кун.— Иди ешь. Однако перед тем как выйти отсюда, тебе следует немного почиститься.

Наконец Чжу Ба-цзе уселся, и они втроем приступили к пиршеству. Сначала они съели все большие пампушки, потом принялись за блюда с бамбуком, пироги, печенье, жареные пирожки и так далее, уже не разбираясь, какое перед ними блюдо — холодное или горячее, и поедая подряд все, что им попадалось под руку.

Здесь надо сказать, что Сунь У-кун не был большим любителем всякого рода печений и вареной пищи, поэтому он ограничился тем, что поел немного фруктов, чтобы составить компанию своим приятелям. Все запасы еды были вмиг уничтожены, словно их смело ураганом. Однако они и не думали

уходить из храма, а продолжали беседовать и шутить, наслаждаясь только что съеденными лакомствами.

И надо же было случиться беде! Какой-то даос, спавший на восточной веранде, вдруг проснулся и сказал:

— А ведь я оставил в храме свой колокольчик. Если я не найду его, то завтра получу нагоняй от моего учителя. Вы спите, — обратился он к своим товарищам, — а я пойду поищу колокольчик.

С этими словами он накинул на себя халат и поспешил в храм. Там в темноте, пробираясь ощупью вперед, он все же нашел свой колокольчик. Но в тот момент, когда он уже хотел идти обратно, он вдруг услышал какие-то звуки. Перепуганный даос ринулся вон из храма, но на бегу наступил на косточку от фрукта личжи и, поскользнувшись, растянулся на земле. Колокольчик разлетелся вдребезги, произведя страшный шум. Чжу Ба-цзе не мог удержаться и расхохотался. Тут даос обезумел от страха: падая и спотыкаясь, он пулей вылетел из храма и, подбежав к келье настоятеля, начал колотить в дверь.

— Учитель! — кричал он. — Беда!

Бессмертные еще не спали и, высунувшись из дверей, заинтересовались, что случилось.

— Я забыл свой колокольчик в храме, — начал даос, дрожа от страха, — и когда вернулся, чтобы отыскать его, услышал, что там кто-то хохочет. Я чуть не умер от страха.

— Ну-ка, принесите фонарь! Надо посмотреть, какая нечистая сила туда забралась!

Встревоженные даосы повскакали со своих мест и, захватив факелы и фонари, отправились в храм.

О том, что произошло дальше, вы узнаете из следующей главы.





ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ,

повествующая о том, как в храме даосских божеств Сунь У-кун оставил о себе память и как Царь обезьян проявил волшебную силу в государстве Чэчиго

В тот момент, на котором мы прервали наш рассказ, Великий Мудрец левой рукой ущипнул Ша-сэна, а правой — Чжу Ба-цзе, и те сразу поняли, что он хотел сказать им. Они замерли на месте и, опустив голову, сидели неподвижно, словно сделанные из глины позолоченные статуи. А даосы тем временем, светя перед собой фонарями, осматривали все кругом.

— Здесь, конечно, были злоумышленники, — сказал бессмертный Сила тигра, — иначе кто бы мог съесть все, что было предназначено для жертвоприношения.

— Это сделали, конечно, люди, — поддержал его Сила оленя. — Смотри, они снимали кожу с фруктов и выплевывали косточки. Но, странно, куда же они делись?

— Я думаю, что вы ошибаетесь, — сказал тут Сила барана. — Это наши мольбы и чтение священных книг тронули богов, и они снизошли до того, что спустились к нам и сами приняли жертвы. Мне кажется, что боги еще не вернулись к себе и летают на журавлях где-то здесь, поблизости. Надо воспользоваться этим счастливым случаем и попросить у них эликсир жизни: мы преподнесем его нашему императору, и он обретет долголетие. А нам это зачтется как заслуга.

— Совершенно верно, — сказал Сила тигра, и тотчас же приказал своим ученикам играть и петь псалмы. — Принесите священные одеяния, — распорядился он, — я исполню священный танец и вознесу моления Полярной звезде.

Между тем остальные монахи расположились двумя стройными рядами и под звуки гонга хором запели псалом из свя-

щенной книги Хуантанцзин. А бессмертный Сила тигра облачился в монашеское одеяние и, держа в руках нефритовую дощечку, выступил вперед и, вздымая пыль, закружился в танце. Затем, склонившись до земли, он начал перед алтарем молиться:

Со страхом и трепетом
Головы мы преклоняем
И на милосердие ваше,
Молясь, уповаем.

Покончив с печальным и грубым
Буддийским ученьем,
Свою проповедуем веру
С большим дерзновеньем.

К великому дао
Молитвы возносим смиренно,
И сам император
Построил вам храм несравненный.

И жертв мы для вас не жалеем,
Поднявши знамена,
И свечи пылают все ночи,
Плывет фимиам благовонный.

Душой уповаем, что небо
Услышит моленья,
Что примут бессмертные боги
Рабов поклоненье.

Великая милость
Дарована нам небесами:
В наш храм на своей колеснице
Спустились вы сами.

Пока не умчались вы снова
В пространства эфира,
Мы просим бессмертия капель —
Небес эликсира.

Он может подать долголетье
И благословенье,
Он будет от нас императору
Подношеньем,

Храня государя от смерти
И дома и в брани,
Даруя тому долголетье
Вершины Наньшани.

— Ну вот, дождались,— замирая от страха шепнул Чжу Ба-цзе Сунь У-куну.— Что будем делать теперь?

Тут Сунь У-кун снова ущипнул его и громким голосом обратился к монахам:

— Дети мои! Остановитесь! Мы прибыли сюда прямо с Персикового пира и никакого эликсира у нас с собой нет. Вам придется подождать до следующего раза.

Услышав голос богов, даосы затрепетали от священного страха.

— Отец наш! — воскликнули они. — Сейчас, когда вы осчастливили нас своим посещением, мы не можем не воспользоваться этим и молим вас дать нам эликсир бессмертия.

Тогда Сила тигра снова выступил вперед и, склонившись перед алтарем, произнес:

Смиренно преклоняю
Я голову свою,
И преданность без меры
От вас не утаю.

Мы вашего величья
Рабами состоим,
Божеств даосских троицу
Поистине мы чтим.

Мы в этот мир явились
Буддизм искоренить,
Религию даосов
Навеки утвердить.

Правитель благосклонный
Приемлет ваш закон,
И был приходом нашим
Доволен и польщен.

А мы приносим жертвы
Высоким небесам,
Священное писанье
Читаем по ночам.

Как облако, моление
Восходит от земли,
И божества к смиренным
Поклонникам сошли.

Почтительнейше просим
Явить нам благодать,
Напиток долголетия
Даосам верным дать.

Ша-сэн дернул Сунь У-куна за руку и прошептал:

— А дело, брат, принимает серьезный оборот; они настойчиво обращаются к нам с молитвой.

— Что ж, придется дать им что-нибудь, — сказал Сунь У-кун.

— Что же мы им дадим? — тихонько сказал Чжу Ба-цзе.

— Сейчас увидите, — отвечал Сунь У-кун. — Если у меня что-нибудь получится, дайте то же самое.

Как только музыка умолкла, Сунь У-кун обратился к даосам:

— Дети мои! — сказал он. — Не надо больше молиться. Если я не пожалую вам эликсира бессмертия, род мой может

прекратиться. Тем более что сделать это для меня не составляет никакого труда.

Услышав это, монахи склонились перед алтарем и, отбивая земные поклоны, молвили:

— Умоляем тебя, отец всевышний, внять смиренным мольбам учеников твоих и оказать нам свою милость. Мы будем ревностно распространять нашу веру и попросим государя, чтобы он сделал всех искренними почитателями нашего учения — даосизма.

— Ну что же,— сказал Сунь У-кун,— принесите сосуды.

Даосы склонили голову в знак благодарности. Сила тигра, желая, чтобы ему досталось больше, чем другим, принес огромный глиняный чан и поставил его перед алтарем. Сила оленя принес глиняный таз и поставил его на жертвенный стол, а Сила барана вынул из стоявшей тут же вазы цветы и поставил ее посредине.

— А теперь все выйдите из храма и закройте за собой дверь: никто не должен нарушать небесного таинства,— сказал Сунь У-кун.

Даосы, низко кланяясь, выполнили приказ Сунь У-куна. Тогда Великий Мудрец встал, откинул полу халата и наполнил вонючей мочой вазу для цветов. Увидев это, Чжу Ба-цзе пришел в неописуемый восторг.

— Ну, брат,— сказал он,— я знаю тебя уже несколько лет, но такой великолепной штуки не ожидал от тебя. Я только что неплохо поел и, конечно, могу сделать то же самое.

С этими словами он приподнял полу своего халата и с таким шумом начал отливать в глиняный таз, что казалось, будто это шум знаменитого Люйлянского водопада. Их примеру последовал и Ша-сэн. После этого они поправили на себе одежды и снова уселись на свои места.

— Дети мои! — крикнул Сунь У-кун.— Входите!

Даосы вошли в храм, низко кланяясь за оказанную милость.

— Принесите чашку,—скомандовал старший даос,— я хочу отведать этой священной воды.

Однако сделав глоток, даос с удивлением почмокал губами.

— Ну, как на вкус, брат? — спросил его Сила оленя.

— Да я бы не сказал, что очень вкусно,— сердито отвечал старший даос.— Воняет какой-то дрянью.

— Дай я попробую,— сказал Сила барана. И, отпив глоток, воскликнул: — Ведь это похоже на мочу свиньи.

Сунь У-кун понял, что игра их раскрыта.

— Сейчас я сделаю одну штуку и надолго оставлю здесь о себе память,— сказал он.

— Эх вы, монахи,— громко обратился он к даосам.— Неужели вы настолько глупы, что поверили, будто ваши боги сошли на землю? Сейчас я открою вам тайну и скажу, кто мы.

Мы — монахи и идем по высочайшему повелению из Китая на Запад. Ночь сегодня выдалась отличная, и вот мы от нечего делать решили навестить ваш храм, полакомиться здесь и повеселиться. А вы встретили нас с такими почестями, что мы не знали, как благодарить вас. То, что вы испробовали сейчас, конечно, не эликсир бессмертия, а наша собственная моча.

Услышав это, даосы пришли в ярость и, заперев двери, похватали вилы, метлы, кирпичи, камни, словом, все, что попало под руку, и ринулись на своих обидчиков. В тот же миг Сунь У-кун сгреб левой рукой Ша-сэна, а правой — Чжу Ба-цзе, бросился вон из храма и на облаках в один момент перелетел в храм Чжюаньсы. Не решаясь беспокоить Трипитаку, они потихоньку улеглись и заснули.

На следующее утро, когда пробила пятая стража и три четверти, при дворе начался прием. Во дворец собрались все сановники. Они выстроились двумя рядами: по одну сторону трона — гражданские, по другую — военные.

Фонари из красного шелка
Озаряли приемный зал,
И, курясь на треножниках древних,
Фимиама облаков достигал.

— Ученики мои, — сказал, проснувшись, Танский монах. — Проведите меня во дворец обменять наши проездные бумаги.

Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн мигом вскочили, оделись и, подойдя к Трипитаке, обратились к нему с такими словами:

— Учитель, правитель этой страны — верный последователь даосского учения. Он всеми средствами способствует его распространению и преследует буддистов. Будьте осторожны в разговоре с ним, не то он, чего доброго, откажет нам в выдаче бумаг. Мы все вместе отправимся во дворец и будем охранять вас.

Трипитаку очень обрадовали слова его учеников, и он тотчас же облачился в парчовую рясу. Сунь У-кун взял бумаги, Чжу Ба-цзе он велел захватить чашку для подаяний, а Ша-сэну — буддийский монашеский посох. Вещи и коня они оставили на хранение сторожу храма. Придя к воротам дворца, наши путники почтительно приветствовали стражу, сообщили свои имена и попросили доложить о них. Начальник дворцовой охраны отправился с докладом к императору.

— Ко дворцу прибыли четыре буддийских монаха. Они сказали, что идут из империи Танов на Запад за священными книгами. Сюда они явились для того, чтобы обменять дорожные свидетельства, и сейчас ждут ваших приказаний.

— Видно, эти монахи ищут смерти и пришли сюда, чтобы лишиться собственной головы, — гневно молвил император. — Интересно, что делает полиция? Почему эти монахи до сих пор на свободе?

В этот момент вперед выступил главный наставник наследника.

— Разрешите доложить,— обратился он с поклоном к императору.— Танский монах прибыл из страны, которая называется Великим цветущим Серединным государством и находится на материке Наньшаньбучжоу*. Он проделал огромный путь во много тысяч ли. На пути ему встречались злые духи, он подвергался многочисленным бедствиям и все же остался цел и невредим. Уже это одно доказывает, что Танский монах обладает чудодейственной силой. Иначе он бы не решился отправиться на Запад. Я думаю, что вы, ваше величество, учтете то, что этот монах прибыл из столь отдаленных мест, проявите милость и, проверив его бумаги, позвольте ему следовать дальше.

Император сменил гнев на милость и приказал ввести Танского монаха в зал Золотых колокольчиков. Представ перед тронном вместе со своими учениками, Трипитака вручил правителю свои дорожные свидетельства. Не успел правитель развернуть бумаги, как ему доложили о приходе трех государственных наставников. Тут государь поспешно отложил бумаги, сошел с трона и приказал приготовить для гостей три расшитых кресла. Когда гости вошли, правитель встретил их с поклонами. Оглянувшись, Трипитака и его ученики увидели трех бессмертных, которые шли с важным видом. За бессмертными следовали два послушника, у которых волосы были заплетены в две косички, как у детей, и торчали, словно рожки. Выстроившиеся двумя рядами сановники склонились, не смея поднять глаз на вошедших. Войдя в зал Золотых колокольчиков, бессмертные даже не подумали воздать почести государю.

— Я сегодня не звал вас,— молвил правитель.— Почему же вы удостоили меня своим посещением?

— Мы пришли доложить вам об одном происшествии,— отвечали даосы и спросили, указывая на Трипитаку и его учеников,— из какой страны прибыли эти монахи?

— Они прибыли из Китая, из империи великих Танов и идут в Индию за священными книгами,— отвечал правитель.— Сюда они пришли, чтобы обменять свои дорожные свидетельства.

— Мы думали, что монахи сбежали, а они, оказывается, еще здесь! — воскликнули даосы и от радости даже захлопали в ладоши.

— Чему это вы радуетесь? — изумился император.— Они только что явились сюда и как только мне доложили об этих монахах, я тут же хотел отправить их к вам, но главный наставник моего сына сказал, что необходимо учесть, какой огромный путь они проделали, и, кроме того, посоветовал не портить отношения с Китаем. Поэтому я и решил пригласить их сюда и проверить у них бумаги. Но как понимать ваши слова? Может

быть, они проявили чем-нибудь неуважение к вам или провинились перед вами?

— Вы и представить себе не можете, что они натворили, — отвечали даосы. — Эти буддисты появились в нашем городе вчера. За восточными воротами они убили двух наших учеников, отпустили на свободу пятьсот буддийских монахов и разбили вдребезги все тачки. Но это еще не все. Ночью они пробрались в наш храм, разломали статуи наших богов и поели все, что было предназначено для жертвоприношений. Мы подумали, что боги удостоили нас своим посещением и решили попросить у них священной воды и эликсир жизни, чтобы преподнести вам, ваше величество, и на многие годы продлить вашу жизнь. А они одурачили нас и вместо священного нектара дали нам свою вонючую мочу. Мы хотели схватить их, но им удалось сбежать. А теперь они, оказывается, здесь. Не даром говорят, что: «У врага дорога узка».

Выслушав их, правитель пришел в ярость и приказал тотчас же казнить Трипитаку вместе с его учениками. Но в этот момент Великий Мудрец почтительно сложил ладони рук и громко воскликнул:

— Не извольте гневаться, ваше величество, и выслушайте нас!

— Вы оскорбили моих государственных наставников, — сказал государь. — А теперь еще хотите обвинить их в том, что они говорят неправду.

— А где у них доказательства того, что мы действительно убили их учеников? — спросил Сунь У-кун. — Допустим даже, что мы виноваты, в таком случае вы должны были задержать только двоих из нас и таким образом отомстить за жизнь убитых даосов. А двоих вам следовало освободить, чтобы они могли продолжать путь за священными книгами. Кроме того, нас обвиняют в том, что мы разбили тачки и отпустили на свободу буддийских монахов. Но опять-таки, где у них доказательство того, что это сделали мы, и, кроме того, вряд ли такое преступление заслуживает смертной казни. Во всяком случае за это можно было бы наказать только одного из нас. Что же касается того, что мы разломали изображения богов и учинили у них в храме буйство, так это просто выдуманно для того, чтобы погубить нас.

— То есть как это выдуманно? — спросил правитель.

— А очень просто, мы пришли издалека, — сказал Сунь У-кун, — и совершенно не знаем расположения вашего города. Как же мы могли ночью найти их храм и узнать, что там происходит? Предположим, что мы там помочились, почему же они не задержали нас сразу, а решили явиться сюда и пожаловаться на нас? Вам, ваше величество, должно быть известно, что часто людей несправедливо и ложно обвиняют. Как можно

приписывать нам подобные преступления? Покорнейше прошу вас расследовать это дело.

Император, не отличавшийся особой ясностью ума, выслушав Сунь У-куна, пришел в полное замешательство. И вот, когда он раздумывал, как ему поступить, появился евнух и доложил, что ко дворцу прибыли деревенские старшины и просят принять их.

— Что им нужно? — спросил правитель и приказал ввести старшин.

В зал вошли человек сорок деревенских старшин, которые, подойдя к трону, земно склонились.

— Ваше величество! За всю весну не выпало ни одного дождя. Как бы летом не было засухи. Умоляем вас обратиться с просьбой к наставникам: пусть совершат моление о дожде и спасут народ от голода.

— Спокойно возвращайтесь домой, — сказал император, — дождь будет.

Кланяясь и благодаря за оказанную милость, старшины удалились из зала.

— Вот что, монахи, — сказал тогда император, обращаясь к Трипитаке и его ученикам. — Вы, видимо, хотите знать, почему я почитаю даосскую религию и преследую буддизм? Я расскажу вам. Несколько лет тому назад нашу страну постигла засуха, и все моления, совершаемые буддийскими монахами, оказались тщетными. Однако, на наше счастье, с неба к нам спустились бессмертные, которые спасли нас от голодной смерти. Вы оскорбили наших наставников и, хотя вы проделали огромный путь, вас следовало бы сурово покарать за это. Однако я хочу сделать вам снисхождение и разрешаю одновременно с нашими бессмертными совершить моление о дожде. Если вам удастся вызвать дождь и помочь людям, я прошу вас ваши прегрешения, выдам дорожные свидетельства и разрешу продолжать путь на Запад. Если же ничего у вас не выйдет, вас публично казнят.

— Ну, в молениях мы кое-что смыслим, — сказал смеясь Сунь У-кун.

После этого правитель велел приготовить место для моления.

— Приготовьте паланкин, я отправлюсь в верхние покои и сам буду наблюдать.

Придворные сразу же бросились выполнять приказ, и вскоре Трипитака с учениками остался внизу, а даосы-наставники ушли вместе с учителем в верхние покои дворца. Когда все было готово, один из чиновников попросил даосов подняться на алтарь и начать моления. Тогда бессмертный Сила тигра, почтительно склонившись перед правителем, сошел вниз. Но тут вперед выступил Сунь У-кун и преградил ему дорогу.

— Вы куда, учитель? — спросил он.

— Хочу подняться на алтарь и совершить моление о дожде,— сказал даос.

— Это не совсем учтиво,— отвечал ему Сунь У-кун.— Вам следовало бы уступить место гостю, прибывшему издалека. А впрочем, это не важно. Ведь недаром говорится, что «Могучий дракон не давит змею на краю своих владений». Вы можете начинать. Но перед этим вы должны сказать правителю несколько слов.

— Что же именно должен я сказать? — спросил бессмертный.

— Мы вместе с вами поднимемся на алтарь и будем молить небо о ниспослании дождя,— сказал Сунь У-кун.— А как же можно будет узнать, чья молитва помогла?

— Этот монах, пожалуй, прав,— заметил правитель.

«Ты еще не знаешь, сколько раз этот монах бывает прав,— с усмешкой подумал Ша-сэн.— Он еще не успел себя показать!»

— Ничего я не стану говорить,— сказал даос.— Наш правитель и так знает, что я буду делать.

— Правитель, может быть, и знает,— возразил Сунь У-кун.— Но я прибыл издалека и с вами никогда еще не встречался. Может выйти путаница, а это уже совсем скверно. Поэтому я и хочу, чтобы вы рассказали мне, каким образом будете совершать моление.

— Ну ладно,— согласился даос.— Я поднимусь на алтарь и буду произносить заклинания, подавая знаки приказной дощечкой. После первого заклинания поднимется ветер. После второго — появятся облака. После третьего — сверкнет молния и ударит гром. После четвертого — польет дождь и, наконец, после пятого дождь прекратится.

— Вот и чудесно! — воскликнул Сунь У-кун.— Никогда еще мне не приходилось видеть ничего подобного. Прошу вас, начинайте.

Бессмертный, широко шагая, пошел вперед, а Трипитака с учениками последовал за ним. Алтарь представлял собой помост, высотой более трех чжанов. По обеим сторонам его были расставлены знамена двадцати восьми созвездий*. На помосте стоял стол, а на столе — курильница с фимиамом, из которой клубился дым. По краям стола стояли два подсвечника, в которых ярко горели свечи. От ветра пламя их колебалось. К курильнице была прислонена золотая дощечка с выгравированными на ней именами Богов грома. На полу, возле стола, стояли пять больших чанов, наполненных чистой водой, на поверхности плавали веточки ивы. К каждой веточке была прикреплена металлическая дощечка с заклинанием и с именами подчиненных Бога грома. По обеим сторонам алтаря стояло по пяти столбов, на каждом из которых были написаны имена пяти посланцев того же Бога грома.

Около каждого столба стояло по два даоса: держа в руках железные молоты, они ударяли в столбы. За алтарем находилось много даосов, которые писали обращения. В центре стояла сделанная из бумаги курильница, а также изображение гонцов для доставки заклинаний и местных богов — хранителей веры.

Бессмертный бесцеремонно прошел к алтарю первым и остановился. Даос-послушник подал ему меч и несколько листов желтой бумаги, где были написаны заклинания. Держа в руках меч, даос произнес заклинание и сжег над свечой один лист. Находившиеся внизу даосы взяли изображение божества, сделанное из бумаги, и еще письмо и также сожгли все это. В это время сверху раздался резкий звук: это зазвела металлическая дощечка, и в тот же миг налетел порыв ветра.

— Плохо дело,— пробормотал Чжу Ба-цзе.— Этот даос, видимо, обладает большой силой. Стоило ему ударить своей дощечкой, как тотчас же поднялся ветер.

— Тише, брат,— сказал Сунь У-кун.— Хватит разговаривать, охраняй лучше учителя. Остальное я сам сделаю.

С этими словами наш Великий Мудрец выдернул у себя волосок и, дунув на него, сказал: «Изменись!» В тот же миг волосок превратился в точную копию Сунь У-куна и стал рядом с Танским монахом. А настоящий Сунь У-кун поднялся в воздух и крикнул:

— Кому здесь подвластны ветры?

В тот же миг перед ним появились Богиня ветров и Сунь Эр-лан — Бог ветра. Богиня крепко сжимала в руках мешок, а Сунь Эр-лан в это время завязывал его. Оба они приветствовали Сунь У-куна поклонами.

— Я сопровождаю Танского монаха, который идет в Индию за священными книгами,— сказал им Сунь У-кун.— И вот, когда мы проходили через государство Чэчиги, мне пришлось состязаться с поселившимся там волшебником, чтобы узнать, кто из нас способен вызвать дождь. Почему же вы помогаете не мне, а этому даосу? На первый раз я вас прошу. Но смотрите, если будет хоть малейший ветерок, который пошевелит хотя бы волос на бороде этого даоса, каждый из вас получит по двадцать ударов посохом.

— Да что вы, разве мы посмеем,— испуганно отвечала Богиня.

В тот же момент ветер прекратился. Тут Чжу Ба-цзе не выдержал и заорал:

— Пусть этот даос уходит! Его дощечка издала звон, а ветра нет. Уступите теперь место нам.

Тогда даос схватил другую табличку, сжег листки с заклинаниями и ударил по алтарю. От земли поднялся туман, и все небо покрылось тучами. Но Сунь У-кун крикнул:

— Кому здесь подвластны облака?

И перед ним сразу же предстали отрок и юноша. Оба они почтительно приветствовали Сунь У-куна. Сунь У-кун объяснил им, в чем дело, и они тотчас же убрали облака и туман, небо стало ясным, и засияло солнце.

— Этот даос только и знает, что морочит голову правителю и дурачит простой народ,— смеясь, сказал Чжу Ба-цзе,— в действительности же он ни на что не способен. Два раза он ударил своей табличкой, а на небе не появилось никаких облаков!

Даос растерялся. Опершись на свой меч и распустив волосы, он произнес заклинание, сжег бумагу и снова ударил своей табличкой. В этот момент со стороны Южных ворот неба в воздухе появился Дэн Тянь-цзюнь в сопровождении Бога грома и Богини молнии, которые почтительно приветствовали Сунь У-куна. В третий раз сообщив о том, что с ним произошло, Сунь У-кун спросил:

— Зачем вы пришли сюда и чью волю выполняете?

— Заклинания этого даоса обладают волшебной силой,— сказал тогда Бог грома.— Нефритовый император, услышав их, приказал нам отправиться во дворец к Верховному повелителю грома. Мы должны выполнить его приказ и послать на землю гром, молнию и дождь.

— Но я прошу вас немного обождать и сделать это, когда я вам скажу.

Они согласились.

Между тем даос пришел в полное замешательство. Он стал еще более старательно возжигать фимиам, сжигал заклинания, возносил молитвы, бил в металлические таблички. В этот момент на небе появились цари — драконы четырех морей.

— Ао-гуан! — крикнул Сунь У-кун, преграждая им дорогу,— вы куда направились?

Все четыре царя приветствовали Сунь У-куна. И в четвертый раз пришлось Великому Мудрецу рассказать обо всем, что произошло.

— В свое время я доставил вам немало хлопот, однако мой долг еще не выполнен. Надеюсь, что и на этот раз вы не откажете мне в помощи.

— Я с готовностью выполню все, что вы от меня потребуете,— отвечал Царь драконов.

— Благодаря вашему сыну, который обуздал злого волшебника, мне удалось спасти нашего учителя,— сказал тогда Сунь У-кун, рассыпаясь в благодарностях перед Ао-шунем.

— Этот волшебник и сейчас сидит под замком и не смеет больше бесчинствовать,— отвечал Ао-гуан.— Только мы не знаем, как с ним поступить, и ждем вашего повеления.

— Делайте с ним что хотите,— отвечал Сунь У-кун.— А сейчас вы должны помочь мне. Даос уже ударил в четвертую табличку, и наступает моя очередь приниматься за дело. Ни сжигать заклинаний, ни бить в табличку я не умею. Вся надежда на вас.

— Вам стоит только приказать, Великий Мудрец,— сказал тут Бог грома,— никто не осмелится нарушить ваших приказаний. Однако вы должны подавать нам сигналы, иначе гром, молния и дождь — все смешается, и ваши старания окажутся напрасными.

— Я буду подавать сигналы своим посохом,— отвечал Сунь У-кун.

— О! — в ужасе воскликнул Бог грома.— Нам не вынести ударов вашего посоха!

— А я вовсе не собираюсь бить вас,— успокоил его Сунь У-кун.— Вы будете только следить за моим посохом. Когда я подниму его в первый раз, вы пошлете ветер.

— Слушаемся,— беспрекословно согласились Богиня ветров и Сунь Эр-лан.

— Когда подниму во второй раз, посылайте облака,— продолжал Сунь У-кун.

— Мы выполним все в точности,— отвечали отрок Облаков и юноша Туманов.

— После третьего раза вы должны послать гром и молнию.

— Все будет в точности выполнено,— отвечали Бог грома и Богиня молний.

— После четвертого взмаха посохом должен пойти дождь.

— Слушаемся,— сказали цари драконов.

— И, наконец, после того как я пятый раз взмахну посохом, дождь и ветер должны прекратиться, а небо — стать чистым и ясным. Только смотрите не перепутайте,— предостерег их Сунь У-кун, перед тем как уйти.

Наконец он опустился вниз и, встряхнувшись, вернул волосок на прежнее место. Никто, конечно, не заметил того, что проделал Сунь У-кун.

— Ну что ж, учитель,— громко сказал Великий Мудрец,— придется вам уступить свое место. Вы уже четырежды ударили в табличку, и все напрасно: ни ветра, ни облаков, ни грома, ни дождя — ничего нет. Теперь моя очередь.

Даос понял, что оставаться ему на алтаре больше незачем, и уступил свое место. Серdito сжав губы, он поднялся наверх, туда, где сидел император.

«Надо пойти за ним и послушать, что он будет говорить», — подумал Сунь У-кун.

— Я внимательно следил за тем, что вы делали,— сказал государь.— Вы четырежды ударили в металлическую дощечку, почему же не было ни грома, ни дождя? — спросил он.

— Драконы дождя сегодня ушли куда-то,— отвечал даос.

— Ваше величество! — крикнул Сунь У-кун.— Не верьте ему! Драконы дождя у себя дома. Просто ваш наставник не обладает достаточной силой. Вот вы увидите, как я, буддийский монах, сейчас вызову их.

— Хорошо,— сказал правитель.— Поднимитесь на алтарь. Я буду ждать появления дождя.

Сунь У-кун повернулся и пошел к алтарю, Проходя мимо Трипитаки, он взял его за руку и сказал:

— Учитель, пойдемте со мной.

— Но, ученик мой,— отвечал Трипитака,— я не умею вызывать дождь.

— Он погубит вас, учитель,— вмешался тут Чжу Ба-цзе.— Если не будет дождя, вас сожгут на костре.

— Не беда, что вы не знаете, как вызывать дождь,— сказал Сунь У-кун.— Важно то, что вы умеете читать священные книги, а остальное сделаю я сам.

Выслушав это, Трипитака взшел на алтарь, уселся на возвышении и, сосредоточившись, стал молча читать сутру Праджна парамита. Но не успел он начать, как неожиданно к ним приблизился сановник.

— Эй вы, монахи, почему вы не ударяете в таблички и не сжигаете заклинаний? — спросил он.

— А зачем? — громко отвечал Сунь У-кун.— Мы делаем все неспеша, спокойно.

Получив такой ответ, сановник вернулся на свое место.

Как только Трипитака закончил чтение псалма, Сунь У-кун вынул из уха свой посох и помахал им против ветра. Посох увеличился до двух чжанов в длину и стал толщиной с чашку. Затем Сунь У-кун поднял посох. Богиня ветров поспешно сняла с плеча свой мешок, а Сунь Эр-лан поспешил развязать его. В тот же миг на город обрушился ураган. Ветер срывал черепицу с крыш, в воздухе кружились кирпичи, песок и земля. Это был поистине страшный ураган. Вот послушайте сами:

Гнул рощи ветер; с ревом, наконец,
Валил деревья, ударял по ивам,
Ломал девятирусный дворец,
Шатая балки яростным порывом.

Померкло солнце, а песок взлетал,
Как будто бы он сделался крылатым,
И полководцы в фехтовальный зал
Не входят, опасеньями объята.

А у чиновников гражданских — страх,
У дам придворных — смятые прически;
Красавицам в дворцовых теремах
Страшны гремящей бури отголоски.

Трепещет перепуганная знать,
У Хоу и Бо * слетели ленты с шлема,
Сановники пытаются болтать,
Но во дворце от ужаса все немо.

Со шляп министров по ветру летят
И крылышки и дорогие перья,
И евнух, приготовивший доклад,
Застыл пред императорскою дверью.

Все ранги перепутались в беде
(И рыбки и нефритовые кони!),
Обломки ширм валяются везде,
Резьба разбита ставень и оконниц.

Слоновой кости родовых таблиц
Никто не видит; яркие халаты
Блистают тщетно; грохот черепиц
Наполнил государевы палаты.

Стал Колокольчиков золотых дворец
Зал Облаков парчовых лишь руиной,
И безутешен государь-отец,
Среди смятенья потерявший сына;

Так этот вихрь был бешен и упрям,
Так угрожал прохожим он с налета,
Что горожане скрылись по домам
И затворили ставни и ворота.

Ветер все крепчал. Тогда Сунь У-кун снова проявил волшебную силу и второй раз поднял свой посох. И вы взгляните только:

Появился малый отрок,
Подымавший в небе тучи;
Властелин туманов серых --
Вышел юноша могучий.

Отрок, тучи подымавший,
Смог к святой прибегнуть силе,
Бросить тучи, словно камни,
Чтобы мир они покрыли,

Юноша тумановластный
Смог божественною силой
Пелену спустить густую,
Чтобы мир она закрыла.

Попрузился город в сумрак,
Словно в полночь потемнело,
Ибо тучи Куэнь-луна
Вдруг покинули пределы.

Потянулись за дождями,
Мир покрыли мглой туманной,
Потонул дворец во мраке,
Всюду — хаос первозданный.

И вот, когда все вокруг окутал мрак и тучи заволокли небо, Сунь У-кун снова поднял свой посох. И, о ужас!

Бог грома явил свою ярость,
Мать молний от гнева пылала,
На землю скатился
На огненном звере
Бог грома;
Богиня же молний,
Змею ухватив, как попало,
Ушла от Полярной звезды
Из небесного дома.
Казалось, горы Течашань *
Наступило паденье,
И красные нити
Весь мир
Бороздили в разбеге.
И с грохотом этим сливалось
Раскатов гуденье.
Как будто без удержу мчались,
Сшибаясь, телеги.
И полю подобно,
Где ветрами рис раздувало,
Горело все небо
И молнией беглой
Блистало;
Вселенная сущность меняла,
Опять приходила в движенье.
Тогда насекомые вышли
Из зимнего оцепененья.
А сам император был в страхе,
Сановникам делалось плохо,
И все население дрожало
Под этот неистовый грохот.

Гром грохотал со страшной силой, непрерывно сверкала молния: земля, казалось, вот-вот расколется. Насмерть перепуганные жители города стали у себя в доме возжигать фимиам и жечь жертвенную бумагу.

— Милостивый Бог грома! — громко воскликнул Сунь У-кун. — Покарай смертью жадных и корыстолюбивых чиновников, а также строптивых и непочтительных детей в назидание другим.

Грохот усилился. Тогда Сунь У-кун снова поднял свой посох,

Цари драконов отдали приказ —
И дождь вселенную наполнил вскоре,
Казалось, это рухнул Млечный Путь
И облака выбрасывает море.

По крыше грозно барабанил дождь,
С остервенением струи в окна били,
Как будто изливался Млечный Путь
Иль воду выливали из бутылей.

Как выплеснутая сотнями тазов,
Вода все время подымалась выше,
И реки затопили берега
И заливали хижины до крыши.

А там, где тута высились сады,
Безбрежность моря залегла мгновенно,
И под водою скрылся материк,
И суши не осталось во вселенной.

Дракон священный это увидал:
Чтоб на врагов нагнать побольше страху
И чтоб друзьям верней помочь в беде,
Реку Янцзы он выплеснул с размаху.

Этот страшный ливень начался утром и лил до полудня. Весь город вместе с его окрестностями был затоплен.

— Хватит, хватит! — заволновался император. — От такого количества воды могут погибнуть все посевы.

Находившийся внизу чиновник, приставленный специально для связи, услышав это, ринулся к алтарю и крикнул:

— Святой монах, останови дождь!

Тогда Сунь У-кун в пятый раз поднял свой посох, и в то же мгновение гром прекратился, ветер стих, тучи рассеялись и небо стало чистым. Правитель был очень доволен.

— Чудо, а не монах! — раздавались восторженные возгласы придворных сановников. — Недаром говорится, что и среди самых сильных, всегда найдется сильнейший. Наш наставник умел вызывать дождь, но не мог сделать так, чтобы небо быстро прояснилось. После ливня, который он вызывал, некоторое время еще продолжал моросить мелкий дождь. Сейчас же благодаря одному взмаху посоха ярко засияло солнце и на небе не осталось ни облачка.

Правитель приказал позвать Трипитаку и его учеников во дворец и выдать им дорожные свидетельства. Но в тот момент, когда он хотел скрепить их печатью, вперед выступили даосы и обратились к императору с такими словами:

— Простите, ваше величество, но дождь, который только что прошел, все же был вызван нами, и этот монах здесь ни при чем.

— Ведь вы сами только что говорили, что драконов дождя нет дома, — сказал император. — Однако стоило этому монаху подойти к алтарю и совершить моления, как тотчас же пошел дождь. Не понимаю, как вы можете отрицать его заслуги.

— Взойдя на алтарь, я сделал все, что полагается: написал заклинания, затем сжег их и стал бить в металлические дощечки. Ни один дракон не осмелился бы не явиться на мой зов, — сказал бессмертный Сила тигра. — Очевидно, возникли какие-то препятствия. Возможно, духи, ведающие ветром, облаками, громом, молнией и дождем, куда-нибудь отравились. Но как только до них дошел мой приказ, они поспешили выполнить его. Однако в этот момент я сошел с алтаря и мое место занял этот монах. Таким образом дождь начался все же благодаря моему молению, а этому монаху просто повезло, и тут не может быть и речи о каких-то его заслугах.

Эти слова привели императора в полное замешательство. В этот момент вперед выступил Сунь У-кун и, почтительно сложив ладони рук, молвил:

— Ваше величество! В тех магических действиях, которые были совершены здесь, при вас, нет ничего особенного и спорить о них не приходится. Сейчас неподалеку отсюда, в небе, находятся четыре царя драконов. Я их еще не отпустил, а сами они удалиться не смеют. Так вот, если ваш советник сумеет заставить этих драконов появиться здесь, я готов признать, что заслуга принадлежит ему.

Слова Сунь У-куна пришлись правителю по нраву.

— Я уже двадцать три года как царствую, но еще ни разу не видел живого дракона. Вы оба обладаете волшебной силой. Так вот, мне безразлично, кто из вас победит. Кто вызовет дракона — будет вознагражден, кто не сумеет сделать этого — понесет наказание.

Но разве даос обладал силой, при помощи которой можно вызывать драконов? Да если бы даже он мог сделать это, то Царь драконов в присутствии Великого Мудреца все равно не осмелился бы явиться на его зов.

— Ничего у меня не получается, — признался даос. — Вызывай ты.

— Ао-гуан, ты где? — громко крикнул Сунь У-кун, подняв голову. — Явись вместе со своими братьями.

Услышав этот зов, драконы тотчас же приняли свой облик и, прорезая тучи, ринулись в зал Золотых колокольчиков. И что это была за картина!

Во время полета менялись драконы, взмывая,
Сжимались, тянулись они, как туманы и тучи,
Зеркальной была чешуя, серебром отливая,
И белые когти висели, как белые крючья.

И белыми лентами бороды их трепетали,
А головы их украшались прямыми рогами;
Рога были чисты, округлые очи блистали,
Сверкали они под крутыми высокими лбами.

Драконы являлись, скрывались путем неизвестным,
Полет их описывать кажется делом напрасным;
В ответ на молитвы дают они ливень чудесный,
Попросишь погоды — и небо становится ясным.

Явились они во дворец императорский ныне.
В лучистом сиянье, в своей настоящей святине.

Глядя на драконов, император тотчас же начал возжигать благовония, а стоявшие у трона министры и сановники стали с благоговением кланяться.

— Я доставил вам много хлопот своей просьбой спуститься с небес и сейчас не смею вас больше задерживать, — мол-

вил император.— Я выберу счастливый день для того, чтобы совершить жертвоприношение и отблагодарить вас.

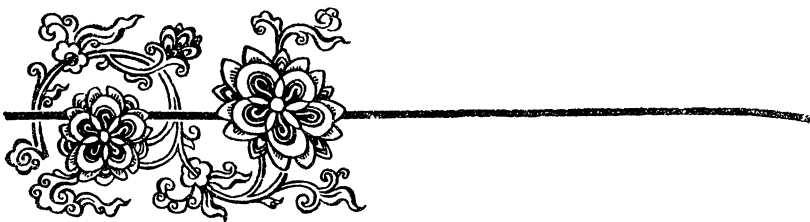
— Уважаемые духи, теперь вы можете удалиться,— произнес Сунь У-кун.— Император совершит жертвоприношение, чтобы отблагодарить вас.

После этого драконы вернулись каждый в свое море, а духи вознеслись на небо.

Велика закона истинного сила;
Высшая премудрость ереси разбила.

А теперь, если вы хотите узнать, как были изгнаны бессмертные даосы, прочитайте следующую главу.





ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ,

повествующая о том, как последователи еретического учения приложили все силы к тому, чтобы обмануть последователей истинного учения, и о том, как беспокойный Царь обезьян проявил мудрость и справился со злыми духами

Итак, убедившись в том, что Сунь У-кун обладает способностью вызывать драконов и распоряжаться духами, император решил скрепить печатью дорожные свидетельства Танского монаха, чтобы он мог продолжать свой путь. Но в этот момент даосы повалились императору в ноги. Император поспешил сойти с трона и, помогая им подняться, спросил:

— Что заставляет вас совершать такие церемонии, уважаемые наставники?

— Ваше величество,— молвили те,— вот уже двадцать лет, как мы отдаем все свои силы для пользы вашего государства и оберегаем мир и спокойствие ваших подданных. А эти буддийские монахи путем волшебства в один миг зачеркнули все наши заслуги и лишили нас нашей славы. Вы простили убийц только потому, что они вызвали дождь. Разве не является это доказательством несправедливого отношения к нам? Умоляем вас, ваше величество, не спешите скреплять печатью их дорожные свидетельства и разрешите нам еще раз померяться с ними силами.

Выслушав это, император еще больше растерялся. Не имея своего мнения, он прислушивался к тому, что говорят другие, и действительно отложил печать и дорожные свидетельства в сторону.

— В чем же вы хотите с ними состязаться, уважаемые наставники? — спросил он.

— Я предлагаю состязаться в самосозерцании,— отвечал Сила тигра.

— Мне кажется, что вы совершаете ошибку,— заметил император.— Ведь буддийские монахи непременно одержат верх. Если бы они не были совершенны в самосозерцании, их бы не послали за священными книгами. Поэтому я и удивляюсь, как можете вы даже помышлять о том, чтобы состязаться с ними.

— У нас есть свой, особый способ самосозерцания,— сказал на это Сила тигра,— и называется он «проявление мудрости на облачной лестнице».

— Что же это за способ? — поинтересовался император.

— Для того чтобы применить его, нам потребуется сто столов,— сказал Сила тигра.— Нужно соорудить два возвышения, по пятьдесят столов каждое; для этого столы ставятся друг на друга. Затем нужно взобраться по этой облачной лестнице без помощи рук и другой лестницы прямо на облака и просидеть там несколько часов подряд без всякого движения.

Император понял, что даос предлагает довольно трудный способ.

— Ну как, уважаемые монахи,— обратился он к путникам.— Может кто-нибудь из вас принять вызов нашего наставника?

В ответ на это Сунь У-кун пробормотал что-то непонятное.

— Что же ты, брат, молчишь? — тихонько спросил его Чжу Ба-цзе.

— Видишь ли, брат,— отвечал ему Сунь У-кун,— не стану тебя обманывать. Если бы мне предложили устроить заваруху на небе или внизу в колодцах, взбаламутить море, повернуть вспять реку, перенести гору или же прогнать луну, переместить Полярную звезду или созвездия,— все это не составило бы для меня никакого труда. Пусть даже мне сказали бы снять собственную голову, раскроить череп и вытащить мозг, распороть живот и вынуть сердце и внутренности, или совершить еще какие-нибудь необычные превращения,— все это меня ничуть не испугало бы. Но спокойно сидеть и погрузиться в самосозерцание я не смогу и наверняка проиграю. Разве это по моему характеру? Если бы даже меня приковали к верхушке железного столба, я и то не смог бы усидеть на месте и непременно старался бы взобраться либо еще выше, либо спуститься вниз.

— Но ведь я могу погрузиться в самосозерцание,— неожиданно сказал Трипитака.

— Вот и чудесно! — радостно воскликнул Сунь У-кун.— А сколько времени можете вы просидеть без движения?

— Когда я был молод,— отвечал Трипитака,— мне посчастливилось встретить лучших учителей-монахов. У них я и

научился погружаться в самосозерцание, я могу просидеть два-три года на грани между жизнью и смертью.

— Если вы будете столько времени сидеть,— заметил Сунь У-кун,— мы никогда не добудем священных книг. Посидите часа три — и хватит.

— Но, ученик мой,— молвил Трипитака,— беда вся в том, что я не смогу взобраться на это возвышение.

— Ничего,— сказал Сунь У-кун,— вы только дайте свое согласие, а об остальном я сам позабочусь.

Тогда Трипитака почтительно сложил ладони рук и, склонившись перед императором, сказал:

— Ваше величество, я обладаю способностью погружаться в самосозерцание.

После этого император велел соорудить два возвышения. А надо вам сказать, что в этом государстве было очень много рабочего люда. Не прошло и часа, как рядом с залом Золотых колокольчиков выросло два возвышения. После того как все было готово, Сила тигра вышел из дворца и, совершив прыжок, очутился на облачном ковре. Этот ковер доставил его на возвышение с западной стороны, где Сила тигра и уселся.

В этот момент Сунь У-кун выдернул у себя волосок и превратил его в свою точную копию. Этот двойник и остался стоять рядом с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. Сам же Сунь У-кун превратился в радужное облако и поднял Трипитаку на возвышение с восточной стороны. Когда Трипитака уселся, Сунь У-кун из облака превратился в комара и, подлетев к Чжу Ба-цзе, шепнул ему на ухо:

— Смотри, хорошенько охраняй учителя и не вступай в разговоры с моим двойником, который будет стоять рядом с тобой.

— Понятно,— со смехом отвечал Чжу Ба-цзе.

Тем временем даос Сила оленя, восседая на расшитом сиденье, наблюдал за состязанием. Однако, видя, что никто не побеждает, решил прийти на помощь своему приятелю. Он выдернул у себя из затылка волосок, произнес заклинание и, скатав волосок в шарик, подбросил его вверх. Волосок попал прямо на голову Танскому монаху и тут же превратился в клопа. Вначале Трипитака почувствовал зуд, а немного погодя даже боль. Предаваясь самосозерцанию, следует сидеть совершенно неподвижно. Малейшее движение равносильно проигрышу. Через некоторое время Трипитака почувствовал нестерпимую боль и, втянув голову в плечи, почесал место укуса о воротник.

— Плохи дела,— сказал Чжу Ба-цзе, заметив это.— У учителя, кажется, начинается приступ падучей болезни.

— Нет, просто у него голова заболела от ветра,— возразил Ша-сэн.

— Наш учитель — человек необыкновенной честности, — отвечал на это Сунь У-кун. — Раз он сказал, что умеет предаваться самосозерцанию, значит, это так и есть. Если он чего-нибудь не умеет, то всегда прямо об этом говорит. Разве человек высшего порядка может вводить кого-нибудь в заблуждение? Вы не волнуйтесь. Я сейчас поднимусь к учителю, и все узнаю.

Он с жужжаньем полетел вверх и уселся на голову Трипитаки. Тут он увидел, что в голову Трипитаки впился огромный, величиной с горошину, клоп. Сунь У-кун смахнул клопа рукой и почесал место укуса. Не чувствуя больше зуда, Трипитака выпрямился и снова предался самосозерцанию.

«На выбритой до блеска голове монаха даже вошь не удержится, — раздумывал между тем Сунь У-кун. — Каким же образом здесь очутился такой огромный клоп? Это, конечно, проделки даосов, которые задумали погубить нашего учителя. Ха-ха! Напрасно, друзья, стараетесь, ничего у вас не получится. Погодите, сейчас я устрою вам штучку».

Сунь У-кун взлетел на крышу дворца и, встряхнувшись, превратился в сороконожку, длиной в семь цуней. Тут он заполз даосу в нос и изо всех сил впился ему в кожу. Даос утратил все свое спокойствие, дернулся и кувырком полетел вниз. Он разбился бы насмерть, если бы стоявшие внизу чиновники не подхватили его.

Правитель не на шутку перепугался, и приказал отнести даоса в зал Изящной литературы, чтобы привести его в чувство. Между тем Сунь У-кун на облаке опустил Трипитаку вниз и поставил его перед тронем. Трипитака был признан победителем.

После этого правитель решил отпустить путников. Но тут вперед выступил даос Сила оленя.

— Ваше величество, — молвил он, — у моего брата скрытая болезнь, и вот, когда он очутился наверху и его прохватило ветром, болезнь вспыхнула с новой силой. Только поэтому буддийский монах смог одержать верх. Прошу вас, не отпускайте этих монахов. Пусть посостязаются с нами в «отгадывании того, что находится за досками».

— А что это значит? — спросил правитель.

— Я умею узнавать, что скрыто за досками, — отвечал даос, — и хочу посмотреть, могут ли буддийские монахи делать это. Если они победят меня, отпустите их: пусть идут своей дорогой. Если же проиграют, притяните их к ответу и накажите. Тем самым вы отомстите за обиду, нанесенную нашему старшему брату и не опорочите наши заслуги, которые мы оказали вашей стране за эти двадцать лет.

Правитель снова растерялся, однако решил послушаться даоса. Он приказал отнести красный лакированный ящик на женскую половину дворца и велел жене положить туда

какую-нибудь драгоценность. Когда ящик принесли в зал и поставили перед тронем, правитель сказал:

— Сейчас последователи двух учений должны призвать всю силу своей прозорливости и угадать, какая драгоценность находится в этом ящике.

— Ученик мой,— молвил Трипитака,— как же можно узнать, что спрятано в этом ящике.

Сунь У-кун превратился в цикаду и, усевшись на голову Трипитаки, сказал:

— Не беспокойтесь, учитель, сейчас я выясню, что там спрятано.

И вот наш чудесный Мудрец тихонько подлетел к ящику, подполз под него и, отыскав на дне небольшую трещинку, вполз внутрь. В ящике он увидел красное, покрытое глазурью блюдо, а на нем царское парадное одеяние, состоящее из роскошного халата и великолепного передника. Приподняв все эти вещи, Сунь У-кун встряхнул их и, прикусив язык, sprыснул показавшейся из ранки кровью, крикнув при этом: «Изменитесь!» В тот же миг роскошный наряд превратился в старый разбитый колокол. Из озорства Сунь У-кун не удержался и помочился на него. После этого он выполз из ящика и, подлетев к уху Трипитаки, тихонько произнес:

— Учитель, скажите им, что там находится старый разбитый колокол.

— Речь идет о драгоценности, которая находится в этом ящике,— отвечал Трипитака,— а ты выдумал какой-то старый разбитый колокол. Какая же это драгоценность?

— Не обращайте внимания на их слова, слушайте меня — и все,— успокоил его Сунь У-кун.

Трипитака выступил вперед и только было собрался сказать, что находится в ящике, но тут Сила оленя перебил его:

— Разрешите, я скажу. В ящике находится роскошное парадное одеяние, состоящее из халата и передника.

— Нет, нет,— возразил тут Трипитака.— В ящике лежит старый разбитый колокол.

— Да этот монах, оказывается, невежа,— возмутился правитель.— Он смеет насмехаться над нами и говорит, что какой-то старый разбитый колокол — для нас драгоценность. Взять его!

Подчиненные бросились было выполнять приказ, но перепуганный Трипитака, почтительно сложив ладони рук, воскликнул:

— Сжальтесь надо мной, над бедным монахом, ваше величество! Велите открыть ящик. Если там действительно окажется какая-нибудь драгоценность, я готов понести наказание. Если же там ее не окажется, я могу невинно пострадать.

Тогда правитель приказал открыть ящик, и, к великому

удивлению всех присутствующих, оттуда вытащили старый, разбитый колокол.

— Кто положил эту вещь сюда?! — разгневанно воскликнул правитель.

— Мой повелитель, — молвила в ответ супруга, появившаяся в этот момент из-за трона. — Я собственными руками положила в ящик парадное царское одеяние. Как мог очутиться здесь этот разбитый колокол, я совершенно не понимаю.

— Ты можешь удалиться, — сказал тогда правитель своей супруге. — Теперь я знаю, что делать. Вещи, которые находятся во дворце, сделаны из самого лучшего материала. Как же могла появиться здесь подобная рухлядь? Несите ящик за мной, — приказал он своим приближенным, — я сам положу туда что-нибудь, и мы повторим испытание.

Удалившись в сад, расположенный позади дворца, правитель подошел к волшебному персиковому дереву, сорвал с него плод, величиной с чашку, и положил его в ящик. После этого ящик принесли обратно, и правитель приказал продолжать состязание.

— Ученик мой, — тихо произнес Трипитака, — что же мне теперь делать?

— Не беспокойтесь, учитель, — отвечал Сунь У-кун, — сейчас я посмотрю, что там лежит.

С этими словами Сунь У-кун подлетел к ящику и снова через щель проник внутрь. И тут он увидел то, что нравилось ему больше всего на свете, — он увидел персик. Приняв свой обычный вид и присев на корточки, Сунь У-кун с превеликим наслаждением съел персик и со всех сторон облизал его, оставив одну косточку. Затем, превратившись в цикаду, он подлетел к уху учителя и сказал:

— Учитель, скажите им, что там лежит косточка от персика.

— Не терзай ты меня, ученик мой, — взмолился Трипитака. — Если бы в прошлый раз я вовремя не остановил императора, то теперь наверное был бы уже казнен. Я должен отгадать, какая там находится драгоценность, а что же за драгоценность — косточка от персика?

— Ни о чем не беспокойтесь, — успокоил его Сунь У-кун, — и не сомневайтесь в том, что победите.

Трипитака выступил вперед и хотел сказать, что находится в ящике, но его тут же перебил Сила барана, который сказал:

— Разрешите мне первому сказать, что находится в ящике. Там лежит персик.

— Нет, не персик, — возразил тогда Трипитака, — а только косточка от него.

— Какая еще косточка! — воскликнул правитель. — Я собственными руками положил туда персик. Даос прав.

— Может быть, вы, ваше величество, все же прикажете открыть ящик, чтобы посмотреть, что там лежит,— заметил Трипитака.

И когда ящик открыли, там действительно обнаружили только косточку. Никаких следов персика, даже кожицы, не оказалось.

— Мои верные наставники,— промолвил пораженный император,— вам лучше отказаться от состязания с этими монахами. Пусть они идут дальше. Я собственными руками положил туда персик, а сейчас от него осталась одна косточка. Кто же съел его? Очевидно, этим людям тайно помогают духи.

Услышав это, Чжу Ба-цзе ехидно улыбнулся и шепнул Ша-сэну:

— Они еще не знают, какой у Сунь У-куна опыт по уничтожению персиков.

В этот момент из зала Изящной литературы показался даос Сила тигра. Он полностью пришел в себя.

— Ваше величество,— молвил даос, подходя к императору.— Эти монахи знают только, как перемещать и подменять предметы неодушевленные. Велите принести сюда ящик, и я раскрою все их волшебство. Надо заставить их отгадать еще один раз.

— Что же вы хотите предложить сейчас? — спросил правитель.

— Ведь они,— продолжал Сила тигра,— могут подменять только неодушевленные предметы. Давайте посадим в ящик даосского послушника, его-то они не смогут подменить.

Так и сделали. Послушника посадили в ящик и крепко-накрепко закрыли крышкой.

— Ну, монахи,— сказал правитель,— придется вам отгадывать в третий раз. Итак, скажите, какая драгоценность находится сейчас в ящике?

— Опять начинается,— простонал Трипитака.

— Ничего, сейчас я все выясню,— утешил Трипитаку Сунь У-кун.

Он снова полетел к ящику, вполз в него и увидел там даосского послушника. И, о чудесный Мудрец! Он был столь искусен и опытен в превращениях и столь мудр, что никто в Поднебесной не мог с ним сравниться. Он слегка качнул корпусом и принял вид монаха-даоса.

— Ученик,— позвал он послушника.

— Как вы попали сюда, учитель? — изумился тот.

— Я стал невидимым и проник сюда,— отвечал Сунь У-кун.

— Вы хотите дать мне какие-нибудь наставления? — спросил послушник.

— Эти монахи видели, как тебя посадили в ящик,— отвечал ему Сунь У-кун.— Таким образом, они выиграют. Поэтому я решил прийти поговорить с тобой. Обрею голову, как это делают буддисты, тогда мы выиграем, сказав, что в ящике буддийский послушник.

— Я во всем повинуюсь вам,— отвечал на это послушник.— Главное, чтобы мы победили. Если мы еще раз проиграем, то навсегда потеряем доверие и уважение, которыми пользуемся при дворе.

— Совершенно верно,— подтвердил Сунь У-кун.— Подойди ко мне, сын мой. Если мы выиграем, я тебя щедро вознагражу.

С этими словами Сунь У-кун взмахнул своим посохом и превратил его в бритву. Затем он обхватил послушника за шею и сказал:

— Ну, дорогой, если будет больно, ты немного потерпи и не кричи, когда я буду тебя брить.

В один момент он обрил послушника и, скатав его волосы в комочек, заткнул их в уголок ящика. Затем он спрятал бритву и, поглаживая голову послушника, сказал:

— Ну, сынок, башка теперь у тебя, как у буддийского монаха, только вот платье на тебе не то. Сними его, я дам тебе другое.

На послушнике был широкий даосский халат светло-зеленого цвета, окаймленный снизу парчой с узорами облаков. Когда послушник снял его, Сунь У-кун дунул и сказал: «Изменись!» И халат тотчас же превратился в желтую буддийскую рясу. После этого Сунь У-кун выдернул у себя два волоска. Один он превратил в деревянный барабан, имеющий форму рыбы, который обычно носят при себе буддийские монахи, и, передавая этот барабан послушнику, сказал:

— А теперь внимательно прислушивайся: если позовут послушника-даоса, ни в коем случае не отзывайся. Когда же позовут послушника-буддиста, открывай крышку и с барабанным боем и пением псалма вылезай из ящика. Сделаешь все, как я тебе сказал, и победа обеспечена.

— Но я не знаю буддийских псалмов,— сказал послушник.— Я знаю только псалмы даосские: псалом Полярной звезды, псалом, избавляющий от бедствий, а также псалом трем духам.

— Но, может быть, ты знаешь какое-нибудь молитвенное обращение к Будде? — спросил Сунь У-кун.

— Я знаю то, что все знают: Амитофо! * — отвечал послушник.

— Ну, тогда все в порядке,— обрадовался Сунь У-кун,— с этими словами и выходи из ящика. Только смотри, не забудь ничего, что я тебе говорил.

Сказав это, Сунь У-кун снова превратился в цикаду, вы-

брался из ящика и, подлетев к уху Танского монаха, прошептал:

— Учитель, скажите, что в ящике буддийский монах.

— Ну, на этот раз они непременно выиграют,— сказал Трипитака.

— Почему же? — удивился Сунь У-кун.

— Потому что в священном писании говорится: «Будда, учение и монахи — являются истинными драгоценностями буддизма». Значит, монах является одной из драгоценностей.

В это время вперед выступил даос Сила тигра.

— Ваше величество,— сказал он,— на этот раз в ящике находится даос-послушник.

И он громко позвал послушника. Однако послушник и не подумал отозваться.

— Там находится буддийский монах,— проговорил тогда Трипитака.

Чжу Ба-цзе громким голосом повторил то же самое.

Вслед за этим крышка ящика открылась и оттуда с барабанным боем, воспевая Будду, появился послушник. Это вызвало всеобщий восторг, и все как один громко захлопали в ладоши. Что же касается государственных наставников-даосов, то они стояли молча, плотно сжав губы.

— Нет сомнения в том, что этим монахам помогают духи,— сказал тогда правитель.— Иначе как бы мог очутиться в ящике буддийский монах? Ведь посадили туда даоса. Ну, допустим, что в ящик каким-то образом проник циркульник, который обрил послушника, но откуда взялась монашеская ряса? Ведь она словно сшита на него. И потом, почему он обращается к Будде? Нет, дорогие наставники, вы должны уступить этим монахам. Пусть идут своей дорогой.

— Ваше величество,— возразил тут даос Сила тигра,— как говорится: «За шашками встретились достойные соперники, полководец столкнулся с равным по силе противником». В молодости, живя на горе Чжуннаньшань *, мы овладели военным искусством, в котором и хотим посостязаться с ними.

— В чем же состоит ваше искусство? — спросил правитель.

— Таинственная сила, которой мы обладаем, заключается в том, что мы можем водворить на место отрубленную голову; нам можно разрезать живот, вынуть все внутренности, и мы, как ни в чем не бывало, вернем их на прежнее место; мы можем даже опуститься в котел с кипящим маслом.

— Да ведь это верная смерть,— с ужасом сказал император.

— Если бы мы не обладали подобной силой, я не осмелился бы заговорить об этом,— возразил даос.— Нет, мы требуем, чтобы они посостязались с нами, иначе мы не успокоимся.

— Ну что же,— обратился к паломникам правитель,— придется вам согласиться. Иначе мои наставники не отпустят вас.

Сунь У-кун, который все еще оставался цикадой и говорил Трипитаке, что ему следует делать, услышав подобное предложение, принял свой обычный вид и, громко рассмеявшись, воскликнул:

— Ну и повезло же мне! Покупатель сам идет к дверям нашей лавки*.

— Чему тут радоваться, не понимаю,— удивился Чжу Ба-цзе.— Все три способа, о которых он говорил,— это кратчайший путь к смерти.

— Ты еще не знаешь, на что я способен,— сказал Сунь У-кун.

— Дорогой брат,— отвечал Чжу Ба-цзе,— хватит с тебя тех превращений, которые ты уже проделал. Неужели у тебя в запасе имеются еще какие-то чудеса?

Тогда Сунь У-кун отвечал ему:

Если мне отрубят голову —
Все равно не замолчу,
Если мне отрубят руки —
Все равно поколочу!
Если мне отрубят ноги —
Я смогу ходить без них,
Если вскрыют мне утробу —
Буду я живей других.
И себя легко и просто
Вновь слеплю я, как пельмень,
Защиплю — и все на место
Снова станет в тот же день...
А в кипящем этом масле
Искупаться — не беда!
Для меня оно, как в бае
Подогретая вода.

Выслушав его, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не могли удержаться и расхохотались. Между тем Сунь У-кун выступил вперед и сказал:

— Ваше величество, я согласен, пусть мне отрубят голову.

— Как, тебе известен этот способ? — удивился император.

— В прежние годы, когда я в монастыре занимался самоусовершенствованием,— сказал Сунь У-кун,— мне посчастливилось встретиться с одним буддийским монахом, который и обучил меня способу усечения головы. Насколько хорош этот способ, я не знаю. Но сейчас можно его испробовать.

— Этот монах по молодости лет совершенно не понимает, что говорит,— сказал с усмешкой правитель.— Как можно рисковать собственной головой? Разве это шутки? Ведь голова — самая главная из шести частей тела. С ее отсечением наступает смерть.

— Ваше величество,— сказал тут даос Сила тигра,— это-то мы и хотим. Только их смерть может успокоить наш гнев.

Правитель послушал даоса и приказал готовить помост для отсечения головы, а перед ним выстроить три тысячи солдат дворцовой гвардии.

— Пусть первым на отсечение головы пойдет буддийский монах,— приказал правитель.

— С большим удовольствием,— радостно воскликнул Сунь У-кун.— Вы уж извините меня, наставник,— сказал он, громко обращаясь к даосу.— За мою неучтивость придется мне первому идти.

— Ученик мой,— остановил его Трипитака.— Будь осторожнее. Это не шутка!

— А что мне их бояться? — возразил Сунь У-кун.— Уберите свои руки, учитель, и дайте мне пройти.

И вот, когда Великий Мудрец поднялся на помост, палачи схватили его, связали и положили его голову на плаху.

— Рубить! — раздался приказ.

Зазвенел меч, и голова Сунь У-куна отлетела прочь. Палач отшвырнул ее ногой, и она покатилась, словно арбуз, остановившись в сорока шагах от места казни. Крови не было. Вдруг послышался голос:

— Голова, назад!

Даос Сила оленя даже растерялся, услышав это, и произнес заклинание, вызвал местных духов земли.

— Удержите голову на месте,— приказал он им,— и, когда мы возьмем верх над этими монахами, я попрошу правителя вместо кумирни выстроить храм, а ваши статуи, сделанные из глины, заменить статуями из чистого золота.

Местные духи, находившиеся во власти даосов, не посмели послушаться приказа и сделали так, что голова Сунь У-куна как бы приросла к месту. Никакие заклинания не помогали. Сунь У-кун уже не на шутку перепугался. Сжав кулаки, он поднатужился и, разорвав веревки, крикнул:

— Расти!

В тот же миг у него появилась новая голова. Палачи и дворцовая гвардия были повержены в ужас. Главный палач поспешил к правителю.

— Ваше величество,— молвил он,— у монаха выросла новая голова.

— Кто мог подумать, что он обладает такими способностями,— не без ехидства шепнул Чжу Ба-цзе Ша-сэну.

— Он обладает способностью семидесяти двух перевоплощений,— сказал Ша-сэн.— Значит, семьдесят два раза у него может вырастать новая голова.

В этот момент к ним подошел Сунь У-кун,

— Учитель!

— Дорогой ученик мой! — обрадовался Трипитака. — Тебе пришлось тяжело, — участливо сказал он.

— Нисколько, — отвечал Сунь У-кун. — Все это для меня просто шутка.

— Дорогой брат, — сказал тут Чжу Ба-цзе. — Может быть, приложить к ране какое-нибудь лекарство?

— А ты посмотри, есть ли у меня рана.

Дурень пощупал шею Сунь У-куна и замер от удивления.

— Да ведь это чудесно, это замечательно! — восклицал он. — Никаких следов!

В этот момент прозвучал приказ правителя выдать им проездные бумаги.

— Я не считаю вас виновными, — сказал он, — и советую вам как можно скорее уходить отсюда.

— Весьма признательны вам, — сказал на это Сунь У-кун, — но, прежде чем покинуть вашу страну, я хочу, чтобы ваш наставник прошел такое же испытание, как и я.

— Дорогой наставник, — сказал тогда правитель, — этот монах не хочет освобождать вас от состязания. И раз уж вы начали его, так доведите до конца, чтобы мне не было стыдно за вас.

После этого даосу не оставалось ничего иного, как взойти на помост. Палачи связали его и положили голову на плаху. Сверкнул меч, и голова даоса откатилась прочь шагов на тридцать. Однако, как и у Сунь У-куна, крови не было.

— Голова, назад! — слышался голос.

В этот момент Сунь У-кун поспешно выдернул у себя волосок, и, дунув на него, крикнул: «Изменись!» В тот же миг волосок превратился в рыжую собаку, которая быстро подбежала к месту казни, схватила голову даоса и бросилась к окружающему дворцу рву с водой. Туда она и бросила голову даоса.

Три раза даос приказывал голове вернуться на место, однако ничего из этого не вышло. Новая голова у даоса не выросла. Он не обладал такими способностями, как Сунь У-кун. Вскоре из раны хлынула кровь. Искусство вызывать ветер и дождь тоже не могло помочь. Разве мог он сравниться с бессмертным, постигшим вечную Истину! Даос был мертв. Но, о чудо! На земле лежал уже не даос, а обезглавленный желтый тигр.

— Ваше величество, — поспешил доложить правителю главный палач, — у наставника не выросла новая голова, и он остался лежать мертвым. А теперь на его месте лежит обезглавленный желтый тигр.

Услышав это, правитель даже в лице изменился от страха и во все глаза уставился на находившихся около него двух других даосов.

— Судьба и счастье моего брата исчерпались, — сказал

тут, поднявшись с места, Сила оленя,— но я не верю, что он превратился в этого желтого тигра. Все это проделки буддийских монахов. Я должен отомстить им. Пусть посостязаются со мной в разрезании живота.

Выслушав его, государь немного успокоился.

— Наш второй наставник,— обратился он к Сунь У-куну,— еще раз вызывает тебя на состязание.

— Что ж,— отвечал Сунь У-кун.— Надо сказать, что я давно не ел горячей пищи, и вот несколько дней тому назад нам повстречался один благодетель, который угостил нас пампушками и заставил съесть больше, чем следует. Поэтому последние дни я ощущаю боль в желудке и думаю, что там завелись червяки. Я как раз хотел попросить у вас, ваше величество, меч, чтобы распороть себе живот и прочистить внутренности. Тогда весь остальной путь я не буду испытывать никаких неприятностей.

— Взять его! — приказал правитель.

Тут на Сунь У-куна налетела целая толпа людей, которые схватили его и потащили прочь. Однако Сунь У-кун освободился от них.

— Нечего меня тащить, сам пойду,— сказал он.— Руки прошу мне оставить свободными, чтобы я мог промыть свои внутренности.

— Не связывать ему руки! — приказал правитель.

После этого Сунь У-кун вразвалку подошел к помосту, прислонившись к столбу, развязал пояс и обнажил живот. Палачи привязали его одним концом веревки за шею, а другим — за ноги. Палач взял небольшой нож, каким отрезают уши у быков, и одним взмахом распорол Сунь У-куну живот. Образовалась широкая, зияющая рана. Сунь У-кун сделал ее еще шире, вытащил свои внутренности и стал их тщательно перебирать. После этого он уложил их на прежнее место в полном порядке, как они лежали раньше, и, стянув кожу, дунул на нее, сказав при этом:

— Зарастай! — в тот же момент кожа срослась.

— Вот ваши дорожные бумаги,— испуганно сказал правитель.— Берите их и не задерживайтесь больше.

— Да бумаги сейчас не так важны,— сказал на это Сунь У-кун.— Мы хотели бы, чтобы ваш второй наставник распорол себе живот. Каково ваше мнение?

— Я тут ни при чем,— отвечал правитель, обращаясь к даосу Сила оленя.— Вы сами хотели состязаться с ним, вот и состязайтесь.

— Охотно,— согласился даос.— Я уверен в том, что не проиграю.

С этими словами даос так же важно, как и Сунь У-кун, прошел к месту состязаний. Палачи связали его и одним взмахом меча распоролы ему живот. Даос, подражая Сунь

У-куну, вытащил свои внутренности и стал приводить их в порядок. В этот момент Сунь У-кун выдернул у себя волосок и, дунув на него, сказал:

— Изменись!

И волосок тотчас же превратился в коршуна, который, распустив крылья, ринулся к даосу и, схватив его внутренности, скрылся. От даоса остался жалкий окровавленный труп с распоротым животом. Палачи свалили столб и, оттащив труп, к своему изумлению увидели тушу белого рогатого оленя. Главный палач был поражен и бросился к правителю.

— Второго наставника тоже постигла неудача,— доложил он.— Коршун утащил его внутренности. Наставник мертв, но теперь на его месте белый олень.

— Как так олень? — с ужасом спросил правитель.

— Мой почтенный брат может быть и погиб,— сказал тут даос Сила барана,— но я не верю, что он превратился в оленя. Все это проделки монахов, которые хотят погубить нас. Я должен отомстить за своих братьев.

— Чем же вы можете победить этих монахов? — спросил правитель.

— Каждый из нас опустится в котел с кипящим маслом,— отвечал даос.

Правитель велел принести огромный котел, наполнить его маслом, а затем приказал соперникам начать состязание.

— Премного благодарен вам за ваши заботы,— сказал тут Сунь У-кун.— Я давно уже не имел возможности помыться и последнее время даже ощущаю зуд. Вот сейчас как раз и выкупаюсь.

Когда котел был установлен, его наполнили маслом, принесли хворост и развели огонь. Как только масло закипело, Сунь У-куну предложили залезть в котел.

— Не знаю только, какое купанье вы предпочитаете — гражданское или военное? — почтительно сложив руки обратился Сунь У-кун к правителю.

— А какая между ними разница? — спросил император.

— При гражданском купанье одежды не снимают,— пояснил Сунь У-кун,— и, скрестив руки, бросаются в воду вниз головой. При этом одежда ни в коем случае не должна быть запачкана. Маленькое пятнышко уже означает проигрыш. При военном купанье необходимо раздеться догола и прыгнуть в котел, а там по собственному усмотрению проделывать разные прыжки, фокусы и вообще забавляться вовсю. Надо также принести вешалку для одежды и полотенце.

— Какой же из этих двух видов купанья вы предпочитаете? — обратился государь к даосу Сила барана.

— Если выбрать гражданское купанье,— смекнул даос,— то этот мошенник, пожалуй, пропитает свое платье какой-ни-

будь жидкостью, которая предохранит его от масла. Лучше военное купанье.

— Простите мне мою неучтивость,— сказал, выступив вперед, Сунь У-кун.— Мне все время придется начинать.

С этими словами он разделся, потянулся всем телом, прыгнул прямо в котел с кипящим маслом и начал там барахтаться и кувыркаться, словно купался в воде.

— Ну и обезьяна! — шепнул Чжу Ба-цзе Ша-сэну, глядя на Сунь У-куна и покусывая пальцы.— Зря мы подтрунивали над ней. Кто мог подумать, что она способна на такие дела?

Вдруг Сунь У-кун заметил, что они шепчутся, и это показалось ему подозрительным.

«А Дурень продолжает издеваться надо мной,— подумал он.— Вот уж поистине: «Умный трудится, а дурак наслаждается праздностью». Мне приходится проделывать всякие штуки, а они стоят себе и блаженствуют. Ну, погодите, подстрою я вам штуку, натерпитеесь страху».

Сунь У-кун с шумом погрузился в котел и, опустившись на дно, превратился в финиковую косточку.

— Ваше величество,— доложил главный палач,— монашек сварился.

Правитель очень обрадовался и приказал выловить из котла тело Сунь У-куна. Палач взял шумовку и стал шарить ею в котле. Однако отверстия в шумовке были чересчур велики, и Сунь У-кун, превратившийся в финиковую косточку, естественно, проскальзывал сквозь них.

— Этот монах был совсем тщедушный и, видимо, от него ничего не осталось,— сообщил главный палач.

— Схватить остальных трех монахов и бросить их в котел! — приказал тогда правитель.

Сначала схватили Чжу Ба-цзе, и так как вид у него был особенно страшный, его повалили лицом вниз, а затем скрутили ему назад руки.

— Ваше величество,— воскликнул в совершенном смятении Трипитака.— Простите смиренного монаха. Мой ученик, приняв нашу религию, совершил немало славных дел. И теперь, когда он погиб в котле с кипящим маслом, я не хочу больше жить. Вы — правитель, и все здесь подвластно вам. Прикажите мне умереть, и я умру. Только перед смертью я хотел бы просить вас об одной милости: велите принести мне полчашки холодного рисового отвара и три бумажных жертвенных коня. Я совершу жертвоприношение душе умершего и помолюсь за него. После этого я готов принять смерть.

— Недаром говорят,— заметил правитель,— что китайцы отличаются высоким чувством долга.

После этого он велел принести все, что просил Трипитака. Когда это было сделано, Трипитака позвал Ша-сэна и вместе

с ним подошел к котлу. Несколько человек схватили Чжу Ба-цзе за уши и тоже подтащили его к котлу.

— О ученик мой, Сунь У-кун! — воскликнул Трипитака:

С тех пор как ты принес монашеский обет,
Ты в путешествии спасал меня от бед,
Заботу, милость и любовь твою ко мне
Тогда не раз в чужой я видел стороне.
Хотели мы достичь Великого пути,
Как мог задумать ты в обитель тьмы уйти?
При жизни к одному ты весь был устремлен,
И цель твоя была — достать святой канон,
И, даже смерть вкусив, ты веру сохранил.
В какой бы дальний край твой дух ни воспарил,
Меня ты должен ждать средь гробовых святынь,
И вместе улетим мы на гору Лэй-инь*.

— Учитель, — не вытерпел Чжу Ба-цзе. — Вы молитесь совсем не так, как нужно. Ша-сэн! Ты поднеси за меня чашку с рисовым отваром, а я буду читать молитву. — И он, тяжело дыша, заговорил:

Ты, обезьяна с шерстью шелудивой,
Невежественный бимавэнь!
Ты, на смерть осужденный справедливо,
Варишься в масле, бимавэнь!
Вот для тебя пришел последний день!
Покончено с тобою, бимавэнь!

Сунь У-кун, который все это слышал, не выдержал, принял свой обычный вид и, выскочив наружу, как был голый и весь в масле, стал на краю котла.

— Дубина неотесанная! — крикнул он. — Ты кого это тут ругаешь?

— Ученик мой! — воскликнул Трипитака. — Как ты напугал меня!

— Да, прикидываться мертвым наш брат мастер, — заметил Ша-сэн.

— Ваше величество, — докладывали в это время перепуганные насмерть чиновники. — Монах вовсе не умер. Видите, он вынырнул из масла.

Между тем главный палач, опасаясь, как бы его не наказали за ложное донесение, поспешил доложить:

— Вначале монах действительно сварился, но так как он умер в неположенный день, душа его вернулась обратно.

Услышав это, Сунь У-кун рассвирепел. Он выскочил из котла, вытерся и надел платье. Затем он схватил свой посох и, взмахнув им, ринулся на главного палача. Удар был тяжел, и от палача осталось мокрое место.

— У кого это душа вернулась? — кричал Сунь У-кун.

Перепуганные насмерть чиновники поспешили освободить от веревок Чжу Ба-цзе и, повалившись на колени, взмолились:

— Смилюйтесь над нами, смилюйтесь!

Правитель сошел с трона и хотел было удалиться, однако Сунь У-кун задержал его:

— Ваше величество, а теперь прикажите вашему наставнику искупаться в масле.

— О мой наставник,— произнес государь, дрожа от страха,— спасите меня! Скорее искупайтесь в масле, иначе этот монах пустит в ход свой посох.

Сила барана сошел вниз, так же, как и Сунь У-кун, снял с себя одежду и, прыгнув в котел, стал там плавать и кувираться.

Оставив правителя, Сунь У-кун подошел к котлу и велел слугам подбрасывать хворосту. Затем он опустил руку в котел и так и ахнул. Масло было холодным как лед.

«Когда я купался, масло было горячим,— раздумывал он,— а сейчас оно совершенно холодное. Понятно! Этому даосу помогает Царь драконов».

Тут Сунь У-кун взвился ввысь и произнес заклинание, начинающееся словом «Ань»¹, которым вызывал Царя драконов Северного моря.

— Я тебе покажу, несчастный червяк с рогами,— набросился он на дракона, когда тот явился на его зов.— Как ты смеешь помогать этому даосу, поручив дракону холода охранять его? Ты, что же, хочешь, чтобы он вышел победителем!

— Да разве посмел бы я поступать подобным образом? — залепетал перепуганный Царь драконов.— Вы, верно, не знаете, Великий Мудрец, что этим тварям путем невероятных усилий удалось добиться освобождения от своего первоначального вида. Однако из всех волшебных способов они знают лишь один — как вызывать духов грома, остальное все ересь, которая не имеет ничего общего с путем достижения бессмертия. Этот способ называется «дакайбо» и овладели они им в стране бессмертных. Двух его приятелей вы уже победили и заставили их принять свой первоначальный вид. А этот сам вырастил дракона холода и потому может своими проделками дурачить людей. Но вас не проведешь, Великий Мудрец! Я сейчас же отзову дракона холода, и даос сварится там весь, без остатка, вместе с костями и кожей.

— Ну, действуй, только живо, если не хочешь быть битым,— приказал Сунь У-кун.

После этого Царь драконов превратился в ураган, ринулся в котел, схватил дракона холода и унес его в Северное море.

А Сунь У-кун опустился на землю и, присоединившись к Трипитаке, Чжу Ба-цзе и Ша-сэну, стал наблюдать за всем

¹ Сокращенное буддийское магическое заклинание «Ом мани падме хум».

происходившим. Вскоре они увидели, как даос, прилагая невероятные усилия, старался выбраться из котла. Однако это ему не удалось, он поскользнулся и полетел обратно. В тот же миг он сварился.

— Ваше величество,— поспешил доложить главный палач,— третий наставник погиб.

Услышав это, правитель пришел в отчаяние и, стукнув кулаком по столу, стал громко плакать и причитать:

Да, человеческое тело
Нам нелегко приобрести,
Не выплавить пилюль бессмертья,
Не зная верного пути.

Хотя повелевал он духами,
Стихией водною владел,
А все-таки пилюль бессмертья
В распоряженье не имел.

О достижении нирваны
Какой возможен разговор,
Когда в сознание есть неясность
И омрачен духовный взор!

Ума напрасно напряженье —
Уйти от смерти не дано!
Хотя бы ты и стал монахом,
Но не спасешься — все равно.

О, если б испытать сначала
Непрочность жизни, смертный страх,
Кто захотел бы подвизаться
В посте и бдениях в горах?

Поистине можно сказать:

Если стану плавить золото и ртуть,
Этим ли достигну я чего-нибудь?
Принесет ли что-то для души моей
Верная мне сила ветра и дождей?

Если вы хотите знать, что произошло с Трипитакой и его учениками в дальнейшем, прочитайте следующую главу.





ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ,

повествующая о том, как преподобные монахи ночью встретили преграду в виде реки, достигающей неба, и как Цзинь-гун и Му-му, проявив милосердие, решили спасти детей

Итак, правитель страны Уцзиго, откинувшись на своем императорском троне, безутешно рыдал до самого вечера.

— Зачем вы так убиваетесь, ваше величество,— промолвил Сун У-кун, подходя к правителю.— Ведь вы собственными глазами видели трупы этих даосов и убедились в том, что один из них был тигром, второй — оленем, третий же — Сила барана — несомненно, был рогатым бараном. Если не верите, прикажите выловить его останки и легко убедитесь в том, что я говорю правду. Взгляните, разве у человека бывают такие кости? Все ваши наставники — оборотни, принявшие вид людей, и явились они сюда лишь для того, чтобы погубить вас. Однако, видя, что судьба вам еще благоприятствует, они пока не решались причинить вам вред. Но через год-два они, несомненно, погубили бы вас и захватили бы ваши владения. Счастье ваше, что мы вовремя пришли сюда, уничтожили этих волшебников и спасли вас от верной гибели. Зачем же так горевать? Выдайте лучше нам дорожные свидетельства, и мы отправимся в путь.

Лишь теперь правитель стал постепенно приходить в себя.

— Ваше величество,— обратились к нему в этот момент его приближенные.— Вы должны верить этому почтенному монаху. После смерти один из наставников превратился в оленя, другой — в тигра. А тот, что сварился в котле, несомненно, был бараном.

— Что же,— молвил тогда правитель,— примите, почтенный монах, мою сердечную благодарность. Но сейчас уже поздно. Главный наставник наследника! — обратился он к одному из сановников: — Проводите гостей в храм Источника знаний и позаботьтесь об их ночлеге. А утром откройте Восточный зал и велите стряпчему приготовить торжественную трапезу, только из овощных блюд.

Сановник в точности выполнил приказ правителя и проводил паломников в храм.

На следующее утро, в пятую стражу, во время утренней аудиенции, правитель в присутствии всех сановников объявил следующее:

— Расклеить у всех городских ворот, а также на всех улицах указ, призывающий всех монахов-буддистов срочно явиться в город.

Здесь нет надобности распространяться о том, как перед храмом Источника знаний выстроились все придворные и, дождавшись выхода Трипитаки и его учеников, с почетом проводили их к Восточному залу, где была устроена торжественная трапеза в честь паломников.

Расскажем лучше о буддийских монахах. Спасаясь от даосов, они разбрелись в разные стороны. И вот сейчас, узнав о том, что их призывают вернуться в город, они обрадовались и поспешили туда, чтобы отблагодарить Великого Мудреца за свое спасение и вернуть ему волосы, которые он дал им для охраны.

Когда пир закончился, правитель выдал паломникам дорожные свидетельства и сам, вместе с супругой, родственниками и приближенными, проводил Трипитаку и его учеников до городских ворот.

Когда они вышли из ворот, то увидели по обеим сторонам дороги буддийских монахов. Стоя на коленях, они восклицали:

— Великий Мудрец, равный небу! Отец наш! Спаситель! Услышав о том, что ты уничтожил злых духов и освободил нас от грозящей нам смерти, а также узнав, что повсюду расклеены оповещения, призывающие буддийских монахов вернуться в город, мы поспешили сюда, чтобы поблагодарить тебя за великую милость и вернуть тебе волосы, которые ты дал нам.

— Все ли вернулись? — улыбаясь спросил Сунь У-кун.

— Все пятьсот человек, — отвечали монахи.

Сунь У-кун встряхнулся, и волосы вернулись на прежнее место.

— Этих монахов действительно освободил я, — сказал Сунь У-кун, обращаясь к правителю и его сановникам. — Я же разломал тачки и убил даосов-надсмотрщиков. Сейчас, когда все три духа уничтожены, вы сами видите, что буддизм — это

истинное учение. Впредь не исповедуйте ложных учений, и я надеюсь, что все три религии сольются воедино, и вы будете почитать одинаково как буддийских, так и даосских монахов и стремиться к воспитанию людей талантливых и образованных. Я же позабочусь о том, чтобы ваша страна процветала.

Правитель изъявил согласие последовать советам Сунь У-куна и, выразив ему свою глубокую признательность, проводил Трипитаку и его учеников за городскую стену. И наши паломники, неуклонно стремясь к достижению поставленной перед ними цели — получению трех сокровищниц буддийских писаний и прославлению священного имени Будды, продолжали дальнейший путь. С рассветом путники поднимались и двигались дальше, на ночь останавливались на отдых. Им приходилось переносить и жажду и голод. Незаметно минула весна, прошло лето и снова наступила осень. И вот однажды, когда стемнело, Трипитака остановил своего коня и, обращаясь к своим ученикам, спросил:

— Где же мы сегодня остановимся на ночлег?

— Учитель,— с укором сказал Сунь У-кун,— такой вопрос может задавать мирянин, но человеку, ушедшему от мира, это не к лицу.

— Не все ли равно, кто спрашивает: мирянин или человек, ушедший от мира? — удивился Трипитака.

— Дело в том, что миряне могут возиться с ребятишками или же спать со своими женами в теплой постели. Но разве можно нам, монахам, думать о подобных вещах? Мы должны при луне и звездах, перенося голод и жажду, двигаться вперед и останавливаться лишь когда на пути возникает препятствие.

— Дорогой брат,— вмешался тут Чжу Ба-цзе,— ты помнишь об одном, но совершенно забываешь о другом. Мы прошли сегодня очень трудный и опасный путь, и мне с такой тяжелой ношей было особенно тяжело идти. Поэтому совершенно необходимо найти сейчас какое-нибудь пристанище, где бы я мог хоть немного поспать и подкрепиться, набравшись сил для завтрашнего дня. В противном случае я могу ноги протянуть от усталости.

— Пока светит луна, мы будем идти,— сказал на это Сунь У-кун,— и если нам встретится какое-нибудь жилище, остановимся.

Трипитаке и его ученикам не оставалось ничего другого, как последовать за Сунь У-куном. Они прошли еще немного и вдруг услышали шум воды.

— Ну вот! — воскликнул Чжу Ба-цзе.— Кончился наш путь!

— Дорогу нам преграждает вода,— подтвердил Ша-сэн.

— Как же мы переправимся? — забеспокоился Трипитака.

— Погодите, я посмотрю глубока ли эта речка,— сказал Чжу Ба-цзе.

— Перестань болтать глупости,— рассердился Трипитака.— Каким образом ты можешь узнать, глубока ли река?

— Я возьму камень величиной с гусиное яйцо и брошу его на середину. Если раздастся всплеск и пойдут пузыри — значит, река мелкая. Если же камень с шумом пойдет на дно — значит, здесь глубоко.

— Ну что ж, пойди посмотри,— согласился Сунь У-кун. Чжу Ба-цзе разыскал камень, бросил его в воду, и они услышали, как он с гулом опустился на дно.

— Да, здесь очень глубоко,— сказал Чжу Ба-цзе.— На тот берег нам не перебраться.

— Глубину ты узнал,— сказал тогда Трипитака,— а вот ширина реки нам так и неизвестна.

— Этого я не могу узнать,— отвечал Чжу Ба-цзе.

— Погодите,— сказал Сунь У-кун,— я узнаю.

С этими словами наш чудесный Мудрец совершил прыжок в воздух и стал пристально всматриваться. И вы послушайте, что он увидел:

Воды широкие просторы
Легли в сиянии луны,
И рукава реки искусно,
Казалось, были сплетены.

Речной простор сливался с небом,
И только маковки вершин
В цветенье пышном подымались
Из поглощающих глубин.

Как будто сто приняв притоков,
Реки росла величина,
И домом тысячэтажным
Вздымалась мощная волна.

И, друг на друга налетая,
Стремилась вдаль гряды валов;
На отмелях гуляли цапли —
Здесь не встречался рыболов.

Река раздвинулась, как море,
Необозримо широка...
Вглядиись! И все-таки безбрежной
Тебе покажется река.

Сунь У-кун быстро спустился на землю и сказал:

— Учитель, река эта так широка, что нечего и думать перейти ее. Вы знаете, что мои глаза очень зорки. Днем я вижу все, что ожидает нас на расстоянии в тысячу ли, и даже ночью могу рассмотреть все, что делается на расстоянии в пятьсот ли. Но сейчас, сколько я ни смотрел, я никак не мог увидеть противоположного берега. Трудно даже представить себе, какой ширины эта река.

Услышав это, Трипитака пришел в отчаяние. Он не мог даже слова выговорить и, всхлипывая, бормотал:

— Ученики мои, что же мы будем делать?

— Не горюйте, учитель,— сказал тут Ша-сэн.— Взгляните, мне кажется, что там стоит человек.

— Да это как будто рыба́к вытаскивает сеть,— подтвердил Сунь У-кун.— Обождите, сейчас я пойду поговорю с ним.

В несколько прыжков Сунь У-кун с посохом в руках очутился около того места, где они увидели рыбака. И каково же было его удивление, когда перед ним оказался не человек, а каменная плита. На плите в старинном стиле «чжуань» были написаны три крупных иероглифа: «Река, Достигающая неба». Пониже были еще две строчки в десять иероглифов, только поменьше. Надпись гласила: «Ширина реки восемьсот ли. Лишь немногим удалось перейти ее».

— Учитель! — крикнул Сунь У-кун,— посмотрите, что здесь написано.

Когда Трипитака подошел к плите и прочел надпись, из глаз его полились слезы.

— Ученик мой,— молвил он.— Покидая город Чанъань, я не думал, что путь в Индию так труден. Мне и в голову не приходило, что всякие злые духи и демоны будут чинить мне препятствия и что мне придется пересекать столько гор и рек.

— Прислушайтесь, учитель! — воскликнул Чжу Ба-цзе.— Вам не кажется, что где-то бьют в гонг? Очевидно, кто-то устроил для монахов трапезу. Хорошо бы нам попасть туда. Мы подкрепились бы немного, узнали бы, где переправа, и завтра перебрались бы через реку.

Трипитака прислушался: откуда-то действительно доносились удары гонга.

— Это, несомненно, буддийские монахи,— молвил Трипитака.— У даосов не бывает такой музыки. Мы должны сейчас же отправиться туда.

И они пошли прямо на звуки. Сунь У-кун, как всегда, шел впереди. Дорога была ужасная. С трудом, по ухабам, перейдя песчаную отмель, они увидели селение, дворов примерно на пятьсот; по виду дома принадлежали зажиточным хозяевам.

Вдоль горы идет дорога,
Бьет источник у обрыва,
Крики жалобные птицы
Раздаются в ветках ивы.

Все калитки на запоре,
На засовах — все ворота,
И на отмелях песчаных
Цапель сладкая дремота.

Уж не слышно звуков флейты,
Не гремят вальков удары,
Лишь качается осока,
Шелестя листвою старой.

Да камыш под ветром гнется
И трепещет на болоте;
Лай доносится собачий
Из закрытых подворотен.

Не видать в окошках света,
И людей — как не бывало;
Лишь рыбак на переезде
В лодке дремлет у причала.

В небе диск висит зеркальный,
И дыханье ряски белой
С ветром с берега другого
Чуть заметно долетело.

Трипитака сошел с коня. Возле одного дома, находившегося как раз в начале улицы, развевался флаг. Во дворе был виден свет фонарей, оттуда доносился аромат благовоний.

— Сунь У-кун,— сказал тут Трипитака.— Пожалуй, здесь лучше, чем в пещере у реки или на горе. В доме мы сможем укрыться от холода и спокойно поспать. Только вам пока лучше не ходить туда. Вы настолько безобразны, что одним своим видом можете навлечь беду, и мы останемся без пристанища. Сначала пойду я и попрошу хозяйна пустить нас на ночь. Если он согласится, я позову вас. Если же откажет, все равно не устраивайте скандала.

— Пожалуй, это правильно,— согласился Сунь У-кун.— Вы идите, а мы подождем вас.

Трипитака снял плетеную шляпу, поправил балахон и с непокрытой головой и посохом в руках подошел к воротам дома. Ворота были полуоткрыты, однако Трипитака не решился войти во двор. Он постоял немного и вскоре увидел, как из ворот вышел старец, с четками на шее. Бормоча молитву, старец стал закрывать ворота. Трипитака, молитвенно сложив руки, поспешил обратиться к нему.

— Почтенный благодетель,— громко произнес он,— разрешите спросить вас.

— Вы опоздали, почтенный монах,— отвечал старец, тоже кланяясь.

— Как опоздал? — спросил Трипитака.

— А очень просто, ничего уже не осталось. Вам следовало прийти пораньше. Монахи, для которых мы устроили трапезу, ели сколько их душе было угодно. Кроме того, мы дали каждому из них по три шэна риса, по куску полотна и еще немного денег. Жаль, что вы так поздно пришли.

— Почтенный благодетель,— сказал, низко склонившись, Трипитака,— я шел не на трапезу.

— Что же в таком случае привело вас сюда? — удивился старик.

— Я посланец Танского императора и иду из Китая в Индию за священными книгами, — отвечал Трипитака. — И вот, когда я прибыл сюда, наступил вечер. Услышав звуки гонга, я решил попросить вас пустить меня на ночлег. А завтра с рассветом я снова отправлюсь в путь.

— Почтенный монах! — воскликнул старик и даже руками замахал. — Разве вы не знаете, что человек, принявший монашеский обет, не должен лгать. До китайской империи пятьдесят четыре тысячи ли. Как же вы могли проделать этот путь сами?

— Вы совершенно правы, уважаемый благодетель, — сказал Трипитака. — Мне удалось добраться сюда лишь потому, что у меня есть три ученика, которые помогали мне перебираться через горы и реки, охраняли и оберегали меня на протяжении всего пути.

— А где же они сейчас, почему их нет с вами? — спросил старик. — Позовите их, пусть отдыхают.

— Ученики! — позвал Трипитака.

Как вы знаете, читатель, Сунь У-кун обладал неугомонным характером, Чжу Ба-цзе был груб и невежествен, а Ша-сэн — прост и неотесан. И вот, услышав, что их зовут, они, позабыв обо всем, опрометью кинулись во двор. Один тащил за собой коня, другой, нагруженный вещами, шел вприпрыжку. Увидев их, старик от страха упал на землю.

— Злые духи пришли, злые духи, — бормотал он.

— Почтенный благодетель, не бойтесь, — стал успокаивать его Трипитака. — Это не злые духи, а мои ученики.

— Как же так, — сказал, весь дрожа, старик, — у такого, как вы, благородного и почтенного на вид человека ученики — настоящие чудовища.

— Вы не смотрите, что у них не совсем приятный вид, — сказал Трипитака, — зато они умеют подчинять драконов и тигров и вылавливать и уничтожать злых духов.

Старик с недоверием отнесся к словам Трипитаки. Вместе они потихоньку вошли во двор. Между тем ученики Трипитаки уже успели привязать коня и, ворвавшись в приемную комнату, опустили на землю поклажу. В это время в приемной комнате находилось еще несколько монахов, которые нараспев читали молитвы.

— Эй вы, что вы там поете? — подняв морду, крикнул Чжу Ба-цзе.

Монахи взглянули на Чжу Ба-цзе и пришли в неопиcуемый ужас:

Они глядели на прибывшего:
Ушастого и длинномордого,
Огромного и широкоплечего,
И громогласного, и гордого.

Ша-сэн и Сунь У-кун особенно
Казались страшными виденьями:
Монахи были перепуганы,
И чин нарушился моления.

Псалмы еще читала братия,
Но знак дал старший к окончанию,
Звонарь забыл о колокольчиках,
Упало Будды изваяние.

Тушили фонари в отчаянье,
Толпились, бегали растерянно;
Споткнувшись на пороге, падали
И сталкивались не намеренно.

И головы их громко стучались,
Как будто тыквы перезрелые...
Так сумагоха эта праздная
Моленье представленьем сделала.

Глядя, как разбегаются монахи, Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн стали хлопать в ладоши и громко смеяться. Это еще больше напугало монахов: они ринулись прочь, спасая свою жизнь, налетая друг на друга и сталкиваясь лбами. Вскоре в помещении никого из них не осталось.

Между тем Трипитака вместе с хозяином вошел в приемную комнату, где было совершенно темно. Тут они услышали хохот учеников Трипитаки.

— Негодяи вы этикие,— стал ругать их Трипитака.— Что же вы безобразничаете? Разве поверит кто-нибудь, что я каждый день делаю вам наставления! Ведь еще в старину говорили: «Тот, кто добродетелен от природы — является святым человеком; кто становится добродетельным благодаря наставлениям — является мудрецом; тот же, на кого не действуют даже наставления,— является глупцом». Выходит, вы и есть глупцы. Вы как безумные ворвались во двор и перепугали нашего благодетеля, вы разогнали монахов, возносивших моления. Неужели вы не понимаете, что вина за все это ложится также и на меня?

Ученики до того сконфузились, что не нашли даже что ответить. Наконец старик убедился, что это действительно ученики Трипитаки.

— Ничего особенного не произошло,— сказал он, кланяясь Трипитаке.— Мы только что закончили моление, загасили фонари и роздали подаяние.

— В таком случае,— сказал Чжу Ба-цзе,— принесите нам остатки еды, предназначенные для жертвоприношения. Мы поедим и ляжем спать.

— Принесите сюда фонари! — крикнул старик.

Услышав это, люди, находившиеся в наружных помещениях, очень удивились.

— Да ведь там у них происходит моление и много свечей,— сказали они,— зачем же еще фонари понадобились?

Несколько слуг вышло из дому, и тут они убедились, что в приемной совершенно темно. Тогда они зажгли фонари и прошли туда. Однако, увидев Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, они со страху побросали фонари и опрометью бросились обратно, захлопнув за собой дверь.

— Злые духи явились! — кричали они на бегу.

Тогда Сунь У-кун поднял с земли фонарь, затем зажег свечи и, притащив кресло, пригласил Трипитаку занять почетное место. По сторонам от него уселись его ученики. Напротив сел старик хозяин. В тот момент, когда они беседовали, раздался стук двери и из дома, опираясь на посох, вышел еще один старец.

— Что за черти появились ночью в нашем добропорядочном доме? — спросил он.

Тогда первый старец поспешно поднялся со своего места и, идя навстречу пришедшему, ответил:

— Успокойся, брат, это не злые духи, а преподобный монах из Китая — империи Танов, который идет за священными книгами. И хотя его ученики на вид довольно безобразны, люди они хорошие.

Тогда второй старец положил свой посох и, поклонившись гостям, приветствовал их. Когда церемония приветствий была окончена, он распорядился, чтобы принесли чай и кушанья. Однако, несмотря на то что он отдавал свое приказание несколько раз, дрожавшие от страха слуги так и не осмеливались накрывать на стол.

— Почему это ваши слуги ходят взад и вперед? — не вытерпев, спросил Чжу Ба-цзе.

— Я позвал их, чтобы они подали вам кушанья, почтенные отцы,— отвечал хозяин.

— И сколько человек будет нам прислуживать? — поинтересовался Чжу Ба-цзе.

— Восемь,— последовал ответ.

— Кого же они будут обслуживать? — продолжал допытываться Чжу Ба-цзе.

— Да всех вас,— отвечал хозяин.

— Ну, для того чтобы обслужить вон того, белолицего учителя, потребуется всего один человек,— сказал тогда Чжу Ба-цзе.— Для того чтобы обслужить этого заросшего волосами и похожего на Бога грома, нужно не меньше двух человек. Для того, со зловецим лицом, необходимо восемь человек. Ну, а для меня одного,— все двадцать.

— Можно подумать, что у вас огромный аппетит,— сказал хозяин.

— Боюсь, что им всем не управиться,— отвечал Чжу Ба-цзе.

— Ну, не бойтесь, люди у нас найдутся,— произнес хозяин. На его зов явилось человек сорок взрослых и подростков.

Между тем разговор старика с гостями успокоил обитателей дома, и они перестали бояться. Они принесли и поставили на почетное место стол для Трипитаки, по бокам — три стола для его учеников, а один стол, за который сели оба хозяина, поставили против стола Трипитаки. Вначале были поданы фрукты и овощные блюда, затем принесли пампушки, вареный рис и приправы. Перед тем как приступить к трапезе, Трипитака встал и, подняв палочки, стал читать молитву. Дурень, который был жадным до еды да вдобавок к тому еще сильно проголодался, не мог дожидаться, пока Трипитака кончит молитву. Пододвинув к себе большую деревянную чашку, покрытую красным лаком, наполненную рисом, он опрокинул ее в рот.

— Этот почтенный монах ничего не соображает,— сказал стоявший рядом подросток-слуга.— Если бы он спрятал пампушку, это бы еще ничего. А рисом ведь он перепачкает всю одежду.

— Да ничего я не прятал,— отвечал, хитро улыбаясь, Чжу Ба-цзе.— Я съел всю чашку.

— Ты и рта не открывал,— сказал работник.— Как же ты мог съесть ее?

— Глупости вы говорите,— сказал Чжу Ба-цзе.— Если не верите, смотрите, как я это делаю.

Тогда работник наполнил еще одну чашку и передал ее Чжу Ба-цзе. Дурень, как и в первый раз, опрокинул ее прямо в рот.

— Почтенный отец,— сказали изумленные слуги,— да что у тебя горло полированным кирпичом, что ли, выложено, что пища проходит, как по маслу, без малейшей задержки.

Пока Трипитака читал молитву, Чжу Ба-цзе уничтожил таким образом чашек шесть риса. И только после того как молитва была прочитана, он взял палочки и принялся за еду наравне со всеми. Дурень пожирал все, что перед ним было. Он без разбора сгребал рис, пампушки, фрукты и прочую еду, и все это запихивал себе в рот.

— Давай, подбавляй, накладывай,— только покрикивал он.— Что-то вы плохо подносите.

— Мудрый брат мой,— сказал тут Сунь У-кун.— Тебе бы не следовало жадничать. Ведь лучше быть сытым наполовину, чем голодать, что мы вынуждены были бы испытать, если бы остановились на ночлег в горах.

— Молчи ты, морда,— отмахнулся Чжу Ба-цзе.— Ведь недаром говорится: «Чем кормить монахов не досыта, лучше быть заживо погребенным».

— Не обращайтесь на него внимания и убирайте со стола,— сказал Сунь У-кун.

— Мы не станем скрывать от вас, почтенные монахи,—

молвили тогда с поклоном хозяева.— Пришли бы вы днем, все было бы в порядке. Мы могли бы накормить не меньше ста человек, даже с таким аппетитом, как у этого почтенного монаха. Но вы опоздали. Мы собрали остатки, сварили пампушки всего из одного даня муки, пять доу риса и приготовили немного закусок. Мы хотели угостить своих соседей и накормить наших монахов. Но, когда вы появились, от страха все монахи разбежались, и мы не решились пригласить даже ближайших соседей. Все, что было у нас приготовлено, мы преподнесли вам. Если вы голодны, можно распорядиться, чтобы приготовили еще.

— Конечно, распорядитесь! — сказал Чжу Ба-цзе.

Когда со стола была убрана посуда, Трипитака поклонился хозяевам и поблагодарил их за угощение.

— Разрешите спросить, как ваша фамилия? — обратился он к хозяевам.

— Наша фамилия Чэнь,— отвечали те.

— Так мы с вами однофамильцы,— сложив ладони рук и почтительно кланяясь, молвил Трипитака.

— Разве ваша фамилия тоже Чэнь, почтенный отец? — удивились хозяева.

— Да,— отвечал Трипитака.— В миру моя фамилия была Чэнь. Скажите, пожалуйста, по какому случаю у вас сегодня было устроено богослужение?

— Об этом не стоит спрашивать, учитель,— сказал смеясь Чжу Ба-цзе.— Известно, что богослужения устраиваются либо о ниспослании урожая, либо в честь окончания бедствия, либо в память об умершем.

— Нет, у нас тут совсем другое,— отвечал хозяин.

— По какому же случаю вы устроили трапезу? — продолжал допытываться Трипитака.

— Это богослужение было совершено в память о том, кто должен скоро умереть.

Услышав это, Чжу Ба-цзе так и покотился со смеху.

— Ну, и шутник же вы, почтенный дедушка,— сказал он.— Мы сами непревзойденные обманщики, а вы хотите провести нас такими пустяками! Да разве монахам неизвестно, по какому случаю устраиваются богослужения? Можно при жизни совершать богослужения и сжигать различные предметы для того, чтобы переселившийся в загробный мир не испытывал ни в чем недостатка на том свете, а также богослужения для предварительной оплаты возможных грехов. Но как можно совершать богослужения в память о том, кто еще не умер?

«Да этот Дурень не так уж глуп»,— с одобрением подумал Сунь У-кун и сказал:

— Вы что-то, почтенный отец, путаете. Как же можно совершать заупокойное богослужение по еще не умершему человеку?

— Вы лучше скажите нам,— молвили кланяясь хозяева,— почему вы не пошли прямым путем, а завернули к нам?

— Мы шли прямой дорогой,— отвечал Сунь У-кун,— но когда приблизились к реке, то увидели, что переправиться через нее не сможем. Тут мы услышали звуки гонга и барабанный бой, и вот пришли к вашему дому, чтобы попроситься переночевать.

— А вы ничего не заметили на берегу? — спросил хозяин.

— Мы видели там каменную плиту,— отвечал Сунь У-кун,— на которой вверху написано: «Река, Достигающая неба», а внизу: «Ширина реки восемьсот ли. Лишь немногим удалось перейти ее». Больше мы ничего не видели.

— Повыше этого места, на расстоянии примерно одного ли, стоит храм князя Божественного влияния. Вы не видели его?

— Не видели,— сказал Сунь У-кун.— Расскажите, пожалуйста, что это за князь.

— О почтенные отцы! — в один голос воскликнули оба старца со слезами на глазах.

Где он только ни покажется,
Храмы строятся ему.
Посылает милость скорую
Он народу своему.

Каждый год дожди обильные
Нам дает его фука,
Над деревнями счастливые
Простирая облака.

— Раз он посылает вам благодатный дождь и счастливые облака, значит, он добр. Почему же вы так расстраиваетесь, вспоминая о нем?

— Почтенные отцы! — воскликнули старцы, топая от горя ногами и колотя себя в грудь.

Велики благодеяния,
Только много и обид:
Наряду с великой милостью,
Он обиды нам чинит.

Нет святой в нем справедливости:
Он приносит много бед.
И детей для жертвы требует
Этот грозный людоед.

— Он требует, чтобы ему приносили в жертву детей? — спросил Сунь У-кун.

— Совершенно верно,— подтвердил старик.

— И сейчас, видимо, наступила очередь вашей семьи? — спросил Сунь У-кун.

— Да, в этом году наступила наша очередь,— подтвердил старик.— Наше селение насчитывает сто дворов, называется

оно Чэньцзячжуан и входит в уезд Юаньхуэй, государства Чэчиго. Этот князь требует, чтобы каждый год ему приносили в жертву мальчика, девочку, свинью, барана и жертвенное вино. Все это он сразу поедает, а взамен этого посылает нам хорошую погоду и благодатный дождь. Если же не принести ему жертву, он обрушит на нас всякие бедствия.

— А сколько у вас сыновей?—поинтересовался Сунь У-кун.

— О горе, горе! Заговорив о сыновьях, вы заставляете меня пылать от стыда!—воскликнул в ответ хозяин.— Мы с братом уже старики. Зовут брата Чэнь Цин, ему пятьдесят восемь лет, мое имя — Чэнь Дэн. Мне шестьдесят три года. В наши годы, конечно, трудно иметь детей. Мне было пятьдесят лет, а сына я все не имел. Тогда мои родные и друзья уговорили меня взять наложницу. Я с большой неохотой сделал это, и вот у меня родилась дочь. В этом году девочке пошел восьмой год. Зовут ее И Чэн-цзинь¹.

— Какое дорогое имя,— заметил Чжу Ба-цзе.— Почему же это ее так назвали?

— Не имея долгое время детей,— отвечал старик,— я решил заняться добрыми делами: строил мосты и дороги, сооружал кумирни и пагоды, делал подаяния монахам. Все эти расходы я записывал. И оказалось, что к моменту рождения дочери я израсходовал всего тридцать цзиней золота, что и составляет один безмен. Вот почему ее и назвали И Чэн-цзинь — Один безмен золота.

— А мальчик чей? — спросил Сунь У-кун.

— Мальчик — моего брата,— отвечал хозяин.— Он тоже рожден от наложницы. В этом году ему исполнилось семь лет и зовут его Чэнь Гуань-бао².

— А почему его так назвали? — поинтересовался Сунь У-кун.

— У них в доме есть изображение бога Гуань*,— отвечал хозяин,— а так как они обращались к этому богу с молитвами о ниспослании им сына, то малыша и назвали Гуань-бао. Если сложить мои годы и годы брата — получится сто двадцать лет, а у нас всего только эти двое ребят. И на наше горе очередь приносить жертву дошла до нас. Мы, конечно, не смеем ослушаться. Теперь вы должны понять, какие чувства мы испытываем, теряя своих детей. Вот почему наше сегодняшнее богослужение называется «предварительная заупокойная служба».

Выслушав эту печальную историю, Трипитака не удержался и заплакал.

— Еще древние люди говорили: «Слива Хуан-мэй не опадает, а опадает слива Циң-мэй*». Небо наказывает тех, у кого нет детей».

¹ И Чэн-цзинь — в переводе значит: один безмен золота.

² Гуань-бао — Охраняемый Гуачем

— Разрешите мне спросить вас, почтенный хозяин,— вступил тут в разговор Сунь У-кун.— Много у вас добра?

— Да кое-что есть,— отвечал хозяин.— Одних поливных земель у нас циней пятьдесят да богарных семьдесят. Кроме того, у нас около ста пастбищ, триста буйволов да около тридцати голов мулов и лошадей. Ну, а свиней, овец, кур и гусей не перечить. Запасов зерна в наших амбарах нам не съесть. Одежды не сносить. Словом, добра у нас достаточно.

— Ну что ж, в таком случае пеняйте сами на себя. Нельзя быть такими скрягами.

— Почему вы считаете, что мы скряги? — удивился хозяин.

— Совершенно непонятно,— продолжал Сунь У-кун,— почему при таком состоянии вы жертвуете своими детьми? Затратив пятьдесят лян¹ серебра, вы смогли бы купить мальчика, а затратив еще сто лян — и девочку. Если считать со всеми дополнительными расходами, то на все это ушло бы не более двухсот лян, зато вы сохранили бы своих детей. Разве плохо оставить после себя потомство?

— Почтенный отец,— отвечали хозяева со слезами на глазах.— Вы даже не знаете, что у нас тут творится. Этот дух очень хитер. Он часто появляется у нас в деревне.

— Может быть, вы скажете нам, как он выглядит? — спросил Сунь У-кун.— Он высокий или маленький роста?

— Мы никогда его не видели,— отвечали старики.— Но как только налетает порыв ветра, насыщенный ароматом, мы знаем, что это явился наш повелитель. Тогда мы поспешно возжигаем благовония — и все, от мала до велика, совершаем поклоны. Этот дух прекрасно знает все, что происходит у нас в деревне. Он знает даже день рождения каждого человека и принимает в жертву только наших детей. Мы готовы потратить не то что двести — триста, а несколько тысяч лян для того, чтобы найти детей, похожих на наших и такого же роста. Но ведь таких нигде не найдешь.

— Ну вот что,— сказал Сунь У-кун.— Нельзя ли привести сюда ваших детей? Я хотел бы взглянуть на них.

Брат хозяина, Чэнь Цин, поспешил в дом и вынес на руках Гуань-бао, поставив его перед фонарем. Мальчик, не подозревая, какая его ждет участь, бегал, прыгал, резвился и прятал фрукты в рукава. Сунь У-кун взглянул на мальчика, произнес заклинание и, встряхнувшись, превратился в его точную копию. Оба мальчика, взявшись за руки, стали прыгать и играть. Это превращение так испугало стариков, что они тут же повалились на колени.

— Ну, что вы, что вы, почтенные господа,— сказал Трипитака.— Не унижайте себя!

— Ведь я только что разговаривал с этим почтенным мо-

¹ Лян — старая денежная единица.

нахом,— сказал хозяин,— как же он успел превратиться в точную копию моего сына? На мой зов они оба бегут ко мне. Нет, это невероятно! Пожалуйста, примите свой настоящий вид!

Сунь У-кун потер щеки и принял свой обычный вид.

— Почтенный господин,— сказали хозяева, опустившись на колени перед Сунь У-куном.— Какой удивительной силой вы обладаете!

— Ну как, был я похож на вашего сына? — спросил Сунь У-кун.

— Совершенно похожи, точная копия,— воскликнул хозяин.— И лицо, и голос, и одежда, и рост — все как у него.

— Это еще не все,— сказал Сунь У-кун.— Если бы вы взвесили нас, то убедились бы, что и вес у нас одинаков.

— Мы несколько не сомневаемся в этом,— сказал хозяин.

— Как вы думаете,— спросил Сунь У-кун,— сойду я за жертву?

— Несомненно,— сказали хозяева.

— Тогда я спасу этого мальчика,— сказал Сунь У-кун,— и оставлю вам потомка: пусть он возжигает благовония и совершает жертвоприношения предкам. Я готов стать жертвой этого духа.

— Почтенный отец! — воскликнул, земно кланяясь, Чэнь Цин.— Если вы действительно решились оказать мне такую милость, я дам вашему учителю тысячу лян серебра на дорожные расходы.

— А меня чем вы отблагодарите? — спросил Сунь У-кун.

— Но если вы решили принести себя в жертву,— сказал старик,— значит, вас не будет в живых?

— Как так не будет?

— Да вас же съест дух.

— Вы думаете, он посмеет съесть меня?

— Если не съест, так только потому, что от вас исходит дурной запах,— сказал хозяин.

— Ну, пусть на то будет воля неба,— торжественно произнес Сунь У-кун.— Если он съест меня, значит, мне суждено безвременно умереть; не съест — значит, счастье мое.

Чэнь Цин от радости только отбивал поклоны и выразил желание прибавить еще пятьсот лян серебра. Между тем Чэнь Дэн, прислонясь к двери, горько плакал.

— Почему же вы не благодарите? — спросил его Сунь У-кун, поняв его состояние.— Вам тяжело расстаться с дочерью?

— Да, мне трудно примириться с этой утратой,— сказал старик, опускаясь на колени перед Сунь У-куном.— Мы очень благодарны вам, почтенный учитель, за то, что вы согласились спасти моего племянника. Но мне тяжело, ведь у меня единственная дочь, и, когда я умру, некому будет даже оплакивать меня у гроба.

— Тогда вот что,— сказал Сунь У-кун.— Идите сейчас же и сварите еще пять доу риса, приготовьте хорошие овощные закуски и преподнесите все это вон тому монаху с длинной мордой. Я думаю, что после этого он согласится принять образ башей дочери, и мы вместе с ним отправимся на съедение духу. Таким образом мы совершим акт добродетели и спасем ваших детей. Что вы на это скажете?

Чжу Ба-цзе пришел в полное смятение.

— Дорогой брат! — воскликнул он.— Ты можешь рисковать своей жизнью. Но меня, пожалуйста, оставь в покое и не впутывай в свои проделки.

— Мой мудрый брат,— отвечал ему Сунь У-кун.— Пословица гласит: «Даже курица должна заработать себе на пропитание». Нас здесь хорошо приняли, отлично угостили. И вместо того чтобы кричать, будто ты не насытился, ты бы лучше помог их беде.

— Дорогой брат,— возразил Чжу Ба-цзе,— я вовсе не обладаю искусством превращений.

— Как же так,— произнес Сунь У-кун,— ведь ты можешь принимать тридцать шесть видов.

— Чжу Ба-цзе,— вступил тут в разговор Трипитака,— Сунь У-кун рассуждает правильно. Ведь недаром говорится, что: «Спасти жизнь человека — лучше, чем построить семярусную пагоду». Своим поступком ты, во-первых, отблагодаришь хозяев, и, кроме того, совершишь доброе дело, которое зачтется тебе в будущей жизни. К тому же делать тебе сегодня ночью нечего, и для вас с Сунь У-куном это будет приятной прогулкой.

— Да что вы говорите, учитель,— воскликнул Чжу Ба-цзе.— Я могу превратиться в гору, дерево, камень, в паршивого слона, в буйвола, в какого-нибудь толстяка. Но принять вид маленькой девочки очень трудно.

— Не верьте ему, почтенные люди,— сказал Сунь У-кун.— Приведите-ка сюда малютку, мы посмотрим.

Чэнь Дэн поспешил в дом и вскоре вернулся с дочерью на руках. Вместе с ним пришла его жена и домочадцы. И старые и малые опустились на колени и стали отбивать поклоны, умоляя спасти И Чэн-цзинь. Голова девочки была украшена диадемой бирюзового цвета с жемчужными подвесками. Одетая она была в куртку из золотистого шелка, зеленую атласную накидку со стоячим воротником, расшитым узорами в виде шашечной доски и юбку из цветастого шелка. На ногах были розовые атласные туфельки с носками в виде головы жабы. Шелковые панталоны были расшиты золотом. Она так же, как и двоюродный брат, стала тут же лакомиться фруктами.

— Ну вот, Чжу Ба-цзе, тебе девочка,— сказал Сунь У-кун.— Принимай поскорее ее вид, и мы отправимся к волшебнику.

— Дорогой брат,— взмолился Чжу Ба-цзе.— Разве могу я превратиться в такое изящное, прелестное существо?

— Поторапливайся! — прикрикнул на него Сунь У-кун.— Не заставляй меня пускать в ход свой посох!

— Не дерись, брат,— взмолился Чжу Ба-цзе.— Я сейчас попробую, посмотрим что получится.

Он поспешно произнес заклинание и, покачав головой, крикнул:

— Изменись!

В тот же момент голова его превратилась в точную копию головы девочки. Но его огромный живот остался таким же и портил всю картину.

— Ну, давай, давай дальше! — смеясь кричал Сунь У-кун.

— Ты можешь бить меня, если тебе угодно,— сказал Чжу Ба-цзе,— но больше я ничего не могу сделать.

— Да ведь не можешь же ты остаться с головой девочки и телом монаха,— сказал Сунь У-кун.— Хорошенькое дело — ни мужчина, ни женщина. Ну-ка, давай я попробую что-нибудь сделать.

Он дунул на Чжу Ба-цзе, и тот сразу же превратился в точную копию девочки.

— Ну, почтенные хозяева,— сказал Сунь У-кун,— чтобы вы не перепутали нас с вашими детьми, уведите их отсюда и домочадцев тоже. Дайте им фруктов, пусть едят, и следите за тем, чтобы они не плакали. Если дух услышит их голоса — все пропало. Он будет готов выступить против нас.

После этого наш чудесный Мудрец приказал Ша-сэну хорошенько охранять Танского монаха.

— Вы как, связываете жертву по рукам и ногам или же ноги оставляете свободными? Зажариваете ее или рубите на куски?

— Дорогой брат,— взмолился Чжу Ба-цзе,— перестань издеваться надо мной. Я ведь не обладаю такими способностями, как ты.

— Что вы, что вы,— сказал хозяин.— Мы ничего подобного не будем делать. Мы возьмем два больших покрытых красным лаком блюда и попросим вас сесть на них. Затем эти блюда поставим на стол, и слуги унесут этот стол в кумирню.

— Ну вот и чудесно,— произнес Сунь У-кун.— Несите блюда, посмотрим, что из этого получится.

Хозяева приказали принести блюда, и Сунь У-кун с Чжу Ба-цзе уселись на них. Затем слуги взяли столы, вынесли их во двор, поносили немного и вернулись с ними в зал.

— Ну что, брат Чжу Ба-цзе,— сказал, довольный, Сунь У-кун.— Если нас будут носить с таким почетом, мы будем, пожалуй, главными монахами.

— Если бы нас только выносили и приносили,— сказал на это Чжу Ба-цзе,— я согласился бы, чтобы это продолжалось

до утра. Но нас ведь понесут в кумирню на съедение, а это не шутка!

— Ты хорошенько следи за мной,— наказывал Сунь У-кун.— Как только он примется за меня, беги.

— Да ведь мы не знаем, кого он раньше будет есть,— сказал Чжу Ба-цзе.— Хорошо, если он начинает с мальчиков, тогда я смогу убежать. А если он вначале ест девочек, тогда что делать?

— В прошлые годы,— сказал тут хозяин,— некоторые смельчаки отважились пробраться за кумирню или спрятаться там под жертвенным столом. Так вот они видели, что он вначале ест мальчиков, а затем уж принимается за девочек.

— В таком случае мне повезло,— обрадовался Чжу Ба-цзе.

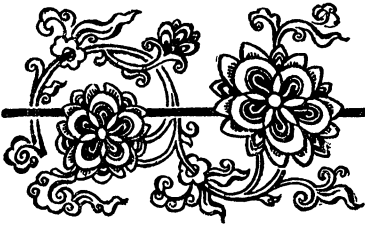
В этот момент снаружи послышался бой барабанов и удары в гонг, засверкали огни. Кто-то открыл ворота и крикнул:

— Выносите мальчика и девочку!

Хозяева разразились рыданиями. Четверо слуг подняли столы и понесли их прочь.

Если вам интересно узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.





ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ,

из которой вы узнаете о том, как дух Лин-гань послал метель с холодным ветром и как Трипитака, все помыслы которого были устремлены к единой цели, отправился по льду через реку

Итак, жители селения Чэньцзячжуан, почитатели духа Лин-гань, захватив с собой жертвенных животных — свинью, барана, а также Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе, с шумом и криками понесли все это к кумирне Лин-гань и расставили там, как полагается. Мальчика и девочку поставили впереди. В этот момент Сунь У-кун обернулся и заметил на жертвенном столике среди цветов и свечей золотую табличку с надписью: «Дух великого князя Лин-ганя». Ничего, что говорило бы о присутствии духа, кроме этой таблички, он не обнаружил.

Когда все было надлежащим образом расставлено, присутствующие начали совершать перед алтарем поклоны, восклицая при этом:

— Отец наш, великий князь! В этот час, день, месяц и год, мы, твои почитатели, — Чэнь Дэн и остальные жители селения Чэньцзячжуан, следуя обычаю, преподносим тебе в жертву мальчика Чэнь Гуань-бао и девочку И Чэн-цзинь, свинью, барана — и все, что положено. Умоляем тебя ниспослать нам благодатный дождь, чтобы урожаи наши были богаты и обильны.

После молитвы были сожжены жертвенные животные, сделанные из бумаги, и все разошлись по домам.

— Пойдем и мы домой, — сказал Чжу Ба-цзе.

— А где у тебя дом? — спросил Сунь У-кун.

— Пойдем в дом Чэня и выспимся.

— Опять ты за свое, Дурень, — рассердился Сунь У-кун. — Раз мы дали слово, надо выполнить его.

— Ты как будто не дурак и меня все называешь Дурнем,— сказал Чжу Ба-цзе.— Неужели же ты думаешь, что мы должны принести себя в жертву? Мне казалось, что ты устроил все это в шутку.

— Если быть честным, то до конца,— сказал на это Сунь У-кун.— Мы во что бы то ни стало должны дожждаться духа. Иначе он пошлет на эту землю неисчислимые бедствия, и повинны в этом будем мы.

И вот в тот момент, когда они беседовали, налетел порыв ветра.

— Ну, плохи наши дела! — воскликнул Чжу Ба-цзе.— Дух уже где-то поблизости.

— Молчи,— сказал Сунь У-кун.— Разговаривать с ним буду я.

Вслед за тем дверь распахнулась и появился дух.

Шлем золотой на голове блистал,
Переливалась золотом кольчуга,
И пурпур облаков напоминал
Бесценный пояс, охвативший туго.

Сияли очи звездами во мгле,
Как зубья пил, торчали зубы странно.
Пары за ним клубились по земле,
Вокруг курились теплые туманы.

Идя, холодный вихрь он подымал;
Остановившись, веял вредным паром.
Он бога врат лицом напоминал
Иль царедворца перед государем.

Заперев дверь на засов, дух громко сказал:

— Чья же очередь сегодня приносить мне жертву?

— Если позволите, я скажу,— отвечал Сунь У-кун, с трудом подавляя смех.— В этом году настала очередь семьи Чэнь Дэн и Чэнь Цин.

Такой ответ поразил духа.

«А этот мальчуган очень смел,— подумал он,— да и говорит складно. Обычно в таких случаях на первый вопрос ничего не отвечают. После второго от страха теряют сознание, а когда я беру их, они уже почти мертвы. Почему же этот мальчик так смело ответил на мой вопрос?..»

Не решаясь подойти к своим жертвам, дух снова спросил:

— А как вас зовут?

— Меня зовут Чэнь Гуань-бао,— ответил улыбаясь Сунь У-кун,— а ее — И Чэн-цзинь.

— Ну что ж,— сказал тогда дух.— Церемония жертвоприношения освящена обычаем. Сегодня настала ваша очередь, и сейчас я должен буду вас съесть.

— Мы не смеем противиться этому,— смиренно отвечал Сунь У-кун.— Поступайте как вам угодно.

Эти слова привели духа в еще большее смущение, и он не осмеливался приступить к делу.

— Хватит разговаривать! — крикнул он. — Обычно я начинаю с мальчиков, но сегодня, пожалуй, изменю своему правилу и начну с девочки.

— Великий князь! — воскликнул тут, придя в смятение Чжу Ба-цзе. — Не нарушайте установленного порядка и делайте так, как обычно!

Но дух без дальнейших разговоров подошел к И Чэн-цзинь и схватил ее. В этот момент Чжу Ба-цзе стремительно прыгнул со стола, принял свой обычный вид и, схватив грабли, взмахнул ими. Дух бросился было бежать, но Чжу Ба-цзе успел ударить его. Раздался оглушительный треск.

— Я сломал его кольчугу! — крикнул Чжу Ба-цзе.

Сунь У-кун, который тоже успел принять свой настоящий вид, присмотрелся и увидел две огромных рыбьих чешуи, которые по форме напоминали ледяное блюдо.

— Догнать его! — крикнул Сунь У-кун. В тот же миг они подпрыгнули и очутились в воздухе.

Здесь следует сказать, что дух, отправляясь в кумирню, не захватил с собой никакого оружия.

— Вы откуда явились и как смеее оскорблять людей, нарушать обряд и позорить мое доброе имя? — крикнул он.

— Эта низкая тварь не знает, кто мы, — сказал Сунь У-кун. — Мы — ученики преподобного Танского монаха Трипитаки, который по велению китайского императора следует в Индию за священными книгами. Вечером мы пришли в дом Чэней и остановились там на ночлег. От хозяев мы услышали о том, что в этих местах водится злой дух по имени Лин-гань, который требует, чтобы ему ежегодно приносили в жертву мальчика и девочку. И вот мы, по доброте душевной, решили спасти детей и выловить тебя, мерзкая тварь. Если хочешь остаться в живых, сейчас же докладывай, сколько лет ты числишься здесь великим князем и сколько пожрал детей.

Услышав это, дух бросился бежать и не успел Чжу Ба-цзе нанести ему удар, как он превратился в порыв ветра и исчез в реке, Достигающей неба.

— Гнаться за ним не стоит, — сказал Сунь У-кун. — Этот волшебник живет, видно, где-нибудь в воде. Завтра мы подумаем о том, как выловить его и переправить нашего учителя через реку.

Чжу Ба-цзе согласился, и они вернулись в кумирню. Здесь они забрали свинью, барана и все остальные жертвенные предметы и все это вместе со столами принесли в дом Чэней. И вот в тот момент, когда Трипитака, Ша-сэн и братья Чэнь сидели в зале в ожидании известий, они вдруг увидели Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе, нагруженных всяким добром.

— Сунь У-кун, а как же церемония жертвоприношения? — спросил Трипитака.

Тут Сунь У-кун рассказал обо всем, что произошло, и сообщил, что дух скрылся в реке. Хозяева были в восторге и сразу же приказали приготовить лучшие комнаты, постелить там постели и пригласили Трипитаку и его учеников отправиться на отдых. Однако это к делу уже не относится.

Между тем дух, которому удалось спасти свою жизнь, вернувшись к себе во дворец, сел на трон и погрузился в мрачное молчание. Его подчиненные, обитатели водного царства, видя своего повелителя в таком настроении, стали спрашивать его:

— Что вас так огорчило? Ведь после жертвоприношения вы являлись обычно в прекрасном настроении.

— В прошлые годы мне удавалось кое-что принести и вам, — отвечал дух. — Но в этот раз я не только остался голодный, но к тому же еще встретил там довольно сильных соперников, которые чуть было не погубили меня.

— Кто же это такие? — спросили его подчиненные.

— Это ученики преподобного Танского монаха из Китая, — сказал дух. — Они идут на Запад за священными книгами. Один из них превратился в мальчика, другой — в девочку. Затем они приняли свой настоящий вид и чуть было не погубили меня. Я давно уже слышал о том, что Танский монах — человек святой и совершенный. Тот, кому удастся съесть хоть кусочек его мяса, обретет бессмертие. И вот теперь ученики его опорочили мое имя и нарушили церемонию жертвоприношения. Я бы очень хотел поймать этого монаха, но боюсь, что это невозможно.

В этот момент вперед выступила окунь-самка, одетая в пестрое платье. Непрерывно приседая и кланяясь, она сказала:

— Если вы, великий князь, хотите поймать Танского монаха, это можно легко устроить. Однако могу ли я рассчитывать на то, что, поймав его, вы и мне пожалуете кусочек его мяса?

— Если ты что-нибудь придумала и поможешь мне изловить Танского монаха, — сказал дух, — я назову тебя своей сестрой, и мы вместе полакомимся.

Окунь-самка поблагодарила духа и сказала:

— Мне известно, великий князь, что вы обладаете искусством вызывать ветер и дождь, будоражить моря и реки, однако я не знаю, подвластен ли вам мороз.

— Конечно, подвластен, — сказал дух.

— В таком случае, — сказала окунь-самка, — вы можете заморозить реку, не правда ли?

— Конечно, могу! — подтвердил дух.

— Ну, тогда все в порядке! — воскликнула окунь-самка, хлопав в ладоши от радости.

— Расскажи нам, как ты думаешь это сделать? — спросил дух.

— Сейчас уже третья ночная стража,— сказала тогда окунь-самка.— И вы, великий князь, не должны терять ни минуты. Прежде всего пошлите ледяной метель, а затем метель. Надо, чтобы река, Достигающая неба, покрылась льдом. После этого те из нас, кто обладает искусством превращения, должны принять человеческий облик и, нагрузившись тюками с тачками и зонтами в руках, двигаться по льду. Помните, что Трипитака очень спешит получить священные книги, и вот, когда он увидит, что по льду ходят люди, он непременно последует их примеру. Вы же, князь, должны сидеть посредине реки и ожидать монаха. Как только услышите, что он идет, ломайте лед, и Трипитака вместе со своими учениками провалится в воду. Таким образом мы сразу захватим их всех.

Выслушав это, дух остался очень доволен и непрерывно восклицал:

— Чудесно, замечательно!

Мы не будем распространяться о том, как дух, покинув свой дворец, поднялся в воздух, вызвал ветер и снег и заморозил реку. Вернемся лучше к Трипитаке и его ученикам, которые ночевали в доме Чэня.

Перед рассветом они начали дрожать от холода. Чжу Бацзе стал сильно кашлять и тут же проснулся.

— Дорогой брат,— позвал он Сунь У-куна,— что-то очень холодно стало.

— Дурень ты,— отозвался Сунь У-кун,— видно, никогда из тебя настоящего человека не выйдет. Люди, ушедшие из мира, не должны замечать ни жары, ни холода.

— А ведь правда очень холодно,— сказал Трипитака.

Даже ватное
Двойное одеяло
В эти холода
Не согревало.
Сунешь руки в рукава,
А все — ледышки...
И свисают с сосен,
Замерзая, шишки.
Палый лист заиндеветший
Кружит,
И земля
Потрескалась от стужи;
Пруд покрылся
Льдистой корою;
Нет монахов
В храме под горою,
И рыбацкого челна
Не видно;
Дровосеку старому
Обидно!
Заготовил хвороста он

Мало;
Лишь богатым
Топлива хватало.
Путник,
Проходивший издалека,
Пострадал от холода
Жестоко;
Вся прическа
Сделалась железной;
Кажется и шуба
Бесполезной:
Зябко в шубке
И с собольим мехом;
Стала кисть поэта
Водяным орехом.
И монаха
Служба не согрела:
На ковре стоит,
Окоченелый.
Под бумажным
Пологом дорожным
Дремлет путешественник
Тревожно.
И, укрывшись
На подстилке ватной,
Все ж дрожит он
Дрожью неприятной.

Трипитака и его ученики не могли больше уснуть, встали и оделись. Но, открыв дверь, они так и застыли от изумления. Вокруг все было бело. Они поняли, что выпал снег.

— Ничего нет удивительного в том, что вы продрогли, — сказал Сунь У-кун, — снег какой выпал! — И они стали любоваться чудесным зрелищем.

Облака пурпурные
Небо застилали,
Мрачными туманами
Белый день затмило,
Облака пурпурные
Небо застилали.
Сильный ветер северный
Завывал уныло.
Мрачные туманы
Землю застилали,
Хлопья снега падали,
И земля застыла.

*

Шестигранные снежинки
Белой яшмою порхали,
И мукой они ложились,
Позже — белой солью стали.

Драгоценными камнями,
Белым жемчугом блестящим,
Засияли, засверкали
Разукрашенные чащи.

Белоснежным попугаям
Стало горько и обидно:
Белизны их, равной снегу,
На ветвях теперь не видно.

Журавлиным опереньем
Белизна снегов пушистых;
В У и Чу * слились, сравнялись
Воды многих речек чистых.

На востоке и на юге
Рощи слив отягощенных;
Кажется, что отступают
Пораженные драконы;

Кажется, что воздух полон
Прахом панцирных созданий,
И осколки разлетелись
Чешуи, побитой в брани.

Все огромное пространство
Изумрудно и красиво...
Ах, какой был снег! Казалось,
Мост засыпан пухом ивы.

И казалось, слива цветом
Осыпает эти веси...
Дождевой свой плащ у моста,
Воротясь, рыбак развесил.

Жжет весь день монах обрубки:
Лепестки лежат на крыше...
А в дороге зябнет путник
И никак вина не сыщет.

Чтоб достать цветов для чаши,
Слуги тратят все усилия...
Снег колышется, как будто
Мотыльки ломают крылья

Или пух летит гусиный;
Рвутся перья на просторах...
Снег ложится слой за слоем,
Снежный шелест... Снежный шорох...

Донимает холод резкий,
Снег ложится слой за слоем,
И в дорожную палатку
Проникает ветер с воем.

Но слетает с этим снегом
Радость предзнаменования —
Год приходит урожайный,
Исполняются желанья.

А снег все шел и шел. Снежинки кружились в воздухе, сплетаясь в сверкающие, словно нефрит, нити. Путники довольно долго любовались раскрывшейся перед ними картиной. Как вдруг заметили двух работников, которых хозяева прислали расчистить дорожки. Два других работника принесли им горячей воды для мытья. Вскоре гостям подали чай с печеньем. Затем, чтобы обогреть комнату, принесли жаровню с углями. Все уселись в гостиной, и началась беседа.

— Почтенные благодетели,— спросил Трипитака,— скажите, в ваших краях, как и у нас, год делится на весну, лето, осень и зиму?

— Хотя мы живем от вас и очень далеко,— с улыбкой сказал хозяин,— но наша страна отличается от вашей только обычаями. А хлеб, скот и все остальное находится под одним небом и согревается одним солнцем. Почему же мы не должны делить год на четыре времени?

— В таком случае,— продолжал Трипитака,— почему у вас сегодня выпал снег и стало холодно?

— Видите ли,— сказал хозяин.— Сейчас хотя и седьмой месяц, но уже наступил период белой росы, то есть праздник осени, который обычно падает на восьмой месяц. А в восьмом месяце у нас здесь всегда выпадает иней.

— Совсем не так, как у нас в Китае,— сказал Трипитака.— У нас иней начинает выпадать только после зимнего солнцестояния.

Пока они беседовали, слуги накрыли на стол. В это время снег пошел еще сильнее, и вскоре толщина его покрова уже достигала двух чи. Трипитака от огорчения даже заплакал.

— Успокойтесь, почтенный отец,— утешал его хозяин.— Стоит ли расстраиваться от того, что выпал снег? У нас столько хлеба, что мы можем кормить вас, как бы долго вы здесь ни прожили.

— Вам непонятно мое беспокойство, почтенный благодетель,— отвечал на это Трипитака.— В тот год, когда я по велению императора отправился в путь, он сам проводил меня до городских ворот и собственноручно преподнес мне на прощанье бокал вина. Затем он спросил меня, когда я возвращусь обратно. Я совершенно не представлял себе, какой трудный и опасный путь предстоит мне проделать, и, не подумав, ответил, что мне потребуется три года. Однако после того как я расстался с императором, прошло уже более семи лет, а я так еще и не сподобился повидать Будду. Мне очень тяжело сознавать, что я нарушил свое слово. Кроме того, меня беспокоит мысль о злых духах, которые чинят нам всякие препятствия. Но раз уж нам посчастливилось попасть в ваш дом и мои ученики оказали вам небольшую услугу, я осмелюсь просить вас найти для нас лодку, на которой мы могли бы перепра-

виться. Боюсь, что этот снег надолго задержит нас и тогда я не знаю, когда вернусь на родину.

— Да вы не беспокойтесь, почтенный учитель,— продолжал хозяин.— Вы ехали так долго, что какие-то несколько дней не сыграют никакой роли. Обождите немного. Когда прояснится и растает снег, я переправлю вас через реку, хотя бы для этого потребовалось все мое состояние.

В это время вошел слуга и доложил, что завтрак подан. Хозяин и гость отправились в зал. Позавтракав, они продолжали свою беседу. Вскоре их снова пригласили к столу. Глядя на обильное угощение, Трипитака еще больше расстроился.

— Раз вы так любезны, что оставили нас в своем доме,— сказал он,— то прошу вас, не считайте нас гостями и не хлопочите.

— Почтенный отец,— возразил хозяин.— За ту милость, которую вы нам оказали, за спасение наших детей, невозможно отблагодарить. Даже если бы мы ежедневно устраивали в вашу честь пиры и делали вам подношения, этого было бы слишком мало.

Вскоре снег перестал идти и на улицах показался народ. Хозяин, видя, как расстроен Трипитака, приказал расчистить дорожки в саду и пригласил Трипитаку посидеть в снежном гроте, куда была принесена жаровня с углем.

— Этот старик, по-моему, ничего не соображает,— сказал с улыбкой Чжу Ба-цзе.— В саду хорошо весной. А какое удовольствие сидеть там в такой холод!

— Сам ты ничего не понимаешь, Дурень,— сказал Сунь У-кун.— Снежный пейзаж имеет свою прелесть: уединение и тишина. Это, несомненно, доставит удовольствие учителю и успокоит его.

— Совершенно правильно,— подтвердил хозяин и пригласил всех в сад. Там действительно было очень красиво.

Осень, а похоже,
Что декабрь настал:
На крыльце богатом
Грудами — крахмал.

Белоснежный пестик
Подняла сосна,
И побег бамбука
Вырос у окна,

А с плакучей ивы
Свесились цветы —
Серебром блеснули
Ветви с высоты.

Горки средн сада
Сложены из глыб;
Вырыт пруд огромный
Для красивых рыб.

Увенчалась горка
Крохотным ростком,
Чистый пруд проточный
Затянуло льдом.

И цветущий лотос
Потерял красу,
Ветви над обрывом
Никнут на весу;

И цветы бегоний
Опустились вниз;
У декабрьской сливы
Ветки принялись.

Снег, как пух гусиный,
Вьется надо всем,
Выбелив головки
Желтых хризантем;

Испятнал у клена
Листьев красноту,
С бабочкой сравнялся,
Легкий, на лету.

К множеству беседок
И не подойдешь:
Даже в гроте снежном
Пробирает дрожь,

Хоть туда жаровня
Угля внесена,
С мордою звериной,
С лапами слона.

Запылали угли —
Жизнью все полно;
Из бумаги тонкой
Вставлено окно;

В этом гроте кресел
Много дорогих,
Тигровые шкуры
Брошены на них.

*

Древние картины
В гроте том видны,
Были семь бессмертных
Изображены.

Ход через заставу...
Горных круч разбег...
Цепи и утесы
Покрывает снег.

И рыбак печальный
Виден вдалеке,
В лодке одинокой
На Ханьцзян-реке.

*

В павильоне водном
Рыбу продают,
Но тропинкой горной
Не проедешь тут.

И едва ль достанешь
Для себя вина...
Все ж душа восторга
Мирного полна:

Острова бессмертных
Больше не манят,
И к Пэнху не хочет
Устремляться взгляд.

Они долго любовались открывшейся их взору красотой и наконец уселись в снежном гроте. К ним пришли соседи, которым они рассказали всю историю путешествия паломников за священными книгами. После того как они выпили по чашке ароматного чаю, хозяин спросил:

— А вы, уважаемые отцы, вино пьете?

— Я даже не прикасаюсь к нему,— отвечал Трипитака,— а вот ученики мои могут выпить чашечку, другую легкого вина.

Хозяин был очень доволен и тотчас же приказал принести теплого вина, чтобы гости могли согреться. Слуги принесли стол и круглую жаровню, и гости вместе с соседями выпили по несколько чашечек.

Между тем уже наступил вечер и гостей пригласили в дом ужинать. В этот момент с улицы вдруг донесся разговор.

— Вот так холод! Даже река, Достигающая неба, замерзла!

— Сунь У-кун,— услышав это, забеспокоился Трипитака,— что же мы будем делать?

— Холод наступил очень неожиданно,— заметил хозяин,— и река, видимо, замерзла только у берегов, там, где мелко.

— Река замерзла на всем пространстве в восемьсот ли,— продолжал все тот же голос.— Поверхность ее гладкая, как зеркало. По льду уже идут люди.

Услышав это, Трипитака выразил желание тотчас же пойти взглянуть на реку.

— Не спешите, учитель,— уговаривал его хозяин.— Сейчас уже поздно. Завтра пойдем.

Тут они распрощались с соседями и отправились в отведенное им помещение отдыхать.

На следующий день, как только они проснулись, Чжу Ба-цзе сказал:

— Учитель, сегодня ночью было еще холоднее. Наверное, река совсем замерзла.

Трипитака подошел к двери и, кланяясь небу, молвил:

— Великие духи — хранители веры! С того момента, как мы отправились на Запад с благородным намерением достичь цели и совершить поклонение Будде, мы, несмотря на все трудности и опасности пути, ни разу не сетовали на свою судьбу. И вот сейчас мы снова ощущаем помощь неба: по льду мы можем перейти на противоположный берег. Клянемся, что, возвращаясь на родину, мы доложим нашему императору об оказанных нам милостях, и он отблагодарит вас за все благодеяния!

Закончив молитву, Трипитака приказал Чжу Ба-цзе седлать коня.

— Учитель, не спешите, — уговаривал хозяин. — Через несколько дней, когда снег растает, я сделаю лодку и переправлю вас через реку.

— Мне кажется, что все эти разговоры излишни, — сказал тут Ша-сэн. — Мы только слышали о том, что река замерзла. А ведь нужно увидеть это собственными глазами. Это вернее, чем слушать других. Сейчас я оседлаю коня, и вы, учитель, сами поезжайте туда и посмотрите.

— Совершенно справедливо, — поддержал Ша-сэна хозяин и приказал работникам оседлать шесть лошадей, а коня Трипитаки не трогать.

В сопровождении шести слуг они все вместе отправились к реке и, приблизившись к берегу, стали смотреть. Что же они увидели?

Облака разошлись, синева в небесах проступила,
И снега громоздились, сугробы казались горами,
И казалось, что холод в проходах у Чу собирался —
Все пространство покрылось зеркальными, ровными льдами.

Ветер северный выл и до кости прохватывал тело,
В гуще водорослей в водоемах попряталась рыба;
Отморожены были в дороге у путников пальцы,
И волна на реке замерзала нефритовой глыбой.

Птицы жались друг к другу, цепляясь за ветки сухие,
Лапки птичьи ломались, и лопались змеи от стужи,
Рыбаки на реке от мороза стучали зубами,
И под стужей серебряной стыли во впадинах лужи.

Шелковичные черви замерзли тогда на востоке,
А на севере крысы глубоко упрятались в норы.
Все излучины озера накрепко льдом затянуло,
И до дна промерзала слоями бездонность пучины,

Волн лишилась река, подымаясь до самого неба.
Чистый лед выходил и на сушу дорогою длинной..

Через реку, по льду, действительно шли люди.

— Куда они направляются? — спросил Трипитака.

— На том берегу, — отвечал Чэнь, — находится женское царство Силян. А эти люди — торговцы. Товар, который здесь стоит сто цяней¹, на том берегу стоит десять тысяч. И, наоборот, то, что там дешево, здесь ценится очень высоко. Выгода от торговли настолько велика, что ради нее эти люди готовы даже рисковать жизнью. В обычное время они погружаются по семьдесят человек в лодку и, не взирая на бурю и непогоду, переправляются через реку. Вот и сейчас, как только они увидели, что река замерзла, они, несмотря на опасность, решили отправиться в путь.

— В жизни самое главное для мирян — это слава и выгода, — сказал Трипитака. — Ради этих двух вещей они готовы пожертвовать даже своей жизнью. Однако и мы мало чем отличаемся от них, выполняя волю императора. Ведь и мы делаем это ради славы. Сунь У-кун! — приказал он. — Отправляйся в дом нашего благодетеля, собери вещи, оседлай коня, и мы отправимся в путь. Надо воспользоваться тем, что река замерзла.

Сунь У-кун, хмыкнув, пошел выполнять приказание.

— Учитель, — сказал тут Ша-сэнь, — пословица говорит: «За тысячу дней человек съедает тысячу шэнов риса». Раз уж мы нашли приют в доме почтенного Чэня, то почему бы нам не прожить здесь еще несколько дней. Мы можем подождать, пока растает снег, сделаем лодку и переправимся через реку. Мне кажется, что спешка никогда не приводит к добру.

— Ну, что ты глупости болтаешь, — сказал Трипитака. — Если бы сейчас был второй месяц, можно было бы надеяться, что потеплеет и снег растает. Но ведь сейчас седьмой месяц, и с каждым днем становится все холоднее. Как же можно говорить об оттепели? Мы только попусту задержимся на целых полгода.

— Хватит вам разговаривать, — сказал Чжу Ба-цзе, спрыгнув с лошади. — Сейчас я пойду посмотрю, насколько крепок лед.

— Ну и Дурень, — сказал Сунь У-кун. — Если вчера ты мог узнать, как глубока река, бросив в нее камень, то как сможешь ты узнать толщину льда?

— Ничего ты не понимаешь, брат, — сказал Чжу Ба-цзе. — Я стукну разок по льду своими граблями. Если лед сломается, значит, он тонок и нечего думать отправляться в путь. Если же лед выдержит удар моих граблей — значит, можно идти.

— Что же, Чжу Ба-цзе совершенно прав, — сказал Трипитака.

¹ Цянь — монета, равная 0,1 ляна.

Дурень подобрал полы халата и пошел к реке. Здесь он взял обеими руками свои грабли и, взмахнув ими, изо всех сил стукнул по льду. Раздался страшный треск: на льду осталось девять белых царапин, Чжу Ба-цзе почувствовал сильную боль в руках, но лед нигде не треснул.

— Можно идти! — смеясь крикнул Чжу Ба-цзе. — Тут все промерзло до самого дна.

Это очень обрадовало Трипитаку. Путники вернулись в дом Чэня и стали собираться в дорогу.

Все старания хозяев оставить хоть ненадолго гостей, оказались тщетными. Тогда хозяева приготовили сушеных лепешек, хлеба и прочей еды и дали путникам на дорогу. Вся семья Чэней вышла из дома и, земно кланяясь, благодарила Трипитаку и его учеников. Затем принесли блюдо, наполненное мелкими монетами. Хозяин взял его и с поклоном преподнес Трипитаке.

— Примите это в знак нашего к вам уважения и благодарности за спасение наших детей.

Но Трипитака даже руками замахал и, качая головой, сказал:

— Мы отреклись от мира, поэтому деньги и богатство нам не нужны. В пути мы должны кормиться подаянием. Достаточно того, что вы дали нам всякой еды.

Но так как хозяева умоляли принять их скромный подарок, Сунь У-кун взял с блюда серебряную монету весом в пять цзяней, отдал ее Трипитаке и сказал:

— Возьмите, учитель, и считайте, что это тоже подаяние. Не надо обижать почтенных хозяев, ведь они выражают вам свои добрые чувства.

После этого они распрощались с хозяевами и двинулись к реке. На льду конь стал скользить и едва не сбросил Трипитаку.

— Какая скверная дорога, учитель, — заметил Ша-сэн.

— Надо, пожалуй, вернуться и попросить немного соломы, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Зачем это тебе понадобилась солома? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Ничего ты не знаешь, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Если обвязать соломой копыта, конь не будет скользить, и наш учитель сможет спокойно ехать.

Услышав это, Чэнь тут же послал за соломой и попросил Трипитаку подняться на берег. Когда принесли солому и обвязали коню копыта, путники снова простились с Чэнями и продолжили свой путь. После того как они прошли около четырех ли, Чжу Ба-цзе дал Трипитаке его посох и сказал ему, чтобы он положил его на коня и держал в горизонтальном положении.

— А ты хитер, Дурень, — заметил Сунь У-кун. — Ведь не-

сти посох — твоя обязанность. Зачем же ты отдал его учителю?

— Тебе, видно, не приходилось ходить по льду, поэтому ты так говоришь,— отвечал Чжу Ба-цзе.— На льду часто бывают полыньи и легко утонуть. И вот, если у человека нет чего-нибудь вроде этого посоха, который к тому же следует держать горизонтально, он камнем пойдет на дно. И лед над ним сразу же закроется, словно крышка. Тогда уж нечего рассчитывать выбраться на поверхность. Вот для этого и нужно держать что-нибудь в руках.

— Можно подумать, что этот Дурень всю жизнь провел на льду,— сказал смеясь Сунь У-кун.

И все же все они последовали совету Чжу Ба-цзе: каждый из них нес свой посох на плечах. А Чжу Ба-цзе, нагруженный багажом, подвесил свои грабли к поясу, придав им горизонтальное положение. Так они чувствовали себя в большей безопасности.

Шли они пока стемнело. Затем подкрепились немного и, не задерживаясь, двинулись дальше. Ярко светила луна, заливая серебряным светом все вокруг и отражаясь на зеркальной поверхности льда. Не смыкая глаз, путники шли до самого утра. Затем снова поели и двинулись дальше.

Вдруг раздался оглушительный треск. Конь от страха едва не упал.

— Ученики мои, что это может означать? — спросил встревоженный Трипитака.

— Это наверно земля треснула от того, что сильно промерзла,— сказал Чжу Ба-цзе.— В этом месте река, пожалуй, промерзла до самого дна.

Трипитака был поражен, услышав это, но все же успокоился и подстегнул коня.

Между тем дух, вместе со своими подчиненными, давнo уже ждал паломников. Услышав стук копыт, он пустил в ход свое волшебство и расколол лед. Образовалась трещина. Перепуганный Сунь У-кун тотчас же взвился ввысь. А конь и остальные три путника пошли на дно.

Тут дух схватил Трипитаку и вместе с ним вернулся к себе во дворец.

— Где моя сестра? — крикнул дух.

— Я здесь, великий князь,— отозвалась самка-окунь, с поклонами приблизившись к воротам.— Однако я не смею считать себя вашей сестрой.

— Зачем ты так говоришь, мудрая сестра моя,— молвил дух.— Ведь ты знаешь пословицу: «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь». Мы ведь договорились с тобой.

Затем дух приказал слугам принести стол, хорошенько наточить ножи, вырезать сердце и внутренности Трипитаки, снять с него кожу и разрезать его на куски. Он велел также

позвать музыкантов, чтобы вместе со своей нареченной сестрой полакомиться мясом Трипитаки и обрести бессмертие.

— Великий князь,— сказала тогда самка-окунь.— Давай-те немного обождем. Боюсь, как бы его ученики не явились сюда и не учинили здесь скандал. Вот если через дня два эти мошенники не явятся, мы полакомимся в свое удовольствие. Устроим настоящий пир. Вы займете почетное место среди своих подданных. Вас будут забавлять музыкой, танцами. Так, пожалуй, будет лучше.

Дух решил, что она права, и приказал запереть Танского монаха в огромный каменный ящик, в шесть чи длиной, и поставить этот ящик позади дворца. Однако оставим пока Трипитаку и вернемся к Чжу Ба-цзе и Ша-сэну.

Очутившись в воде, они стали вылавливать вещи и складывать их на коня, а затем, рассекая воду, направились к берегу.

— Где же учитель? — спросил Сунь У-кун, наблюдая за ними с высоты.

— Был учитель по фамилии Чэнь,— отвечал на это Чжу Ба-цзе,— и не стало его. Теперь у него другое имя: «Опустившийся на дно». Искать его бесполезно. Надо добраться до берега, а там решим, что делать дальше.

Читатель помнит, что Чжу Ба-цзе был когда-то небесным полководцем. Восемьдесят тысяч морских воинов Млечного Пути были подвластны ему. Ша-сэн прежде жил в реке Сыпучих песков, а белый конь был внуком Царя драконов Западного моря. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они чувствовали себя в воде, как дома. Находясь в воздухе, Сунь У-кун указывал им дорогу, и благодаря этому они быстро добрались до берега. Там они почистили коня и выжали свою одежду. Великий Мудрец опустился на облаке вниз, и они все вместе отправились в дом Чэней. Кто-то заметил их и поспешил доложить хозяевам:

— Трое паломников возвращаются, а четвертого не видно.

Братья Чэнь поспешили навстречу и, увидев насквозь промокших путников, сказали:

— Как мы уговаривали вас, почтенные отцы, погостить еще у нас, но вы отказались. Вот видите, что получилось. А где ваш уважаемый учитель, монах Трипитака?

— Такого теперь больше нет,— отвечал Чжу Ба-цзе.— Зовите его теперь Опустившийся на дно.

Услышав это, оба брата зарыдали.

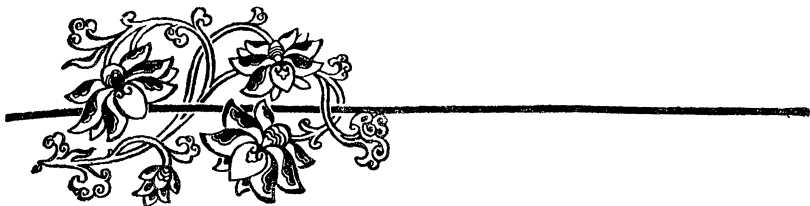
— Ах, горе какое,— причитали они.— Ведь говорили мы вам, что как только растает снег, мы соорудим лодку и персправим вас через реку. И вот теперь из-за своего упрямства он поплатился жизнью.

— Не убивайтесь, почтенные хозяева, понапрасну и не оплакивайте его, словно покойника,— проговорил Сунь У-кун.— Я знаю, что нашему учителю предопределена долгая жизнь. Все это проделки духа Лин-ганя. Вы не волнуйтесь, а вели-те поскорее выгладить нашу одежду, высушить дорожные свидетельства и покормить нашего коня. Я вместе с братьями выловлю этого негодяя, спасу нашего учителя и навсегда избавлю ваше селение от бедствий. Отныне вы сможете наслаждаться спокойной и счастливой жизнью.

Братьев Чэнь очень обрадовали слова Сунь У-куна. Они распорядились приготовить угощение и накрыть на стол. Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэнь досыта наелись. Коня и вещи они оставили на хранение хозяевам, а сами, взяв оружие, направились к реке, чтобы выловить чудовище.

О том, как им удалось спасти Трипитаку, вы узнаете из следующей главы.





ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ,

повествующая о том, как Трипитака был погребен в водном царстве и как бодисатва Гуаньинь спасла его, выловив рыбу-чудовище

Итак, Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе, Ша-сэн и братья Чэнь прибыли на берег реки.

— Ну, братья,— сказал Сунь У-кун,— решайте, кто из вас первым войдет в воду.

— Дорогой брат,— отвечал ему Чжу Ба-цзе.— Какие у нас способности! Нет сомнения, что первым идти в воду должен ты.

— Что ж, братья,— промолвил тогда Сунь У-кун,— не стану скрывать от вас. Если бы речь шла о борьбе с горными духами, я не стал бы даже беспокоить вас. Но с водяными силами мне не совладать: я бессилен. Перед тем как опуститься в реку или море, я обычно произношу заклинание, чтобы предохранить себя от действия воды, или же превращаюсь в какого-нибудь водного обитателя: рыбу или рака. Но в этих случаях я не могу пользоваться своим посохом, и тогда мне не справиться с чудовищем. А вот вы все в воде чувствуете себя, словно дома, поэтому я и предложил отправиться вам туда.

— Дорогой брат,— возразил тут Ша-сэн.— В воде я действительно чувствую себя неплохо, но не знаю, что там делается. Я думаю, что нам следует отправиться туда всем вместе. Ты прими какой-нибудь другой вид, и один из нас понесет тебя на спине. Когда же мы достигнем логова этого чудовища, ты пойдешь вперед и разузнаешь, что там делается. Если наш учитель жив, невредим и все еще там, тогда уж мы примем все меры, чтобы наказать чудовище. Но, может быть, оно здесь ни при чем. Может быть, наш

учитель утонул или же чудовище успело съесть его. В таком случае нам нечего лезть на рожон и будет лучше, если мы отправимся на поиски какого-нибудь другого занятия.

— Пожалуй, ты прав,— согласился Сунь У-кун.— Кто же из вас понесет меня?

Услышав этот вопрос, Чжу Ба-цзе обрадовался. «Эта обезьяна уже не раз подшучивала надо мной,— думал он.— Теперь настала моя очередь. Понесу-ка я его на своей спине, ведь он не умеет плавать».

— Ну что ж, брат, я понесу тебя,— с готовностью отозвался Чжу Ба-цзе.

Однако Сунь У-кун сразу же разгадал мысли Чжу Ба-цзе и решил принять меры предосторожности.

— Очень хорошо,— сказал он.— У тебя спина покрепче, чем у Ша-сэна.

И вот Чжу Ба-цзе посадил себе на спину Сунь У-куна, и они спустились на дно. Впереди, прокладывая дорогу, шел Ша-сэн. Они проделали уже более ста ли, когда Чжу Ба-цзе решил подшутить над Сунь У-куном. Догадавшись о его намерениях, Сунь У-кун выдернул у себя волосок и, превратив его в свое подобие, оставил на спине Чжу Ба-цзе. Сам же он превратился в свиную вошь и крепко впился Чжу Ба-цзе в ухо. А Чжу Ба-цзе в это время нарочно споткнулся и упал, чтобы Сунь У-кун перелетел через его голову. Но тут двойник Сунь У-куна взлетел вверх и бесследно исчез.

— Что ж ты делаешь, брат?— с упреком сказал Ша-сэн.— Дорога здесь, конечно, скверная, глинистая и поскользнуться немудрено. Но как это тебя угораздило сбросить нашего брата так, что даже неизвестно, куда он исчез.

— Обезьяне следовало бы подготовиться ко всяким неожиданностям,— сказал Чжу Ба-цзе.— А она от одного лишь толчка вдруг исчезла. Ты, брат, лучше не думай, что с ней могло случиться. Мы отправимся разыскивать учителя сами.

— Нет, так дело не пойдет,— запротестовал Ша-сэн.— Надо во что бы то ни стало найти его. Хоть он в воде и не очень ловок, зато куда хитрее нас. Без него я не пойду.

В этот момент Сунь У-кун, сидевший за ухом у Чжу Ба-цзе, не удержался и крикнул:

— Я здесь, Ша-сэн!

— Ну, все кончено,— улыбнулся Ша-сэн.— Теперь тебе, Дурень, конец! И угораздило же тебя подшутить над ним! Ну, что теперь делать? Ведь мы только слышим его голос, а не знаем, где он находится.

— Дорогой брат! — воскликнул не на шутку перепуганный Чжу Ба-цзе, опустившись на колени прямо в грязь и отбивая

земные поклоны.— Я виноват перед тобой. Когда мы освободим нашего учителя и вернемся на берег, я принесу тебе извинения по всем правилам. Где ты сейчас? Я досмерти напуган. Пожалуйста, прими свой обычный вид, я понесу тебя и уж никаких шуток больше не позволю.

— Да ты меня и так несешь,— ответил Сунь У-кун.— Иди-ка побыстрее, я ничего тебе не сделаю.

Продолжая бормотать извинения, Чжу Ба-цзе поднялся и пошел вслед за Ша-сэном. Пройдя примерно сто с лишним ли, они увидели перед собой высокое здание с надписью: «Дворец водяной черепахи».

— Здесь, наверное, и обитает это чудовище,— сказал Ша-сэн.— Как же мы вызовем его на бой, если не знаем, что здесь делается?

— Ша-сэн,— промолвил тут Сунь У-кун,—как, по-твоему, там за воротами тоже вода?

— Нет там никакой воды,— отвечал Ша-сэн.

— Ну, в таком случае,— заявил Сунь У-кун,— вы спрячьтесь где-нибудь поблизости, а я пойду на разведку.

С этими словами он выполз из-под уха Чжу Ба-цзе, встряхнулся и превратился в старого краба-самку. Затем он мигом перемахнул через ворота и осмотрелся. Прямо перед собой на возвышении он увидел духа, по обеим сторонам которого рядами сидели его подчиненные. Справа сидела окунь-самка, в пестрых одеждах. Они обсуждали вопрос о том, как будут есть Трипитаку. Сунь У-кун внимательно осмотрел все кругом, Трипитаки нигде не было. Вдруг он заметил толстобрюхую самку-краба, которая ползла к западной веранде.

— А где же, мамаша, Танский монах, о котором говорит наш князь со своими приближенными? — спросил Сунь У-кун, быстро подползая к ней.

— Для того чтобы поймать Танского монаха,— отвечала ему краб-самка,— наш князь заморозил реку. Вчера он поймал его и положил в каменный ящик, что стоит за дворцом. Если до завтра ученики этого монаха не появятся здесь и не затеют скандала, то будет устроено настоящее торжество с музыкой и другими приятными вещами.

Сунь У-кун для вида поболтал еще немного с крабом-самкой, а потом направился прямо за дворец. Там он действительно увидел большой каменный ящик, напоминающий не то кормушку для свиней, которую обычно делают из камня, не то большой каменный саркофаг. Сунь У-кун измерил его. Оказалось, что в длину ящик имеет всего шесть чи. После этого Сунь У-кун склонился над ящиком и прислушался. Изнутри был слышен плач Трипитаки. Сунь У-кун ничего не сказал и, прикинув ухом к ящику, продолжал слушать. От негодования Трипитака даже скрежетал зубами, горько сетуя на свою судьбу.

Всю жизнь мою прозила мне вода.
Она несла мне бедствия всегда,
С тех пор как появился я на свет:
Я по волнам носился с детских лет,
Когда же я паломником пошел,
То ввергнут был судьбой в пучину зол.
Чуть было на Хэй-хэ не потонул,
А нынче в самый ад я заглянул:
Я — подо льдом. Сумеют ли прийти
Ученики — в беде меня спасти?
Священный я достану ли Канон,
И буду ли домой я возвращен?

Эти причитания так подействовали на Сунь У-куна, что он, не в силах молчать, воскликнул:

— Учитель, не печальтесь! В сутре «Наводнение» говорится: «Земля — мать пяти элементов, вода — источник пяти элементов. Без земли мы не родились бы, без воды — не могли бы расти». Успокойтесь, учитель, — я пришел.

— Спаси меня, ученик мой! — услышав его, взмолился Трипитака.

— Успокойтесь, — повторил Сунь У-кун. — Потерпите, пока мы поймаем это чудовище: тогда мы непременно освободим вас.

— Поторопитесь, — продолжал Трипитака, — если я пробуду здесь еще один день, то задохнусь.

— Все будет в порядке, — заверил его Сунь У-кун. — А сейчас мне надо идти.

Он быстро повернул обратно, выпрыгнул через стену и, добравшись до ворот, принял свой обычный вид.

— Чжу Ба-цзе! — позвал он.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тотчас же явились.

— Ну, как, брат, обстоят дела? — в один голос спросили они.

— Это чудовище действительно захватило нашего учителя и заперло его в каменном ящике, — сказал Сунь У-кун. — Пока наш учитель цел и невредим вам надо сейчас же начинать действовать, а я пойду на берег. Если вам удастся захватить чудовище, — прекрасно! Если же вы увидите, что не в силах этого сделать, притворитесь, что проиграли сражение, и постарайтесь выманить чудовище из воды. А там уж я сам с ним расправлюсь.

— Можешь быть спокоен, дорогой брат, — промолвил Ша-сэн. — Мы сделаем все, что надо.

После этого Сунь У-кун произнес заклинание, предохраняющее от воды, быстро достиг берега и, выбравшись на сушу, стал ждать.

А теперь посмотрите, что начал проделывать Чжу Ба-цзе. Со свирепым видом он ринулся к воротам и во всю мочь заорал:

— Эй ты, морское чудовище! Сейчас же освободи нашего учителя!

Услышав его крики, духи-привратники опрометью ринулись к своему начальнику.

— Великий князь! — доложили они. — У ворот кто-то кричит и требует, чтобы ему выдали учителя.

— Это, конечно, проклятые монахи, — отвечал на это дух. — Ну-ка, подайте быстрее мое оружие! — приказал он.

Подчиненные бросились выполнять его приказание. Надев боевые доспехи и взяв оружие, дух приказал открыть ворота и покинул дворец. В полном боевом снаряжении он предстал перед стоявшими по обеим сторонам ворот Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. О, что это было за зрелище!

В шлеме он явился золотом —
Сразу осветилось все кругом;
На кольчуге — радуги дуга,
С пояса свисали жемчуга;
Нос был вздернут, словно горный пик;
Лоб был по-драконьему велик,
Страшен блеск округлых, злобных глаз,
Сталь зубов ровна, как напоказ.
В светло-желтых был он сапогах,
Пламень загорался в волосах,
Борода торчала сотней шил —
Длинную он бороду носил.
Стебельки подводных нежных трав
Он держал во рту, зубами сжав:
Медный посох в девять лепестков
Грозно подымал он на врагов.
Скрип дверей, как вешний пром, гремел —
Так был дух величествен и смел,
Что именовался, не чинясь,
«Мы — великий и священный князь».

Духа сопровождало более ста подчиненных. Они расположились рядами вокруг своего начальника и размахивали пиками и мечами.

— Ты из какого монастыря, монах? И как осмелился явиться сюда и шуметь?! — крикнул дух.

— Вот я тебе сейчас покажу, чудовище! — крикнул в ответ Чжу Ба-цзе. — Лишь позавчера я поспорил с тобой, а сегодня ты уже не желаешь признавать меня! Я — ученик благочестивого монаха великих Танов из Китая, мы держим путь на Запад, чтобы поклониться Будде и испросить у него священные книги. Ты прибегаешь ко всяким хитростям и до того обнаглел, что стал именовать себя Великим священным князем. Ты пожираешь детей из селения Чэньцзячжуан. Я девочка И Чэн-цзинь. Разве ты не узнал меня?

— Ах ты мерзкий монах! — крикнул в ответ дух. — Да как ты смел превратиться в И Чэн-цзинь? Знаешь ли ты, что присвоение чужого имени — преступление, за которое ты отве-

тишь? Мне не только не удалось съесть тебя, но ты же еще ранил меня в плечо. Ведь я не тронул тебя, как же ты осмелился явиться сюда и нарушить мой покой?

— Ты сжалился надо мной,— возразил Чжу Ба-цзе,— но зачем напустил холодный ветер, заморозил реку и устроил заднюю нашему учителю? Сейчас же верни его нам, и мы не станем беспокоить тебя, но, смотри, не вздумай отказать нам: взгляни на эти грабли, знай, пощады не будет!

— Ну и разошелся этот монах,— сказал дух, ехидно улыбувшись.— Что ж, если хочешь знать, так это действительно я напустил холод и заморозил реку. Я захватил вашего учителя. Однако, если ты думаешь, что тебе удастся вернуть его, так знай, что сейчас дело обстоит иначе, чем в прошлый раз. Тогда я отправился на пиршество и не захватил с собой никакого оружия. Лишь поэтому тебе удалось ранить меня. Но теперь ты от меня не уйдешь. Знаешь что: давай сразимся круга три, одолеешь меня — я верну вам вашего учителя. Не одолеешь, я съем впридачу и тебя.

— Дорогой сынок! — воскликнул Чжу Ба-цзе.— Что ж, пусть будет по-твоему! Но посмотри хорошенько на эти грабли!

— А монах-то из тебя никудышный,— заявил дух.

— Слушай, сынок,— сказал Чжу Ба-цзе,— а ты, оказывается, не так глуп. Ведь я действительно совсем недавно стал монахом. Но как ты узнал?

— Да по тому, как ты орудуешь граблями,— отвечал дух.— Ты, наверное, работал на каком-нибудь огороде и стащил их у хозяина.

— Сынок,— произнес Чжу Ба-цзе,— уж не думаешь ли ты, что этими граблями обрабатывают землю. Так вот слушай:

Молот, посох и грабли
Бились ожесточенно:
Сплавлены были зубья,
Словно когти дракона;
Яркие, золотые,
Были на змей похожи;
Слабый враг перед ними
Падал в смертельной дрожи.
Если ж бывала встреча
С равными им врагами,
То извергали грабли
Невыносимое пламя.
Вот Чжу Ба-цзе с Ша-сэном
Биться с духом решили —
Много в пути на Запад
Духов они сразили;
Тучами крыли небо —
Солнце пряталось где-то;
Если же было нужно,
Все заливали светом.

Встав, Чжу Ба-цзе великий
Крикнул на поле брани
«Хоть распугал ты тигров
В горных лесах Тайшани,
Хоть бы тебя страшились
В синем море драконы,
Девять дырок получишь,
Граблями заклеянный!»

Однако дух не поверил Чжу Ба-цзе и взмахнул своим медным молотом, готовясь нанести страшный удар. Но Чжу Ба-цзе успел загородиться граблями.

— Вот, гнусное чудовище! — заорал он. — Ты ведь совсем недавно стал оборотнем.

— А откуда это тебе известно? — удивился дух.

— Да видно, как ты орудуешь молотом. Наверное, работал у серебряных дел мастера, — отвечал Чжу Ба-цзе, — а потом украл у него молот.

— Этот молот вовсе не предназначен дляковки серебра. Вот послушай, что я тебе скажу:

Девять лепестков сложились вместе:
Палицу они образовали
Со стволом пустым, цветением вечным
На земле отыщется едва ли,
Разве только встретится на небе,
Лотосоподобное растение:
Плод — коричнев, корка — изумрудна:
Всех оно прекрасней, без сравненья!
В старом яшмовом пруду небесном
Выросло и дышит ароматом.
Я ковал его, чтоб крепость меди
Спорила с испытанным булатом.
Что пред ним и сабли и секиры! —
Топоры дробит одним размахом.
Чуть оно твоих коснется грабель,
Сразу грабли разлетятся прахом!

Увидев, как они расшумелись, Ша-сэн не стерпел и, выступив вперед, крикнул:

— Эй ты, чудовище! Перестань бахвалиться! Ведь старые люди недаром говорили: «Чем хвалиться попусту, лучше выйти и показать, на что ты способен». А теперь — ни с места! И попробуй-ка, сразись со мной.

Дух вовремя успел предохранить себя от удара, загородившись молотом.

— Да какой из тебя монах! — крикнул он.

— А ты откуда знаешь? — удивился Ша-сэн.

— Потому что с виду ты простой пекарь.

— Чем же я, по-твоему, похож на пекаря?

— А тем, что так ловко орудуешь скалкой.

— Ах ты тварь грязная! — Ша-сэн даже выругался. —

Ды ты, наверное, и не знаешь, что:

Нет оружия у людей такого —
Ты поэтому его не ценишь!
Из чертогов вынесено лунных,
Не могло оно отбросить тени:
Из священнейшего древа Соло¹
Сделано, украшено богато,
Камни драгоценные снаружи,
Золото внутри и ароматы
Брал его когда-то император:
На пирах оно тогда блистало.
Взял его я, чтоб оно монаха
Силою волшебной охраняло.
Пусть в путях на Запад неизвестно,
Но зато на небе знаменито!
От его единого удара
Ты падешь в бою, с башкой разбитой!

Дальше дух не мог слушать, он даже в лице изменился от гнева, и тогда на дне реки произошел отчаянный бой:

Чжу Ба-це, Ша-сэн схватились с духом:
Был один — небесным полководцем,
На землю сошедшим добровольно;
Был другой — небесным полководцем,
Изгнанным в пределы преисподней.
С двух сторон они сжимали духа,
Наседая с силою могучей.
Похвалялся дух, что в одиночку
Он сопротивляется монахам.
На роду написано им было
Чистой добродетели достигнуть —
Только каждой вещи в этом мире
Противостоит другая сила.
Если воду побеждает суша,
Высохнет вода — и дно откроет,
Из воды ж являются деревья,
И на них цветы благоухают.
В этом тайный смысл ученья Будды;
Этим руководствуясь законом,
И бессмертья делают пилюли.
Мать-земля рождает в темных недрах
Золота прекрасные побег;
Золото опять рождает воду,
А вода детей своих рождает:
Жизни всей дает вода основу:
И поит цветы, поит деревья;
Дерево огонь в себе содержит.
Всех пяти стихий соединенья
Проявляются многообразно,
Изменяя лик они в боренье.
Посмотрите, как прекрасен молот..
Медными он блещет лепестками.
Как чудесен посох полосатый,—
Он огнями яркими сверкает!

¹ Соло — исполинское дерево, под которым, по преданию, родился и умер Будда.

Изначально в мире были грабли,
Светоносны как светила неба!
Все распалось на девять — в боренье...
В неизвестном разобраться трудно.
Но монахи жертвовали жизнью,
Чтобы соблюсти свои обеты,
Отказались от удобств житейских,
Сакья-муни послужить желали,
Не боясь опасностей смертельных;
Здесь, в сраженье, выступали дружно,
Не давая молоту простора:
Слева — посох отражал удары,
Справа — молоту встречались грабли.

Уже четыре часа бились трое под водой, однако так и нельзя было сказать, кто из них победит. Наконец Чжу Ба-цзе понял, что им не одолеть духа, и подал знак Ша-сэню. Притворившись побежденными, они бросились назад, волоча за собой свое оружие.

— Ребятаки! — крикнул тут дух своим подчиненным. — Вы оставайтесь здесь на страже, а я догоню этих стервецов: отличная у вас будет закуска.

И вы только взгляните: словно лист, несомый осенним ветром, или цветы, сбитые дождем, дух, поднявшись на поверхность воды, помчался за своими противниками.

Между тем Великий Мудрец Сунь У-кун стоял на восточном берегу и пристально следил за прибрежными волнами. Вдруг вода забурлила и из нее с шумом и криком, задыхаясь, выскочил Чжу Ба-цзе, а вслед за ним показался и Ша-сэн.

— Пришел, здесь! — кричали они.

— Стойте, куда вы? — раздался крик, и из воды тотчас же выскочил дух.

— Отведай-ка моего посоха! — заорал тут Сунь У-кун.

Однако дух успел уклониться от нападения и, взмахнув своим молотом, стал отражать удары. Один из противников вздымал волны, другой — проявлял свою волшебную силу на берегу. Однако не успели они схватиться и трех раз, как дух почувствовал усталость и, поняв, что сопротивляться дальше не в силах, исчез в водных глубинах. После этого наступила тишина, и волны не тревожили большую реку.

— Ну и досталось нам, братья, — вздохнул Сунь У-кун.

— Дорогой брат, — сказал тут Ша-сэн. — На берегу дух чувствовал себя не совсем уверенно, но вот в воде с ним не справиться. Мы с Чжу Ба-цзе нападали на него с двух сторон и все же едва держались. Что же нам теперь делать, как спасти учителя?

— Медлить нельзя, дух может причинить нашему учителю вред.

— Вот что, брат, — сказал тут Чжу Ба-цзе, — я постараюсь выманить его из воды, ты же не шуми, подымись в воздух и

жди там. Если дух высунет голову, бей его прямо по макушке. Если ты не убьешь его, то хоть оглушишь. А уж тут я подоспею со своими граблями и полностью рассчитаюсь с ним.

— Вот это верно! — обрадовался Сунь У-кун. — Будем, как говорится, действовать дружно. Только так мы и сможем одолеть духа.

И вот двое из них снова отправились в воду, но говорить об этом мы пока не будем, а расскажем лучше о том, как дух, потерпев поражение, вернулся к себе во дворец. Здесь его окружили подчиненные духи.

— Куда вы угнали монахов, великий князь? — спросила окунь-самка, выступив вперед.

— У этих монахов оказался еще один помощник, — отвечал дух. — Я не знаю, сколько весит его посох, но мой молот не устоит против него. Я не выдержал и трех схваток, как вынужден был признать свое поражение.

— А не можете ли вы, великий князь, сказать, как выглядит их помощник? — спросила самка-окунь.

— Этот монах остроухий, с плоским носом, с золотистыми, словно огонь, глазами, весь обросший шерстью. Он, пожалуй, похож на Бога грома.

От этих слов у окуня-самки мороз пошел по коже.

— Великий князь! — воскликнула она. — Хорошо, что вы оказались столь разумным и вовремя покинули поле боя. Вы спасли себя. Задержись вы там, пришлось бы вам распрощаться с жизнью. Этого монаха я знаю.

— Откуда же ты знаешь его? — поинтересовался дух.

— В то время я жила в Восточном море и слышала, как старый Царь драконов рассказывал о его славе. Пятьсот лет тому назад этот монах взбунтовался против небесных чертгов. Это — изначальный животворный дух, золотой святой, прекрасный царь, Великий Мудрец, равный небу. Недавно он принял буддизм и сейчас охраняет Танского монаха, который идет на Запад за священными книгами. Зовут его Сунь У-кун — странствующий монах. Он обладает волшебной силой, а также способностью много раз перевоплощаться. Как же вы осмелились сердить его? Смотрите, впредь не вступайте с ним в бой.

Не успела окунь-самка проговорить это, как появился дух-привратник.

— Великий князь, — доложил он. — Монахи снова явились к воротам и вызывают вас на бой.

— Вы очень предусмотрительны, дорогая сестра, — промолвил дух. — Теперь я уж больше не выйду к ним, нечего мне там делать. Ребята! — крикнул он. — Закройте-ка покрепче ворота. Недаром говорится: «Пусть кричат у ворот, ворот не

открывать». Пускай шумят хоть два дня. А когда уgomонятся и уйдут отсюда, мы распорядимся Танским монахом по собственному усмотрению.

Выполняя приказ своего властелина, духи стали подтаскивать к воротам камни, завалили их глиной и наконец накрепко закрыли.

Между тем Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не переставали вызывать духа на бой и лишь когда убедились, что все напрасно, Дурень рассердился и изо всей силы хватил по воротам своими граблями. Но ворота были настолько крепко заперты, что лишь на восьмом ударе удалось выломать дверцу. За воротами вздымались горы наваленной комьями глины.

— Слушай, брат! — сказал Ша-сэн. — Дух так испугался нас, что завалил свои ворота и, конечно, не выйдет сюда. Придется нам пока вернуться на берег и посоветоваться с нашим братом, что делать дальше.

Чжу Ба-цзе согласился, и они отправились на берег. Между тем Сунь У-кун, как и было договорено, сидел на облаке с посохом наготове. Увидев, что на берег вышли только его друзья, а духа нигде не видно, он тотчас же спустился вниз и поспешил к своим братьям.

— Что же вы не поступили так, как мы условились?

— Это чудовище не желает показываться, — сообщил Ша-сэн. — Мы выломали ворота и увидели, что они завалены глиной. Вот почему мы не вступили с ним в бой и решили посоветоваться, как спасти нашего учителя.

— В таком случае ничего не поделаешь, — сказал Сунь У-кун. — Вы оставайтесь пока здесь, на берегу, и следите, чтобы дух как-нибудь не улизнул. А я скоро вернусь.

— Куда же ты, брат, собрался? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Я отправлюсь на гору Путошань, к бодисатве, узнаю, откуда взялось это чудовище и как его зовут, а затем отправлюсь на его родину, расправлюсь со всеми его родными и соседями и вернусь сюда, чтобы схватить самого духа и спасти учителя.

— Дорогой брат, — произнес со смехом Чжу Ба-цзе. — Дело это очень хлопотливое, да и времени отнимет слишком много.

— Ручаюсь, что это вовсе не так трудно и времени отнимет не очень много, — успокоил его Сунь У-кун. — Я мигом возвращусь.

О, чудесный Великий Мудрец! Он взвился ввысь на луче волшебного света и в одно мгновение очутился у Южного моря. Через каких-нибудь полчаса он уже увидел хребет Ло-цзяшань. Здесь он опустился на своем облаке на землю и был встречен двадцатью четырьмя небесными духами, духом — хранителем горы, Мокшей, шаньцай тунцзы и дочерьми

дракона, несущими жемчуг. Приветствуя Сунь У-куна поклонами, они спросили:

— Что привело вас сюда, Великий Мудрец?

— Я хочу повидать бодисатву,— отвечал Сунь У-кун.

— Сегодня утром она покинула пещеру,— отвечали небожители,— и никому не позволила сопроводить ее. Она отправилась погулять в бамбуковую рощу. Однако, зная, что вы придете, приказала встречать вас здесь и велела передать, что сразу не сможет вас принять. Поэтому, будьте милостивы, присядьте здесь на изумрудный утес и обождите ее.

Только было хотел Сунь У-кун присесть, как к нему подошел один из учеников бодисатвы и, с поклоном приветствуя его, молвил:

— О Великий Мудрец Сунь У-кун! Благодаря вашим высоким благодеяниям и милосердию бодисатвы, я теперь безотлучно нахожусь при ней, моей повелительнице, прислуживая ей у лотосового трона и всегда испытываю на себе ее великое милосердие.

В подошедшем небожителе Сунь У-кун узнал духа — Красного ребенка.

— Я знал тебя еще злым духом,— смеясь сказал он.— И лишь теперь, когда ты многое познал, то понял наконец, как благороден Сунь У-кун.

Прошло довольно много времени, а бодисатва все не появлялась. Сунь У-кун уже стал сердиться.

— Уважаемые небожители! — воскликнул он.— Доложите, пожалуйста, бодисатве, что пока я ее здесь дожидаясь, мой учитель может погибнуть.

— Мы не смеем тревожить бодисатву,— отвечали те.— Она приказала вам ждать и сказала, что сама придет сюда.

Но Сунь У-кун по натуре своей был существом нетерпеливым и, не в силах больше ждать, вскочил на ноги и направился к роще. И, о чудо!

Царь прекрасный обезьяний
Был насмешником известным,
И его не в состоянии
Удержать был сонм небесный.

В рощу смелыми шагами
Обезьяний царь вступает
И широкими глазами
Каждый кустик озирает.

Бодисатвы облик нежный
Он заметил зорким взглядом:
Занималась та небрежно
Утренним своим нарядом.

Гуаньинь скрестила ноги,
Кожа рук ее блистала:
На подстилке у дороги
Бодисатва отдыхала.

Не видать на ней халата,
Кофта собрана умело,
Юбка из парчи богатой
Стройный стан ее одела.

Был прекрасен облик чистый:
Плечи — голы, ноги — босы,
Словно легкий шелк пушистый,
Были спутанные косы.

Бодисатва подымала
Перламутровую руку
И стальным ножом срезала
Кожу тонкую с бамбука.

Увидев ее, Сунь У-кун не удержался и громко крикнул:

— Бодисатва! Ученик твой от всего сердца приветствует тебя!

— Обожди меня возле рощи! — приказала бодисатва.

— Милостивая бодисатва! — не отставал Сунь У-кун. — Мой учитель в опасности. И я пришел сюда лишь для того, чтобы узнать все о чудовище, которое обитает в реке, Достигающей неба.

— Покинь рощу и обожди, пока я выйду, — повторила бодисатва.

Сунь У-кун не смел больше настаивать на своем и вышел из рощи.

— Что это бодисатва решила сегодня заняться хозяйственными делами? — обратился он к небожителям. — Почему, вместо того чтобы восседать на лотосовом троне в своем убранстве и предаваться наслаждениям, она пошла в бамбуковую рощу и срезает там кожицу бамбука?

— Мы ничего не знаем, — отвечали небожители. — Мы знаем только, что сегодня утром она вышла из пещеры, даже не надев своего наряда, и отправилась прямо в бамбуковую рощу. Нам же она приказала встретить вас здесь. Очевидно, она что-то делает для вас.

Сунь У-куну ничего не оставалось, как запастись терпением и ждать. Вскоре из рощи показалась сама бодисатва с бамбуковой корзиночкой в руках.

— Ну, Сунь У-кун, — промолвила она, — пойдём спасать Танского монаха.

— Я не смею торопить вас, бодисатва, — отвечал Сунь У-кун. — Может быть, вы пойдете к себе и оденетесь, а затем уж займете свой трон.

— Я не хочу тратить на это времени,— отказалась бодисатва.— Так пойду.

И, покинув небожителей, она на волшебном луче взвилась в воздух. Великий Мудрец последовал за ней, и очень скоро они прибыли к реке, Достигающей неба.

— Ну и горяч же наш брат,— завидев их, говорили между собой Чжу Ба-цзе и Ша-сэнь.— Большой шум, должно быть, поднял он на Южном море, раз сама бодисатва, даже не принарядившись как следует, явилась сюда.

Когда бодисатва с Сунь У-куном опустились на берег, Чжу Ба-цзе и Ша-сэнь, склонившись, приветствовали бодисатву:

— Простите нас, милостивая бодисатва, что мы беспокоим вас.

Тут бодисатва сняла с себя шелковый пояс и прикрепила к нему корзинку. Затем она понеслась на облаках над рекой вверх по течению и, забросив корзинку в реку, произнесла заклинание:

— Погибшие уходите! Живые оставайтесь здесь!

Повторив его раз семь, она вытащила корзинку из воды. И — что же вы думаете? В корзинке оказалась золотая рыбка. Она извивалась, была своим сверкающим хвостом и мигала глазами.

— Сунь У-кун,— громко приказала бодисатва.— Живсе иди в воду и спасай своего учителя!

— Да как же я могу спасти его, ведь мы не выловили еще чудовище? — возразил Сунь У-кун.

— А это что? — сказала бодисатва, указывая на корзинку.

— Неужели эта рыбка обладала столь волшебными способностями?! — с изумлением спросили Чжу Ба-цзе и Ша-сэнь, кланяясь.

— Это была огромная золотая рыба, которую я вскормила в своем лотосовом пруду,— сообщила им бодисатва.— Она имела привычку каждый день высовывать из воды голову и слушать священное писание. Таким образом ей удалось выработать в себе эти волшебные качества. Молот с девятью лепестками, которым она действовала, всего-навсего цветок лотоса с нераспустившимся бутонем, который она при помощи волшебства превратила в свое оружие. Однажды, во время огромного морского прилива, когда все затопило, рыба попала сюда. И вот сегодня, опираясь на балюстраду и любуясь цветами, я была удивлена, почему это существо не приветствует меня. Когда же я тщательно проследила, куда она скрылась, то поняла, что она здесь и, превратившись в духа, угрожает жизни вашего учителя. Поэтому-то я, не успев даже причесаться и одеться, сплела корзинку, чтобы захватить чудовище.

— Милостивая бодисатва,— молвил тут Сунь У-кун,— обожди немного, я позову сюда семейство Чэнь и всех осталь-

ных последователей Будды: пусть они узрят твой золотой лик. Это будет для них великая милость. Мы расскажем им также о том, как было выловлено чудовище. Подобное чудо укрепит веру и увеличит благочестие этих смертных.

— Ну что ж,— согласилась бодисатва,— зови их, только быстрее.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн опрометью помчались в селение и стали звать:

— Спешите лицезреть живую бодисатву Гуаньинь!

Все население деревни, от мала до велика, бросилось на берег и тут, несмотря на воду и грязь, люди опустились на колени, отбивая земные поклоны, и случилось так, что среди них оказался искусный живописец, который нарисовал в этот момент бодисатву Гуаньинь с корзинкой в руках. Тогда-то и появилось ее первое изображение. После этого бодисатва удалилась в сторону Южного моря.

Между тем Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, прокладывая себе путь в воде, направились к жилищу Черепахи на розыски своего учителя. Все оборотни-рыбы были мертвы и уже начали разлагаться. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн прошли за дворец и, раскрыв каменный ящик, освободили своего учителя. На собственных плечах понесли они Трипитаку и, выбравшись наконец из воды, предстали перед всеми. Увидев Трипитаку, братья Чэнь склонились.

— Если бы вы послушались нас, почтенный отец, и остались здесь,— молвили они,— не пришлось бы вам подвергать свою жизнь такой опасности.

— Ну, об этом сейчас не стоит говорить,— сказал Сунь У-кун.— Хорошо, что жителям вашего селения не надо будет беспокоиться о жертвоприношении в будущем году. Теперь вы навсегда освободились от этого злого духа — великого князя, и он не будет причинять вам вреда. А сейчас мы побеспокоим вас, уважаемые братья Чэнь, и попросим поскорее найти лодку, чтобы мы могли переправиться через реку.

— Все будет сделано! — охотно отозвался один из братьев по имени Чэнь Цин.

И он тотчас же приказал напилить досок и сделать лодку. Все жители старались чем-нибудь помочь. Один предлагал достать мачты и паруса, другой — весла и шесты. Третий — обещал достать веревки, четвертый — заявлял, что будет платить гребцам.

Но вдруг общий шум заглушил громкий голос, раздавшийся из реки:

— Великий Мудрец, зачем строить лодку и понапрасну тратить силы, средства и материал? Я перевезу вас всех с вашим учителем через реку.

Этот голос вызвал такой страх у жителей деревни, что почти все они бросились бежать, за исключением самых храб-

рых, которые с трепетом ожидали, что будет дальше. Через некоторое время из воды показалось чудовище. И вы только послушайте, каким оно было:

Чудовище с божественною силой —
Она жила в воде за веком век;
Она средь ила хвост свой волочила
И пряталась на дне у тысяч рек.

Пучину вспучив, на берег ползла
И солнцу совершала поклоненье,
Квадратной голова ее была —
Подобной нет у смертного творенья.

На берегу морском ложилась спать,
И дух она ученьем укрепляла,
Чтоб Истину глубоко постигать...
Давно здесь Черепаха обитала.

— Великий Мудрец,— повторила старая Черепаха,— зачем строить лодку, я перевезу вас вместе с вашим учителем через реку.

— Ах ты проклятая тварь! — заорал Сунь У-кун, размахивая своим посохом.— Если ты хоть еще немного приблизишься к берегу, я прикончу тебя этим посохом.

— Я очень признательна вам, Великий Мудрец, за оказанную вами милость,— продолжала Черепаха,— и искренне хочу оказать вам услугу. Почему же вы грозитесь убить меня?

— За какую это милость ты хочешь отблагодарить меня? — спросил Сунь У-кун.

— Вы, может быть, и не знаете, Великий Мудрец,— отвечала Черепаха,— что дом старой Черепахи на дне этой реки — мое обиталище. В течение многих поколений этот дом принадлежал предкам и от них перешел ко мне. Путем самоусовершенствования я овладела волшебной силой и полностью перестроила доставшийся мне от предков дом, превратив его в настоящий водный дворец. И вот в один прекрасный день, девять лет тому назад, здесь появился злой дух. Плывая по течению и взбаламучивая воду, он напал на мое жилище и вступил со мной в бой. Многие из моих детей погибли, а большинство родственников попало к нему в плен. У меня не было сил бороться с ним, и мой дом достался этому злодею. Но вот сейчас благодаря тому что вы, Великий Мудрец, спасая своего учителя, пригласили сюда бодисатву Гуаньинь и она избавила реку от этого чудовища, мой дом снова перешел ко мне. Теперь я могу собрать всех родных и устроить их удобно в нашем старом жилище, а не прозябать в тише и грязи, как нам приходилось все это время. Подобная милость огромна, как гора, и глубока, как море. Однако милость оказана не только нам. Жители этого селения избавлены

теперь от необходимости каждый год приносить жертвы. Знаете ли вы, скольких людей спасли от смерти? Это поистине значит убить двух зайцев. Так разве не должны мы принести вам свою благодарность?

Выслушав Черепаху, Сунь У-кун в душе остался очень доволен и, убрав посох, сказал:

— А ты не лжешь?

— Разве стану я обманывать вас, Великий Мудрец, после того как вы оказали мне столь великую милость?! — воскликнула Черепаха.

— Поклянись небом, что говоришь правду, — приказал Сунь У-кун.

И Черепаха, широко раскрыв красный рот и глядя на небо, принесла следующую клятву:

— Пусть тело мое превратится в воду, если я не переправлю вас благополучно через реку, Достигающую неба.

— Ну, теперь можешь выходить на берег, — сказал улыбаясь Сунь У-кун.

Старая Черепаха подплыла и, поднатужившись, как могла, взобралась на берег. Люди подошли поближе, чтобы рассмотреть ее. Это была огромная черепаха, покрытая белым панцирем, четырех чжанов в диаметре.

— Садитесь, учитель, — пригласил Сунь У-кун, — поплывем.

— Ученик мой, — отвечал Трипитака, — даже когда река была покрыта толстым слоем льда, мы двигались по ней с трудом. Боюсь, что на спине Черепахи мы будем чувствовать себя очень неустойчиво.

— Не волнуйтесь, учитель, — успокоила его Черепаха. — На моей спине вы будете чувствовать себя куда увереннее, чем на самом толстом льду. Если я хоть слегка накренюсь, то готова полностью отвечать за это.

— Учитель, — вмешался тут Сунь У-кун. — Существо, которое умеет говорить человеческим языком, не может лгать. Ну, братя, — скомандовал он, — ведите коня!

К этому времени на берег реки проводить отъезжающих собралось все население деревни Чэньцзячжуан, — пришли и древние старцы и малые дети. По распоряжению Сунь У-куна, коня поставили на самой середине панциря Черепахи, Трипитака стал слева, около головы коня, Ша-сэн — справа, Чжу Ба-цзе — позади, а Сунь У-кун — впереди. Опасаясь, как бы Черепаха не выкинула с ними какой-нибудь штуки, он снял с себя пояс, которым была подвязана его тигровая накидка. Один конец его он привязал к носу черепахи, а другой взял в руку. Получилось нечто вроде повода. Затем одной ногой он стал на голову Черепахи, а другой — уперся ей в спину. Итак, держа в одной руке повод, а в другой посох, он крикнул:

— Ну, теперь можешь трогаться, только осторожно! Помни, что при малейшем наклоне ты получишь удар по голове.

— Да как же я осмелюсь! — воскликнула Черепаха.

С этими словами она выпустила свои лапы и, погрузившись в реку, поплыла так спокойно, словно двигалась по земле. В это время оставшиеся на берегу люди сжигали фимиам, отбивали земные поклоны и произносили:

— О Амитофо! Великий Будда!

И действительно, можно было подумать, что святой Алохань явился к простым смертным и что на землю сошел живой Будда. Мы не будем распространяться о том, как народ на берегу возносил свои молитвы. Лишь когда путники скрылись из виду, все разошлись по домам.

Не прошло и дня, как Трипитака со своими учениками на спине Черепахи проделал путь в 800 ли и благополучно переправился через реку, Достигающую неба. Не замочив даже рук и ног, они высадились на противоположном берегу. Очутьившись на суше, Трипитака сложил руки и, благодаря Черепахе, промолвил:

— Старая Черепаха! Очень жаль, что мне нечем отблагодарить тебя за оказанную нам услугу. Но я надеюсь, что смогу сделать это, когда буду возвращаться со священными книгами.

— Вы можете не беспокоиться и не думать об этом, — сказала Черепаха. — Но у меня есть к вам одна просьба. Я слышала, что в Индии живет Будда, который выше законов жизни, ему известно и прошлое и будущее. Так вот, я занимаюсь самоусовершенствованием уже более тысячи трехсот лет. За это время я достигла долголетия и легкости тела, научилась говорить по-человечески, но до сих пор не могу освободиться от своего панциря. Я была бы вам очень признательна, учитель, если бы вы, когда приедете в Индию, спросили у Будды, сколько еще пройдет времени до того момента, когда я смогу освободиться от панциря и принять человеческий облик?

— Я обязательно спрошу его об этом, — обещал Трипитака.

После этого Черепаха скрылась под водой. Сунь У-кун помог Трипитаке сесть на коня, Чжу Ба-цзе взвалил на себя коромысло с вещами, Ша-сэнь пошел рядом. Вскоре они вышли на дорогу и двинулись прямо на Запад. Об этом поистине можно было сказать:

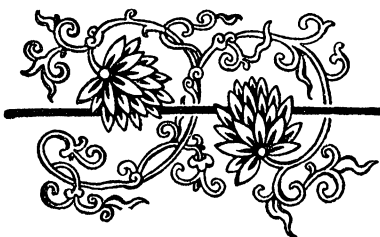
Шествовал на Запад
Много дней монах,
Поклониться Будде
Получив указ;

Млечный Путь прошел он,
Долго шел в горах,
Трудности встречались
На пути не раз.

Шел он непреклонно —
Цель была ясна.
Лишь бы долг исполнить —
Гибель не страшна!

Однако, если вы хотите знать, сколько им предстояло еще пройти и как велики были бедствия, постигшие их, вам придется прочитать следующие главы.





ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ,

в которой говорится о том, как страсти вносят сумятицу в чувства и мысли и как от смятения духа человек попадает в руки дьявола

Стихи гласят:

Душе всегда потребно очищенье,
И страсти подлежат искорененью.
Не дай, чтоб Будда с вышины упал!
Ведь только тот, кто чист и светел стал,
Способен обсуждать первоначало,
Чтоб Цаоси¹ свободно протекала.
Светильник жизни чистить не ленись
И мысль сосредоточивать учись,
И равномерным сохраняй дыханье —
Таким путем достигнешь созерцанья.

Это стихотворение называется «Нанькэ-цзи»*, оно повествует о том, как Танский монах избежал бедствия на покрытой льдом реке, Достигающей неба, и благополучно переправился на панцире белой Черепахи на другой берег. Здесь он и три его ученика вышли на большую дорогу и продолжали свой путь на Запад.

Стояла суровая зима, однако:

Тихо лес сияет,
Дымкою охвачен,
А хребет высокий,
Как вода, прозрачен.

Неожиданно перед путниками выросла огромная гора, которая преградила им дорогу. Узкая тропинка извивалась между кручами, уходя все выше и выше. Кругом громоздились

¹ Ц а о с и — легендарная река.

груды камней, вздымались вверх опасные скалы и утесы. Идти становилось все труднее.

Натянув поводья, Трипитака остановил коня.

— Деги мои! — позвал он.

К нему тотчас же подошел Сунь У-кун, а за ним — Чжу Ба-цзе и Ша-сэн.

— Что прикажете, учитель? — спросил Сунь У-кун.

— Посмотрите, какие высокие горы,— промолвил Трипитака.— Боюсь, что здесь много диких зверей, всякой нечисти и оборотней, которые губят людей. Нам следует все время быть настороже.

— Успокойтесь и не тревожьте себя, учитель,— отвечал Сунь У-кун.— У нас, ваших учеников,— одна цель и одни стремления: мы встали на путь Истины и обладаем силой, усмиряющей волшебников и покоряющей оборотней. Так что вам нечего бояться всякой нечисти.

Эти слова успокоили Трипитаку, и он двинулся дальше. Когда они достигли какой-то лощины, Трипитака въехал на утес и огляделся. Перед ним вздымались прекрасные горы.

Огромные горы вздымались —
Откосы, отвесы, твердыни
Огромные горы вздымались,
Взлетая к небесной сини.

Небес бирюзу закрывали
Откосы, отвесы и кручи:
Подобные спящим тиграм,
Камней громоздились кучи.

Сосновые ветки спускались,
Подобно летящим драконам,
Холодные мчались потоки,
И птицы пели по склону.

Рычали голодные тигры,
Цветы раскрывала слива:
Легко кружились снежижки,
И ветер выл у обрыва.

С угрозой мчались тучи,
Воронья стая металась,
Искали олени пастбищ,
Но следа к ним не осталось.

Увы, в такую погоду
Продолжить путь невозможно:
И путник, нахмутив брови,
Чело прикрывает тревожно.

И вот четыре путника, несмотря на снег и холод, пронизывавший их до костей, перевалили вершину крутой горы и увидели вдаль, в одной из горных долин, высокие пагоды и строе-

ния, а вокруг них — чистые домики, разбросанные то тут, то там.

— Ученики мои! — радостно воскликнул Трипитака. — Сегодня мы изрядно померзли и проголодались. Но судьба посылает нам счастье: я вижу пагоды, строения и уютные жилища. Там, в долине, несомненно живут люди и очевидно есть буддийский монастырь. Мы сейчас же пойдем туда и попросим покормить нас. А как только подкрепимся и отдохнем, отправимся дальше.

Сунь У-кун стал пристально всматриваться вдаль и заметил, что над долиной, на которую указывал Трипитака, плавают темные зловещие облака и весь воздух словно насыщен злом.

— Учитель, — сказал он, обернувшись назад. — Это зловещее место.

— Но ведь там есть пагоды, павильоны, беседки, — возразил Трипитака. — Почему же оно зловещее?

— Да откуда вы знаете, учитель, — отвечал с улыбкой Сунь У-кун. — На дорогах Запада водятся разного рода оборотни и злые духи. Они очень искусно обманывают людей и могут не только превращать любые вещи в хижины и строения, но легко создают дворцы, пагоды и павильоны. Разве вы не знаете, что среди девяти видов драконов есть рогатый дракон. Этот дракон обладает способностью излучать особое сияние и если смотреть на него, то начинают мерещиться здания, дворцы или же мелкие пруды. Когда встречаются большие реки, этот мираж действует с особой силой. Птица, например, непременно останавливается и не может лететь. И что бы вы ни предпринимали, это чудовище все равно моментально проглотит вас. Это очень таинственное и самое опасное для человека существо. А место, которое вы видите, — зловещее, и нам ни в коем случае нельзя идти туда.

— Но ведь мы можем погибнуть с голоду, — возразил Трипитака.

— Если вы действительно так голодны, учитель, сойдите с коня и посидите где-нибудь в укромном месте, — предложил Сунь У-кун. — Я раздобуду пищу, и вы сможете подкрепиться.

Трипитака последовал совету своего ученика и спешился; Чжу Ба-цзе взял коня за повод, а Ша-сэн опустил носилки, развязал узел и, вытащив чашу для сбора подаяний, передал ее Сунь У-куну. Принимая чашу, Сунь У-кун сказал Ша-сэну:

— Дорогой брат! Оставайтесь тут и хорошенько охраняйте нашего учителя, а я отправлюсь за подаянием. Как только вернусь, мы снова тронемся в путь, на Запад.

Ша-сэн обещал в точности выполнить указание. Тогда Сунь У-кун обратился к Трипитаке.

— Учитель,— молвил он.— Долина, которую мы видим, не предвещает ничего хорошего, она грозит бедой. Ни в коем случае не двигайтесь с места, пока я буду ходить за подаением.

— Ну, об этом можешь не говорить,— отвечал Трипитака.— Только смотри возвращайся быстрее. Я буду ждать тебя здесь.

Сунь У-кун совсем уж было собрался уйти, но снова вернулся и подошел к Трипитаке.

— Учитель,— сказал он,— я знаю, что человек вы не очень усидчивый и вот ради вашей безопасности решил применить средство, оберегающее вас.

С этими словами он взял свой посох с золотыми кольцами и, взмахнув им несколько раз, начертил на земле круг. Затем он велел Трипитаке занять место в середине, а Чжу Ба-цзе и Ша-сэну встать рядом с учителем и охранять его. Коня и вещи он приказал поместить тоже в кругу. Затем он сложил ладони рук и произнес, обращаясь к Трипитаке:

— Круг, который я начертил, все равно, что бронзовая или железная стена. Ни хищный зверь, ни злой дух или оборотень не сможет приблизиться к вам. Но вы не должны выходить за пределы этого круга. Если будете сидеть спокойно, ничего с вами не случится. Но стоит выйти из круга,— и с вами непременно произойдет беда. Смотрите же, твердо помните, что я сказал. А теперь желаю вам всяческого счастья!

Трипитака обещал выполнить все, что велел Сунь У-кун, и вместе с обоими учениками разместился в середине круга. А Сунь У-кун, вскочив на облако, отправился в селения собирать подаение. Он летел к югу и вдруг увидел дремучий лес с вздымающимися к самому небу старыми деревьями. Оказалось, что это селение. Сунь У-кун опустил на землю и стал пристально осматриваться кругом. И что же он увидел:

Реденький бамбук под ветром гнется,
И квадратный замерзает пруд.
Снег присыпал густо ветви ивы;
Рядом сосны пышные растут.

И солома этих бедных кровель,
Хвоя горделивая сосны —
В тонком серебре,— наполовину
Белым снегом запорошены.

Вдоль оград уже цветут нарциссы,
С крыш сосульки льдистые висят,
И хотя свистит холодный ветер,
Но несет он дивный аромат

Все кругом еще покрыто снегом;
Догадаться не сумеешь ты,
Где благоухают зимней сливы
Лепестки раскрывшие цветы.

Сунь У-кун медленно двигался вперед, любясь деревней. Вдруг он услышал скрип калитки плетеных ворот: на улицу вышел старик в ветхой буддийской рясе. В руках у него был посох из растения ли *. На голове — меховая шапка из овчины. На ногах — туфли из камыша. Опираясь на посох, старик посмотрел на небо и сказал:

— Ветер подул с северо-запада, значит, завтра будет ясная погода.

Не успел он договорить, как из-под ног у него выскочила маленькая собачонка, которая, набросившись на Сунь У-куна, залилась звонким лаем. Тут только старик обернулся и увидел Сунь У-куна, а тот, держа чашку для сбора подаяний, обратился к старику со следующими словами:

— Милостивый благодетель! Я ученик Танского монаха, который по повелению китайского императора идет на Запад поклониться Будде и взять у него священные книги. И вот, когда мы очутились неподалеку от вашего драгоценного дома, моего учителя стал мучить голод. Поэтому-то я и пришел в ваш почтенный дом попросить подаяния.

Выслушав Сунь У-куна, старик только покачал головой и, отвесив поклон, опираясь на посох, сказал:

— Погодите, почтенный монах, говорить о подаянии. Вы, верно, сбились с пути.

— Нет, мы не сбились с пути,— отвечал Сунь У-кун.

— Да ведь путь в Индию проходит далеко к северу,— продолжал старик.— Отсюда это не меньше тысячи ли. Почему же вы идете не там, где следует?

— Вы правы,— подтвердил Сунь У-кун,— путь в Индию лежит к северу отсюда. Мой учитель как раз и находится сейчас там и ожидает моего возвращения.

— Что за вздор ты несешь, монах,— удивился старик.— Как может твой учитель ждать тебя там? Ведь для того чтобы добраться оттуда к нам, то есть пройти расстояние в тысячу ли, даже очень хорошему ходоку потребуется не менее семи дней, да столько же, чтобы вернуться. За это время твой учитель может умереть с голоду.

— Не стану обманывать вас, милостивый благодетель,— отвечал улыбаясь Сунь У-кун,— я только что оставил своего учителя. Для того чтобы добраться сюда, мне потребовалось ровно столько времени, сколько нужно для того, чтобы выпить чашку горячего чая. Ну, а если я сейчас получу подаяние, то успею вернуться к обеду.

— Да ты не монах, а черт или дух! — испуганно воскликнул старик и бросился бежать прочь.

— Куда вы, благодетель! — схватив его за руку, сказал Сунь У-кун.— Вы лучше подайте что-нибудь, только поскорее!

— Ничего я тебе не дам, ничего,— заявил старик.— Ты лучше обратись в другой дом!

— Ну как же так, благодетель, вы, верно, не понимаете, что говорите! Ведь вы сами сказали, что от того места, где находится мой учитель, до вас тысяча ли. Что же будет, если я пойду в другой дом? Это значит, что мне снова нужно будет проделать тысячу ли. В таком случае мой учитель действительно может умереть с голоду.

— Скажу вам правду,— промолвил тут старик,— семья у меня семь душ. Мы только что запустили в котел три шэна риса. Но рис еще не готов. Ты сходи-ка сперва в другие дома, а потом уж вернешься сюда.

— Еще в старину люди говорили: «Чем ходить по нескольким домам, лучше подождать в одном». Так вот я лучше подожду.

Подобная навязчивость разозлила старика, и он, взмахнув своим посохом, семь раз ударил Сунь У-куна по лысине. Однако Сунь У-кун не обратил на это никакого внимания, ощущая лишь легкий зуд.

— Да что за башка у этого монаха! — с удивлением воскликнул старик.

— Вот что, почтенный человек,— произнес со смехом Сунь У-кун.— Ты можешь колотить сколько тебе вздумается, но запомни, сколько раз ты меня ударил. За каждый удар с тебя причитается один шэн рису, а потому не торопись и считай как следует.

Старик был до того напуган, что даже бросил свой посох и с криком: «Черт! Черт!» — вбежал во двор и захлопнул ворота. Его крик напугал всех домочадцев, и они, дрожа от страха, поспешно бросились закрывать все входы и выходы. Тут Сунь У-кун задумался.

«Этот старый мошенник сказал, что у них в доме варят сейчас рис,— размышлял он.— Но правда ли это — я не знаю. Недаром говорится: «Даосизм делает людей умными и честными и рассеивает все сомнения». Придется самому посмотреть, что там делается».

И вот наш чудесный Великий Мудрец произнес заклинание и, сделавшись невидимым, прошел прямо на кухню. Старик не соврал. Из котла валил пар и в нем действительно варилась каша. Тут Сунь У-кун, не долго думая, опустил чашку в котел и, наполнив ее до краев, взобрался на облако и пустился в обратный путь. Но говорить об этом подробно мы не будем.

Вернемся лучше к Трипитаке. Прождав довольно долго, он наклонился вперед и с досадой проговорил:

— И куда только могла отправиться эта обезьяна?

— Я нисколько не сомневаюсь в том, что она ушла куда-нибудь прогуляться,— с усмешкой заметил Чжу Ба-цзе.— Разве уж тут до сбора подаяний? Просто ей захотелось запереть нас здесь.

— Что означают слова «запереть нас здесь»? — спросил Трипитака.

— Да разве вы, учитель, ничего не понимаете? — удивился Чжу Ба-цзе.— В древнее время начертить круг означало посадить человека в тюрьму. Неужели вы думаете, что круг, который начертил Сунь У-кун, действительно является железной стеной и может защитить нас от хищных зверей. Да они сожрут нас — и все.

— Что же ты предлагаешь, Чжу Ба-цзе? — спросил Трипитака.

— Я считаю, что здесь мы не защищены ни от ветра, ни от холода, и нам следует двигаться вперед, на Запад. Если Сунь У-кун вернется с подаянием, то на своем облаке сможет быстро нагнать нас. Тогда вы подкрепитесь, и мы отправимся дальше. От этого сиденья у меня уже нога закоченела.

Слова Чжу Ба-цзе принесли несчастье Трипитаке. Он послушал Чжу Ба-цзе, и они все вышли из круга. Чжу Ба-цзе вел под уздцы коня, Ша-сэн нес коромысло с вещами, а Трипитака шел следом за ними. Вскоре они подошли к высокому зданию, которое было расположено фасадом на юг, а другой стороной — на север. Оно было окружено белыми стенами, расположенными в виде висящих усов. Все оно было раскрашено в разные цвета. Над воротами была арка в виде опрокинутого лотоса. Подойдя к воротам, Чжу Ба-цзе привязал коня к каменному столбу. Ша-сэн опустил на землю свою ношу, а Трипитака, который очень боялся ветра, присел на порог.

— Учитель,— обратился к нему Чжу Ба-цзе,— я думаю, что это строение принадлежит какому-нибудь сановнику. Люди, которые здесь живут, верно, занимаются благотворительными делами. За воротами никого не видно. Они все, конечно, сидят в помещении и греются около огня. Вы побудьте здесь, а я схожу посмотрю, что там делается.

— Смотри, будь осторожен,— напутствовал его Трипитака.— Не задевай никого.

— Знаю, знаю,— отвечал Чжу Ба-цзе.— После того как я вступил на путь Истины и стал монахом, я успел научиться кое-каким церемониям и теперь нечего равнять меня с каким-нибудь неотесанным деревенским парнем.

Воткнув за пояс вилы, Чжу Ба-цзе расправил на себе темную парчовую рясу, а потом чинно и благородно вошел в ворота. Здесь он увидел три больших, высоких здания; двери были закрыты высокими решетчатыми занавесками. Вокруг царила мертвая тишина, и ничто не говорило о присутствии людей. В домах не было ни столов, ни стульев, а также никакой утвари. Чжу Ба-цзе вошел в помещение и увидел коридор. Лестница в конце его вела в верхнее помещение; окна там были приоткрыты и на них висели плотные занавеси из желтого шелка.

«Наверное, там спит человек, который боится холода»,— подумал Чжу Ба-цзе.

И, забыв о том, что существует обычай, по которому следует отличать внешние покои от внутренних, куда постороннему входить нельзя, наш герой смело пошел наверх. Но как только он раздвинул занавес, то от страха замер на месте. За пологом на кровати из слоновой кости лежал совершенно белый скелет. В объеме он был величиной всего с доу, а длиной около пяти чжанов. Немного придя в себя, Чжу Ба-цзе не мог сдержать слез, и они текли у него по щекам. Глядя на скелет, покачивая головой и вздыхая, он произнес:

Не знаю, кто ты:
Останки здесь какого полководца,
Какой династии, какой эпохи,
Какой страны, какого государства?
Здесь плач семьи над ним не раздастся.

Герой, лежишь ты нынче прахом бранным,
А раньше ты одерживал победы!
Кто из солдат твоих перед тобою
Теперь воскурит фимиам священный?

Вдруг Чжу Ба-цзе заметил, что за переходом в другой этаж в окне мерцает огонек.

«Очевидно, в том помещении находится человек, который прислуживает здесь и возжигает фимиам»,— подумал Чжу Ба-цзе и быстро прошел через коридорчик. Осмотревшись, он увидел, что свет проникает через ставни окна в верхнем этаже. Через окно можно было рассмотреть блестящий лакированный стол, на котором в беспорядке была разбросана вышитая шелком парчовая одежда. Чжу Ба-цзе вошел, взял одежду в руки и увидел, что это три стеганых безрукавки.

Не обращая больше ни на что внимания, он взял эти вещи, спустился вниз и, выйдя из помещения, направился прямо к воротам.

— Учитель,— промолвил он,— здесь нет никого. Это обитель умерших. Я заходил в помещение, подымался наверх, и там за желтым шелковым пологом обнаружил останки человека. Затем я поднялся еще выше и нашел там вот эти стеганые безрукавки. Я взял их: они очень пригодятся нам в дороге, ведь уже наступили холода. Оденьте под свой легкий халат эту безрукавку и не будете мерзнуть.

— Нет, я не могу поступать подобным образом! — воскликнул Трипигака.— В законе сказано: «Взял ли ты чужую вещь открыто, или тайком: все равно — это воровство». Если о нашем поступке узнают власти, они пошлют за нами погоню и будут судить за воровство. Уж лучше отнести эти вещи туда, откуда ты их взял. Мы посидим здесь в укрытии, а

когда вернется Сунь У-кун, двинемся дальше. Не к лицу монаху интересоваться такими пустяками.

— Да здесь кругом ни души,— запротестовал Чжу Ба-цзе.— О том, что мы взяли эти вещи, ни одна душа, кроме нас, знать не будет. Кто же донесет? Да и где, какое доказательство? Ведь это все равно, что мы нашли, так стоит ли рассуждать о том, как это взято: открыто или тайно.

— Ты мелешь вздор,— заявил Трипитака.— Всевышний завещал нам: «Когда совершаешь бесчестные поступки в тиши своего дома, то помни о том, что божественное око проникает всюду». Отнеси-ка ты лучше эти телогрейки на свое место и никогда не зарься на вещи, добытые нечестным путем.

Однако Чжу Ба-цзе не послушался Трипитаку.

— Учитель,— обратился он к нему с умешкой.— После того как я превратился в человека, я носил не одну безрукавку, но такой, стеганой, мне носить еще не довелось. Раз вы не хотите надеть их на себя, попробую-ка я согреться хоть немного, а когда придет Сунь У-кун, отдам одну ему, и мы пойдем дальше.

— Ну, в таком случае и я надену,— заявил Ша-сэн.

Они сняли с себя свои рясы и облачились в безрукавки. Но не успели они завязать пояс, как почувствовали, что не могут стоять на ногах. Оказывается, эти самые безрукавки моментально, быстрее любых рук, туго скрутили их. Перепуганный Трипитака от негодования даже затопал ногами. Он бросился к своим ученикам, чтобы освободить их от пут, но разве в силах он был это сделать? Тут все трое затеяли такую перебранку, что потревожили злого духа.

А надо вам сказать, что все эти строения были не чем иным, как проделкой злого духа, который жил в этих местах и заманивал людей. В этот момент он как раз находился в пещере и, как только услышал крики и брань, поспешил выйти и увидел, что в ловушку к нему попало сразу несколько человек. Тогда он вызвал подвластных ему духов и одним жестом убрал все эти мнимые постройки. После этого духи схватили Трипитаку, захватили коня, вещи, а также связанных Чжу Ба-цзе и Ша-сэна и уволокли их в пещеру.

Здесь главный дух уселся на возвышении, а его слуги подвели Трипитаку и поставили его перед своим господином на колени.

— Ты откуда явился, монах? — грозно спросил дух.— Как вы посмели среди бела дня украсть мою одежду?

— Я — Танский монах и прибыл сюда из Китая,— со слезами на глазах отвечал Трипитака.— По повелению моего государя я следую в Индию за священными книгами. И вот, почувствовав голод, я послал своего старшего ученика за подаянием, но он до сих пор не вернулся. Мы же не послушали того, что он нам говорил, и, в поисках пристанища от ветра,

нарушили покой вашей священной обители. Я никак не ожидал, что мои ученики проявят страсть к ничтожным вещам и возьмут их. У меня не было дурных намерений, и я велел им отнести эти вещи обратно. Однако они не послушали меня и решили надеть эти безрукавки, но неожиданно для себя попали в ваши руки, великий князь. А вместе с ними попался и я. Умоляю вас, явите милосердие и пощадите мою жизнь, хотя бы ради того, чтобы я отправился за священными книгами. Я никогда не забуду оказанной вами милости и по возвращении в Китай буду всегда прославлять вас.

— Я не раз слышал о том, — с улыбкой отвечал дух, — что у того, кто съест хоть один кусок мяса Танского монаха, седые волосы снова почернеют, а на месте выпавших зубов вырастут новые. На мое счастье вы явились сюда сами, без всякого приглашения. Как же вы можете надеяться, что я помилю вас! А как зовут вашего старшего ученика и куда он отправился за подаванием? — спросил дух.

На этот вопрос Чжу Ба-цзе с гордостью отвечал:

— Нашего старшего брата зовут Сунь У-кун, это тот самый Великий Мудрец, равный небу, который пятьсот лет тому назад учинил буйство в небесных чертогах.

Услышав имя Сунь У-куна, старый дух немного струсил, но ничего не сказал.

«Я давно уже слышал о том, что этот парень обладает огромной волшебной силой, — подумал он, — и вот теперь совершенно неожиданно придется очевидно с ним столкнуться».

— Ребята! — приказал он, — свяжите монаха. А с тех двоих снимите талисманы, свяжите обыкновенными веревками и отнесите в дальнее помещение. Как только я схвачу старшего ученика, мы заодно вымоем их, приготовим и устроим пир на славу.

Слуги бросились выполнять приказание и, связав троих пленников, утащили их в глубь пещеры. Коня они отвели в стойло, а вещи унесли во внутреннее помещение. После этого они принялись точить свое оружие, готовясь к охоте на Сунь У-куна. Однако это уже к делу не относится.

Вернемся теперь к Сунь У-куну. В южной деревне он наполнил чашку рисом и, как мы уже говорили, оседлав облако, пустился в обратный путь. Достигнув того места на склоне горы, где они остановились, он спустился на облаке вниз, однако никаких следов Танского монаха не обнаружил и совершенно не мог понять, куда тот девался. Круг, начерченный им, оставался на прежнем месте, но внутри никого не было. Сунь У-кун огляделся, затем посмотрел туда, где они видели строения, но и там, кроме каких-то необыкновенных огромных камней, ничего не увидел.

«Ну, все ясно, — с тревогой в сердце подумал Сунь У-кун. — Они попали к злым духам».

Выйдя на дорогу, он внимательно рассмотрел, куда ведут следы коня, и помчался прямо на Запад. Пройдя около шести ли и уже потеряв всякую надежду найти своих товарищей, он вдруг услышал человеческую речь, доносившуюся с северного склона холма. Поглядев туда, он увидел какого-то старца, тело которого прикрывала войлочная одежда. На голове его была теплая шапка, на ногах — промасленные сапоги, в руках — посох с ручкой, изображавшей голову дракона. За старцем следовал молодой паренек, который держал в руках ветку воскового дерева и, спускаясь с горы, что-то напевал. Поставив чашку с едой на землю, Сунь У-кун поклонился старику и обратился к нему с такими словами:

— Разрешите задать вам вопрос, почтенный старец!

— Откуда вы пришли сюда, почтенный монах? — в свою очередь спросил старик, отвечая на приветствие.

— Я прибыл из Китая и вместе со своим учителем и двумя братьями следовал в Индию поклониться Будде и взять у него священные книги. В пути учитель проголодался, и я отправился за подаянием, оставив своих спутников на склоне холма. Я велел им непременно дожидаться меня там. Но когда вернулся, не нашел ни одного из них и представить себе не могу, куда они исчезли. Вот я и хотел спросить вас, почтенный дедушка, не видели ли вы случайно их?

Выслушав его, старик, холодно улыбаясь, спросил:

— А нет ли среди твоих приятелей одного с длинной мордой и большими ушами?

— Есть, есть, — быстро подтвердил Сунь У-кун.

— Вторым, с угрюмым лицом, вел под уздцы белого коня, на котором восседал толстый белолицый монах.

— Вот, вот, — обрадовался Сунь У-кун.

— Так вот, что я скажу тебе, вы сбились с пути. И незачем тебе искать их. Заботься теперь о самом себе.

— Да ведь белолицый монах — это и есть мой учитель! — воскликнул Сунь У-кун. — А остальные двое, у которых не совсем обычный вид, мои братья. Мы все преисполнены горячим стремлением дойти до Индии и получить там священные книги. Как же я могу не разыскивать их?

— Я только что проходил здесь, — сказал старик, — и видел, как они сбились с дороги и попали прямо в лапы злому духу.

— Почтенный старец, — продолжал Сунь У-кун, — будьте милостивы, скажите мне о каком злом духе вы говорите, где он живет: тогда я смогу пойти к нему — освободить своих товарищей, и мы все вместе будем продолжать наш путь на Запад.

— Эта гора, — сказал старик, — называется горой Золотого носорога, в горе есть пещера, которая также называется пещерой Золотого носорога. В пещере живет сам князь

Носорог. Этот злой дух обладает огромной волшебной силой и очень искусен в военном деле. Твоих спутников уже нет в живых. И если ты пойдешь разыскивать их, то боюсь, что сам попадешь в беду. Я, конечно, не смею ни уговаривать тебя, ни задерживать, но думаю, что тебе лучше было бы не ходить туда. Обдумай все хорошенько.

— Спасибо за ваши наставления, почтенный старец,— благодарил его Сунь У-кун,— но разве могу я не разыскивать моих товарищей?!

Он взял у старца пустую чашку, переложил туда кашу и отдал ему. Старик положил свой посох, взял чашку и передал ее пареньку. Затем, приняв свой настоящий вид духов-хранителей, они стали отбивать земные поклоны.

— Великий Мудрец,— сказал старик,— я не могу больше обманывать вас. Мы — духи земли и гор и ждали здесь вашего прихода. Эту чашку с едой мы возьмем для того, чтобы она не мешала вам проявлять свое волшебство. А когда вы освободите Танского монаха из беды, мы преподнесем эту чашку ему, пусть он узнает о том, как вы уважаете и почитаете его.

— Ах вы мерзкие духи, бить вас некому! — крикнул Сунь У-кун.— Почему вы раньше не вышли встречать меня? Да к тому же вздумали еще играть со мной в прятки. Что все это значит?

— Великий Мудрец, у вас очень горячий характер,— промолвил дух земли.— Поэтому мы и не посмели сказать обо всем прямо, боясь навлечь на себя ваш гнев, а решили сообщить вам намеками.

— Ну, так помните, я вас еще поколочу!—сказал, успокаиваясь, Сунь У-кун.— Смотрите, чтобы чашка была в полной сохранности! Ждите меня здесь, пока я расправлюсь с чудовищем!

Духи выполнили его приказ, а Великий Мудрец, натянув на себя сделанный из шкуры тигра плащ и туго завязав пояс из тигровых жил, с железным посохом в руках, устремился на гору, чтобы отыскать пещеру князя Носорога. Обходя гору, он увидел перед собой груды камней, а над зеленым утесом заметил каменные двери, которые охраняли духи. Их было очень много, и все они размахивали копьями и мечами. О, что за зрелище представилось глазам Сунь У-куна:

Как яшма, дымно стынут облака,
И мох зеленый покрывает скалы,
Встают утесы каменной грядой:
Дорога вьется через перевалы.

Пернатых крики. Визги обезьян..
Луань и феникс пляшут прихотливо.
Под солнцем вдруг зазвенел бамбук,
Пригрета солнцем, распустилась слива.

Но что там под утесами сейчас
И что в потоках, мчащихся в теснинах?
В тени утесов снег лежит горой,
Вода потоков — вся в тяжелых льдинах.

В двух рощах сосны с кедрами встают,
В своей красе, извечно горделивой,—
На склонах чая горного кусты
Краснеют одинаково красиво.

Долго не мог налюбоваться Великий Мудрец горными видами. Но наконец он оторвался от этой великолепной картины и быстро направился ко входу в пещеру.

— Эй вы, бесы! — громко крикнул он. — Бегите скорее к своему хозяину, если вам дорога жизнь, и доложите, что сюда прибыл ученик святейшего Танского монаха — Великий Мудрец, равный небу, — Сунь У-кун. Скажите ему, чтобы он немедленно освободил моего учителя!

Духи опроретью бросились в пещеру.

— Великий дух, — промолвили они, — к пещере подошел какой-то монах. Он весь оброс волосами, морда у него крючком. Он назвал себя Великим Мудрецом, равным небу, — Сунь У-куном, и требует, чтобы ему выдали Танского монаха.

— Вот и хорошо, что он явился сюда, — выслушав их, сказал дух, обрадовавшись. — С тех пор как я спустился из своих небесных чертогов на землю, мне еще ни разу не приходилось драться; а он вполне достойный противник для меня.

И он приказал своим слугам подать ему оружие. Слуги бросились выполнять его приказ и быстро притащили огромное стальное копьё длиной в два чжана.

— Ну, вот что, ребята! — обратился к ним дух. — Выстраивайтесь и следуйте за мной! Тот, кто выступит в первых рядах, — будет награжден. Тех же, кто попытается отступить, — я казню.

Подчиненные последовали за ним и вышли из пещеры.

— Кто здесь Сунь У-кун? — заорал дух.

Сунь У-кун выскочил откуда-то со стороны и посмотрел на духа. Что за безобразный вид был у этого чудовища!

Единственный рог был изогнут,
Поблескивал яростный взор
И лоснились черные уши,
Вставал на макушке бугор.

Из пасти, раскрытой широко,
Болтался, свисая, язык,
И зверь языком своим длинным
Облизывать морду привык.

Из гнусной разинутой пасти,
Желтея, торчали клыки,
А шкура была темно-синей,
Как сталь, были мышцы крепки.

Не тот носорог он, чья кожа
Блестящей и темной была,
Такой, что в реке полуночной
Свой цвет отразить не могла.

Серпа золотого на небе
Для облачной жатвы не брал,
И буйволу не был подобен,
Который в упряжке пахал.

Не мог он распахать поле,
Как буйвол, при свете луны,
Но были великие силы
Ему для обманов даны.

Он мог бы обманывать небо,
Земли потрясал он покой,
Стальное копье подымал он
Костлявою синей рукой.

Тому, кто увидит воочью
И облик ужасный и рог,
Возможно узнать, что название
Чудовищу — князь Носорог.

— Твой почтенный дед — Сунь У-кун здесь, — сказал Сунь У-кун, выступив вперед. — Сейчас же освободи моего учителя тогда никто из вас не пострадает. Если же ты вздумаешь ослушаться, то я расправлюсь с тобой так, что и костей твоих не соберут.

— Ах ты наглая, дерзкая обезьяна! — крикнул разгневанный дух. — Да как ты смеешь так разговаривать со мной! Какой вред можешь ты мне причинить?!

— Ты — мерзкое чудовище! — заорал в свою очередь Сунь У-кун. — Ты еще не знаешь, на что я способен!

— Твой учитель украл у меня одежду! — продолжал кричать дух: — И я поймал его на месте преступления. За это я поджарю его и съем. А ты что за герой, как смел явиться сюда и требовать, чтобы я его освободил?

— Мой учитель — монах необычайной честности и добродетели, — сказал на это Сунь У-кун. — Как же ты можешь обвинять его в том, что он украл вещи у такой нечисти, как ты?

— На горной дороге я создал видимость селения, а твой учитель проник туда и, обуреваемый духом стяжательства, вместе со своими учениками украл у меня три безрукавки, которые они тут же надели. Я поймал их на месте преступления. Но раз ты говоришь, что обладаешь какими-то способ-

ностями, давай померяемся силами. Если в течение трех схваток удастся одолеть меня, я сохраню жизнь твоему учителю. Ну, а в противном случае отправлю и тебя в царство мрака.

— Низкое ты чудовище! — с усмешкой отвечал Сунь У-кун. — Не следовало бы тебе лезть на рожон. Но раз ты сам этого желаешь, мне остается только радоваться. Выходика поскорее и отдавай моего посоха!

Но разве мог он утрашить духа! Тот смело выступил вперед и, подняв свою стальную пику, ринулся на противника. И тут между ними разгорелся отчаянный бой.

С высоты обрушивал удары
Посох в золоченых ободках,
Длинное копьё в бою встречало
Посоха летящего размах.

Посох с золотыми ободками
Молнии подобился в бою,
С блеском ослепительным рязящей
Золотую злобную змею.

А копьё подобилось дракону,
Выходящему из черных вод;
Громко духи били в барабаны,
И рядами охраняли вход.

Выстроились в боевых порядках...
Что за сила грозная была!
Проявлял Мудрец Великий доблесть.
Совершал геройские дела.

Но и демон бился беспримерно,
Направляя длинное копьё.
А Мудрец показывал в сраженьё
Дарованье чудное свое.

Утверждать поистине возможно,
Что с героем встретился герой:
Первый выдыхал и дым и пламя,
Радугю ослеплял второй.

Встречей двух противников достойных
Оказался смертный этот бой:
Только из-за Танского монаха
Спорили они между собой.

Уже раз тридцать схватывались противники друг с другом, однако так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Дух, видя, что Сунь У-кун действует своим посохом по всем правилам военного искусства и даже близко не подпускает к себе, не удержался, чтобы не высказать своего одобрения противнику.

— Вот молодец обезьянка! — крикнул он. — Теперь понятно, что благодаря своим способностям ты мог нарушить покой даже в небесных чертогах.

Сунь У-куну тоже понравилось, как ловко орудует противник своим копьём, легко отражая удары.

— Молодчина дух! — крикнул в свою очередь Сунь У-кун. — Теперь я вижу, что ты и есть тот дух, который выкрал пилюлю бессмертия.

Они сходились друг с другом не менее ста двадцати раз, как вдруг дух воткнул свое копьё в землю и призвал на помощь своих подчиненных. По его приказу вся эта свора нечисти с мечами и копьями ринулась вперед и окружила Великого Мудреца. Однако Сунь У-кун ни капельки не испугался.

— Давай, давай! — крикнул он. — Этого только я и ждал!

И он ринулся им навстречу со своим посохом. Отбивая удары с одной стороны, он сам наносил их с другой. Однако духи не отступали. Тут Сунь У-кун рассвирепел. Подбросив свой посох в воздух, он крикнул:

— Изменись!

И в тот же миг посох превратился в тысячи других посохов, которые заполнили весь воздух и, словно тысячи змей, полетели вниз. Это повергло всех духов в ужас: съжившись от страха, они ринулись в пещеру, спасая свою жизнь.

— Не следует тебе, обезьяна, вести себя столь невежливо, — язвительно хихикая, сказал дух. — Посмотри же теперь, на что я способен!

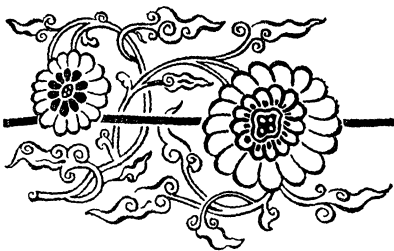
С этими словами он поспешно вынул из рукава блестящий белый круг и, бросив его вверх, приказал: «Изменись!»

Круг с шумом полетел вниз и, схватив посох с золотыми обручами, утащил его прочь. Лишившись оружия, Сунь У-кун перекувыркнулся и, спасая свою жизнь, побежал прочь. А дух, одержав победу, вернулся в пещеру.

Сунь У-кун не знал, что делать.

Однако чем кончилась вся эта история, вы можете узнать из следующей главы.





ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 3. *Три острова небожителей* — по преданиям, являлись обиталищем бессмертных.

Стр. 4. *Восемь раз поклониться* — значит выразить особое уважение.

Стр. 7. *Тридцать шесть небес* — образное выражение; значит — побывать повсюду.

Стр. 8. *Журавль* — священная птица. Символ долголетия. На журавлях, по преданию, летали боги и небожители.

Луань — сказочная птица с ярким оперением.

Стр. 9. *Три звезды* — звезда счастья, звезда благополучия и звезда долголетия.

Стр. 10. *Остров Фанчжан* — один из трех островов, на которых, по преданию, обитают небожители.

Чжи — сказочное растение. Символ долголетия. Часто изображают оленя с веткой этого растения в зубах.

Резьба Чжуань — древнее письмо, изобретенное при династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.). Впоследствии употреблялось только на печатях и гравировках на художественных изделиях.

Стр. 11. *Линшань* — священная гора; у даосов это остров Пэнлай, у буддистов — гора Гиджакута, в центральной Индии.

Стр. 13. *Материк Годанья* — санскритское название одного из четырех материков по буддийской космологии.

Иньжоу — один из священных островов в Восточном море; обитель бессмертных.

Стр. 23. *Шао-яо*. — Водяной каштан, корни которого употребляются как тоническое средство.

Стр. 30. *Пэн-цзу* — китайский Мафусаил: по преданию, жил 800 лет.

Стр. 33. *«Когда нет птиц...»* — соответствует пословице: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

Стр. 36. *Эрлан* — могучее божество, покорившее Суинь У-куна в бою.
Мэйшань.— Под этим названием известно несколько гор. Одна из них находится в провинции Хунань, другая — в провинции Хэнань и две горы в провинции Аньхуэй. На одной из последних двух, по преданиям, находилась обитель бессмертных.

Стр. 40. *Ню-тоу* — Демон с головой быка. Служитель Владыки Лада Янь-вана.

Стр. 41. *Гуань-гуй* — лучшая корица. *Фуцзы* — ядовитые семена растения «волчий корень», употребляемые в качестве укрепляющего средства. *Бинь-лан* — дерево арек.

Стр. 45. *Якша* — демоны, выполняющие роль посланцев или патрулирующей охраны.

Уши свисают на плечи — символ храбрости.

Стр. 49. *Сынок*.— Назвать собеседника сыном или самого себя отцом или дедом собеседника, значит, нанести ему оскорбление.

Стр. 66. *Нормы отношений между людьми* («У-лунь»).— Пять норм общественных и семейных отношений: отношения между государем и подданными, отцом и сыном, мужем и женой, братьями, друзьями.

Стр. 69. *Цзы Цзянь*.— Имеются в виду семь выдающихся литераторов в эпоху Цзянь-ань (196—220 гг.).

Пань Ань — имя человека, прославившегося своей красотой.

Стр. 73. *Пиба* — четырехструнный музыкальный инструмент.

Стр. 85. *Цзинь и Му* — Цзинь-гун и Му-му. Под этими именами иногда выступают в романе Суинь У-кун и Чжу Ба-цзе.

Стр. 98. «*Сань-люе*» — военный трактат; составлен древним полководцем Хуан Ши-гуном.

«*Лю-тао*» — военный трактат, написанный полководцем Цзян Тай-гуном.

Стр. 105. *Праджна парамита* (санскр.) *сутра*.— Одна из освященных буддийских книг о достижении нирваны. Буквальный перевод: Сутра о высшей мудрости, нравственном и духовном совершенстве.

Государство Шэли.— Шэли — транскрипция санскритского слова Шарира. В переводе: драгоценные останки Будды. Здесь: страна Будды.

Стр. 108. *Сюань-у*, он же Чжэнь-у.— Темный дух, или бог севера. Даосы почитают его как высшего небесного владыку. Изображается с распущенными волосами, босоногий и с мечом в руках. Перед ним вывешивается черное знамя, а по бокам от него стоят два полководца в виде черепахи и змеи.

Шэнь-нун — один из легендарных императоров Китая (2838 г. до н. э.). Ему приписывают изобретение земледелия.

Стр. 119. *Цзинь-чан* — одно из имен, под которым в романе выступает Танский монах. В переводе: законоучитель, приближенный к императору. Аскет.

Стр. 120. *Три жертвенных животных* — рыба, свинья и курица.

Стр. 129. *Эмэй* — священная гора в провинции Сычуань.

Тайшань — одна из священных гор в провинции Шаньдун.

Три души — По даосским верованиям, в теле человека обитают три

души, которые управляют телом, сердцем и разумом, то есть физической природой человека, его чувствами и рассудком. Одна из них находится в голове, вторая — в желудке, третья — в ногах.

Семь отверстий — глаза, уши, нос, рот.

Стр. 148. *Гора Бошань* — гора в провинции Шаньдун.

Повернулся лицом к югу. — Лицо к югу обращали правители и императоры.

Стр. 160. *Богиня Нюй-ва*, или Нюй-гуа, — по преданию, сестра легендарного императора Фу Си. Имела тело змеи и человеческую голову. За один день совершала семьдесят превращений. Легенда рассказывает, что во время битвы титанов, когда один из них, Кан Хуэй, опрокинул гору Бучжоу и на северо-западе обвалилось небо, Нюй-ва расплавила камни и починила небо. Ей приписывается еще много чудес, в том числе создание человека из куса глины.

Стр. 162. *Вэнь-ван* — основатель династии Чжоу (1122—256 гг. до н. э.). По преданию, написал комментарий к «И-цзиню» («Книге перемен»), одной из пяти древних классических книг.

Гуй Гу-цзы — родоначальник школы политических софистов времен Чжан-го и эпохи воюющих царств (403—221 гг. до н. э.). Происходит из удела Чу. Известен также под именем Гуй-гу сян-шэн. Написал труд под названием «Гуй-гу-цзы».

Стр. 174. *Небо Дало.* — Далотянь — даосское небо, обнимающее все мироздание и заключающее в себе даосскую троицу. Небесный свод.

Стр. 177. *Сакья-муни.* — Будда; по преданию, основатель буддизма. Эти стихи построены на непередаваемой игре слов, возможной только при иероглифическом письме, где названиями цветов и лекарственных растений заменены имена Танского монаха и его спутников. Отдельные иероглифы, обозначающие цветы и растения, в переводе дают намек на характер того или иного героя.

Стр. 179. *Бэйе* — буддийские священные книги.

Буддийская троица, или три драгоценности буддизма. — Под тремя драгоценностями буддизма подразумеваются: Будда, его учение и монашество. Эти три драгоценности обожествлены и почитаются как божества.

Стр. 180. *Чиго, Довэнь, Цзэнчжан, Гуан-му* — четыре небесных князя.

Стр. 181. *Пилу* — особый головной убор буддийских монахов.

Стр. 189. Комнаты или залы для созерцания у буддистов помещены в храме.

Стр. 196. *Дун-юэ* — второе наименование священной горы Тай-шань, которая находится в провинции Шаньдун.

Вэнь-чан — пять звезд, составляющих часть Большой Медведицы.

Вэнь-чан дицзюнь — бог литературы, который, по преданию, живет на звездах.

Стр. 197. *Великий Юй.* — Имя легендарного основателя династии Ся (2205 гг. до н. э.).

Стр. 217. *Сяо Хэ* — земляк и сподвижник Лю Бана, основателя Ханьской династии (206 г. до н. э.—220 г. н. э.), царствовавшего под девизом Гао-цзу (206—194 гг. до н. э.), Сяо Хэ помогал Лю Бану в устройстве

государства. За свои заслуги был награжден большим уделом Цзань-хоу. Умер в 193 году до н. э.

Стр. 237. *Ли Ши-минь* — имя Танского императора (627—650 гг.).

Стр. 238. *Чжэнь-гуань* — название годов правления Ли Ши-мина.

Стр. 242. *Манджурта бодисатва* — в китайской транскрипции Вэньшупуса. Бодисатва мудрости. Народ отождествлял его с богом мудрости. Его изображение верхом на льве является символом храбрости.

Стр. 266. *Шань-цай лан* — сын, по другим источникам — ученик Будды.

Стр. 267. *Суй-жэнь* — имя легендарного правителя, который, по преданию, изобрел огонь.

Самади (санскр.) — высшее состояние экстаза, достигаемое посредством самосозерцания, после которого верующий переходит в другой мир или уничтожается огнем самади.

Стр. 269. *Дух Тай-и* — дух великого исхода, от которого берет начало все живое.

Стр. 270. *Юань шу-ми* — государственный советник. Морская черепаха.

Гуй сян-гун — сановник Черепаха.

То чэн-сян — первый министр — Морская ящерица.

Бе цзун-жун — полководец Черепаха.

Стр. 271. *Нянь Вай-лан* — сановник Сом.

Стр. 274. *Три перегородки* — затылок, спинной хребет, крестцовая кость.

Стр. 283. *Син* — восьмой из десяти циклических знаков «Небесные пни»; эти знаки в сочетании с двенадцатью циклическими знаками «Земных ветвей» образуют шестидесятилетний цикл исчисления времени.

Ю — десятый из двенадцати циклических знаков «Земные ветви».

Стр. 284. *Чжан Дао-лин*. Основатель и глава даосской религии. Имеет также посмертное имя Чжан тянь-ши, что в переводе значит: «Небесный наставник Чжан».

Стр. 286. *Цзинь Чан-цзы* — в переводе: «Золотой кузнечик». Одно из имен Трипитаки.

Стр. 287. *Фу-си* — легендарный император (2852—2738 гг. до н. э.). По преданию, изобрел иероглифическую письменность, заимствовав ее с таинственных знаков, которые он якобы видел на панцире черепах; также изобрел способ приготовления пищи на огне.

Стр. 289. *Путо* (от инд. Поттала). — Гора, известная также под наименованием Путошань, Путолоцзяшань, Лоцзяшань — местопребывание бодисатвы Гуаньинь.

Стр. 290. *Небесный князь с пагодой в руках* — один из четырех небесных князей — князь Вайсравана.

Стр. 300. *Искоренение шести зол*. — Шесть зол — это шесть источников ощущений: цвет, звук, запах, вкус, осязание и разум, приводящие душу к гибели.

Стр. 305. *Тай-суй* (или Му-син). — Звезда. Название планеты Юпитер.

Стр. 308. *То-цзе* — аллигатор, который нравственно совершенствует себя, стремясь обрести бессмертие.

Стр. 329. *Даодэцзин* — философский труд, приписываемый Лао-цзы (VI в. до н. э.). Переведен на русский язык.

Стр. 342. *Двадцать восемь созвездий* — двадцать восемь созвездий китайского зодиака.

Стр. 347. *Хоу и Бо* — вторая и третья степень феодальных дворянских титулов. Обычно переводятся как маркиз и граф.

Стр. 348. *Течашань* — гора Железная вилка.

Стр. 359. *Амигофо* — Амиитаба; одно из наиболее популярных имен Будды в Китае.

Стр. 360. *Чжуннаньшань* — другое название Куэньлунских гор.

Стр. 361. *«Покупатель сам идет...»* — то есть люди сами ищут своей гибели.

Стр. 367. *Лэй-инь* — гора или храм Раскатов грома. Место пребывания Будды.

Стр. 382. *Бог Гуань* — бог войны. Имеет различные наименования: Гуань-ди, Гуань-гун, Гуань-шэн, Гуань-лао-е и Гуань Фу-цзы. Под этими именами подразумевается один из героев романа «Троецарствие» — Гуань Юй, сподвижник Лю Бэя, который после смерти был канонизирован в святые.

«Слива Хуан-мэй...» — Здесь игра слов, основанная на том, что Хуан-мэй, или Ла-мэй, — поздняя слива, а Цин-мэй — ранняя. Имеются в виду старость и молодость.

Стр. 394. *У* и *Чу* — названия древних царств.

Стр. 424. *«Нанькэ-цзи»* — имеется в виду сочинение танского писателя Ли Гун-цзо: «Нанькэ-цзи» — «Записки о стране Нанькэ», в которых описывается жизнь человека, ставшего правителем страны Нанькэ. Но поскольку такой страны вообще не существовало, то выражение «увидеть страну Нанькэ» употребляется метафорически, в смысле: сон, пустые мечты.

Стр. 428. *Ли* — растение Марь белая. Род лебеды.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава двадцать шестая</i> , повествующая о том, как Сунь У-кун искал на Трех островах небожителей средство для возрождения дерева жизни и как бодисатва Гуаньинь оживила это дерево святой водой	3
<i>Глава двадцать седьмая</i> , из которой вы узнаете о том, как дух Трупa трижды преграждал путь Сюань-цзану и как Сюань-цзан, разгневавшись на прекрасного Царя обезьян, прогнал его от себя	20
<i>Глава двадцать восьмая</i> , повествующая о том, как на горе Цветов и плодов собрались духи и волшебники и как Сюань-цзан повстречал в лесу Черной сосны оборотня	35
<i>Глава двадцать девятая</i> , из которой вы узнаете о том, как паломники, избавившись от гибели, прибыли в государство Баосянго и как Чжу Ба-цзе, преисполненный благодарности за оказанный прием, возвратился в горы для борьбы с волшебником	51
<i>Глава тридцатая</i> , повествующая о том, как злой дух посягнул на истинное учение и как конь-дракон вспомнил о мятущейся обезьяне	66
<i>Глава тридцать первая</i> , повествующая о том, как Чжу Ба-цзе, сохраняя верность, привел в возбуждение Царя обезьян и как Сунь У-кун мудростью покорил духа	85
<i>Глава тридцать вторая</i> , повествующая о том, как дух — страж времени на горе Пиндишань предупредил об опасности и как у пещеры Лотоса Дурень попал в беду	104
<i>Глава тридцать третья</i> , повествующая о том, как последователи ложного учения ввели в заблуждение Танского монаха и как высшие небесные силы помогли паломникам избавиться от гибели	123

<i>Глава тридцать четвертая</i> , повествующая о том, как, несмотря на всяческие ухищрения, князь демонов все же не смог достичь своей цели и как Великому Мудрецу обманным путем удалось заполучить талисманы	140
<i>Глава тридцать пятая</i> , повествующая о том, как последователи ложного учения проявили свое могущество, чтобы унижить последователей истинного учения, и как хитроумная обезьяна, завладев талисманами, победила злых духов	158
<i>Глава тридцать шестая</i> , повествующая о том, как хитроумная обезьяна заставила подчиниться все существа и как через раскрытые двери она любовалась яркой луной	175
<i>Глава тридцать седьмая</i> , повествующая о том, как умерший государь ночью посетил Танского монаха и как Сунь У-кун, применив волшебную силу, заманил в храм наследного принца .	194
<i>Глава тридцать восьмая</i> , рассказывающая о том, как из разговора с матерью наследник престола узнал, где правда и где ложь и как Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе, проникнув в тайну, установили, где истина и где обман	212
<i>Глава тридцать девятая</i> , из которой вы узнаете о том, как Сунь-У-кун получил пилюлю бессмертия и как был возвращен к жизни правитель, погибший три года назад	228
<i>Глава сороковая</i> , повествующая о том, как дух по прозвищу Красный ребенок смутил сердца, отрекшиеся от мира, и как обезьяна возвратила Чжу Ба-цзе на путь Истины	245
<i>Глава сорок первая</i> , рассказывающая о том, как беспокойная обезьяна была покорена огнем и как Чжу Ба-цзе был захвачен волшебником	262
<i>Глава сорок вторая</i> , повествующая о том, как Великий Мудрец отправился к Южному морю и как бодисатва Гуаньинь явила милосердие и усмирила волшебника	280
<i>Глава сорок третья</i> , повествующая о том, как дракон Черной реки захватил монаха и как сын царя Западного моря усмирил дракона	293
<i>Глава сорок четвертая</i> , в которой повествуется о том, как буддийские монахи по воле судьбы вынуждены были таскать тачки и как Сунь У-кун избавил их от тяжелой доли	317
<i>Глава сорок пятая</i> , повествующая о том, как в храме даосских божеств Сунь У-кун оставил о себе память и как Царь обезьян проявил волшебную силу в государстве Чэчиго	324
<i>Глава сорок шестая</i> , повествующая о том, как последователи еретического учения приложили все силы к тому, чтобы обмануть последователей истинного учения, и о том, как беспокойный Царь обезьян проявил мудрость и расправился со злыми духами	352
<i>Глава сорок седьмая</i> , повествующая о том, как преподобные монахи ночью встретили преграду в виде реки, Достигающей неба, и как Цзинь-гун и Му-му, проявив милосердие, решили спасти детей	370

<i>Глава сорок восьмая</i> , из которой вы узнаете о том, как дух Лиц-гань послал метель с холодным ветром и как Трипитака, все помыслы которого были устремлены к единой цели, отправился по льду через реку	388
<i>Глава сорок девятая</i> , повествующая о том, как Трипитака был погребен в водном царстве и как бодисатва Гуаньинь спасла его, выловив рыбу-чудовище	405
<i>Глава пятидесятая</i> , в которой говорится о том, как страсти вносят сумятицу в чувства и мысли и как от смятения духа человек попадает в руки дьявола	424
Примечания	440

У Ч Э Н - Э Н Ъ
Путешествие на Запад,
том 2

Редактор *С. Хохлова*
Художественный редактор *Г. Клодт*
Технический редактор *М. Позднякова*
Корректоры *Г. Сурис* и *А. Шлейфер*

Сдано в набор 10/X 1958 г.
Подписано к печати 25/XII 1958 г. А10739
Бумага $60 \times 92 \frac{1}{16}$ = 28 печ. л. 29,35 уч.-изд. л.
+ 4 вкл. = 29,59. Тираж 30 000. Заказ № 2396.
Цена 9 р. 70 к.

Гослитиздат.
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза,
Москва, Ж-54, Валуевая, 28.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Нужно читать
------	--------	------------	--------------

22	5 сверху	... где тут есть жилое где тут есть жилье ...
----	----------	-------------------------------	-------------------------------

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Нужно читать
------	--------	------------	--------------

32	2 снизу	«Теперь можно до трех раз».	«Терпеть можно до трех раз».
----	---------	--------------------------------	---------------------------------

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Нужно читать
------	--------	------------	--------------

76	3 снизу	... швырнул в ме- ня фонарем швырнул в не- го фонарем
----	---------	-------------------------------------	---------------------------------



Танский монах Сюань-цзай и Сунь У-кун



Настоятель монастыря Цзин-шань и отшельник У-чао



Сунь У-кун, Ша-сэнь и Чжу Ба-цзе



Ди-цзан-ван, отшельник У-чао и дух — хранитель буддизма Цзя-лань

УЧЭН-ЭНЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД

95-70